

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ТОМАС
ЭСБРИДЖ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Томас Эсбридж

ВОЙНЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ЗА СВЯТУЮ
ЗЕМЛЮ

ТОМАС ЭСБРИДЖ

КРЕСТОВЫЕ
ПОХОДЫ

THOMAS ASBRIDGE

THE CRUSADES

THE WAR FOR
THE HOLY LAND

ТОМАС ЭСБРИДЖ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ВОЙНЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЗА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)4
Э84

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Э84 **Эсбридж Томас**
Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.:
ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 733 с.

ISBN 978-5-227-04474-7

Британский историк Томас Эсбридж в своей книге ведет рассказ о Крестовых походах — войнах за господство над Святой землей, регионом, священным как для христиан, так и для приверженцев мусульманской веры, — которые велись на протяжении двух столетий. В них участвовали такие выдающиеся личности, как Ричард Львиное Сердце, Людовик IX, Филипп-Август, Занги, Бейбарс и многие другие. Рассматривая историю кровавой борьбы с точки зрения и христиан, и мусульман, автор тем самым избегает в повествовании предвзятости. Большое внимание он уделяет и урокам этих походов, предостерегая об опасности исторического параллелизма.

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)4

Copyright © 2010, 2012 by Thomas Asbridge
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04474-7

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ВОЙНЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЗА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Введение

МИР КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Девятьсот лет назад христиане Европы провели ряд священных войн — Крестовых походов — против мусульманского мира, сражаясь за господство над регионом, священным для обеих вер — Святой землей. Эта кровавая борьба продолжалась два столетия, изменив историю ислама и Запада. В ходе масштабных экспедиций сотни тысяч крестоносцев стремились завоевать и затем защитить небольшую полосу территории вокруг священного города Иерусалима. Их возглавляли такие люди, как воинственный король Англии Ричард Львиное Сердце и набожный французский монарх Людовик IX. Их подданные участвовали в жестоких осадах и ужасных сражениях, шли через бескрайние леса и выжженные солнцем пустыни, страдая от голода и болезней. Они видели легендарных византийских императоров и шагали рядом с грозными тамплиерами. Умершие считались мучениками, а те, кому удалось выжить, верили, что испытания сражений и паломничества очистили их души от грехов.

Приход крестоносцев поднял ислам на борьбу, снова пробудил преданность делу джихада. Мусульмане из Сирии, Египта и Ирака старались вытеснить своих христианских противников со Святой земли. Борьбу с ними вел безжалостный военачальник Занги и могущественный Саладин, ее поддерживали султан Бейбарс и его элитные солдаты — мамлюки, оказывали помощь даже безжалостные ассасины. Годы кон-

фликтов породили более близкое знакомство, временами даже неохотное уважение и мирные контакты — перемирия и торговлю. Но проходили десятилетия, пламя конфликта разгоралось снова, и чаша весов стала медленно склоняться в пользу ислама. И хотя мечта о победе христианства продолжала жить, мусульманский мир занял более прочное положение, обеспечив длительное владение Иерусалимом и всем Ближним Востоком.

Драматическая история борьбы христианства и ислама всегда воспламеняла воображение и вызывала ожесточенные споры. В течение многих веков Крестовые походы трактовались по-разному. Их называли доказательством недалекости религиозной веры и изначального варварства человеческой природы, а также славным проявлением христианского рыцарства и цивилизующего колониализма. Их представляли темным эпизодом европейской истории, когда алчные орды западных варваров без всякого повода напали на более культурных и ни в чем не повинных представителей ислама, и войнами, спровоцированными мусульманской агрессией и ведомыми для восстановления христианской территории. Сами крестоносцы изображались как жестокими дикарями, жаждущими захватить новые земли, так и набожными, удивительно благочестивыми солдатами-пилигримами, а их мусульманские противники — злыми тиранами — угнетателями, пылкими фанатиками, а также воплощением чести и милосердия.

Средневековые Крестовые походы также использовались для формирования тесных связей между недавними событиями и далеким прошлым, а также в сомнительной практике исторического параллелизма. Так, в XIX веке французы и англичане использовали память о Крестовых походах для утверждения своего имперского наследия, а XX и XXI века стали свидетелями углубления в некоторых частях мусульманского мира тенденции приравнивать современную политическую и религиозную борьбу к священным войнам, имевшим место девятью веками раньше.

В предлагаемой читателю книге история Крестовых походов исследуется и с точки зрения христиан, и с позиции мусульман. Особое внимание уделяется борьбе за овладение Святой землей. В ней описывается, что испытали средневековые авторы в Крестовых походах и как их вспоминали*. Книга опирается на удивительно богатый документальный материал — хроники, письма, официальные документы, поэмы и песни, на латинском, старофранцузском, арабском, армянском, сирийском и греческом языках. Причем речь идет не только о текстах. Исследование предметов материальной культуры — от впечатляющих замков до небольших иллюстраций в манускриптах и мелких монет — пролило новый свет на эру Крестовых походов. Все работы неизменно проводились на высочайшем научном уровне¹.

Собрать историю Крестовых походов на Святую землю 1095—1291 годов в одной доступной книге — задача нелегкая. Но вместе с тем в ней кроются удивительные возможности. Шанс проследить размах событий, раскрывающих внутреннюю сущность человеческого опыта через агонию и ликование, ужас и триумф; составить график переменчивой удачи и восприятия ислама и христианства. Также возможно поставить ряд важнейших, взаимосвязанных и всеобъемлющих вопросов об этих эпохальных священных войнах.

Исход дела всегда напрямую связан с его началом, поэтому причины войн за Святую землю имеют первостепенную важность. Как две величайшие мировые религии пришли к пропаганде насилия от имени Бога, убеждая своих сторонников, что борьба за веру откроет для них ворота рая? И почему многие тысячи христиан и мусульман откликнулись

* Даже сегодня многие истории Крестовых походов, написанные западными учеными, окрашены (сознательно или нет) предвзятостью, поскольку авторами являются христиане. Эта присущая историческим трудам пристрастность может проявляться сравнительно слабо, например, в решении описать исход сражения как победу или поражение, триумф или трагедию. В настоящей книге я сделал попытку противостоять этой тенденции, излагая события то с точки зрения европейского христианина, то с точки зрения ближневосточного мусульманина. В центральной части книги, в которой говорится о Третьем крестовом походе, чередуются два его главных действующих лица — Ричард Львиное Сердце и Саладин. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

на призыв к Крестовому походу и джихаду, отлично зная, что они могут столкнуться с невероятными трудностями, страданиями и даже смертью? Также крайне важно понять, был ли Первый крестовый поход, начатый в конце XI века, актом христианской агрессии и что сохранило цикл религиозного насилия на Ближнем Востоке на последующие двести лет.

Итоги и влияние священных войн не менее важны. Была ли эра Крестовых походов периодом безусловного и полного разлада, явившегося продуктом столкновения цивилизаций, или в нем были вскрыты потенциальные возможности сосуществования и конструктивного межкультурного диалога между христианством и исламом? Мы, конечно, должны поставить вопрос: кто в конце концов выиграл войну за Святую землю и почему, но значительно важнее понять, как эра конфликтов повлияла на ход истории и почему эти древние сражения вплоть до сегодняшнего дня бросают тень на современный мир.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

В году 1000-м графством Анжу (в западной части Центральной Франции) правил Фульк Нерра (987—1040), жестокий и алчный воин. Большую часть тех пятидесяти трех лет, что был у власти, Фульк провел в практически постоянных сражениях: он воевал на всех мыслимых фронтах, чтобы сохранить контроль над своим неуправляемым графством, интриговал, чтобы сохранить независимость от немощной французской монархии, и нападал на соседей ради земли и добычи. Этот человек был привычен к насилию и на поле брани, и за его пределами: он сжег на костре свою жену за измену и организовал безжалостное убийство королевского придворного.

Но, несмотря на то что руки у него были в крови, Фульк был горячо верующим христианином, понимающим, что его жестокие методы, согласно доктринам веры, греховны и могут стать причиной вечного проклятия. Сам граф признал в

письме, что «пролил много крови в разных сражениях» и теперь охвачен «страхом ада». Надеясь очистить душу, он совершил три паломничества в Иерусалим, который располагался в 2000 милях от его родного графства. Говорят, что во время последнего из этих путешествий Фулька, который был уже старым человеком, привели нагим к Гробу Господню — месту, где умер и воскрес Христос, — с цепью на шее. Он молил Христа о прощении, а слуга в это время бил его².

Что подтолкнуло Фулька Нерра к таким радикальным актам раскаяния и почему его история полна столь диких жестокостей? Даже его современники были шокированы садизмом графа и странным религиозным рвением, так что его жизнь, судя по всему, все же не типична для Средневековья. Но его опыт и склад ума отражали силы, сформировавшие Средние века и породившие движение крестоносцев. Именно такие люди, как Фульк — равно как и многие его потомки, — стояли в первых рядах священных войн.

Западная Европа в XI веке

Многие из тех, кто жили, как Фульк Нерра, в начале XI столетия, опасались, что являются свидетелями последних мрачных и отчаянных дней человечества. В начале 1030-х годов страх апокалипсиса достиг кульминации. Тогда считалось, что тысячелетняя годовщина смерти Христа станет преддверием Страшного суда. Один летописец в то время писал: «Хаос сменил законы, правившие миром. Все знали, что пришел конец света». Это очевидное беспокойство помогает объяснить столь бурное раскаяние Фулька. Хотя с графом и его людьми все было несколько сложнее. Они хранили коллективную память о золотом веке, когда христианские императоры правили от имени Господа, принося в мир порядок, соответствующий Его Божественной воле. Этот смутно представляемый идеал никоим образом не был идеальным воспоминанием о европейской истории, но он вмещал частички правды.

Римское императорское правление обеспечивало стабильность и достаток на Западе вплоть до IV века н. э. На Востоке

Римская империя существовала до 1453 года и управлялась из великого города Константинополя, основанного в 324 году Константином Великим, первым императором, обратившимся в христианство. Сегодня историки называют это прочное государство Византийским. На Западе между V и VII веками власть перешла к приводящей в замешательство массу «варварских» племен, но около 500 года одна из таких групп — франки — установила контроль над Северо-Западной Галлией, основав королевство, названное Франкия (от него пошло название современной Франции)*. К 800 году потомок франков Карл (768—814) объединил под своим правлением такую обширную территорию (в том числе современную Францию, Германию, Италию и Нидерланды**), что вполне мог претендовать на титул императора Запада. Карл и его преемники Каролинги обеспечили короткий период безопасности, но их империя не выдержала бесконечных войн за престол, натиска скандинавских викингов и мадьяр из Восточной Европы. Начиная с 850 года и далее Европа снова оказалась разбитой на части политическими распрями, войной и беспорядками. Воинственные германские короли все еще претендовали на императорский титул, а французский королевский дом отчаянно пытался выжить в своем урезанном королевстве. К XI веку Константин и Карл уже стали легендами, воплощением далекого прошлого. На протяжении всей истории средневековой Европы многие христианские короли надеялись повторить их достижения или подражать им — среди них те, кто сражался в Крестовых походах.

К началу времени Фулька Нерра Запад постепенно возрождался после посткаролингской эпохи упадка (несмотря

* В 1095 году, когда начались войны за Святую землю, Франция оказалась центром крестоносного движения. Но хотя далеко не все крестоносцы были французами, современники, описывавшие эту эпоху, особенно жившие, как мусульмане, за пределами Западной Европы, имели обыкновение называть всех христиан, участвовавших в священных войнах, «франками». Поэтому крестоносцев и западноевропейцев, которые обосновались на Ближнем Востоке, обычно называют франками.

** Имеются в виду Нидерланды исторические, включавшие территории современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, а также некоторые области Северной Франции. (*Примеч. ред.*)

на предсказания, Армагеддона так и не случилось), но что касается политической и военной силы, а также социальной и экономической организации, многие регионы были в высшей степени раздробленными. Европа не была разделена на национальные государства в современном понимании. Вместо этого территории Германии, Италии, Испании и Франции были поделены на множество мелких политических образований, где властвовали весьма воинственные правители, большинство из которых были связаны с коронованным монархом лишь слабыми узами. Как и Фульк, такие правители имели титулы герцогов и графов, восходившие к временам римлян и Каролингов, и происходили из рядов нарождавшейся военной аристократии — класса великолепно оснащенных полупрофессиональных воинов, которых стали называть рыцарями.

Европа XI века пребывала в состоянии полной анархии, повсюду свирепствовали междоусобицы и кровная месть, беззаконие стало обычным явлением. Общество было в высшей степени раздроблено. Хватку дикой природы, сжимавшую Запад, только предстояло ослабить, огромные пространства земли все еще оставались необработанными, а главные дороги были построены еще во времена Римской империи. В таком мире человек мог прожить жизнь, не удаляясь дальше чем на 50 миль (80 км) от места своего рождения, — это факт, сделавший неоднократные путешествия Фулька Нерра в Иерусалим и последующую популярность Крестовых походов в далекую Святую землю тем более необычными. Массовых коммуникаций в сегодняшнем понимании этого слова тогда не существовало, потому что большинство населения оставалось неграмотным, и книгопечатание еще не было изобретено.

Тем не менее уже в середине Средних веков (между 1000 и 1300 годами) западная цивилизация стала демонстрировать признаки развития и экспансии. Медленно набирала скорость урбанизация, рост населения городов помог стимулировать экономическое возрождение основанной на денежном обращении экономики. Среди общин, возглавивших создание торговли на дальние расстояния, были итальянские куп-

цы из Амальфи, Пизы, Генуи и Венеции, ведущие морскую торговлю. Другие группы демонстрировали выраженную тенденцию к военным завоеваниям. Норманны из Северной Франции, потомки викингов, были особенно энергичны в середине XI века, колонизовав англосаксонскую Англию и захватив Южную Италию и Сицилию у византийцев и североафриканских арабов. Тем временем на Иберийском полуострове многочисленные христианские королевства начали отодвигать свои границы на юг, захватывая территории у мусульман Испании.

По мере того как западноевропейцы начинали смотреть за пределы горизонтов раннего Средневековья, торговля и военные действия привели их в контакт со многими народами, а также с великими цивилизациями Средиземноморья: древней восточноримской Византийской империей и быстро расширяющимся арабско-исламским миром. Эти давно установившиеся «супердержавы» были историческими центрами богатства, культуры и военной мощи. В качестве таковых они имели обыкновение рассматривать Запад как нечто немногим лучшее, чем варварское болото — мрачное обиталище диких племен, которые могли быть сильными воинами, но по своей сути были неуправляемой толпой и потому не представляли собой никакой реальной угрозы. Начало Крестовых походов помогло изменить ситуацию, хотя и подтвердило много пред-
рассудков³.

Латинское христианство

Древнее римское правление, безусловно, имело сильное воздействие на все аспекты западной истории, но самое важное и живучее наследие империи — христианизация Европы. Решение Константина Великого принять христианство — тогда незначительное восточное религиозное течение — после того, как ему в 312 году было «видение», вывело эту религию на мировую арену. Менее чем за столетие христианство заменило язычество в качестве официальной религии империи, и при посредстве римского влияния «слово Христово» рас-

пространилось по всей Европе. Даже когда государство, давшее вере мощный импульс, исчезло, христианство продолжало набирать силу. Новые «варварские» европейские вожди обратились в новую веру и довольно скоро начали утверждать, что имеют predeterminedенное свыше право управлять своими племенами в качестве королей. Могучий объединитель Карл назвал себя «сакральным», или священным, правителем — тем, кто имеет право и берет на себя ответственность защищать и поддерживать веру. К XI веку латинское христианство (названное так по языку своего писания и обрядов) проникло почти во все уголки Запада*.

Центральной фигурой в этом процессе был римский папа. Христианская традиция утверждает, что было пять великих отцов — патриархов церкви — в Средиземноморье: в Риме, Константинополе, Антиохии, Иерусалиме и Александрии. Но римский епископ — называвший себя папой — претендовал на лидерство среди них. На всем протяжении Средних веков папство боролось не только за утверждение своих всемирных прав, но и за обладание значительной властью над церковной иерархией латинского Запада. Крушение Римской империи и империи Каролингов разрушило структуру власти внутри церкви, так же как и в мирской сфере. По всей Европе епископы столетиями пользовались независимостью и автономией от папского контроля, и многие прелаты были лояльны местным политическим правителям и «сакральным» королям Запада. К началу XI века папы старались навязать свою волю хотя бы Центральной Италии, а в последующие десятилетия даже иногда высылались из Рима.

Тем не менее именно римский папа дал начало Крестовым походам, подсказав десяткам тысяч латинян взять в руки оружие и начать борьбу во имя христианства. Это удивительное деяние по сути само по себе послужило расширению и укреплению папской власти, однако проповедование священных войн все же не должно рассматриваться как чисто циничный своекорыстный акт. Папская роль прародителя

* Приверженцы латинского христианства, которое сегодня обычно называют римским католицизмом, в Средние века назывались латинянами.

крестоносного движения действительно помогла объединить и укрепить римскую церковную власть в таких регионах, как Франция, и, по крайней мере вначале, крестоносцы следовали папским приказам, выступая в роли папских армий. Но даже если так, возможно, здесь действовали и более альтруистичные импульсы. Судя по всему, многие средневековые папы искренне верили, что обязаны таким образом защитить христианство. Они также собирались после смерти ответить перед Господом за судьбу каждой порученной им души. Создав идею христианской священной войны — в которой акты освященного насилия помогали очистить душу воина от греха, папство открыло новый путь к спасению для своей латинской паствы.

На самом деле Крестовые походы были одним из проявлений более широкой кампании по омоложению и восстановлению западного христианства, проводимой Римом с середины XI века в так называемом «реформаторском движении». С точки зрения папства любые неудачи в церкви были симптомами более глубокого заболевания: порочного влияния светского мира, сохраняемого благодаря связям между священнослужителями и мирскими правителями. И единственный способ избавиться от императоров и королей, державших церковь за горло мертвой хваткой, — реализация папой данного ему Господом права на верховную власть. Самым красноречивым и активным выразителем таких взглядов был папа Григорий VII (1073—1085). Григорий истово верил, что был послан на землю для преобразования христианства, и с этой целью должен взять абсолютный контроль над латинскими церковными делами. Для достижения этой цели он был готов использовать любые средства, даже насилие, чинимое папскими слугами, которых он назвал «воинами Христа». Папа Григорий зашел слишком далеко, двигался слишком быстро и закончил свое правление в изгнании в Южной Италии. Однако его смелые шаги сделали многое для продвижения дела реформ и увеличения папских полномочий, создав платформу, с которой один из его преемников (и бывший советник) папа Урбан II (1088—1099) сумел организовать Первый крестовый поход⁴.

Призыв Урбана к священной войне нашел живой отклик по всей Европе, в основном из-за преобладающей религиозной атмосферы в латинском мире. На Западе христианство являлось практически общепринятой верой, и, в отличие от современного секуляризированного европейского общества, в XI веке царила духовная атмосфера. В таких условиях христианская доктрина вторгалась во все аспекты человеческой жизни — от рождения и смерти до сна и еды, брака и здоровья. Знаки всемогущества Господа были видны всем в актах «чудесного» исцеления, Божественных откровений, а также земных и небесных знамений. Такие понятия, как любовь, милосердие, обязанность и традиции помогали склонять средневековое общество к набожности, но, вероятно, самым сильным, влиятельным, определяющим чувством был страх, тот самый страх, который заставил Фулька Нерра поверить, что его душа в опасности. Латинская церковь XI века учила, что каждый человек в конце концов предстанет перед судом — будет произведено «взвешивание душ». Чистота принесет вечную награду небесного спасения, а результатом греха станет проклятие и вечные адские муки. Чтобы верующие наглядно представляли себе опасность, в религиозном искусстве и скульптуре создавались графические образы наказаний, которые ожидают тех, кто будут признаны нечистыми: грешников душили демоны, проклятых загоняли в костры подземного мира ужасные дьяволы.

При таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться, что большинство средневековых латинских христиан были одержимы идеей греховности, искупления и будущей жизни после смерти. Крайним проявлением желания вести чистую праведную жизнь было монашество, в котором монахи и монашки давали клятву жить в бедности, непорочности и покорности и, удалившись в обители, посвящали себя Богу. В XI веке одной из самых популярных форм монашества была та, которую предлагал Бургундский монастырь Ключни в Восточной Франции. Ключнийское движение быстро набирало мощь. Очень скоро к нему относилось более 2000 обитателей от Англии до Италии, и оно оказало существенное влияние на развитие и продвижение реформаторских идей. Своей мак-

симальной силы оно достигло в 1090-х годах, когда Урбан II, сам бывший клюнийский монах, стал папой.

Конечно, требования монашества были не по средствам большинству средневековых христиан. И для обычных мужчин и женщин путь к Богу был чреват опасностями греха, поскольку многие, по-видимому, неизбежные аспекты человеческого существования — такие, как гордость, голод, похоть и насилие, — считались греховными. Но были доступны некоторые взаимосвязанные средства спасения (хотя их теоретические и теологические основы следовало усовершенствовать). Латинян поощряли признаваться в проступках священнику, который наложит соответствующее наказание, исполнение которого, предположительно, могло очистить человека от грязи греха. Самым распространенным искупительным актом была молитва, но раздача милостыни беднякам, пожертвования на храмы и выполнение очистительного путешествия (паломничества) тоже были весьма популярными. Эти похвальные деяния могли выполняться не только в рамках наказания, но и как своеобразный духовный взнос, чтобы попросить Бога или одного из его святых о помощи.

Фульк Нерра, в начале XI века мечтавший о спасении, действовал в рамках установившихся представлений. Одним из средств стало основание в его графстве Анжу — в Болье — нового монастыря. По свидетельству самого Фулька, он сделал это, «чтобы монахи собирались вместе и молились дено и ношно о спасении [моей] души». Идея использования духовной энергии, производимой в монастырях, посредством мирского патронажа, оставалась актуальной и в 1091 году, когда аристократ из Южной Франции Гастон IV Беарнский решил подарить кое-какую собственность клюнийскому монастырю Сен-Фуа, Морлаас, в Гаскони. Гастон был ярким сторонником средневекового реформаторского движения, участвовал в кампании на Иберийском полуострове в 1087 году и собирался стать крестоносцем. Официальный документ, удостоверявший его дар Сен-Фуа, утверждал, что Гастон действовал ради своей души, душ его супруги и детей, в надежде, что «Бог поможет нам в этом мире в наших нуждах и в будущем дарует нам вечную жизнь». В действительности

во времена Гастона уже большинство западной христианской светской знати имели хорошо налаженные связи с монастырями, и это повлияло на скорость, с которой крестоносное движение распространялось по Европе после 1095 года. Отчасти так было потому, что клятва, которую давали рыцари, посвятившие себя священной войне, была отражением той, что давали монахи — эта схожесть подтверждала эффективность сражения за Бога. Еще более важным был факт, что папство, имеющее связи с монастырями, такими как Ключи, полагалось на монастыри латинского Запада в деле распространения и поддержки призыва к Крестовому походу.

Второй путь к спасению, выбранный Фульком Нерра, — это паломничество, и, принимая во внимание его многочисленные путешествия в Иерусалим, он явно считал эту форму искупительного акта самой эффективной — позднее он писал, что очищающая сила полученного им опыта оставила его в «приподнятом настроении и ликовании». Латинские паломники часто путешествовали в менее удаленные регионы, такие как Рим и Сантьяго-де-Компостела (северо-восток Испании), и даже к местным святыням. Но Святой город считался самым высокочтимым. Все же по святости Иерусалим не имел себе равных, и в Средние века этот город обычно помещали в самый центр карт мира. Все это напрямую повлияло на восторженную реакцию народа на призыв к Крестовому походу, ведь священная война представлялась формой вооруженного паломничества, имеющего своей конечной целью Иерусалим⁵.

Война и насилие в латинской Европе

Начиная Крестовые походы, папство стремилось завербовать в ряды крестоносцев представителей разных социальных групп, но наиболее интересной была одна — рыцари латинской Европы. Этот военный класс в начале XI века находился еще на ранней стадии развития. Фундаментальной характеристикой средневекового рыцарства была способность

сражаться верхом на коне*. Рыцаря обычно сопровождали четыре-пять человек, которые выступали в роли слуг, заботясь о конях, оружии и удобствах господина, но они также могли воевать в пешем строю. Когда Крестовые походы начались, эти люди не были членами постоянной армии. Большинство рыцарей были воинами, но также сеньорами или вассалами, землевладельцами и фермерами, которые могли уделять войне не больше нескольких месяцев в году, но и тогда сражались не в хорошо обученных «сыгранных» командах.

В Европе XI века обычные формы военных действий, знакомые всем рыцарям, включали набеги на короткие дистанции, небольшие стычки между мелкими отрядами, обычно превращавшиеся в хаотичные ближние бои, и осады укрепленных замков. Лишь очень немногие латинские солдаты имели опыт масштабных генеральных сражений, поскольку такая форма конфликта была в высшей степени непредсказуемой, и потому ее всячески старались избегать. И практически никто никогда не участвовал в длительных кампаниях с передвижением на большие расстояния, которыми, собственно, и были Крестовые походы. В качестве таковых священные войны на Востоке потребовали от воинов латинского христианства приспособления и усовершенствования своих боевых навыков⁶.

До начала проповедования Первого крестового похода большинство латинских рыцарей считали акты кровопролития изначально греховными, однако они уже были знакомы

* По современным стандартам боевые кони XI века были относительно небольшими — на самом деле, имея средний рост 12 ладоней (1 ладонь = 10 см), они сегодня сошли бы разве что за пони. Но даже при этом они были очень дорогими — не только стоимость коня была высокой, дорого обходилось его содержание и уход. Большинство рыцарей также был необходим еще один конь, на котором они путешествовали. Но какими бы маленькими они ни были, боевые кони давали их владельцам огромные преимущества, когда дело доходило до рукопашной схватки, в высоте, радиусе действия, скорости и мобильности. С усовершенствованием оснащения, боевых технических приемов и навыков рыцари стали использовать стремяна, научились нести под мышкой тяжелое копьё, взаимодействовать в массовой атаке. Грубая сила такой атаки могла легко подавить неподготовленного противника.

с идеей о том, что в глазах Господа некоторые формы военных действий могут быть оправданны. Кроме того, папство могло санкционировать насилие.

На первый взгляд христианство представляется мирной верой. В Евангелиях Нового Завета приводится много записей, когда Иисус, кажется, отвергает или запрещает насилие: от предостережения, что тот, кто живет насилием, умрет насильственной смертью, до призыва подставить вторую щеку в ответ на удар. Ветхий Завет также предлагает ясное руководство в вопросе о насилии — достаточно упомянуть заповедь «Не убий». Однако в ходе первого тысячелетия н. э. христианские теологи, размышляя о союзе между верой и военной империей Рима, усомнились, действительно ли Священное Писание так решительно отвергает войну. Ветхий Завет определенно допускает двойное толкование, поскольку, описывая отчаянную борьбу древних евреев за выживание, он говорит о серии священных войн, санкционированных Богом. Значит, можно предположить, что при определенных обстоятельствах даже война, начатая ради мести, или агрессивная война, может считаться допустимой. В Новом Завете Иисус говорил, что принес не мир, но меч, и кнутом изгонял ростовщиков из храма.

Самым влиятельным раннехристианским мыслителем, бившимся над этим вопросом, был североафриканский епископ святой Августин из Гиппона (354—430). Его труды стали фундаментом, на котором папство впоследствии выстроило идею Крестовых походов. Святой Августин доказывал, что война может быть и законной, и оправданной, если ведется при строгих условиях. Его сложные теории впоследствии подверглись значительному упрощению, и были сформулированы три предпосылки праведной войны: объявление ее «законной властью», такой как король или епископ; «благочестивая причина», такая как защита от вражеской атаки или возврат утраченной территории; и ведение войны с «правильными намерениями», то есть с минимально возможным насилием. Эти три принципа укрепили идеал крестоносного движения, но все же не благословляли войну.

В ходе раннего Средневековья труды Августина были использованы для демонстрации следующего тезиса: опреде-

ленные неизбежные формы военного конфликта могут быть «оправданны» и, таким образом, приемлемы в глазах Бога. Но сражение при этих условиях все еще являлось грехом. По контрасту христианская священная война, такая как Крестовый поход, считалась активно поддерживаемой Богом и способной принести духовные преимущества своим участникам. Пропасть, разделяющая эти две формы насилия, была преодолена лишь спустя несколько веков спорадического и инкрементного теологического экспериментаторства. Процесс был ускорен военным энтузиазмом послеримских «варварских» правителей Европы. Их христианизация добавила новое «германское» признание войны и воинской жизни в латинскую веру. При Каролингах, к примеру, епископы начали спонсировать и даже направлять жестокие военные кампании по завоеванию и обращению в новую веру язычников Восточной Европы. К началу второго тысячелетия христианские священнослужители уже не колеблясь благословляли оружие и доспехи и прославляли подвиги «святых воителей».

Во второй половине XI века латинское христианство пошло еще ближе к одобрению священной войны. На ранних стадиях реформ папство начало осознавать необходимость военной «руки», которой можно было бы подкрепить свои планы и продемонстрировать волю. И папы начали экспериментировать со спонсированием военных действий, призывая христиан защищать церковь в обмен на смутно выраженные формы некоего духовного вознаграждения. Папа Григорий VII существенно продвинул доктрину применения священного насилия. Желая набрать папскую армию, вернуть Риму, он начал по-новому интерпретировать христианские традиции. Веками теологи характеризовали внутреннюю духовную борьбу, которую преданные христиане вели против греха, как «войну Христа», и монахов иногда называли «воинами Христа». Григорий переименовал эту идею, так чтобы она лучше отвечала его целям, заявив, что все мирское сообщество имеет одну главную обязанность — защищать латинскую церковь, став «воинами Христа» в настоящей войне.

В начале своего срока пребывания у власти Григорий запланировал грандиозную военную кампанию, которая может считаться первым прототипом Крестового похода. В 1074 году он попытался начать священную войну в Восточном Средиземноморье, чтобы помочь греческим православным христианам Византии, которых, по его утверждению, «ежедневно резали как скот» мусульмане Малой Азии. Латинянам, сражавшимся в этой кампании, была обещана «небесная награда». Его грандиозный проект потерпел неудачу. На призыв откликнулись немногие, возможно, потому, что Григорий объявил о своем намерении лично возглавить кампанию. Сформулированному папой в 1074 году тезису о связи между военной службой Господу и последующей духовной компенсацией все еще не хватало определенности. Но в начале 1080-х годов, в разгар конфликта с германским императором, Григорий сделал решающий шаг к достижению полной ясности. Он написал, что его сторонники должны выступить против императора и достойно встретить «опасность предстоящего сражения в обмен на отпущение всех грехов». Это означало, что участие в священной войне имело такую же силу в деле очищения души, как другие формы искупления, тем более что война, как и паломничество, обещала быть трудной и опасной. И хотя это более логичное объяснение искупительного свойства освященного насилия не получило распространения, но стало прецедентом для следующих пап. На самом деле сама новизна радикального подхода Григория к милитаризации латинского христианства вызвала осуждение многих современников. В церковных кругах его обвинили в том, что он внедряет в практику «новые идеи, неслыханные на протяжении веков». Его взгляды отличались такой крайностью, что, когда преемник Григория папа Урбан II предложил более умеренный и тщательно созданный идеал, он показался окружающим консерватором⁷.

Григорий VII подвел латинскую теологию вплотную к священной войне, утверждая, что папа имеет полное право собирать армии, чтобы сражаться за Бога и латинскую церковь. Он также далеко продвинулся в деле обоснования концепции освященного насилия в рамках искупления — идеи,

которая станет сутью крестоносного движения. Тем не менее Григория нельзя считать главным создателем Крестовых походов, потому что он явно не сумел обосновать серьезную и убедительную идею священной войны, которая нашла бы отклик у христиан Европы. Это предстояло сделать папе Урбану II.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

С конца XI века Крестовые походы противопоставляли друг другу западноевропейских франков и мусульман Восточного Средиземноморья. Это происходило не потому, что священные войны велись в первую очередь для того, чтобы уничтожить ислам или обратить мусульман в христианство. Скорее это было следствие господства ислама на Святой земле и в Иерусалиме.

Ранняя история ислама

Согласно мусульманской традиции, ислам зародился примерно в 610 году н. э., когда Мухаммед — сорокалетний неграмотный араб, уроженец Мекки, получил ряд «откровений» от Аллаха (Бога), переданных архангелом Гавриилом. Эти «откровения», считавшиеся священными и непреложными словами Бога, впоследствии были записаны, став Кораном. При жизни Мухаммед обращал арабских язычников-политеистов Мекки и окружающего региона Хиджаз (западное побережье Аравийского полуострова) в монотеистическую веру — ислам. Это было нелегко. В 622 году пророк был вынужден бежать в соседний город Медину, совершив путешествие, которое стало точкой отсчета для мусульманского календаря, а потом вел продолжительную и кровавую войну против Мекки, завоевав город незадолго до своей смерти в 632 году.

Основанная Мухаммедом религия — ислам, что означает «подчинение воле Бога», имеет общие корни с иудаизмом и христианством. При жизни пророк неоднократно вступал в

контакт с приверженцами этих вер в Аравии и Восточной Римской империи, и его «откровения» представлялись как усовершенствование ранних религий. По этой причине Мухаммед признавал Моисея, Авраама и даже Иисуса пророками, и целая сура (глава) Корана посвящена Деве Марии.

При жизни Мухаммеда и сразу после его смерти воинственные племена Аравийского полуострова объединились под знаменем ислама. В последующие десятилетия, руководимые способными и амбициозными халифами (преемниками пророка), эти арабские племена стали практически неодолимой силой. Их удивительный динамизм соответствовал ненасытной тяге к завоеваниям — этот голод поддерживался отчетливо выраженным требованием Корана непрерывно распространять мусульманскую веру и власть ислама по всему миру. Арабо-исламский подход к подчинению новых территорий также облегчил путь к быстрому росту. Не требуя полного подчинения и немедленного обращения в ислам, мусульмане позволяли «людям Писания», то есть христианам и иудеям, сохранять свою веру, но заставляли платить дань.

В середине 630-х годов свирепые и очень мобильные конные армии арабских племен вышли за пределы Аравийского полуострова. К 650 году они достигли поразительных успехов. С невиданной скоростью Палестина, Сирия, Иран, Ирак и Египет были включены в новое арабо-исламское государство. В течение следующего столетия скорость экспансии несколько замедлилась, но рост арабо-исламской империи неуклонно продолжался, и в середине VIII века мусульманский мир раскинулся уже от реки Инд и границ Китая на востоке через Северную Африку до Испании и Южной Франции на западе.

В контексте истории крестоносного движения критическим этапом в этом процессе стал захват Иерусалима в 638 году у греческих христиан Византии. Этот древний город глубоко почитался мусульманами, он у них был третьим по святости после Мекки и Медины. Частично это объясняется Авраамовым наследием ислама, но основная причина заключалась в вере мусульман в то, что Мухаммед вознесся на небеса из Иерусалима во время своего «ночного путешествия».

Кроме того, традиция считает Святой город центром грядущего Конца дней.

Раньше считалось, что мусульманский мир мог распространиться на всю Европу, если бы мусульманам дважды не помешали захватить Константинополь (в 673 и 718) и они не потерпели поражение в 732 году при Пуатье от деда Карла Великого — Карла Мартелла («Молота»). Эти провалы, конечно, были важными, но фундаментальная и основательно сдерживающая слабость уже начала проявляться в самом исламе: упорное и ожесточенное религиозное и политическое разделение. По своей сути эти вопросы были связаны со спорами относительно законности халифов — преемников Мухаммеда и толкования его «откровений».

Проблемы стали ясными уже в 661 году, когда признанная линия «праведных халифов» закончилась со смертью Али (кузена и зятя пророка) и подъемом соперничающего арабского клана — династии Омейядов. Омейяды впервые перевели столицу мусульманского мира за пределы Аравии, обосновавшись в крупном сирийском центре Дамаске, и они имели власть над исламом вплоть до середины VIII века. Однако этот же период был свидетелем появления ши'а (буквально — «часть» или «фракция»), мусульманской секты, которая утверждала, что только потомки Али и его супруги Фатимы (дочери Мухаммеда) могут по закону быть халифами. Шииты-мусульмане первоначально оспаривали политическую власть основного течения сунни, но со временем раскол между двумя ответвлениями одной веры перешел на уровень доктрины, когда шииты создали особый подход к теологии, религиозным ритуалам и закону⁸.

Разделение мусульманского мира

На протяжении последующих четырех веков противоречия в мусульманском мире углублялись и их количество увеличивалось. В 750 году кровавый переворот положил конец правлению Омейядов, выдвинув на первый план другую арабскую династию — Аббасидов. Они переместили центр сун-

нитского ислама еще дальше от исконных арабских земель, основав новую столицу в Ираке: для этой цели был построен город Багдад. Эта непрактичная мера имела глубокие и далеко идущие последствия. Она стала предвестницей сложной политической, экономической и культурной переориентации со стороны суннитской правящей элиты — прочь от левантийского Ближнего Востока в Месопотамию, колыбель древней цивилизации между могучими реками Тигр и Евфрат, и дальше на восток в Иран и за его пределы. Покровительство Аббасидов также трансформировало Багдад в один из величайших мировых научных и философских центров. В течение следующих пятисот лет сердце суннитского ислама находилось не в Сирии и не на Святой земле, а в Ираке и Иране.

Однако господство Аббасидов совпало с постепенным разделением и фрагментацией монолитного исламского государства. Мусульманские правители Иберии (иногда их называют маврами) в VIII веке откололись, чтобы создать независимое королевство, одновременно продолжалось отчуждение между суннитами и шиитами. Общины мусульман-шиитов продолжали жить, по большей части мирно, рядом и среди суннитов по всему Ближнему и Среднему Востоку. Но в 969 году особенно агрессивная шиитская группировка захватила контроль над Северной Африкой. Ведомые династией, известной под именем Фатимидов (поскольку они утверждали, что являются потомками Фатимы, дочери Мухаммеда), они создали собственный шиитский халифат, отвергнув власть суннитов Багдада. Фатимиды скоро доказали, что являются могущественными противниками, отвоевав у Аббасидов обширные территории Ближнего Востока, в том числе Иерусалим, Дамаск и часть побережья Восточного Средиземноморья. К концу XI века Аббасиды и Фатимиды считали друг друга заклятыми врагами. Таким образом, к началу Крестовых походов в исламе существовал раскол, который не позволил мусульманским правителям Египта и Ирака организовать общее сопротивление вторжению христиан.

Когда вражда между суннитами и шиитами упрочилась, степень влияния, оказываемого халифами Аббасидов и Фа-

тимидов, уменьшилась. Они оставались номинальными главами — теоретически сохраняя абсолютный контроль над религиозными и политическими делами, — но на практике исполнительная власть уже перешла к светским фигурам: в Багдаде это был султан, в Каире — визирь.

В XI веке драматическое событие способствовало дальнейшему изменению мира ислама — приход турок. Начиная с 1040 года кочевые племена Центральной Азии, известные своей воинственностью и удивительным мастерством конных лучников, начали проникать на Ближний Восток. Турецкую миграцию возглавил один клан, сельджуки (из русских степей за Аральским морем). Приняв ислам суннитского толка, грозные сельджуки объявили о своем союзе с халифом Аббасидов и с готовностью вытеснили оседлую арабскую и персидскую аристократию Ирана и Ирака. К 1055 году сельджукский военачальник Тогрул-бек стал султаном Багдада и мог претендовать на влияние над суннитским исламом. Эту роль члены его династии считали своим наследственным правом в течение более ста лет. Пришествие турок-сельджуков помогло воспрянуть духом миру Аббасидов. Их кипучая энергия и военная мощь очень скоро стали давать плоды. На юге Фатимидов оттеснили, и Дамаск и Иерусалим снова стали принадлежать Аббасидам; знаменательные победы были одержаны над Византией в Малой Азии; группа сельджуков со временем основала собственный султанат в Анатолии.

В начале 1090-х годов сельджуки преобразовали суннитский мусульманский мир. Мелик-шах, способный и честолюбивый сын Тогрул-бека, стал султаном и вместе со своим братом Тутушем наслаждался относительно спокойным правлением Месопотамией и большей частью Леванта. Эта новая турецкая империя — иногда ее называют Великим сельджукским султанатом Багдада — выдвинулась благодаря безжалостному деспотизму и представлению шиитов опасными еретиками, врагами, против которых сунниты должны объединиться. Но когда Мелик-шах в 1092 году умер, его могучая империя быстро распалась в результате династических распрей и междоусобных войн. Его два юных сына боролись за право называться султанами, отстаивая контроль над Ираном и Ира-

ком, а в Сирии Тутуш жаждал захватить власть для себя. В 1095 году он умер, а его сыновья Ридван и Докак также сцепились из-за наследства, заполучив соответственно Алеппо и Дамаск. В то же самое время условия в шиитском Египте были немногим лучше. Здесь тоже смерти фатимидского халифа и его визиря, имевшие место в 1094 и 1095 годах, повлекли за собой внезапные перемены, кульминацией которых стало возвышение нового визиря — аль-Афдаля, армянина по происхождению. Таким образом, в год начала Крестовых походов суннитский ислам пребывал в тревожном хаосе, а новый правитель Фатимидского Египта только пытался встать на ноги. Нет никаких свидетельств, позволяющих предположить, что христиане на Западе знали об этих трудностях, поэтому нельзя утверждать, что проблемы ислама стали своеобразным спусковым крючком для начала священных войн. Но, даже если так, время для начала Первого крестового похода было выбрано на удивление удачно⁹.

Ближний Восток в конце XI века

Раздоры, которыми был заражен ислам в конце XI века, оказали сильное влияние на ход Крестовых походов. То же самое можно сказать о культурных, этнических и политических особенностях Ближнего Востока. По правде говоря, этот регион, ставший полем сражения в войне за Святую землю, нельзя назвать мусульманским миром. Относительно терпимый подход к покоренным, принятый в начале арабо-исламских завоеваний, привел к тому, что даже несколькими столетиями позже в Леванте все еще жило много христиан — от греков и армян до сирийцев и коптов. Были и евреи. Кочевые общины бедуинов также были широко распространены на востоке — мигрирующие, говорящие по-арабски мусульмане, практически никому не подчинявшиеся. На такую сложившуюся структуру оказывала влияние остававшаяся в численном меньшинстве мусульманская правящая элита, сама состоящая из арабов, персов и турок. Таким образом, Ближний Восток был не более чем пестрой смесью совершенно разных

социальных и религиозных группировок, а вовсе не незыблемым оплотом ислама.

Что касается основных сил внутри мусульманского мира, Левант всегда был чем-то вроде тихой заводилы или болота, несмотря на политическое и духовное значение, придаваемое таким городам, как Иерусалим и Дамаск. Для суннитов сельджуков и шиитов Фатимидов реальными центрами правительственной власти, экономического богатства и культуры были Месопотамия и Египет. Ближний Восток был, по сути, пограничной зоной между этими двумя доминирующими сферами влияния, миром, который иногда необходимо защищать, но почти всегда вызывавшим лишь вторичный интерес. Даже во время правления Мелик-шаха не было сделано ни одной решительной попытки покорить и включить в султанат Сирию, и большая часть региона была оставлена в руках рвущихся к власти полунезависимых воинственных правителей.

Таким образом, когда латинские крестоносные армии прибыли на Ближний Восток, чтобы начать, в сущности, пограничную войну, они вовсе не вторглись в самое сердце ислама. Вместо этого они воевали за землю, которая, в некотором смысле, также была мусульманской границей, населенной самыми разными христианами, евреями и мусульманами, имевшими вековой опыт аккультурации под воздействием внешних сил, будь то византийцы, персы, арабы или турки.

Исламская война и джихад

В конце XI века стиль и практика мусульманских военных действий были в состоянии постоянного изменения. Традиционной опорой любых турецких вооруженных сил был всадник в легких доспехах, верхом на быстроногом пони, вооруженный мощным луком, позволявшим ему выпускать град стрел, сидя на лошади. Он также мог иметь легкое копье, меч одной стороной заточки, топор и кинжал. Скорость передвижения и маневренность таких войск позволяли им одерживать верх над противником.

Турки обычно использовали две главные тактики: окружение — при котором врага окружала со всех сторон быстро движущаяся кружащаяся конница и обстреливала бесконечным дождем стрел; и обманное отступление — когда в бою войска якобы начинали отступать, в надежде, что противник бросится в погоню, его боевой порядок будет разрушен и он станет более уязвимым для неожиданной контратаки. Такому стилю боя отдавали предпочтение и сельджуки Малой Азии. Но турки Сирии и Палестины начали применять более широкий спектр персидских и арабских военных приемов, приспособившись к использованию кавалеристов в тяжелых доспехах, вооруженных копьями, крупных сил пехоты и осадной войне. В любом случае самыми распространенными формами военных действий на Ближнем Востоке были набеги, небольшие стычки и мелкие междоусобные бои за власть, землю и богатство¹⁰. Теоретически, однако, мусульманские войска могли быть призваны на борьбу за высокие идеалы — на священную войну.

Ислам с самого начала принимал войну. Даже Мухаммед провел ряд военных кампаний, направленных на подчинение Мекки, и взрывное расширение исламского мира в VII и VIII веках подталкивалось признанным благочестивым желанием распространить исламское правление. Союз веры и насилия в мусульманской религии поэтому был более скорым и естественным, чем тот, что постепенно возник в латинском христианстве.

В попытке определить роль войны в исламе мусульманские ученые обратились к Корану и к хадисам, изречениям, связанным с Мухаммедом. Эти тексты дают многочисленные примеры того, что пророк был сторонником «борьбы на пути Бога». Еще в ранний исламский период возникла дискуссия относительно того, что эта борьба, или джихад, в себя включает, — споры продолжаются по сей день. Некоторые, например представители мистического течения в исламе — суфисты, утверждают, что самый важный — большой джихад — это внутренняя духовная борьба против греха и ошибок. Но к концу VIII века сунниты начали развивать формальную теорию, отстаивающую то, что называют малым джихадом, —

вооруженную борьбу против неверных. Чтобы оправдать ее, они приводят канонические свидетельства, такие как стихи из девятой суры Корана, где сказано: «Сражайтесь со всеми многобожниками без исключения, как они сражаются против вас», и такие хадисы, как «Утро или вечер, проведенное на пути Бога, лучше, чем весь мир с тем, что в нем есть» или «Быть один час в боевых порядках на пути Бога лучше, чем быть на молитве шестьдесят лет».

Правовые трактаты этого периода утверждают, что джихад — обязанность, возложенная на всех здоровых мусульман, но эта обязанность в основном рассматривалась как общая, а не индивидуальная, и ответственность за лидерство всегда лежала на халифе. Ссылаясь на хадис «Врата рая находятся в тени мечей» и подобные ему, эти трактаты также утверждают, что тем, кто участвует в джихаде, будет разрешен вход в небесный рай. Авторы трактатов формально разделили мир на две сферы — *Дар эс-Ислам*, или «Дом мира» (район, в котором преобладает мусульманское правление и мусульманские законы), и *Дар аль-харб*, или «Дом войны» (весь остальной мир). Первоочередная цель джихада — ведение беспощадной священной войны в Дар аль-харб, до тех пор пока все человечество не примет ислам или не подчинится мусульманскому правлению. Никаких постоянных мирных соглашений с немусульманскими врагами заключать нельзя, а временные перемирия могут длиться не больше десяти лет.

Шли века, и движущий импульс к экспансии, закодированный в классической теории джихада, ослабел. Арабские племена начали вести оседлую жизнь и торговать с немусульманами, например византийцами. Священные войны против христиан и им подобных продолжались, но они стали спорадическими и зачастую поощрялись и велись мусульманскими эмирами без одобрения халифа. К XI веку правители суннитского Багдада были намного более заинтересованы в использовании джихада для продвижения исламской правоверности путем подавления «еретиков» — шиитов, чем в ведении священных войн против христианства. Предложение, что ислам должен вести бесконечную борьбу, чтобы расширить свои

границы и подчинять немусульман, широко не распространилось, равно как и идея объединения для защиты исламской веры и его территорий. Когда начались христианские Крестовые походы, идеологический импульс религиозной войны пребывал в дремлющем состоянии в основном тексте ислама, но основные элементы системы взглядов остались на месте¹¹.

Ислам и христианская Европа накануне Крестовых походов

Важный и неудобный вопрос сохранился: спровоцировали мусульманский мир Крестовые походы, или латинские священные войны являлись актами агрессии? Фундаментальное исследование требует оценки общей степени угрозы, которую представлял для христианского Запада ислам в XI веке. В каком-то смысле мусульмане давили на границы Европы. На востоке Малая Азия веками оставалась полем сражения между мусульманами и Византийской империей; и мусульманские армии неоднократно пытались захватить величайший христианский центр — Константинополь. На юго-западе мусульмане продолжали править на обширных пространствах Иберийского полуострова и могли в любой момент двинуться на север за Пиренеи. В действительности, однако, накануне Крестовых походов Европа никоим образом не испытывала необходимости начать срочную борьбу за выживание. Никаких согласованных нападений со стороны Средиземноморья не предвиделось, потому что, хотя иберийские мавры и турки Малой Азии имели общее религиозное наследие, они никогда не были объединены одной целью.

В действительности, после первой мощной волны исламской экспансии, взаимодействие между соседствующими христианскими и мусульманскими государствами было вполне обычным и характеризовалось, как и в случае любых потенциальных противников, периодами конфликтов, сменявшимися периодами мирного сосуществования. Практически нет свидетельств того, что религии этих двух миров вели неиз-

бежную и постоянную борьбу. Начиная с X века и далее, к примеру, ислам и византийцы относились друг к другу с напряженным, иногда задиристым, но все же уважением, и их отношения были не более чреваты конфликтами, чем между греками и их славянскими или латинскими соседями на западе.

Это вовсе не говорит о том, что повсеместно царил утопический мир и гармония. Византийцы были всегда готовы использовать в своих интересах любые признаки мусульманской слабости. Так, в 969 году, пока мир Аббасидов был раздроблен, греческие войска двинулись на восток, завоевали значительную часть Малой Азии и стратегически важный город Антиохия. А с приходом турок-сельджуков Византия оказалась перед лицом возобновившегося военного давления. В 1071 году сельджуки разбили имперскую армию в сражении при Манцикерте (восток Малой Азии), и, хотя историки больше не считают этот разгром катастрофой для греков, все же неудача была весьма болезненной и положила начало существенным турецким завоеваниям в Анатолии. Пятнадцатью годами позже сельджуки также вернули Антиохию.

А тем временем в Испании и Португалии христиане начали отвоевывать территорию у мавров, и в 1085 году иберийские латиняне добились глубоко символической победы, взяв контроль над Толедо, древней христианской столицей Испании. Тем не менее на этой стадии постепенная латинская экспансия на юг представляется вызванной политическими и экономическими стимулами, а не религиозной идеологией. Конфликт в Иберии стал более острым после 1086 года, когда секта исламских фанатиков, известных как альморавиды, вторглась в Испанию из Северной Африки, вытеснив уцелевших мавров. Этот новый режим воодушевил мусульманское сопротивление, добившись ряда существенных военных побед против христиан севера. Но нельзя сказать, что агрессия альморавидов стала причиной Крестовых походов, потому что латинские священные войны, начатые в конце XI века, были направлены в сторону Леванта, а не Иберии.

Так что же разожгло пламя войны между христианами и мусульманами на Святой земле? В каком-то смысле Кресто-

вые походы были реакцией на акт исламской агрессии — завоевание мусульманами священного Иерусалима, но этот акт имел место в 638 году, так что поводом для начала священных войн он явно не был. В начале XI века церковь Гроба Господня, которая, как считалось, включала в себя место распятия и воскрешения Христа, была частично уничтожена непостоянным фатимидским правителем, вошедшим в историю под именем халиф Хаким. Его последующее преследование местного христианского населения продолжалось больше десяти лет и завершилось, лишь когда он объявил себя живым Богом и переключился на мусульманских подданных. По всей видимости, напряжение возросло и в 1027 году, когда мусульмане, как утверждают, забрасывали камнями территорию церкви Гроба Господня. Впоследствии латинские христиане, желавшие совершить паломничество в Левант, которых все еще было много, рассказывали о трудностях, связанных с посещением святых мест, и о репрессиях против восточных христиан в мусульманской Палестине.

Два арабских рассказа предлагают важные, но расходящиеся друг с другом свидетельства в этом вопросе. Ибн аль-Араби, испанский мусульманский паломник, который отправился на Святую землю в 1092 году, описал Иерусалим как благоденствующий центр религиозного поклонения для мусульман, христиан и евреев. Он отметил, что христианам позволяют поддерживать свои церкви в хорошем состоянии. В его повествовании нет и намека на то, что паломники — будь то греки или латиняне — подвергаются оскорблениям или гонениям. С другой стороны, в середине XII века аль-Азими, хронист из Алеппо, писал: «Население сирийских портов не дало франкским и византийским паломникам пройти в Иерусалим. Те из них, кто выжил, распространили известие об этом в своей стране. Поэтому они стали готовиться к военному вторжению». Ясно, что, по крайней мере, аль-Азими верил в то, что нападения мусульман дали начало Крестовым походам¹².

На самом деле, основываясь на всех уцелевших свидетельствах, скорее можно утверждать обратное. К 1095 году мусульмане и христиане вели войну друг с другом веками, и

не важно, что это было в прошлом. Ислам захватил несомненно христианскую территорию, в том числе Иерусалим; христиане, живущие на Святой земле и прибывающие туда для паломничества, вполне могли подвергаться преследованиям. С другой стороны, непосредственная обстановка, в которой начались Крестовые походы, не указывает на то, что титаническая транснациональная религиозная война была неминуемой и неизбежной. Ислам не собирался предпринимать генерального наступления против Запада. Да и мусульманские правители Ближнего Востока не занимались ничем похожим на этнические чистки или репрессии против религиозных меньшинств. Возможно, между христианскими и мусульманскими соседями не было особо сильной любви, и без проявлений религиозной нетерпимости в Леванте тоже не обходилось, но, по правде говоря, все это ничем не отличалось от характерной для этого века политической, военной и социальной обстановки.

Часть первая

НАЧАЛО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Глава 1

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА, СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Поздним ноябрьским утром в году 1095-м папа Урбан II про-изнес проповедь, изменившую историю Европы. Его вдохнов-ляющие слова дошли до самого сердца людей, собравшихся на небольшом поле вблизи Клермона — небольшого города в Юж-ной Франции, — и в последующие месяцы его послание про-катилось по всему Западу, воспламенив ожесточенную священ-ную войну, которой предстояло продлиться несколько веков.

Урбан заявил, что христианство находится в смертельной опасности, ему угрожает вторжение и ужасающее притесне-ние. Святой город Иерусалим находится в руках мусульман, людей враждебных Богу, подвергается постоянному осквер-нению. Он призвал латинскую Европу подняться против это-го, по общему мнению, жестокого врага в качестве «воинов Христа», вернуть себе Святую землю и освободить восточных христиан из «рабства». Соблазненные обещанием того, что праведная борьба очистит их души от греха, десятки тысяч мужчин, женщин и детей отправились с Запада вести войну против мусульманского мира в Первом крестовом походе¹.

ПАПА УРБАН И ИДЕЯ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 1095 году, когда Урбан II провозгласил Первый кресто-вый поход, ему было около шестидесяти лет. Отпрыск знат-ного семейства из Северной Франции, бывший церковник и

клюдийский монах, он стал папой в 1088 году, когда папство, пошатнувшееся после длительной и ожесточенной борьбы с германским императором, стояло на грани краха. Позиции Урбана были непрочными, и ему потребовалось шесть лет, чтобы восстановить контроль над римским Латеранским дворцом, традиционной резиденцией пап. Благодаря осторожной дипломатии и проведению умеренной, а не конфронтационной политики реформ новый папа видел постепенное возрождение своего престижа и влияния. К 1095 году это медленное восстановление, безусловно, началось, но предполагаемое право папства действовать как глава латинской церкви и духовный наставник каждого христианина в Западной Европе было еще далеко от реализации.

На фоне частичного восстановления престижа папства и зародилась идея Первого крестового похода. В марте 1095 года Урбан председательствовал на церковном соборе в североитальянском городе Пьяченца, когда прибыли послы из Византии. Они доставили обращение от греческого христианского императора Алексея I Комнина, правителя, чье ловкое и уверенное правление на десятилетия притормозило внутренний упадок великой Восточной империи. Непомерные налоги пополнили имперскую казну в Константинополе, восстановив всегда окружавшую Византию ауру могущества и щедрости, но у Алексея было много внешних врагов, в том числе турки-мусульмане из Малой Азии. Поэтому он отправил петицию относительно военной помощи в Пьяченцу, настаивая, чтобы Урбан отправил латинские войска для отпора угрозе, представляемой исламом. Возможно, Алексей рассчитывал на символическую помощь в виде маленькой армии франкских наемников, которой легко управлять. На деле в течение следующих двух лет его империя была практически опустошена людским потоком.

Обращение греческого императора оказалось созвучным идеям, уже зародившимся в мозгу Урбана II; последовавшие весну и лето он их обдумывал и развивал, планируя предприятие, которое послужит достижению многих целей: нечто вроде вооруженного паломничества на Восток — «Кресто-

вый поход». Историки иногда описывают Урбана непреднамеренным зачинщиком грандиозного начинания, ожидавшим, что на его призыв к оружию откликнется не более сотни рыцарей. Однако, судя по всему, он отлично представлял потенциальный размах предприятия, иначе не уделял бы так много внимания организации вербовки участников по всей территории Европы.

Урбан понимал, что идея экспедиции на помощь Византии предоставляет шанс не только защитить восточное христианство и улучшить отношения с греческой церковью, но также утвердить и расширить власть Рима, обуздать и перенаправить деструктивную агрессивность христиан, живущих на латинском Западе. Этот масштабный план стал главной частью кампании по расширению папского влияния за пределы Центральной Италии, на родину Урбана — Францию. С июля 1095 года он начал продолжительный тур с проповедями к северу от Альп — это был первый подобный визит папы почти за полвека — и провозгласил, что главный церковный собор будет проведен в ноябре в Клермоне, в области Овернь, расположенной в Центральной Франции. Летом и ранней осенью Урбан посетил ряд крупных монастырей, включая его собственный бывший дом в Ключи, призывая к поддержке Рима и готовя почву для идеи Крестовых походов. Он также привлек двух людей, которым предстояло сыграть центральную роль в предстоящей экспедиции: Адемара, епископа Пюи, церковника из Прованса, и горячего сторонника папства графа Раймунда Тулузского, одного из самых богатых и могущественных людей Южной Франции.

К ноябрю папа был готов огласить свои планы. Двенадцать архиепископов, восемьдесят епископов и девяносто аббатов собрались в Клермоне на самый крупный церковный собор за время понтификата Урбана. Там после девяти дней общих церковных дебатов папа сообщил о своем намерении произнести специальную проповедь. 27 ноября сотни зрителей собрались на поле, расположенном рядом с городом, чтобы услышать, что он скажет².

Клермонская проповедь

В Клермоне Урбан призвал латинский Запад взять в руки оружие ради достижения двух связанных между собой целей. Первой он назвал необходимость защитить восточные границы христианского мира в Византии, подчеркнув узы христианского братства и якобы неминуемую угрозу мусульманского вторжения. Согласно одному из рассказов, он потребовал, чтобы его слушатели бежали со всех ног на помощь своим братьям, живущим на восточном берегу [Средиземного моря], потому что турки заполонили их территорию до самого Средиземного моря. Но эпическое предприятие, о котором говорил Урбан, не заканчивалось оказанием военной помощи Константинополю. От нее он мастерски перешел к более масштабной задаче, поставив дополнительную цель, которая не могла не затронуть сердца франков. Объединив идеалы войны и паломничества, он представил экспедицию, которая проложит дорогу к Святой земле и там овладеет Иерусалимом, самым священным местом во всем христианском мире. Урбан говорил о святости этого города, который является пупом земли, источником всего христианского учения, местом, где жил и страдал Христос³.

Несмотря на то что идея нашла широкий отклик, как любому правителю, призывающему людей на войну, папе необходимо было придать своему делу ауру законности, оправданности и острой необходимости, и здесь он столкнулся с проблемой. В недавней истории не было события, которое могло бы вдохновить мстительный энтузиазм масс. Да, в Иерусалиме правили мусульмане, но так было начиная с VII века. И если Византия действительно оказалась перед угрозой турецкой агрессии, западному христианству пока не грозило вторжение и уничтожение от рук ближневосточных приверженцев ислама. Учитывая отсутствие примеров ужасающей жестокости и непосредственной угрозы, Урбан решил создать ощущение безотлагательности и вызвать тягу к возмездию, как можно более очернив врага предлагаемого Крестового похода.

Мусульман он изобразил нечеловечески жестокими дикарями, склонными к варварскому надругательству над христианством. Урбан рассказал, что турки убивали и уводили

в плен многих греков, разрушали церкви и опустошали Царство Божие. Он также утверждал, что христианские паломники на Святую землю подвергались издевательствам и эксплуатации со стороны мусульман, богатых лишали богатств незаконными поборами, а бедных подвергали пыткам.

Жестокость этого безбожного люда дошла до того, что они, думая, что несчастный проглотил золото или серебро, или добавляя скаммоний в его питье и заставляют опорожнить свои внутренности, или — и это чудовишно — они растягивают в разные стороны покров внутренностей, вспоров живот клинком, вынося на свет то, что природа держит в тайне, калеча тела.

Относительно христиан, живущих под мусульманским правлением в Леванте, было сказано, что они мечом, грабежом и огнем низведены до положения рабов. Жертвы постоянных гонений, эти несчастные подвергаются насильственному обрезанию, потрошению или приносятся в жертву. Что же касается насилия над женщинами, сообщил папа, об этом хуже говорить, чем умолчать. Урбан весьма умело использовал яркие и наглядные образы, разжигающие ненависть, сродни тем, которые в современном мире могут быть связаны с военными преступлениями или геноцидом. Его обвинения не имели практически ничего общего с реальностью мусульманского правления на Ближнем Востоке, но невозможно оценить, действительно ли папа верил своей пропаганде, или сознательно вел кампанию манипулирования и искажения действительности. В любом случае его откровенная дегуманизация мусульманского мира послужила превосходным катализатором «крестоносного» дела и позволила ему утверждать, что борьба против «чужих» была предпочтительнее, чем война между христианами и внутри Европы⁴.

Решению Урбана II осудить ислам предстояло иметь крайне неприятные и длительные последствия в предстоящие годы. Но важно понимать, что в действительности идея конфликта с мусульманским миром не была записана в ДНК крестоносного движения. Урбан представлял себе религиозную экспедицию, санкционированную Римом и направленную прежде всего на защиту и повторное завоевание святой территории. В некотором смысле его выбор ислама в качестве врага был

случайным, и нет оснований предполагать, что латиняне или их греческие союзники действительно считали мусульманский мир своим заклятым врагом до 1095 года*.

Возбуждающая идея о возмездии за «отвратительные надругательства», возникшая благодаря обвинению мусульман во всех смертных грехах, могла захватить слушателей Урбана в Клермоне, но его «крестоносное» послание содержало и более мощный соблазн, затронувший саму природу существования средневекового христианина. Воспитанные в религиозной вере, которая подчеркивала страшную угрозу греха и проклятия, латиняне Запада были втянуты в отчаянную духовную борьбу, продолжавшуюся всю жизнь, за уничтожение порочности в своих душах. Постоянно стараясь найти искупление, они были абсолютно покорены, когда папа сказал, что экспедиция на восток будет считаться священным предприятием и участие в ней даст освобождение от всех грехов. В прошлом даже «справедливая война» (то есть насилие, которое Бог приемлет как необходимое) все же считалась греховной. Но теперь Урбан заговорил о конфликте, который преступал традиционные границы. Его дело должно было стать священным, приобрести характер священной войны, с которой Бог не просто мирился, а активно поддерживал и одобрял. Как утверждает один из свидетелей, папа даже заявил, что «Христос приказывает верующим» вступать в ряды крестоносцев.

Гений Урбана позволил ему создать идею Крестовых походов в рамках существующей религиозной практики, таким образом, чтобы, по крайней мере говоря языком XI века, связь, установленная им между войной и спасением, имела ясный рациональный смысл. В 1095 году латинские христиане были привычны к понятию о том, что наказание за грехи может быть отменено покаянием и выполнением искупительных действий, таких как молитва, пост или паломничество. В Клермоне Урбан соединил знакомое понятие спасительной экспедиции с более смелой концепцией сражения за Господа,

* Нередко считают, что крестоносное движение было формой насильственного распространения христианского Евангелия. В действительности, по крайней мере вначале, религиозное обращение не было существенным элементом идеологии крестоносцев.

требуя, чтобы любой человек, не важно, к какому классу он принадлежит, беден он или богат, рыцарь или пеший солдат, присоединился к тому, что должно было стать, по сути, вооруженным паломничеством. Это монументальное предприятие, чреватое опасностями и угрозой ужасных страданий, приведет его участников к воротам Иерусалима, главной цели христианских паломников. В качестве такового оно будет иметь огромный искупительный потенциал, станет суперискуплением, способным избавить душу от любых прегрешений.

От осквернения Святого города чуждыми Богу людьми до обещания нового пути к искуплению Урбан сотворил убедительную и эмоциональную мешанину образов и идей в поддержку своего призыва к оружию. Эффект был очевиден, «глаза одних были полны слез, другие дрожали». Сделав решительный шаг, который, вероятнее всего, был предварительно запланирован, епископ Адемар первым выступил вперед и объявил о своем участии. На следующий день он был объявлен папским легатом (официальным представителем Урбана) в предстоящей экспедиции. Как ее духовный лидер, он должен был продвигать планы папы, не последним из которых было ослабление напряженности в отношениях с греческой византийской церковью. В то же самое время прибыли посланцы от Раймунда Тулузского, сообщившие о поддержке графом крестоносного движения. Речь Урбана имела большой успех, и в течение следующих семи месяцев он продолжал проповедовать в самых разных городах, доводя свое послание до ума французов⁵.

И все же, хотя Клермон может считаться местом зарождения Первого крестового похода, было бы неверно называть Урбана II единственным создателем идеала крестоносного движения. Ранние историки по праву указывали на его долг перед прошлым, в первую очередь имея в виду папу Григория VII и его исследование теории священной войны. Но также важно признать, что идея Первого крестового похода — его природы, намерений и наград — претерпевала постоянное органичное развитие на протяжении всей экспедиции. В действительности этот процесс продолжался и после события, поскольку мир стремился понять и истол-

ковать столь эпохальное мероприятие. Слишком просто говорить о Первом крестовом походе как об одной хорошо организованной группе людей, которые, откликнувшись на призыв папы Урбана, двинулись в Иерусалим. В действительности после ноября 1095 года движение шло отдельными, не согласованными между собой волнами. Даже группы, которые мы обычно называем «главными армиями» похода, начали первую стадию путешествия не как единая сила, а скорее как неорганизованное скопление мелких формирований, уже в пути организовавших общее управление.

Не прошло и месяца после первой проповеди Урбана II, как разные народные (и прочие несанкционированные) проповедники по всей Европе начали призывать к Крестовому походу. У этих очевидных демагогов некоторые тонкости, окружавшие духовные награды, связанные с экспедицией, — индульгенции крестоносцев — выветрились. Урбан, вероятнее всего, планировал, что предлагаемое отпущение будет применяться только к мирскому наказанию за признанные грехи; довольно сложная формула, но придерживающаяся строгого церковного закона. Судя по более поздним событиям, многие крестоносцы думали, что получили точную гарантию небесного спасения, и верили, что, если умрут во время кампании, станут святыми мучениками. Такие идеи ассоциировались с Крестовыми походами еще несколько веков и являлись сутью противоречий между официальной и народной концепцией священных войн.

Следует отметить, что папа Урбан не изобрел термин «Крестовый поход». Экспедиция, начало которой было положено в Клермоне, была настолько новой и в некоторых отношениях эмбриональной по своей концепции, что для ее описания не существовало слова. Современники называли Крестовый поход просто *iter* (путешествие) или *peregrinatio* (паломничество). Только в конце XII века появилась более специфическая терминология — слово *crucesignatus* (тот, кто обозначен крестом) — «крестоносец», и со временем было повсеместно принято французское слово *croisade*, которое грубо переводится как «путь креста». Впоследствии историками был принят термин «Крестовый поход» для обозначения христиан-

ских священных войн, которые велись после 1095 года. Но мы должны понимать, что это придает обманчивую ауру связи и сходства с ранними «Крестовыми походами»⁶.

Зов креста

В месяцы после Клермонского собора призыв к Крестовому походу распространился по всей Западной Европе, вызвав беспрецедентную реакцию. В то время как Урбан II пропандировал свою идею во Франции, епископы всего латинского мира передали его призыв в своих епархиях.

Призыв также подхватили народные проповедники — подстрекатели, деятельность которых не санкционировалась и не регулировалась церковью. Одним из самых известных был Петр Пустынный. Вероятнее всего, он был выходцем из бедных кварталов Амьена (северо-восток Франции) и прославился своим аскетическим кочевым образом жизни и необычным рационом — один современник написал, что он «жил на вине и рыбе и вряд ли когда-нибудь ел хлеб». По современным меркам он считался бы бродягой, но французская беднота XI века почитала его как пророка. Его святость была настолько велика, что последователи собирали шерстинки его мула и хранили их как реликвию. Греческий современник написал: «Создавалось впечатление, что его устами говорил Бог, и голос его доходил до сердца каждого; Петр Пустынный вдохновлял франков отовсюду собираться, брать оружие, лошадей и прочее военное снаряжение». Он, должно быть, действительно был прекрасным оратором, поскольку в течение шести месяцев после Клермона сумел набрать армию, в основном состоявшую из бедного люда, численностью более 15 тысяч человек. В историю эта армия, вместе с рядом других контингентов из Германии, вошла под названием «Народный крестовый поход». Воодушевленные идеей священной войны, ее части выступили в направлении Святой земли весной 1096 года, за несколько месяцев до всех остальных армий, являя собой, по сути, неорганизованную, не подчиняющуюся дисциплине толпу. По пути некоторые «крестоносцы» самостоятельно при-

шли к выводу, что вполне могут сражаться с «врагами Христа» и ближе к дому, устроив ужасную резню евреев в Рейнской области. Оказавшись на мусульманской территории, армия Народного крестового похода была почти сразу же уничтожена, хотя Петр Пустынник выжил⁷.

Пусть первая волна Крестовых походов окончилась неудачей, но в это время на Западе уже собирались более крупные армии. Народные сборища, на которых искусные ораторы призывали людей присоединиться к крестоносному движению, проводились повсеместно. Идея пропагандировалась и неофициально среди родственников, а также при посредстве сети папских сторонников и связей между монастырскими общинами и знатью. Историки продолжают спорить относительно численности участников, главным образом из-за ненадежности современных оценок (некоторые авторы утверждают, что численность крестоносного воинства перевалила за полмиллиона человек). Достаточно правдоподобным является предположение, что в Первый крестовый поход выступило от 60 до 100 тысяч латинян, из которых от 7 до 10 тысяч человек были рыцарями, 35—50 тысяч — пехотинцами, остальные не участвовали в боевых действиях (старики, женщины, дети). Определенно можно утверждать лишь то, что призыв к Крестовому походу вызвал необычайно большой отклик, масштаб которого потряс средневековый мир. После грандиозных походов Древнего Рима такие армии больше не собирались⁸.

В сердце этих армий находились рыцари — военная элита Средних веков*. Папа Урбан II очень хорошо знал тревогу

* Как правило, первые рыцари-крестоносцы носили то, что по меркам Средневековья считалось тяжелыми доспехами: конический стальной шлем на кольчужном капюшоне или шапке, кольчужную рубашку длиной до бедер поверх подбитой куртки — все это могло защитить от скользящего удара, но не от сильного колющего или рубящего удара. Для этого существовал оправленный металлом деревянный щит. Стандартным оружием ближнего боя было копьё и одноручный обоюдоострый длинный меч (около двух футов [61 см]). Эти тяжелые, отлично сбалансированные клинки были полезнее как дубинки, чем как колюще-режущее оружие. Рыцари и пехотинцы также часто использовали длинные луки — около шести футов (183 см) длиной. Они могли посылать стрелы на расстояние до 300 ярдов (274 м). Некоторые использовали примитивные арбалеты.

этих христианских воинов, вовлеченных в земную профессию, связанную с насилием, и находящихся под влиянием церкви, учившей, что греховная война приведет к проклятию. Один из современников заметил: «Бог основал в наше время священные войны, чтобы рыцари и толпа, бегущая за ними... могли найти новый путь к спасению. Таким образом, они не должны полностью отказываться от своих мирских дел, избирая монашескую жизнь или любую религиозную профессию, как это было принято, а добиваются милости Господней, продолжая свою карьеру, пользуясь свободой и нося одежду, к которой они привыкли».

Папа «сконструировал» идею вооруженного паломничества, по крайней мере частично, чтобы разрешить духовную дилемму рыцарской аристократии. Он также знал, что, если знать будет на его стороне, за свитой рыцарей и пехотинцев дело не станет. Ведь, хотя участие в Крестовых походах было добровольным, социальные группы объединяла сложная паутина семейных уз и феодальной зависимости. На самом деле Урбан инициировал цепную реакцию, в процессе которой каждый аристократ, решивший отправиться в Крестовый поход, становился эпицентром расходящейся волны вербовки.

Короли не присоединились к экспедиции — вероятно, были слишком поглощены собственными политическими комбинациями, однако сливки западной христианской аристократии приняли в ней участие. Это были представители самой высочинородной знати Франции, Западной Германии и Нидерландов, которые вполне могли бросить вызов, а в некоторых случаях и затмить власть короля. Они, конечно, обладали весьма существенной независимой властью и могли именоваться «князьями». Каждый из этих князей командовал собственным военным контингентом, но также привлекал большие группы сторонников, связанных с ним феодальной зависимостью, семейными узами и даже общими этническими и лингвистическими корнями.

Граф Раймунд Тулузский, самый могущественный мирской властелин на юго-востоке Франции, был первым, вызвавшимся участвовать в походе. Ярый сторонник папских реформ и союзник Адемара из Пюи, граф почти наверня-

ка был привлечен на свою сторону Урбаном еще до клермонской проповеди. Доживший до середины пятого десятилетия Раймунд был самым старым князем, принявшим участие в экспедиции. Гордый и упрямый, обладавший завидным богатством, властью и влиянием, он принял командование над армиями Прованса и Южной Франции. Позднее легенда приписала ему участие в кампании против мавров Иберийского полуострова и даже в паломничестве в Иерусалим, во время которого он лишился одного глаза в наказание за отказ платить заоблачную дань, наложенную мусульманами на латинских паломников. И в самом деле, утверждают, что граф вернулся на Запад с одним глазом в кармане — своеобразным талисманом его ненависти к исламу. Возможно, все эти рассказы — всего лишь фантазии, но тем не менее Раймунд, безусловно, обладал опытом и, что более важно, ресурсами, чтобы претендовать на общее мирское командование походом⁹.

Самым очевидным соперником графа в борьбе за это положение был сорокалетний норманнский граф с юга Италии Боэмунд Тарентский. Будучи сыном Роберта Гвискара (Хитрого), одного из норманнских авантюристов, завоевавших южную часть Италии в XI веке, Боэмунд получил бесценный военный опыт. Сражаясь рядом с отцом в 1080 году в четырехлетней Балканской кампании против греков, Боэмунд познал реалии командования на поле боя и принципы осадной войны. Ко времени начала Первого крестового похода Боэмунд имел весьма внушительный послужной список, и один из современников написал, что этот человек «не имел себе равных в отваге и знании искусства войны». Даже византийские противники признавали, что он неизменно привлекал к себе внимание.

«Появление Боэмунда, если говорить кратко, не было похоже на появление никакого другого человека, которого знал в те дни римский мир, — грека или варвара. Его вид внушал восхищение, упоминание его имени — страх. <...> Его комплекция была такова, что он возвышался почти на целый кубит над самым высоким человеком. Он был узок в талии и бедрах, имел широкие плечи и грудь, сильные руки. <...>

Кожа на всем его теле была очень белой, если не считать лица, которое было и белым, и красным. Его волосы были светло-каштановыми и не такими длинными, как у других варваров (то есть они не доставали до плеч). <...> Глаза были светло-голубыми, и по ним можно было судить о силе духа и достоинстве этого человека. В его внешности было определенное очарование, и вместе с тем некая дикая суровость. Такое впечатление создавалось из-за его огромного роста и цвета глаз, даже его смех для многих звучал угрожающе».

Но, несмотря на все свои достоинства, Боэмунду не хватало богатства, поскольку он был лишен наследства своим жадным сводным братом. Движимый алчностью, он присоединился к крестоносцам летом 1096 года, преследуя не только духовные, но и вполне мирские личные цели: он мечтал о новом левантийском поместье лорда, которое он мог бы назвать своей собственностью. В походе Боэмунда сопровождал его племянник Танкред Отвиль. Едва достигший двадцатилетнего возраста, не имевший военного опыта юноша тем не менее обладал неистощимым энтузиазмом (и, очевидно, умел говорить по-арабски). Он быстро занял положение заместителя командира в относительно маленькой, но грозной армии южноитальянских норманнов, которые последовали за Боэмундом на восток. Со временем Танкред стал одной из самых заметных фигур крестоносного движения¹⁰.

Крестоносцы с юга Франции и итальянские норманны были сторонниками реформ папства, но после 1085 года даже некоторые заклятые враги папства присоединялись к экспедиции в Иерусалим. Таким был, к примеру, Годфруа Буйонский (Годфрид Бульонский) из Лотарингии. Он родился около 1060 года, был вторым сыном графа Булонского и вел свою родословную от Карла [Великого] (позднее легенды утверждали, что он был рожден лебедью). Говорили, что он был выше среднего роста, силен сверх всякой меры, имел крепкие конечности, широкую грудь, приятные черты лица, бороду и светлые волосы. Годфруа носил титул герцога Нижней Лотарингии, но не сумел установить свою власть в этом, как известно, изменчивом регионе и, возможно, стал кре-

стонощем в надежде на начало новой жизни в Святой земле. Несмотря на разговоры о том, что он захватывал церковную собственность, и ограниченный военный опыт, в последующие годы Годфруа доказал свою верность идеалам движения и проявил способности хладнокровного командира.

Годфруа занимал важное место в неорганизованном конгломерате войск из Лотарингии и Германии. К нему присоединился брат — Бодуэн Булонский. Как сообщается, он был темноволосым человеком и имел более светлую кожу, чем Годфруа. Еще Бодуэн обладал острым пронизательным взглядом. Как и Танкред, он возвысился из относительной безвестности в ходе Крестового похода, показал бычье упорство в бою и ненасытную потребность двигаться вперед.

Эти пять князей — Раймунд Тулузский, Боэмунд Тарентский, Годфруа Буйонский, Танкред Отвиль и Бодуэн Булонский — сыграли центральные роли в экспедиции в Иерусалим, возглавив три главные франкские армии. Они оказали решающее влияние на раннюю историю крестоносного движения. Четвертый и последний контингент из Северной Франции также присоединился к кампании. В этой армии главенствовала тесная родственная группа из трех аристократов. Это имеющий большие связи Роберт, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя и брат Вильгельма Руфуса [Рыжего], короля Англии, родственник Роберта — Этьен, граф де Блуа, и его тезка и кузен Роберт II, граф Фландрии.

Для этих правителей, их последователей и, возможно, даже представителей бедных классов процесс вступления в ряды крестоносцев был связан с драматической и эмоциональной церемонией. Каждый человек произносил клятву совершить путешествие в Иерусалим и затем, как знак своей принадлежности к братству крестоносцев, нашивал на свою одежду изображение креста. Когда Боэмунд Тарентский услышал призыв к оружию, его реакция была мгновенной: «Вдохновленный Святым Духом, он велел принести свой самый ценный плащ, который приказал разрезать на кресты, и многие рыцари, которые были там, сразу же присоединились к нему, поскольку тоже были исполнены энтузиазма». Кое-где це-

ремонию принимали экстремальный характер — кресты вырезались на теле, а надписи делались кровью.

Процесс идентификации по отчетливо видимому символу должен был выделить крестоносцев из общей массы и создать группу, а клятва давала крестоносцам официальных защитников их самих и их собственности. Описания этих церемоний, сделанные современниками, подчеркивают духовную мотивацию. Мы могли бы поставить под сомнение подобные свидетельства, учитывая, что они почти всегда исходили от церковников, однако они подтверждаются большим числом официальных документов, составленных или самими крестоносцами, или по их распоряжению, чтобы привести в порядок дела перед отправлением в Иерусалим. Эти материалы подтверждают, что многие крестоносцы действительно видели свои действия в религиозном контексте. Один крестоносец, Бертран де Монконтур, настолько проникся религиозными чувствами, что решил отказаться от земель, которые незаконно удерживал у себя, не желая возвращать монастырю в Вандоме, потому что уверовал: нельзя идти по пути Бога, имея в руках то, что украдено у церкви. Документальные свидетельства также отражают атмосферу страха и самопожертвования. Будущие крестоносцы, судя по всему, испытывали тревогу относительно долгого и опасного пути, в который отправлялись. Но в то же самое время они не оттаивали перед тем, чтобы продать буквально всю свою собственность, чтобы только принять участие в экспедиции. Даже Роберт Нормандский был вынужден заложить свое герцогство брату. Некогда модный миф о том, что крестоносцы были своекорыстными, не имевшими наследства и жаждущими получить земли младшими сыновьями, следует развенчать. Участие в Крестовых походах было деятельностью, которая могла принести духовное и материальное вознаграждение, но в первую очередь это была устрашающая и в высшей степени дорогостоящая деятельность. Набожность вдохновила Европу на Крестовые походы, и впоследствии первые крестоносцы не раз доказали, что их самое мощное оружие — общее чувство цели и нерушимая духовная решимость¹¹.

ВИЗАНТИЯ

Начиная с ноября 1096 года главные армии Первого крестового похода начали прибывать в великий город Константинополь (Стамбул), древние ворота на Восток и столицу Византийской империи. В течение шести следующих месяцев разные контингенты экспедиции прошли через Византию на пути в Малую Азию к границе исламского мира. Константинополь был удобным местом для того, чтобы собрать разные отряды крестоносцев, поскольку он стоял на традиционном пути паломников к Святой земле, а франки шли на восток с намерением помочь своим греческим братьям.

Честолюбивые замыслы Алексея

Византийский император Алексей I Комнин уже был свидетелем краха Народного крестового похода, и обычно считают, что он ожидал главных сил крестоносцев с недоверием и подозрением. Его дочь и биограф Анна Комнина написала, что Алексей опасался прибытия франков, зная об их неконтролируемом энтузиазме, непостоянстве, нерешительности и жадности. Она также изобразила крестоносцев варварами Запада и с особой язвительностью описала Боэмунда, назвав его обыкновенным негодяем, к тому же лжецом по натуре. Основываясь на ее оскорбительной риторике, историки часто изображают ранние греко-латинские встречи 1096—1097 годов как исполненные недоверия и скрытой враждебности. В действительности рассказ Анны Комнины, написанный спустя несколько десятилетий после события, был изрядно искажен ретроспективным взглядом на него. Конечно, отношение друг к другу было настроенным, не обошлось без антипатии, враждебности и даже стычек. Но, по крайней мере, вначале они были вполне конструктивными¹².

Чтобы правильно понять путешествие первых крестоносцев через Византию и за ее пределы, следует реконструировать предубеждения и предрассудки и франков, и греков.

Многие считают, что в части богатства, могущества и культуры в европейской истории всегда доминировал Запад. Но в XI веке фокусная точка цивилизации находилась на Востоке, в Византии, наследнице греко-римского могущества и славы, продолжательнице самой прочной империи. Алексей мог проследить свое имперское наследство от Августа Цезаря и Константина Великого, и для франков это окружало императора и его владения почти мистической аурой величия.

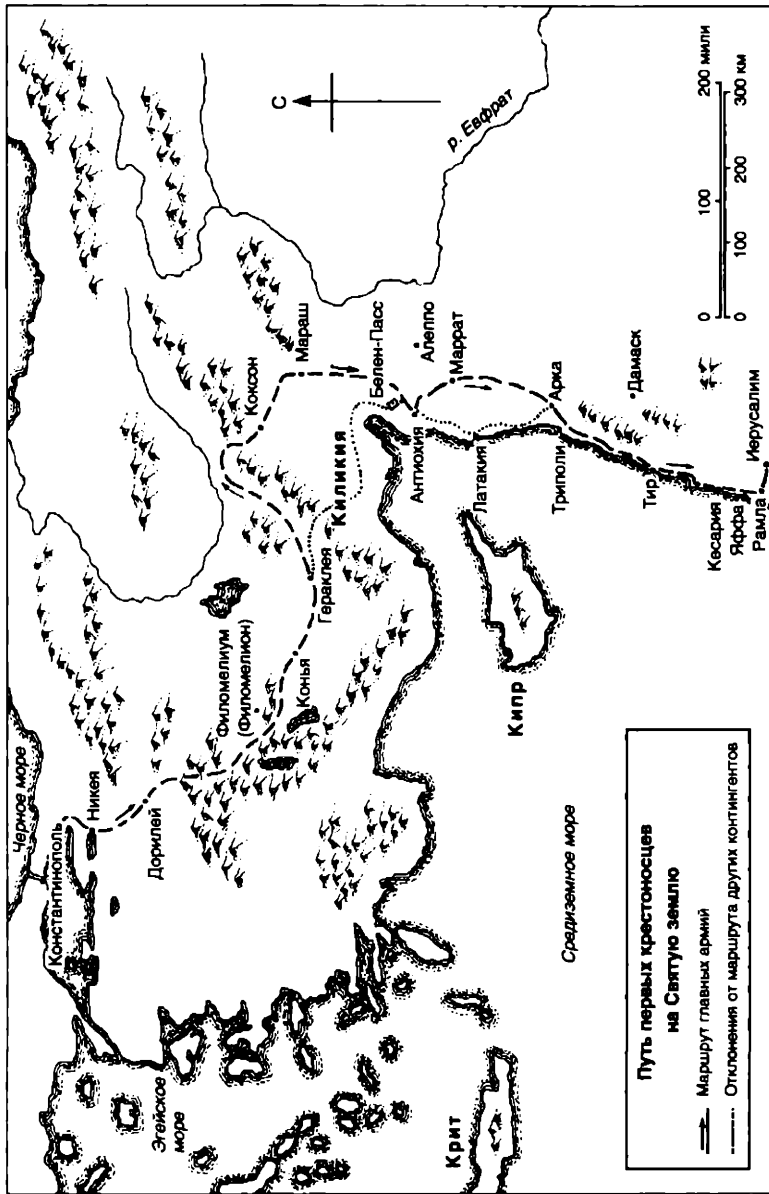
Прибытие крестоносцев в Константинополь еще более усилило это впечатление. Стоя перед его колоссальными внешними стенами — длиной четыре мили (6,5 км), толщиной до пятнадцати футов (4,5 м), высотой до шестидесяти футов (18 м) — они не сомневались, что созерцают сердце величайшей державы христианской Европы. Тем, кому повезло получить разрешение на вход в столицу, довелось увидеть еще больше чудес. Этот город, вмещавший около полумиллиона человек, заставлял казаться маленькой деревенькой самый крупный город Европы. Посетители смогли полюбоваться украшенной куполом базиликой Святой Софии, самой красивой церковью христианского мира, увидеть гигантские триумфальные статуи легендарных предков Алексея. В Константинополе также находилась непревзойденная коллекция святых реликвий, включая терновый венец Христа, пряди волос Святой Девы, по меньшей мере две головы Иоанна Крестителя и мощи практически всех апостолов.

Естественно, многие крестоносцы ожидали, что их экспедиция начнется на службе у императора. Со своей стороны, Алексей встретил франкские армии настороженно и постоянно следил за ними на пути от границ его империи к столице. Он считал Крестовый поход военным инструментом, который следовало использовать для защиты своих владений. Попросив помощи у папы Урбана в 1095 году, он теперь оказался лицом к лицу с ордами латинских крестоносцев. Но, несмотря на их предполагаемую неуправляемую дикость, он понял, что кипучую энергию франков можно использовать в интересах империи. Управляемый осторожно и твердо, Крестовый поход мог стать решающим оружием для отвоевания у турок-сельджуков Малой Азии. Таким образом, и греки, и

латиняне были изначально настроены на сотрудничество, но тем не менее семена раздора присутствовали. Большинство франков ожидало, что император лично возглавит армии и поведет их — гигантскую коалицию — к воротам Иерусалима. У Алексея таких планов не было. Для него главными всегда были нужды Византии, а не Крестового похода. Он был готов помочь латинянам и извлечь выгоду из их успехов, если таковые будут, особенно если они помогут ему отразить угрозу со стороны ислама и, возможно, даже вернуть стратегически важный город Антиохию. Но он не собирался подвергать свою династию опасности свержения, а империю — опасности вторжения, начав продолжительный военный поход на далекую Святую землю. Разница в целях и ожиданиях будет иметь трагические последствия.

На службе у императора

Решив навязать франкам свою власть, Алексей воспользовался разобщенностью крестоносцев и старался договариваться с каждым лидером группы отдельно по мере их прибытия в Константинополь. Он также воспользовался впечатляющим величием своей столицы, чтобы запугать латинян. 20 января 1097 года один из первых прибывших князей — Годфруа Буйонский — был приглашен на аудиенцию к Алексею в сопровождении своих самых знатных спутников. Аудиенция проходила в роскошном императорском дворце Влахерн. Годфруа, вероятно, обнаружил императора сидящим, как обычно, и выглядящим необычайно внушительно. Алексей не встал, чтобы поздороваться с герцогом и остальными. Сохраняя царственный вид, Алексей потребовал от Годфруа обещания, что «какие бы города, страны или крепости он ни взял в будущем, которые раньше принадлежали Римской империи, он передаст их чиновнику, назначенному императором». Это означало, что любая территория, захваченная в Малой Азии и даже за ее пределами, будет принадлежать Византии. Тогда герцог принес императору присягу на вассальную зависимость, создав взаимно обязывающий союз, который подтвер-

дил право Алексея направлять Крестовый поход, но также позволял Годфруа рассчитывать на императорскую помощь и совет. В характерном для Византии шоу необычайной щедрости император смягчил этот акт капитуляции, обрушив на франкского князя дождь из подарков — золото, серебро, драгоценные ткани и лошади. Сделав дело, Алексей весьма оперативно отправил Годфруа и его армию через Босфор — узкий пролив, соединяющий Средиземное и Черное моря и разделяющий Европейский и Азиатский континенты, чтобы избежать потенциально дестабилизирующей обстановку концентрации латинских войск у стен Константинополя.

В последующие месяцы практически все лидеры крестоносцев последовали примеру герцога Годфруа. В апреле 1097 года Бозмунд Тарентский заключил мир с бывшим своим противником — греческим императором, с готовностью согласившись дать клятву. Он получил богатое вознаграждение — целую комнату, набитую сокровищами, отчего у него, если верить Анне Комнине, глаза полезли на лоб. Три франкских аристократа захотели избежать сетей Алексея. Подгоняемые честолюбием Танкред Отвиль и Бодуэн Булонский сразу переправились через Босфор, чтобы избежать клятвы, но позднее все же подчинились. Только Раймунд, граф Тулузский, упорно сопротивлялся предложениям византийского императора, но в конце концов согласился дать клятву не угрожать власти и владениям Алексея¹³.

Осада Никеи

Главные армии Первого крестового похода начали собираться на побережье Малой Азии в феврале 1097 года, и в течение следующих месяцев их количество постепенно увеличилось до 75 тысяч, в том числе 7500 тяжеловооруженных конных рыцарей и 35 тысяч легковооруженной пехоты. Время их прибытия к воротам мусульманского мира оказалось весьма благоприятным. Несколькими месяцами ранее Кылыч-Арслан с относительной легкостью разгромил Народный крестовый поход. Думая, что вторая волна франков также

представляет собой небольшую угрозу, он отправился для урегулирования территориальных споров на восток. Эта грубая ошибка позволила христианам весной беспрепятственно переправиться через Босфор и создать на другом берегу плацдарм.

Первая мусульманская мишень латинян была определена союзом с греками, а главной целью Алексея была Никея — город, расположенный на небольшом расстоянии от побережья Босфора. Его Кылыч-Арслан объявил своей столицей. Турецкий оплот в западной части Малой Азии угрожал безопасности Константинополя, но все попытки императора завоевать его были отбиты. Теперь Алексей решил применить против Никеи свое новое оружие — варваров франков. Они прибыли к Никее 6 мая и обнаружили неприступную крепость. Один свидетель-латинянин утверждал, что «умелый люд окружил город такой высокой стеной, что он не боялся ни нападения врага, ни осадных машин». Зубчатые стены высотой тридцать футов (9 м), имеющие почти три мили (5 км) в окружности, включали более сотни башен. Еще более тревожным был тот факт, что западный край города вплотную примыкал к большому озеру Аскания, что позволяло турецкому гарнизону, насчитывающему несколько тысяч человек, получать снабжение и подкрепление, даже если город осажден на земле.

На первом этапе осады христиане подошли очень близко к поражению. Осознав, что над его столицей нависла реальная угроза, Кылыч-Арслан в конце весны вернулся из Малой Азии. 16 мая он попытался организовать внезапную атаку на стоящие перед Никеей армии с крутых, поросших лесом холмов к югу от города. К счастью для франков, турецкий шпион, схваченный в их лагере, под угрозой пыток и смерти выдал планы сельджуков. И когда началась атака мусульман, латиняне оказались к ней готовы и, поскольку их численность была больше, довольно скоро заставили Кылыч-Арслана отступить. Он спасся, большая часть его армии тоже осталась невредимой, но военному престижу и боевому духу гарнизона Никеи был нанесен тяжелый урон. Желая произвести еще больший моральный эффект, крестоносцы обезглавили сотни

турецких трупов и выставили головы на пиках перед городом, а некоторые даже перебросили через стены, чтобы усугубить панику. Такого рода варварская психологическая война была обычной в процессе средневековых осад, и определенно была изобретена не христианами. В последующие недели никейские турки всеми силами старались отомстить. Крюками на веревках они затаскивали на стены трупы франков, оставшиеся после боев, и оставляли висеть там для устрашения христиан¹⁴.

Отбив атаку Кылыч-Арслана, крестоносцы применили комбинированную осадную стратегию, используя одновременно два стиля осадной войны. С одной стороны, они установили прочную блокаду городских стен на суше с севера, востока и юга, надеясь отрезать Nikeю от внешнего мира, постепенно изматывая гарнизон физической и психологической изоляцией. Однако у франков не было средств, чтобы прервать линии связи по воде через озеро, поэтому они одновременно штурмовали город. Первые попытки использования штурмовых лестниц были неудачными, и они сосредоточили усилия на проломе стен. Крестоносцы построили несколько камнеточных машин — баллист, но они имели ограниченные возможности и не могли метать камни достаточных размеров, чтобы нанести хотя бы какой-нибудь ущерб. Вместо этого латиняне вели обстрел легкими камнями, чтобы держать защитников Nikeи в напряжении, и в то же время вели вручную подкопы под городские стены.

Это была смертельно опасная работа. Чтобы добраться до подножия стен, войскам приходилось идти под дождем мусульманских стрел и каменных снарядов, а добравшись, они постоянно подвергались другой опасности — сверху их поливали горячей смолой и маслом. Франки экспериментировали с разными переносными экранами, чтобы защититься от этой угрозы. Степень успеха тоже была разной. Одна такая хитроумная штукавина, гордо названная лисой, сделанная из дубовых бревен, неожиданно развалилась и погребла под своими обломками двадцать крестоносцев. Франки с юга оказались удачливее, построив более надежное защитное приспособление с покатой крышей, которое позволило им до-

браться до стены и начать подкоп. Они прорыли подкоп под южной стеной, аккуратно устанавливая в туннеле деревянные подпорки, чтобы предотвратить обрушение, потом заполнили его ветками и подожгли. Было это 1 июля 1097 года. Прогорев, конструкция обрушилась, а с ней и небольшая часть стены. К несчастью для франков, турки сумели за ночь ликвидировать пролом, так что успех развить не удалось.

К середине июня крестоносцам так и не удалось достичь прогресса, пришлось византийцам принимать меры. Находясь в дне пути к северу, Алексей поддерживал дистанцию, но внимательно следил за происходящим, отправляя войска и военных советников на помощь латинянам. Самым примечательным из них был Татикий — умный и хладнокровный ветеран империи, по национальности полуараб, полугрек, известный своей преданностью императору*. Только в середине июня Алексей решил предпринять кое-какие шаги. В ответ на просьбы крестоносцев он велел переташить волоком по суше небольшой флот из двадцати греческих судов на расстояние 20 миль (32 км) на озеро Аскания. На рассвете 18 июня эта флотилия направилась в сторону Никеи — трубы ревели, барабаны громко стучали, а франки одновременно начали штурм с суши. Очевидцы утверждали, что сельджуки были перепуганы «почти до смерти, начали рыдать и жалобно стенать». Уже через несколько часов они запросили мира, и город перешел в руки византийцев.

Взятие Никеи стало высшей точкой греко-франкского сотрудничества во время Первого крестового похода. Сначала были недовольные среди рядовых крестоносцев — их не устраивало отсутствие добычи, но они замолчали, услышав о решении Алексея щедро вознаградить своих союзников. Позднее западные хроники намного повысили степень напряжения, существовавшую после падения Никеи, но письмо, написанное домой Этьеном де Блуа, ясно указывает на дружбу и сотрудничество между союзниками. Император провел аудиенцию с лидерами крестоносцев, чтобы обсудить следующую

* Татикий был евнухом и очень способным генералом. Говорили, что в начале своей военной карьеры он лишился носа и носил на лице золотую копию.

стадию кампании. Судя по всему, был согласован маршрут через Малую Азию и намечена следующая цель — город Антиохия. Алексей планировал следовать за экспедицией, защищая территорию — так он хотел сохранить контроль над событиями. Татикий вместе с небольшим византийским отрядом сопровождал латинян.

Всю весну и лето Алексей давал латинянам бесценные советы и сообщал разведывательные сведения. Анна Комнина записала, что Алексей «предупреждал их о событиях, которые могут произойти в пути, и давал ценные советы. Они получили информацию о приемах, которые турки обычно используют в бою, — сказал, как следует строить боевую линию, как устраивать засады, посоветовал не преследовать противника на большие расстояния, если он обращается в бегство». Он также рекомендовал лидерам крестоносцев умерить агрессию по отношению к исламу с помощью элемента прагматичной дипломатии. Они последовали совету и постарались использовать политическую и религиозную разобщенность мусульман, отправив послов на корабле в халифат Фатимидов в Египте, чтобы обсудить потенциально возможный договор¹⁵.

Когда крестоносцы в конце июня 1097 года покинули Никею, Алексей подвел некоторые итоги прошедших месяцев, которые его удовлетворили. Франкская орда прокатилась по его империи без особых последствий и даже нанесла серьезный удар сельджукам. Несмотря на некоторые трения, когда император присутствовал рядом, латиняне проявляли и сотрудничество, и послушание. Вопрос заключался в том, как скоро развеются чары теперь, когда император был далеко, а крестоносцы направлялись к Святой земле.

ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ

Без мудрого руководства Алексея франкам пришлось справляться со многими организационными и командными трудностями. По сути, их армия была составной силой, одной большой массой, состоявшей из множества небольших частей, объединенных общей верой — латинским католициз-

мом — и собранных по всей территории Западной Европы. Многие крестоносцы были врагами еще до начала экспедиции. Они даже столкнулись с языковым барьером: крестоносец из Северной Франции Фульхерий Шартрский писал: «Кто и когда слышал такое смешение языков в одной армии?»

Разнородная масса должна управляться крепкой рукой. И в самом деле, требования военной логики предполагают, что без строгого единоначалия Крестовый поход был обречен на развал и крах. Но с лета 1097 года у экспедиции не было единого лидера. Папский легат Адемар из Пюи мог претендовать на духовное превосходство, да и грек Татикий участвовал в командовании, но на практике ни один из них не обладал всей полнотой власти. На деле крестоносцам пришлось прощупывать дорогу к организационной структуре посредством экспериментов и инноваций, полагаясь в основном на объединяющее влияние их общей религиозной цели. Вопреки всем ожиданиям они достигли значительного успеха. Самым эффективным инструментом принятия решения оказалось групповое обсуждение, обычно считающееся неприемлемым в военной практике. Был создан «военный совет» из франкских лидеров — таких людей, как Раймунд Тулузский и Бозмунд Тарентский, которые собирались, чтобы обсудить и согласовать дальнейшие действия. Еще раньше они создали общий фонд, через который проходила и распределялась вся добыча. Им и предстояло решить, каким образом лучше всего пересечь Малую Азию.

Из-за большой численности крестоносного войска оно не могло продвигаться вперед, как единая армия. Растянутой вдоль римских дорог и путей пилигримов 70-тысячной колонне потребовались бы дни, чтобы пройти один данный пункт. А добывая себе продовольствие, они к тому же опустошили бы окрестности, как стая саранчи. Но христиане не могли себе позволить разбиться на мелкие группы и двигаться раздельно, как на пути в Константинополь, поскольку Кылыч-Арслан и сельджуки все еще представляли реальную угрозу. Лидеры крестоносцев со временем все же решили разделить свою армию на две, сохраняя относительно тесный контакт во время марша¹⁶.

Битва при Дорилее

27 июня 1097 года итальянские норманны Боэмунда и армия Роберта Нормандского вышли в поход, за ними на некотором расстоянии двигались Годфруа Буйонский, Роберт Фландрский и южные франки. По плану они должны были встретиться после четырехдневного марша на юго-восток у Дорилея, заброшенного военного лагеря византийцев. Кылыч-Арслан, однако, имел другие планы. После унижения в Никее он собрал огромную армию и собирался напасть на крестоносцев, пока они идут по его земле. Их разделение на две армии дало ему шанс нанести удар. Утром 1 июля он атаковал силы Боэмунда и Роберта Нормандского на открытой территории в районе соединения двух долин у Дорилея. Один из воинов Боэмунда вспоминает ужас момента, когда неожиданно появились турки и «начали все сразу завывать на разные голоса и выкрикивать на своем языке какие-то дьявольские слова, которых я не понял... визжа, словно демоны». Кылыч-Арслан появился с армией легковооруженных, но удивительно ловких и подвижных сельджукских всадников, рассчитывая посеять панику в рядах крестоносцев, которые двигались намного медленнее. Турки взяли их в кольцо и, кружась, словно вихрь, принялись осыпать градом стрел. Латиняне были определенно шокированы тактикой противника. Один свидетель боя написал: «Турки выли, словно волки, и выпускали град стрел. Мы были ошеломлены. Но, понимая, что нам грозит смерть, и многие уже были ранены, обратились в бегство. Это неудивительно, потому что для нас такая война была совершенно незнакомой».

Некоторые, конечно, действительно обратились в бегство, но, что удивительно, Боэмунд и Роберт сумели собрать свои войска и разбить лагерь. Вместо хаотичного бегства они предпочли держаться, построить оборонительное формирование и ждать подкрепления. Полдня крестоносцы, пользуясь численным перевесом и превосходством в броне, отражали непрекращающиеся атаки турок. Чтобы укрепить свою решимость перед лицом вражеской орды, крестоносцы придумали для себя девиз: «Держитесь вместе, верьте в Христа и в по-

беду Святого Креста. Сегодня мы получим много добычи». Но время от времени враги все же прорывались.

Турки ворвались в лагерь, выпуская стрелы, убивая пеших солдат, девушек, женщин, детей и стариков, не щадя никого. Потрясенные и испуганные жестокостью этой ужасной бойни, девушки, которые были очень утонченными и благородного происхождения, были вынуждены одеться соответственно и предложить себя туркам, чтобы умиротворенные их красотой и любовью турки проявили жалость к пленным.

Несмотря ни на что, оборонительная линия крестоносцев держалась. В Средние века эффективное командование зависело от силы личности, умения заставить себе повиноваться, и огромная заслуга Боэмунда и Роберта заключалась в том, что они сумели удержать под контролем войска перед лицом агрессии. Прошло пять ужасных часов, прибыли основные силы крестоносцев, и Кылыч-Арслан отступил. Потери были высоки: около 4 тысяч христиан и 3 тысячи мусульман были убиты, но попытка заставить крестоносцев повернуть вспять провалилась. Отныне и впредь Кылыч-Арслан избегал их. Кочевники-сельджуки Малой Азии не были разгромлены, но их сопротивление оказалось сломленным, и дорога через Анатолию открыта¹⁷.

Контакты и завоевания

После Дорилея крестоносцы столкнулись с другими врагами. Голод, жажда и болезни преследовали их все лето 1097 года, пока они шли мимо поселений, покинутых турками. Если верить одному хронисту, в один из моментов жажда стала настолько невыносимой, что «более 500 человек умерли. Из-за отсутствия воды умирали также лошади, ослы, верблюды, мулы, быки и другие животные. Мужчины ослабели от усталости и жары, шли с открытыми ртами и потрескавшимися губами. Когда же страдания от жажды стали казаться невыносимыми, была, наконец, обнаружена река, к которой люди шли. Все поспешили к воде, стараясь быть

первым. Воду пили не останавливаясь. Люди и животные никак не могли напиться, и многие умерли оттого, что выпили слишком много».

Знаменательно то, что гибель животных описывается так же подробно, как смерть людей, но все современные источники в этом едины. В армии нельзя было обойтись без животных, которые перевозили оборудование и припасы, а рыцари зависели от своих боевых коней в сражениях. В прошлом историки подчеркивали преимущества, которыми пользовались рыцари из-за более крупных и сильных европейских коней, но в действительности многие европейские лошади пали, еще не добравшись до Сирии. Франкский участник похода писал, что из-за этого «многие рыцари были вынуждены идти пешком. Из-за отсутствия лошадей приходилось заменять их мулами»¹⁸.

Крестоносцы периодически сталкивались и с другими опасностями. Годфруа Буйонский, например, был атакован и тяжело ранен медведем во время охоты. Он выжил чудом. Эти трудности и опасности, вероятно, показали, что надо более тщательно планировать следующий этап перехода. Достигнув плодородного юго-восточного региона Малой Азии, крестоносцы начали вступать в союзы с местным христианским населением, которое до тех пор жило под турецким правлением. В Гераклее Танкред и Бодуэн Булонский были отправлены на юг в Киликию, в то время как основная армия выбрала северный маршрут через Коксон и Мараш. Обе группы вступили в контакт с местными армянскими христианами, но Танкред и Бодуэн пошли дальше, создали совместный материальный центр, тем самым помогли снабжать весь Крестовый поход в предстоящие месяцы и обеспечили более прямой путь в Сирию для армий подкрепления, которые должны были присоединиться к франкам в Антиохии.

После Киликийской экспедиции Бодуэн решил отделиться от главных сил крестоносцев, чтобы поискать счастья в восточных пограничных землях между Сирией и Месопотамией. Он увидел возможность установления своей независимой левантской власти на этих землях, и, покинув основные силы крестоносцев с небольшим отрядом в сотню рыцарей,

он начал кампанию жестоких завоеваний и непрерывного движения вперед, в которой проявил свой талант и военачальника, и ловкого политического деятеля. Объявив себя «освободителем» армянских христиан от турецкого угнетения, Бодуэн быстро установил контроль над внушительной территорией, расположенной к востоку от реки Евфрат. Благодаря своей репутации очень способного человека Бодуэн получил приглашение стать союзником Тороса, пожилого армянского правителя из города Эдесса. Они действительно стали союзниками, даже больше, отцом и приемным сыном, для чего публично была проведена любопытная церемония: оба мужчины разделись до пояса, после чего Торос обнял Бодуэна, «прижав его к своей обнаженной груди», и на обоих была надета длинная рубашка, чтобы скрепить союз. К несчастью для Тороса, эта церемония несколько не умерила честолюбивые стремления Бодуэна. Через несколько месяцев его армянский «отец» был убит, вероятнее всего не без тайного одобрения Бодуэна. Франк взял контроль над городом и окружающим регионом, создав первое государство крестоносцев на Ближнем Востоке — графство Эдесса¹⁹.

Тем временем армии Первого крестового похода в начале октября 1097 года перегруппировались на границах Северной Сирии. Они уцелели при переходе через Малую Азию, хотя и понесли большие потери. События следующего века доказали, что это уже само по себе было выдающимся достижением, поскольку следующие Крестовые походы потерпели неудачу в этом регионе. Но теперь перед крестоносцами стояла колоссальная задача, превосходящая все предшествующие трудности: осада Антиохии.

Глава 2 СИРИЙСКИЕ ИСПЫТАНИЯ

Ранней осенью 1097 года первые крестоносцы добрались до Северной Сирии и вышли к одному из величайших городов Востока — мощной крепости Антиохия. Они наконец достигли границ Святой земли, и теперь немного южнее, воз-

можно всего лишь в трех неделях пути, находился Иерусалим. Но самый прямой путь к Святому городу древняя дорога паломников проходила через Антиохию, прежде чем сворачивала к побережью Средиземного моря и тянулась вдоль него к Ливану и в Палестину, мимо ряда потенциально враждебных мусульманских городов и крепостей.

Историки всегда утверждали, что у франков не было выбора — так или иначе, они должны были захватить Антиохию, прежде чем продолжать путь на юг, поскольку город стоял на их пути, словно непреодолимый барьер, мешающий продолжению экспедиции. Это не совсем верно. Более поздние события позволяют предположить, что крестоносцы теоретически могли обойти город. Если бы они стремились достичь Иерусалима с максимальной скоростью, они могли вступить в переговоры и заключить временное перемирие, чтобы нейтрализовать угрозу со стороны мусульманского гарнизона Антиохии, и продолжать путь. Факт, что латиняне вместо этого предпочли начать осаду, много говорит об их планировании, стратегии и мотивации²⁰.

Город Антиохия

Прежде всего Антиохия представляется центральной целью союза между крестоносцами и Византией. Основанный в 300 году до н. э. Антиохом, одним из полководцев Александра Великого, город был расположен идеально для того, чтобы влиять на транссредиземноморскую торговлю. Расположившись на «перепутье» между Востоком и Западом, Антиохия стала третьим городом римского мира, центром торговли и культуры. Но во время первого взрыва исламской экспансии в VII веке н. э. этот бастион Восточной империи перешел к арабам. Возрождающаяся Византия в 969 году вернула себе Антиохию, но турки-сельджуки в 1085 году снова отобрали город у христиан. Хорошо знающий историю города Алексей I Комнин жаждал получить Антиохию, мечтая о дне, когда город станет краеугольным камнем новой эры греческого господства в Малой Азии. Только по этой при-

чине он продолжал поддерживать франков летом и осенью 1097 года. Император надеялся воспользоваться исключительно удобным случаем и получить вожделенный приз.

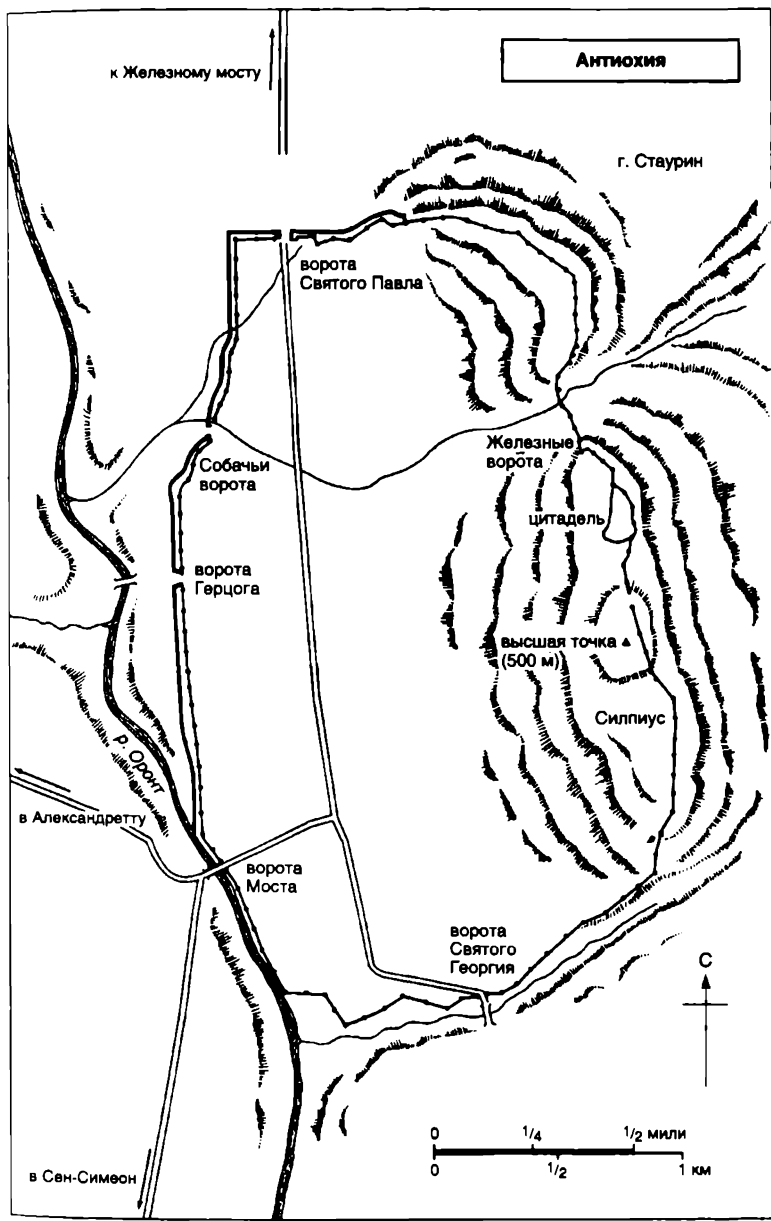
Таким образом, решение осадить город было выражением продолжающегося греко-латинского сотрудничества. Однако крестоносцы не просто воплощали в жизнь чаяния своих союзников. Антиохия, как и Иерусалим, имела глубоко укоренившееся религиозное значение. Легенды гласили, что это было место первой христианской церкви, основанной святым Петром, главой апостолов, и в городе сохранилась великолепная базилика, посвященная святому. Город был также домом одного из пяти патриархов, самых влиятельных личностей христианского мира. Поэтому его освобождение соответствовало духовным целям экспедиции. Со временем, однако, станет ясно, что такие лидеры крестоносцев, как Боэмунд и Раймунд Тулузский, имели собственные, вполне мирские планы, связанные с Антиохией, которые могли войти в противоречие с чаяниями их византийских союзников.

Помимо вопросов греко-латинского сотрудничества и территориальных притязаний, попытка захватить Антиохию также раскрывает глубокую истину о крестоносцах. Они не были, как утверждают некоторые авторы, дикой ордой неуправляемых варваров, бездумно рвущихся в Иерусалим. События 1097 года доказывают, что их действия были не лишены стратегического планирования. Они готовились к осаде Антиохии продуманно, захватив ряд соседних поселений и превратив их в центры снабжения. Крестоносцы также стремились установить морские контакты, чтобы обеспечить помощь с моря, причем это было сделано заблаговременно. Франки также ожидали прибытия подкреплений в Антиохию: греков под командованием Алексея, а также следующих волн крестоносцев — и потому обеспечили самый безопасный прямой путь из Малой Азии в Сирию через Белен-Пасс. В общем, все в поведении крестоносцев осенью 1097 года указывает на их намерение захватить Антиохию, хотя они понимали, что это будет непросто.

Даже при этих условиях, подойдя к городским стенам в конце октября, франки были потрясены количеством укре-

плений. Один из них в письме в Европу написал, что на первый взгляд город кажется «укрепленным с невиданной силой и почти неприступным». Антиохия располагалась между рекой Оронт и подножиями двух гор — Стаурин и Силпиус. В VI веке римляне усилили эти природные черты кольцом из шестидесяти башен, соединенных массивной стеной — длиной три мили (5 км) и высотой до шестидесяти футов (18 м), — которая тянулась вдоль берега Оронта и потом вверх по крутым склонам Стаурина и Силпиуса. В сотнях футов над городом, у вершины горы Силпиус, фортификационные сооружения Антиохии венчала грандиозная цитадель. К концу XI века эта оборонительная система уже изрядно обветшала от времени и пострадала от землетрясений, однако все еще являлась грозным препятствием для любой атакующей силы. Один из франков написал, что городу «не страшны ни осадные машины, ни люди, даже если его осадит все человечество»²¹.

Крестоносцы тем не менее имели одно преимущество: мусульманская Сирия была охвачена опасными беспорядками. Она была расколота борьбой за власть, начавшейся после краха сельджукского единства в начале 1090-х годов, и мелкие турецкие правители были больше заинтересованы в выяснении отношений между собой, чем в любой форме быстрого и скоординированного исламского ответа неожиданному вторжению христиан. Два брата, враждующие между собой, Ридван и Докак, правили городами Алеппо и Дамаск, но были вовлечены в гражданскую войну. Сама Антиохия управлялась, как полуавтономное пограничное поселение шатающегося сельджукского Багдадского султаната, Ягисияном, коварным седовласым турецким военачальником. Он стоял во главе хорошо обеспеченного всем необходимым гарнизона из 5 тысяч человек. Этого было достаточно, чтобы укомплектовать личным составом городские укрепления, но мало, чтобы отбросить крестоносцев в открытом сражении. Ему оставалось только положиться на фортификационные сооружения Антиохии. Когда подошли к городу крестоносцы, он отправил просьбы о помощи своим мусульманским соседям в Алеппо и Дамаск, а также в Багдад, надеясь на подкрепление. Он также стал бдительно следить за грече-

скими, армянскими и сирийскими христианами, являвшимися частью космополитического населения Антиохии, опасаясь предательства.

ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ

Подойдя к городу, латинянам надо было принять решение относительно стратегии. Несколько обескураженные масштабом укреплений и не имеющие ни мастеров, ни материалов для постройки осадных приспособлений — лестниц, баллист и осадных башен, — они быстро признали, что не смогут взять город штурмом. Но, как и в Никее, долговременная осада не шла с собой существенные трудности. Большая длина стен, сильно пересеченная местность вокруг и наличие по меньшей мере шести главных ворот, ведущих в город, делали полное окружение невозможным. И «военный совет» принял решение о частичной блокаде. В последние дни октября армии крестоносцев заняли позиции перед тремя северо-западными воротами города. Через некоторое время франки решили установить контроль и за двумя южными воротами города. Был построен временный мост через Оронт, чтобы облегчить доступ на юге, и ряд импровизированных осадных фортов, что еще туже затянуло петлю. Но один вход остался. Железные ворота были расположены в ущелье между Стаурином и Силпиусом и оставались недосыгаемыми для крестоносцев. Так гарнизон города получил жизненно важную для него связь с внешним миром на долгие месяцы.

Франки осадили город осенью 1097 года. Ежедневными реалиями осадной войны могут считаться частые мелкие стычки, но, по сути, в ней подвергается испытанию не умение владеть оружием, а физическая и психологическая выносливость людей. И для латинян, и для их мусульманских противников мораль была критическим вопросом, и обе стороны с готовностью применяли самую отвратительную тактику, чтобы сломить моральный дух врага. Выиграв главное сражение в начале 1098 года, крестоносцы обезглавили трупы мусульман, насадили их головы на копья и с ликованием пронесли их под

стенами Антиохии, чтобы «усилить горе турок». После следующей стычки мусульмане как-то раз на рассвете тайком выскользнули из города, чтобы похоронить своих погибших. Если верить латинскому участнику событий, когда христиане это обнаружили, «они приказали разрыть могилы и вытащить мертвые тела. Они побросали все трупы в яму, отрубили им головы и принесли головы к нашим палаткам. Когда турки это увидели, они очень горевали. Каждый день они горько причитали, рыдали и завывали».

Со своей стороны Яги-Сиян приказал публично принести в жертву городское христианское население. Греческий патриарх, давно мирно живший в городе, был повешен за ноги на стене и бит железными палками. Один латинец вспоминал, что «многие греки, сирийцы и армяне, жившие в городе, были убиты обезумевшими турками. Убедившись, что франки наблюдают за ними, они бросали со стен головы убитых, используя катапульты и пращи. Это очень огорчило наших людей». Взятые в плен крестоносцы обычно подвергались такому же обращению. Архидьякон Меца был пойман «играющим в кости» с молодой женщиной в саду около города. Его обезглавили прямо на месте, а ее увезли в Антиохию, изнасиловали и убили. На следующее утро обе головы были заброшены катапультой в латинский лагерь.

Если не считать такого «обмена любезностями», осада была войной на истощение. Эта жестокая тактика выжидания, в которой каждая сторона стремилась продержаться дольше, чем другая, зависела от снабжения живой силой, материалами и, главное, продовольствием. Поскольку логистические соображения были главными, крестоносцы оказались в худшей позиции. Частичная блокада означала, что мусульмане имели доступ к внешним ресурсам и помощи. А более крупная армия франков быстро истощила имевшиеся в наличии ресурсы, и крестоносцам пришлось все дальше уходить в глубь вражеской территории в поисках продовольствия. По мере хода кампании ситуацию усложнила суровая зимняя погода. В письме к жене франк Этьен де Блуа жаловался: «Перед городом Антиохия на протяжении всей зимы мы страдали за Бога нашего Христа от холода и проливных дождей. То, что

говорят о невозможности выносить жару по всей Сирии, — неправда, потому что зима здесь очень похожа на нашу зиму на Западе». Армянский христианин, современник события, позже вспоминал, что в разгар той ужасной зимы «из-за нехватки продовольствия, высокой смертности и страданий, выпавших на долю франкской армии, выжил только один человек из пяти, и все чувствовали себя покинутыми вдали от родного дома»²².

Страдания франков достигли кульминационной точки в январе 1098 года. Сотни, даже тысячи человек гибли, ослабленные недостаточным питанием и болезнями. Говорят, что бедняки дошли до того, что стали есть «собак и крыс... шкуры животных и зерна, найденные в навозе». Сбитые с толку отчаянным положением, многие стали задаваться вопросом, почему Господь покинул Крестовый поход, Его же священное начинание. Среди атмосферы всеобщей подозрительности и взаимных обвинений латинское духовенство предложило ответ: экспедиция запятнала себя грехом. Чтобы очиститься, папский легат Адемар из Пюи предписал ряд искупительных ритуалов — посты, молитвы, раздача милостыни, литании. Женщины, предполагаемые вместилища нечистоты, тотчас были изгнаны из лагеря. Несмотря на принятые меры, многие христиане бежали в Северную Сирию, предпочитая неопределенность обратного путешествия в Европу ужасным условиям блокады. Даже известный демагог Петр Пустынник, некогда страстный глашатай Крестового похода, решил дезертировать. Пойманный под покровом ночи при попытке бежать, он был бесцеремонно водворен обратно Танкредом. Примерно в это же время греческий проводник крестоносцев Татикий покинул экспедицию, якобы для поисков подкрепления и продовольствия в Малой Азии. Обрато он так и не вернулся, но византийцы с Кипра отправили франкам кое-какие припасы.

Многочисленные беды и лишения суровой зимы пережили лишь немногие крестоносцы, но зато они закалились и ожесточились, и с приходом весны баланс сил начал медленно сдвигаться в их пользу. Система центров снабжения, созданная франками, также несколько облегчила ситуацию в

районе Антиохии: припасы прибывали даже из Киликии, а позднее — от Бодуэна Эдесского. Еще более важной оказалась помощь портов Северной Сирии — Латакии и Сен-Симеона, которые заняли латиняне. 4 марта в гавань Сен-Симеона прибыл небольшой флот английских судов с продовольствием, стройматериалами и мастерами. Через несколько дней Боэмунд и Раймунд Тулузский успешно доставили ценный груз с побережья. Приток материалов позволил франкам заткнуть замочную скважину в кольце блокады.

До этого момента Яги-Сиян и его люди имели возможность пользоваться городскими воротами Моста относительно свободно и таким образом контролировали дороги, ведущие в Сен-Симеон и Александретту. Теперь христиане укрепили заброшенную мечеть, расположенную на равнине перед входом, создав базовый осадный форт, который назвали именем Святой Девы. Отсюда они могли вести наблюдение за окружающей территорией. Граф Раймунд предложил взять на себя бремя обеспечения этого удаленного форта гарнизоном ценной огромных личных затрат, но его мотивы, скорее всего, не были чисто альтруистичными. В начале осады южноитальянские норманны заняли территорию перед воротами Святого Павла и были готовы быстро войти в город, если и когда он падет. Это дало Боэмунду хороший шанс предъявить претензию на город, потому что, немного раньше, лидеры крестоносцев согласились следовать «правилу завоевателя», по которому захваченная собственность принадлежит первому предъявляющему на нее свои права или занявшему территорию. Расположив своих людей перед другими воротами Антиохии, воротами Моста, Раймунд получал идеальную возможность бросить вызов своему противнику.

В течение месяца франки построили еще один импровизированный осадный форт, укрепив монастырь возле последних достижимых ворот Антиохии — ворот Святого Георгия. Танкред согласился обеспечить этот форт гарнизоном, но только в обмен на немалую плату в 400 серебряных марок. Начав Крестовый поход «во втором эшелоне» знати и постоянно находясь в тени дяди — Боэмунда, Танкред теперь начал оформляться как самостоятельная фигура первой величины.

После приключений в Киликии честь этого командования и богатство, которое оно принесло, укрепили его статус и дали некоторую степень автономии²³.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В апреле 1098 года крестоносцы ту же затянули петлю вокруг Антиохии. Яги-Сиян все еще мог ввозить некоторые запасы через Железные ворота, но практически лишился возможности совершать набеги на франков. Теперь мусульманскому гарнизону пришлось познакомиться с изоляцией, катастрофически уменьшающимися ресурсами и угрозой поражения. Однако на протяжении всей блокады крестоносцев преследовал мучительный страх: они опасались появления объединенной мусульманской армии, спешашей на помощь Антиохии. Если это произойдет, они окажутся между двух огней.

Латинянам уже принесла пользу раздробленность, поразившая мусульманскую Сирию. Не желая отложить хотя бы на время свои разногласия и, возможно, ошибочно принимая крестоносцев за византийских наемников, Докак Дамасский и Ридван Алеппский откликнулись на просьбу Яги-Сияна, отправив ему отдельные нескоординированные силы в декабре 1097 и феврале 1098 года. Если бы эти два великих города объединили свои ресурсы в течение зимы, они вполне могли похоронить Первый крестовый поход у стен Антиохии. А так франки успешно отразили нападения обеих армий, хотя и не без потерь.

Крестоносцам также было хорошо известно, что ближневосточный ислам был разъединен из-за раскола между суннитами и шиитами, и по совету Алексея Комнина они решили использовать это разделение, установив контакт с шиитской династией Фатимидов из Северной Африки. Сделали они это еще летом 1097 года. В начале февраля последовал ответ — в христианский лагерь у стен Антиохии прибыло посольство от аль-Афдаля, египетского визиря, чтобы обсудить возможность переговоров с первыми крестоносцами. Визит

мусульманских послов не был ни скоротечным, ни тайным. Они оставались в лагере крестоносцев не меньше месяца, и об их присутствии там было хорошо известно. Прием этого посольства почти не вызвал критики. Этьен де Блуа, не испытывая никаких сомнений по этому поводу, написал жене, что Фатимиды «установили мир и согласие с нами». В Антиохии крестоносцы и египтяне не достигли никаких определенных соглашений, но последние предложили «дружбу и хорошее обращение», и в интересах поддержания такого курса латинские послы были отправлены в Северную Африку, получив задание «заключить дружественный пакт».

До начала лета 1098 года первые крестоносцы успешно использовали дипломатию и упреждающую военную интервенцию, чтобы предотвратить прямую контратаку мусульман. В конце мая, однако, пронесся слух о появлении нового врага. Судя по всему, султан Багдада наконец откликнулся на отчаянные призывы о помощи и отправил на выручку Яги-Сияну мощную армию. 28 мая разведчики, вернувшись в лагерь христиан, подтвердили, что «видели мусульманскую армию, повсюду спускающуюся с гор и текущую по дорогам, как морской песок». Это был грозный иракский военачальник Кербога из Мосула, идущий во главе 40-тысячной армии из Сирии и Месопотамии. Он был менее чем в неделе пути от Антиохии²⁴.

Новость о том, что суннитский ислам наконец объединился против крестоносцев, привела их лидеров в ужас. Желая скрыть эти неприятные известия от широких масс, чтобы не вызвать панику и дезертирство, они созвали срочный совет для обсуждения дальнейших действий. Хотя кольцо вокруг города было плотным и сопротивление Яги-Сияна слабое, скорого окончания блокады не предвиделось. Франки не могли выступить против Кербоги в открытом сражении, поскольку численное превосходство врага было слишком большим — два к одному. К тому же им катастрофически не хватало лошадей. Получалось, что после стольких жертв и лишений армии христиан предстояло быть разбитой у стен Антиохии наступающей мусульманской ордой. В этот момент кризиса, когда крестоносцы были в смятении, вперед

выступил Боэмунд. Он сказал, что, учитывая затруднительное положение, тот, кто сможет организовать падение Антиохии, должен иметь законное право на город, и после долгих споров крестоносцы с этим согласились, но с оговоркой, что город должен быть передан Алексею I Комнину, если он этого потребует. Заключив сделку, Боэмунд раскрыл карты. Оказалось, что он вступил в контакт с ренегатом в Антиохии, командиром башни — армянином по имени Фируз, который был готов сдать христианам город.

Спустя несколько дней, в ночь с 2 на 3 июня, небольшая группа людей Боэмунда использовала лестницу из бычьих шкур, чтобы забраться на изолированную часть городской юго-восточной стены, где ждал Фируз. Даже с помощью предателя эта вылазка была настолько рискованной, что сам Боэмунд предпочел дожидаться внизу, потому что, если поднимется тревога, смельчаки наверняка будут убиты. Однако все прошло хорошо. Стражники на трех ближайших башнях были быстро и бесшумно убиты, и были открыты маленькие боковые ворота. До этого момента следовало действовать скрытно, но, когда христиане вошли в город, Боэмунд велел трубить в сигнальные трубы, чтобы начать общую атаку на цитадель Антиохии. Ночную тишину взорвали боевые кличи франков: «Этого хочет Бог!» В городе среди мусульман началась паника, гарнизон пребывал в полном замешательстве, а уцелевшие христиане, жившие в Антиохии, устремились к остальным городским воротам, чтобы открыть их и впустить своих собратьев по вере.

Спротивление было быстро сломлено, и крестоносцы ворвались в Антиохию, одержимые желанием вознаградить себя за восемь месяцев лишений. В тусклом свете занимавшегося рассвета началась бойня. Один латинянин, участник событий, написал, что они не щадили ни одного мусульманина, невзирая на пол и возраст. Земля была залита кровью, везде валялись трупы, причем некоторые из убитых были христианами — греками, сирийцами, армянами. И неудивительно: в темноте не было видно, кого следует убивать, а кого милловать. Впоследствии один крестоносец описал, как «все улицы города по обеим сторонам были завалены трупами, и никто

не мог там находиться из-за ужасной вони, да и пройти по узкой улице было нельзя, разве что по трупам». Среди этой кровавой бойни и последовавшего разграбления города Боэмунд позаботился о том, чтобы его кроваво-красное знамя было поднято над городом — обычный метод предъявления претензии на захваченную собственность. Тем временем Раймунд Тулузский ворвался через ворота Моста и занял все здания в этом районе, в том числе Антиохийский дворец, обеспечив для себя плацдарм в городе. Только цитадель, возвышавшаяся над городом на гребне горы Силпиус, оставалась в руках мусульман. Ее гарнизоном командовал сын Яги-Сияна. Сам губернатор в ужасе бежал, но был пойман и обезглавлен местным крестьянином²⁵.

Хитрый план Боэмунда оказался успешным, завершив первую осаду Антиохии. Но времени отметить это событие не оказалось. 4 июня, через день после падения города, к нему подошел авангард армии Кербоги. Мусульмане окружили город, и крестоносцы оказались запертыми внутри его.

ОСАЖДЕННЫЕ

Вторая осада Антиохии в июне 1098 года стала тяжелейшим испытанием для крестоносцев. Латиняне избежали войны на два фронта, но оказались осажденными в стенах города. Лишенный ресурсов еще во время первой осады город почти ничего не мог им предложить — ни военного снабжения, ни продовольствия. А поскольку цитадель оставалась в руках противника, положение было более чем серьезным. Экспедиция оказалась на грани полного уничтожения.

Крестоносцы могли надеяться только на давно ожидаемый подход византийской армии под командованием Алексея Комнина. Франки не знали, что волею обстоятельств они лишились даже этой призрачной надежды на спасение. 2 июня, как раз перед тем, как Антиохия оказалась в руках латинян, один из лидеров крестоносцев — Этьен де Блуа, рассудив, что у крестоносцев нет надежды на спасение, решил бежать. Притворившись больным, он отбыл на север и

двинулся через Малую Азию. Его отъезд, вероятно, нанес огромный ущерб боевому духу, но вред, причиненный Этьеном всему движению крестоносцев в целом, оказался сто- крат больше.

В центральной части Анатолии он встретил императора Алексея и его армию, остановившуюся в городе Филомелиум. На протяжении всей блокады Антиохии крестоносцы ожидали греческого подкрепления, но Алексей был занят, захватывая побережье Малой Азии. Когда Этьен сообщил, что франки к этому времени, вероятнее всего, наголову разбиты, император принял решение возвращаться в Константинополь. В решающий момент Византия подвела крестоносцев, и греки так до конца никогда и не были прощены. А Этьен вернулся во Францию, чтобы услышать из уст собственной жены обвинение в трусости.

Таким образом, крестоносцы остались один на один с ордой Кербоги. Полководец из Мосула оказался грозным соперником. Для франков он был официально назначенным главнокомандующим армией багдадского султана, но было бы неправильно думать, что Кербога был обычным слугой халифа династии Аббасидов. Вынашивая собственные честолюбивые планы, он быстро понял, что война против франков в Антиохии дает ему превосходную возможность захватить контроль над Сирией для себя лично. Шесть месяцев Кербога самым тщательным образом планировал и закладывал дипломатический и военный фундамент своей кампании, собирая по кусочкам грозную мусульманскую коалицию. К ней присоединились армии из Сирии и Месопотамии, включая отряд из Дамаска, но большинство из них подталкивала не ненависть к христианам и даже не набожность, а страх перед Кербогой, человеком, который, казалось, был судьбой пред- назначен для управления сельджукским миром.

В начале июня 1098 года Кербога приступил ко второй осаде Антиохии с упорством и целеустремленностью. Он разбил главный лагерь в нескольких милях к северу от города, установил контакт с мусульманами, удерживавшими цитадель, и начал собирать силы в крепости и вокруг нее на восточных, менее крутых склонах горы Силпиус. Солдаты так-

же развернулись, чтобы блокировать ворота Святого Павла на севере города. Первоначальная стратегия Кербоги была основана на агрессивной лобовой атаке, направленной через цитадель Антиохии и ее окрестности. К 10 июня он был готов начать стремительное нападение. В течение четырех следующих дней волны мусульман одна за другой атаковали город, а Боэмунд возглавил отчаянное сопротивление франков, стремящихся во что бы то ни стало сохранить контроль над восточными стенами города. Это было самое напряженное и жестокое сражение из всех, в которых крестоносцам довелось участвовать. Оно не прерывалось ни на минуту от рассвета до наступления темноты, так что, по словам одного очевидца, «человек с едой не имел времени ее съесть, а человек с водой не имел времени ее выпить». Измученные и обессиленные, латиняне быстро приближались к кризису. Позднее один из крестоносцев вспоминал, что «многие теряли надежду и поспешно спускались на веревках с городских стен, а в городе солдаты, вернувшиеся из боя, рассказывали, что мусульмане обезглавливают защитников». Днем и ночью количество дезертиров росло, и вскоре к ним присоединились даже хорошо известные рыцари, такие как родственник Боэмунда. В какой-то момент прошел слух, что сами лидеры готовятся покинуть город, и Боэмунду и Адемару пришлось запереть на засов городские ворота, чтобы предотвратить общее бегство.

Из чистого упрямства те, кто остался, все же удержались на своих позициях. А в ночь с 13 на 14 июня в небе появилась падающая звезда и упала в лагерь мусульман. Крестоносцы истолковали это как добрый знак, потому что уже на следующий день людей Кербоги видели спускающимися с горы Силпиус. Но передислокация мусульманских армий, вероятно, была вызвана стратегическими соображениями. Не сумев сломить сопротивление франков в лобовой атаке, Кербога решил прибегнуть к другой тактике. Стычки все еще имели место ежедневно, но с 14 июня мусульмане сосредоточились на окружении Антиохии. Основные силы армии Аббасидов остались в главном лагере к северу от города, но крупные подразделения были развернуты так, чтобы бло-

кировать ворота Моста и Святого Георгия. Установив эти кордоны, Кербога надеялся ограничить контакты франков с внешним миром и заставить их голодать.

Продовольствия было мало с тех самых пор, как крестоносцы вошли в Антиохию. Теперь запасов стало еще меньше, и страдания латинян возросли. Один христианин, участник событий, вспоминал о тех страшных днях:

Город был блокирован со всех сторон, и мусульмане преграждали выход. Голод становился настолько сильным, что христиане в отсутствие хлеба жевали куски кожи, найденные в домах, которые задубели или, наоборот, разложились. Простые люди съели свою кожаную обувь — столь велик был голод. Некоторые наполняли желудки корнями жгучей крапивы и другими растениями, сваренными на огне, и заболели от этого. Каждый день число людей уменьшалось.

Обездвиженные страхом и голодом, упавшие духом крестоносцы лишились всякой надежды на выживание. Почти все были уверены, что поражение неминуемо²⁶.

Историки утверждают, что в этот момент ход второй осады Антиохии и судьба всего Крестового похода была изменена одним драматическим событием. 14 июня небольшая группа франков, возглавляемая крестьянским провидцем Пьером Бартелеми, начала копать в базилике святого Петра. Бартелеми утверждал, что ему было видение Святого Андрея, который открыл местонахождение очень мощного духовного оружия: копья, пронзившего Христа на кресте. Один из крестоносцев, участвовавший в поисках святого копья, Раймунд Агилерский, писал: «Мы копали до самого вечера, и некоторые отказались от надежды отыскать Святое копьё. <...> Но юный Пьер Бартелеми, видя, что рабочие устали, сбросил одежды и в одной только рубашке и босиком прыгнул в яму. Он попросил нас помолиться Господу за возвращение Святого копья крестоносцам, чтобы тем самым дать силу и победу его людям. Наконец, в своем бесконечном милосердии, Господь явил нам Святое копьё, и я, Раймунд, автор этой книги, поцеловал копьё, как только оно показалось из земли. Какая великая радость и волнение наполнили город!»

Долгое время считалось, что находка этого маленького кусочка металла, который сочли реликвией Страсти Христовой, подняла моральный дух крестоносцев. Ее истолковали как неоспоримый знак поддержки Бога, обещание победы. находка побудила крестоносцев снова взять в руки оружие и схлестнуться с Кербогой в открытом сражении. Другой франкский свидетель описывает влияние Святого копья следующим образом: «Итак, Пьер нашел копье, как и предсказывал, и все вынесли его с великой радостью и страхом, и по всему городу было ликование. С этого момента мы решили атаковать, и наши лидеры собрали совет»²⁷.

В действительности впечатление, создаваемое этим рассказом, — что моральный дух крестоносцев неожиданно восстановился, благодаря всплеску восторженной веры, и им тут же захотелось немедленно схватиться с врагом — глубокое заблуждение. Две недели отделяют находку копья от сражения с Кербогой.

«Открытие» Пьера Бартелеми, безусловно, имело некоторый эффект на моральный дух крестоносцев. Сегодня история его видений может показаться фантастичной, а утверждение, что он отыскал истинную реликвию, связанную с жизнью Христа, — жульничеством или нелепостью. Но для франков XI века, знакомых с идеями святых, реликвий и Божественного вмешательства, все, связанное с находкой Пьера, было истиной. Воспитанные в отлаженной системе веры, в которой Бог направлял свою силу через святые реликвии, франки не усомнились в аутентичности Святого копья. Среди лидеров крестоносцев только Адемар из Пюи вроде бы испытывал какие-то сомнения, да и те, скорее всего, были вызваны низким социальным статусом Пьера. Но, даже воспрянув духом, латиняне оставались парализованы страхом и неопределенностью всю вторую половину июня. находка копья вовсе не стала катализатором процесса сопротивления и уж тем более не была поворотным моментом в судьбе Первого крестового похода²⁸.

К 24 июня крестоносцы оказались на грани краха и отправили двух послов на переговоры с Кербогой. Историки имеют обыкновение принимать объяснение самих латинян,

данное этому предпрятию. Они назвали его упражнением в браваде. В действительности, скорее всего, это была безнадежная попытка договориться об условиях сдачи. Беспристрастный восточный христианский источник описывает, как «франкам угрожал голод, и они решили получить от Кербоги обещание амнистии при условии, что они отдадут ему город и удалятся в свою страну». В более поздней арабской хронике подтверждается эта версия, и говорится, что лидеры крестоносцев «написали Кербоге, попросив о безопасном проходе через его территорию, но он отказался, заявив: «Вам придется пробиваться с боем».

После этого стало ясно, что шансов благополучно покинуть Антиохию нет. Осознав, что их единственная надежда — открытое сражение, и не важно, насколько мала возможность победы, латиняне начали готовиться к последней самоубийственной схватке. По словам одного из них, они решили, что лучше погибнуть в бою, чем стать жертвой голода и болезней»²⁹.

В те последние дни христиане делали все, что могли. Ритуальные шествия, исповеди, причастия — все это делалось для духовного очищения. А тем временем Бозмунд, теперь ставший главнокомандующим армией, приступил к составлению плана сражения. На бумаге положение франков было безнадежным. Они были в меньшинстве — крестоносцев теперь насчитывалось не более 20 тысяч, в том числе женщин и стариков. Элитная сила — конные рыцари — перестала быть таковой, лишившись боевых коней. Многие рыцари воевали верхом на вьючных животных или в пешем строю. Даже немецкий граф Харман из Диллингена, некогда гордый и очень богатый крестоносец, был вынужден ехать на осле, причем таком маленьком, что ноги графа волочились по земле. Бозмунду пришлось выработать стратегию, основанную на действиях пехотинцев, чтобы ударить по врагу с максимальной скоростью и силой.

Несмотря на свои гигантские размеры, армия Кербоги имела два потенциально слабых места: основные ее силы все еще оставались на некотором расстоянии к северу — войска, окружавшие Антиохию, были сравнительно немногочислен-

ными. И людям Кербоги не хватало единства, даваемого сознанием общего дела. Их связывала лишь видимость союза. Начни мусульмане терять уверенность в своем генерале, развал был бы неминуемым.

К 28 июня крестоносцы были готовы к бою. На рассвете они стали выходить из города, а священнослужители, стоя у стен, возносили молитвы Господу. Люди считали, что идут на смерть. Бозмунд предпочел неожиданно появиться из ворот Моста, пересечь Оронт и схватиться с мусульманами на равнине. Если крестоносцы не хотели тотчас быть остановленными и перебитыми, скорость и сплоченность были жизненно важны. Когда ворота открылись, передовой отряд латинских лучников выпустил «залп» стрел, чтобы отбросить противника и расчистить себе дорогу через мост. Затем франки вышли вперед четырьмя сплоченными боевыми группами, развернулись в полукруг и устремились на мусульман.

Как только открылись ворота Моста, Кербога, находившийся в главном лагере, был предупрежден — над занятой мусульманами цитаделью подняли черный флаг. В этот момент он мог ввести в действие свои главные силы, надеясь захватить крестоносцев на выходе из города и уничтожить их боевой порядок. Но он заколебался. И вовсе не потому, что, как позднее утверждала легенда, был слишком увлечен игрой в шахматы. Скорее Кербога надеялся нанести решающий удар, позволив франкам развернуться за пределами города, чтобы он мог покончить со всеми разом, и тем самым привести осаду Антиохии к триумфальному завершению. Такая стратегия имела некоторые плюсы, но требовала исключительного хладнокровия. Но как раз когда генерал должен был не двигаться с места, позволив противнику выдвинуться вперед, чтобы вступить в бой на территории по выбору мусульман, он сорвался. Чувствуя, что франки получают мимолетное преимущество в схватке перед городом, он бросил всю свою армию в паническое неорганизованное наступление.

Выбор времени не мог быть худшим. Франки отразили ряд контратак мусульман, блокировавших Антиохию, включая

потенциально смертельное нападение тыловых войск, оставленных охранять южные ворота Святого Георгия. Потери росли, но Боэмунд тем не менее наступал, чтобы захватить инициативу, и сопротивление мусульман начало слабеть. Главные силы Кербоги прибыли, как раз когда сражение приняло иной оборот. Потрясенные тем, что не смогли победить предположительно обессиленную армию франков, мусульмане, сражавшиеся возле ворот Моста, обратились в бегство. По пути они столкнулись с сомкнутыми рядами своих наступающих товарищей, вызвав хаос. В этот определяющий момент боя Кербога не сумел собрать и организовать своих людей. Боевой порядок окончательно разрушился, и один за другим мусульманские отряды начали отступать. Шок от неукротимой решимости франков выявил скрытую разобщенность мусульманской армии. Мусульманский хронист позднее написал: «Франки, хотя и были в состоянии крайней слабости, наступали в боевом порядке против армий ислама, которые находились на вершине силы и имели многократное численное преимущество. Франки сломили ряды мусульман и рассеяли их»³⁰.

Потери мусульман были ничтожными, и все же Кербога был вынужден с позором отступить. Бросив сокровища своего лагеря, он бежал в Месопотамию. Видя, как обернулись события, сдался мусульманский гарнизон Антиохийской цитадели. Огромный город теперь находился полностью в руках латинян. Христиане добились ошеломляющей победы. Никогда раньше Крестовый поход не был так близок к гибели, и все же, вопреки всем ожиданиям, христианство одержало триумфальную победу. Неудивительно, что многие видели в этом руку Господа, и сразу появились многочисленные сообщения о всякого рода чудесах. В одном месте целая армия христианских мучеников, одетых в белое, вышла из горы на помощь франкам. В другом — Раймунд Агилерский сам нес Святое копье в отряде южных франков, который возглавил епископ Адемар. Позднее говорили, что вид святой реликвии парализовал Кербогу. С этими Божественными вмешательствами или без них набожность все равно играла центральную роль во всех событиях. Крестоносцы, безусловно, сражались

в атмосфере глубокой духовной убежденности и поддерживались священнослужителями, которые шли вместе с ними, читая молитвы. Прежде всего, чувство общей благочестивой миссии, объединенное с примитивным отчаянием, связавшее латинян во время этого ужасного сражения, позволило им устоять и отбросить страшного врага.

ЗАДЕРЖКА И РАЗДРОБЛЕНИЕ СИЛ

Сразу после этого чудесного успеха появились надежды на быстрое и триумфальное завершение Крестового похода. И так уже экспедиция утратила направление и движущую силу, пока ее лидеры спорили относительно сирийских трофеев. Летняя жара вызвала эпидемию, и многие крестоносцы, пережившие ужасные лишения предшествующих месяцев, теперь умерли от болезни. Неведомая зараза не пощадила даже знать, и 1 августа умер папский легат Адемар, епископ Пюи.

В это время среди крестоносцев велся ожесточенный спор относительно будущего Антиохии, остановивший продвижение к Палестине. Боэмунд требовал город для себя. Ведь это он организовал падение Антиохии, его флаг развевался над городскими стенами на рассвете 3 июня. За несколько часов до поражения Кербюги он укрепил позицию франков, лично взяв под контроль цитадель, хотя Раймунд Тулузский делал все, чтобы опередить его. Боэмунд требовал, чтобы остальные лидеры похода признали его безусловные права на город, несмотря на обещание, которое все они дали византийскому императору. Помня о том, что Алексей покинул их в Филомелиуме, большинство уступило, но снова в оппозиции оказался Раймунд, напомнив об обязательствах экспедиции перед греками. Посему в Константинополь было отправлено посольство с предложением императору лично предъявить свои права на Антиохию, тот не появился, и дело зашло в тупик.

Боэмунда часто изображают злодеем, его жадность и честолюбие противопоставляются беззаветной преданности

справедливости и идеалам крестоносного движения Раймунда. Хотя Боэмунд, безусловно, преследовал и личные цели тоже, ситуация была вовсе не так уж проста. В отсутствие греческого подкрепления один из франкских князей должен был остаться в Сирии, чтобы управлять Антиохией и командовать ее гарнизоном, иначе окажется, что франкская кровь за ее освобождение пролилась напрасно. С одной стороны, крестоносцам вроде бы повезло в том, что Боэмунд пожелал взвалить эту ношу на себя, отказавшись от немедленного продолжения своего паломничества в Иерусалим. В то же время альтруистическая репутация Раймунда Тулузского не выдерживает внимательного рассмотрения. Возможно, он действительно хотел передать Антиохию Византии, но ему также не были чужды мечты о власти. Всю оставшуюся часть похода поведение графа подчинилось двум сплетенным, но иногда конфликтующим между собой устремлениям: желанию подыскать для себя собственные владения в Леванте и сопутствующему желанию стать общепризнанным лидером крестоносцев.

Имея в виду эту последнюю цель, Раймунд всячески поддерживал тесную связь с провидцем Пьером Бартеlemi и культом Святого копыя. Вдохновленный тем, что он посчитал истинной верой в святую реликвию, провансалец взял Пьера под свое крыло и стал главным сторонником подлинности копыя. В последующие месяцы, когда крестоносцы оглядывались назад и вспоминали о драматических событиях второй осады Антиохии и их чудесной победе над Кербогой, Раймунд и его сторонники всемерно насаждали идею о том, что именно Святое копые сыграло решающую роль в успехе франков. В то же время Пьер продолжал рассказывать о новых видениях и довольно скоро стал выступать в роли самозваного глашатая Бога. Согласно пророчеству крестьянина, святой Андрей открыл ему, что «Господь дал копые графу», чтобы выделить Раймунда как лидера Первого крестового похода³¹.

В августе эволюция культа копыя и сопутствующее развитие политической карьеры Раймунда приняли довольно-таки мрачный оборот. При жизни Адемар, епископ Пюи,

выражал сомнения в аутентичности копья. Но ровно через два дня после смерти папского легата Пьер Бартелеми объявил, что ему явился дух Адемара, и начался процесс причисления его к лику святых. Епископ был похоронен в базилике Святого Петра, в той самой яме, где было найдено Святое копьё. Физическое соединение двух культов — весьма ловкий ход, ничего не скажешь — еще более укрепилось, когда Пьер начал передавать «слова» Адемара из загробного мира. Оказывается, теперь он признал, что копьё подлинное, и его душа подверглась суровому наказанию за грех, который он совершил, усомнившись в реликвии. Помимо резкой перемены взглядов на Святое копьё, дух епископа начал поддерживать политические амбиции графа Раймунда. Довольно скоро Адемар «объявил», что его бывшие вассалы должны всемерно поддержать графа и Раймунду следует поручить избрание нового духовного лидера экспедиции.

Сирийское лето тянется долго, и в конце концов культ Святого копья получил широкое распространение. Вместе с ним выросла популярность и влияние Пьера Бартелеми и Раймунда Тулузского. Но при этом в начале осени графу так и не удалось вытеснить Боэмунда из Антиохии, да и открыто объявить себя лидером Крестового похода у него не было оснований. Для достижения своих целей Раймунду требовалось больше рычагов. С конца сентября он провел несколько кампаний на плодородном плато Суммак, расположенном на юго-востоке. Эти операции часто неверно представлялись то экспедициями за продовольствием, то попытками инициировать наступление на Палестину. Но в действительности целью Раймунда было создание собственного независимого анклава, способного противостоять и создавать угрозу для Боэмунда в Антиохии.

Часть этого процесса включала захват Маррата, главного города региона. Он сдался после тяжелой зимней осады, и Раймунд быстро начал программу его христианизации, переделал мечети и создал гарнизон. Но через некоторое время линии снабжения латинян были прерваны, и беднейшие сторонники графа начали голодать. В это время имела место одна из самых страшных реалий Крестового похода. По сло-

вам одного франка, «наши люди страдали от ужасного голода. Я содрогаюсь, говоря об этом, но многие, доведенные до отчаяния голодными муками, отрезали куски плоти от трупов сарацин. Это мясо они готовили и съедали, даже не давая ему достаточно прожариться».

Латинский свидетель записал, что «это зрелище вселяло отвращение и в крестоносцев, и в посторонних людей». И хотя неприятно признавать этот леденящий душу акт варварства, который осуждали даже франкские хронисты, он принес латинянам некоторую кратковременную выгоду. Репутация дикарей, которой латиняне пользовались у сирийских мусульман, получила видимое подтверждение, и в последующие месяцы многие местные эмиры стремились вступить в переговоры со своими ужасными противниками, а не подвергаться риску физического уничтожения³².

Тем временем месяцы проходили в бездействии, латинские лидеры продолжали заседать, но так ничего и не решили относительно Антиохии. Настроения обычных крестоносцев начали меняться. С их стороны началось давление на лидеров. Люди считали, что пора бы уже решить свои разногласия и сосредоточиться на изначальной цели экспедиции. Ситуация достигла критической точки в начале января 1099 года, акциями гражданского неповиновения. Обеспокоенные тем, что даже Раймунд Тулузский, воин Святого копья, предпочел оспаривать контроль в Сирии, а не двигаться на Иерусалим, толпа простых франков начала голыми руками уничтожать фортификационные сооружения Маррата, камень за камнем разбирая стены. Столкнувшись с таким резким протестом, Раймунд наконец осознал, что не может возглавить Крестовый поход и править в Антиохии одновременно. 13 января он сделал символический жест — вышел на юг из Маррата босой, одетый просто, словно кающийся грешник, оставив город и надежды на завоевание. А Боэмунд остался в Антиохии. Мечта стать независимым правителем города наконец воплотилась в жизнь, но его честолюбие стало одной из причин многомесячной задержки Крестового похода и, что еще важнее, нанесло ощутимый и долговременный ущерб отношениям латинян с Византийской империей.

Сделав выбор в пользу священной войны, Раймунд обеспечил себе широкую общественную поддержку и на какое-то время стал общепризнанным лидером крестоносцев. Он сделал хорошо просчитанный шаг, использовав звонкую монету, чтобы гарантировать одобрение его новой кампании другими лидерами. Не всех можно было подкупить — Годфруа Буйонский, к примеру, остался в стороне. Но Роберт Нормандский и даже Танкред теперь перенесли свою преданность на провансальца за 10 тысяч и 5 тысяч солидов [золотых монет] соответственно. Они, как и многие другие христиане, пошли на юг в сторону Ливана.

Первенство Раймунда Тулузского теперь было обеспечено и так бы и осталось, если бы он продолжал думать только о достижении Иерусалима. В действительности, однако, под внешним налетом благочестия граф продолжал вынашивать замысел создания нового провансальского владения на Востоке. В середине февраля 1099 года он привлек крестоносцев к ненужной и абсолютно бесполезной осаде маленькой ливанской крепости Арка и попытался запугать соседний мусульманский городок Триполи, чтобы заставить его повиноваться. Официально причиной остановки стала необходимость дать крестоносцам, все еще остававшимся в районе Антиохии, включая Годфруа Буйонского, догнать экспедицию. Но даже когда это было сделано, граф наотрез отказался двигаться дальше на юг. В осаде Арки прошло два месяца, массы начали волноваться, и в это время престижу Раймунда был нанесен серьезный удар.

Близкая связь графа с Пьером Бартеlemi и Святым копьем способствовала обеспечению его признания как лидера Крестового похода. Но со временем Пьер стал чрезвычайно ненадежным союзником, учитывая крайности и непредсказуемость его видений. К весне 1099 года его бред стал вовсе уж фантастичным, и, когда в начале апреля он сообщил, что Христос лично проинструктировал его проследить за немедленной казнью тысяч «грешных» крестоносцев, чары окончательно рассеялись. Неудивительно, что теперь люди позволяли себе открыто высказывать сомнения в самозваном пророке и реликвии, которую он якобы нашел. Критиков воз-

главлял норманнский священнослужитель Арнульф из Шока, желающий восстановить влияние уроженцев Северной Франции среди крестоносцев.

Вероятно убежденный в реальности своего дара, Пьер добровольно вызвался пройти потенциально смертельное испытание огнем, чтобы доказать свою честность и подлинность копья. Он четыре дня постился, чтобы очистить душу перед испытанием. Затем в Страстную пятницу перед толпой крестоносцев, одетый лишь в простую тунику и со Святым копьем в руках Пьер по собственной воле вошел в огонь — горящие «ветки оливы, сложенные в две кучи, высотой четыре фута, длиной тринадцать футов, один фут между ними».

О том, что произошло дальше, существуют разные рассказы. Сторонники Пьера утверждали, что он появился из огня невредимым, но был раздавлен возбужденной толпой зрителей. Другие, более скептически настроенные наблюдатели, описывали, как: «Тот, кто нашел копье, быстро пробежал через огонь, чтобы доказать свою честность, как он и требовал. Когда мужчина появился из пламени, все увидели, что он виновен, потому что кожа его была обожжена, и все знали, что внутри он был смертельно ранен. Это доказал исход — на двенадцатый день он умер, терзаемый муками совести».

Как бы то ни было, Пьер Бартеlemi умер от ран, полученных им в день испытания. Его гибель пошатнула веру в пророчества и поставила под большое сомнение подлинность Святого копья. Все это нанесло серьезный удар по репутации графа Раймунда. Он всячески старался удержать власть, и в начале мая, когда даже его самые близкие сторонники, выходцы с юга Франции, потребовали продолжения марша на юг в Палестину, он был вынужден отступить, оставить Арку и свои ливанские планы. Когда франки 16 мая 1099 года вышли из Триполи, период главенства провансальца в Крестовом походе завершился. Отныне и впредь Раймунду приходилось в лучшем случае делить власть с другими лидерами. Наконец, после десятимесячной задержки, лишившись изрядной части иллюзий, первые крестоносцы начали продвижение к Святому городу Иерусалиму³³.

Глава 3 СВЯТОЙ ГОРОД

Когда началась завершающая часть Крестового похода — марш на Иерусалим, крестоносцы были одержимы идеей безотлагательности этого мероприятия. Были отброшены все мысли о захвате других городов и портов, мимо которых они проходили, двигаясь по Ливану и Палестине. Франки желали во что бы то ни стало наконец завершить свое паломничество в Святой город, и потому шли быстро. Не только набожность подгоняла их. Свою роль сыграла и стратегическая необходимость. Еще весной во время осады Арки снова возник вопрос дипломатических отношений с Египтом, когда латинские эмиссары, отправленные к визирю аль-Афдалю годом раньше, вернулись к экспедиции в компании представителей Фатимидов. За прошедшее время многое изменилось. Используя для собственной выгоды страх, потрясший суннитский сельджукский мир после поражения Кербоги в Антиохии, аль-Афдаль в августе 1098 года захватил Иерусалим у турок. Радикальные изменения в балансе ближневосточных сил подтолкнули лидеров крестоносцев к поиску урегулирования с Фатимидами, предлагая раздел завоеванной территории в обмен на права на Святой город. Но переговоры прервались, когда египтяне наотрез отказались уступить Иерусалим. Это оставило франков перед лицом нового врага в Палестине и заставило спешить. Теперь крестоносцам надо было пройти оставшиеся 200 миль (322 км) с максимальной скоростью, чтобы успеть до того, как аль-Афдаль сумеет собрать армию и перехватить их по пути или многократно усилит укрепления Иерусалима.

Продвижение крестоносцев вдоль средиземноморского берега облегчалось готовностью местных полунезависимых мусульманских правителей заключить краткосрочные перемирия. Некоторые даже позволяли им покупать на своих базарах продовольствие и прочее снабжение. Молва о непобедимости латинян после Антиохии и Маррата разнеслась далеко, и эти эмиры всеми силами старались избежать конфронтации. Проходя мимо таких крупных городов, как Тир,

Акра и Кесария, франки встречали только ограниченное сопротивление и с большим облегчением обнаружили ряд узких береговых ущелий неохранными. В конце мая экспедиция повернула в глубь территории на Арсуф, выбрав прямой путь через равнины и вверх на Иудейские холмы. Крестоносцы ненадолго остановились лишь в районе Рамлы, последнего бастиона на пути в Святой город, но обнаружили его покинутым Фатимидами. Наконец, 7 июня 1099 года они увидели Иерусалим. Латинский современник написал, что «все люди залились счастливыми слезами, потому что подошли так близко к святому месту. Ради этого они перенесли много трудностей, преодолели страшные опасности, их косила смерть, мучил голод». Бездействие аль-Афдаля позволило экспедиции проделать путь на юг из Ливана меньше чем за месяц³⁴.

В НЕБЕСАХ И НА ЗЕМЛЕ

Преодолев за три года путь в 2 тысячи миль (3220 км), крестоносцы достигли Иерусалима. Этот древний город, священное сердце христианства, был весь пропитан религией. Для франков это было самое святое место на земле, место, где страдал Христос. За его высокими стенами стояла церковь Гроба Господня, возведенная в IV веке при римском императоре Константине, чтобы огородить предполагаемую территорию Голгофы и могилы Иисуса. Эта святыня включала в себя самую сущность христианства: распятие, искупление и воскрешение. Тысячи крестоносцев пришли сюда из Европы, чтобы вернуть себе эту церковь, — многие верили, что, если земной город Иерусалим будет возвращен христианам, он станет единым целым с небесным Иерусалимом, христианским раем. Появилось множество пророчеств о скором конце света и наступлении Страшного суда, окружив экспедицию латинян апокалиптической аурой.

Но за более чем трехтысячелетнюю историю Иерусалим неразрывно слился с двумя другими мировыми религиями — иудаизмом и исламом. У этих вер тоже многое было связано

с городом. Особо почитаемой была Храмовая гора — *Haram as-Sharif* — расположенный на возвышенности комплекс, включающий Купол Скалы и мечеть Аль-Акса. К ним примыкает Стена Плача. Для мусульман это был город, откуда Мухаммед вознесся на небо, третий по святости в исламском мире. Но здесь был и центр Израильского царства, где Авраам предложил в жертву своего сына, и было построено два храма.

Так же как и сегодня, Иерусалим в Средние века стал средоточием конфликта из-за своей непревзойденной святости. Тот факт, что он имел огромное религиозное значение для представителей трех разных религий, каждая из которых верила, что имеет неотъемлемые исторические права на город, означал, что он неизбежно станет полем сражения.

Предстоящая задача

Теперь перед Первым крестовым походом стояла невыполнимая задача — завоевание одного из самых укрепленных городов мира. Даже сегодня, несмотря на беспорядочность городской застройки, Иерусалим передает неповторимое величие прошлого, поскольку в его центре находится Старый город, окруженный оттоманскими стенами, очень похожими на те, что стояли здесь в XI веке. Если смотреть с вершины Масличной горы на востоке и не обращать внимания на суету и неразбериху XXI века, перед нами предстанет великий город, каким его видели франки в XI веке.

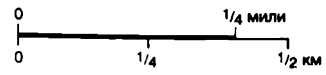
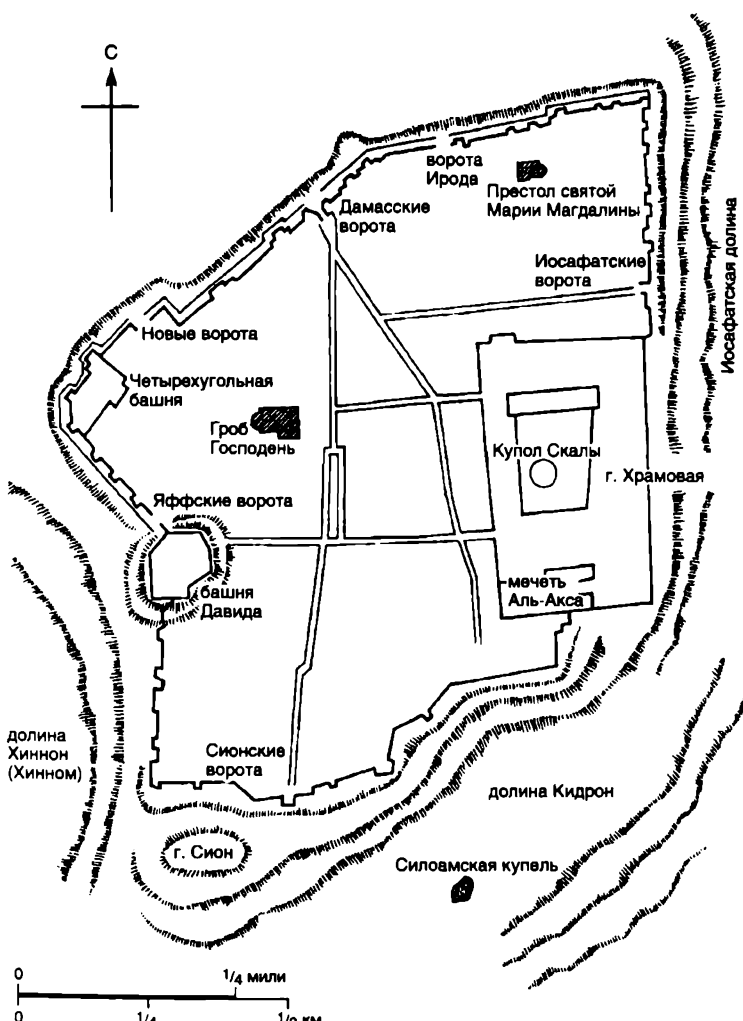
Иерусалим стоял изолированно среди Иудейских холмов на небольшой возвышенности, окруженный на востоке, юго-востоке и западе глубокими равнинами, внутри устрашающей стены длиной две с половиной мили (4 км), высотой шестьдесят футов (18 м) и толщиной десять футов (3 м). По сути, город мог быть атакован только с плоского участка на севере и юго-западе, но здесь стены были укреплены второй стеной и рядом сухих рвов. Внутрь вели пять ворот, каждые с двумя башнями. В Иерусалиме также было две крепости. В северо-западном углу располагалась грозная Четырехугольная баш-

ня, а в середине западной стены возвышалась башня Давида. Латинский хронист написал, что эта грозная цитадель была «построена из больших квадратных камней, соединенных расплавленным свинцом». Он же заметил, что при условии «хороших запасов продовольствия и боеприпасов для солдат пятнадцать или двадцать человек могли защитить ее от любого нападения»³⁵.

Как только крестоносцы прибыли к Иерусалиму, стал очевидным раскол в их рядах: армии разделились на две. После осады Арки популярность Раймунда Тулузского уменьшилась, и теперь, покинутый даже Робертом Нормандским, граф пытался удержать хотя бы франков с юга. Раймунд расположил своих людей на горе Сион, к юго-западу от города, откуда угрожал Сионским воротам. Новый вождь похода Годфруа Буйонский тем временем осадил город с севера. Его люди стояли между Четырехугольной башней и воротами Святого Стефана. Пользуясь поддержкой Арнульфа из Шока, священнослужителя, активно способствовавшего дискредитации Святого копья, Годфруа выступал в союзе с двумя Робертами и Танкредом. С точки зрения стратегии разделение войск имело некоторые достоинства, поскольку Иерусалим мог подвергнуться нападению с двух сторон, но оно также было результатом растущих разногласий.

Это не могло не тревожить, потому что франки не могли позволить себе длительной осады Иерусалима, как это было в Антиохии. Большая длина городских стен означала, что, учитывая ограниченные людские ресурсы франков, эффективная блокада невозможна. К тому же немаловажным был вопрос времени. Крестоносцы пошли на большой, хотя и, вероятно, необходимый риск, двигаясь из Ливана с большой скоростью и не останавливаясь, чтобы обезопасить тыл или создать надежную сеть снабжения. Теперь они находились в сотнях миль от ближайших союзников, были практически отрезаны от подкрепления, логистической поддержки и возможности бежать. И все это время они знали, что аль-Афдаль поспешно собирает силы Фатимидов, чтобы использовать их для освобождения Святого города и уничтожения христиан. Почти самоубийственная дерзость наступления латинян не

Иерусалим

оставила им выбора. Им оставалось только пробиться в город, и сделать это раньше, чем подойдет египетская армия.

На этой завершающей стадии экспедиции франки могли выставить около 15 тысяч закаленных в боях воинов, в том числе 1300 рыцарей, но эта армия была лишена материальных ресурсов, необходимых для ведения осады. Общий размер городского гарнизона был франкам неизвестен, но они понимали, что воинов в нем не одна тысяча и определенно присутствует элитное ядро из хотя бы 400 египетских кавалеристов. Правитель Иерусалима из Фатимидов Ифтикар ад-Даула тем временем усердно готовился к нападению — опустошал окружающую территорию, отравлял воду в колодцах, валил деревья и изгонял местное христианское население, опасаясь предательства. 13 июня, через шесть дней после прибытия, крестоносцы начали первый штурм. Мусульмане ожесточенно сопротивлялись. В это время у франков была только одна осадная лестница и жалкий арсенал, но отчаяние и пророчество отшельника, встреченного ими на Масличной горе, побудили их начать штурм. На самом деле Танкред, возглавивший атаку на северо-западе, нанес такой яростный удар, что едва не достиг успеха. Успешно установив свою единственную осадную лестницу, латиняне устремились вверх по стене, но первый же человек, ухватившийся за верх стены, лишился рук, отрубленных мощным ударом мусульманского меча. Атака захлебнулась.

После этого франкские лидеры пересмотрели стратегию и решили отложить штурм до того, как будут построены эффективные осадные машины. Начался отчаянный поиск материалов. Одновременно с этим крестоносцы ощутили влияние жаркого палестинского лета. Правда, на некоторое время продовольствие перестало быть главной проблемой, поскольку из Рамлы доставили зерно. Но решимость франков существенно ослабляла нехватка воды. Поскольку все близлежащие источники питьевой воды были отравлены, христианам приходилось уходить все дальше и дальше от места своего расположения. Один латинянин мрачно вспоминал: «Ситуация была настолько тяжелой, что, когда кто-нибудь приносил в лагерь грязную воду в сосудах, он мог получить

за нее любую цену, а если кто-то желал получить чистую воду, за пять или шесть центов он не мог получить ее достаточное количество, чтобы утолять жажду в течение дня. О вине вообще почти никогда не вспоминали». Как-то раз один бедняга умер, выпив болотную воду, зараженную пивками³⁶.

К счастью для крестоносцев, как раз когда все это началось, прибыла совершенно неожиданная помощь. В середине июня в Яффу, ближайший порт к Иерусалиму, пришел флот из шести генуэзских судов. Его экипаж, в котором были искусные мастера, направился к Святому городу, чтобы присоединиться к его осаде. Люди несли такие остро необходимые вещи, как веревки, молотки, гвозди, топоры, мотыги и резак. Одновременно лидеры крестоносцев, раздобыв у местных христиан полезные сведения, обнаружили неподалеку леса и стали возить древесину на верблюдах в лагерь. Так перспективы франков изменились в лучшую сторону — они приступили к строительству осадных машин. В течение следующих трех недель они активно соорудили осадные башни, катапульты, тараны и лестницы, почти не прерываясь на отдых, но внимательно следя за окрестностями — ведь в любой момент могла подойти армия аль-Афдала. А в Иерусалиме Ифтикар ад-Даула ждал прибытия хозяина, одновременно надзирая за постройкой собственных метательных машин и укреплением стен и башен.

Ведя подготовительные работы, и осаждающая и осаждаемая стороны прерывались только для того, чтобы обменяться подрывающими моральный дух актами варварства. Мусульмане регулярно затаскивали на городские стены деревянные кресты, которые на глазах крестоносцев оскверняли — плевали и мочились на них. Со своей стороны, франки организовывали публичные казни, обычно обезглавливая пленных мусульман на глазах иерусалимского гарнизона. Во время одного из наиболее отвратительных эпизодов крестоносцы довели эту тактику до крайности. Поймав в своем лагере мусульманского лазутчика, франки решили забросить его обратно в город, как они уже делали с другими жертвами во время предыдущих блокад. Но только, если верить воспомин-

нениям одного из христиан, в этот раз несчастный пленник был еще жив. «Его положили в катапульту, но он оказался для нее слишком тяжелым и далеко не улетел. Рухнув на острые камни у стены, он сломал шею и другие кости и, как говорили, вскоре умер»³⁷.

В начале июля, когда сооружение осадных машин близилось к завершению, франки получили сообщение, что войско Фатимидов уже почти собрано, и необходимость в быстрой победе стала еще более настоятельной. В этот момент отчаяния духовное откровение снова подняло боевой дух и придало экспедиции уверенность в Божественном одобрении. Провансальский священник-прорицатель Пьер Дезидериус предсказал, что Святой город падет, если крестоносцы до начала штурма пройдут трехдневную процедуру ритуального очищения. Как и в Антиохии, последовала серия проповедей, публичных покаяний и месс. Армия даже прошла в торжественной процессии — все были босыми — вокруг городских стен с пальмовыми ветвями в руках, хотя фатимидский гарнизон не проявил уважения к этому ритуалу и обстреливал христиан из луков. К концу второй недели июля, завершив строительство осадных машин и укрепив свой дух, крестоносцы были готовы к атаке.

ШТУРМ ИЕРУСАЛИМА

Штурм начался на рассвете 14 июля 1099 года. На юго-западной стороне Раймунд Тулузский и его провансальцы находились на горе Сион, а герцог Годфруа, Танкред и другие латиняне занимали плато к северу от города. Когда зазвучали сигналы к атаке, это был призыв к франкам на обоих фронтах. Мусульманские солдаты, выглянув в тусклых предрассветных сумерках через северный парапет, поняли, что их провели. Годфруа и его люди три предшествующие недели сооружали большую осадную башню прямо перед Четырехугольной башней. Наблюдая, как этот трехэтажный монстр день ото дня поднимается на высоту около шестидесяти футов (18 м), мусульмане, естественно, стали укреп-

плать свои оборонительные сооружения в северо-западной части города. Именно на это надеялся Годфруа. Его осадная башня на самом деле была построена с секретным технологическим усовершенствованием: ее можно было разобрать на несколько переносных секций и потом быстро собрать в другом месте. Ночью с 13 на 14 июля герцог под покровом темноты перенес сооружение на полмили (800 м) к востоку и установил за Дамасскими воротами, угрожая теперь совсем другому участку стены. Согласно воспоминаниям одного крестоносца, «сарацины были как громом поражены, увидев на следующее утро новые позиции наших машин и палаток. <...> Два фактора мотивировали перемену позиции. Плоская поверхность обеспечивала лучший подход к стенам нашим военным машинам, а из-за удаленности и слабости этого участка сарацины оставили его неукрепленным».

Обманув противника, Годфруа должен был прежде всего прорваться через низкую внешнюю стену, которая защищала главную северную зубчатую стену, потому что без этого его гигантская осадная башня не могла быть использована против собственно города. Франки сконструировали исполинский, обитый железом боевой таран, чтобы с его помощью пробиться сквозь внешние оборонительные сооружения, и теперь под прикрытием огня баллист латинян несколько десятков крестоносцев тащили это орудие вперед, не обращая внимания на обстрел мусульман. Даже установленный на колесную платформу таран был невероятно неуклюжим, но через несколько часов упорного труда его все же удалось установить в боевую позицию. Один мощный удар, и он врезался во внешнюю стену, проделав крупную брешь. В действительности таран продвинулся очень далеко вперед, и мусульманским воинам показалось, что он может угрожать и главным стенам, поэтому они стали поливать его «огнем, зажженным от серы, смолы и воска» и подожгли его. Сначала крестоносцы бросились к своему оружию, чтобы погасить пламя, но Годфруа быстро понял, что обуглившиеся остатки тарана блокируют продвижение осадной башни. Поэтому тактика обоих противников изменилась на противоположную — ситуация стала почти комичной. Латиняне пытались сжечь соб-

ственное орудие, а мусульмане — спасти его от огня, поливая водой со стены. В результате христиане одержали верх, и в конце дня им удалось преодолеть первую линию защиты, открыв путь для лобовой атаки на главные стены.

На юго-западе города на горе Сион провансальцы добились меньшего успеха. Этот сектор иерусалимской стены был укреплен сухим рвом, а не куртиной, и в течение предшествующих недель Раймунд Тулузский установил плату размером в один пенни за каждые три камня, брошенные в яму, чтобы ее заполнить, тем самым обеспечив быструю нейтрализацию этого препятствия. В то же время он следил за сооружением собственной колесной осадной башни, и 14 июля, во взаимодействии с наступлением Годфруа, была использована и эта колоссальная боевая машина. Продвигая ее к стене, франки попали под обстрел. Считая, что главный удар франки нанесут с горы Сион, Ифтикар ад-Даула сосредоточил оборонительный огонь именно в этом месте. Латинский свидетель описывал, как «камни с катапулт летели по воздуху, а стрелы сыпались, словно град», в то время какдвигающаяся осадная башня подверглась обстрелу очень эффективными огненными бомбами — «окутанные запаленной смолой воск и сера, пакля и тряпки, скрепленные гвоздями, так что они вонзаются в то, куда бомба попадает». Так и не сумев подойти к стенам, с наступлением темноты Раймунд с позором отступил³⁸.

И защитники, и атакующие франки провели тревожную ночь, и утром сражение возобновилось. Южные франки снова принялись двигать вперед свою осадную башню, но через несколько часов мусульманам улыбнулась удача, провансальская башня загорелась и начала разваливаться. Наступление прекратилось, люди Раймунда отошли обратно к горе Сион, «чувствуя усталость и безнадежность». Но сам факт, что гарнизон Фатимидов столкнулся с штурмом на двух фронтах, растянул ресурсы мусульман, и северные стены стали уязвимее. Там на второй день штурма Годфруа и его люди достигли важного успеха. Пробив внешнюю стену, они теперь притащили свою осадную башню к пробоине, за которой находились главные стены. Небо потемнело от яростного обмена стрелами и

метательными снарядами, а высокое сооружение, наполненное франками, все приближалось. Потери были огромными. Латинский хронист вспоминал, что «смерть постоянно присутствовала среди обеих сторон». Находясь на верхнем этаже башни, чтобы руководить операцией, Годфруа подвергал свою жизнь ужасной опасности. В какой-то момент выпущенный из баллисты камень практически обезглавил крестоносца, стоявшего рядом с ним.

Брошенные катапультами огненные бомбы врезались во франкскую башню, но она была защищена скользкими экранами из переплетенных шкур, не загоралась и медленно двигалась вперед. Наконец около полудня она прошла через пробоину во внешних укреплениях, от которых франки находились теперь в нескольких ярдах. Обе стороны вели ожесточенный обстрел. В этот момент мусульмане предприняли последнюю попытку остановить штурм, применив свое «секретное оружие». Они приготовили колоссальное деревянное бревно, пропитанное горючим материалом, сходным с греческим огнем (сложное вещество, основанное на керосине), который нельзя погасить водой. Это бревно подожгли и сбросили со стены перед осадной башней Годфруа — получился огненный барьер. К счастью для франков, они знали от местных христиан об одной особенности этого ужасного негасимого огня. Оказывается, его можно погасить уксусом. Поэтому в башне у Годфруа были приготовлены винные бурдюки с уксусом, которые тотчас были использованы для ликвидации огненного препятствия. Франки на земле убрали потухшее бревно, и путь вперед был свободен.

Успех христианского наступления был развит захватом плацдарма на вражеском бастионе. Огромная высота башни давала франкам важное преимущество (в этом месте высота главных стен достигала пятидесяти футов [15 м]) — Годфруа и его люди, находясь на верхнем этаже, могли обрушить на защитников сильный огонь сверху вниз. Внезапно в самый разгар кровопролитного сражения крестоносцы осознали: соседняя крепостная башня и часть стены горят. Используя зажигательные снаряды катапульты или горящие стрелы, франки сумели поджечь деревянную основу главной стены. Пожар

произвел «столько дыма и огня, что никто из горожан не мог оставаться вблизи». Воины, защищавшие его стены в районе действия осадной башни крестоносцев, в панике отступили. Понимая, что они очень скоро вернуться, Годфруа отсек один из плетеных защитных экранов — получился переходной мост на городскую стену. Когда первая группа крестоносцев устремилась на стену, франки, находившиеся на земле, тоже бросились на штурм с осадными лестницами и стали взбираться наверх.

Как только Годфруа и его люди осуществили этот прорыв, мусульманская оборона Иерусалима с удивительной скоростью рухнула. Испуганные жестокостью крестоносцев, защитники северной части города, увидев франков на стене, бежали. Очень скоро весь гарнизон уже был в состоянии паники. Раймунд Тулузский все еще сражался на горе Сион, и его люди были на грани поражения, когда пришло сообщение о прорыве. Неожиданно мусульманские воины, которые лишь несколько мгновений назад сражались с отвагой и злостью, начали покидать свои позиции. Провансальцы, не теряя времени, ворвались в город, и началось его разграбление³⁹.

Ужасы «освобождения»

Вскоре после полудня 15 июля 1099 года участники Первого крестового похода достигли вожделенной цели — завоевания Иерусалима. Их жаждущие крови толпы наполнили Святой город. Мусульмане больше не сопротивлялись, но франки были не в настроении брать пленных. Три года невзгод, лишений и стремлений вызвали волну варварства и бойни. Один крестоносец с радостью доложил: «С падением Иерусалима и его башен началось самое интересное. Некоторые язычники были обезглавлены, другие пронзены стрелами с башен, а кое-кого после долгих пыток сожгли живьем. Груды голов, рук и ног лежали в домах и на улицах, солдаты и рыцари ходили по трупам».

Многие мусульмане бежали на Храмовую гору, где собрались и оказали слабое сопротивление. Латинский сви-

детель описывал, как «все защитники отступали вдоль стен и через город, а наши люди их преследовали и убивали до самой мечети Аль-Акса, где была устроена такая бойня, что наши люди ходили по шиколотку во вражеской крови». Танкред взял в плен группу, забравшуюся на крышу мечети, но и эти пленники были позднее хладнокровно убиты другими франками. Бойня была такой страшной, что, по утверждению одного латинянина, «даже солдаты, которые убивали, не могли выносить запаха теплой крови». Другие крестоносцы рыскали по городу, убивая по желанию мужчин, женщин и детей, и мусульман, и евреев, и занимались грабежом⁴⁰.

Ни латинские, ни арабские источники не уклоняются от описания этих ужасов, но одна сторона упивается победой, а другая ужасается дикости. В последующие десятилетия ближневосточный ислам стал считать зверства латинян в Иерусалиме актом варварства и осквернения, требуя немедленного отмщения. В XIII веке иракский мусульманин Ибн аль-Асир оценивал число жертв в 70 тысяч. Современные историки долго считали эту цифру преувеличенной и полагали, что более точны данные латинян — 10 тысяч. Однако в результате последних исследований было выявлено еврейское свидетельство, которое оценивает число жертв в 3 тысячи и утверждает, что после падения Иерусалима было взято много пленных. Это предполагает, что даже в Средние века образ жестокости крестоносцев был сильно гиперболизирован и подвергся манипуляциям обеих сторон.

Даже если так, мы все равно обязаны признать ужасную негуманность устроенной христианами садистской бойни. Конечно, некоторые жители Иерусалима избежали гибели. Ифтикар ад-Даула, к примеру, нашел убежище в башне Давида и позднее «выторговал» условия освобождения, ведя переговоры с Раймундом Тулузским. Но устроенная франками бойня была не просто диким всплеском долго сдерживаемой ярости. Это была продолжительная бессердечная кампания, продлившаяся по меньшей мере двое суток, в результате которой город был залит кровью и усыпан трупами. В разгар летней жары вонь скоро стала невыносимой, и мертвых вы-

ташили за городские стены, «сложили в кучи, огромные как дома» и сожгли. Латинянин, посетивший Иерусалим шестью месяцами позже, отметил, что в Святом городе все еще стоит зловоние смерти и упадка.

Другой неопровержимой истиной, связанной с захватом Иерусалима, является то, что крестоносцев подгоняла не просто жажда крови и наживы. Их поддерживала набожность и вера в то, что их деяния угодны Богу. И самый первый ужасный день грабежей и убийств завершился актом поклонения Богу. Вечером 15 июля 1099 года латиняне, в сознании которых весьма причудливо сплелись воедино насилие и вера, собрались вместе, чтобы вознести хвалу Господу. Один из современников, ликуя, вспоминал, что, «направляясь к Гробу Господню и его славному Храму, священнослужители и миряне пели песнь Господу, и голоса их срывались от ликования, они делали приношения и возносили мольбы, с радостью посещая Святые места, куда они так долго стремились». После годов отчаянных страданий и борьбы участники Первого крестового похода сделали свою работу: Иерусалим был в руках христиан⁴¹.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Вскоре крестоносцы задумались о судьбе своего нового владения. Они прошли 2 тысячи миль (3200 км), чтобы потребовать Иерусалим для латинского христианства, и теперь всем было ясно, что городом надо управлять и его необходимо защищать. Священнослужители утверждали, что местом столь непревзойденной святости не должен править светский монарх. Это должно быть церковное государство, столицей которого станет Святой город. Но греческий патриарх Иерусалима недавно умер в ссылке на Кипре, и некому было отстаивать это дело. Раймунд Тулузский рвался стать латинским королем, но его популярность после Арки существенно упала, и 22 июля 1099 года власть взял в свои руки Годфруа Буйонский, главный творец победы христиан. В качестве жеста примирения с духовенством он принял ти-

тул «защитник Гроба Господня», подразумевавший, что он будет действовать только как защитник Иерусалима⁴².

После столь явного крушения надежд раздосадованный граф Раймунд сделал неудачную попытку взять под личный контроль башню Давида, после чего в порыве злости покинул Святой город. В его отсутствие новым патриархом Иерусалима стал Арнульф из Шока, ярый критик Святого копья. Идея назначения латинянина на этот священный пост ущемила права греческой церкви и стала свидетельством разрыва с политикой сотрудничества с Византией. Пока еще избрание Арнульфа оставалось неподтвержденным — его должен был одобрить Рим, но это не остановило его от насаждения позорной атмосферы религиозной нетерпимости. Несколько месяцев те же самые восточные христианские «братья», которых франки должны были защищать во время священной войны, подвергались гонениям: армяне, копты, якобиты и несториане были изгнаны из церкви Гроба Господня.

Новый порядок укрепил свои позиции созданием нового культа реликвии, призванного изгнать из памяти воспоминания о Святом копье. Около 5 августа была найдена часть Истинного креста. Эта реликвия, вероятно представлявшая собой потрепанное распятие — серебряное с золотом, якобы содержала щепку с того креста, на котором умер Иисус. Очевидно, она на протяжении многих поколений мусульманского правления хранилась местным христианским населением. Благодаря Арнульфу и его сторонникам эта реликвия, предположительно связанная с жизнью и смертью Христа, стала тотемом нового латинского Иерусалимского королевства, символом франкской победы и несокрушимости идеала крестоносного движения.

Последняя битва

Ни новый патриарх, ни Годфруа Буйонский не имели возможности как следует насладиться своим новым статусом. В начале августа пришло сообщение о высадке аль-Афдала в южнопалестинском порту Аскалон (Ашкелон) с армией из

20 тысяч свирепых африканцев. Очень скоро визирь должен был появиться под стенами Иерусалима и попробовать вернуть его исламу. После всех бед и страданий франки, раздробленные на мелкие группы и оставшиеся в прискорбном меньшинстве, оказались перед угрозой уничтожения. С ними могло погибнуть и их замечательное достижение.

Годфруа не стал ожидать начала осады. Вместо этого он решил поставить на карту все и нанести упреждающий удар по Фатимидам. 9 августа он вышел из Святого города. Его воины, как кающиеся солдаты Христа, шли босыми. Их сопровождал патриарх Арнульф с реликвией Истинного креста. За следующие несколько дней Годфруа сумел кое-как собрать трещащий по швам союз латинян. Раймунд Тулузский тоже принял участие в походе. В некогда великой франкской армии теперь осталось не более 1200 рыцарей и 9 тысяч пехотинцев. Эта армия и двинулась на юг к Аскалону 11 августа, но в конце дня латинянам удалось поймать египетских лазутчиков, которые выдали планы аль-Афдаля, а также сообщили сведения о численности его армии. Осознав, что численное преимущество противника составляет не менее двух к одному, крестоносцы решили уравнивать шансы, воспользовавшись элементом неожиданности. На рассвете следующего дня они атаковали еще спящих солдат Фатимидов, разбивших лагерь возле Аскалона. Слишком уверенный в себе аль-Афдаль не позаботился выставить достаточное количество стражи, по сути дав франкам свободу действий. Когда латинские рыцари прорвались в самое сердце лагеря, захватили знамя аль-Афдаля и его собственность, враг обратился в беспорядочное бегство.

В испуге Фатимиды залезали на деревья и прятались в листве, откуда их сбивали наши лучники и копьеносцы. Позднее христиане без нужды обезглавили их своими мечами. Другие неверные бросались на землю, пресмыкаясь перед христианами, а наши люди рубили их на части, как рубят скот, прежде чем нести его на мясной базар⁴³.

В шоке аль-Афдаль бежал в Аскалон, откуда немедленно отплыл в Египет, предоставив крестоносцам добить его армию и получить богатую добычу, среди которой был соб-

ственный драгоценный меч визиря. Первый крестовый поход выдержал последнее испытание, но мелкая вражда, разделившая его лидеров, стоила очень дорого. Перепуганный и покинутый командирами гарнизон Аскалона был готов сдаться, но мусульмане заявили, что будут вести переговоры только с Раймундом Тулузским, единственным франком, о котором было известно, что он держит свое слово. Опасаясь, что провансальский граф может захватить в нем власть, Годфруа вмешался, и переговоры сорвались. В результате этой упущенной возможности Аскалон остался исламским. В последующие десятилетия возрождающийся флот Фатимидов смог защитить эту палестинскую крепость, и укрепляющееся Иерусалимское королевство постоянно подвергалось опасности египетской атаки.

Возвращение в Европу

После победы при Аскалоне большинство крестоносцев посчитали свою работу сделанной. Вопреки всем ожиданиям, они сумели пережить вооруженное паломничество на Святую землю, вернули Иерусалим христианству и отбросили могучую египетскую армию Фатимидов. Из десятков тысяч людей, принявших крест несколько лет назад, осталась лишь небольшая часть, и теперь большинство из них искали возможность вернуться домой на Запад. К концу лета они присоединились к Роберту Нормандскому и Роберту Фландрскому и сели на корабли, отплывающие из Сирии. С Годфруа осталось всего 300 рыцарей и около 2 тысяч пехотинцев, чтобы защищать Палестину. Танкред тоже остался, привлекаемый возможностью организовать свое независимое государство на Востоке.

Практически никто из крестоносцев не возвратился в Европу, сгибаясь под тяжестью сокровищ. Добыча, собранная в Иерусалиме и Аскалоне, ушла на дорожные расходы, и многие вернулись домой без средств, усталые и больные. Некоторые привезли с собой разнообразные священные «сокровища» — реликвии святых, кусочки Святого копья или Истинного креста, а также просто пальмовые ветви из Иерусалима, символ

их паломничества. Петр Пустынный, к примеру, приехал во Францию с мощами Иоанна Крестителя и фрагментом Гроба Господня и со временем основал вблизи Льежа маленький августинский монастырь. Почти все прославились своими подвигами, и впоследствии крестоносцев стали называть *Hierosolymitani* (путешественники в Иерусалим).

Конечно, тысячи вернувшихся франков не были встречены как герои — такие, как Этьен де Блуа, кто покинул экспедицию до ее завершения и, таким образом, не выполнил клятву. Таких ожидало общественное осуждение. Этьена клеймила презрением собственная супруга Адела. Он и ему подобные, чтобы смыть позор, вызвались принять участие в следующей экспедиции — Крестовом походе 1101 года. Начиная с 1096 года папа Урбан II подстрекал жителей Западной Европы отправляться в Левант. Урбан умер летом 1099 года, до того, как известие о захвате Иерусалима достигло Рима, но его преемник продолжил его дело, всячески поддерживая организацию ширококомасштабной экспедиции для оказания военной помощи зарождающимся франкским поселениям на Востоке. Поддерживаемая рассказами о победах Первого крестового похода, эта кампания пользовалась небывалым успехом. Участвовать в ней рвались те, кто опозорил себя в первом походе, и тысячи новых энтузиастов. Армии не меньше тех, что были собраны в 1096—1097 годах, пришли в Константинополь, где к ним присоединился ветеран первого похода Раймунд Тулузский, недавно прибывший в Византию, чтобы возобновить свой союз с императором Алексеем.

Несмотря на очевидную военную мощь, Крестовый поход 1101 года потерпел шокирующее фиаско. Отвергнув советы Этьена де Блуа и Раймунда Тулузского, экспедиция проигнорировала необходимость совместных действий. Вместо этого через Малую Азию отправилось несколько отдельных армий, и каждая из них была по отдельности уничтожена мощной коалицией местных турецких сельджукских правителей, теперь слишком хорошо знавших, какую угрозу представляет вторжение крестоносцев. Сильно недооценив масштаб вражеского сопротивления, крестоносцы 1101 года были уничтожены серией яростных военных столкновений. Из немно-

гих выживших только горстка, включая Этьена и Раймунда, добралась до Сирии и Палестины, и даже тогда они не достигли ничего реального⁴⁴.

Может показаться странным, но отпор несколько не уменьшил поток латинян, желавших стать крестоносцами. Многие современники утверждают, что неудача кампании 1101 года, предположительно вызванная греховной гордыней, подчеркнула чудесные достижения Первого крестового похода. И все же, несмотря на попытки папства экспериментировать с этой новой формой освященной войны и связать память о Первом крестовом походе с разными театрами конфликта, начало XII века не было отмечено взрывом энтузиазма крестоносцев. Прошли десятилетия, прежде чем франкский Запад поднялся, чтобы начать походы в защиту Святой земли в масштабе, сравнимом с экспедициями 1095 и 1101 годов. И латиняне, оставшиеся в Леванте после завоевания Иерусалима, оказались в опасной изоляции.

В ПАМЯТИ И ВООБРАЖЕНИИ

Успех Первого крестового похода потряс латинский христианский мир. Для многих только рука Господа могла помочь крестоносцам выжить в Антиохии и одержать сокрушительную победу в Иерусалиме. Если бы экспедиция встретила препятствия на Ближнем Востоке, само понятие крестоносного движения, возможно, приостановилось бы. Победа пробудила энтузиазм к этой новой форме религиозной войны на века, и Первый крестовый поход стал, возможно, самым известным и хорошо задокументированным событием Средневековья.

Формирование памяти о Крестовом походе в латинской Европе

Работа по увековечиванию памяти Первого крестового похода началась почти сразу, когда некоторые его участники в первые годы XII века решили оставить письменные свиде-

тельства о кампании. Самое влиятельное из них — *Gesta Francorum* («Деяния франков»). Этот документ написан в Иерусалиме около 1100 года участником похода, вероятнее всего итальянским норманном благородного происхождения, получившим некоторое образование. Хотя этот рассказ является изложением личного опыта анонимного автора, строго говоря, его нельзя считать свидетельством очевидца, таким как дневник. Вместо этого автор *Gesta Francorum* принял новый подход к фиксированию событий прошлого, который начал появляться в средневековой Европе как альтернатива традиционной летописи. Извлекая сущность опыта тысяч участников и объединяя ее в один общий труд, он создал первую *Historia* (повествовательную историю) Крестового похода, поведал нам рассказ эпического масштаба и впечатляющего размаха. Другие ветераны Крестового похода, в том числе Раймунд Агилерский, Фульхерий Шартрский и другие, опирались на *Gesta Francorum* как на основу и вокруг этого текста создавали собственное повествование — такая форма плагиата была обычной в те времена. Современные историки обратились к «Деяниям франков», а также к письмам участников во время кампании, чтобы воссоздать перспективы латинян в этой экспедиции. А используя перекрестные ссылки на эти свидетельства и труды нефранкских авторов (мусульман, греков, христиан Леванта и евреев), они стремились построить как можно более точную картину того, что действительно происходило в Крестовом походе, так сказать, произвести эмпирическую реконструкцию⁴⁵.

В первой декаде XII века многие латиняне, живущие в Европе, начали писать, точнее, переписывать историю Крестового похода. Трое из них — Роберт Реймский, Жильбер Ногентский и Бодри Бургейский — создали труды, получившие самую широкую известность и популярность. Все трое были высокообразованными бенедиктинскими монахами, жившими в Северной Франции, не имевшими личного опыта священной войны за пределами Европы. Работая почти одновременно, но, вероятнее всего, не подозревая о существовании друг друга, каждый из трех монахов создал новый рассказ о Первом крестовом походе, положив в основу *Gesta*

Francorum. По их собственным словам, они начали эту работу, поскольку считали, что *Gesta* написана в грубой манере, с использованием незлегантного и безыскусного языка. Однако Роберт, Жильбер и Бодри не просто отшлифовали средневековую латынь «Деяний франков», а пошли дальше. Они добавили новые детали к рассказу, иногда получая информацию из текстов других «очевидцев», таких как Фульхерий Шартрский, или из устных воспоминаний участников, или же пользовались собственным богатым воображением. Во всяком случае, на фундаментальном уровне все трое по-своему критически толковали события Первого крестового похода.

Роберт Реймский, к примеру, использовал намного более богатую палитру библейских ссылок, чем автор *Gesta Francorum*. В его труде много цитат и параллелей с Ветхим и Новым Заветом, что помогло ему поместить Крестовый поход в лучше определенный христианский контекст. Роберт также выделил чудеса, якобы происходившие в экспедиции, утверждая, что своим успехом она обязана не мужеству людей, а активной помощи свыше. В довершение всего Роберт переработал всю историю Первого крестового похода. *Gesta* сохранила только косвенное упоминание о проповеди Крестового похода Урбаном II. В ней осада и завоевание Антиохии представлены апофеозом предприятия, а события в Иерусалиме намного менее значимыми. Роберт, наоборот, начал свою историю продолжительным рассказом о клермонской проповеди (которую, по его утверждению, он слышал лично) и намного больше внимания уделил завоеванию Святого города. Он изобразил экспедицию как предприятие, вызванное, направленное и узаконенное папством, и утверждал, что конечной целью экспедиции было возвращение христианству Иерусалима.

Конечно, изложенная Робертом история не изменила события Первого крестового похода в материальном смысле, то же самое можно сказать о повествованиях Жильбера и Бодри. Их труды являются чрезвычайно важными для понимания Крестовых походов в целом, поскольку в сравнении с текстами вроде *Gesta Francorum* их намного чаще читали современ-

ники. А значит, эти бенедиктинские переработанные версии оформляли людские мысли и воспоминания о Крестовом походе в XII и XIII веках. История Роберта Реймского пользовалась самой широкой популярностью, став своеобразным средневековым бестселлером среди образованной элиты. Она также была источником самой известной *chanson de geste* (эпической поэмы) об экспедиции — *Chanson d'Antioche* (Песнь об Антиохии), 10 тысяч строк которой, написанные на старофранцузском языке, обессмертили крестоносцев, как легендарных христианских героев. Созданная в популярной жанровой форме, она очень скоро стала самой распространенной в Западной Европе формой рассказа об исторических событиях. Песнь об Антиохии была написана на разговорном языке, знакомом светской аудитории, специально для публичного чтения. Она сделала многое для формирования воспоминаний о Первом крестовом походе в латинском христианском мире.

От первой волны рассказов «очевидцев» до *Historia* и *Chanson d'Antioche* Роберта Реймского процесс увековечивания памяти о Крестовом походе имел постепенный, но далеко идущий эффект формирования воображаемой реальности событий. Годфруа Буйонский стал единоличным главой экспедиции, а «чудесное» влияние Святого копья — реальностью. Кроме того, окрепла идея о том, что погибшим крестоносцам гарантирована небесная награда. Вероятно, самые исторически значимые реконфигурации и манипуляции касались событий в Иерусалиме 15 июля 1099 года и после этой даты. Разграбление латинянами Святого города было с готовностью истолковано христианами современниками как решающий момент санкционированного свыше триумфа, а мусульманами — как акт беспрецедентной дикости, выявивший внутренне присущее франкам варварство. Удивительно, но рассказы христиан не пытаются ограничить количество убитых при падении Иерусалима «неверных», пожалуй, даже наоборот — они прославляют это деяние. Они также с удовольствием описывают резню в мечети Аль-Акса. В *Gesta Francorum* сказано, что крестоносцам приходилось ходить по шиколотку в крови после резни. Между тем другой «свидетель», Раймунд Агилер-

ский, развил этот образ. Ссылаясь на библейскую цитату из Откровений Нового Завета, он объявил, что кровь врагов доставала франкам до колен и уздечек их коней. Более экстремальный образ был широко принят и повторен во многих западных хрониках XII века⁴⁶.

Первый крестовый поход и ислам

Несмотря на свои обширные завоевания, Первый крестовый поход вызвал удивительно сдержанную реакцию внутри мусульманского мира. Не было никаких арабских свидетельств и высказываний относительно правдивости латинских христианских текстов. На самом деле первые уцелевшие арабские хроники, более или менее подробно описывающие Крестовый поход, были написаны только около 1150 года. Даже в этих трудах, составленных жителем Алеппо аль-Азими и Дамаска — Ибн аль-Каланиси, проблема освещалась кратко, был дан не более чем обзор — пересечение Малой Азии, события в Антиохии, Маррате и Иерусалиме, — приправленный осуждением зверств франков. В них упоминается о неслыханном числе антиохийцев, «убитых, взятых в плен и уведенных в рабство», когда в начале июня 1098 года город пал, и о большом числе убитых жителей Иерусалима.

К 1220 году иракский историк Ибн аль-Асир ударился в другую крайность, сообщив, что «в мечети Аль-Акса франки убили более 70 тысяч человек, многие из которых были *имамы*, ученые, благочестивые верующие и отшельники, мусульмане, оставившие свои родные земли и пришедшие, чтобы вести праведную жизнь в святом месте». Затем он описал, как крестоносцы разграбили Купол Скалы. Ибн аль-Асир также добавил, что депутация сирийских мусульман в конце лета 1099 года пришла к халифу Багдада из Аббасидов и попросила помощи против франков. Они якобы рассказывали истории о своих страданиях от рук франков, от которых на глаза наворачивались слезы и шемило сердце. Также они заявили публичный протест во время пятничной молитвы. Но, несмотря ни на что, помощи они почти не получили, из чего

хронист сделал вывод, что правители не могли договориться между собой, и в итоге франки захватили земли⁴⁷.

Как можно истолковать очевидное отсутствие исторического интереса к Первому крестовому походу в исламском мире? В Западной Европе его широко освещали как поразительный успех, но в мусульманском мире начала XII века ему практически вообще не уделяли внимания. Почему? В какой-то степени это можно объяснить желанием исламских хронистов ограничить упоминания о поражениях мусульман или общим отсутствием интереса к военным событиям со стороны исламских религиозных ученых. Но тем не менее представляется удивительным тот факт, что в большинстве арабских текстов того времени нет следов брани в адрес латинян и требований мести.

В мусульманском мире все же прозвучало несколько изолированных голосов, требующих коллективного ответа на Первый крестовый поход, и было это сразу после захвата Иерусалима. Среди них были поэты, арабские стихи которых содержались и в более поздних сборниках. Аль-Абиварди, живший в Багдаде и умерший в 1113 году, описал Крестовый поход как «время бед» и заявил, что «это война, и меч неверного обнажен в его руке, готовый опуститься на шею и головы людей». Примерно в то же время поэт из Дамаска Ибн аль-Хайят, раньше живший в Триполи, описал, как франкские армии «раздулись в огромный пугающий поток». Его стихи выражают сожаление относительно готовности мусульман быть усмирёнными христианскими подкупками и по поводу слабости мусульманского мира, вызванной постоянными междоусобицами. Он также призывал свою аудиторию к насильственным действиям: «Головы многобожников уже созрели, так что не отвергайте их, как урожай». Интересна реакция Али ибн Тахир аль-Сулами, ученого при мечети в Дамаске. Около 1105 года он прочитал несколько публичных лекций о достоинствах джихада и срочной необходимости решительного и совместного исламского ответа на Первый крестовый поход. Его мысли были изложены в трактате «Книга священной войны» (*Kitab al-Jihad*), части которой дошли до наших дней. Но, несмотря на его пророческую оценку угро-

зы со стороны франков, его призывы к действию, как и призывы поэтов, остались неслышанными⁴⁸.

Странное отсутствие согласованной реакции ислама на Крестовые походы можно объяснить по-разному. В общем, мусульмане Ближнего и Среднего Востока, вероятнее всего, не до конца понимали, кто такие первые крестоносцы и с какой стати они явились на Святую землю. Большинство предполагало, что латиняне на самом деле византийские наемники, нанятые для этой цели, а не убежденные в своей правоте воины, пришедшие покорить Левант. Это непонимание помогло сгладить реакцию ислама на события 1097—1099 годов. Если бы мусульмане поняли истинный масштаб и природу Крестового похода, они бы, скорее всего, все же постарались отложить до лучших времен собственные разногласия и дать отпор общему врагу. А так фундаментальные противоречия остались. Глубокая трещина все еще разделяла суннитов Сирии и Ирака и шиитов Египта. Вражда между турецкими правителями Дамаска и Алеппо тоже продолжалась. А в Багдаде сельджукский султан и аббасидский халиф были заняты борьбой за Месопотамию.

В следующем веке некоторые из этих проблем были решены, и по мусульманскому миру Восточного Средиземноморья прокатилась волна энтузиазма — призыв к джихаду против франков наконец был услышан. Но для начала латиняне, наводнившие Левант, не встретили организованной совместной исламской контратаки. Это дало западному христианству великолепную возможность укрепить свое влияние на Святой земле.

Глава 4

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВ КРЕСТОНОСЦЕВ

Первый крестовый поход принес латинскому христианскому миру контроль над Иерусалимом и двумя крупными сирийскими городами — Антиохией и Эдессой. После этого великолепного достижения, по мере того как франки укрепляли свои позиции в Леванте, на Ближнем Востоке появил-

ся новый аванпост западного европейского мира. В Средние века этот регион называли Утремер* — заморское королевство, а сегодня четыре основных поселения, возникшие в первом десятилетии XII века, — Иерусалимское королевство, княжество Антиохия и графства Эдесса и Триполи — называют крестоносными государствами⁴⁹.

В своей основе крестоносное движение следующих веков руководствовалось необходимостью защищать эти изолированные территории, этот островок западного христианского мира на Востоке. Оглядываясь назад, очень просто забыть, что в годы после Первого крестового похода выживание этих государств представлялось весьма проблематичным. Экспедиция добилась невозможного — вернула христианству Святой город, но охваченные энтузиазмом крестоносцы, рвущиеся к своей заветной цели, не думали о необходимости систематического завоевания территории. Первое поколение франкских поселенцев Утремера, таким образом, унаследовало от своих героических родителей «лоскутное одеяло» из плохо снабжающихся городов и поселений, и этот хрупкий «новый мир» постоянно балансировал на грани исчезновения. В 1100 году будущее крестоносных государств казалось неопределенным, и все завоевания Крестового похода угрожали кануть в небытие⁵⁰.

ЗАЩИТНИК СВЯТОГО ГОРОДА

Проблема была очевидной для Годфруа Буйонского, франкского правителя Иерусалима. Он имел крайне ограниченные ресурсы живой силы, при этом большая часть Палестины еще не была завоевана и силы Аббасидов и Фатимидов очень далеки от разгрома, поэтому его начальные перспективы представлялись безрадостными. Приоритетной задачей Годфруа посчитал расширить плацдарм латинян на Святой земле и установить связь по морю с Западом. Для выполнения обеих задач он нацелился на Арсуф — маленький мусульманский

* Заморье, от фр. *Outre mer* — за морем. (Примеч. ред.)

портовый город, расположенный к северу от Яффы, но, несмотря на тяжелую осаду осенью 1099 года, так и не смог его захватить.

В начале декабря Годфруа вернулся в Святой город, где столкнулся с новой опасностью — гражданской войной. Учитывая неоднозначный характер его возвышения и очевидное намерение получить королевский титул, власть Годфруа над франкскими территориями в Палестине оспаривалась конкурентами. Постоянное присутствие Танкреда уже само по себе являлось проблемой, но реальная возможность свержения возникла 21 декабря 1099 года с появлением сильной делегации латинских «паломников». Бозмунд Тарантский и Бодуэн Булонский прибыли на юг из Антиохии и Эдессы, чтобы выполнить обет и почтить святые места. Их сопровождал новый папский легат архиепископ Даимберт из Пизы — человек, подгоняемый непомерным честолюбием и непоколебимой верой в могущество церкви. Каждый из этих правителей вынашивал надежду править Иерусалимом — будь он светским или христианским королевством, и их появление представляло собой очевидную, хотя и невысказанную угрозу. Но все же, благодаря политическому прагматизму, Годфруа удалось обернуть их прибытие себе на пользу. Отпраздновав Рождество в Вифлееме, он предпочел отвернуться от Арнульфа из Шока и примкнуть к Даимберту Пизанскому. Поддержав кандидатуру архиепископа на пост патриарха, Годфруа остановил непосредственную угрозу со стороны Бозмунда и Бодуэна и обеспечил остро необходимую морскую поддержку пизанского флота из 120 судов, сопровождавшего Даимберта на Ближний Восток. За этот пакт пришлось заплатить высокую цену. Ею стало выделение части Святого города патриарху и обещание места для пизанцев в порту Яффы.

Бодуэн и Бозмунд вернулись в свои северные владения в январе 1100 года, и в течение следующих шести месяцев последний поддерживал франкскую власть над Сирией — он изгнал греческого патриарха из Антиохии и поставил на его место латинянина. Между тем в ходе быстрой кампании за северной границей его княжества в июле 1100 года Бозмунд подвергся внезапному нападению анатолийских турок и был

взят в плен. Великий полководец крестоносцев провел три года в плену, проводя время, как гласили слухи, ухаживая за прекрасной принцессой по имени Мелаз и моля о спасении святого Леонарда, как известно являвшегося покровителем пленных.

В Палестине Годфруа в начале 1100 года добился небольшого успеха, развернув пизанский флот для устрашения занятых мусульманами Арсуфа, Акры, Кесарии и Аскалона. В результате каждое береговое поселение согласилось выплачивать дань франкам. Танкред тем временем занимался созданием для себя полунезависимых владений в Галилее и с относительной легкостью отобрал у мусульман Тивериаду. После ухода весной пизанского флота и прибытия в середине июня на Святую землю новых венецианских морских сил зависимость Годфруа от Даимберта ослабела, но, не успев воспользоваться новой возможностью проявить власть сюзерена, герцог заболел. Поговаривали об отравлении, поскольку герцог слег почти сразу после того, как отведал апельсинов, которыми его угостил мусульманский эмир Кесарии. Но скорее всего, он подхватил какую-то разновидность тифа — ведь лето даже по левантийским стандартам было очень жаркое. 18 июля он в последний раз исповедовался и причастился, а потом, по словам современника-латинянина, «под защитой духовного щита» знаменитый крестоносец, покоритель Иерусалима, которому было всего лишь чуть больше сорока, «ушел из этого мира». Пятью днями позже, в соответствии с его статусом и заслугами, тело Годфруа было похоронено у входа в церковь Гроба Господня⁵¹.

КОРОЛЕВСТВО ГОСПОДА

Смерть Годфруа Буйонского в июле 1100 года привела новое франкское Иерусалимское королевство в смятение. Годфруа вроде бы выражал желание передать власть в Святом городе своему младшему брату Бодуэну Булонскому, первому латинскому графу Эдессы. Но патриарх Даимберт имел собственные планы на Иерусалим: по его задумке город должен

был стать физическим воплощением Царства Божьего на земле, столицей церковного государства с патриархом во главе. Если бы он присутствовал при кончине Годфруа, эта мечта могла получить некоторую опору в реальности. Но Даимберт как раз тогда был занят, осаждая вместе с Танкредом порт Хайфа, и сторонники семейства Годфруа, включая Арнульфа из Шока и Годамара Карпинеля, воспользовались шансом действовать, заняли башню Давида (стратегический ключ к господству над Иерусалимом) и отправили гонцов на север за Бодуэном.

Новость достигла Эдессы в середине сентября. Говорят, что граф, которому в это время было немного за тридцать, был высок, красив, имел темно-каштановые волосы, бороду и орлиный нос. Царственную внешность чуть портила выдающаяся вперед верхняя губа и срезанный подбородок. Учитывая характер Бодуэна — его жадное стремление к власти и жестокосердие, приглашение из Палестины было воистину даром небес. Даже его капеллан, ветеран Первого крестового похода Фульхерий Шартрский, был вынужден признать, что Бодуэн «был немного расстроен из-за смерти брата, но куда больше радовался из-за наследства». В следующие недели Бодуэн быстро привел в порядок дела графства. Чтобы его первое левантийское владение наверняка осталось в его власти, он назначил своего кузена и тезку Бодуэна де Бурка (малоизвестного участника Первого крестового похода) новым графом Эдессы. Тот вроде бы признал Бодуэна Булонского своим сюзереном, по крайней мере, в тот момент⁵².

Выйдя с севера Сирии с 200 рыцарями и 700 пехотинцами в начале октября, Бодуэн проследовал через Антиохию, а потом отбил немалые силы мусульман под командованием Доака из Дамаска у Собачьей реки в Ливане. Оказавшись в Палестине, Бодуэн стал действовать очень быстро, чтобы обогнать Танкреда и Даимберта. Он выслал вперед одного из своих самых доверенных людей — Гуго Фалькенберга (Hugh Falchenberg), чтобы тот установил контакт со сторонниками Годфруа в башне Давида и организовал соответствующий прием в Святом городе. Когда Бодуэн наконец 9 ноября добрался до Иерусалима, его приветствовали организованным, хорошо

подготовленным ликованием — улицы были заполнены толпами латинян, греков и сирийских христиан. Перед лицом столь очевидной народной поддержки Даимберт ничего не мог сделать. Он скрылся в маленьком монастыре на горе Сион — прямо за городскими стенами — и не присутствовал 11 ноября при официальном провозглашении Бодуэна новым правителем Иерусалима.

Но пока Бодуэн не мог претендовать на королевский титул: сначала должна была состояться коронация. В этом вековом ритуале обычно присутствует ношение короны, но это не являлось, как можно было подумать, центральной частью церемонии. Эта честь выпала ритуалу помазания, моменту, когда священное масло льется на голову правителя одним из представителей Бога на земле — архиепископом, патриархом или папой. Именно этот акт отделяет короля от остальных людей, дает ему власть, одобренную на небесах. Чтобы достичь такого возвышения, Бодуэну надо было как-то договориться с церковью.

Его правление началось с демонстрации силы: месячный рейд вдоль южных и восточных границ государства, обеспечение безопасности паломнических путей, изнурение египетского гарнизона Аскалона. И его подданным, и его соседям было ясно: Бодуэн принес с собой в латинское королевство новую целеустремленность и могущество. Даимберт вовремя понял, что лучше будет выполнять свои обязанности при новой власти, чем рисковать патриаршим престолом. 25 декабря 1100 года в Вифлеемской церкви Рождества — дата и место были выбраны соответственно — патриарх короновал и помазал на царство Бодуэна — первого франкского короля Иерусалима. Этим актом Даимберт положил конец идее о том, что крестоносное государство может существовать как теократическое. Его подчинение также предотвратило потенциально катастрофическую гражданскую войну.

Но патриарх был ненадолго спасен этой уступкой. В следующие месяцы и годы Бодуэн I расчетливо искоренял любую потенциальную угрозу своей власти и перестройки латинской церкви в его пользу. К счастью для короля, его самый грозный светский соперник — Танкред — покинул Па-

лестину весной 1101 года, чтобы принять регентство в Антиохии на время отсутствия Боэмунда. Позднее в том же году Даимберт был смещен, когда стало ясно, что он присваивает деньги, посланные из Апулии для финансирования обороны Святого города. Он еще на короткое время вернулся к власти в 1102 году, после чего трон патриарха перешел к ряду утвержденных папой кандидатов, и в 1112 году к власти вернулся давний противник Бодуэна Арнульф из Шока. Все эти патриархи никогда не были полностью подчинены короне, но желали сотрудничать с королем, стремившимся укрепить франкский контроль над Палестиной.

Ключевая черта этого сотрудничества — организация и развитие культа, связанного с иерусалимской реликвией Истинного креста, найденной первыми крестоносцами в 1099 году. В первые годы XII столетия крест стал тотемом латинской власти в Леванте. Культ родился благодаря патриарху или одному из его сподвижников и быстро приобрел репутацию чудесного вмешательства свыше. Даже говорили, что в присутствии истинного креста франки неуязвимы⁵³.

Создание королевства

Обеспечив свое восшествие на престол, Бодуэн I столкнулся с серьезной трудностью. В действительности королевство, которым он правил, было не более чем сетью рассеянных поселений. Франки удерживали Иерусалим, а также Вифлеем, Рамлу и Тивериаду, но в 1100 году это были всего лишь изолированные анклавы. Но и здесь правящие франки пребывали в меньшинстве по сравнению с исконным мусульманским населением, восточными христианами и евреями. Основная часть Палестины оставалась незавоеванной и находилась в руках полуавтономных исламских правителей. Хуже того, латиняне лишь начали устанавливать контроль над левантийским побережьем и владели только Яффой и Хайфой, но ни один из этих портов не имел идеальной природной гавани. Только подчинив себе палестинские порты, Бодуэн мог надеяться обеспечить надежные линии связи с Западной Евро-

пой, открыть свое королевство для христианских паломников и поселенцев и вмешаться в потенциально богатую торговлю между Западом и Востоком. Таким образом, начать следовало с обеспечения внутренней безопасности и объединения территории.

Фульхерий Шартрский писал об этой ситуации: «В начале своего правления Бодуэн пока обладал только немногими городами и людьми... До этого времени наземный путь в Палестину был полностью закрыт для наших паломников, и те франки, которые могли, прибывали на единичных судах или шедших группами по три-четыре через моря, где свирепствовали пираты, и мимо сарацинских портов. Одни оставались на Святой земле, другие возвращались в свои страны. По этой причине земля Иерусалимская оставалась ненаселенной, и у нас было только 300 рыцарей и ненамного больше пехотинцев, чтобы защищать королевство».

Опасности, связанные с этими проблемами, отражены в свидетельствах ранних христианских паломников, которые достигли Ближнего Востока. Зевульф, паломник (вероятнее всего, из Британии), подробно описавший свое путешествие в Иерусалим в самом начале XII века, указывал на незаконное, царившее на Иудейских холмах. Дорога между Яффой и Святым городом, писал он, «была очень опасной, потому что сарацины постоянно устраивали засады. Днем и ночью они высматривали, на кого бы напасть». По пути он видел «бесчисленные трупы», оставленные гнить или на растерзание диким животным, потому что никто не рисковал остановиться, чтобы организовать пристойные похороны. Около 1107 года положение немного улучшилось, когда Святую землю посетил другой паломник, русский, известный под именем игумен Даниил, но и он жаловался, что невозможно путешествовать по Галилее без сопровождения солдат.

Возможно, самая яркая демонстрация того, что Святую землю еще только предстоит по-настоящему завоевать, имела место летом 1103 года, когда во время охоты возле Кесарии Бодуэн I подвергся нападению небольшого отряда Фатимидов, который намеренно вторгся на латинскую территорию. Оказавшись в гуще сражения, король получил удар копьем,

и, хотя детали остаются неясными — в одном рассказе он был ранен «в спину возле сердца», в другом — копьё «пробило бедро и почки», ранение наверняка было тяжелым. Очевидец описал, как «из раны сразу хлынула кровь, лицо побледнело, и в конце концов король запертво упал на землю». Благодаря умелым действиям врачей Бодуэн выжил и со временем поправился, но раны продолжали беспокоить его до конца дней⁵⁴.

В общем, Бодуэн был вынужден посвятить почти все первое десятилетие XII века укреплению своих позиций в Палестине, в своих взаимоотношениях с мусульманским населением Святой земли используя смесь прагматичной гибкости и железной решительности. Незадолго до Пасхи 1101 года он получил хорошую поддержку, когда в Яффу прибыл генуэзский флот, возможно вместе с судами из Пизы. Вероятнее всего, моряки прибыли на Восток, желая помочь в укреплении и защите Леванта, а также чтобы выяснить возможности организации торговли. Они добавили остро необходимый военно-морской элемент в военную кампанию Бодуэна, который взамен обещал им очень щедрые условия: третью часть любой захваченной добычи и полунезависимый торговый анклав, который станет «постоянным и будет передаваться по наследству», в любом поселении, взятом с помощью итальянцев. Заключив эту сделку, Бодуэн был готов перейти в наступление.

Его первая цель, Арсуф, в декабре 1099 года стойко выдержала штурм Годфруа Буйонского с суши. Теперь Бодуэн смог организовать блокаду с моря, и уже через три дня мусульманское население города попросило о мире, который был заключен 29 апреля 1101 года. Король проявил великодушие и позволил мусульманам уйти и забрать с собой столько пожитков, сколько они смогут унести. Успех был достигнут без потерь у христиан.

Затем Бодуэн обратил свое внимание на Кесарию, расположенную в двадцати с лишним милях (32 км) к северу. Это некогда шумное греко-римское поселение постепенно исчезало под мусульманским правлением; старые стены все еще стояли, но знаменитый в прошлом порт был давно раз-

рушен, осталась только небольшая мелководная гавань. Бодуэн направил миссию к эмиру Кесарии, под угрозой осады потребовав немедленной капитуляции. Однако, надеясь на подкрепление Фатимидов, мусульмане города категорически отвергли разумное предложение. В Арсуфе латинский король проявил милосердие к сдавшемуся противнику, но здесь, столкнувшись с наглым упрямством, он решил продемонстрировать силу. 2 мая 1101 года он начал обстрел Кесарии из баллист. Гарнизон города оказывал упорное сопротивление в течение пятнадцати дней, но франкские войска в конце концов взяли город штурмом. Теперь Бодуэн позволил армии грабить город. Христианские войска обходили город улицу за улицей, дом за домом, не щадя жителей. Они убили большинство мужчин, увели в рабство женщин и детей и унесли богатую добычу. Один латинец писал: «Сколько самой разной собственности было там найдено, невозможно рассказать, но многие наши люди, пришедшие туда бедными, стали богатыми. Я видел много убитых сарацин. Их тела свалили в кучу и сожгли. Зловоние от их трупов нас очень беспокоило. Этих несчастных сожгли, чтобы найти золотые монеты, которые многие глотали».

После разграбления самого Святого города Левант не видел такой алчности и варварства. Захваченная добыча была богатой — только генуэзцы, получив, согласно договоренности, свою треть, смогли раздать по сорок восемь пуатевенских солидов и по два фунта ценных специй каждому из 8 тысяч человек, да и королевская казна изрядно пополнилась. В дополнение к этому итальянцам была дана изумрудно-зеленая чаша — *Sacro Catino*, — ранее считавшаяся Священным Граалем, которая по сей день находится в генуэзской церкви Сан-Лоренцо. Бодуэн I пощадил эмира и кади (судью) Кесарии, чтобы получить за них большой выкуп. Священнослужитель, также носивший имя Бодуэн, знаменитый тем, что выжег клеймо на своем лбу в начале Первого крестового похода, был назначен новым латинским архиепископом Кесарии⁵⁵.

Этот захват послужил суровым уроком оставшемуся мусульманскому населению Палестины: сопротивление повле-

чет за собой уничтожение. Это существенно облегчило последующие завоевания Бодуэна. В апреле 1104 года он осадил порт Акра, расположенный в двадцати милях (32 км) к северу от Хайфы, базу палестинского флота. Порт имел самую хорошую на побережье, отлично защищенную природную гавань. Имея генуэзский флот из семидесяти судов, король осадил город и начал штурм. Мусульманский гарнизон, полностью изолированный от внешнего мира и не имеющий возможности получить подкрепление от Фатимидов, вскоре сдался, попросив такие же условия капитуляции, как в Арсуфе. Бодуэн с готовностью согласился и даже позволил мусульманским жителям остаться в городе в обмен на уплату своего рода подушного налога. Понеся небольшие потери в живой силе, он получил ценный приз — порт, имеющий относительно безопасную якорную стоянку в любое время года, который мог стать жизненно важным каналом для ведения морской торговли и связей с Западной Европой⁵⁶. Довольно скоро Акра стала торговой столицей латинского королевства.

В последующие годы Бодуэн продолжал постепенно расширять и укреплять свои владения на Средиземноморье. Бейрут капитулировал в мае 1110 года при активной помощи генуэзских и пизанских судов. Позднее в том же году Бодуэн нацелился на Сидон, который некоторое время подкупал франкского короля богатой данью. С помощью недавно прибывших норвежских крестоносцев-паломников, которых вел их молодой король Сигурд, Бодуэн в октябре осадил Сидон и к началу декабря заставил его сдаться на тех же условиях, что и Акру.

За первое десятилетие царствования Бодуэн I обеспечил безопасность своего королевства и установил жизненно важную связь с христианским Западом. Тем не менее два города оставались вне его влияния. Севернее находился сильно укрепленный порт Тир — мусульманская твердыня, отделявшая Акру от Сидона и Бейрута. Он пережил франкскую осаду 1111 года, в основном потому, что его эмир переметнулся от Египта к Дамаску, обеспечив для себя прибытие ценного подкрепления. Понимая, что не может его захватить, Бодуэн изолировал Тир, построив со стороны суши крепость в Торо-

не и на юге у берега в районе узкого горного ущелья, известного под названием Сканделион.

Аскалон тоже ускользнул сквозь пальцы Бодуэна. Весной 1111 года он пригрозил городу осадой, перепугав его эмира Шамс аль-Хилафу, который предложил политическую перестройку. Сначала эмир купил мир, обещав дань в 7 тысяч динаров. Учítывая, что аль-Афдаль, египетский визирь Фатимидов, крайне недовольный таким развитием событий, далеко, аль-Хилафа решил сменить союзника. Порвав с халифатом Фатимидов, он совершил путешествие в Иерусалим, чтобы обсудить новую сделку с Бодуэном I. После того как эмир пообещал хранить верность латинскому королевству, он был оставлен у власти как полузависимый правитель. Вскоре после этого в Аскалон был введен христианский гарнизон из 300 человек, и на некоторое время создалось впечатление, что прагматизм Бодуэна наконец закрыл дверь между Египтом и Палестиной. Несчастный эмир Аскалона долго не прожил. Группа местных берберов, все еще хранивших преданность Фатимидам, напала на него во время верховой прогулки. Тяжелораненый, он поскакал домой, но его догнали и убили. Прежде чем король Бодуэн успел прийти на помощь, с христианским гарнизоном тоже было покончено. Получив голову аскалонского эмира, аль-Афдаль быстро восстановил контроль Фатимидов над городом⁵⁷.

Слуги короны

Бодуэн I, став королем развивающегося государства, проявил способности к силовому управлению. На первом этапе своего правления он особенно заботился о том, чтобы баланс сил в латинской Палестине всегда был в пользу короны, а не местной знати. В одном у него было неоспоримое преимущество перед западными монархами: он начинал, относительно конечно, с пустого места. Ему не приходилось иметь дело с древней аристократией, опутанной вековыми системами господства и землевладения. И Бодуэн создавал Иерусалимское королевство так, как считал удобным.

Центральной чертой его подхода к проблеме было сохранение крупного королевского домена — территории, принадлежащей короне и управляемой ею. Короли в Европе могли унаследовать государства, в которых многие богатейшие и удобнейшие территории уже давно были выделены знати, чтобы управляться в качестве фьефа от имени короны, но управлялись как полуавтономные области. Бодуэн I включил многие самые крупные города Палестины в свои владения, в том числе Иерусалим, Яффу и Акру, создавая очень мало новых управляемых знатью территорий. Часто уничтожаемая в войнах, увы, очень частых в Леванте, аристократия тоже не имела возможности утвердить наследственные права на фьефы. А король к тому же нередко использовал денежные фьефы, вознаграждая своих сторонников за верную службу не землей, а деньгами.

Ранняя история двух городов — Хайфы и Тивериады — является наглядной иллюстрацией управления Бодуэна и его отношения к своим ведущим вассалам. Когда Танкред в 1101 году уехал в Антиохию, Бодуэн разделил княжество Галилея на два. Гельдемар Карпинель, крестоносец из Южной Франции, ранее служивший Годфруа Буйонскому, в марте 1101 года получил Хайфу, возможно, в награду за то, что поддержал претензии Бодуэна на трон. Гельдемар был убит в сражении шестью месяцами позже, и в течение следующих пятнадцати лет власть в Хайфе принадлежала последовательно трем людям, имена которых до нас не дошли. Таким образом, власть над портом последовательно возвращалась к короне, и каждый раз Бодуэн имел возможность снова пожаловать эту награду, кому сочтет нужным.

А Тивериада была отдана Гуго Фалькенбергу, рыцарю из Фландрии, вероятно присоединившемуся к Бодуэну во время Первого крестового похода. Гуго хорошо служил королевству, но вскоре стал жертвой военной нестабильности в регионе и в 1106 году был убит из засады. Тивериада перешла к французу Жерве де Базошу, который стал одним из фаворитов Бодуэна и даже был назначен королевским сеншалем (отвечающим за финансы и судопроизводство). Не прошло и двух лет, как Жерве был взят в плен мусуль-

манскими войсками из Дамаска во время их рейда по Галилее.

Конечно, далеко не все вассалы Бодуэна I были стремительно и жестоко убиты. Вдоль северного побережья Палестины на границе с Ливаном и далеко от Иерусалима также было несколько новых поселений. Одно из них, Сидон, Бодуэн отдал восходящей звезде своего правления Эсташу Гранье. Рыцарь, вероятно норманн по происхождению, Эсташ, судя по всему, служил Бодуэну еще в Эдессе и определенно сражался за него против египтян в 1105 году. Эсташ возвысился быстро и получил внушительные владения, в том числе Кесарию, благодаря женитьбе на Эмме (дочери патриарха Арнульфа из Шока), и город Иерихон. В целом Бодуэн создал лояльную и эффективную знать, в основном подчиняющуюся короне⁵⁸. Конечно, в первые годы своего правления Бодуэн I не мог себе позволить концентрироваться только на укреплении своих позиций в Палестине, ему постоянно приходилось следить за поведением мусульманских соседей, в первую очередь Фатимидов из Египта. Их визирь аль-Афдаль был унижен крестоносцами, но пока Аскалон — трамплин между Палестиной и Египтом — оставался в руках Фатимидов, дверь для контратаки на Иерусалимское королевство оставалась открытой.

Сражения при Рамле

В мае 1101 года, вскоре после насильственного подчинения Бодуэном Кесарии, прошел слух о вторжении египтян. Аль-Афдаль отправил крупные силы, которые теперь двигались к Святому городу под командованием одного из ведущих фатимидских генералов, бывшего правителя Бейрута Саада ад-Даулы. Бодуэн бросился на юг, но не желал вступать в открытое сражение. Вместо этого он предпочел подождать дальнейших действий Фатимидов в относительной безопасности Рамлы. Три месяца ничего не происходило. Саад в Аскалоне выжидал подходящего для нападения момента, а Бодуэн нервно патрулировал регион между Яфой и Иерусалимом.

Наконец, на первой неделе сентября, когда «военный сезон» уже был близок к завершению, египтяне начали наступление. Избегая политики обороны, Бодуэн решил открыто сразиться с врагом и приказал немедленно провести мобилизацию в Яффе. Это было отважное решение, учитывая малочисленность воинов в его распоряжении. Даже собрав войска со всего королевства и велев, чтобы каждый подходящий сквайр стал рыцарем, он насчитал 260 рыцарей и 900 пехотинцев. Латинские оценки мусульманских сил в этот момент разнятся очень широко — от 31 до 200 тысяч человек. Все они представляются сильно преувеличенными. Надежных арабских источников не сохранилось, но очевидно одно: той осенью франки находились в меньшинстве. Выйдя из Яффы 6 сентября, чтобы перехватить Фатимидов на равнине к югу от Рамлы, христиане были охвачены отчаянной решимостью. Среди них был королевский капеллан Фульхерий Шартрский, позже написавший: «Мы честно готовились умереть из любви к Христу», получая утешение только от присутствия реликвии — частички Истинного креста, которую несли среди воинов.

Атмосфера на рассвете следующего дня напоминала Первый крестовый поход. Силы Саада ад-Даулы были заметны издалека — их оружие блестело на солнце. Вероятно, король упал на колени перед Истинным крестом, покаялся в грехах и причастился. Фульхерий привел вдохновляющую речь, произнесенную монархом: «Идите же, воины Христа, будьте в хорошем настроении и ничего не бойтесь. Я заклинаю вас, сражайтесь за спасение ваших душ. <...> Если вы будете здесь убиты, то определенно попадете в ряды святых. Перед вами открыты ворота рая. Если же вы останетесь в живых и победите, ваша слава воссияет среди христиан. Если же вы хотите бежать, помните, что Франция очень далеко».

Франки начали двигаться вперед и приняли бой с египтянами, построенными в пять или шесть дивизий. Бодуэн верхом на своем быстроногом скакуне по имени Газель возглавлял резервные силы, готовые вступить в бой при первой необходимости. Рядом со своим королем постоянно находился Фульхерий Шартрский. Позже он вспоминал ужас сражения. Он писал: «Число врагов было так велико, что они на-

летали на нас невероятно быстро, так что латиняне вряд ли могли видеть кого-то, кроме противника». Латинский авангард вскоре был почти полностью уничтожен. Среди убитых был и Гельдемар Карпинель. Вся армия была окружена.

Видя, что латиняне на грани поражения, Бодуэн бросил в бой резерв. Заметив, что франки получили подкрепление, египтяне замешкались. Фульхерий видел, как сам король нанес египетскому эмиру сильный удар копьем в живот и некоторые мусульмане начали отступать. Саад ад-Даула был убит. Многие христиане верили, что победой они обязаны чуду, сотворенному Истинным крестом. Ведь мусульманский командир задохнулся до смерти, как раз когда намеревался напасть на епископа, несущего священную реликвию. Эта история долго циркулировала в армии и внесла изрядный вклад в культ креста. Но в действительности схватка велась почти на равных и ни одна из сторон не одержала убедительной победы. Фульхерий засвидетельствовал, что поле сражения было покрыто оружием, снаряжением и телами мусульман и христиан. Потери врага он оценил в 5 тысяч человек, но признал, что 80 франкских рыцарей и много пехоты было убито. И если Бодуэн смог сохранить контроль над долиной и преследовал части Фатимидов, которые двигались в направлении Аскалона, уцелевшие воины авангарда латинских сил в это же самое время направлялись к Яффе, преследуемые мусульманами, которые были убеждены, что выиграли сражение.

Неразбериха была настолько сильной, что двое франков, которым посчастливилось добраться до Яффы, объявили о поражении христиан, «сказали, что король и все его люди убиты». Травмированная этим известием королева (тогда жившая в Яффе), увидев 500 мусульман, скачущих к городу, немедленно отправила гонца на север в Антиохию, моля Танкреда о помощи. К счастью для франков, жители Яффы наотрез отказались сдать город, а уже на следующий день король Бодуэн, разбив лагерь на поле боя, как свидетельство победы, прибыл на побережье. При виде его остатки армии Фатимидов, собравшиеся за стенами Яффы, подумали, что приближается их армия, и с радостью выехали навстречу, а когда

осознали свою ошибку и все с ней связанное, обратились в бегство. На север тотчас был отправлен второй гонец с информацией о том, что король жив и одержал победу⁵⁹.

Благодаря грамотным стратегическим решениям и удаче Бодуэн оказался в выигрыше, хотя шансов на это почти не было. Но радость по этому поводу оказалась недолговечной. Богатство Египта позволяло аль-Афдалю почти сразу отправить в Палестину еще одну армию. С приходом весны 1102 года и началом нового «военного сезона» у Аскалона собралась новая армия Фатимидов. На этот раз ею командовал сын аль-Афдаля Шараф аль-Маали. В мае египтяне снова двинулись на Рамлу, ввязались в бой с пятнадцатью рыцарями, охранявшими ее небольшую укрепленную башню, и совершили набег на соседнюю церковь Святого Георгия в местечке Лидда.

Бодуэн I в это время находился в Яффе, провожая последних участников неудачного Крестового похода 1101 года, которые как раз отпраздновали Пасху в Иерусалиме. Вильгельму Аквитанскому удалось сесть на судно, идущее на запад, но Этьену де Блуа, графу Этьену Бургундскому и многим другим повезло меньше. Как только поставили паруса, подул встречный ветер, и им пришлось вернуться. Поэтому они находились рядом с королем, когда 17 мая пришло известие о новом египетском наступлении. Бодуэн принял самое неудачное решение в своей жизни, можно сказать, роковое. Поверив, что новости из Рамлы говорят о присутствии небольшого экспедиционного корпуса Фатимидов, а не целой действующей армии, он пожелал нанести быстрый ответный удар. Исполненный уверенности в себе, он выехал из Яффы в компании своих приближенных и горстки крестоносцев, в том числе двух Этьенов, Гуго де Лузиньяна и Конрада, коннетабля Германии. С ним было не больше 200 рыцарей и ни одного пехотинца.

Только на равнинах Рамлы, когда вражескую армию уже можно было видеть, Бодуэн понял, что жестоко просчитался. Оказавшись лицом к лицу с тысячами мусульманских воинов (по некоторым источникам, их было более 20 тысяч), франки не могли надеяться на победу и почти не име-

ли шансов выжить. Шараф аль-Маали ринулся в бой с жалкими силами христианского короля, как только заметил их появление. Франков быстро окружили, и началась бойня. В течение нескольких минут с основными силами христиан было покончено. Среди убитых был участник Первого крестового похода Стабело (Stabelo), некогда бывший управляющим у Годфруа Буйонского, участник похода 1101 года Гербод из Виндеке (Gerbod of Windeke). В суматохе другой ветеран, Роже де Розуа (Rozou), сумел вырваться из окружения в сопровождении еще нескольких человек и ускакал в Яффу. Бодуэн тоже вырвался с боем и еще с несколькими уцелевшими воинами укрылся в укрепленной башне Рамлы.

Бодуэн оказался в отчаянном положении. Он отлично знал, что на рассвете Фатимиды начнут атаку, которая может закончиться только смертью или пленом. И король решил покинуть свою армию (неизвестно только, насколько тяжело ему далось такое решение) и скрыться под покровом ночной темноты. В сопровождении пяти своих приближенных он тайком выбрался из окруженного форта, возможно в чужой одежде, через боковые ворота, но довольно скоро был обнаружен мусульманскими воинами. В темноте началось хаотичное кровопролитное сражение. По воспоминанию современника, франкский рыцарь по имени Роберт «выдвинулся вперед с обнаженным мечом, кося врага направо и налево», но оружие было выбито из его рук, и сам рыцарь повержен. Рядом упали еще два его товарища. Тогда Бодуэн решил спастись верхом на своей быстроногой лошади Газели. Теперь с ним остался только один спутник — Гуго де Брулис (о котором никаких сведений не сохранилось).

Египтяне сразу же бросились в погоню за беглым монархом. Понимая, что от плена его отделяют лишь мгновения, он спрятался в зарослях тростника, но преследователи подожгли его. Бодуэну едва удалось спастись, отделившись небольшими ожогами. Еще два дня он провел, убегая, в страхе за свою жизнь. Растерянный, не имеющий еды и питья, он хотел найти дорогу через Иудейские холмы к Иерусалиму, но в этом районе оказалось слишком много египетских патрулей. 19 мая 1102 года он повернул на северо-запад к

побережью и сумел добраться до Арсуфа. Все это время Бодуэн, должно быть, страдал от унижения и сомнений, он никак не мог узнать, какая судьба постигла его покинутых товарищей в Рамле и не капитулировали ли в его отсутствие перед Фатимидами Яффа и Святой город. Наглядным свидетельством полученной им в предыдущие дни физической и психологической травмы было то, что, оказавшись в Арсуфе, он мог думать только о том, чтобы поесть, попить и выспаться. Как заметил один из современников, этого требовала человеческая сторона его натуры.

На следующий день ситуация изменилась к лучшему. Гуго Фалькенберг, правитель Тивериады, услышав о нападении египтян, прибыл в Арсуф в сопровождении восьмидесяти рыцарей. Конфисковав английский пиратский корабль, бросивший якорь поблизости, король отплыл на юг в сторону Яффы, а Гуго отправился туда же по берегу. Ситуация в Яффе оказалась тяжелой. На суше ее осадили войска Шарафа аль-Маали, а на море — египетский флот из тридцати судов. Храбро подняв королевский флаг на мачте своего корабля, чтобы придать уверенности гарнизону Яффы, Бодуэн чудом сумел избежать встречи с флотилией Фатимидов и вошел в порт. Оказавшись на земле, он получил неприятные новости.

Яффа была близка к капитуляции. Не имея сведений о местонахождении короля и судьбе его армии в Рамле, осажденное со всех сторон население города оказалось в бедственном положении. Но потом Шараф аль-Маали использовал нечестную тактику. Гербод из Виндеке при жизни, вероятно, имел отдаленное внешнее сходство с королем. Мусульмане надругались над его трупом, отсекали голову и ноги, обрядили вызывающие ужас останки в одежду королевских геральдических цветов и пронесли под стенами Яффы, объявив о смерти короля и потребовав немедленной капитуляции. Многие, в том числе королева, поверили обману и начали строить планы бегства морем. Именно в это время с севера появился корабль Бодуэна. Своевременное прибытие короля укрепило мораль и, вероятно, поколебало решимость Шарафа. Главные силы египетской армии теперь отошли

на некоторое расстояние в сторону Аскалона, судя по всему намереваясь подготовить осадные машины для полномасштабного штурма, и это дало франкам бесценную передышку.

Бодуэн появился вовремя, чтобы спасти Яффу, но вмешиваться в события в Рамле было уже поздно. Утром после его бегства мусульманские войска штурмом взяли городские стены и окружили башню, в которой находились остатки войска Бодуэна. Фатимиды начали активный штурм башни, делали подкопы под стены и разводили в них костры, чтобы выкурить защитников. К 19 мая окруженные франки оказались в безнадежном положении. Покинутые королем, понимающие, что поражение неизбежно, они предпочли, по словам одного современника, «погибнуть с честью, чем задохнуться в дыму и умереть жалкой смертью». Они сами начали последнюю атаку из башни и очень быстро почти все были уничтожены. Одним из немногих уцелевших был Конрад Германский, который сражался с такой яростью, разя всех врагов, до которых только мог достать мечом, что в конце концов остался один в окружении трупов врагов. Потрясенные мусульмане предложили ему сдаться, обещав пощадить его жизнь и увезти в качестве пленника в Египет. Многим франкам повезло меньше. Среди погибших в Рамле был Этьен де Блуа, чья смерть в этом городе наконец избавила его от стыда за проявленную в Антиохии трусость четырьмя годами ранее.

Катастрофа в Рамле не прибавила франкам оптимизма. Однако в начале июня 1102 года Бодуэн снова собрал войска по всему королевству, в том числе и контингент из Иерусалима с Истинным крестом. Его силы также поддержало прибытие довольно большого флота с паломниками. Теперь собрав большую полевую армию, Бодуэн немедленно атаковал неготовых к этому египтян. Нерешительность Шарафа уже посеяла семена недовольства среди Фатимидов, и, столкнувшись с внезапной атакой франков, они начали отступать. Жертв у мусульман было немного, да и добыча франков после боя оказалась скудной — несколько верблюдов и ослов. Однако государство крестоносцев было спасено⁶⁰.

Между Египтом и Дамаском

В эти трудные годы франкам Иерусалима повезло — не существовало союза между шиитским Египтом и суннитским Дамаском. Столкнись Бодуэн в 1101 или 1102 году с объединенной угрозой, его королевство вряд ли смогло бы уцелеть. Однако Докак всю оставшуюся жизнь проводил весьма умеренную политику в отношении франкской Палестины. Памятуя о поражении на Собачьей реке, он довольствовался тем, что позволял христианам препятствовать амбициям Фатимидов на Святой земле, и поддерживал нейтралитет. Но после его преждевременной смерти в 1104 году в возрасте всего лишь двадцати одного года Дамаску предстояло избрать новую политику.

После короткой борьбы власть в городе захватил атабек* Тугтегин. Будучи мужем овдовевшей и вечно интригующей матери Докака Сафват (Safwat), он долго ждал своего часа. Ходили слухи, что внезапная смерть Докака — результат отравления, организованного лично Тугтегином. Теперь склонность атабека к лживым политическим интригам и жестокость привели его к власти. В 1105 году атабек не отказался от предложенного египтянами военного сотрудничества. К счастью для франков, этот беспрецедентный суннитско-шиитский союз имел свои ограничения. Вероятно, все еще испытывая сомнения относительно своих новых союзников, он все же не организовал полномасштабное вторжение в Палестину. Вместо этого он выделил 1200 лучников, когда аль-Афдаль летом 1105 года послал к Аскалону третью армию под командованием одного из своих сыновей.

Египетский флот часто досаждал Яффе, и Бодуэн понял, что порт рано или поздно будет осажден, и королевство снова будет дестабилизировано. Перехватив инициативу, он взял с собой иерусалимского патриарха, Истинный крест и вышел навстречу армии Фатимидов возле Рамлы. В этот раз он командовал 500 рыцарями и 2 тысячами пехотинцев, но даже

* Первоначально атабеки являлись воспитателями принцев, но в дальнейшем стали наместниками провинций и командующими армиями.

при этом франки, вероятнее всего, были в меньшинстве. Однако в третий раз за четыре года отсутствие военной дисциплины у египтян позволило Бодуэну обратить врага в бегство и добиться победы, хотя и с трудом. Потери у сторон были примерно одинаковыми, но столкновение оказало разрушительное воздействие на мораль Фатимидов. Мусульманский правитель Аскалона был убит в бою. Бодуэн приказал обезглавить эмира. Его голову отвезли в Яффу и продемонстрировали египетским морякам, чтобы ускорить немедленный уход флота к родным берегам.

Египет продолжал угрожать франкской Палестине, но аль-Афдаль больше не устраивал широкомасштабных наступлений и совершенно определенно никогда не добивался важных успехов. Дамаск был временно частично нейтрализован. Тугтегин принял новый, более тонкий, преимущественно неагрессивный подход к отношениям с Иерусалимом. Он, конечно, не упускал случая защитить свои интересы с оружием в руках, если считал, что они под угрозой, и также не гнушался карательными рейдами на христианскую территорию. Но в то же время принял ряд соглашений с Бодуэном, в первую очередь направленных на облегчение ведения взаимовыгодной торговли между Сирией и Палестиной.

Самым продолжительным последствием этих договоренностей было заключение около 1109 года частичного перемирия (подтвержденного документально). Это соглашение касалось территории к востоку от Галилейского моря (оно же Кинерет), которую франки называли *Tegte de Sueth* (Черные земли) из-за темных базальтовых почв, в первую очередь плодородных пахотных земель Хаурана и далее на север к Голанским высотам, южнее реки Ярмук. Бодуэн и Тугтегин согласились создать в этом районе то, что, по сути, являлось частично демилитаризованной зоной, позволившей мусульманским и христианским крестьянам сотрудничать в обработке земли. Продукция Черных земель затем делилась на три части: одна оставалась крестьянам, а две другие отправлялись в Иерусалим и Дамаск. Эта договоренность оставалась в силе большую часть XII столетия⁶¹.

В первые пять лет правления выживание короля Бодуэна, равно как и всего его королевства представлялось весьма сомнительным. Только дар руководителя и везение, выразившееся в раздробленности мусульманского мира и неумелых военных действиях Фатимидов, помогли франкам уцелеть.

ЛАТИНСКАЯ СИРИЯ В КРИЗИСЕ 1101–1108 ГОДОВ

В первые месяцы 1105 года Танкред, прославленный ветеран Первого крестового похода, имел все основания для отчаяния. Он управлял латинским княжеством Антиохия в то самое время, когда новорожденное королевство находилось в предсмертной агонии. Шестью месяцами ранее репутации неуязвимости франков был нанесен чувствительный урон, когда армия Антиохии потерпела сокрушительное и очень унижительное поражение от воинов ислама. В ответ прославленный дядя Танкреда Боэмунд покинул Левант, лишив город всех его ресурсов, и отправился на Запад. Княжество разваливалось, повсеместно отмечались беспорядки, со всех сторон грозило вторжение. Семью годами раньше Танкред был свидетелем ужасов осады Антиохии и помнил ужасную цену, которую крестоносцы заплатили за ее взятие. Теперь же создавалось впечатление, что созданный благодаря этому франкский анклав обречен на гибель.

Вины Танкреда в этом не было. Весной 1101 года он приехал на север из Палестины, чтобы стать регентом Антиохии после пленения Боэмунда. В следующие два года он быстро восстановил стабильность и безопасность княжества, проявив энергию и компетентность. Незадолго до плена Боэмунд выпустил из рук плодородные долины Киликии, расположенные к северо-западу от Антиохии. Надеясь получить несколько большую степень автономии, армянское христианское население района заключило союз с Византийской империей. Но Танкред снова подчинил армян себе, проведя короткую, но эффективную кампанию. Не удовлетворенный

простым возвратом потерь дяди, Танкред решил расширить княжество. Как и Иерусалимскому королевству, Антиохии нужно было контролировать порты Восточносредиземноморского побережья, но Латакия — порт, располагавший самой удобной в Сирии естественной гаванью, — несмотря на все усилия Боэмунда, оставалась в руках греков. Зато после осады 1103 года она оказалась в руках Танкреда.

Танкреду, похоже, нравились новые возможности и власть, сопутствующая его новому положению, и он не собирался устраивать скорейшее освобождение своего дяди. Эту задачу взяли на себя последний церковный ставленник Боэмунда патриарх Бернар, и Бодуэн де Бурк, граф Эдессы. Вместе они стали собирать крупный выкуп, который потребовал тюремщик Боэмунда — эмир Данишмендид, — 100 тысяч золотых монет. Армянин Ког Васил, повелитель двух городов на верхнем Евфрате, дал одну десятую этой суммы в обмен на обещание союза, но, по словам одного возмущенного восточного христианина, «Танкред не дал ничего». В конце концов, в мае 1103 года Боэмунд был освобожден. Последствия для Танкреда оказались весьма досадными. Ему пришлось не только отдать власть в Антиохии, но и отказаться от собственных завоеваний в Киликии и Латакии⁶².

Битва при Харране (1104)

Вернув себе свободу и власть, Боэмунд решил положиться на дружбу с Бодуэном II, графом Эдессы. В течение следующих двенадцати месяцев эти двое провели ряд совместных кампаний, направленных на подчинение территории между Антиохией и Эдессой и изоляцию Алеппо. Вероятно, имея в виду последнюю цель, они весной 1104 года организовали экспедицию на восток от Евфрата. Господство над этим регионом обезопасило бы южную границу графства Эдесса и помешало связям Алеппо с Месопотамией. Вышло так, что они столкнулись с яростным сопротивлением многочисленной мусульманской армии, во главе которой стояли сельджукские правители Мосула и Мардина.

Сражение состоялось около 7 мая на равнине к югу от Харрана. Боэмунд и Танкред удерживали правый фланг, а Бодуэн II командовал силами Эдессы на левом фланге вместе со своим кузеном Жосленом де Куртене (французский аристократ, прибывший в Левант после 1101 года и получивший владение, сосредоточенное вокруг крепости Тель-Башир). В ходе сражения эдесские войска были отрезаны от остальной армии и после яростной контратаки обратились в бегство. Бодуэн и Жослен попали в плен. Тысячи их соотечественников тоже попали в плен или были убиты. Боэмунд и Танкред возглавили отступление к Эдессе, где последний остался, чтобы организовать оборону города.

Харран оказался шокирующей неудачей для франков. Потери на поле боя — ранеными и убитыми — были весьма значительными, но самый большой ущерб был психологическим. Это поражение сместило баланс сил и уверенности людей. Коренному населению стало ясно, что неукротимых латинян вполне можно укротить. Мусульманский автор, писавший в Дамаске примерно в это время, заметил, что «Харран стал великой и не имеющей себе равных победой... он лишил франков мужества, уменьшил их число и отнял наступательную силу, а сердца мусульман окрепли». На самом деле мусульмане, греки и армяне — все пользовались возможностью обратить ситуацию в свою пользу, и больше всего пострадала не Эдесса, а Антиохия. Византийцы снова оккупировали Киликию и Латакию, хотя крепость последней, возможно, осталась в руках франков. На юго-востоке города региона Суммак изгнали латинские гарнизоны и обратились в Алеппо с просьбой возглавить их. В качестве последнего оскорбления стратегически важнейший город Арта вскоре последовал их примеру. Охранявшая главную римскую дорогу в глубь страны, расположенная менее чем в одном дне пути от Антиохии, Арта считалась современниками «щитом» города. К концу лета 1104 года княжество существенно уменьшилось. От некогда цветущего обширного государства осталась лишь маленькая территория вокруг самой Антиохии⁶³.

В начале осени Боэмунд принял неожиданное решение. Вызвав из Эдессы Танкреда, он собрал совет в базилике Свя-

того Петра и объявил о своем намерении покинуть Левант. Действительные мотивы, которыми он руководствовался, понять невозможно. Во всеуслышание он заявил, что для спасения латинской Сирии наберет новую франкскую армию в Западной Европе. Еще он мог сослаться на желание исполнить клятву, данную святому Леонарду, к которому он часто обращался во время плена, совершить паломничество к его мощам в Нобле, что во Франции. Однако он, судя по всему, не собирался быстро возвращаться в Утремер, поскольку планировал собрать силы и идти в атаку на Византийскую империю на Балканах. Это могло отвлечь внимание Алексея Комнина и, вероятно, предотвратить прямое нападение греков на Антиохию, но стратегия Боэмунда все же была продиктована скорее его желанием завоевать новые территории на берегах Адриатического и Эгейского морей и мечтой самому сесть на константинопольский трон.

Разочарование Боэмунда непрочностью положения Антиохии проявилось и в его расчетливом присвоении городских богатств перед отъездом и увозе людей. Даже современный латинский писатель Рауль Канский, как правило бывший ярым сторонником дела Боэмунда, заметил, что он «вывез золото, серебро, камни и одежду, оставив город Танкреду без защиты, средств и наемников». Боэмунд отплыл от берегов Сирии в сентябре 1104 года. Во время Первого крестового похода он обратил всю силу своего военного гения и хитрости на покорение Антиохии. Теперь, повернувшись к Леванту спиной, он не мог не знать, что бросает свой некогда возжеланный приз на произвол судьбы⁶⁴.

На грани краха

Итак, Танкред встретил 1105 год в нищете, являясь регентом государства, обреченного на уничтожение. В разгар кризиса он показал свой характер. Применяя «кнут и пряник», он, заручившись поддержкой населения Антиохии, ввел чрезвычайный налог, пополнил казну и возобновил набор наемников. Он также стремился поправить свое положение, пол-

ностью использовав единственно положительное следствие неудачи в Харране — номинальное главенство Антиохии над графством Эдесса. Призвав «всех христиан» Северной Сирии к оружию, практически лишив Эдессу, Мараш и Телль-Башир гарнизонов, он к началу весны собрал армию, насчитывающую тысячу рыцарей и около 9 тысяч пеших солдат. Решимость Танкреда воистину не знала границ.

Оказавшись перед лицом такого сонма врагов, он понимал, что не сможет сражаться одновременно на всех фронтах. Но не мог он и проводить политику вялой самообороны. Танкред решил использовать целевую упреждающую агрессию, тщательно выбирая намеченную жертву. В середине апреля он пошел на Арту и вступил в решительную схватку с Ридваном из Алеппо. Это была большая дерзость с его стороны. Зато, одержав победу над таким врагом, Танкред мог вернуть себе инициативу и возродить военный авторитет франков. При этом он не мог не знать, что силы Алеппо будут как минимум втрое больше и поражение станет концом латинского господства в Сирии.

Прежде чем покинуть Антиохию, христиане провели ритуалы духовного очищения, включая трехдневный пост, освободив свои души от греха в преддверии смерти, которая всегда была рядом с крестоносцами. После этого Танкред пересек Оронт и Железный мост и выступил на штурм Арты. Как только Ридван проглотил наживку и начал наступление, имея при себе 30-тысячное войско, Танкред отошел. Он делал ставку на свое отличное знание местности и понимание тактики мусульман. Путь между Артой и Железным мостом проходил по участку ровной, но каменистой поверхности, по которой лошадям будет нелегко скакать галопом, прежде чем они выйдут на открытую равнину. Именно в эту вторую зону Танкред отступил. 20 апреля Ридван устремился в преследование. Один латинянин так описывал развернувшееся сражение: «Христиане стояли на своих позициях вялые, словно в полусне... затем, когда турки прошли твердую почву, Танкред ворвался в их ряды, как будто только что пробудился от спячки. Турки сразу отступили, надеясь, как обычно, иметь возможность развернуться и открыть огонь. Но их на-

дежды не сбылись. Копья франков ударялись в их спины, а дорога не позволяла двигаться быстрее — лошади были бесполезны».

В развернувшемся сражении латиняне врезались в сомкнутые ряды перепуганных мусульман, отчаянно рубя их, и сопротивление армии Алеппо дрогнуло. Перепуганный Ридван в панике бежал, по дороге потеряв свое знамя, и Танкред остался на поле боя победителем, купаясь в славе и богатой добыче.

Битва при Арте стала переломным моментом в истории северных государств крестоносцев. В течение следующих лет Танкред компенсировал потери, понесенные при Харране. Арта была немедленно оккупирована, а за ней и все плато Суммак. Ридван попросил о мире, постаравшись представить себя зависимым союзником. Когда пограничная зона между Антиохией и Алеппо была в безопасности, Танкред получил возможность обратить свое внимание в другую сторону. К 1110 году он установил господство Антиохии над Киликией и Латакией за счет греков. В то же время он укрепил южные границы княжества против другого потенциально агрессивного мусульманского соседа — города Шайзар (Шейзар), захватив соседнее древнее римское поселение Апамея. Что касается личных амбиций, успех 1105 года помог узаконить позицию Танкреда; вскоре он уже правил не как регент Боэмунда, а как самостоятельный князь. В этом ему помогли неудачи его некогда знаменитого дяди⁶⁵.

Крестовый поход Боэмунда

Боэмунд Тарентский отплыл в Европу осенью 1104 года. Позже ходили слухи, что его не захватили византийские агенты во время путешествия по Средиземному морю только в результате очень эксцентричного обмана. Боэмунд будто бы распространил слух о своей смерти и путешествовал на запад в гробу с отверстиями для поступления воздуха. Для полноты картины его положили рядом с гниющим трупом задушенного задиры, так чтобы его «тело» издавало соответствующий

отталкивающий запах. Дочь Алексея I Анна Комнина даже позволила себе нотку восхищения его неукротимым «варварским» духом, написав: «Не понимаю, как он выдержал такую осаду собственного носа и продолжал жить».

Каким бы ни был вид транспорта, доставивший Боэмунда в Италию в начале 1105 года, его встретили с восторгом и лестью. Самозванный герой Первого крестового похода вернулся. Он довольно скоро заручился согласием и поддержкой преемника Урбана II Пасхалия на подготовку нового Крестового похода, который Боэмунд «продвигал» в Италии и Франции в течение двух следующих лет. Попутно он выполнил клятву и посетил мощи святого Леонарда в Нобле, привезя в дар серебряные кандалы, как знак благодарности за освобождение из плена в 1103 году. Он также, вероятно, спонсировал копирование и распространение воодушевляющего рассказа о Первом крестовом походе, похожего на *Gesta Francorum*, но превозносящего его собственные достижения и очерняющего греков. Влияние Боэмунда увеличивалось, на его призыв собирались восторженные толпы. В это время он и заключил брачный союз, вознесший его в высший эшелон франкской аристократии. Весной 1106 года он женился на принцессе Констанции, дочери короля Франции. Примерно в это же время одна из незаконных дочерей короля — Сесилия была обручена с Танкредом. Боэмунд воспользовался собственной свадьбой, чтобы гневно обрушиться на своего теперешнего врага — Алексея Комнина, якобы предавшего крестоносцев в 1098 и 1101 годах и посягнувшего на Антиохию.

К концу 1106 года Боэмунд вернулся в Южную Италию, чтобы лично надзирать за постройкой флота для Крестового похода. Его восторженными сторонниками стало уже много тысяч человек. Но, несмотря на размер сил, которые собрались в Апулии годом позже — около 30 тысяч человек, для перевозки которых было построено более 200 судов, — историки долго спорили относительно природы этой экспедиции. В конце концов ученые пришли к общему мнению: эта военная кампания, нацеленная на греческую христианскую Византийскую империю, не может считаться Крестовым походом или, по крайней мере, должна рассматриваться как

искажение идеи крестоносного движения. Экспедиция, очевидно, имела кое-что общее с Первым крестовым походом — участники давали клятву, нашивали на одежду крест и ожидали отпущения грехов. Суть споров зависела от папского участия. Ведь папа никогда не мог сознательно пожаловать привилегированный статус Крестового похода экспедиции против христиан; скорее Боэмунд, сжигаемый честолюбием и ненавистью, обманул папу, сказав, что его армии будут сражаться в Леванте.

Такой взгляд на события изобилует важными проблемами. Основная масса современных свидетельств говорит о том, что папа был в курсе намерений Боэмунда и тем не менее поддерживал его и отправил папского легата, чтобы проповедовать кампанию в Италии и Франции. Даже если предположить, что Пасхалий был введен в заблуждение — а это маловероятно, нет никаких сомнений в том, что большое количество будущих участников принимали и поддерживали идею Крестового похода против греков. В действительности попытка оттеснить экспедицию Боэмунда на задний план, как искажение идеи Крестовых походов, является симптомом более фундаментальной ошибки: веры в то, что идеи и практика Крестовых походов уже слились и создали единый идеал. Для большинства людей, живших в Западной Европе начала XII века, этот новый тип религиозной войны не имел окончательно сформировавшейся индивидуальности и оставался предметом постоянно и органично развивающимся. Насколько это касалось их, Крестовые походы не обязательно должны были быть направлены против мусульман, поэтому многие с готовностью приняли идею ведения священной войны против Алексея Комнина, раз уже его называли врагом латинского христианства.

Какой бы ни была подоплека «крестового похода» 1107—1108 годов против Византии, сама экспедиция оказалась совершенно неорганизованной. В октябре 1107 года латиняне пересекли Адриатику и осадили город Дураццо (в современной Албании), который современниками считался западными воротами греческой империи. Но, несмотря на подготовку Боэмунда, Алексей Комнин легко провел его, развернув свои

силы так, чтобы перерезать пути снабжения латинян, одновременно всячески избегая прямой конфронтации. Ослабленные голодом, неспособные пробить оборону Дураццо, в сентябре 1108 года латиняне капитулировали. Боэмунд был вынужден согласиться на унижительный мир — Девольский договор. По условиям этого соглашения он должен был управлять Антиохией до конца своих дней, как подданный императора, но в город следовало вернуть греческого патриарха, при этом само княжество будет ослаблено уступкой Киликии и Латакии Византийской империи.

Соглашение не вступило в силу и потому не оказало влияние на будущие события, потому что Боэмунд так никогда и не вернулся в Левант. Осенью 1108 года он вернулся в Италию, и после этого его имя лишь изредка встречается в исторических хрониках. Его грандиозные планы потерпели полный крах. В 1109 году или около того Констанция родила ему сына, также получившего имя Боэмунд, но в 1111 году некогда грозный лидер Первого крестового похода занемог и 7 марта умер в Апулии. Танкред остался у власти, вероятно номинально все еще считаясь регентом, но обладая у франков неоспоримым авторитетом. Утремеру действия Боэмунда все же оказали одну услугу. Его Балканская кампания отвлекла внимание и ресурсы Алексея от Леванта и позволила Танкреду установить продолжительный контроль над Латакией и Киликией⁶⁶.

ПРАВИТЬ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Усилия Танкреда расширить княжество Антиохия и увеличить его богатство и международное влияние стали еще более энергичными после 1108 года, и он продемонстрировал готовность пустить в ход любые средства для достижения своих целей. В течение пяти следующих лет он трудился без устали, ведя практически постоянные военные кампании. Используя территориальные завоевания, политические союзы и экономическое давление, Танкред вскоре подошел вплотную к созданию Антиохийской империи в Леванте.

Графства Эдесса и Триполи

Между 1104 и 1108 годами Антиохия фактически господствовала над графством Эдесса. Когда Танкред осенью 1104 года принял на себя управление княжеством, он назначил своего дальнего родственника, участника Первого крестового похода Ричарда Салернского, регентом Эдессы. Ричард оказался непопулярным правителем, и антиохийское влияние никак не сдерживалось, пока граф Бодуэн II оставался в плену.

Антиохийцы не делали попыток организовать освобождение графа. Летом 1104 года, когда тюремщики Бодуэна впервые предложили обсудить условия выкупа, даже Боэмунд колебался. Вместо того чтобы отплатить за энергию, которую Бодуэн потратил в 1103 году, чтобы обеспечить свободу Боэмунда, князь предпочел сохранить контроль над немалыми аграрными и коммерческими ресурсами Эдессы, которые по примерным оценкам составляли 40 тысяч золотых безантов в год. Став у руля франкской Сирии, Танкред продолжал пользоваться доходами и игнорировать положение Бодуэна.

В 1107 году спутник графа Жослен де Куртене, правитель Тель-Башира, был выкуплен жителями города и в следующем году успешно провел переговоры по освобождению Бодуэна из Мосула. На соглашение с ним пошел военачальник Чавли, последний правитель Мосула, но, учитывая собственное непрочное положение в продолжающейся междоусобной борьбе в ближневосточных исламских государствах, Чавли потребовал не только денежный выкуп и заложников, но и обещание военного союза.

Когда Бодуэн летом 1108 года заявил свои права на Эдессу, воцарилось весьма напряженное положение, из которого выхода не было. Пользуясь в течение четырех лет всеми богатствами и ресурсами графства, Танкред не был намерен просто так отдать территорию, которую спас от завоевания. Он стал оказывать давление на Бодуэна, чтобы тот признал господствующее положение Антиохии. В конце концов, настаивал он, исторически Эдесса и раньше была вассалом византийского княжества Антиохия. Граф отказался, в первую очередь потому, что уже присягнул на верность Бодуэну Булонскому

в 1100 году. Когда ни одна сторона не желает уступать, конфликт неизбежен.

В начале сентября были собраны армии. Меньше чем через десять лет после завоевания Иерусалима Бодуэн и Танкред, латиняне, ветераны Первого крестового похода, были готовы и желали выступить друг против друга в открытой войне. Еще более шокирующим стал тот факт, что Бодуэн в этой борьбе выступил вместе со своим новым союзником Чавли Мосульским и 7 тысячами мусульманских воинов. Когда сражение началось, вероятно где-то в районе Телль-Башира, Танкред, хотя и был в меньшинстве, не сдал позиций. Но когда потери христиан у обеих сторон превысили 2 тысячи человек, патриарх Бернар, духовный правитель и Антиохии, и Эдессы, вмешался, чтобы успокоить и рассудить спорщиков. Свидетели публично подтвердили, что Танкред действительно обещал Боэмунду уступить контроль над Эдессой после освобождения Бодуэна, антиохийский правитель был вынужден неохотно отступить. Вопрос внешне был урегулирован, но ненависть и соперничество сохранились. Танкред упрямо отказывался передать территорию в северной части графства и вскоре потребовал от Бодуэна дань в обмен на мир с Антиохией⁶⁷.

Конфликт продолжал медленно тлеть, а жадный взгляд Танкреда уже обратился на возвышающееся графство Триполи. Сразу после Первого крестового похода его давний соперник Раймунд Тулузский захотел создать собственные ливантские владения в северной части современного Ливана. Трудности, стоявшие перед Раймундом, были весьма значительными. У него не было основы в виде завоеваний крестоносцев, как у основателей других латинских княжеств, а главный город региона Триполи оставался мусульманским.

Тем не менее Раймунд достиг некоторого успеха, захватив в 1102 году, с помощью генуэзского флота и уцелевших крестоносцев 1101 года, порт Тортоса. Через два года он завоевал еще один порт — Джубаил. На холме за стенами Триполи он соорудил крепость, назвав ее Гора Пилигрим, тем самым обеспечив эффективный контроль над окружающим регионом. Но, несмотря на все его усилия, когда граф 28 февраля 1105 года умер, город Триполи остался непокоренным.

В последующие годы два человека предъявляли права на наследство Раймунда. Его племянник Гийом Жордан, первым прибывший в Утремер, продолжал оказывать давление на Триполи и на соседний город Арка. Но в марте 1109 года на Святую землю прибыл сын Раймунда — Бертран Тулузский, пожелавший вернуть себе наследство. Он привел с собой большой флот, чтобы усилить осаду Триполи. Два претендента сцепились из-за прав на город, несмотря на то что он еще не был завоеван, и Гийом Жордан ушел от Горы Пилигрим на север. Еще неоформившееся графство Триполи грозило рухнуть из-за династических распрей.

Однако в конце концов контроль над Триполи перестал быть просто предметом спора из-за наследства. Он стал ключевым моментом более масштабной борьбы за господство над государствами крестоносцев. Осознав, что ему потребуется союзник, если он хочет получить Триполи, Гийом Жордан обратился к Танкреду и предложил тому стать его вассалом. Неудивительно, что Танкред ухватился за эту возможность, чтобы расширить антиохийское влияние на юг. Если Триполи попадет под его влияние и его планы относительно Эдессы воплотятся в жизнь, тогда княжество сможет по праву считаться ведущей силой Утремера. Современный исторический анализ упорно недооценивает важность этого эпизода, предполагая, что Иерусалимское королевство в начале XII века немедленно и автоматически было признано главным на франкском Востоке. Да, Святой город являлся основной целью Первого крестового похода, и Бодуэн Булонский являлся единственным латинским правителем в Леванте, принявшим титул короля, но его королевство включало Палестину, а не весь Ближний Восток. Каждое из четырех государств крестоносцев было основано как независимая политическая сила, и официально никто и никогда не говорил о главенствующем статусе Иерусалима. Бодуэн и Танкред были соперниками еще с тех пор, как в 1097 году оспаривали контроль над Киликией. Теперь же в 1109 году дерзкая напористость Танкрета стала вызовом авторитету Бодуэна и могла изменить баланс сил в латинском Леванте.

В течение следующих двенадцати месяцев иерусалимский монарх урегулировал политический кризис с удивительной ловкостью, уверенно обыграв давнего оппонента. В заслугу Бодуэну можно поставить то, что он не делал попыток противостоять антиохийским амбициям прямой силой оружия, предпочитая продвигать и использовать идею солидарности франков перед лицом мусульманских врагов. Используя дипломатические уловки, он утверждал превосходство Иерусалима при всяком удобном случае.

Летом 1109 года Бодуэн призвал правителей латинского Востока оказать помощь Бертрану Тулузскому в осаде Триполи. На первый взгляд это должно было стать великим франкским союзом, призванным подчинить непокорный мусульманский город. Сам король с 500 рыцарями выступил на север, прибыв туда вместе со своим новым союзником Гийомом Жорданом. Бодуэн II Эдесский и Жослен тоже привели немалые силы. Вместе с военно-морскими силами Бертрана войско набралось внушительное. Но под внешним лоском коалиции продолжали свою разрушительную деятельность укоренившаяся вражда, раздробленность и подозрительность.

Конечно же подтекстом всего дела — что было хорошо известно всем ключевым игрокам — был вопрос распределения власти между франками. Позволит ли Бодуэн I бесконтрольно усиливаться влиянию Антиохии, а если нет, какой отпор должен дать король? Собрав всех, король задействовал свою осторожную схему. Уже взяв Бертрана Тулузского под свое крыло, потребовав клятву верности в обмен на поддержку Иерусалима, он теперь устроил общий совет, чтобы решить спор относительно будущего Триполи. Изящный ход Бодуэна I заключался в том, что он вел себя не как разгневанный властный сюзерен, не как коварный противник Танкреда, а скорее как бесстрастный третейский судья. По словам одного латинского современника, король «выслушал все претензии обеих сторон», а также мнения преданных ему людей, после чего разыграл примирение. Наследники Раймунда Тулузского «стали друзьями», Бертран получил права на большую часть графства, в том числе Триполи, Гору Пилигрим и Джубаил, а Гийом получил Тортосу и Арку. Более

того, было сказано, что Бодуэн и Танкред «примирились», при этом Антиохия уступит власть над всеми оставшимися эдесскими территориями. В качестве компенсации Танкред станет правителем Хайфы и Галилеи.

Таким образом, король принял справедливое решение, восстановив гармонию в Утремере. Коалиционные силы могли продолжить осаду Триполи с новым энтузиазмом, и к 12 июля 1109 года вынудили мусульманский гарнизон сдаться. Танкред был загнан в угол и унижен. Он не делал попыток потребовать владения в Иерусалимском королевстве, не в последнюю очередь из-за того, что это бы означало необходимость присягнуть на верность Бодуэну. А король, сохраняя внешнюю беспристрастность, действовал исключительно в собственных интересах, защитив свои отношения с Эдессой и поставив своего фаворита новым правителем графства Триполи. Он, должно быть, не слишком огорчился, когда, вскоре после капитуляции Триполи, Гийом Жордан подвергся нападению убийц и умер, оставив Бертрану всю полноту власти.

В мае 1110 года Бодуэн I воспользовался возможностью еще больше укрепить свой статус первого лица в Леванте. Той весной сельджукский султан Багдада Мухаммад наконец отреагировал на подчинение франками Ближнего Востока. Он отправил месопотамскую армию, готовую начать процесс возвращения Сирии исламу. Ею командовал Маудуд, способный турецкий генерал, который недавно пришел к власти в Мосуле. Первой мишенью стало графство Эдесса. Перед лицом этой угрозы латиняне объединились, и быстрый подход коалиционной армии из Иерусалима, Триполи и Антиохии вынудил Маудуда из Мосула прервать осаду Эдессы. Король Бодуэн I использовал возможность, предоставленную тем, что вся правящая франкская элита собралась вместе, и снова созвал совет, на этот раз чтобы разрешить продолжающийся спор между Танкредом и Бодуэном де Бурком. Согласно свидетельству современника, решение должно было быть достигнуто или по справедливости, или по решению совета магнатов. Зная, что на справедливость можно не рассчитывать, Танкред не хотел туда идти, и ближайшим советникам пришлось долго его убеждать в необходимости этого шага. Когда

же совет начался, стало ясно, что все его страхи были обоснованными. Совет под председательством короля Бодуэна обвинил Танкреда в том, что он подговорил Маудуда Мосульского напасть на Эдессу и сам является союзником мусульман. Эти обвинения почти наверняка были сфабрикованы. Кроме того, примечательно то, что никто не упомянул ни о союзе Бодуэна де Бурка с мусульманами в 1108 году, ни о связях самого Бодуэна I с Дамаском. Столкнувшись с единодушным осуждением совета и опасаясь подвергнуться ostracism всего франкского сообщества, Танкред был вынужден отступить. С этого момента он больше не требовал дани от Эдессы.

Подчиненное положение Антиохии не было официально оформлено, и в последующие годы княжество не раз возобновляло попытки утвердить свою независимость. В течение первых десятилетий XII века эта светская борьба сопровождалась затяжным и ожесточенным спором относительно церковной юрисдикции между латинскими патриархами Антиохии и Иерусалима. Тем не менее в 1110 году король Бодуэн, по крайней мере на некоторое время, утвердил свою личную власть и господствующее положение Иерусалима в Утремере⁶⁸.

Наследие Танкреда

Несмотря на политические неудачи 1109 и 1110 годов, последние годы жизни Танкреда были триумфальными. С неумолимой энергией раздвигал он границы княжества и покорял мусульманских соседей, сражаясь почти без перерыва. В этот период Танкред столкнулся с важным стратегическим затруднением, которое в основном игнорируют современные историки. Для Танкреда, как и для всех военных предводителей Средневековья, топография была чрезвычайно важной. К востоку, на границе между Антиохией и Алеппо, франкская власть теперь простиралась до подножия гор Белус — крутого безводного невысокого хребта. К югу, по направлению к мусульманскому Шайзару, княжество простиралось до конца плато Суммак и долины реки Оронт. Физические барьеры, тяну-

щиеся вдоль этих двух пограничных зон, давали латинской Антиохии и ее мусульманским соседям относительно равный баланс сил⁶⁹.

Танкред мог довольствоваться такой ситуацией, поддерживая статус-кво и возможность долгосрочного мирного сосуществования. Вместо этого он предпочел риск и потенциальные награды продолжительной экспансии. В октябре 1110 года он пересек горы Белус и в зимней экспедиции захватил ряд поселений района Джазр, в том числе Аль-Асариб и Зардана. В результате осталось только двадцать миль (32 км) открытых незащищенных равнин между княжеством и Алеппо. Весной 1111 года он оказал такое же давление на юге и начал сооружать новую крепость на холме вблизи Шайзара. По крайней мере, вначале Ридван из Алеппо и правители Шайзара — клан Мункизидов — отреагировали на эту явную агрессию спокойно и даже предложили выплачивать дань в размере 30 тысяч золотых динаров в обмен на мир.

Существовал хорошо известный прецедент такой формы финансовой эксплуатации. В Иберии XI века христианские силы севера постепенно начали господствовать над разбросанными мусульманскими городами-государствами юга, создав сложную систему ежегодных платежей. Как известно, кульминацией стала мирная оккупация столицы полуострова Толедо в 1085 году.

Возможно, у Танкреда были аналогичные планы относительно Алеппо и Шайзара, но его политика была гораздо опаснее. Ведь примени слишком сильное давление, потребуй облачные платежи, и жертва может пойти на риск ответного удара. В случае Алеппо сочетание запугивания и эксплуатации оказалось эффективным и вылилось в продолжительный период подчинения. Но в 1111 году Танкред в своих отношениях с Шайзаром зашел слишком далеко, и его правители с готовностью стали союзниками Маудуда Мосульского, когда он повел в сентябре вторую армию Аббасидов в Сирию. Когда возникла реальная угроза вторжения на плато Суммак, Танкред собрал все людские ресурсы княжества. Он также призвал на помощь других латинских правителей, и, несмотря на напряжение, не так давно расколовшее их ряды, армии

Иерусалима, Эдессы и Триполи собрались снова. Это сборное войско заняло оборонительную позицию в Апамее и, терпеливо стоя на месте, не поддавалось на попытки Маудуда навязать ему бой, и со временем он отступил.

Танкред снова отвратил угрозу княжеству, но все надежды на завоевание Алеппо или Шайзара пришлось оставить, когда после долгих лет сражений его неожиданно подвело здоровье в возрасте всего-навсего тридцати шести лет. Христианский историк Матвей Эдесский, живший в начале XII века, написав о его смерти в декабре 1112 года, вознес ему грустные хвалы. По его мнению, это был «святой благочестивый человек, имел доброе и сострадательное сердце, исполненное заботы обо всех верующих христианах; более того, он проявлял необычайную простоту в общении с людьми». Панегирик скрывает темные черты характера Танкреда — его неутомимую тягу к расширению владений, склонность к политическим интригам и готовность предать или убить любого в борьбе за власть. Именно эти качества, добавившись к его неистощимой энергии, позволили Танкреду создать прочное франкское государство в Северной Сирии. По справедливости история должна считать Танкреда, а не его дядю Боэмунда основателем княжества Антиохия⁷⁰.

ПРАВИТЕЛЬ УТРЕМЕРА (1113–1118)

Смерть Танкреда пришлась на время больших перемен в форме и балансе сил на Ближнем Востоке, которые начались из-за династических споров и политических интриг. В самой Антиохии власть перешла к племяннику Танкреда Роджеру Салернскому, сыну участника Первого крестового похода Ричарда Салернского. Роджер оказался быстро вплетенным в паутину франкского общества, когда ряд брачных союзов, заключенных между представителями высочеродной знати, объединили между собой правящую элиту Утремера. Эта сложная сеть семейных уз положила начало новой фазе усилившейся взаимозависимости между государствами крестоносцев. Сам Роджер женился на сестре Бодуэна де Бурка, графа Эдессы,

а Жослен де Куртене, правитель Телль-Башира, — на сестре Роджера. Смерть Бертрана Тулузского в начале 1112 года привела к восхождению на престол его юного сына Понса, ставшего графом Триполи. Он вскоре ушел от традиционной тулузской политики подчинения Византии и антипатии к Антиохии и в какой-то момент между 1113 и 1115 годами женился на вдове Танкреда — Сесилии Французской. Понс остался зависимым от Иерусалима, но приданое Сесилии дало ему господство в долине Рудж — по которой проходил один из двух южных путей в Антиохию. Если говорить в более широком смысле о важности всех этих перемен, она была двоякой: с одной стороны, они обещали дать начало новой эре франкского сотрудничества перед лицом внешних угроз, с другой стороны, они вновь напомнили о старых вопросах о балансе сил в Утремере, и в первую очередь о взаимоотношениях между Антиохией и Эдессой.

Сила в единстве

Крепость уз, связывающих между собой латинян, вскоре подверглась испытанию нависшей угрозой иракского вторжения. В мае 1113 года Маудуд Мосульский, теперь самый известный военачальник Багдада, повел третью армию Аббасидов на Ближний Восток, причем на этот раз он миновал Сирию, чтобы вторгнуться в Палестину. Частота и смелость франкских набегов на земли Дамаска к северу и востоку от Галилеи, вероятно, убедили Тугтегина, что он должен отказаться от установления любых форм дружественных отношений с Иерусалимом. На последней неделе мая он повел внушительную армию на соединение с Маудудом, и вместе они двинулись в Галилею.

Когда новость об этой угрозе достигла Бодуэна I в Акре, он направил срочную просьбу о подкреплении к соседям — Роджеру и Понсу. Королю пришлось сделать сложный выбор. Должен ли он ждать, пока соберутся все силы франкского союза, предоставив Маудуду и Тугтегину возможность бесчинствовать на северо-востоке его королевства, или риск-

нуть и выступить немедленно с ограниченными военными ресурсами, бывшими в его распоряжении? В конце июня он склонился ко второму варианту. Поспешность Бодуэна подверглась резкой критике его современников — даже его капеллан отметил, что короля упрекают за стремительный и неорганизованный бросок против врага, не ожидая совета и помощи. За это же Бодуэна осудили и современные историки. В защиту короля можно сказать, что он действовал все же не так импульсивно, как в 1102 году. Детали событий лета 1113 года точно неизвестны, но, судя по всему, Бодуэн выступил из Акры, чтобы создать передовую базу, откуда патрулировать Галилею, а вовсе не с намерением вступить в бой с врагом.

К несчастью для короля, 28 июня его армия подверглась неожиданному нападению. Обычно активно использовавший разведку Бодуэн, вероятно, разбил лагерь возле моста Сеннабра через реку Иордан, южнее Галилейского моря, не зная, что его враги находятся совсем рядом на восточном берегу. Когда мусульманские лазутчики обнаружили его позиции, Маудуд и Тугтегин провели молниеносную атаку. Они хлынули через мост на изумленных франков, убив от тысячи до 2 тысяч человек, в том числе не менее 30 рыцарей. Сам Бодуэн с позором бежал, лишившись королевского знамени и шатра, символов королевского достоинства.

Бодуэн отошел на склоны горы Табор (Фавор), возвышающийся над Тивериадой, где вскоре к нему присоединились войска из Антиохии и Триполи. Теперь он использовал намного более осторожную стратегию, держал свои силы в оборонительной позиции и патрулировал регион, но избегая прямых контактов с врагом. В течение четырех недель обе стороны оставались в этом же районе, испытывая терпение друг друга, но, столкнувшись с такими крупными силами франков, Маудуд и Тугтегин не рискнули двигаться на юг к Иерусалиму и смогли только организовать ряд набегов. В августе мусульмане вернулись за Иордан, оставив, по словам хрониста из Дамаска, врага униженным, сломленным и подавленным. В качестве доказательства своего триумфа мусульмане послали добычу, франкских пленных и головы убитых христиан сул-

тану Багдада. Бодуэн уцелел, хотя и не без существенного ущерба своей репутации⁷¹.

Маудуд принял фатальное решение провести раннюю осень в Дамаске. Там он вместе с Тугтегином 2 октября 1113 года отправился на пятничную молитву в мечеть и был смертельно ранен внезапно напавшим на него убийцей. Нападавшего схватили и обезглавили, его тело впоследствии сожгли, но ни его личность, ни его мотивы так никогда и не были установлены. Подозревали, что он член тайной секты низаритов. Эта небольшая фракция исмаилитской ветви шиитского ислама, изначально появившаяся в Северо-Восточной Персии, начала играть значительную роль в ближневосточной политике в начале XII века. Имея ограниченные ресурсы, секта приобрела силу и влияние, убивая своих врагов, и, поскольку ходили слухи, что ее члены принимают гашиш, у них со временем появилось новое название — ассасины. При жизни Ридвана ибн Тугуша секта стала играть важную роль в Алеппо, но после его смерти в 1113 году ее изгнали из города. Тогда ассасины нашли другого союзника в лице Тугтегина, и по этой причине атабека многие считали замешанным в убийстве Маудуда. Степень причастности Тугтегина неясна, но одних только слухов оказалось достаточно, чтобы изолировать его от Багдада и обеспечить восстановление более или менее дружественных отношений между Дамаском и Иерусалимом⁷².

Франкам кризис 1113 года несомненно доказал необходимость совместного сопротивления мусульманской агрессии; он также подтвердил мудрость осторожной оборонительной стратегии. В целом события 1111 и 1113 годов сформировали модель латинской военной практики, которая просуществовала большую часть XII века: перед лицом сильного агрессора франки объединились, организовали оборону, стремились патрулировать находящиеся под угрозой районы и не давать противнику свободы маневра, одновременно упорно избегая открытых сражений.

Именно этот подход установил князь Роджер Антиохийский, в 1115 году впервые столкнувшись с реальной угрозой своему правлению. Единственная разница заключалась в том, что в этом случае он пользовался поддержкой не только сво-

их соотечественников-латинян, но и мусульманских правителей Сирии. Учитывая беспорядки в Алеппо, султан Багдада увидел возможность взять под контроль город и восстановить свою власть на Ближнем Востоке. Для этого он спонсировал новую экспедицию за Евфрат, на этот раз ее возглавил персидский военачальник Бурсук, эмир Хамадана.

Перспектива прямой интервенции вызвала беспрецедентную реакцию у вечно враждующих мусульманских правителей Сирии. Тугтегин вступил в союз со своим зятем Иль-гази из Мардина, ведущим представителем туркменской династии, известной как Артукиды, который господствовал в регионе Дийяр-Бакр в верховьях Тигра. Вместе Тугтегин и Иль-гази взяли временный контроль над Алеппо и отправили посольство в Антиохию с предложением мирных переговоров. Сначала Роджер отнесся к мусульманам с подозрением, но вскоре пошел им навстречу, вероятно не без влияния своего ведущего вассала Роберта Фиц-Фулька Прокаженного, который имел владения на восточной границе княжества и установил хорошие отношения с Тугтегином. В начале лета был должным образом оформлен договор о военном сотрудничестве и началась подготовка к вторжению Бурсука.

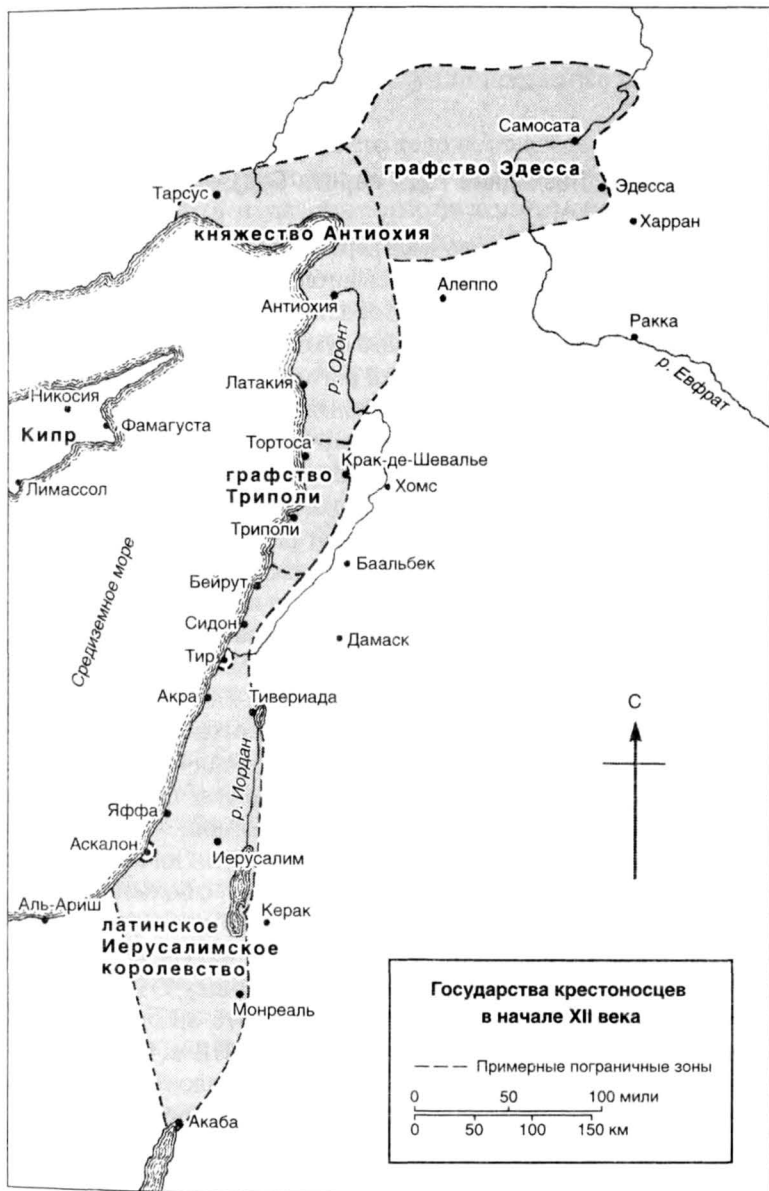
Добравшись до Сирии и обнаружив, что Алеппо для него закрыт, Бурсук последовал примеру Маудуда Мосульского в 1111 году и стал искать поддержки Шайзара для нападения на южные границы Антиохии. Роджер ответил тем же, отправив двухтысячное войско, чтобы занять позиции в Апамее, возможно вместе с Бодуэном II Эдесским. Там собрался необычайный панлевантийский союз. Тугтегин, верный своему слову, присоединился к Роджеру — его людей было около 10 тысяч, в августе прибыли Бодуэн I и Понс Триполлийский. Эти силы держались все лето, причем мусульмане и христиане не испытывали трудностей в общении.

Оказавшись перед лицом столь мощного противника, Бурсук делал все от него зависящее, чтобы спровоцировать открытое сражение, — устраивал засады, совершал набеги на плато Суммак. Поддерживать дисциплину в условиях постоянных провокаций было трудно, и Роджер пригрозил ослепить любого, кто нарушит порядок. Латиняне и их союзники

из Дамаска упорно придерживались своей тактики. Крайне раздосадованный Роджер отступил от Шайзара. Опасность для Сирии миновала, и коалиция распалась.

Роджер вернулся в Антиохию, но в начале сентября стало ясно, что уход Бурсука — военная хитрость. Он отошел к Хаме, дождался роспуска армии противника и теперь, сделав круг, снова появился в северной части плато Суммак, сея смерть и разрушения. Княжество оказалось в реальной опасности, а Роджер — в чрезвычайно затруднительном положении, отрезанный от своих союзников. Остался только Бодуэн Эдесский, войска которого оставались в княжестве. Должен ли Роджер терпеливо дожидаться повторного сбора латиномусульманской коалиции, предоставив Бурсуку право безнаказанно грабить сирийскую территорию, или следует рискнуть и действовать независимо? По сути, он оказался перед тем же выбором, что и Бодуэн I двумя годами раньше. Несмотря на вроде бы очевидный урок, 12 сентября князь Антиохии собрал свою армию в Ругии и двинулся на перехват врагу. В его распоряжении было от 500 до 700 рыцарей и, вероятно, 2—3 тысячи пехотинцев, иными словами, численное преимущество противника составляло примерно два к одному или больше. Латиняне свято верили в силу Истинного креста — эта реликвия всегда была с ними, и свою духовную чистоту — все необходимые очищающие душу ритуалы были выполнены. И тем не менее Роджер не мог не понимать, что ставит на карту будущее франкской Сирии.

На этот раз удача оказалась на стороне христиан, да и разведка у них была организована лучше. Следуя через долину Рудж, Роджер разбил лагерь в Хабе, постоянно разыскивая признаки присутствия армии Бурсука. Утром 14 сентября разведчики принесли сведения: враг стоит лагерем неподалеку в долине Сармин и не знает о приближении христиан. Роджер организовал внезапную атаку, обратившую мусульман в паническое бегство на склоны близлежащего холма Телль-Данит, где они вскоре были настигнуты. Бурсук бежал, и Роджер получил возможность в полной мере насладиться победой. Захваченная в мусульманском лагере добыча оказалась столь богатой, что на ее распределение между

людьми ушло три дня. Роджер рискнул и выиграл, но, сделав это, он создал ненужный прецедент для горячих голов в будущем⁷³.

Последние годы короля Бодуэна

Король Бодуэн I вновь подтвердил свою склонность к неосторожным, пожалуй, даже невыполнимым деяниям той же осенью. На востоке за рекой Иордан, между Мертвым морем и Красным морем располагался сухой, негостеприимный и по большей части незаселенный регион. Сегодня он примерно соответствует границам Иордании. В XII веке этот район назывался Трансиорданией. Несмотря на его малонаселенность, он являлся жизненно важным, поскольку по нему проходили торговые пути между Сирией и городами Египта и Аравии. Бодуэн уже вторгнулся в этот район в 1107 и 1113 годах, но это были ограниченные, так сказать, пробные кампании. Теперь в конце 1115 года он решил предпринять попытку франкской колонизации района, которая стала бы первым шагом к установлению контроля над трансlevantийской торговлей. Отправившись с 200 рыцарями и 400 пехотинцами к похожему на курган обнажению пород, которое местное население называло Шобак, он наскоро соорудил крепость Монреаль — Королевская Гора. Потом он вернулся в этот район в следующем году и создал небольшой аванпост на побережье Красного моря в Акабе. Этими шагами Бодуэн начал процесс территориальной экспансии, который принес большую пользу королевству в будущем.

После жестокого недомогания зимой 1116/1117 года Бодуэн несколько месяцев выздоравливал, но к началу 1118 года был готов к новым военным подвигам. В марте он организовал рейд в Египет, достигнув восточных рукавов Нила. Он находился на гребне успеха, когда неожиданно ему стало совсем плохо. Дала о себе знать старая рана, полученная еще в 1103 году, от которой он так до конца и не оправился. Находясь на территории врага, король испытывал такие боли, что не мог сидеть верхом. Для него соорудили носилки, на которых он на-

чал обратный путь в Палестину. 2 апреля 1118 года процессия достигла маленького приграничного поселения Аль-Ариш. Там король исповедовался, получил последнее причастие и умер.

Король не хотел, чтобы его тело оставалось на египетской земле, и поэтому после его смерти повар Аддо выполнил его подробные, хотя и ужасные инструкции, направленные на то, чтобы тело не сгнило на жаре.

В точности так, как он потребовал, его живот был разрезан, внутренности извлечены и похоронены, тело посолено внутри и снаружи, а глаза, рот, ноздри и уши тоже покрыты специями и бальзамом. Затем тело зашили в шкуры, завернули в ковры, поместили на лошадь и крепко привязали.

Похоронная процессия достигла Иерусалима в Пальмовое воскресенье*, и, в соответствии с пожеланиями короля, Бодуэн I был похоронен в церкви Гроба Господня рядом со своим братом Годфруа Буйонским⁷⁴.

Хотя первые крестоносцы вторглись в Левант, задача по завоеванию Ближнего Востока и созданию государств крестоносцев была выполнена первым поколением поселенцев в Утремере. Из них величайший личный вклад, безусловно, внесли король Бодуэн I и его извечный соперник Танкред Антиохийский. Вместе эти два правителя провели латинский Восток через период непрочности и нестабильности, когда миф о непобедимости франков был развеян и появились первые признаки контрнаступления мусульман. В 1100—1118 годах, возможно даже больше чем во время самого Первого крестового похода, стало ясно действительное значение раздробленности приверженцев ислама. Основание западноевропейских поселений в Сирии и Палестине в те годы вполне могло быть остановлено, будь мусульмане объединены и организованы.

Успехи Бодуэна и Танкреда были основаны на гибкости подхода, смещении безжалостности и прагматизма. Так, ра-

* В российской традиции оно именуется Вербным. (Примеч. ред.)

бота по укреплению государств и покорению мусульманских селений велась не только с помощью военных кампаний, но и при посредстве дипломатии, финансовой эксплуатации и вплетения коренного нелатинского населения в причудливую ткань франкских государств. Выживание латинян также зависело от готовности и умения Бодуэна, Танкреда и их современников сочетать соперничество между собой и борьбу с сотрудничеством перед лицом общей внешней угрозы. Существовало эхо «крестоносной» идеологии в борьбе за защиту Святой земли, особенно в использовании ритуальных очищений перед сражениями и развитии культа Истинного креста. Но в то же самое время первые латинские поселенцы демонстрировали отчетливо выраженную готовность интегрировать в мир Ближнего Востока, ведя торговлю, заключая перемирия и даже военные союзы со своими мусульманскими соседями. Конечно, это разнообразие подходов просто отражало и расширяло реальность священной войны, увиденную во время Первого крестового похода. Франки могли персонифицировать мусульман и даже греков как своих врагов, в то время как на более широком уровне общались с коренным населением Леванта согласно обычным законам франкского общества.

Глава 5 УТРЕМЕР

При первых лучах рассвета 28 июня 1119 года Роджер Антиохийский собрал свою армию, приготовившись к сражению. Его люди прослушали проповедь, приняли участие в мессе и почтили святыню Истинного креста, собираясь с духом перед предстоящей битвой. В предшествующие дни Роджер отреагировал с уверенной решительностью на известие о надвигающемся вторжении мусульман. После нескольких лет пассивного и терпеливого отношения к антиохийскому экспансионизму и постоянных требований заоблачной дани мусульмане Алеппо неожиданно зашевелились. Собрав армию — более 10 тысяч человек, — новый эмир из династии Артукидов

Иль-гази вышел на границу франкской Антиохии. Столкнувшись с этой угрозой, Роджер мог дожидаться подкрепления от латинских соседей, в том числе Бодуэна де Бурка (который вззошел на иерусалимский престол в 1118 году). Вместо этого князь собрал 700 рыцарей, 3 тысячи пехотинцев и корпус туркополов (христианизированные наемники турецкого происхождения) и вышел к восточному краю гор Белус. Роджер разбил лагерь в долине возле небольшого поселения Сармада, которое, по его мнению, было хорошо защищено окружающими скалами, и в то утро был готов начать быстрое наступление, надеясь застать врага врасплох и повторить успех 1115 года. Князь не ведал, что накануне вечером лазутчики обнаружили христиан и донесли о его местонахождении Иль-гази. Полагаясь на свое знание рельефа местности, Артукид отправил войска, которые должны были подойти к лагерю Роджера с трех сторон. Как писал один арабский хронист, на рассвете франки увидели, что окружены мусульманскими силами⁷⁵.

КРОВАВОЕ ПОЛЕ

Зазвучали сигнальные трубы, призывая к оружию. Роджер принялся выстраивать людей для битвы, священнослужитель с частицей Истинного креста постоянно был рядом с ним. Пока люди Иль-гази приближались, латинянам хватило времени собраться за пределами лагеря. В тщетной попытке перехватить инициативу Роджер приказал франкским рыцарям на правом фланге нанести сильный удар, и сначала создалось впечатление, что им удалось остановить мусульман. Но в ходе сражения туркополы на левом фланге отступили, и их беспорядочное бегство раскололо боевой порядок латинян. Окруженных антиохийцев становилось все меньше и меньше.

Находясь в самой гуще боя, князь Роджер подвергался ужасной опасности, но, «хотя его люди со всех сторон лежали мертвыми, он не отступал и даже не оглядывался». Латинский очевидец писал, как «принц получил пугающей силы удар по

голове мечом, который рассек его череп и проник в мозг. Приняв смерть под Истинным крестом, князь отдал свое тело земле, а душу небесам». Несчастный священнослужитель с реликвией тоже был убит, хотя позже говорили, что реликвия чудесным образом «отомстила» за это убийство. Находящихся поблизости мусульман внезапно охватила такая сильная жадность — все стремились завладеть золотом и драгоценными камнями, что они начали убивать друг друга.

Когда сопротивление франков было сломлено, несколько человек сумели скрыться в западном направлении на склонах гор Белус, но большинство были убиты. Мусульманин, живший в Дамаске, упоминал об этом сражении как об одной из самых замечательных побед ислама, заметив, что лежавшие на поле боя трупы лошадей напоминали ежей из-за большого количества воткнувшихся в них копий. Поражение было настолько катастрофическим, а число убитых так велико, что антиохийцы впоследствии окрестили поле сражения *Ager Sanguinis* — Кровавым полем.

Латинское княжество, лишенное и правителя, и армии, было беззащитным перед нападением, однако Иль-гази не делал попыток завоевать саму Антиохию. Его обычно критикуют за то, что он не воспользовался идеальной возможностью захватить франкскую столицу. На деле же Антиохия, конечно, была сильно ослаблена, но все же не совсем уж беззащитна. Ее грозные укрепления позволяли городу противостоять внешнему врагу, даже имея крайне ограниченные ресурсы. У Иль-гази не было ни времени для осады, ни людей, чтобы обеспечить город гарнизоном, если он падет. Понимая, что франкское подкрепление с юга прибудет в ближайшие недели, и памятуя о стратегических интересах Алеппо, Иль-гази предпочел направить свое внимание на пограничный район Джазр к востоку от гор Белус, взяв Аль-Асариб и Зардану. К началу августа он оккупировал эту буферную зону, крайне важную для безопасности Алеппо как мусульманского государства.

Тем временем в Антиохию прибыли латинские армии из Иерусалима и Триполи, и король Бодуэн II подготовился к контрудару. Собрав остатки людских ресурсов княжества, он

14 августа вступил в бой с силами Иль-гази в районе Зарданы. Мусульманскую армию, недавно пополненную войсками из Дамаска, начали постепенно теснить, и после недолгих колебаний Иль-гази поспешно свернул кампанию. Потери христиан были велики, и среди попавших в плен был Роберт Фиц-Фальк Прокаженный, правитель Зарданы. Прибыв в Дамаск, Роберт мог надеяться на милосердие своего друга и бывшего союзника Тугтегина, но, когда христианин не желал отказаться от своей религии, атабек впал в ярость и ударом меча обезглавил его. Ходили слухи, что Тугтегин сделал из черепа Роберта богато украшенный золотом и драгоценными камнями кубок⁷⁶.

Прибытие короля Бодуэна II в Сирию помогло франкскому княжеству уцелеть, но теперь всему Утремеру предстояло справиться с ужасными последствиями Кровавого поля. Территориальные потери были огромны. Кроме завоеваний Иль-гази, мусульманский Шайзар поспешил воспользоваться слабостью христиан, чтобы занять плато Суммак, отрезав аванпост в Апамее, — но Антиохии удавалось выбираться и из более тяжелых ситуаций, как, например, поражение при Харране в 1104 году. Очень важным аспектом ситуации 1119 года была смерть князя. Никогда раньше ни один латинский правитель не был убит в бою. Хуже того, Роджер погиб бездетным, ввергнув Антиохию в очередной кризис из-за порядка престолонаследия. Практически не имея выбора, Бодуэн занял его место. Претензия девятилетнего сына Боэмунда Тарентского, носящего то же имя, была признана законной, и король согласился выполнять обязанности регента, пока юный принц не достигнет возраста пятнадцати лет.

В более широком смысле Кровавое поле стало истинным шоком для латинского христианского мира. Это было не первое поражение франков. Оставив в стороне Первый крестовый поход, можно упомянуть крах похода 1101 года, поражение Бодуэна I во втором сражении при Рамле, бойню в Харране. Но после 1119 года неизбежно обострился вопрос, волновавший каждое христианское сердце, вопрос, который поддерживал веру и идеалы движения крестоносцев. Если священная война ведется по воле Бога, как можно объяснить столь

ужасное поражение? Ответ представлялся очевидным — грех. Успех ислама в войне за господство в Леванте стал наказанием за прегрешения христиан. Грешником, или козлом отпущения на Кровавом поле, было суждено стать князю Роджеру, теперь названному прелюбодеем и узурпатором. В будущем идея греха как причины поражения распространится еще шире, и другие личности и группы людей станут «виновниками» превратностей войны⁷⁷.

ПРОТИВОСТОЯТЬ НЕСЧАСТЬЯМ

В каком-то смысле тревога, вызванная Кровавым полем, оказалась необоснованной. Угроза со стороны Алеппо вскоре ослабла, а Иль-гази в 1122 году умер, не одержав больше ни одной победы над франками. Следующие два десятилетия ближневосточный ислам оставался разобщенным, погрязшим во внутренних противоречиях, и поэтому мусульманам было не до джихада против Утремера. На самом деле латиняне в этот период добились существенных успехов. Бодуэн II вернул потери Антиохии на плато Суммак и к востоку от гор Белус. Плацдарм в другой стратегически важной пограничной зоне — на этот раз между Иерусалимом и Дамаском — был обеспечен, когда франки оккупировали укрепленный город Баняс, расположенный к востоку от верховьев реки Иордан, как страж Черных земель. В 1142 году иерусалимская корона также поддерживала строительство нового замка в Трансиордании. Эта крепость — Керак, — поставленная на узком хребте посреди Иорданской пустыни, должна была стать одним из главных оплотов крестоносцев в Леванте и административным центром региона.

Но все же латинские государства Востока после Кровавого поля оказались в нестабильном положении. Его породили скорее несчастья, чем мусульманская агрессия, поскольку плен и безвременная смерть лишили крестоносцев признанных лидеров, вызвали беспорядки и ряд кризисов из-за престолонаследия. Взятый в плен во время случайного нападения мусульман в апреле 1123 года король Бодуэн II провел шест-

надцать месяцев в плену до того, как был собран выкуп. В это время в Палестине едва не произошел государственный переворот. Боэмунд II прибыл в 1126 году, чтобы взять управление над Антиохией, и женился на дочери Бодуэна II Алисе. Но только юный принц был убит четырьмя годами позже во время набега в Киликию, оставив наследницей маленькую дочку Констанцию. В начале 1130-х годов Алиса долго интриговала, желая захватить власть в свои руки. В 1131 году Бодуэн II умер от болезни, и почти сразу за ним этот мир покинул его союзник и преемник на посту графа Эдессы Жослен де Куртене — последний из старой гвардии Утремера. Латинским государствам была срочно необходима поддержка и вливание свежих сил⁷⁸.

Военные ордены

Появление двух религиозных орденов, сочетающих идеалы рыцарства и монашества, играло важную роль в поддержке франкского Леванта. Примерно в 1119 году небольшая группа рыцарей, возглавляемая французским аристократом Гуго де Пейном, посвятила себя благородной миссии защиты христианских паломников, идущих на Святую землю. На практике это выражалось, в первую очередь, в патрулировании дороги от Яффы до Иерусалима, но группа Гуго быстро расширила поле деятельности, найдя широкое признание и покровительство. Латинский патриарх вскоре признал ее статус духовного ордена, а сам король выделил им поместье в иерусалимской мечети Аль-Акса, известной франкам как храм Соломона. Поэтому рыцарей стали называть орденом храма Соломона, или тамплиерами*. Как и монахи, члены ордена давали клятву жить в бедности, целомудрии и послушании, но как рыцари предпочитали не искать уединения в изолированных от внешнего мира общинах, а с мечом в руках бороться за христианство и защищать Святую землю.

* От *фр. temple* (тамбль) — храм. (*Примеч. ред.*)

В 1127 году глава (Великий магистр) ордена Гуго де Пейн отправился в Европу в поисках легализации и утверждения нового ордена. Официальное признание латинской церкви было дано в январе 1129 года на церковном соборе в Труа (Шампань, Франция). В последующие годы это официальное одобрение было дополнено папской поддержкой, а также широкими привилегиями. Тамплиеры также заслужили одобрение одного из величайших религиозных светил латинского мира Бернара Клервоского. Будучи аббатом цистерцианского монастыря, он прославился своей мудростью и был желанным советником всех монархов Запада. Политическая сила и духовное могущество, которыми он обладал, были воистину беспрецедентными. Но в физическом отношении Бернар был слабым и больным человеком, для которого неподалеку от его места в церкви было сделано специальное отхожее место, поскольку он страдал от тяжелого заболевания кишечника.

Около 1130 года Бернар написал трактат «Похвала новому рыцарству», в котором восхвалял добродетели тамплиеров. Аббат заявил, что орден «достоин всеобщего восхищения», назвав его братьев «истинными рыцарями Христа, сражающимися за своего Господа». В том, что они после смерти станут мучениками, сомнений не было. Это лирическое сочинение сыграло центральную роль в популяризации движения тамплиеров в латинской Европе. Повсеместно было одобрено это революционное ответвление от идеологии крестоносцев, которое, по существу, стало квинт-эссенцией и выражением идеи христианской священной войны.

По примеру тамплиеров стали милитаризоваться и другие благотворительные организации, основанные латинянами на Ближнем Востоке. С конца XI века в Иерусалиме существовал госпиталь, основанный итальянскими купцами для заботы о паломниках и больных. Когда Святой город был завоеван крестоносцами, что вызвало увеличение количества паломников, этот институт, посвященный Иоанну Крестителю и потому известный как госпиталь Святого Иоанна, приобрел силу и влияние. Госпитальеры были признаны ор-

деном в 1113 году и стали привлекать покровителей со всего мира. Под руководством своего Великого магистра Раймона дю Пюи (1120—1160) орден добавил военный элемент к своим медицинским функциям и в середине XII столетия стал вторым военным орденом.

В XII и XIII веках тамплиеры и госпитальеры находились в самом центре истории крестоносного движения, играя ведущую роль в борьбе за Святую землю. В середине Средневековья латинская мирская знать обычно стремилась выразить свою преданность Богу, делая пожертвования религиозным движениям, часто в форме права на владение землей или на доходы с нее. Поэтому широкая популярность военных орденов принесла им богатые владения в Утремере и по всей территории Европы. Несмотря на свое изначально весьма скромное положение — увековеченное у тамплиеров на печати, изображающей двух обнищавших рыцарей, едущих на одном коне, и тамплиеры, и госпитальеры довольно скоро приобрели огромные богатства. К ним также потоком стекались «новобранцы», многие из которых стали прекрасно обученными и хорошо оснащенными воинами-монахами. Большинство средневековых военных отрядов обычно состояли из непрофессионалов, участвовавших только в коротких сезонных кампаниях, плохо обученных и экипированных. А тамплиеры и госпитальеры могли выставить отличные элитные войска, по сути ставшие первыми профессиональными армиями христианского мира.

Военные ордены были наднациональными движениями. Видя свою первоочередную задачу в защите государств крестоносцев, они тем не менее участвовали в целом ряде других европейских военных, церковных и финансовых мероприятий, в том числе сыграли важную роль в пограничных войнах против ислама на Иберийском полуострове. В Леванте их беспрецедентное военное и экономическое могущество дало им сопутствующее политическое влияние. Оба ордена пользовались папским покровительством, были независимыми от местной светской и церковной юрисдикции, а значит, имели потенциал для дестабилизации государств латинского Востока. Как неконтролируемые силы они мог-

ли воздействовать на корону, игнорировать эдикты патриарха и епископальные инструкции. Но пока эта опасность была сбалансирована пользой от их участия в обороне Утремера.

Вместе тамплиеры и госпитальеры обеспечили остро необходимый приток людской силы и военного опыта государствам крестоносцев, которые испытывали острую нужду в военных ресурсах. Члены ордена также обладали богатством, необходимым для поддержания и своевременного расширения сети фортов и крепостей Утремера. С 1130 года и далее светские правители начали передавать контроль над укрепленными сооружениями орденам, после того как позволили им создать полунезависимые анклавные в пограничных зонах. Обладание крепостью Баграс дало тамплиерам господствующее положение на северных подходах к княжеству Антиохия. Права на Сафед (Цфат) в Галилее и Газу в Южной Палестине принесли ордену аналогичные возможности и ответственность. Госпитальеры тем временем приобрели свои центры в Крак-де-Шевалье, крепости, расположенной на возвышенности над долиной Букея между Антиохией и Триполи, и в Бетгибелине, одной из трех цитаделей, построенных в Южной Палестине, чтобы защищать Иерусалим и оказывать военное давление на занятый мусульманами Аскалон⁷⁹.

Обращение к христианскому миру

После 1119 года левантийские франки также начали искать помощи за пределами своих границ. Теоретически по крайней мере восточные христиане должны были стать очевидной поддержкой*. Окруженный исламом и удаленный от

* Примерно в это время начала расширять свое влияние постепенно возвышающаяся армянская христианская династия Рубенидов. Им предстояло в будущем стать одной из главных сил Леванта, но, несмотря на поддержание в общем сердечных отношений с Эдессой, стремление Рубенидов создать государство в Киликии привело их к конфликту с Антиохией.

Западной Европы Утремер нуждался в находящемся по соседству союзнике, чтобы упрочить свое положение. Все же, хотя у государств крестоносцев была общая вера с Византийской империей, средиземноморской супердержавой, которую уважал и боялся мусульманский мир, после завоевания Иерусалима греки практически не участвовали в борьбе за Святую землю. В корне проблемы был спор относительно Антиохии, на многие десятилетия ослабивший позиции франкского Леванта. В 1137 году, после долгих лет пренебрежения, сын и наследник Алексея I император Иоанн II Комнин организовал поход в Сирию, чтобы восстановить греческое влияние на территории, которую он считал восточной оконечностью своих владений. Иоанн сумел теоретически восстановить власть над Антиохией, и с этого момента отношения княжества с остальным Утремером всегда зависели от уз с Константинополем. Но в военном отношении вклад Византийской империи был ничтожно мал — экспедиции против Алеппо и Шайзара завершились неудачей. Поздней осенью 1142 года Иоанн вернулся на Восток, вероятно планируя создать новое Византийское государство в Антиохии под управлением своего младшего сына Мануила. Так случилось, что в апреле 1143 года Иоанн погиб — произошел несчастный случай на охоте. Эта катастрофа преврала греческую экспедицию⁸⁰.

Фактически после Кровавого поля Утремер чаще всего обращался за помощью к западному христианству. В январе 1120 года на генеральной ассамблее светских и церковных лидеров Иерусалимского королевства в Наблусе (к северу от Святого города) обсуждали кризис, перед которым оказались христианские государства Востока. Результатом стало первое прямое обращение к папе Каликсту (Каллисту) II о новом Крестовом походе на Святую землю и еще одна просьба к Венеции. Итальянцы откликнулись, отправив на Восток осенью 1122 года флот из, как минимум, семидесяти судов под флагом крестоносцев. С помощью венецианцев иерусалимские франки захватили в 1124 году сильно укрепленный город Тир — один из последних палестинских портов, оставшийся в руках мусульман, и главный центр средиземно-

морского судоходства и торговли*. Король Бодуэн II хотел организовать еще один Крестовый поход для штурма Дамаска в 1129 году, но, несмотря на присутствие большого количества западных рыцарей, кампания оказалась неудачной.

Желая установить более тесные связи с латинским Западом и стремясь решить свои проблемы, связанные с наследованием, левантийские франки также искали подходящих европейских мужей для наследниц Утремера. В государствах крестоносцев, как и в большинстве средневековых государств христианского мира вообще, предполагалось мужское правление. Светские правители, от королей до графов, должны были возглавлять или, по крайней мере, направлять свои армии во время войны, военное командование считалось прерогативой мужчин. Идеальными кандидатами в женихи были высокородные аристократы, желающие посвятить себя защите Святой земли и занимающие высокое общественное положение. Такие люди могли принести на Восток новую людскую силу и богатство. Одним из них был Раймунд де Пуатье, второй сын герцога Аквитании и родственник французского короля из династии Капетингов, который в 1136 году женился на Констанции Антиохийской, тем самым надолго положив конец политической неразберихе в Северной Сирии. Еще более влиятельный союз был устроен в конце 1120-х годов. Король Бодуэн II имел от своей армянской супруги четырех дочерей и ни одного сына, поэтому тщательно подбирал пару для своей старшей дочери Мелисенды, чтобы

* Венецианцы получили удивительно много уступок от Иерусалимского королевства в обмен на помощь. Среди них были следующие: треть города Тира и власти в нем, ежегодная выплата 300 золотых безантов из королевских доходов Акры, освобождение от всех налогов, исключая те, что должны выплатить за перевозку паломников на Святую землю, право использовать венецианские меры в торговле и собственность в каждом городе королевства (состоящая из улицы и площади плюс церковь, пекарня и баня) для постоянного владения. Бодуэн II позднее внес некоторые изменения в соглашение. В первую очередь они касались того, что земля в Тире будет дана венецианцам в качестве фьефов с обязательством военной службы короне, однако соглашение тем не менее превратило Венецию в могучую торговую силу франкского Леванта.

обеспечить продолжение королевского рода. После продолжительных переговоров в 1129 году принцесса вышла замуж за графа Фулька V Анжуйского, одного из самых знатных аристократов Франции, имеющего связи с монархами Англии и Франции.

После смерти Бодуэна II Фульк и Мелисенда 14 сентября 1131 года были коронованы. Едва достигшая двадцатидвухлетнего возраста новая королева стала первой правительницей Иерусалима, рожденной от смешанного брака (отец — латинянин, мать — армянка). Тем самым она стала живым воплощением нового восточного франкского общества. Однако около 1134 года латинская Палестина оказалась на грани гражданской войны из-за споров о правах на корону. Недовольные решением нового короля назначить собственных избранных сторонников на влиятельные должности и его очевидным отчуждением от Мелисенды, франкские аристократы Иерусалима решили ограничить власть Фулька, заставив его править совместно с королевой. После периода открытой враждебности, во время которого король, очевидно, понял, что никогда не сможет чувствовать себя в полной безопасности среди родственников и сторонников королевы, королевская чета воссоединилась. С этого момента Мелисенда начала играть ведущую роль в управлении королевством, и ее положение еще более укрепилось после смерти Фулька в 1143 году, когда она стала править совместно со своим юным сыном Бодуэном III.

Впоследствии эти события помогли переоформить сущность и степень королевской власти в Палестине. Бодуэн I и Бодуэн II часто правили как самодержцы, но в XII веке стало очевидно, что латинская знать могла ограничить абсолютную монархию. Со временем коронованные правители франкского Иерусалима все чаще прибегали к консультациям со своей знатью, и совет самых важных землевладельцев и духовных лиц королевства, известный как Haute Cour (Высокий двор), стал самым важным палестинским форумом, на котором принимались правовые, политические и военные решения⁸¹.

ОБЩЕСТВО КРЕСТОНОСЦЕВ?

Редчайшее и потрясающе красивое сокровище, дошедшее до нас из эпохи крестоносцев, — маленький молитвенник, вероятно изготовленный в Иерусалиме в 1130-х годах. Теперь он находится в Лондонской библиотеке. Его переплет из слоновой кости украшен тончайшей резьбой, а на страницах можно видеть ряд изумительных, глубоко эмоциональных миниатюр, иллюстрирующих жизнь Иисуса. Это произведение искусства великолепных мастеров Средневековья являлось личным проводником в христианскую жизнь и религиозные предписания. Там перечислены дни святых, приведены молитвы, в общем, такую книгу можно считать Псалтырем и, не боясь громких слов, назвать истинным шедевром средневекового искусства.

Выделяет эту реликвию далеких веков ее происхождение. Считается, что Псалтырь был создан по заказу короля Иерусалима Фулька в качестве подарка для его супруги Мелисенды. Возможно, с его помощью он хотел окончательно с ней примириться. А значит, эта вещь имеет реальную осязаемую связь с Утремером и миром Мелисенды. Возможность увидеть и даже прикоснуться к вещице, которой королева ежедневно пользовалась восемь столетий назад, не может не волновать.

Но Псалтырь Мелисенды может поведать нам больше. Само его существование вызывает яростные споры, которые затрагивают сердце истории крестоносного движения. Структура и украшение книги говорят о художественной культуре, в которой переплелись латинский и греческий стили, стиль восточных христиан и даже исламский. Объединившись, они создали новую уникальную форму — «искусство крестоносцев». По меньшей мере семь мастеровых, работавших в мастерской церкви Гроба Господня, участвовали в создании Псалтыря (включая обучившегося в Византии художника с греческим именем Василий, который подписал одну из иллюстраций). Образы, нанесенные на переплет из слоновой кости, в основном византийские по форме, но заключены в плотный геометрический орнамент, что предполагает ислам-

ское влияние. В других элементах манускрипта видно разное влияние: текст приписывают франку, многочисленные украшенные заглавные буквы, с которых начинаются страницы, являются западноевропейскими по замыслу, а подробный календарь, заключенный внутри, — английским⁸².

Отражает ли этот Псалтырь более широкие истины относительно характера жизни во франкском Леванте? Было ли общество, в котором жили Мелисенда и ее современники, само по себе особым по характеру и качеству и чем, в сущности, был постоянно воюющий мир крестоносцев — замкнутой общиной, отличающейся религиозной и этнической нетерпимостью, или своеобразным плавильным котлом межкультурного обмена? Этот спор может дать ряд поучительных догадок относительно реалий жизни в эпоху Средневековья. Он же является самым ожесточенным из всех дебатов, ведущихся относительно движения крестоносцев. В течение последних двухсот лет историки высказывали диаметрально противоположные взгляды на взаимоотношения между франкскими христианами и коренным населением Ближнего Востока, причем одни подчеркивали силы интеграции, адаптации и аккультурации, а другие изображали крестоносцев тиранами с нетерпимым колониальным режимом.

Учитывая малочисленность дошедших до нас свидетельств, проливающих свет на социальную, культурную и экономическую жизнь Утремера, неудивительно, что созданный нами образ франкских государств больше отражает надежды и предубеждения нашего собственного мира, чем менталитет и нравы жителей Средневековья. Для тех, кто верит в неизбежность «столкновения цивилизаций» и глобальный конфликт между исламом и Западом, Крестовые походы и порожденные ими общества могут служить мрачным доказательством внутренней предрасположенности человека к дикости, нетерпимости и тираническому подавлению «других». В качестве альтернативы свидетельства транскультурного слияния и мирного сосуществования в Утремере могут использоваться, чтобы подкрепить идею *convivencia* (буквально «жизнь вместе»), предполагающую, что люди разных этнических и религиозных групп могут жить вместе в относительной гармонии⁸³.

Несмотря на все эти явные сложности, мир Утремера требует близкого и тщательного исследования, потому что он имеет очевидное влияние на фундаментальные проблемы истории крестоносного движения, ставя два насущных вопроса: были ли франкское завоевание и колонизация Ближнего Востока необычными, потому что велись в контексте священной войны, или, в сущности, совершенно обыкновенными? И изменило ли создание латинских государств на Востоке историю Западной Европы — ускорив межкультурные контакты и взаимопроникновение знаний, став благодатной почвой для более близкого знакомства и понимания между латинскими христианами и мусульманами?

Жизнь в Утремере

Характер жизни в государствах крестоносцев обуславливали некоторые элементарные факты. Основание Утремера не принесло с собой повсеместного вытеснения коренного населения Леванта. Вместо этого франкские поселенцы управляли городами и государствами, население которых отражало историческую разнородность региона. Здесь жили мусульмане, евреи и восточные христиане. Причем христиане Востока тоже отличались необычайной разнородностью. Среди них были армяне, греки, несториане, копты, якобиты, а также «сирийские» христиане, принадлежавшие к греческой православной церкви, но говорившие по-арабски. Распределение разных народов по регионам варьировалось в больших пределах: в графстве Эдесса преобладали армяне, в княжестве Антиохия — греки, а больше всего мусульман было в Иерусалиме.

Латиняне правили этими людьми, как элита, находящаяся в численном меньшинстве. Лингвистические различия оставались определяющим и разделяющим фактором. Латиняне говорили на старофранцузском языке (с использованием латыни в официальных документах), и, если некоторые поселенцы учили арабский и другие восточные языки, большинство крестоносцев все же этого не делали. Многие франки

жили в городских и/или береговых общинах, то есть в отнесенной изоляции от коренного сельского населения. В сельскохозяйственных поселениях внутри страны западные господа, как правило, жили в отдельных больших домах, по большей части не общаясь с подданными, однако практическая необходимость разделять скудные ресурсы — например, воду — иногда делала контакты более частыми. В общем, небольшие аграрные поселения обычно имели тенденцию к отчетливой идентичности вероисповедания, так что одна деревня могла быть мусульманской, другая греческой (то же самое характерно и для современного Ближнего Востока). Но в больших городах наблюдалось смешение культур.

Так что франки, очевидно, правили самыми разными «восточными» людьми, а в некоторых случаях и жили среди них. Интересен вопрос: латиняне стояли в стороне или интегрировались в эту исключительно многообразную окружающую среду? Если верить капеллану короля Бодуэна I Фульхерию Шартрскому, писавшему свои труды в 1120-х годах, аккумуляция франков шла довольно быстро.

«Взвесь, молю тебя, и подумай, как в наше время Господь преобразует Запад в Восток. Ведь все мы, бывшие жителями Запада, теперь стали обитателями Востока. Тот, кто был римлянином или франком, на этой земле стал галилеянином или палестинцем. Тот, кто жил в Реймсе или Шартре, теперь живет в Тире или Антиохии. Мы все уже позабыли места, где родились».

Общеизвестно, что Фульхерий писал эквивалент призывного манифеста, стараясь заманить новых латинян на Восток. Но даже принимая во внимание эту поправку, его слова свидетельствуют об открытости для идеи ассимиляции. Далее Фульхерий описал еще один способ межкультурных контактов — смешанные браки. Союзы между франками и восточными христианами — греками и армянами — были, в общем, обычным делом и иногда служили для укрепления политических союзов. Королева Мелисенда Иерусалимская сама была плодом такого брака. Франкские мужчины также могли жениться на мусульманках, принявших христианство. Но браки между латинянами и мусульманами все же были редкими. На

совете в Наблусе в 1120 году, вскоре после кризиса, вызванного Кровавым полем, франкская иерархия создала ряд законов, недвусмысленно запрещающих близкие отношения между представителями разных вер. Наказания за секс между христианами и мусульманами были суровыми: мужчину кастрировали, женщине отрезали нос. Это были первые примеры такого запрета в латинском мире. Аналогичный пакет законов запрещал мусульманам носить одежды «во франкских традициях». Суть этих законов представляется спорной прежде всего потому, что любой закон можно трактовать в позитивном и негативном свете. Отражают ли законы, принятые в Наблусе, мир интенсивной сегрегации, где подобные акты невообразимы, или эти законы разработаны для ограничения того, что стало обычной практикой? Нет никаких свидетельств того, что подобные эдикты приводились в действие, судя по всему, они не были перенесены и в законодательные кодексы Утремера XIII века.

Когда впервые были захвачены такие города, как Антиохия и Иерусалим, и было принято решение осесть на Ближнем Востоке, латинянам пришлось создавать средства для управления своими новыми владениями, установив административные рамки. По большей части их подход заключался в импортировании основных практик с Запада, одновременно принимая и адаптируя некоторые левантийские модели. Этот процесс, вероятно, стимулировался практической необходимостью быстро построить функциональную систему, а вовсе не сильным желанием охватить новые формы управления. Региональные соображения также повлияли на решения. В княжестве Антиохия, имеющем историю греческого правления, главным официальным лицом города был *dux* (герцог), этот институт скопирован с византийского образца. В Иерусалимском королевстве аналогичную роль выполнял виконт.

Восточные христиане, конечно, играли некоторую роль в местном и даже региональном правительстве, мусульмане тоже. В большинстве мусульманских деревень существовал *ra'is* (*раис*) — выполнявший функции вождя, — так же как и при турках и Фатимидах. Известно, что в 1181 году мусуль-

манское население Тира тоже имело своего *раиса*, которого звали Сади. До нас дошел документ и о том, что в 1188 году в занятом латинянами сирийском порту Джабал был мусульманский судья *qadi*. Но в целом степень их участия установить невозможно⁸⁴.

Вероятно, самый интересный источник наших знаний о характере жизни в Утремере — «*Книга назидания*» Усама ибн Мункыза — собрание рассказов и анекдотов, составленное сирийским арабским аристократом, с интересом следившим за развитием войны за Святую землю в XII веке. Текст Усама снабжен комментариями и подробностями об общении с франками и жизни в государствах крестоносцев. Его особенно интересовало все странное и необычное, поэтому к его материалам следует относиться с осторожностью, тем не менее его труд — бесценный источник информации. О приобретенный восточный характер латинянах он писал: «Есть франки, которые вполне акклиматизировались и часто бывают в компании мусульман. Эти франки лучше, чем те, что недавно прибыли из дома, но они все же являются нетипичным исключением». Всю свою жизнь Усама встречался с франками, которые стали есть левантийскую пищу, и с другими, часто посещавшими *hammam* (бани), которые были открыты и для мусульман, и для христиан.

Одно из самых удивительных откровений Усама — это его нормальное почти ежедневное общение с франками. Конечно, некоторые столкновения происходили на поле боя, но многие встречи носили вполне дружелюбный характер. Конечно, все это могло быть следствием высокого общественного положения Усама, но в общем ясно, что латиняне установили с мусульманами дружеские отношения. В одном случае Усама описал, как «уважаемый рыцарь (в армии короля Фулька) полюбил мою компанию, стал моим постоянным спутником и называл меня «брат мой». Между нами существуют узы дружбы и общительности». Тем не менее у автора чувствуется подтекст его интеллектуального превосходства. В случае с его другом-рыцарем это выходит на первый план, когда Усама пишет, что франк предложил взять его четырнадцатилетнего сына с собой в Европу, чтобы мальчик мог получить должное

образование и поумнеть. На это Усама подумал, что это у франка нет ума, если он мог сделать столь нелепое предложение.

Другое воспоминание Усамы ибн Мункыза, представляющееся нам маловероятным, касается его якобы дружеских отношений с тамплиерами. Если верить Усаме: «Когда я посещал святые места в Иерусалиме, я шел к мечети Аль-Акса, рядом с которой стояла небольшая мечеть, которую франки переделали в церковь. Когда я заходил в мечеть Аль-Акса — где жили тамплиеры, которые были моими друзьями, — они освобождали маленькую мечеть, чтобы я мог помолиться».

Вероятно, у Усамы не было трудностей в устройстве паломничества в Святой город или в нахождении мечети на франкской территории, в которой он мог выполнить обязательные ежедневные молитвы. Распространялось ли право осуществлять религиозные культы на мусульман, живших под латинским правлением? Было ли отношение в целом к нефранкскому населению в Утремере справедливым, или оно подвергалось угнетению и надругательствам? Один факт очевиден: на латинском Востоке первичным было разделение не между мусульманами и христианами, а между франками (то есть латинскими христианами) и нефранками (восточные христиане, евреи, мусульмане). Эта вторая группа местного населения состояла по большей части из крестьян и купцов⁸⁵.

В правовом отношении к нефранкам в общем относились, как к отдельному классу: в случае серьезных нарушений законодательства они подвергались суду *Burgess Court* (точно так же, как и незнатные латиняне), причем мусульманам позволялось клясться на Коране. Но гражданские дела разбирались *Cour de la Fonde* (Базарный суд), специально созданным для нефранков. Этот орган поддерживал восточных христиан, потому что состоял из двух франков и четырех сирийцев. Мусульман в нем не было. Создается впечатление, что латинские кодексы законов Утремера назначали мусульманам более суровые наказания.

Исторические дебаты относительно обращения с покоренными мусульманами часто концентрировались на праве ежедневного отправления религиозных культов и финансовой

эксплуатации. В этом отношении весьма полезным представляется свидетельство иберийского мусульманина, путешественника и паломника Ибн Джубайра. Совершая большое путешествие в начале 1180-х годов, во время которого он посетил Северную Африку, Аравию, Ирак и Сирию, Ибн Джубайр проследовал через Иерусалимское королевство, посетил Акру и Тир, после чего отправился морем на Сицилию. О путешествии через Западную Галилею он написал: «Наш путь лежал через бесконечные крестьянские хозяйства и упорядоченные поселения, обитатели которых были сплошь мусульманами, живущими уютно с франками. Бог хранит нас от такого искушения. После сбора урожая они отдают франкам половину того, что собрали, а также платят подушный налог в полдинара и пять кират за каждого. Помимо этого их не трогают, если, конечно, не считать небольшого налога на плоды деревьев. Их дома и все их пожитки остались в их полной собственности».

Судя по этому рассказу, оседлое мусульманское население жило в относительном мире в латинской Палестине, выплачивая налог на каждого человека (так же исламские правители облагали подушным налогом своих немусульманских подданных). Уцелевшие свидетельства относительно уровня налогообложения в исламских государствах примерно в это же время позволяют сделать вывод, что мусульманским крестьянам жилось не хуже при франкском христианском правлении. На самом деле Ибн Джубайр даже предположил, что к мусульманам, скорее всего, франкские хозяева относятся «по справедливости», зато они терпят несправедливость от хозяев своей собственной веры. Это вовсе не означает, что он одобрял мирное сосуществование или смиренное подчинение латинскому правлению. В какой-то момент он отметил, что «не может быть извинения в глазах Бога мусульманину, который остается жить в стране неверных, а не просто проходит через нее». Но принципиальные заявления вроде этого лишь прибавляют веры положительным наблюдениям, которые он счел нужным записать⁸⁶.

Ибн Джубайр также сообщил, что подчиненные мусульмане имеют доступ в мечети и право молиться в Акре и Тире.

На основании одного только этого свидетельства невозможно утверждать категорически, что все мусульмане в Утремере пользовались одинаковой свободой вероисповедания. Строго говоря, можно предположить лишь то, что находящиеся в меньшинстве франкские поселенцы были заинтересованы в том, чтобы держать своих местных подданных более или менее довольными и *in situ* (на месте), и условия жизни коренного восточного христианского и мусульманского населения не провоцировали беспорядки и миграции. По современным стандартам Западной Европы или мусульманского Востока, нельзя сказать, что нефранки, жившие в государствах крестоносцев, подвергались угнетению, эксплуатации или оскорблениям⁸⁷.

Одним из способов контактов, несомненно сводившим вместе левантийских франков и мусульман, была торговля. Были обнаружены явные признаки оживленной торговой деятельности уже в первом столетии существования латинских поселений. Итальянские купцы из Венеции, Пизы и Генуи играли главные роли в этом процессе, создавая анклав в крупных портах и прибрежных городах Утремера и сложную сеть транссредиземноморских торговых путей. Эти пульсирующие торговые артерии, соединяющие Ближний Восток с Западом, позволили левантийским товарам (таким, как сахарный тростник и оливковое масло), а также драгоценным грузам из Азии и Среднего Востока попасть на рынки Европы. Пока еще основная масса торговли с Востока все еще шла через Египет, но даже при этом экономическое развитие Утремера оказалось необычайно доходным: оно помогло таким городам, как Венеция, приобрести огромное могущество в Средние века, а посредством таможенных пошлин и сборов способствовало накоплению богатств в Антиохии, Триполи и Иерусалиме. Это вовсе не означает, что латинские поселения на Востоке должны рассматриваться как эксплуатируемые европейские колонии. Их создание и выживание, возможно, действительно частично зависело от Генуи и подобных городов, но они создавались в первую очередь не как экономические предприятия. Да и не служили они интересам «западных отечеств» в качестве таковых, потому что

финансовые выгоды, извлеченные «государством», обычно оставались на Востоке.

Прохождение товаров из мусульманского мира в средиземноморские порты франкского Леванта было крайне важным не только для латинян. Оно также стало одной из опор более широкой ближневосточной экономики, решающей для получения средств к существованию мусульманских купцов, ведущих караваны на Восток, критической для доходов крупных исламских городов Алеппо и Дамаска. Эти общие интересы породили взаимозависимость и обеспечили тщательно регулируемые (и потому «мирные») контакты, даже во времена политических и военных конфликтов. В конце концов, даже в разгар священной войны торговля была слишком важна, чтобы ее можно было разрушить.

Историки часто представляют 1120 год годом кризиса и напряжения в Леванте. Все же память о Кровавом поле еще была свежа, и как раз в этом году совет в Наблусе назначил строгие наказания за тесное межкультурное общение. Но в 1120 году Бодуэн II также произвел резкое сокращение торговых налогов в Иерусалиме. По словам Фульхерия Шартрского (жившего тогда в Святом городе), король объявил, что «христиане, так же как и сарацины, должны иметь свободу приходить и уходить, чтобы продавать свои товары, когда и кому захотят». Согласно мусульманскому свидетельству, относящемуся к этому же времени, Иль-гази — победитель на Кровавом поле — упразднил сборы в Алеппо и согласился на условия перемирия с франками. Степень координации между этими двумя предполагаемыми врагами установить невозможно, но оба явно делали попытки стимулировать торговлю. На самом деле характер и объем латинско-мусульманских торговых контактов, по сути, оставался не затронутым подъемом волны джихада. Даже Саладин, ярый поборник священной войны, став правителем мусульманского Египта, установил тесные связи с морскими торговцами Италии. Желая обеспечить выгодную торговлю и получить корабельный лес (который было трудно достать в Северной Африке), он в 1173 году выделил пизанцам защищенный торговый анклав в Александрии⁸⁸.

Знания и культура

В XII веке в Утремере существовала и другая форма обмена: передача христианских знаний и культуры среди членов латинской интеллектуальной элиты. Свидетельства такой формы «диалога» в Иерусалиме ограничены, но в Антиохии, имеющей давние традиции схоластики, ситуация была совершенно иной⁸⁹. Город и его окрестности были местом расположения многочисленных восточных христианских монастырей, возникших прежде Крестовых походов и прославившихся как центры интеллектуальной жизни. Здесь собирались великие умы христианского мира, чтобы учиться и переводить тексты по теологии, философии, медицине и науке с греческого, армянского, сирийского и арабского. С созданием государств крестоносцев латинские ученые, естественно, начали собираться в городе и вокруг него. Примерно в 1114 году туда прибыл известный философ и переводчик Аделард Батский и остался жить на два года. Спустя десятилетие Стефан Пизанский, латинский хранитель собора Святого Павла, тоже провел здесь некоторое время. В ходе 1120-х годов он выполнил некоторые самые важные латинские переводы из всех когда-либо появлявшихся в Леванте. Самый известный перевод Стефана — «Королевская книга» аль-Маджуси — удивительное собрание практических медицинских знаний. Позднее эта книга пользовалась большой популярностью в Западной Европе⁹⁰.

Степень, в которой эти медицинские знания повлияли на действующую практику в латинском Леванте, представляется спорной. Усама ибн Мункыз с удовольствием писал о своеобразных и временами отчетливо пугающих техниках и методах, используемых франкскими докторами. В одном случае больной женщине был поставлен диагноз «демон в голове». Очевидно, Усама наблюдал, как прибывший латинский врач сначала обрил ей голову, потом «взял бритву и сделал разрез на голове в форме креста. Потом он оттянул кожу, обнажив череп, и натер его солью. Женщина сразу умерла». Усама сухо заключил: «Я ушел, узнав об их медицине то, чего никогда не знал». Латинские поселенцы в государствах кресто-

носцев, похоже, признавали, что мусульмане и восточные христиане обладают довольно-таки глубокими познаниями в медицине, и некоторые из них, как, например, франкская королевская семья в Иерусалиме во второй половине XII века, держала на службе нелатинских докторов. Но было несколько превосходных медицинских центров, где работали западные христиане, в том числе большой госпиталь Святого Иоанна, которым управлял военный орден госпитальеров.

Мастерскому исполнению Псалтыря Мелисенды соответствуют некоторые здания, возведенные крестоносцами примерно в это же время. Известна масштабная программа реконструкции, выполненная в церкви Гроба Господня в Иерусалиме во время правления Фулька и Мелисенды. Когда франки впервые завоевали Палестину, эта церковь пребывала в состоянии упадка. Хотя в 1130 и 1140 годах латиняне обновили это святое для каждого христианина место, создав конструкцию, впервые вместившую все святыни, связанные со Страстями Христовыми, в том числе часовню на Голгофе (на предполагаемом месте распятия) и Его Гроб. К этому времени церковь также была тесно связана с франкскими монархами Иерусалима, будучи местом проведения коронаций и погребения королей.

По общим очертаниям новый план святого места соответствовал западноевропейскому романскому стилю раннего Средневековья и имел некоторое сходство с другими главными латинскими церквями — местами паломничества на Западе, включая ту, что находилась в Сантьяго-де-Компостеле (северо-запад Испании). Церковь крестоносцев имела некоторые отличительные черты — включая большую ротонду с куполом, — но многие ее особенности были результатом уникального окружения здания и желания архитекторов вместить как можно больше «святых мест» под одной крышей. Церковь Гроба Господня сегодня — это все еще, в общих чертах, та же церковь XII века, но почти все внутренние украшения утрачены (так же как и королевские гробницы). Из обширных латинских мозаик осталась только одна — почти невидная на потолке в полумраке часовни Голгофы, — изображающая Христа в византийском стиле. Главный вход в здание — через

массивные сдвоенные ворота на южном трансепте — был увенчан парой каменных перемычек: на одной — слева — были показаны сцены последних дней жизни Иисуса, в том числе Тайная вечеря, на другой — сложная геометрическая сеть переплетенных виноградных лоз, а также человеческих и мифологических фигур. Эти перемычки оставались на месте до 1920-х годов, когда их сняли и выставили в соседнем музее. Скульптуры на южном фасаде объединяют франкское, греческое, сирийское и мусульманское влияние.

Новая церковь крестоносцев была освящена 15 июля 1149 года, ровно через пятьдесят лет после завоевания Иерусалима. Сооружение должно было превозносить и почитать уникальную святыню Гроба Господня — духовный эпицентр христианства. Оно также стало открытой декларацией уверенности латинян, утверждая постоянство франкского правления и могущество королевской династии, а также явилось памятником великолепным достижениям Первого крестового похода. Кроме того, церковь явилась великолепным свидетельством культурного многообразия Утремера⁹¹.

Божественная земля веры и молитв

Реконструированная крестоносцами церковь Гроба Господня была всего лишь одним выражением глубокого религиозного почитания, связанного с Иерусалимом и Святой землей вообще. Для франков этот левантский мир, по которому ступал ногами сам Христос, являлся священной реликвией, где воздух и земля были проникнуты аурой Бога. Поэтому религиозные памятники, возведенные на столь святой земле, и выражения веры в многочисленных святых местах были особенно интенсивными. Латинская религиозная жизнь находилась под влиянием того факта, что многие местные жители Ближнего Востока (включая восточных христиан, мусульман и евреев) разделяли это чувство благочестивого рвения.

В XII веке самыми частыми западноевропейскими посетителями Утремера были не крестоносцы; это были палом-

ники. Они тысячами прибывали из западного христианского мира, сходя на берег с морских судов в портах — Акре и других, или прибывали по суше из Руси, Греции и т. д. Некоторые оставались здесь, становясь светскими поселенцами, монахами, монашенками или отшельниками. Только несколько религиозных домов было возведено на пустых местах, но многие неиспользуемые помещения были возрождены (такие как бенедиктинский женский монастырь Святой Анны в Иерусалиме и латинские монастыри, построенные до Крестовых походов, например Нотр-Дам де Иосафат) и стали очень популярными.

Акты религиозного рвения приводили франков в контакт с коренным населением Леванта. Некоторые латиняне желали стать ближе к Богу, ведя аскетическую жизнь в изоляции в пустынных местностях, таких как гора Кармель (недалеко от Хайфы) и Черная гора (в районе Антиохии). Там они встречались с греческими отшельниками. Один из самых замечательных примеров религиозного сближения имел место в монастыре Девы Марии в Сайедная (15 миль (24 км) от Дамаска). Это греческое православное религиозное учреждение, расположенное на мусульманской территории, являлось обладателем «чудотворной» иконы Девы Марии. По Ее груди якобы течет масло, которое ценится за его невероятные целебные качества. Сайедная — место паломничества, популярное у восточных христиан и мусульман (которые почитают Деву Марию как мать пророка Иисуса). Начиная со второй половины XII века его стали посещать и латинские паломники, которые везли пузырьки с чудесным маслом обратно в Европу. Святыня была популярна и у тамплиеров.

Так же как некоторым франкам разрешалось проходить по исламской территории, чтобы добраться до Сайедной, так и мусульманских паломников временами пропускали на святые места Утремера. В начале 1140-х годов правитель Дамаска Унур и Усама ибн Мункыз получили разрешение посетить Купол Скалы в Иерусалиме. Примерно в это время Усама также отправился во франкский город Себаста (недалеко от Наблуса), чтобы увидеть крипту Иоанна Крестителя (и, как было сказано ранее, он утверждал, что часто

посещал мечеть Аль-Акса). В начале 1180-х годов мусульманский ученый Али аль-Харави смог совершить путешествие по святым для ислама местам в Иерусалимском королевстве, и позднее он написал арабский путеводитель по этому региону. Однако на базе этих отдельных немногочисленных свидетельств невозможно оценить реальную степень развития паломничества у мусульман.

Несмотря на эти формы религиозного общения, основная религиозная атмосфера все еще характеризовалась выраженной нетерпимостью. Франкские и мусульманские писатели продолжали порочить веру друг друга, как правило бросая обвинения в язычестве, политеизме и идолопоклонстве. Отношения между латинскими и восточными христианами тоже оставались напряженными и недоверчивыми. Покорение крестоносцами Ближнего Востока положило решительный (если не окончательный) конец существовавшей в регионе греческой православной церковной иерархии. Теперь латинских патриархов назначали в Антиохию и Иерусалим, а латинские архиепископы и епископы появились на всей территории Утремера. Лидеры латинской церкви энергично отстаивали свою церковную юрисдикцию, чтобы сократить то, что они считали опасностью взаимного засорения западных и восточных христианских обычаев, особенно в отношении монашества⁹².

Франкский Восток — железный занавес или открытая дверь?

Государства крестоносцев не были закрытыми обществами, полностью изолированными от окружавшего их ближневосточного мира. Не были они и европейскими колониями. Утремер невозможно изобразить как многокультурную утопию — гавань терпимости, в которой христиане, мусульмане и евреи учились жить вместе в мире. Во многих регионах латинского Востока, особенно в XII веке, жизненная реальность находилась где-то между этими двумя полярными противоположностями.

Правящее западноевропейское меньшинство выказывало прагматическую готовность включить нефранков в правовую, социальную, культурную и религиозную жизнь Утремера. Экономические требования — от обеспечения местной рабочей силы до облегчения прохождения торговли — также приносили некоторую степень общения. Теоретически можно было ожидать, что общество крестоносцев сформировалось двумя противоречащими друг другу парадигмами: с одной стороны, это сглаживание со временем первоначальных антипатий, благодаря более близкому знакомству, с другой стороны, это потенциально противодействующая сила поднимающего голову джихада внутри ислама. В действительности ни одна из тенденций не была явно выраженной. С самого начала франки и мусульмане, занятые в дипломатическом диалоге, заключали пакты и создавали торговые связи; они продолжали этим заниматься и в XII веке. Шли десятилетия, и писатели всех мастей упорно возвращались к традиционным стереотипам, описывая неизменную подозрительность и ненависть к «другим»⁹³.

Франки, восточные христиане и мусульмане, жившие на Ближнем Востоке, вероятно, в ходе XII века узнали друг друга лучше, но это не привело к настоящему пониманию и прочной гармонии. Учитывая преобладающие реалии большого мира, это неудивительно. Средневековый Запад тоже непрерывно раздирали противоречия, религиозная нетерпимость постоянно находилась на подъеме. Судя по этим стандартам, непростая смесь прагматических контактов и тлеющие конфликты, присутствовавшие в Леванте, могли считаться вполне обычными. И если дух священной войны оказал влияние на характер франкского общества, Утремер не мог характеризоваться идеалами крестоносного движения.

Несмотря на все сказанное, поселение латинян на Ближнем Востоке дало начало удивительному, хотя, может быть, и не уникальному обществу, которое подвергалось разным силовым давлениям и влияниям. Стиль жизни в Утремере показывает некоторые признаки аккультурации, и уцелевшие плоды художественных и интеллектуальных стараний

несут признаки культурного слияния. Но это может быть результатом ненаправляемого и органичного развития, а не намеренного стремления к ассимиляции.

ЗАНГИ – ТИРАН ВОСТОКА

Раньше было популярным мнение о том, что качественный сдвиг в отношении мусульман к Утремеру произошел после возвышения в 1128 году турецкого деспота Занги. Этот год, безусловно, принес перемены в ближневосточную политику. Он начался со смерти правителя Дамаска Тугтегина, которого сменил целый ряд бездарных эмиров династии Буридов, что поставило Дамаск на путь внутренних конфликтов и нестабильности. В июне Занги, атабек Мосула, воспользовался характерной для Северной Сирии раздробленностью и захватил власть в Алеппо, положив начало новой эре безопасности и эффективного правления.

«Красивый, с коричневой кожей и изумительными глазами», Занги был действительно выдающейся личностью. Даже в жестоком, раздираемом междоусобицами веке его склонность к безудержному насилию стала легендарной, а неутолимая жажда власти — непревзойденной. Один мусульманский хронист так описал атабека: «Он был словно леопард по характеру, как лев в ярости, не отказывался ни от какой жестокости, не знал доброты... его боялись за внезапные нападения, избегали из-за грубости, он был агрессивным, дерзким — самой смертью врагам и горожанам». Занги родился около 1084 года, был сыном выдающегося турецкого военачальника и потому вырос в аду гражданской войны, выжил в окружении почти постоянных сражений, убийств и предательств, научился быть ловким, хитрым и совершенно безжалостным. Он стал известным в 1120-х годах, заручился поддержкой сельджукского султана Багдада и к 1127 году был назначен губернатором Мосула, а также военным советником и командиром двух сыновей султана.

Занги имел заслуженную и, несомненно, тщательно оберегаемую репутацию жестокого и бесчувственного, деспо-

тичного тирана. Он всем сердцем верил в силу страха, который мог одновременно обеспечить преданность подданных и покорность врагов. Один арабский хронист писал, что атабек использовал террор, чтобы контролировать свои войска, заметив, что он был «тираном и наносил удар с неразборчивым безрассудством... Если он был недоволен эмиром, он убивал или изгонял его, а его детей оставлял в живых, но кастрировал их»⁹⁴.

Учитывая столь устрашающие характеристики, можно было бы ожидать, что Занги изменит судьбу ислама в войне за Святую землю. В прошлом он, безусловно, изображался центральной фигурой в истории Крестовых походов, первым мусульманским лидером, нанесшим решающий удар франкам, прародителем похода против креста, который раздул пламя джихада, настоящим священным воином новой эры. Но, несмотря на все это, на протяжении практически всей карьеры Занги его реальное влияние на мир крестоносцев и интерес к ним были ничтожны. Частично это можно объяснить соображениями геополитики. Атабек возвышался над Ближним и Средним Востоком, словно колосс, причем одна его нога стояла в Мосуле, а другая — к западу от Евфрата в Алеппо. По необходимости он был вынужден делить свое время, энергию и ресурсы между двумя сферами влияния — Месопотамией и Сирией — и потому никогда не мог сосредоточиться на борьбе с франками. Но даже это вполне рациональное объяснение вводит в заблуждение, поскольку основывается на двух ошибочных предпосылках.

Для турецких военачальников вроде Занги Ближний Восток (включая Сирию и Палестину) и Средний Восток (особенно Ирак и Иран) имели неодинаковое политическое значение. Карьера атабека показывает, что в первой половине XII века сердце суннитского ислама оставалось в Месопотамии. Именно там, в таких городах, как Багдад и Мосул, можно было добиться сказочных богатств и власти. Для Занги и многих его современников сражения с франками на Западе были сродни пограничным конфликтам, а значит, имели небольшой интерес.

Более того, когда атабек занимался левантийскими делами, его первичной целью было не уничтожение государств

крестоносцев, а покорение Дамаска. В 1130-х годах, после долгого периода отсутствия в Месопотамии, Занги неоднократно повторял попытки переместить сферу влияния Алеппо на юг, ближе к своей цели, желая получить мусульманские селения Хама, Хомс и Баальбек, зависимые от Дамаска. Занги всегда демонстрировал готовность нарушать клятвы, выступать против союзников и терроризировать врагов, преследуя свои цели. В 1139 году древний римский город Баальбек (на плодородной равнине Ливана) был подвергнут штурму. В конце концов город сдался при условии, что его защитников пощадят. Желая дать понять каждому сирийскому мусульманину, что нельзя противиться его власти, Занги не выполнил своего обещания и распял всех до единого воинов гарнизона. Затем, чтобы обеспечить лояльность города, он назначил правителем города весьма перспективного воина из своего окружения — курда Айюба ибн Шади, — семье которого в XII веке еще предстояло возвыситься.

В этот же период Занги использовал сочетание дипломатических интриг и военного давления в отношениях с Дамаском, надеясь постепенно подчинить себе столицу и захватить ее. Ему изрядно помогал хаос и междоусобицы, которыми город был охвачен большую часть 1130-х годов. Несмотря на номинальное существование правителей из династии Буридов, реальная власть в Дамаске принадлежала Унуру, турецкому военачальнику, который в свое время служил у Тугтегина мамлюком. Теперь ему предстояло столкнуться с агрессией Занги. Сразу после жестокого покорения Баальбека Занги в декабре 1139 года осадил Дамаск. Он поддерживал плотное кольцо осады и одновременно устраивал штурмы в течение шести месяцев. Даже атабек не хотел бросать все силы на полномасштабный штурм города, имеющего такую историческую важность для ислама, надеясь вместо этого медленно вынудить его сдаться.

В 1140 году петля затянулась туже, но Унур продолжал отвергать предложения о капитуляции. Не желая подчиниться господству Занги, он предпочел обратиться за помощью к немусульманам, отправив послов в Иерусалим, чтобы заключить союз против Алеппо. В аудиенции у короля Фулька Зан-

ги изобразили «жестоким врагом, одинаково опасным и для латинской Палестины, и для Дамаска». За помощь франков в борьбе с этой угрозой было обещано необычайно щедрое вознаграждение — 20 тысяч золотых монет. В дополнение Иерусалиму был обещан Банияс, который мусульмане снова захватили в 1132 году.

Убежденный щедрыми условиями и понимающий важность не допустить покорения Занги Сирии, Фульк повел армию на север, чтобы освободить Дамаск. Этого оказалось достаточно, чтобы атабек отступил. Он вернулся в Мосул и снова занялся делами Месопотамии⁹⁵.

Занги против франков

На протяжении 1130-х годов Занги почти не выказывал интереса к ведению *джихада* против франков, и все нападения на латинян в этот период были или случайными, или были связаны с его продвижением в северную часть Сирии. Единственное заметное наступление атабека против Утремера имело место в июле 1137 года, когда он нацелился на крепость Барин (к западу от Хамы и Оронта). Но даже эту кампанию не следует толковать неправильно, потому что изначальным намерением Занги было использование крепости как готового плацдарма для агрессии против мусульманского Хомса. Главной заботой атабека было ускорение своей южной экспансии к Дамаску, а вовсе не нанесение смертельного удара по крестоносцам.

В начале 1140-х годов Занги сосредоточил свое внимание на событиях к востоку от Евфрата, желая расширить свою политическую опору в Ираке и укрепить отношения с сельджукским султаном Багдада. Начиная с 1143 года атабек уделял особое внимание подчинению Артукидов и мелких курдских военачальников на севере — в регионе Дийяр-Бакр. Оказавшись лицом к лицу с открытой агрессией, один из Артукидов — Кара-Арслан, правитель Хисн-Кайфы, заключил пакт с Жосленом II, графом Эдессы (который стал преемником своего отца в 1131 году), предложив уступить территорию в

обмен на помощь. Осенью 1144 года, уверовав, что его графство в безопасности, Жослен повел большую армию Эдессы на помощь Кара-Арслану. Этот шаг, порожденный неверной оценкой амбиций и возможностей Занги, оказал большое влияние на историю Утремера.

Вскоре после ухода графа немногочисленные войска, оставшиеся в Эдессе, и латинский архиепископ графства были потрясены появлением под стенами города Занги. Атабек располагал отличной современной разведкой и не жалел денег на поддержание обширной сети шпионов по всему Ближнему и Среднему Востоку. Поэтому он почти сразу узнал об отсутствии Жослена и ослаблении гарнизона Эдессы. Занги не мог упустить столь редкую и неожиданную возможность и изменил свою цель, сделав ею не Дийяр-Бакр, а франкскую столицу. Его войско, уже оснащенное осадными машинами, совершило форсированный марш и достигло города в конце ноября. Осада началась сразу же. В течение следующих четырех недель христиане Эдессы выдерживали непрерывные обстрелы и штурмы с применением самой разнообразной осадной техники, но их положение было практически безнадежным.

Узнав о нападении, Жослен II попытался собрать в Тель-Башире армию для вызволения города. Мелисенда немедленно откликнулась на его просьбу о содействии, отправив войска на север, но по причинам, остающимся неясными, Раймунд Антиохийский уклонился. Граф все еще отчаянно пытался подготовить ответный удар, когда пришли ужасные известия о падении Эдессы. 24 декабря 1144 года минеры Занги обрушили большую часть стены и укреплений. Когда мусульманские воины хлынули в пролом, христиане в ужасе бросились к цитадели. Возникла паника, и сотни людей были растоптаны до смерти (среди них — латинский архиепископ) еще до того, как воины атабека принялись за свою страшную работу. Один армянин, живший в городе, писал, что мусульмане безжалостно пролили море крови, не щадя ни стариков, ни невинных детей. Те немногие, кому удалось добраться до укрепленной крепости, продержались еще два дня, но к 26 декабря весь город был в руках приверженцев ислама.

Захват Эдессы войсками Занги, возможно, был по большей части случайным, но он стал полной катастрофой для франков. Одни только его стратегические последствия были крайне тревожными. С потерей главного города все остальное графство оказалось на грани краха. Если это самое северное из латинских государств падет, связь между мусульманскими силами в Месопотамии и Сирии станет более быстрой и стабильной. В этом контексте будущее Антиохии выглядело безрадостным: северный сосед и союзник стал врагом, противник, Алеппо, быстро возрождался. Опасность эффекта домино, при котором слабость и уязвимость проникала в южном направлении, неся с собой последовательный крах каждого оставшегося латинского государства, была слишком очевидна. Франкский хронист Вильгельм Тирский размышлял о «зловещей катастрофе» 1144 года, заметив, что теперь есть реальная перспектива того, что мусульманский мир захватит весь Восток*.

Психологический эффект этого события оказался еще более важным. Никогда раньше ни одна из четырех великих столиц Утремера не переходила к исламу. Эдесса, первый восточный город, взятый крестоносцами, находился в их руках почти полвека. Его неожиданная потеря вызвала страх в латинском Леванте, подорвала уверенность и мораль. Чувство неуязвимости христиан, если таковое существовало, исчезло без следа; мечта об Утремере — Святой земле — рухнула. Можно было ожидать, что положение еще более ухудшится, если Занги постарается развить успех, побудив ислам предпринять большие усилия в войне за господство на Ближнем Востоке.

Когда эти неутешительные новости дошли до Запада, уже известный нам аббат Бернар Клервоский написал: «Земля содрогается, потому что Владыка Небесный теряет свою землю... враг креста начал поднимать там свою святотатственную

* Вильгельм Тирский родился в Леванте примерно в 1130 году и со временем стал канцлером латинского Иерусалимского королевства и архиепископом Тира. В 1174—1184 годах написал свой бесценный всеобъемлющий труд по истории Утремера, начиная с Первого крестового похода.

голову и опустошать мечом благословенную землю, Землю обетованную». Бернар предостерегал, что святой Иерусалим, «город живого Бога», тоже может быть захвачен. Единственное, чем мог ответить западный христианский мир латинскому Востоку, — это организацией нового Крестового похода⁹⁶.

Глава 6

ВОЗРОЖДЕНИЕ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ

Падение Эдессы стало шоком для Леванта. В 1145 году франкские и армянские посольства совершили путешествие в Европу, чтобы сообщить тревожные вести и передать, что угроза уничтожения нависла над всеми христианами Ближнего Востока. В ответ латинский мир организовал масштабную военную экспедицию, которая была названа Вторым крестовым походом⁹⁷. Латинские рыцари приняли вызов, и 60-тысячная армия выступила на Восток, чтобы оказать помощь Утремеру. В то же время крестовые войны начались и на новых театрах конфликта — в Иберии и на Балтике. Это был небывалый взрыв крестоносного энтузиазма — даже в 1095 году мир не видел ничего подобного. Мог ли этот пыл гарантировать успех? И как возрождение практики христианской священной войны повлияет на будущую историю?

КРЕСТОНОСНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XII ВЕКА

Бурная реакция латинской Европы на призыв ко Второму крестовому походу может быть правильно понята только на фоне более ранних событий. «Чудесное» завоевание участниками Первого крестового похода Святой земли в 1099 году создало непрочный латинский плацдарм в Леванте и показалось убедительным доказательством того, что Бог одобряет новое слияние паломничества с ведением военных действий. При таких обстоятельствах можно было ожидать в первых десятилетиях XII века взрыва крестоносного энтузиазма, когда Западная Европа, воспользовавшись расширением понятия

христианской священной войны, ринется защищать Утремер. Этого не произошло. Память о Первом крестовом походе, безусловно, не померкла, но до 1144 года имели место лишь случайные выступления крестоносцев. Частично это объяснялось тем, что многие считали Первый крестовый поход единичным событием, которое, по сути, неповторимо. А по прошествии веков историки называли массовое вооруженное паломничество, вызванное проповедями папы Урбана II в 1095 году, первым из непрерывной череды Крестовых походов, иными словами, началом крестоносного движения. Но это «будущее» вовсе не было очевидным в начале XII века, и идее Крестовых походов еще предстояло окончательно сформироваться.

В какой-то мере относительно слабый энтузиазм и ограниченное идеологическое усовершенствование можно объяснить «смягчающими» факторами. Возможность папства контролировать и развивать крестоносное движение была ограничена чередой беспорядков. В результате начала в 1124—1138 годах великой схизмы стали появляться альтернативные антипапы. Кроме того, значительно усилилось давление на Рим со стороны соперничающих держав: Германской империи на севере и норманнского королевства Сицилии на юге. Некоторые из этих проблем существовали во время Второго крестового похода, и в 1145 году папа даже не смог въехать в Рим. Потрясения не миновали и мирян. Германию раздирали внутренние противоречия: за власть боролись две династии — Гогенштауфены и Вельфы (правители Саксонии и Баварии). Англия во время бурного правления короля Стефана [Этьена] (1135—1154), сына участника Первого крестового похода Этьена де Блуа, была дестабилизирована гражданской войной. Французская монархия при династии Капетингов была относительно стабильной, но только теперь начала проявлять свою власть за пределами территории, сосредоточенной вокруг Парижа.

Одна черта идеологии крестоносцев также могла сдерживать набор новых крестоносных ратей. Проповеди Первого крестового похода могли играть на чувстве духовной или социальной обязанности вернуть Святую землю, но, по сути,

экспедиция 1095 года была восторженно принята латинскими христианами потому, что стала для них очень личным религиозным мероприятием. Тысячи людей приняли крест, стремясь искупить грехи участием в священной войне. Людями руководило религиозное рвение, но это было своекорыстное рвение. Учитывая трудности, опасности и дорогостоящий характер вооруженного паломничества на Восток, участие в Крестовом походе было экстремальным путем к спасению. Многие люди предпочитали более очевидную и безопасную покаянную деятельность — молитвы, раздачу милостыни, местные паломничества. Будущие десятилетия и даже столетия доказали, что только катастрофы, подобные сейсмическим, вкупе с необычайно убедительными проповедями и активным участием аристократии могут породить крупномасштабные Крестовые походы.

Но не следует думать, что между 1101 и 1145 годами Крестовых походов не было вообще. Некоторые священнослужители и миряне, несомненно, время от времени делали попытки повторить или имитировать Первый крестовый поход, проповедуя или участвуя в мероприятиях, имевших все или отдельные черты Крестового похода: провозглашение его папой, принятие креста, клятвы, обещание духовного вознаграждения (или отпущения грехов) в обмен на военную службу. Но в то же время фундаментальный характер крестового движения оставался относительно нестабильным и плохо определенным. Главные вопросы, такие как: кто имеет право призывать к Крестовому походу, какая награда может быть предложена участникам и против кого эта форма священной войны может быть направлена, в основном оставались без четкого ответа.

Два важных Крестовых похода на Святую землю имели место в 1120-х годах, но в то время как Венецианский поход определенно был инициирован папой Каликстом II, Дамаскую экспедицию проповедовал Гуго де Пейн при небольшом участии папства (или вообще без оного). В этот же период Крестовые походы были инициированы в регионах за пределами Леванта и были направлены против других врагов, а не против ближневосточного мусульманства. Являвшаяся дав-

ним театром конфликтов между христианами и мусульманами Иберия также стала свидетельницей военных кампаний, схожих с Крестовыми походами. Лидер совместного каталонского и пизанского выступления против Балеарских островов (1113—1115) имел знак креста на плече, и папа обещал полное отпущение всех грехов тем, кто погибнет при штурме арагонцами 1118 года Сарагосы. Каликст II, бывший папским легатом в Испании и потому знакомый с состоянием дел на Иберийском полуострове, сделал шаг к формализации роли крестоносного движения. В апреле 1123 года он издал письмо, призывая новобранцев вступать в ряды воинов «со знаком креста на одежде», воюющих в Каталонии, в обмен на «такое же отпущение грехов, как то, что обещано защитникам восточной церкви».

Объектом таких походов становились и немусульмане. Крестовый поход Бозмунда Тарентского (1106—1108) велся против византийских христиан. В 1135 году папа Иннокентий II даже пытался распространить привилегии крестоносцев на тех, кто воевал против его политических врагов, утверждая, что его союзникам будет даровано «то же отпущение грехов... которое папа Урбан обещал на Клермонском соборе всем, кто отправится в Иерусалим для освобождения христиан».

Несмотря на все ссылки на «отпущение грехов», якобы дарованное первым крестоносцам, реальная формулировка предлагаемого духовного вознаграждения оставалась неясной и неоднозначной. Все еще требовались четкие ответы на вопросы, беспокоившие и теологов, и воинов: даст ли участие в Крестовом походе отпущение всех грехов или только тех, в которых человек исповедовался? Будет ли мученичество гарантировано всем, кто умрет в Крестовом походе? Бернар, аббат Клерво, имел дело с одним из самых трудных следствий крестоносного движения. Проповедуя Первый крестовый поход, папство в каком-то смысле открыло ящик Пандоры. Следствием призыва к армии крестоносцев воплотить волю Бога на земле может стать предположение, что Богу для определенных целей необходимы люди, то есть Он вовсе не всемогущ. Такой ход мыслей имеет воистину взрывоопасный потенциал. Бернар справился с этой проблемой с типичной для

него интеллектуальной ловкостью. Он заявил, что Бог только прикидывается, что нуждается в людях, и делает это из милосердия. Он намеренно создал угрозу для Святой земли, чтобы христиане могли иметь еще один шанс воспользоваться этим новым способом духовного очищения. Так аббат одним махом защитил идею Крестовых походов и поддержал ее духовную действенность. Бернар сыграл центральную роль в пропаганде Второго крестового похода, однако в первой инстанции работу по организации экспедиции выполнили другие⁹⁸.

НАЧАЛО ВТОРОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

В 1145 году просьбы левантйских христиан о помощи адресовывались и церковным, и светским лидерам. Одним из получателей был папа Евгений III, бывший цистерцианский монах и протееже Бернара Клервоского. Он только в феврале взошел на папский престол. Положение Евгения было далеко от идеального. С самого начала своей деятельности французский новый папа был втянут в нескончаемый спор с жителями Рима относительно светского управления городом, и поэтому ему пришлось жить в ссылке. Даже когда Евгений строил планы организации нового грандиозного Крестового похода, он был вынужден провести большую часть 1145 года в Витербо, расположенном в пятидесяти милях (80,5 км) от Латеранского дворца.

Эмиссары из Утремера также посетили Людовика VII — короля Франции, ставшей сердцем крестоносного энтузиазма. Людовик, еще молодой человек, был коронован в 1137 году и принес с собой на трон живость юности. Его часто описывают глубоко набожным, благочестивым человеком. На самом деле начало правления Людовика было отмечено горячими спорами с Римом относительно назначения французских духовных должностных лиц и громким скандалом с графом Шампанским. Предшественник папы Евгения даже наложил на земли Капетингов папский интердикт (временно отлучив от церкви все королевство). В 1143 году, в разгар конфликта с графом Шампанским, войска Людовика сделали жестокий

шаг — сожгли церковь в Витри, в которой находилось больше тысячи человек. Похоже, эта трагедия вызвала у короля глубокое раскаяние. К 1145 году юный Людовик примирился с папством, и его известная набожность была вызвана раскаянием. Тронутый новостями о судьбе Эдессы, он с восторгом принял идею возглавить армию, которая выступит на освобождение государств крестоносцев.

Евгений III и Людовик VII, вероятно, хотели разработать общие планы организации Крестового похода, но вначале ничего не вышло. Папская курия (административный персонал) составила энциклику (официальное послание папы римского) с объявлением нового призыва к оружию 1 декабря 1145 года, но послание своевременно не попало к Людовику — его двор на Рождество был в Бурже. Когда же монарх заявил о своем намерении принять крест и вступить в войну на Святой земле, ответом стало молчание. Евгений III повторил энциклику — почти дословно — тремя месяцами позже, и его послание, обнародованное на Пасху 1146 года на ассамблее Капетингов в Везеле, произвело большой эффект. С этого момента искра снова возгорелась, и в течение следующего года или чуть больше пламя религиозного рвения полыхало по всей Европе. Официальное письмо папы — обычно его называют *Quantum praedecessores* (латинские слова, с которых оно начинается) — сыграло важную роль в этом процессе. Оно распространялось в 1146—1147 годах по всему латинскому Западу, зачитывалось на многочисленных публичных собраниях и стало образцом для проповедей Второго крестового похода. Энциклика была призвана достичь двух взаимосвязанных целей: довести до сведения официальные мысли папы об экспедиции, в первую очередь установить, кто будет в ней участвовать и какие привилегии получит; и стимулировать набор добровольцев, определив задачи Крестового похода и призыв.

За полвека до этого папа Урбан II инициировал Первый крестовый поход проповедью в Клермоне, но, поскольку ее точный текст не сохранился, попытки реконструировать его идеи и намерения были связаны с некоторыми предположениями. При этом если истоки Второго крестового похода не-

возможно проследить до его единой отправной точки, текст *Quantum praedecessores* до нас дошел, что позволяет довольно точно установить подоплеку экспедиции и ее «раскручивание».

Один поразительный факт очевиден из энциклики Евгения — память о Первом крестовом походе была центральным моментом в его видении новой кампании. Желая узаконить и разрешить его собственный призыв к оружию, папа неоднократно ссылался на экспедицию 1095 года. Евгений заявил, что вдохновлен на сбор Второго крестового похода примером «незабвенного папы Урбана», и дал понять, что духовные награды, ожидающие его участников, такие же, как «установлены нашим упомянутым предшественником». Некоторые идеи, использованные папой Урбаном в Клермоне, также нашли отражение в энциклике Евгения. Он старался всячески подчеркнуть, что имеет божественный наказ, «власть, данную нам Богом», начать священную войну. Он также изобразил Крестовый поход как ответ на мусульманскую агрессию, утверждая, что Эдесса была взята «врагами креста», описывая, как убивали священников и бесценные реликвии были растоптаны ногами неверных. Все эти события, по его утверждению, представляли огромную опасность для всего христианского мира.

В то же самое время темы воспоминания и прецедентов прошлого были раскрыты в *Quantum praedecessores* по-новому, необычайно эффективно. Папа объявил, что христиан должны подтолкнуть к принятию креста воспоминания об их предках, которые пожертвовали своими жизнями, чтобы вырвать Иерусалим из грязных рук язычников. То, что приобретено отцами, писал он, должно быть защищено потомками, а если нет, значит, смелость отцов уменьшилась в их сыновьях. Образный язык послания использовал коллективную память о Первом крестовом походе, затрагивал понятия о чести и семейных обязательствах.

Недвусмысленно называя новую кампанию воссозданием Первого крестового похода, Евгений в своей энциклике изменил и развил многие идеи Урбана. С самого начала проблемой стал набор в достаточных количествах крестоносцев нужного типа (а именно тех, кто способен сражаться). Экс-

педия 1095 года представлялась формой паломничества, и из-за этой искупительной практики традиционно являлась добровольной и открытой для всех. Папству было слишком трудно ограничить число участников, не способных воевать, — от женщин и детей до монахов и нищих. Крестовые походы в начале XII века тоже привлекали широкие массы людей. К 1140 году возникло явное напряжение между народным, восторженным элементом крестоносного движения и возрастающим давлением в сторону предписанных норм и папского контроля. Церковь десятилетиями пыталась справиться с этой проблемой, стараясь сдержать энтузиазм и направить в нужную ей сторону, не уменьшив пыл. В *Quantum praedecessores* была сделана неуверенная попытка рассмотреть этот вопрос, посоветовав, чтобы «те, кто на стороне Бога, особенно люди сильные и знатные» присоединялись к походу, но сбалансировать отбор и массовость призыва так и не удалось.

Евгений также внес важные детали в ряд «охранных грамот» и привилегий, предложенных будущим крестоносцам. В его энциклике было сказано, что в отсутствие крестоносцев церковь будет защищать «их жен и детей, имущество и владения», а всяческие тяжбы относительно собственности крестоносцев запрещаются до тех пор, пока не появятся абсолютно точные сведения об их возвращении или смерти. Проценты на долги крестоносцев также аннулировались.

Большой прогресс был достигнут относительно индულгенций крестоносцев. Там, где формулировкам Урбана II недоставало ясности, в *Quantum praedecessores* обеспечивалась определенность. Утверждалось, что папа дарует участникам отпущение грехов. «Тот, кто благочестиво начнет и завершит столь священное путешествие или умрет во время него, получит прощение всех грехов, в которых он искренне покался». Евгений не предлагал полную гарантию спасения, но заверял, что духовное вознаграждение за участие в походе можно получить и при жизни.

Точные формулировки *Quantum praedecessores* и широкое распространение этого документа придали форму Крестовому походу, помогли обеспечить большую степень согласованности в проповедях и укрепили идею о том, что закон-

ный Крестовый поход должен быть одобрен папой. Документ имел значение и для будущего. Средневековая папская курия была по своей природе институтом, высоко ценившим ретроспекцию. Желая сформулировать решение или подготовить заявление, римские официальные лица всегда первым делом искали прецедент. В этом контексте *Quantum praedecessores* стал своеобразным критерием, являясь официальной записью того, что, предположительно, папа Урбан говорил в Клермоне, и сохраняя некоторые идеи о характере Первого крестового похода. Во второй половине XII века и позже энциклика служила для определения масштаба, особенностей и практики Крестового похода, поскольку будущие папы использовали документ в качестве образца. Одни брали его стиль, формат или сущность, другие просто повторно выпускали его без каких-либо изменений.

Несмотря на все сказанное, энциклика папы Евгения была удивительно туманной относительно одного из главнейших вопросов: точной цели Второго крестового похода. Судьба Эдессы была выдвинута на первый план, но никаких требований относительно взятия города не было выдвинуто, да и Занги не был указан в качестве врага. Вместо этого крестоносцам предлагалось «защитить... восточную церковь» и освободить «тысячи наших братьев», находящихся в руках мусульман. Такое отсутствие точности, возможно, было результатом неуверенности в 1145 и 1146 годах в стратегически реальной цели и обрекало экспедицию на споры относительно направления и задач⁹⁹.

Этот недостаток в формулировке *Quantum praedecessores* также отражал более глубокую проблему в отношениях между Крестовыми походами и государствами крестоносцев. Крестовые походы по сути своей были духовно своекорыстными религиозными экспедициями ограниченной продолжительности, возглавляемыми личностями с собственными амбициями, планами и целями (в первую очередь совершить паломничество на Святую землю). Но чтобы выжить, франкским поселениям на Востоке нужны были стабильные дисциплинированные армии, желающие выполнить волю правителей Утремера.

ПРОПОВЕДНИК СВЯТОЙ БЕРНАР КЛЕРВОСКИЙ И ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Папа Евгений III своей энцикликой *Quantum praedecessores* объявил Второй крестовый поход. Текст этого послания, специально созданный как инструмент для проповедей, который можно легко перевести с латыни на обычные разговорные языки средневекового Запада, был ядром *крестоносной* идеи, распространенной в 1146—1147 годах. Однако, не имея возможности контролировать даже центр Италии, папа был не в состоянии организовать продолжительную «пропагандистскую» кампанию к северу от Альп. Поэтому он обратился к Бернару, аббату Клерво.

Бернар был самым убедительным и влиятельным проповедником Второго крестового похода. Он распространял и популяризировал послание, содержащееся в папском письме *Quantum praedecessores*, больше, чем любой другой священнослужитель. Он родился в Бургундии около 1090 года, в возрасте двадцати трех лет присоединился к недавно образованной в Сито общине бенедиктинских монахов и очень быстро приобрел известность. Всего через два года ему было поручено создать новый цистерцианский монастырь (то есть монастырь, в котором следуют принципам, установленным в Сито) в Клерво, и его слава вскоре распространилось по всему латинскому Западу. Известный оратор, ведший активную переписку со многими выдающимися политическими и духовными фигурами своего времени, Бернар стал одной из самых известных личностей своего века.

Влияние аббата росло вместе с влиянием цистерцианского ордена, к которому он принадлежал. Основанное в 1098 году новое монашеское движение распространилась по Европе, выступая за фундаменталистскую трактовку бенедиктинских правил — предписаний, регулирующих монашескую жизнь, — проповедуя аскетизм и простоту. Цистерцианское движение быстро развивалось от всего лишь двух монастырей в 1113 году до 353 в 1151 году. В середине XII века Сито уже мог бросить вызов, а то и затмить более устоявшиеся формы монашества, такие как Клуни. Этот сдвиг стал очевидным, судя по про-

исхождению пап. Если Урбан II был клюнийским монахом, то Евгений III до избрания папой был монахом в Клерво¹⁰⁰.

Бернар начал проповедовать Второй крестовый поход на Пасхальной неделе в Везеле в 1146 году. Место этой ассамблеи, совместно спланированной папством и французской монархией для начала экспедиции, было выбрано не случайно. Расположенное в бургундском сердце клюнийского и цистерцианского монашества Везеле, оно было идеально для приема новобранцев. Это место уже давно ассоциировалось с практикой паломничества, поскольку отсюда начиналось путешествие в Сантьяго-де-Компостелу. Здесь также была великолепная церковь, посвященная Марии Магдалине.

Масштаб встречи в Везеле оказался беспрецедентным. Если Клермонский собор 1095 года был по большей части церковным делом, в 1146 году в Везеле собрался весь цвет знати северо-западной части Европы. К королю Людовику присоединилась его красивая и своевольная супруга Элеонора, наследница могущественного герцога Аквитании. Они обвенчались в 1137 году, когда ей было пятнадцать лет, а семнадцатилетний Людовик готовился взойти на трон. Но их первоначальные теплые отношения постепенно сменились отчуждением по мере увеличения набожности Людовика. Обладая неумной жадной жизни, Элеонора пожелала сопровождать Людовика в Крестовом походе, хотя более поздняя легенда о том, что она возглавила армию амазонок, все же представляется сомнительной.

Брат короля, Роберт, граф де Дрё, тоже присутствовал в Везеле, так же как большинство других франкских правителей, многие из которых имели исторические связи с движением крестоносцев. Среди них можно назвать графа Тьерри Фландрского, который, вероятно, уже совершал паломничество в Иерусалим в конце 1130-х годов, и графа Альфонса Жордана Тулузского, сына лидера крестоносцев Раймунда и родственника латинских правителей Триполи. Кроме знати собрался и простой люд, так что ассамблею пришлось провести за пределами церкви. С поспешно возведенного деревянного возвышения Людовик и Бернар в Пасхальное воскресенье произнесли вдохновляющие страстные речи. На одежде фран-

цузского короля уже был крест, специально посланный ему папой, и свидетель вспоминал, что, после того как аббат закончил свою речь, «все вокруг начали кричать, требуя кресты. Когда Бернар отдал, мы можем даже сказать, посеял кресты, которые приготовил, ему пришлось разорвать свои одежды и отдать их». Шум и беспорядки были настолько сильными, что деревянная платформа рухнула, но, к счастью, никто не пострадал (это само по себе было расценено как добрый знак свыше).

В Везеле был достигнут потрясающий успех. Народ буквально пылал энтузиазмом. Но даже при этом, чтобы Крестовый поход достиг полного потенциала, призыв к оружию следовало довести до более широкой аудитории. Понимая это, Бернар принял ряд мер. По близлежащей территории Франции были разосланы проповедники, а в дальние регионы были отправлены письма, восхваляющие достоинства Крестовых походов. Такие письма ушли в Англию, Северную Италию, Бретань и другие места. В этих посланиях аббат использовал язык торговца, рекламирующего свой товар. В одном из них экспедиция была названа «уникальной возможностью справиться с грехом: «Этот век не похож на те, что были раньше; новое изобилие Божественного милосердия снисходит с небес; благословенны те, кто живут в этом году, угождая Богу, в этом году отпущения грехов... Говорю вам, Господь не делал этого ни для одного предыдущего поколения». В другом письме христианам предлагалось «не упустить свой шанс» вступить в бой за Господа и за это получить «в качестве платы отпущение грехов и вечную славу»¹⁰¹.

Тем временем Бернар, несмотря на возраст (ему было за пятьдесят) и слабое здоровье, сам отправился в продолжительное путешествие по северо-востоку Франции, Фландрии и Германии, заражая энтузиазмом тысячи людей. В ноябре 1146 года аббат встретился с Конрадом III, королем Германии, одним из самых могущественных монархов христианского мира. Пятидесятилетний король еще не был коронован папой и потому не мог претендовать на титул императора, как его предшественники, но, судя по всему,

получение этой чести было лишь вопросом времени. Во время Первого крестового похода Рим и Германия были втянуты в острый спор, помешавший прямому имперскому участию в экспедиции. Но в середине XII века отношения между двумя державами существенно улучшились. Конрад доказал, что является верным союзником папы, в особенности против агрессии сицилийских норманнов в Италии. Он также продемонстрировал тягу к Святой земле. Вероятно, он посетил Левант в 1120-х годах. Тем не менее Конрад первоначально не желал принимать крест, отлично понимая, что в его отсутствие политические противники, такие как Вельфы, могут попытаться захватить власть. Поэтому при первой встрече во Франкфурте король ответил Бернару отказом.

Аббат отозвался на это энергичной зимней кампанией, во время которой он читал проповеди во Фрайбурге, Цюрихе, Базеле и других городах. Говорят, что в путешествии ему сопутствовали чудеса: более двух сотен калек излечилось, было изгнано много демонов, а один человек даже воскрес из мертвых. И хотя Бернар не говорил по-немецки и ораторствовал с переводчиком, его слова вызывали «потоки слез» у слушателей. В ноябре и декабре сотни, если не тысячи людей приняли крест. Определенно не было случайным совпадением то, что путешествие привело аббата на юг Германии к баварским владениям Вельфов, равно как и то, что в конце концов герцог сам стал крестоносцем.

Ободренный этим достижением Бернар 24 декабря вернулся к Конраду в Шпайере. На Рождество аббат произнес публичную проповедь, а 27 декабря получил личную аудиенцию у короля. На следующий день Конрад наконец принял крест. Ученые продолжают спорить относительно степени влияния, оказанного Бернаром на немецкого короля. Одни утверждают, что он заставил короля принять крест против его воли, другие — что решение Конрада было сознательным и обдуманым. Конечно, современники описывали, как аббат использовал и свою обычную мягкость, и зловещие предупреждения о неминуемом апокалипсисе, чтобы привлечь на свою сторону короля, но решающим фактором для

Конрада, вероятнее всего, все же стало принятие креста ба-варским герцогом Вельфом.

Тем не менее Бернара Клервоского все же следует рассматривать как главного проповедника Второго крестового похода. Сам аббат отмечал, что благодаря его усилиям латинские армии «умножились, и имя им легион». В поселениях, через которые он прошел, едва ли остался один мужчина на семь женщин. Однако в этот период существовали и другие проповедники, влияние которых нельзя недооценивать. Идеи памяти и фамильного наследства, подчеркнутые в *Quantum praedecessores*, очевидно, имели выраженное влияние на процесс набора рекрутов. Людовик VII имел, так сказать, кровную связь с Первым крестовым походом — его двоюродный дед Гуго де Вермандуа участвовал в экспедиции. Как показывает анализ, многие участники также имели напрямую связанную с Первым крестовым походом родословную¹⁰².

Из-за характера средневековых текстовых документов, которые обычно были написаны священнослужителями, образ Крестовых походов обычно видится в религиозном ракурсе. Повсеместно ученые, желающие реконструировать историю этого века, вынуждены полагаться на документы, написанные клириками и монахами. Все эти свидетельства изобилуют предвзятостями и упущениями. Но ведь в Крестовых походах участвовали и служители церкви, и миряне, так как же оценить светский взгляд на происходящее рыцарей и простых солдат? Одна из возможностей — изучение народных песен, которые пелись на разговорном языке, а не на латыни. Такие песни с самого начала эры Крестовых походов наверняка играли роль в подъеме народного энтузиазма и морали, но до нас дошли только произведения 1140-х годов. Одним из них являлась старая французская песня «Рыцари, многое обещано», которую пели трубадуры в месяцы после Везеля. Приведем ее первый куплет и припев:

Кто идет вместе с королем Людовиком,
Может не бояться ада,
Его душа отправится в рай,
Где живут ангелы Господни.

Эдесса взята, как вы знаете,
И христиане страдают мучительно и долго.
Церкви сейчас пусты,
И люди больше не поют.

О рыцари, вы должны подумать об этом,
Вы, кто покрыл себя воинской славой,
И отдать себя тому,
Кто для вас был терновым венцом коронован.

Этот довольно беглый взгляд на настроения масс и их поддержку Крестового похода согласуется с некоторыми идеями церковных проповедников: обещание духовного вознаграждения, страдания восточных христиан, сражение за Христа. Но язык более непосредственный, да и нюансы другие. Людовик VII называется главным лидером, а папа не упоминается вообще. Сложности, связанные с индульгенциями, заменены прямой гарантией места в раю. И в более позднем стихотворении упоминается Занги как главный враг Крестового похода. Даже когда церковь распространяла *Quantum praedecessores*, а аббат Бернар активно призывал к оружию, миряне создали собственное представление о Втором крестовом походе¹⁰³.

РАЗВИТИЕ ИДЕАЛА

Потеря Эдессы вызвала Второй крестовый поход, и в 1147 году главные армии, под предводительством Людовика VII и Конрада III, отправились воевать в Левант. Но масштаб деятельности крестоносцев в конце 1140-х годов не ограничивался Ближним Востоком, поскольку в этот период латинские войска вели аналогичные священные войны в Иберии и на Балтике. Могло показаться, что весь Запад поднялся с оружием в руках на панъевропейский Крестовый поход. Папа Евгений III лично написал в апреле 1147 года, что «так много верующих из разных регионов готовы сражаться с неверными... что почти весь христианский мир привлечен к этой великой задаче». Дважды десятилетиями позже латинский хронист Гельмольд из Босау (балтийский при-

брежный район Германии) отметил, что «инициаторы экспедиции намеревались одну часть армии послать на Святую землю, другую — в Испанию, а третью против славян, которые живут рядом с нами». Таким образом, некоторые современники представляли Второй крестовый поход одним грандиозным предприятием, организованным и направляемым мудрыми «инициаторами» — Евгением и аббатом Клерво. В последние десятилетия современные историки, опираясь на эту идею, выдвигают предположение, что необычайный подъем крестоносного движения в 1147—1149 годах стал результатом сознательного упреждающего планирования со стороны римской церкви. При такой трактовке событий папство обладало властью оформлять и устанавливать границы Крестового похода, и исключительно первичная сила церковных проповедей — перекроенная смесь *Quantum praedecessores* и влияния Бернара Клервоского — вызвала беспрецедентный подъем крестоносной активности на новых театрах после 1146 года.

Сражения в Иберии и на Балтике, возможно, не имели непосредственного влияния на войну на Святой земле — речь может идти только о некотором перераспределении сил и ресурсов. Но последствия такой интерпретации Второго крестового похода являются далеко идущими и фундаментальными, поскольку затрагивают будущий размах и характер христианской священной войны. Два вопроса являются обязательными. Действительно ли римская церковь взяла на себя инициативу распространения крестоносного движения как часть заранее обдуманного плана, или так получилось случайно? И, продолжая эту линию, действительно ли папа контролировал крестовые войны в середине XII века?

Идея о том, что войны, которые велись за пределами Леванта, могли быть поддержаны церковью, определенно не является необычной, и в 1147—1149 годах в сфере действия Второго крестового похода, несомненно, существовали и другие зоны конфликта. Летом 1147 года саксонские и голландские христиане сражались, как крестоносцы, против своих соседей-язычников вендов на северо-востоке Европы. Влияние Второго крестового похода еще сильнее ощущалось в

Иберии. Флот из двух сотен судов, перевозивший крестоносцев из Англии, Фландрии и Рейнской области, отправился в Левант из Дартмута в мае 1147 года. Эти суда по пути остановились в Португалии и там 23 октября помогли христианам короля Афонсу Энрикеша захватить занятый мусульманами Лиссабон. Король Кастилии и Леона Альфонсо VII возглавил другое христианское наступление, с помощью генуэзцев, тоже получившее статус Крестового похода. Его кульминацией стал захват Альмерии в октябре 1147 года и Тортосы в декабре 1148 года.

В конце 1140-х годов христианские войска сражались под флагом с крестом на разных фронтах, но идея о том, что все они были частью одного заранее разработанного плана, ошибочна. Если тщательно проанализировать события, становится ясно, что имели место случайности и неструктурированное органичное развитие. Балтийская ветвь Второго крестового похода на деле стала результатом наложения церковью понятия Крестового похода поверх существовавшего ранее конфликта. На франкфуртской ассамблее в марте 1147 года саксонская делегация указала Бернару Клервоскому, что люди не имеют ни малейшего желания отправляться на Святую землю. Вместо этого они хотят бороться против язычников, живущих по соседству, — против вендов. Аббат понял, что саксонцев не удастся убедить принять участие в ближневосточной экспедиции, но не упускал возможности распространить власть папства и его влияние на события в Восточной Европе. Поэтому он притянул Балтийскую кампанию в сферу Крестового похода, пообещав ее участникам «те же духовные привилегии, которые получают отправившиеся в Иерусалим». В апреле 1147 года папа Евгений обнародовал энциклику, подтверждающую это.

Иберийская составляющая Второго крестового похода также требует переоценки. Вклад крестоносцев в завоевание Лиссабона был почти наверняка результатом незапланированного решения остановить борьбу в Португалии. Кампании против Альмерии и Тортосы вроде бы соответствуют статусу Крестового похода. Каталонские и генуэзские участники, а также южные франки действительно считали себя воинами, веду-

щими священную войну, и здесь явно видны некоторые параллели с Первым крестовым походом. Но нет точных свидетельств папского участия в планировании или инициировании этих войн, и, вероятнее всего, они были задуманы и осуществлены светскими правителями Иберии. Папское одобрение этих предприятий, поступившее в апреле 1148 года, уже почти опоздало, и было направлено только для того, чтобы привести Испанию в крестоносное движение.

Современные ученые с готовностью принимают идею Второго крестового похода как выражения способности папства расширить и направить крестоносное движение. На самом деле события конца 1140-х годов предполагают, что Евгений, Бернар и папская курия все еще старались использовать и контролировать эту форму священной войны, так же как стремились утвердить первенство Рима в латинском христианском мире¹⁰⁴.

РАБОТА КОРОЛЕЙ

Начало Второго крестового похода было особенно замечательным в одном отношении. До этого времени экспедиции крестоносцев возглавлялись знатью — графами, герцогами и князьями, принадлежавшими к высшему эшелону латинского общества. Но ни один западный монарх еще ни разу не принимал крест*. Решение французского короля Людовика VII и немецкого короля Конрада III откликнуться на *Quantum praedecessores* создало важный прецедент, подняв крестоносное движение на новый уровень. Незамедлительные последствия были очевидными. Набор увеличился, частично благодаря силе королевской поддержки и примера, а также потому, что иерархическая структура средневекового общества вызвала цепную реакцию записи на военную службу. Участие короны также увеличило материальные ресурсы, используемые во имя креста, во всяком случае в не-

* Сигурд из Норвегии, воевавший в Леванте в 1120 году, был королем, но делил норвежский трон с двумя братьями.

которой степени. Недавняя череда неурожаев в западной части Европы привела к тому, что даже люди такого высокого статуса, как Конрад и Людовик, испытывали трудности с материальным обеспечением такой длительной и масштабной кампании. Никто из них не ввел общие налоги в своих королевствах. Вместо этого они решили взимать деньги с городов и церквей, но это удалось только частично, и за несколько недель до начала экспедиции французский монарх обнаружил, что у него нет наличных.

Королевское участие далось непросто. В прошлом большинство крестоносцев старались уладить свои дела до отъезда, но многочисленные сложности, возникающие в связи с отсутствием короля в своем королевстве в течение нескольких месяцев, а может быть даже и лет, могли существенно затянуть подготовительные мероприятия. В 1147 году были назначены регенты, чтобы защищать трон и надзирать за ежедневным управлением королевством во всем: от закона и порядка до экономики. Во Франции на эту должность был избран аббат Сугерий (Сюжер) из Сен-Дени, давний союзник Капетингов, наставник Людовика в детстве. В Германии десятилетний сын Конрада Генрих был назван наследником, а королевство было доверено аббату Вибальду из Корея и Ставело.

Беспокойный характер средневековой европейской политики также означал, что участие коронованных особ в Крестовом походе углубит и расширит потенциал для пагубного антагонизма между отдельными контингентами. Одно только напряжение между Северной и Южной Францией едва не остановило Первый крестовый поход. И хотя укоренившееся чувство национальной особенности еще не проявилось в обоих королевствах, в 1147 году жители Франции и Германии путешествовали на Святую землю в разных армиях, возглавляемых своими монархами. Соперничество и подозрительное отношение к людям другой национальности легко могло нанести вред экспедиции. Однако, по крайней мере, для начала обе армии демонстрировали готовность к сотрудничеству, координации и связи. 2 февраля 1147 года Людовик в присутствии Бернара Клервоского встретился в Шалон-сюр-Марн с представителями Конрада, чтобы обсу-

дить подготовку к походу. Затем французы и немцы встречались и планировали свои действия раздельно в Этампе и Франкфурте.

Присутствие двух королей в Крестовом походе также грозило разрушить непрочное дипломатическое равновесие, существовавшее в середине XII века в латинском христианском мире. Эта проблема была связана с Роджером II Сицилийским, главой сильного норманнского королевства, которое быстро приобретало вес. В 1140-х годах экспансионистская политика Роджера напрямую угрожала папству и Византии, и они надеялись на своего общего союзника Конрада, чтобы противостоять сицилийской агрессии. Решение Конрада присоединиться к Крестовому походу угрожало разорвать эту сеть взаимной зависимости, поставив Рим и Константинополь под удар. Ситуация усложнилась из-за сравнительно дружеских отношений Людовика с королем Роджером — этот факт чрезвычайно беспокоил Евгения и заставлял греков подозревать сицилийско-французский заговор. Мануил Комнин, теперь правивший Византией, отправил послов к Людовику VII и Конраду III в попытке договориться о мирном сотрудничестве с крестоносцами, но сомнения у императора все равно оставались. Папа тоже вряд ли желал, чтобы Конрад покинул Европу.

Королевская дипломатия имела практическое влияние на маршрут, выбранный экспедицией. Учитывая состояние западных морских технологий в 1140 году, транспортировка всех крестоносцев в Левант морем была неосуществима. Тем не менее Роджер II предложил перевезти французские войска на Восток, но в конце концов от этого пришлось отказаться из-за напряженных отношений между Сицилией и Византией. Как и в Первом крестовом походе, подавляющее большинство войск экспедиции 1147 года отправилось на Ближний Восток по суше мимо Константинополя и через Малую Азию. Это имело тяжелые последствия.

Остался вопрос: как два самых могущественных властелина латинского христианского мира будут общаться с правителями государств крестоносцев? Станут ли Людовик и Конрад прислушиваться к князю Антиохийскому, графу Эдесскому или королю Иерусалимскому? Или французский и не-

мецкий монархи будут действовать по собственным независимым и потенциально несовместимым планам?

Хотя непосредственное влияние участия Людовика и Конрада в экспедициях 1146 и 1149 годов было значительным, это ничто по сравнению с исторической важностью союза между крестоносным движением и средневековой монархией. И то и другое со временем менялось благодаря этой тесной, часто беспокойной связи. Утремер и западный христианский мир теперь ждали, что европейские монархи возглавят дело крестоносцев, но будущие экспедиции с участием латинских монархов были подвержены тем же проблемам: имеющиеся в распоряжении средства, ресурсы и людская сила; им мешали та же самая раздробленность и отсутствие общих целей. Крестовые походы с участием королей оказались громоздкими, не реагирующими на нужды Ближнего Востока и всегда имели тенденцию дестабилизировать европейскую политику. Одновременно идеал священной войны оказал влияние на практику королевского правления на латинском Западе. Преданность делу крестоносцев стала обязанностью христианских правителей, благочестивым долгом, который подтверждал их военные навыки, но существовал параллельно задаче управления государством¹⁰⁵.

НА ПУТИ К СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Теперь Евгений III чувствовал себя в Риме в большей безопасности и потому позволил себе на Пасху 1147 года отправиться в Париж, чтобы лично присутствовать при последних приготовлениях к Второму крестовому походу. В апреле к французским крестоносцам присоединилась группа из сотни тамплиеров. 11 июня 1147 года папа и аббат Бернар присутствовали на хорошо поставленной публичной церемонии в королевской церкви Сен-Дени, что в нескольких милях к северу от Парижа. Там Людовик выполнил сложные и в меру драматизированные ритуалы, связанные с отъездом на Святую землю. Это собрание узаконило новый королевский масштаб Крестовых походов, но также обеспечило про-

никновение в суть разрастающегося чувства набожности юного короля. По пути в Сен-Дени Людовик решил, что должен совершить импровизированный двухчасовой визит в местную колонию прокаженных, тем самым продемонстрировав свою покорность Богу, оставив и свою гламурную супругу Элеонору Аквитанскую, и папу в буквальном смысле ждать у алтаря. Говорят, что королева едва не лишилась чувств «от эмоций и духоты».

Когда Людовик наконец прибыл в Сен-Дени, притихшая толпа знати молча наблюдала, как он «униженно распростерся на земле и вознес хвалу своему покровителю святому Дени». Папа вручил королю посох паломника и суму, а Людовик поднял древнюю орифламу — хоругвь королевского аббатства Сен-Дени, которая, как считали, была военным штандартом самого Карла Великого и являлась символом французской монархии. Это действие произвело на присутствующих сильное впечатление. Люди прониклись мыслью о том, что Крестовый поход — истинный акт христианского благочестия, Людовик — по-настоящему великий король и римская церковь стоит у руля крестоносного движения¹⁰⁶.

Главные силы Второго крестового похода начали движение к Леванту в начале лета 1147 года. Было намерение воссоздать славные дела Первого крестового похода, путешествуя на восток по суше через Византию и Малую Азию. После церемонии в Сен-Дени Людовик повел своих людей из Меца, а собравший свои силы в Регенсбурге Конрад тронулся в путь в мае. Судя по всему, время отправления было скоординировано, возможно, так было решено во время совместного обсуждения планов в Шалон-сюр-Марн. Вероятно, это было сделано для того, чтобы позволить обеим армиям двигаться по одному маршруту в Константинополь — через Германию и Венгрию, — не истощая местные ресурсы. Но, несмотря на договоренность о сотрудничестве и все долго вынашиваемые мечты о возрождении прошлых подвигов и достижений, попытка достичь Святой земли оказалась практически полной катастрофой.

В основном это произошло из-за неспособности эффективно сотрудничать с Византийской империей. Пятьдесят лет назад Алексей I Комнин помог дать начало Первому кресто-

вому походу и потом сумел использовать его силу для покорения западной части Малой Азии. В 1147 году позиция и перспективы его внука, императора Мануила, были совершенно другими. Мануил не был заинтересован в этой новой латинской экспедиции и, более того, мог потерять власть и влияние теперь, когда она началась. На Западе отсутствие Конрада III развязало руки Роджеру Сицилийскому, который теперь мог напасть на греческую территорию, и перспектива двух больших франкских армий, идущих через империю и мимо Константинополя, вселяла в сердце Мануила ужас. А на Востоке тем временем новый Крестовый поход был готов оживить Утремер, остановив недавнее возрождение византийской власти в Северной Сирии; эта тревога еще более усиливалась из-за родственных уз, связывающих короля Людовика и князя Раймунда Антиохийского*. Для Мануила Второй крестовый поход был большой угрозой. Когда франкские армии подошли к империи, тревога императора усилилась до такой степени, что он решил обезопасить свою восточную границу, согласившись на временное перемирие с Масудом, сельджукским султаном Анатолии. Для греков это был логичный шаг, позволивший Мануилу сосредоточиться на многотысячной латинской армии, приближавшейся к его западной границе. Но, узнав о сделке, многие крестоносцы сочли этот акт предательством.

Проблемы начались почти сразу, как только франки переправились через Дунай и ступили на территорию империи. Большая неповоротливая армия Конрада двигалась на юго-восток через Филиппополь и Адрианополь, периодически грабя окрестные поселения и ввязываясь в стычки с греческими войсками. Желая во что бы то ни стало защитить свою столицу, Мануил поспешно спровадил немцев за Босфор. Французы, армия которых была меньше, сначала двигались мирно, но, разбив лагерь у стен Константинополя, стали проявлять враждебность. Новость о пакте Мануила с Масудом была воспринята со страхом и недоверием. Годфруа, епископ

* Раймунд был дядей (братом отца) супруги Людовика — Элеоноры Аквитанской. (Примеч. ред.)

Лангра, один из наиболее высокопоставленных духовных лиц, участвовавших в походе, даже побуждал к прямой атаке на Константинополь, но король Людовик отверг его план. Император снабдил крестоносцев проводниками, но даже они оказывали ограниченную помощь.

При отсутствии поддержки Византии латинянам следовало, оказавшись в Малой Азии, прежде всего объединить свои силы против ислама. К несчастью, координация между немцами и французами прекратила свое существование еще осенью 1147 года. Конрад неразумно решил в конце октября идти вперед без Людовика и выступил из своего лагеря в безводную негостеприимную местность, которая весьма слабо контролировалась греками. Он планировал идти маршрутом Первого крестового похода, но сельджуки Анатолии были теперь лучше готовы к встрече с латинянами, чем в 1097 году. Немецкая колонна, непривычная к мусульманской боевой тактике, вскоре столкнулась с постоянными стремительными атаками неуловимых маневренных отрядов турецких всадников. Медленно продвигаясь на восток мимо Дорилея, неся потери и расходуя припасы, крестоносцы наконец решили вернуться. К тому времени, как они в начале ноября повернули обратно к Никее, тысячи людей погибли, и даже король Конрад получил ранение. Многие уцелевшие решили бросить все и вернуться в Германию.

Потерпев неудачу, Конрад объединил свои силы с французами, которые к этому времени переправились через Босфор, для второй попытки. Крестоносцы успешно прошли по другому маршруту на юг к Эфесу, древнему римскому городу на западном побережье Малой Азии, где болезнь вынудила немецкого короля остаться. В конце декабря, когда начался дождь и снег, Людовик покинул побережье и повел свою армию вдоль долины Меандра к возвышенностям Анатолии. Сначала в армии поддерживалась строгая дисциплина, и первые атаки сельджуков были отбиты, но около 6 января 1148 года крестоносцы не сумели сохранить боевой порядок при преодолении внушительного препятствия — горы Кадмус — и подверглись яростному нападению турок. Потери были велики, сам Людовик был окружен и едва избежал плена, спрятавшись на

дереве. Потрясенный столь жестоким уроком, король попросил тамплиеров, которые присоединились к его армии еще во Франции, вести уцелевших крестоносцев в сомкнутом строю на юго-восток к занятому греками порту Адалия. Это решение демонстрирует и крайне тяжелое положение крестоносцев, и серьезную репутацию, которую уже успел приобрести орден тамплиеров. Позже в письме аббату Сен-Дени Людовик так вспоминал эти тяжелые дни: «Были постоянные засады разбойников, суровые трудности путешествия, ежедневные стычки с турками... Мы сами часто оказывались на краю гибели, но милостью Божьей избавились от всех ужасов и спаслись». Измученные и голодные французы подошли к берегу примерно 20 января. Первоначально был рассмотрен вопрос продолжения пути по суше, но Людовик решил с частью своей армии плыть в Сирию по морю. Тем, кто остался, была обещана поддержка Византии, но большинство умерли от голода или были убиты турками. Французский король добрался до Антиохии в марте 1148 года. Тем временем, восстановившись в Константинополе, Конрад тоже решил продолжить путь морем и отплыл в Акру.

Крестоносцы, отправившиеся по суше на Ближний Восток, гордо надеясь повторить подвиг своих предков, потерпели неудачу. Потери исчислялись тысячами. Экспедиция, по сути, распалась, даже не достигнув Святой земли. Многие винили в своей неудаче греков, осыпая их обвинениями в измене и предательстве. Но хотя Мануил действительно оказал Конраду и Людовику только очень ограниченную поддержку, катастрофу ускорила главным образом собственная неосторожность латинян перед лицом усилившейся турецкой агрессии. После бесславного поражения немцев и турок Вильгельм Тирский сделал вывод, что некогда великая слава крестоносцев теперь лежит в руинах. Неверные, которые раньше боялись крестоносцев, теперь получили возможность смеяться над ними. Людовик и Конрад в конце концов все же добрались до Леванта. Теперь встал вопрос: смогут ли оставшиеся в их распоряжении силы достичь хотя бы чего-нибудь существенного и вновь разжечь угасшее пламя крестоносного движения?¹⁰⁷

Часть вторая

ОТВЕТ ИСЛАМА

Глава 7

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

За полвека, прошедшие после Первого крестового похода, не было отмечено признаков объединенного или уверенного исламского ответа на завоевание христианами Святой земли. Иерусалим — самый святой город мусульманского мира после Мекки и Медины — оставался в руках латинян. Сохранялось существовавшее разделение между суннитским Ираком и Сирией и шиитским Египтом. Если не считать отдельных мусульманских побед, главной из которых была победа на Кровавом поле в 1119 году, в начале XII века доминировала франкская экспансия и агрессия. Но в 1140 году ситуация изменилась. Занги, атабек Мосула и Алеппо, и его семья (династия Зангидов) подняли факел джихада.

ЗАНГИ — ВОИНСТВУЮЩИЙ ЗАЩИТНИК ИСЛАМА

Захват Занги Эдессы в 1144 году стал триумфом ислама: один мусульманский хронист назвал его «победой побед». Когда его войска 24 декабря взяли штурмом город, атабек сначала позволил им грабить и убивать. Но когда схлынула первая волна насилия, он навязал образ действий, который, по крайней мере по его стандартам, был умеренным. Франки пострадали — мужчин убили, женщин увели в рабство, но уцелевших восточных христиан пощадили и позволили

остаться в своих домах. Латинские церкви были уничтожены, но армянские и сирийские остались нетронутыми. Также Занги постарался максимально снизить ущерб, нанесенный укреплениям Эдессы, и сразу после победы началось восстановление разрушенных участков стены. Понимая стратегическую важность своего нового владения, Занги хотел, чтобы город оставался обитаемым и защищенным.

Захватив Эдессу, атабек мог надеяться объединить большую территорию Сирии и Месопотамии — от Алеппо до Мосула. А для мусульманского мира Ближнего и Среднего Востока его удивительное достижение обещало начало новой эры, в которой франки будут вытеснены из Леванта. Нет сомнения в том, что 1144 год стал для ислама поворотным моментом в борьбе за Святую землю. Также представляется очевидным, что Занги делал энергичные попытки разрекламировать свой успех как удар, нанесенный ярим *моджахедом* (*муджахидом*) во имя всех мусульман.

В исламской культуре за арабской поэзией давно закрепились роль силы, влияющей и отражающей общественное мнение. Мусульманские поэты обычно создавали произведения для публичного прочтения, иногда перед массовыми аудиториями, и включали в них смесь репортажа и пропаганды текущих событий. Придворные поэты Занги (некоторые из них были сирийскими беженцами от латинян) воспевали в своих стихах достижения атабека, называя его защитником широкого движения джихада. Ибн аль-Кайсарани (из Кесарии) подчеркнул нужду в Занги для возвращения мусульманам всего сирийского побережья (*Сахиль*), утверждая, что это и есть главная цель священной войны. «Скажи правителям неверных <...> чтобы сдали все их территории, — писал он, — потому что это страна Занги». Одновременно идея панлевантийского завоевания была сплетена с более точной целью, имеющей глубокий религиозный смысл. Эта цель — Иерусалим. Эдесса располагалась в сотнях миль (160 км) к северу от Палестины, но ее захват был представлен как первый шаг на пути к возвращению мусульманскому миру Святого города. «Если завоевание Эдессы — открытое море, — утверждал Ибн аль-Кайсарани, — Иерусалим и Сахиль — его берега».

Многие мусульманские современники, судя по всему, принимали это «выдвижение» атабека в воины ислама. Багдадский халиф из Аббасидов пожаловал ему титулы «Помощника командира верующих, Божьей помощью Короля». Учитывая, что Зангиды все еще были в какой-то степени чужими — турецкими военными выскочками, не имеющими врожденного права влиять на установившиеся арабские и персидские иерархические системы Востока, это признание халифа могло узаконить положение Занги. Была актуальна также идея, что карьера атабека строилась на этом единственном достижении. Даже хронист из враждебного Дамаска заявил, что Занги всегда домогался Эдессы и только ждал случая воплотить в жизнь свою мечту. Эдесса никогда не покидала его мыслей. Позже, на базе победы 1144 года, исламские хронисты называли Занги *шахидом*, или мучеником. Эту честь заслуживают только те, кто умерли «на пути Бога», ведя джихад.

Речь не идет о том, что Занги признал политическое значение принципов священной войны только после своего неожиданного успеха в Эдессе. Надпись, датированная 1138 годом, в дамасском медресе, которому покровительствовал атабек, уже описывала его как «воина джихада, защитника границ, укротителя многобожников, уничтожителя еретиков», и те же титулы были использованы четырем годами позже в надписи из Алеппо. События 1144 года позволили Занги подчеркнуть и развить эту грань своей карьеры, но даже тогда джихад против франков оставался лишь одной проблемой среди многих. При жизни атабек стремился прежде всего представить себя правителем ислама, для чего он не брезговал всяческими почетными титулами, сформулированными для разных нужд (и на разных языках) Месопотамии, Сирии и Дийяр-Бакра. По-арабски он именовался *Имад аль-Дин Занги* («Занги, столп веры»), по-персидски — «страж мира», или «великий король Ирана», а на языке турецких кочевников — «принц-сокол»¹.

Сохранилось ничтожно мало свидетельств, позволяющих предположить, что Занги отдавал приоритет джихаду по сравнению с остальными проблемами до или после 1144 года. В начале 1145 года он делал шаги, чтобы укрепить свою власть в Эдессе, захватив у франков город Сарудж и разгромив ла-

тинское войско, собравшееся для выручки соотечественников в Антиохии. Но довольно скоро он уже опять сражался с мусульманами в Ираке. В начале 1146 года прошел слух, что Занги готовит новое наступление в Сирии. Началось сооружение осадных машин, и, в то время как официально они предназначались для джихада, хронист из Алеппо писал: «Некоторые люди думают, что он намерен напасть на Дамаск».

Занги было уже шестьдесят два года, но он обладал отменным здоровьем и находился в прекрасной физической форме. Однако в ночь на 14 сентября 1146 года во время осады мусульманской крепости Калат-Джабар (на берегу Евфрата) он подвергся неожиданному нападению. Подробности случившегося неясны — утверждают, что Занги держал многочисленную стражу, которая должна была защитить его от убийц, но нападавшему как-то удалось ее обойти. На атабека напали, когда он лежал в постели. Впоследствии одни говорили, что это был доверенный евнух, другие версии — раб и солдат. Неудивительно, что убийцу считали нанятым Дамаском. Вероятно, правда так навсегда и останется неизвестной. Помощник, обнаруживший смертельно раненного Занги, описал сцену так: «Я подошел к нему, когда он был еще жив. Увидев меня, он подумал, что я намереваюсь убить его. Он жестами попросил меня не делать этого. Я остановился в благоговейном страхе и сказал: «Господин, кто сделал это с тобой?» Но он не мог говорить и почти сразу умер. (Да пребудет с ним милость Всевышнего)»².

Большой запас жизненных сил и честолюбие не помогли атабеку — его карьера оборвалась. Занги, правитель Мосула и Алеппо, покоритель Эдессы, пал от руки убийцы.

Появление Нур ад-Дина

Занги умер жалкой позорной смертью. Его окружение, даже родственники, и не думали чествовать усопшего: тело атабека было сожжено без всяких церемоний, а сокровища разграблены. Значительно больше внимания было уделено вопросу преемственности власти.

Наследники Занги не медлили: его старший сын Саиф ад-Дин захватил Мосул — подтверждение того, что Месопотамия все еще считалась истинной колыбелью суннитского ислама. Младший сын атабека Нур ад-Дин Махмуд тем временем отправился на запад, чтобы взять под контроль сирийские владения отца. Такое разделение зангидской территории имело серьезные последствия. Не имея прямых интересов в Ираке, Нур ад-Дин, новый эмир Алеппо, сосредоточился на делах Леванта, и потому его положение было более выгодным для ведения *джихада*. Однако без доступа к плодородному полумесяцу* сила его сирийских владений могла иссякнуть.

Нур ад-Дин пришел к власти в возрасте двадцати восьми лет. Говорили, что он был высоким смуглым мужчиной с бородой, но без усов, с высоким лбом и красивыми глазами, иными словами, обладал вообще приятной наружностью. Со временем он достиг небывалой власти, затмив даже своего отца, став самым пугающим, но в то же время уважаемым врагом христианского мира на мусульманском Ближнем Востоке, правителем, который дал пищу и новую энергию делу исламской священной войны. Даже Вильгельм Тирский позднее назвал его мудрым, предусмотрительным и богобоязненным (согласно традициям своего народа) человеком. Но в 1146 году положение эмира было неустойчивым, а стоящие перед ним задачи казались невыполнимыми³.

После убийства Занги в Сирии начались беспорядки. Грубая эффективность деспотизма атабека теперь, когда на обширных просторах мусульманского Леванта воцарилось беззаконие, стала очевидной. Даже современник из Дамаска признавал, что «все города были в беспорядке, на дорогах стало небезопасно, и это после периода благословенного спокойствия». Права Нур ад-Дина и его способности управлять государством пока еще не были доказаны, и некоторые приближенные Занги переметнулись в другой лагерь. Под давлением Унура, фактического правителя Дамаска, курдский

* Плодородный полумесяц — полоса плодородных земель в Передней Азии; месторасположение древнейших земледельческих поселений; колыбель ассирийской, вавилонской, финикийской, шумерской цивилизаций. (Примеч. ред.)

военачальник Айюб ибн Шади сдал Баальбек и двинулся к южной сирийской столице. Нур ад-Дин пользовался поддержкой губернатора Алеппо из Зангидов — Савара и брата Айюба Ширкуха, но в целом шансы молодого эмира на успех, и даже на выживание, были невелики.

Будучи эмиром Алеппо, Нур ад-Дин контролировал один из величайших городов Ближнего Востока. Даже в XII веке город Алеппо имел богатейшую древнюю историю — люди жили на том месте не меньше семи тысяч лет. В столице, которой правил Нур ад-Дин, имелась внушительная крепость, окруженная высокими стенами. Она возвышалась над городом, располагаясь в самом его центре, на вершине крутого холма высотой около 200 футов (61 м). Один из современников заметил, что «крепость известна своей неприступностью и видна с большого расстояния, поскольку имеет огромную высоту. Ничего похожего вокруг нет». Даже сегодня она гордо возвышается над современным городом. Мечеть Алеппо, которая находится немного западнее, была построена около 715 года при Омейядах. К ней сельджуки в конце XI века добавили квадратный минарет. Город также являлся крупным торговым центром. Там располагалось несколько крытых базаров. Возможно, Алеппо и не был в XII веке первым по значимости сирийским городом, но он являлся центром политического, военного и экономического могущества и в качестве такового являлся для Нур ад-Дина идеальным фундаментом, на котором он мог строить свою карьеру⁴.

В 1146 году среди всеобщего хаоса, воцарившегося после смерти Занги, Нур ад-Дину необходимо было утвердить свой авторитет. Возможность для этого вскоре представилась, когда пришли срочные новости о неожиданном кризисе. Франкский граф Эдессы Жослен II отчаянно пытался вернуть свою столицу. Возглавив наскоро собранные силы, он в октябре выступил на город и при помощи местного христианского населения ночью проник за внешние укрепления Эдессы. Мусульманский гарнизон сбежал в хорошо укрепленную цитадель, где и был осажден.

Нур ад-Дин отреагировал решительно, желая во что бы то ни стало удержать Эдессу, не отдав ее франкам, и предотвра-

тить возможность экспансии в западном направлении его брата Саиф ад-Дина. Собрав войско Алеппо и турецких воинов, эмир совершил молниеносный форсированный марш, двигаясь так быстро, что «лошади мусульман падали на обочинах дороги от усталости». Быстрота оправдала себя. Войско Жослена, в котором не хватало людей и осадных машин, к моменту прибытия Нур ад-Дина все еще находилось в нижнем городе. Оказавшись между двух огней, граф немедленно покинул город. Он сумел спастись, но потери латинян были огромными. Удержав Эдессу в своих руках, эмир решил провести прямую демонстрацию своей безжалостной воли. Двумя годами ранее Занги пощадил живших в городе восточных христиан. Теперь, в качестве наказания за их сговор с франками, его сын и наследник избавил от них город. Все мужчины были убиты, женщины и дети уведены в рабство. Мусульманский хронист заметил, что «меч уничтожил всех христиан», а шокированные сирийские христиане описывали, как после этой чудовишной бойни город «остался безжизненным: ужасное зрелище — черный дым, всюду кровь и трупы его сынов и дочерей». Некогда кипящая жизнью столица осталась тихой пустынной заводью на много веков вперед⁵.

Наглядная демонстрация Нур ад-Дином своей силы помогла укрепить его положение в Алеппо. Эмир поступил в точности так, как его отец, — положился на грубую силу и страх, чтобы утвердить свою власть, и очень быстро убедился в эффективности метода. Со временем, однако, Нур ад-Дин доказал, что способен и на менее жесткие приемы — от взвешенной политики до формирования общественного мнения, но только стальная решимость ему никогда не изменяла. Как и Занги, он стремился объединить Алеппо и Дамаск, но для начала, по крайней мере, культивировал атмосферу сотрудничества с южным сирийским соседом. Между Нур ад-Дином и дочерью Унура Дамасского Исмат был заключен брачный союз. Эмир Алеппо также сделал благородный жест — отпустил рабыню, захваченную Занги в Баальбеке в 1138 году, некогда бывшую любовницей Унура. По мнению одного мусульманского хрониста, «это была важнейшая причина для дружбы между Нур ад-Дином и жителями Дамаска».

С изменением баланса сил после смерти Занги Алеппо и Дамаск выстраивали новые отношения между собой. Больше не опасаясь неминуемого нашествия Зангидов, Унур воспрянул духом и постепенно стал рвать узы, связывающие его с франками. Когда весной 1147 года один из зависимых от него правителей Алтунташ из Босры решил отколоться и вступить в союз с Иерусалимским королевством, Унур решил вмешаться. Нур ад-Дин тоже пришел на юг, и вместе они отбили попытку латинян оккупировать Босру. Этот успех принес Унуру признание Багдада и Каира. На этом фоне скорее Дамаск, чем Алеппо, в 1147 году стал доминирующей сирийской мусульманской силой.

Нур ад-Дин провел осень, укрепляя свое положение на севере и ведя военную кампанию на западной границе против Антиохии. В это время ужасные новости заставили эмира приготовиться к обороне. Прошел слух, что латинская армия, коей нет числа, движется к земле ислама. Говорили, что к этой армии присоединилось так много христиан, что Запад, должно быть, остался пустым и незащищенным. Встревоженный новостями эмир Алеппо и все его мусульманские соседи начали спешно готовиться к отражению Второго крестового похода и началу новой войны⁶.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МУСУЛЬМАН КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

В течение следующих шести месяцев сообщения о действиях французов и немцев постепенно дошли до Ближнего Востока. Один житель Дамаска слышал, что «многие из них погибли» в Малой Азии «в боях, из-за голода и болезней», и к началу 1148 года уже никто не сомневался, что Масуд, сельджукский султан Анатолии, нанес франкам невосполнимые потери. Для Нур ад-Дина и Унура, жадно ожидавших новостей в Алеппо и Дамаске, эти сведения, вероятно, были радостными, хотя и удивительными. Получалось, что их турецкие соседи на северо-западе — за последние десятилетия чаще бывшие противниками, чем союзниками, — нанесли решаю-

ший урон Крестовому походу еще до того, как он достиг Леванта.

Но даже если так, опасность еще не была ликвидирована. Весной уцелевшие латиняне (их количество все еще исчислялось тысячами) начали прибывать в порты Сирии и Палестины. Теперь встал вопрос: где они нанесут удар? Нур ад-Дин подготовил к нападению Алеппо, а его брат Саиф ад-Дин тем же летом привел подкрепление из Мосула. Но, вопреки всем ожиданиям, наступление франков, когда оно наконец началось, было направлено против Дамаска.

Добравшись в марте до Антиохии, король Людовик VII поссорился с Раймундом Антиохийским. Недавнее разорение Эдессы расстроило планы попыток ее завоевания; вместо этого Раймунд выступал за кампанию против Алеппо и Шайзара. План имел существенное достоинство — давал возможность нанести удар по силам Зангидов, пока Нур ад-Дин все еще укреплял свое положение в Северной Сирии, но французский король отверг его и сразу выступил на юг к Палестине. Относительно причин такого решения Людовика давно велись споры. Возможно, у него не хватало средств, или его тревожила деятельность Конрада в Латинском королевстве, или он хотел совершить собственное паломничество в Иерусалим. А сутью дела, скорее всего, являлся обычный скандал. По прибытии в Антиохию юная супруга Людовика Элеонора проводила очень много времени в компании своего дяди князя Раймунда. Распространились слухи об их страстной кровосмесительной любовной связи. Униженный и потрясенный французский монарх был вынужден увести супругу из Антиохии против ее воли, тем самым нанеся непоправимый урон их отношениям и уничтожив надежды на сотрудничество между крестоносцами и Антиохией.

В апреле на Святую землю прибыл и Конрад. Французский и германский контингенты в начале лета перегруппировались в Северной Палестине. В районе Акры 24 июня был проведен совместный совет лидеров крестоносцев и представителей иерусалимского двора, на котором обсудили план дальнейших действий и выбрали в качестве новой цели Дамаск. Это решение раньше считалось учеными в высшей степени

безрассудным, учитывая недавний союз этого мусульманского города с франкской Палестиной и его сопротивление возвышению Зангидов. Но это мнение впоследствии изменилось — было принято во внимание, что смерть Занги в 1146 году изменила баланс сил в мусульманской Сирии. Пока Иерусалим выступал против Алеппо, Дамаск успел накопить силы и к 1148 году стал намного более грозным и опасным соседом. А значит, его нейтрализация и покорение — разумная цель, и захват города может существенно улучшить долгосрочные перспективы Утремера⁷.

В середине лета 1148 года войска христианских королей Европы и Иерусалима выдвинулись к Баниясу, а затем направились к Дамаску. Унур сделал все, что мог, для укрепления города и организации войск. Просьбы о помощи были спешно отправлены ко всем мусульманским соседям, включая Зангидов. 24 июля франки подошли через густые, хорошо орошаемые сады на юго-западе Дамаска. Эти густые рощицы, окруженные низкими земляными стенами, тянулись на пять миль от городских окраин. Проходимые только по узким тропинкам, эти сады издавна служили первой линией обороны города. Мусульмане делали все, что могли, чтобы остановить продвижение латинян, — устраивали внезапные нападения, обрушивали на них град стрел со сторожевых башен и выгодных позиций среди деревьев, но христиане продолжали идти.

К концу дня франки разбили лагерь на открытой площадке перед городом, откуда они имели доступ к воде — к реке Барада. В отличие от таких городов, как Антиохия и Иерусалим, Дамаск не имел мощных фортификационных сооружений — его защищала низкая внешняя стена и путаница окраин. Когда христиане находились так близко, столица казалась пугающе уязвимой. Унур приказал забаррикадировать улицы массивными стволами деревьев и кучами мусора, и, чтобы поднять моральный дух, в мечети Омейядов было проведено грандиозное торжество. Одно из самых почитаемых сокровищ Дамаска — копия Корана, некогда принадлежавшая халифу Утману (Усману, Осману), одному из первых преемников Мухаммеда, — было показано толпе, и люди, «рыдая, посыпали головы пеплом».

Три дня велись отчаянные бои — мусульмане пытались отбить наступавших франков, и обе стороны несли тяжелые потери. Прибыло подкрепление из долины Бекаа, ожидался подход армии Нур ад-Дина и Саиф ад-Дина. Унур старался выиграть время. Он даже обещал возобновить платежи дани в обмен на прекращение противостояния. Зная о скрытом соперничестве в христианской коалиции, он также всячески старался посеять семена раздора и недоверия друг к другу. Очевидно, крестоносным королям было отправлено послание, предупреждающее о подходе Зангидов, а к левантийским франкам был направлен специальный посол, который подчеркнул, что их союз с Западом приведет только к созданию нового конкурента на Востоке, потому что «если они возьмут Дамаск, то, конечно, захватят и побережье, которое сейчас в ваших руках». В рядах христиан, безусловно, имели место конфликты, и латинские источники подтверждают, что франки затеяли спор из-за того, кто будет иметь права на город, если он падет.

Не добившись никакого прогресса, одолеваемые сомнениями франки вечером 27 июля устроили военный совет. Неожиданно было принято паническое решение двигаться к восточной части города, откуда, по их мнению, было легче организовать прямую атаку. На самом деле этот район Дамаска был не менее сильно укреплен, и франки оказались в весьма опасном положении, да еще и без доступа к воде. Под немилосердно палящим солнцем их нервы не выдержали. По версии одного мусульманского очевидца, «с разных сторон к франкам поступали сообщения о быстром продвижении исламских армий, готовых начать с ними священную войну, и они прониклись уверенностью в своей скорой гибели и неизбежности катастрофы». Латинские источники говорят о предательстве в армии, о взятках Унура и повсеместных беспорядках. 28 июля крестоносцы и левантийские франки начали позорное отступление, ускоренное нападениями мусульманских отрядов из Дамаска. Позднее король Конрад написал, что христиане «отступили в горе, а осада оказалась неудачной», а Вильгельм Тирский отметил, что в среде крестоносцев «царило смятение и страх». Короли Франции и Германии

вели речь об организации второго, лучше подготовленного нападения на Дамаск или о возможной кампании против Аскалона, но не было сделано ни того ни другого. В сентябре в Европу отплыл Конрад, а весной 1149 года за ним последовал Людовик, предварительно посетив святые места. Мусульманский хронист написал, что Бог «спас правоверных в Дамаске от зла»⁸.

Что касается франков, главный левантийский удар Второго крестового похода завершился постыдной неудачей. После столь длительного приготовления, невзирая на участие европейских монархов, планы христиан провалились, и сама концепция латинской священной войны оказалась под сомнением. Последствия этой катастрофы для популярности и практики крестовых войн ощущались еще долго. Несмотря на долгие дебаты относительно разумности решения франков осадить Дамаск, историки все же имеют тенденцию преуменьшить влияние Крестового похода на ближневосточный ислам. Внешне баланс сил вроде бы не изменился — Унур остался правителем Дамаска, христиане были отбиты. Но в критический момент опасности жители Дамаска были вынуждены обратиться за помощью к правителям Алеппо и Мосула. В один из моментов середины 1140-х годов Унур вроде бы имел возможность остановить возвышение Зангидов; теперь же, после Второго крестового похода, ему пришлось смириться с зависимостью от Нур ад-Дина.

Поход латинян на Дамаск в 1148 году также внес вклад в укрепление антифранкских настроений среди жителей Дамаска. Вскоре Унур и правящая элита Буридов снова открыла дипломатические каналы с Иерусалимским королевством, но местная поддержка политики союза с Палестиной теперь существенно уменьшилась.

Разделение графства Эдесса

Алеппо счастливо избежал Второго крестового похода. По сути, латинская экспедиция даже укрепила позиции Нур ад-Дина в Северной Сирии. Понятно, что Крестовый поход не

вернул ни одного приобретения Зангидов в графстве Эдесса. В последующие годы разбросанные остатки того, что некогда было первым государством крестоносцев на Востоке, были постепенно захвачены исламом. Испытывая давление с трех сторон — от Нур ад-Дина, Масуда и Артукидов, которые все желали завладеть территорией Эдессы, — граф Жослен II, чтобы хотя бы как-то себя обезопасить, согласился на смиренное перемирие с Алеппо. Но когда в 1150 году граф был захвачен в плен, Нур ад-Дин не принял во внимание статус Жослена; франк был брошен в тюрьму (возможно, ослеплен) и оставался в заключении до самой смерти, последовавшей спустя девять лет.

Сторонники Зангидов постарались извлечь все, что можно, из захвата графа. Называя его «непримиримым дьяволом, жестоким и ненавидящим мусульман», один мусульманский хронист заметил, что «пленение графа было ударом по всему христианскому миру». Развивая эту тему, поэт Ибн аль-Кайсарани (теперь ставший придворным Нур ад-Дина) утверждал, что скоро и Иерусалим будет «очищен»⁹.

После захвата в плен Жослена его супруга Беатрис продала остатки графства Византии, вызвав поток франкских и восточнохристианских беженцев в Антиохию. Графиня обосновалась в Палестине, где ее дети — Жослен III и Аньес — позже стали видными политическими фигурами. Даже греки не сумели защитить эти изолированные островки, и после падения Телль-Башира в 1151 году с графством Эдесса было покончено. Зангиды окончательно уничтожили одно из четырех государств крестоносцев.

Глава 8 СВЕТОЧ ВЕРЫ

После Второго крестового похода Нур ад-Дин стал самым выдающимся мусульманским лидером. В ходе своей карьеры Нур ад-Дин объединил Сирию, распространил власть Зангидов до Египта и одержал ряд убедительных побед против франков. Он стал одним из светочей средневекового ислама,

оплотом суннитской ортодоксальности и грозным воином джихада против латинского Утремера, иными словами, заслужил свое имя: «Нур ад-дин» в буквальном переводе означает «светоч веры».

Мусульманские хронисты XII века обычно представляли Нур ад-Дина образцом совершенного исламского правителя — глубоко набожным, милосердным и справедливым, скромным и аскетичным и одновременно культурным, храбрым, умелым в бою, преданным борьбе за Святую землю. Этот взгляд нашел самое яркое выражение у великого арабского историка Ибн аль-Асира (ум. 1233), который работал в Мосуле в самом начале XIII века, когда городом все еще управляли представители династии Зангидов. Ибн аль-Асир создал объемный труд по истории человечества, начав с Сотворения мира, и даже в этой масштабной летописи Нур ад-Дин является главным героем. Сказано, что слава о его правлении и справедливости обошла весь свет, а его хороших качеств и добродетелей было так много, что их не могла вместить одна книга¹⁰.

Современные историки стремились, с разной степенью успеха, на основании этого панегирика реконструировать истинный образ Нур ад-Дина. Получались совершенно разные люди. Центральной чертой этого процесса являлась попытка выделить момент трансформации или духовного прозрения в жизни эмира, после которого он стал истинным воином джихада — моджахедом¹¹. В контексте Крестовых походов крайне важны два взаимосвязанных момента. Нур ад-Дин провел немалую часть жизни, сражаясь против своих собратьев по вере — мусульман, но действовал ли он во имя высшего блага, объединяя ислам в подготовке к джихаду, или священная война была для него просто удобным прикрытием для построения мощной империи Зангидов? И начал ли Нур ад-Дин свою карьеру как обычный амбициозный и своекорыстный турецкий военачальник, лишь в какой-то момент почувствовавший углубление религиозных убеждений и усиление желания вести священную войну? Частично ответы на эти вопросы могут быть получены, если проанализировать ход карьеры Нур ад-Дина — рассмотреть, когда

и почему он сражался против латинян, и оценить его договоренности с суннитскими мусульманами Сирии, шиитскими Фатимидами Египта и византийскими греками.

БИТВА ПРИ ИНАБЕ

Летом 1149 года Нур ад-Дин начал наступление на христианское княжество Антиохия, желая укрепить свою растущую власть в Северной Сирии. С конца 1148 года его войска сталкивались с силами антиохийцев в ряде небольших схваток, но результаты нельзя было назвать решающими. В июне 1149 года Нур ад-Дин использовал для собственной выгоды восстановление дружественных отношений с Унуром Дамаским, призвал подкрепление, создал грозную армию вторжения, главной ударной силой которой был шеститысячный отряд конных воинов. Историки почти не пытались понять мотивацию правителя Алеппо, предполагая, что он просто желал спровоцировать конфронтацию с Раймундом Антиохийским. Но так же как его предшественник Иль-гази, Нур ад-Дин, возможно, имел более определенную стратегическую цель.

В 1149 году Нур ад-Дин намеревался захватить два латинских аванпоста — Харим и Апамею. Город-крепость Харим стоял на западном краю гор Белус, занимая господствующее положение над антиохийскими равнинами. Располагавшийся в двадцати милях (32 км) от Антиохии Харим находился в руках латинян со времен Первого крестового похода. Горы Белус издавна играли немалую роль в противостоянии между Алеппо и княжеством. В начале XII века, когда Антиохия находилась в процессе возвышения, франки заняли территорию к востоку от этих крутых скалистых гор, являя прямую угрозу безопасности Алеппо. Их отбрасывал назад сначала Иль-гази, потом Занги, восстановив границу вдоль естественного барьера — гор Белус. Но только Нур ад-Дин не был удовлетворен таким положением равновесия. Он желал захватить Харим и получить плацдарм за горами, тем самым подорвав оборонную целостность восточной границы Антиохии.

Нур ад-Дин также нацелился на Апамею — город, расположенный на южном краю плато Суммак. В прошлом антиохийское господство на плато угрожало путям, связывающим Алеппо с Дамаском, но Занги в конце 1130-х годов сумел захватить значительную часть плато. К 1149 году франки сохранили только небольшой коридор вдоль долины Оронта на юг к одинокому аванпосту Апамеи. Первой целью Нур ад-Дина в 1149 году стал захват этого укрепленного франкского поселения, каковым он устранял навязчивое франкское присутствие в регионе Суммак. Недавние попытки прямого штурма Апамеи, стоящей на обрывистом земляном холме, оказались неудачными. Теперь Нур ад-Дин решил изолировать город, перерезав линии связи с Антиохией, для чего захватить мост Эш-Шогур через Оронт.

В июне он перешел в наступление и начал операции с осады небольшого форта Инаб. Когда об этом узнали в Антиохии, князь Раймунд отреагировал очень быстро. Позднее утверждали, что он отправился освобождать Инаб немедленно, даже не дождавшись кавалерии, но это, вероятно, было преувеличением, поскольку мусульманский современник из Дамаска отметил, что франки прибыли с 4 тысячами рыцарей и тысячей пехоты. У Раймунда также был отряд ассасинов, возглавляемый курдским союзником Антиохии Али ибн Вафа. Нур ад-Дин ответил на приближение антиохийцев 28 июня осторожным отступлением от Инаба, чтобы оценить силы противника, но он постоянно был настороже, выжидая удобного шанса для контрудара, и такой шанс не замедлил представиться.

Прибыв в окрестности Инаба, Раймунд оптимистично и самоуверенно предположил, что испугал Нур ад-Дина, и успешно занял район. Для лагеря он выбрал место на открытой равнине, не пожелав добраться до безопасного убежища. Это оказалось роковой ошибкой. Удалившись на небольшое расстояние, Нур ад-Дин собрал сведения о численности франков, оценил уязвимость их позиции и немедленно под покровом ночи повел свои войска обратно. На рассвете 29 июня 1149 года латиняне, проснувшись, обнаружили, что окружены. Чувствуя, что он почти добился победы, правитель Алеппо

по, не теряя времени, развил успех, организовав штурм лагеря, как штурм города. По версии хрониста из Дамаска, князь Раймунд тщетно старался собрать людей и организовать оборону, но мусульмане разбились на отряды, атаковавшие с разных направлений. Началось ожесточенное сражение. В довершение всего поднялся сильный ветер и поднял клубы пыли, что добавило неразберихи. Находясь в меньшинстве и в окружении, латиняне вскоре отступили, но, даже когда остатки его войск бежали, Раймунд остался на поле боя, решив стоять до конца. В арабском тексте сказано, что «мечи ислама сказали свое последнее слово, и, когда дымка рассеялась, христиане лежали на земле мертвые и грязные».

Мусульмане одержали победу, причем весь масштаб их триумфа стал очевиден, когда люди Нур ад-Дина начали прочесывать поле боя. Там был найден антиохийский правитель Раймунд, «простертый на земле среди своей стражи и рыцарей; его узнали, после чего князю отрубили голову и отнесли ее Нур ад-Дину, который вознаградил гонца дорогим подарком». Ходили слухи, что князя сразил удар меча курда Ширкуха. Нур ад-Дин велел упаковать голову франка в серебряную шкатулку и отправил ее в Багдад, чтобы отпраздновать победу над врагом, который, как утверждали мусульмане, «приобрел особую репутацию благодаря ужасу, который он вселял своей суровостью и излишней жестокостью». Латинские источники подтверждают, что труп Раймунда был обезглавлен, добавляя неприятное, но вполне практичное соображение: когда антиохийцы наконец вернулись за своим князем, его тело сумели опознать только по шрамам и прочим отметинам¹².

Сражение 1149 года при Инабе представляется ничуть не менее важным, чем сражение на Кровавом поле тридцатью годами ранее. Франкское княжество лишилось сильного правителя, и, при отсутствии у него очевидного взрослого наследника мужского пола, оказалось в уязвимом положении. Нур ад-Дин теперь занял господствующую позицию, и его действия после Инаба весьма показательны. Он не сделал ни одной решительной попытки подчинить себе Антиохию, а вместо этого отправил большую часть армии на юг к Апа-

мее. Оставшуюся часть войска Нур ад-Дин повел к столице княжества, но после короткой осады согласился оставить город в покое в обмен на дань. Следуя по берегу, он сделал символический шаг — искупался в Средиземном море, — тем самым заявив, что власть ислама теперь дошла до моря.

Настоящие завоевания начались в середине июля штурмом Харима. Его латинский гарнизон был ослаблен после Инаба, город быстро пал, и немедленно были предприняты шаги к укреплению его обороноспособности. К концу месяца Нур ад-Дин выступил на юг непосредственно к Апамее. Отрезанные от Антиохии, не имея никаких надежд на спасение, франки сдались в обмен на обещание пощадить их жизни.

Как и Иль-гази в 1119 году, Нур ад-Дин использовал поражение антиохийцев для достижения своих стратегических целей. В этом случае он стремился нейтрализовать Антиохию и утвердить господство Алеппо на всей территории восточнее Оронта. Он также отказался от потенциальной возможности захватить Антиохию, вероятно, частично потому, что ему не хватало людской силы и материальных ресурсов для разрушения грозных фортификационных сооружений города. Кроме того, он не сомневался, что из Палестины вскоре придет франкское подкрепление. Словом, определено и в 1119 году, и в 1149 году захват Антиохии не являлся приоритетной целью мусульман.

Несмотря на явное сходство, сражение при Инабе не было простым повторением битвы на Кровавом поле. В 1119 году иерусалимский король Бодуэн II поспешил на помощь Антиохии и в последующие годы возместил ее территориальные потери. Его внук король Бодуэн III также направился летом 1149 года в Сирию, но не смог ничего изменить. Апамея так никогда и не вернулась к христианам, да и короткая попытка взять Харим оказалась неудачной. Когда солдаты Нур ад-Дина находились в пределах досягаемости столицы Антиохии, ее способность угрожать Алеппо существенно уменьшилась. Позднее латиняне были вынуждены пойти на унижительный договор с Нур ад-Дином, который, подтвердив права Алеппо на плато Суммак и территорию к востоку от гор Белус, фактически признавал бессилие Антиохии.

Мотивация и намерения Нур ад-Дина в 1149 году также коренным образом отличались от тех, которыми руководствовался Иль-гази тридцатью годами раньше, и это само по себе раскрывает правду о смещении баланса сил в Сирии. Кровавое поле было выражением соперничества Антиохии и Алеппо, последней попыткой остановить территориальную экспансию франков на Восток. В противоположность этому, несмотря на первоначальное сходство, движущей силой кампании, кульминацией которой стало сражение при Инабе, было соперничество между мусульманами. Нур ад-Дин решил оккупировать Апамею не для того, чтобы остановить франкскую агрессию, а, скорее, чтобы открыть свободный и безопасный путь на юг к своей истинной цели, занятому Буридами Дамаску. Оттесненные за Оронт антиохийцы не могли помешать его большой игре.

Поколения современных историков неправильно истолковывали причины и значение Инаба, некоторые даже утверждали, что победа была важнейшим моментом превращения Нур ад-Дина в истинного воина джихада. Один мусульманский хронист заметил, что «поэты восхваляли Нур ад-Дина, поздравляя его с великой победой, поскольку убийство князя Антиохии Раймунда имело большое влияние на обе стороны», и привел стихи Ибн аль-Кайсарани:

Твой меч заставил содрогнуться франков,
А сердца Рима забились быстрее.
Ты нанес их вождю сокрушительный удар,
Уничтожив его хребет и заставив опустить кресты.
Ты очистил землю врагов от их крови,
И в очищении был загрязнен каждый меч.

Но принять эту пропаганду «по номинальной цене» значит игнорировать тот факт, что главной стратегической целью Нур ад-Дина в 1149 году был Дамаск. Последующие события показали, что он был вполне готов оставить Антиохию в слабых руках франков, поскольку латинское княжество больше не являлось угрозой в левантийском конфликте, а, наоборот, было полезным буфером между Алеппо и греческой Византией. В первые годы своего правления Нур ад-Дин стремился покорить Дамаск.

События августа 1149 года предоставили Нур ад-Дину преемственную возможность увеличить свое влияние в мусульманской Сирии. После участия в дружеском обеде его иногда — союзник, иногда — противник занемог. Кишечная болезнь перешла в острую дизентерию, и к концу месяца Унур умер, а Дамаск погрузился в хаос, вызванный борьбой за власть. Но все мечты использовать это несчастье в своих целях исчезли, когда пришло сообщение о еще одной неожиданной смерти. 6 сентября умер старший брат Нур ад-Дина Саиф ад-Дин. Устремившись в Ирак, Нур ад-Дин сначала подумывал заявить права на Мосул, но со временем неохотно смирился с тем, что правителем там стал его младший брат Кутб ад-Дин Маудуд, заранее назначенный наследником. Теперь шанс захватить власть в Дамаске был упущен. Буриды остались в городе, но прошло совсем немного времени, прежде чем Нур ад-Дин снова обратил свой взор в южную сторону¹³.

ПУТЬ В ДАМАСК

В 1150 году латинский Утремер преследовали несчастья. Вероятно, еще никогда не складывалась более благоприятная ситуация для правителей Ближнего Востока — и в первую очередь для Нур ад-Дина — нанести удар в сердце государств крестоносцев и сбросить франков в море. Христиане потерпели сначала неудачу Второго крестового похода, потом поражение при Инабе и распад Эдессы. После 1149 года их трудности только усилились. Панические призывы к новому Крестовому походу оставались тщетными, поскольку еще была слишком свежа память о недавнем унижении. В Антиохии неожиданная гибель князя Раймунда положила начало новому кризису, поскольку его сыну и наследнику Боэмунду III было всего пять лет от роду, а его вдова Констанция наотрез отвергала планы ее кузена иерусалимского короля Бодуэна III выдать ее замуж по своему усмотрению. Как и ее мать Алиса, Констанция желала сама управлять своей судьбой. Но это оставляло княжество без командующего войсками и заставляло Бодуэна III не упускать Антиохию из виду.

Обязанности юного короля еще более умножились, когда в 1152 году ассасины убили Раймунда II, графа Триполи. Сын, наследник и тезка своего отца Раймунд III едва достиг возраста двенадцати лет, и Бодуэн снова был вынужден взять на себя роль опекуна.

Бодуэн III Иерусалимский, которому едва перевалило за двадцать, теперь отвечал за все три уцелевших латинских государства. В это же время резко испортились его отношения с матерью, что отнюдь не облегчало положение. Они осуществляли совместное правление Иерусалимом начиная с 1145 года (когда юный король был объявлен совершеннолетним в возрасте пятнадцати лет), и вначале мудрость и опыт королевы были желанным источником безопасности и преемственности. Но по мере того как король становился старше, присутствие матери стало скорее стеснять, а не помогать. Мелисенда, со своей стороны, не имела намерения отказываться от власти и все еще пользовалась широкой поддержкой в королевстве. С 1149 года отношения между соправителями начали ухудшаться, и к 1152 году латинская Палестина оказалась на грани гражданской войны. В конце концов Бодуэн был вынужден вытеснить Мелисенду с ее земель в Наблусе, а потом осадить королеву в самом Святом городе, заставить отречься и, наконец, утвердить свои права независимого правителя.

Несмотря на слабость своего предполагаемого противника, Нур ад-Дин почти ничего не предпринимал для ведения джихада против христиан. Вместо этого он продолжал уделять все свое внимание захвату Дамаска. Желаящие объявить Нур ад-Дина героем исламской священной войны — от средневековых мусульманских хронистов до современных историков — утверждают, что это упорное стремление подчинить Сирию было всего лишь средством для достижения священной цели. Ведь только не допустив попадания Дамаска в руки христиан и объединив ислам, правитель Алеппо мог надеяться добиться победы в великой борьбе против франков¹⁴. Занги тоже желал получить этот вожделенный приз, но его отвлекали дела в Месопотамии. В течение следующих пяти лет Нур ад-Дин стремился к этой цели с большим упор-

ством, используя самые разные тактические приемы. Главным оружием его отца всегда было запугивание. Он вырезал население Баальбека после того, как обещал пощадить жизни людей в случае капитуляции, в тщетной попытке устрашить население Дамаска. Возможно, Нур ад-Дин усвоил урок. Он решил применить новый подход, используя не только силу оружия, но и завоевывая умы и сердца людей.

Власть в Дамаске принадлежала другому члену слабой династии Буридов — Абаку и его советникам, но их положение в городе было далеко не прочным. В апреле 1150 года Нур ад-Дин откликнулся на известие о вторжениях франков в Хауран, пограничную зону между Иерусалимом и Дамаском, призвав Абака присоединиться к нему и организовать совместный отпор франкам. После этого Нур ад-Дин выступил в Южную Сирию мимо Баальбека. Как он и ожидал, Абак постарался уклониться, приведя множество лицемерных аргументов, и одновременно отправил послов к королю Бодуэну III с предложением заключить новый договор.

Разбив лагерь к северу от Дамаска, Нур ад-Дин тщательно поддерживал дисциплину в войсках, не давая им грабить окрестные деревни, а сам постепенно усиливал дипломатическое давление на Абака. В Дамаск стали прибывать послания, упрекающие правителя из династии Буридов за его обращение к франкам и оплату им средствами, украденными у бедных и слабых жителей города. Нур ад-Дин заверял Абака, что не имеет намерения штурмовать город, но Аллах наделил его властью и ресурсами, «чтобы принести помощь мусульманам и вести священную войну против многобожников». На это Абак прямо ответил, что «между нами нет ничего, кроме меча». Твердый, но сдержанный подход Нур ад-Дина тем не менее принес нужные плоды — общественное мнение в Дамаске стало меняться в его пользу. Один житель даже отметил, что «жители Дамаска постоянно возносят за него молитвы».

Нур ад-Дин не торопился. Несмотря на бравладу, Абак в конце концов согласился на перемирие с Алеппо, официально признал Нур ад-Дина своим сюзереном и велел, чтобы его имя произносилось во время пятничной молитвы и было помещено на монеты, чеканенные в Дамаске. Эти жесты, ко-

нечно, являются символическими, но так началась работа по медленному подчинению Дамаска с минимальным кровопролитием. В течение следующих лет Нур ад-Дин поддерживал дипломатическое и военное давление на Буридов, все еще надеясь избежать прямого штурма города. Его нежелание убивать мусульман было замечено жителями, и в 1151 году многие уже отклоняли призыв Абака собраться против Алеппо.

Примерно в это время брат Ширкуха ибн Шади Айюб начал играть роль агента Нур ад-Дина в этом городе. Айюб стал союзником династии Буридов в 1146 году, но теперь решил, с обычной политической гибкостью, вернуться к Зангидам и стал поддерживать их при дворе Дамаска, одновременно перетянув на свою сторону народное ополчение. Медленно, но верно Нур ад-Дин превращал Дамаск в зависимое государство. В октябре 1151 года Абак отправился в Алеппо, чтобы заявить о своей лояльности, молча признав подчиненное положение в надежде избежать завоевания. Нур ад-Дин использовал этот визит как повод для применения еще более хитрой, сеющей рознь пропаганды. Прикрываясь маской озабоченного господина, он постоянно предостерегал Абака о том, что некоторые его придворные предлагают свои услуги Алеппо, чтобы сдать город.

Зимой 1153/54 года Нур ад-Дин наконец усилил давление, перерезав путь, по которому в Дамаск подвозилось зерно. Вскоре в городе начал ощущаться недостаток продовольствия. Весной, когда недовольство в городе усилилось, он выслал передовой отряд под командованием Ширкуха на юг, а в конце апреля пожаловал к городу собственной персоной. В штурме не было необходимости. Утверждают, что одна еврейка спустила канат, позволив воинам из Алеппо забраться на восточную стену и поднять флаг Нур ад-Дина. Абак в ужасе бежал в цитадель, а жители Дамаска распахнули городские ворота как знак безоговорочной капитуляции.

Терпение и сдержанность позволили Нур ад-Дину овладеть историческим центром мусульманской власти. Он всячески старался и далее сохранять эти принципы. Абак, несмотря на свои страхи, встретил спокойное к себе отношение и вместо Дамаска получил в качестве фьефа Хомс, позднее

он перебрался в Ирак. В город начало поступать продовольствие, и щедрость Нур ад-Дина дошла до того, что «были упразднены пошлины на овощи и дыни».

Покорение Нур ад-Дином в 1154 году Дамаска было замечательным достижением. Теперь, совершив то, что никак не удавалось его отцу, он наконец вышел из его тени. Теперь Нур ад-Дин был повелителем практически всей мусульманской Сирии; впервые после начала Крестовых походов Алеппо и Дамаск объединились. И все это было достигнуто, не проливая крови мусульман.

Покорение Дамаска часто изображают как венец карьеры Нур ад-Дина. Понимая важность этого, он стал часто использовать титул аль-Малик аль-Адиль (Справедливый король). Распространилась идея о том, что его свержение другого мусульманского властителя было необходимой предпосылкой для ведения священной войны против франков. Один хронист из Алеппо позднее написал, что «отныне и впредь Нур ад-Дин полностью посвятил себя джихаду».

Такой взгляд на события не выдерживает внимательного исследования. Возможно, Нур ад-Дин действительно не желал убивать своих братьев по вере, но он четко понимал значимость его милосердия для практических и пропагандистских целей. Еще важнее то, что, несмотря на привлечение антилатинских настроений для оправдания и поддержки своей кампании против Буридов Дамаска, Нур ад-Дин не вел новых кампаний джихада после 1154 года. Логично было предположить, что, если бы перед ним было Иерусалимское королевство, эмир развязал бы яростную агрессию против франков. А в действительности, если верить арабскому свидетельству, сразу вслед за оккупацией Дамаска новый эмир согласился на заключение новых мирных договоров с латинской Палестиной. 28 мая 1155 года «были согласованы условия мира» с Иерусалимом на один год. В ноябре 1156 года договор был продлен еще на год, на этот раз с условием, то «дань, уплачиваемая франкам из Дамаска, будет 8000 тирских динаров». Нур ад-Дин был весьма далек от ведения священной войны после 1154 года, вместо этого уделяя основную часть своего времени приобретению других мусульманских территорий.

Он подчинил себе Баальбек и, воспользовавшись смертью сельджукского султана Масуда, захватил и земли на севере. Договоры и дань христианам, столь опороченные в прошедшие годы, теперь служили делу безопасности Дамаска¹⁵.

Дамаск — «рай Востока»

Захват Нур ад-Дином Дамаска, может быть, и не возвещал о немедленном возрождении джихада, но он на самом деле стал переломным моментом в истории Зангидов. Теперь династия правила величайшим городом Сирии, который один из мусульманских паломников XII века назвал «раем Востока... печатью земель ислама». Дамаск — одно из старейших постоянно населенных мест на земле, его история восходит к девятому тысячелетию до н. э.

В центре города находилась Большая мечеть Дамаска — она же мечеть Омейядов, вероятно самое впечатляющее мусульманское строение XII века. Построенная на месте римской христианской церкви Иоанна Крестителя (которая, в свою очередь, сменила массивный храм Юпитера), Большая мечеть была построена по приказу халифа Аль-Валида в начале VIII века, и на ее строительство была затрачена астрономическая сумма из казны Дамаска, равная семилетнему доходу. В расположенный на огороженной массивными прямоугольными стенами территории размером примерно 320 на 525 футов (98 × 160 м) великолепно украшенный молельный зал можно было пройти через просторный двор, стены которого были украшены изумительными мозаиками, выполненными с непревзойденным мастерством и роскошью. На их создание пошло сорок тонн стекла. Большая мечеть за прошедшие века неоднократно повреждалась и перестраивалась (особенно сильно она пострадала во время пожара 1893 года), но и сегодня она привлекает верующих и туристов. Иберийский мусульманский паломник XII века Ибн Джубайр писал о «совершенном сооружении и его чудесных украшениях», а *михраб* (ниша в стене для молитвы), по его словам, великолепнее всего, что есть в исламском искусстве.

Поскольку эта мечеть находилась в Дамаске, город считался имевшим особенное религиозное значение в рамках ислама. Святость города еще более усиливалась нахождением в непосредственной близости святых пещер, в том числе той, которая считается местом рождения Авраама, и еще одной, которую посещали Моисей, Иисус, Лот и Иов (все они признаются пророками в исламе). Члены семьи Мухаммеда и его приближенные также похоронены в Дамаске, и, кроме того, многие верили, что сам Мессия спустится на землю в Судный день у «белого минарета» на восточных воротах города.

Древний, проникнутой глубокой религиозностью город Дамаск, покоренный Нур ад-Дином, нуждался в омоложении. Эмир приступил к работе, укрепив цитадель сельджуков (датированную XI веком), возвышающуюся к западу от Большой мечети, а также отремонтировал и частично перестроил городские стены. С началом стабильного правления Зангидов население Дамаска, уменьшившееся до 40 тысяч человек, вскоре начало увеличиваться. Всемерно стимулировалось развитие торговли. Араб аль-Идриси, посетивший город, отметил: «В Дамаске есть всякого рода хорошие вещи, и улицы разных ремесленников с купцами, продающими всевозможные шелка и парчу, ткани редкие и чудесной работы... То, что делают здесь, везут во все города и отправляют на судах во все части света и во все столицы, далекие и близкие... Сам город самый привлекательный во всей Сирии, красивый совершенной красотой»¹⁶.

Неудивительно, что со временем Нур ад-Дин перевел свою резиденцию из Алеппо в Дамаск. Таким образом, хотя Ширкух первоначально был назначен правителем этого города, после 1157 года Дамаск стал новой столицей расширившихся владений Нур ад-Дина и фокусной точкой суннитской ортодоксальности Аббасидов.

СЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ

1150-е годы не были отмечены успехами джихада против франков. А когда Нур ад-Дин делал все от него зависящее, чтобы подчинить Дамаск, к франкам даже вроде бы верну-

лась удача. Став единоличным правителем, король Бодуэн III добился очень важной для Иерусалима победы. Последние полвека порт Аскалон оставался в руках Фатимидов, давая мусульманским правителям Египта стратегический и экономический плацдарм в Южной Палестине. В 1150 году Бодуэн завершил строительство крепости к югу от Аскалона на месте развалин древнего поселения Газа, тем самым прервав наземную связь мусульманского порта с Каиром. В январе 1153 года юный король собрал сильную армию и двинул ее на Аскалон, который после тяжелой восьмимесячной осады был взят. То, что когда-то было воротами Фатимидов на Святую землю, теперь стало важным трамплином для латинской экспансии в южном направлении — к Египту. Последствия этой победы в последующие годы ощущались довольно сильно.

Княжество Антиохия также возрождалось. После четырех лет правления княгиня Констанция Антиохийская наконец выбрала себе супруга, который, правда, не имел ни богатства, ни влияния. Весной 1153 года она вышла замуж за Рено де Шатийона (Шатильона), красивого молодого французского рыцаря-крестоносца, знатного происхождения*, но не слишком богатого. Сражаясь вместе с Бодуэном III на первых этапах осады Аскалона, он получил позволение короля, как его повелителя и опекуна Констанции, на этот союз. Новый князь Антиохии довольно скоро проявил непостоянство своего характера. Сначала он отстаивал интересы Византии, выступая против быстро возвышающегося в Киликии армянского военачальника из Рубенидов Тороса (сына Левона I), но вскоре переметнулся к Торосу, стал его союзником, и они вместе устроили нападение на удерживаемый греками остров Кипр. Современники, равно как и историки нашего времени, критиковали Рено за непомерное честолюбие, отсутствие дипломатии, грубость и жестокость, однако он тем не менее был грозным воином, которому позднее предстояло дать решительный отпор исламу.

* Рено происходил из того же рода, что и папа Урбан II, чье мирское имя Эд де Шатийон. (*Примеч. ред.*)

Возрождение Иерусалима и Антиохии означало, что Нур ад-Дин стал испытывать давление на двух ключевых границах. На севере события сосредоточились вокруг Харима. Нур ад-Дин контролировал этот аванпост, расположенный в дне пути от Антиохии, с 1149 года, что практически нейтрализовало угрозу Алеппо со стороны франкского княжества. В 1156 году латиняне начали набеги на окрестности Харима, которые успешно отбивались. Нур ад-Дин даже получил возможность с триумфом пронести головы христиан, убитых в этих стычках, по улицам Дамаска. Тем временем на юге Боуэн III в 1157 году нарушил перемирие с Нур ад-Дином, рассчитывая расширить власть Иерусалима на Черные земли. Последовал ряд сражений, не принесших решающей победы ни одной стороне, в том числе в районе занятого франками Банияса, хотя латинский король, попав в засаду, лишь чудом избежал плена.

Примерно в это же время события сложились таким образом, что возможности Нур ад-Дина оказались существенно ограниченными. В Сирии землетрясения никогда не были редкостью, и теперь, в конце 1150-х годов, в регионе произошло несколько сильных толчков, разрушивших мусульманские поселения между Алеппо и Хомсом. Хронист из Дамаска писал, как «постоянные землетрясения и отдельные толчки разрушали мусульманские замки, крепости и жилища». В это время Нур ад-Дин был вынужден направить все свои ресурсы на работы по восстановлению сооружений, которые снова разрушались во время очередного всплеска сейсмической активности.

В октябре 1157 года, находясь на плато Суммак, Нур ад-Дин серьезно заболел. Точная природа его заболевания осталась неизвестной, но эмиру было так плохо, что он стал опасаться за свою жизнь. Его доставили в Алеппо на носилках, где он выразил свою волю, назначив одного из своих братьев, Нусрата ад-Дина, наследником и правителем Алеппо. Ширкух должен был управлять Дамаском как его подданный. Несмотря на отданные распоряжения, в мусульманской Сирии начались гражданские беспорядки. Всю осень состояние Нур ад-Дина ухудшалось. Хотя он пережил первый при-

ступ неизвестной болезни, его здоровье осталось слабым, и в конце 1158 года он снова слег на долгие месяцы, теперь в Дамаске. К сожалению, мы не располагаем свидетельствами того, как болезнь повлияла на рассудок Нур ад-Дина. Утверждают, что он испытал духовное пробуждение в эти годы, стал вести аскетичную жизнь, носить простую одежду. Правда то, что, несмотря на напряженную обстановку в Леванте, он нашел время в конце 1161 года совершить *хадж* — паломничество в Мекку¹⁷.

Внешние угрозы

Лазутчики донесли до врага сведения о немощи Нур ад-Дина — даже прошел слух, что он уже умер, и франки решили использовать неразбериху, воцарившуюся на землях эмира. Их силы были подкреплены присутствием графа Тьерри Фландрского, могущественного западного аристократа, ветерана Второго крестового похода, который снова принял крест и отправился на Восток. Осенью 1157 года его войско присоединилось к объединенной армии христиан — в ней были части из Антиохии, Триполи, Иерусалима, а также армянские отряды под предводительством Тороса — в марше на Шайзар. После короткой осады нижний город пал, и союзники уже были близки к взятию крепости, когда разгорелся нешуточный спор. Рассчитывая использовать богатство и ресурсы Тьерри для обороны Утремера, Бодуэн III обещал графу наследственные права на Шайзар, но Рено де Шатийон оспорил законность этого плана, утверждая, что город принадлежит Антиохии. Поскольку ни одна из спорящих сторон не желала уступать, наступление христиан остановилось, а потом союзники и вовсе сняли осаду, упустив редкую возможность восстановить влияние франков над южным Оронтом. Несмотря на эту неудачу, латиняне в начале 1158 года перегруппировали свои силы. Собравшись в Антиохии, они избрали своей целью Харим и после энергичной осады заставили защитников крепости сдаться. На этот раз никаких споров относительно прав не было, и город был возвращен

княжеству, чем была восстановлена безопасность восточных границ.

В этот период на Ближнем Востоке снова объявилась Византия. Греческое влияние в регионе несколько ослабело после смерти в 1143 году императора Иоанна Комнина. Власть перешла к его сыну Мануилу, который после неудачи Второго крестового похода был занят кампаниями в Италии и на Балканах. В конце 1150-х годов Мануил решил восстановить отношения с франками, вновь подтвердить права империи на Антиохию и Киликию и наладить отношения с франкской Палестиной. Брачные союзы были основой этого процесса. В сентябре 1158 года король Бодуэн III женился на представительнице династии Комнинов — племяннице Мануила Теодоре. Она принесла ему богатое приданое золотом. Затем император сделал следующий шаг, женившись на сестре Боэмунда III Марии Антиохийской. Это произошло в декабре 1161 года.

Нур ад-Дину сразу стало ясно, что означают эти союзы. Они не могли не тревожить: исконный противник ислама из восточных христиан — Византия — снова направит свою ставшую легендарной мощь в Левант. И если к латинянам повелитель Алеппо и Дамаска относился с раздражением, в греках он видел более живучую и труднопреодолимую угрозу. Страх, понимание угрозы и решимость определили ответ Нур ад-Дина, когда Мануил Комнин возглавил огромную армию и в октябре 1158 года повел ее в Северную Сирию.

Той осенью император принял вассальную присягу от Рено де Шатийона, раскаявшегося после недавнего нападения на Кипр, и заставил повиноваться все чаще проявлявших независимость Рубенидов. В апреле 1159 года, устранив своих строптивых подданных, Мануил въехал во всем своем величии в ворота Антиохии в сопровождении своей блестящей варяжской стражи и своего слуги князя Рено. Даже король Бодуэн униженно следовал в некотором отдалении, на коне, но без каких-либо регалий. Идея была очевидна: являясь правителем восточносредиземноморской христианской супердержавы, Мануил не имел себе равных. Захоти он, мог бы двигаться дальше в Сирию.

Нур ад-Дин, только весной 1159 года оправившийся после второго приступа болезни, принял угрозу близко к сердцу. Он собрал войска с большой территории — вплоть до Мосула, чтобы воевать под знаменами джихада, и укрепил оборонительные сооружения Алеппо. Но даже при этом, когда в мае христианские армии собрались в Антиохии, готовясь отправиться под командованием Мануила на штурм Алеппо, мусульмане оказались в меньшинстве. Окажись в такой ситуации другой, более прямой и безрассудный правитель из рода Зангидов, он, скорее всего, с гордым высокомерием принял бы бой и, судя по всему, был бы уничтожен. Но в своих отношениях с Дамаском Нур ад-Дин проявил склонность к дипломатии. И теперь решил проверить решимость Мануила провести дорогостоящую кампанию на восточных границах Византийской империи. Отправив послов, Нур ад-Дин предложил заключить перемирие, за что он обязывался освободить 6 тысяч латинских пленных, захваченных во время Второго крестового похода, и обеспечить поддержку грекам против сельджуков Анатолии. К изрядному разочарованию своих франкских союзников, император быстро принял предложение и приказал немедленно завершить кампанию.

Такой удивительный поворот событий является в высшей степени поучительным. Вероятно, поведение Мануила вполне предсказуемо — как и следовало ожидать, интересы империи он поставил выше интересов Утремера. Но поведение Нур ад-Дина ясно показывает, что он вовсе не был непримиримым воином джихада, не думающим ни о чем, кроме борьбы с христианством. Наоборот, он проявил прагматизм, чтобы нейтрализовать конфликт с одним из действительно глобальных врагов ислама. Во взаимоотношениях между Мануилом и Нур ад-Дином дела государств крестоносцев представляются мелкими и незначительными.

Действия Нур ад-Дина на протяжении всех этих лет предполагают, что, несмотря на духовное пробуждение и разговоры о джихаде, он продолжал рассматривать латинский Утремер как одного из многих противников в сложной и запутанной матрице ближне- и средневосточной силовой по-

литики. В начале 1160-х годов он не делал согласованных попыток оказать прямое военное или дипломатическое давление на франков — эмир даже упустил две исключительно благоприятные возможности для таких действий. В 1160 году Рено де Шатийон был захвачен одним из людей Нур ад-Дина и брошен в тюрьму в Алеппо (где провел пятнадцать лет), но вместо того, чтобы воспользоваться периодом ослабления Антиохии, когда к власти пришел юный Боэмунд III, Нур ад-Дин предпочел согласиться на новое двухгодичное перемирие с Иерусалимом. Затем в начале 1163 года, когда в возрасте тридцати трех лет умер от болезни король Бодуэн III, со стороны Нур ад-Дина снова не последовало никакой реакции. Латинский хронист приписал это соображениям чести эмира: «Когда ему предложили, чтобы, пока мы заняты похоронами, он вторгся и опустошил земли своих врагов, он ответил: "Мы должны посочувствовать их горю и потому пощадить их, ведь они потеряли короля, равного которому мир не знает"».

Цитата из трудов Вильгельма Тирского отражает восхищение архиепископа Бодуэном III, но в арабских источниках нет никаких сведений о том, что на решение Нур ад-Дина в тот момент повлияло сострадание. Частично его бездействие объясняется тем, что он, как мы видели, обратил свое внимание на юг — на Египет. Но оно также было вызвано занятостью в Малой Азии и Месопотамии и нежеланием уделять главное внимание джихаду против франков¹⁸.

ИСПЫТАНИЕ И ТРИУМФ

Однако начиная с весны 1163 года восприятие Нур ад-Дином его роли в войне за Святую землю, судя по всему, изменилось, побудив его к большей преданности делу. В мае эмир возглавил набег на северные подходы к графству Триполи, разбив лагерь в долине Бекаа — плоской равнине между горами Ансария на севере и Ливан на юге. Новости о его местонахождении распространились быстро, и франки Антиохии, усиленные отрядом паломников из Аквитании и

греческими солдатами, решили атаковать. Ими командовал тамплиер Жильбер де Ласси.

Не ведая об этой угрозе, передовой отряд войска Зангидов был шокирован, увидев большую христианскую армию у подножия хребта Ансария. После короткой схватки мусульмане обратились в бегство и, преследуемые христианами, устремились к расположению основных сил Нур ад-Дина. Мусульманский хронист описал, что обе силы «прибыли вместе», так что, застигнутые врасплох, «мусульмане не успели сесть на коней и взять оружие — франки уже были среди них, убивали и уводили в плен». Латинский хронист писал, что «армия Нур ад-Дина была почти уничтожена, а сам эмир, опасаясь за свою жизнь, в панике бежал. Все пожитки и даже его меч оказались брошенными. Босой, верхом на вьючном животном, он едва избежал плена». Мусульманские источники подтверждают масштаб разгрома и позорное бегство Нур ад-Дина, добавляя, что, пребывая в полном отчаянии, эмир вскочил на коня, который был стреножен, и спасся только благодаря храбрости одного из курдов, который перерезал привязь, поплававшись за это жизнью.

До крайности униженный Нур ад-Дин вернулся в Хомс в сопровождении горстки уцелевших мусульман. Ужас этой неожиданной катастрофы, казалось, сказался на его психике, о чем свидетельствует характер его реакции в течение последующих месяцев. Говорят, что эмир, разъяренный и исполненный решимости, поклялся, что не найдет убежища ни под одной крышей, пока не отомстит за себя и за ислам. Можно предположить, что это было всего лишь проявление эмоциональной несдержанности, но за этим высказыванием последовали практические действия. Заплатив нешуточную сумму из собственного кошелька, Нур ад-Дин возместил утраченное оружие, оборудование и лошадей — ничего подобного мусульманские военачальники обычно не делали. Так что в армии снова было все, как будто и не было никакого поражения. Он также приказал, чтобы земли убитых воинов перешли к их семьям, а не вернулись под его контроль. А когда франки в том же году предложили перемирие, эмир наотрез отказался¹⁹.

Теперь Нур ад-Дин стремился создать коалицию с мусульманами Ирака и Джазиры, собрать могучую армию и немедленно начать ответную атаку на латинян. Рассказы о том, как он ревностно «постится и молится», распространились по всему Ближнему Востоку. Он также начал активно привлекать на свою сторону аскетов, отшельников и святых людей в Сирии и Месопотамии, требуя, чтобы они повсеместно распространяли сведения о многочисленных преступлениях латинян против ислама. Джихад набирал обороты.

К следующему лету Нур ад-Дин уже был готов нанести удар, и его стратегические цели были весьма дерзкими. Сведения о численности его армии не сохранились, но мы знаем, что за ним шли войска с его собственных сирийских территорий, а также из Мосула, Дийяр-Бакра, Хисн-Кифра и Мардина. Он, должно быть, был уверен в силе своей армии, поскольку нацелился и на территориальные завоевания, и на то, что сможет втянуть латинян в решающее сражение. Нур ад-Дин начал наступление на Харим, который был в руках антиохийцев с 1158 года, осадил крепость и начал обстрел с помощью осадных машин. Как он, вероятно, и ожидал, франки вскоре решили контратаковать. В начале августа 1164 года армия численностью около 10 тысяч человек, в том числе не менее 600 рыцарей, вышла из Антиохии под командованием князя Боэмунда III, графа Раймунда III Триполийского и Жослена III де Куртене. С ними был Торос Армянский и греческий губернатор Киликии.

Получив сообщение о приближении неприятеля, Нур ад-Дин отвел свою армию к ближайшему занятому латинянами поселению Арта, расположенному на Антиохийской равнине. Так он рассчитывал оттянуть врага подальше от надежно укрепленной Антиохии. Затем, 11 августа, когда христиане двигались к Хариму, он подошел, чтобы начать бой на открытой местности. Когда сражение началось, правый фланг армии Нур ад-Дина предпринял обманное отступление, чтобы побудить франкских рыцарей к поспешному преследованию. Оставшаяся без прикрытия, уязвимая пехота христиан подверглась сокрушительному удару и очень скоро была разбита. Когда стало ясно, что мусульмане уже близки к по-

беде, конная элита франков прекратила преследование и повернула обратно, но сразу обнаружила, что окружена неприятелем, потому что якобы спасавшееся бегством правое крыло войск Нур ад-Дина сразу остановилось и бросилось в погоню, а центр развернулся, чтобы навязать франкам ближний бой. Арабский хронист описывает, как «христиане упали духом, увидев, что все потеряно и они со всех сторон окружены мусульманами». Ошеломленный увиденным латинский современник признается, что «разбитые мечами противника франки приняли позорную смерть, как жертвы перед алтарем. Все, невзирая на высокие титулы, поспешно бросили оружие и стали униженно молить о пощаде». Торос бежал с поля боя, но, «чтобы спасти свои жизни даже ценой позора», Боэмунд, Раймунд и Жослен сдались. Их «заковали в цепи, словно рабов, и с позором привели в Алеппо, где бросили в тюрьму, сделав игрушками неверных».

Победа Нур ад-Дина была абсолютной. Ему удалось в полной мере отомстить за свой позор в долине Бекаа и собрать беспрецедентный урожай высокопоставленных пленных. Через несколько дней он вернулся к Хариму, который быстро сдался, не имея ни малейшей надежды получить подкрепление. С этого времени город постоянно находился в руках мусульман, а княжество Антиохия оказалось «сжатым» за восточной границей, которая отодвинулась к реке Оронт. Как и в 1149 году после триумфа при Инабе, Нур ад-Дин не пытался взять Антиохию. Хронист Ибн аль-Асир позднее объяснил, что эмира остановила неприступность цитадели, а также нежелание спровоцировать контратаку верховного сюзерена Антиохии — императора Мануила. По его утверждению, Нур ад-Дин якобы заявил: «Лучше иметь соседом Боэмунда, чем константинопольского правителя». Имея это в виду, он вскоре согласился освободить юного антиохийского князя в обмен на немалый выкуп, однако он отказался вернуть свободу графу Раймунду Триполийскому, Жослену де Куртене и Рено де Шатийону²⁰.

В октябре 1164 года Нур ад-Дин обратил свой взор на южную границу с Иерусалимом. Располагавшийся там город Банияс был уязвимым, поскольку его правитель, коннетабль

Онфруа Торонский, был в Египте вместе с королем Иерусалима. Эмир выступил к городу, имея тяжелые осадные орудия, и сразу начал осаду, ведя одновременно постоянные обстрелы и подкопы, чтобы ослабить крепость и сломить волю небольшого гарнизона. Возможно, он также подкупил командира гарнизона. Через несколько дней крепость капитулировала, выдвинув одно условие — сохранение жизни находившимся в ней людям и их свободный уход из Банияса, и Нур ад-Дин ввел туда свой хорошо оснащенный гарнизон. Как и Харим, Банияс навсегда остался в руках приверженцев ислама. Важность этого поворотного момента в региональном балансе сил отразилась в штрафных мерах, примененных Нур ад-Дином к франкам Галилеи, — доля доходов Тивериады и ежегодная дань. Тремя годами позже эмир повторил успех, уничтожив латинскую крепость Шатонеп. Тем самым он открыл новый коридор к франкской Палестине через Мардж-Аюн — территорию между долиной Литани и верховьями Иордана. Теперь не подлежал сомнению факт, что Нур ад-Дин являет собой реальную угрозу Утремеру.

МЕЧТА ОБ ИЕРУСАЛИМЕ

Действия Нур ад-Дина в 1160-х годах показывают, что он занял более уверенную и агрессивную позицию по отношению к франкам. Теперь он активно вел священную войну — джихад. С 1154 года, когда он оккупировал Дамаск, Нур ад-Дин спонсировал обширную строительную программу в черте города, желая подтвердить его статус одного из величайших очагов власти и цивилизации на Ближнем Востоке. Программа началась с постройки новой больницы — *Бимаристан* вскоре стал одним из ведущих центров медицинской науки, и роскошных бань — *Хаммам Нур ад-Дин*, которые можно посетить и сегодня.

Однако с конца 1150-х годов эти общественные работы приобрели в основном религиозный характер, что должно было выразить и показать миру глубокую набожность Нур ад-Дина и его приверженность суннитскому исламу. В

1163 году он финансировал строительство нового Дома правосудия, где позднее проводил два дня каждую неделю, выслушивая жалобы своих подданных. Следующим было строительство нового учебного центра для изучения жизни и преданий, связанных с Мухаммедом. Центр возглавил близкий друг Нур ад-Дина, известный ученый Ибн Асакир.

Чтобы сделать Дамаск центром суннитского ислама, Нур ад-Дин построил новый район к западу от города, чтобы дать приют паломникам по пути в Мекку, и в 1159 году, в одной миле к северу, основал город Аль-Салихийя для беженцев из Палестины. Дамасский двор вскоре привлек экспертов в области управления, закона и военного дела со всего мусульманского мира. Среди них был персидский интеллектуал Имад аль-Дин аль-Исфахани, который впоследствии написал ряд просветительских и лирических произведений. Получив образование в Багдаде, он стал *катибом* (секретарем/ученым) эмира в 1167 году и впоследствии назвал своего патрона «самым целомудренным, набожным, благочестивым, чистым и благодетельным из монархов».

В этот период Нур ад-Дин всячески создавал свой образ — набожного мусульманина, почитателя суннитских законов и веры. Самым мощным и к тому же портативным пропагандистским инструментом, доступным Нур ад-Дину, были монеты. На них он приказал чеканить надпись — «Справедливый король». Но с начала 1160-х годов он стал подчеркивать главенствующую роль джихада в его правлении, заявляя о своих добродетелях героического моджахеда в надписях на памятниках. В это же время он задумался о главенствующем положении Иерусалима в рамках идеологии джихада. Ибн Асакир помог эмиру возродить традицию написания текстов, восхваляющих достоинства Святого города, и прочтения их на публичных мероприятиях в Дамаске. Придворные поэты Нур ад-Дина писали и широко распространяли стихи, подчеркивающие необходимость не только нападения на латинян, но и завоевания третьего по святости города для ислама. Один из них в своих сочинениях побуждал своего покровителя вести войну с франками, «пока не увидишь Иисуса, убегающего из Иерусалима». Ибн аль-Кайсарани, служивший

еще Занги, объявил о своем желании, чтобы «город Иерусалим был очищен кровопролитием», и заявил, что «Нур ад-Дин силен как всегда, и острие его копья направлено на Аль-Аксу». Сам эмир писал халифу Багдада о своей мечте изгнать поклонников креста из мечети Аль-Акса.

Еще одно свидетельство подтверждает увеличение роли Иерусалима и в идеологии, распространяемой Нур ад-Дином, и в его личных честолюбивых планах. В 1168—1169 годах он нанял мастера-плотника аль-Ахарани, чтобы вырезать изумительно украшенный *минбар* (деревянную кафедру), который эмир рассчитывал поставить в мечети Аль-Акса, когда Святой город снова окажется в руках мусульман. Через несколько лет путешественник из Иберии Ибн Джубайр, проезжая через Левант, описал необычайную красоту этого творения мастера, утверждая, что ничего подобного средневековый мир не видел. Несомненно, минбар должен был показать эмира пламенным воином джихада, защищающим границы от врагов его религии, оплотом ислама и всех мусульман, вершителем правосудия. С другой стороны, его можно рассматривать как очень личное приношение Богу, поскольку на нем была сделана простая эмоциональная надпись: «Пусть Он даст [Нур ад-Дину] победу из своих рук». После завершения работы над минбаром эмир установил его в мечети Алеппо, где, согласно Имад аль-Дину, он лежит «как меч в ножнах», ожидая дня победы, когда Нур ад-Дин исполнит свою мечту и завоюет Иерусалим²¹.

Так кем же все-таки следует считать Нур ад-Дина? Доказывают ли его нападения на франков после поражения в долине Бекаа и распространение идеологии джихада, что он был одержим священной войной? Могут ли его собственные слова, записанные в летописи Дамаска, быть приняты на веру? Утверждают, что он сказал: «Мне не нужно ничего, кроме блага мусульман и войны против франков... Если мы поможем друг другу в ведении священной войны и все сложится удачно с единой целью к благу, мои желания и мои цели будут достигнуты»²².

Существовала большая и явно выраженная разница между подходом и стремлениями Нур ад-Дина в 1140-х годах и

его деятельностью в 1160-х. Сравнение с методами и достижениями его отца Занги весьма показательно. Но вопрос поставлен, и разъяснение необходимо. Учитывая контекст и сложности человеческого характера, ждать однозначного ответа, в котором Нур ад-Дин будет или пламенным воином джихада, или всего лишь обычным своекорыстным человеком, вряд ли стоит. Точно так же, как первыми крестоносцами двигала смесь набожности и элементарной алчности, Нур ад-Дин вполне мог понимать и использовать политическое и военное значение поддержки религии, одновременно являясь набожным человеком. Являясь быстро возвысившимися турецкими военачальниками в ближне- и средневосточном мире, все еще поддерживаемом арабской и персидской элитой, Зангиды, должно быть, испытывали острую нужду в социальной, религиозной и политической легализации.

В XII веке идея возрождения исламского джихада охватила Левант, и этот процесс многократно ускорился при Нур ад-Дине. В 1105 году, когда проповедник из Дамаска аль-Сулами восхвалял достоинства священной войны, отреагировали немногие. В конце 1160-х годов атмосфера в Дамаске и Алеппо изменилась — Нур ад-Дин вполне мог взрастить и вдохновить религиозное рвение. По крайней мере, он понимал, что теперь идея, подчеркивающая духовную важность борьбы против врагов суннитского ислама, найдет восприимчивую аудиторию.

Глава 9 БОГАТСТВА ЕГИПТА

Значительную часть 1160-х годов конфликт между зангидским исламом и левантийскими франками велся вокруг Египта, поскольку обе силы стремились установить свой контроль над Нильским регионом. Используя стратегические термины, можно сказать, что господство над Египтом могло позволить Нур ад-Дину эффективно окружить Утремер: контроль над Алеппо и Дамаском уже был обеспечен, и добавление Каира

могло сместить баланс власти на Ближнем Востоке в пользу эмира. Разделение между суннитской Сирией и шиитским Египтом давно подрывало любую надежду на организацию совместной попытки нанести решающий удар латинянам. Если преодолеть этот раскол, ислам впервые после начала Крестовых походов оказался бы объединенным.

Сказочное богатство Нила не могло не привлекать. Ежегодные разливы великой реки давали непревзойденное плодородие пахотным землям в дельте. Если выдавался хороший год, в Египте появлялись внушительные излишки сельскохозяйственной продукции и богатые доходы. Регион получал выгоду и от торговли между Индийским океаном и Средиземным морем, поскольку главный сухопутный маршрут, их соединявший, проходил через Египет. Популярный у итальянских и византийских купцов Нильский регион стал одним из крупнейших мировых торговых центров.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЕГИПЕТ

О Египте в эпоху Крестовых походов часто пишут как о мусульманской территории, но это не совсем так. Регион действительно был завоеван в 641 году во время первой волны арабской исламской экспансии, но арабская правящая элита по большей части была сосредоточена в двух крупных центрах: портовом городе Александрии, основанном Александром Великим 1500 лет назад, и новом поселении Фустат, созданном арабами в дельте Нила. В других местах преобладало местное коптское христианское население. За века копты подверглись арабизации в части культуры — например, приняли арабский язык, но принятие ими исламской веры шло намного медленнее. Даже в XII веке существовал немаленький коптский класс крестьян-христиан.

Начиная с 969 года Египтом правила шиитская династия Фатимидов, которая отделилась от суннитских правителей Багдада — Аббасидов. Фатимиды построили грозный флот, с помощью которого смогли занять главенствующее положение в средиземноморском судоходстве. Они также основали сто-

лицу к северу от Фустата, которую называли Каиром. В ней правил шиитский халиф («преемник» пророка Мухаммеда). Он бросал вызов суннитскому халифу Багдада. К XII веку окруженный высокой стеной Каир стал политическим сердцем Египта. Здесь свидетельством колоссального богатства Фатимидов стали два роскошных дворца халифа — в них были экзотические зверинцы и толпы придворных евнухов. В городе также имелась мечеть X века Аль-Ажар, известная как центр мусульманской схоластики и теологии, а в конце канала, идущего к Нилу, на маленьком острове Рода располагался нилометр — тщательно градуированная конструкция, которая позволяла точно измерять разливы великой реки и предсказывать урожай.

Каир стал резиденцией Фатимидов, но древняя Александрия сохранила статус центра египетской экономики до эпохи Крестовых походов. Расположенный на побережье Средиземного моря, к западу от дельты Нила портовый город — обладатель одного из чудес света Фаросского маяка — был очень удобен для развития торговли предметами роскоши, такими как специи и шелка из Азии, которые везли по Красному морю и далее в Европу. Один латинянин, живший тогда в Палестине, заметил, что «люди с Востока и Запада стекались в Александрию, ставшую общественным рынком для обоих миров».

К началу эпохи Крестовых походов власть Фатимидов над Нильским регионом заметно ослабла. В основном страной управлял главный администратор халифа — визирь. После смерти визиря аль-Афдаля в 1121 году и эта политическая система оказалась существенно поколебленной, и вскоре Каир охватили интриги. Череда заговоров и жестоких убийств в конце концов поставила Египет Фатимидов на колени. Как заметил мусульманский хронист, «в Египте должность визиря стала призом для сильнейшего. Калифы были скрыты, и визири стали фактическими правителями. Мало кто получал эту должность без интриг, борьбы и подобных средств». Из-за политической нестабильности в Нильском регионе начался упадок, некогда грозный флот Фатимидов гнил у берега. Неудивительно, что правители Сирии и Палестины начали считать Египет заманчивой целью²³.

НОВЫЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В начале 1160-х годов Египет все глубже погружался в хаос. К 1163 году формально власть принадлежала одиннадцатилетнему мальчику — халифу аль-Адиду (1160—1171), а визирем был прежний правитель Верхнего Египта Шавар. Он пришел к власти в начале 1163 года, но уже через восемь месяцев был свергнут своим арабским управляющим Дирхамом. Шавар сбежал в Сирию и, как многие узурпаторы до и после него, Дирхам «предал смерти многих египетских эмиров, чтобы очистить земли от врагов». После десятилетий распрей страна практически лишилась правящей элиты. В таком ослабленном состоянии Египет был в высшей степени уязвимым перед хищническими аппетитами своих мусульманских и христианских соседей.

Королевство Иерусалим уже не один год проявляло повышенный интерес к ситуации в регионе. Захват Аскалона в 1153 году открыл прибрежный маршрут на юг из Палестины, известный как *Via Maris*, и в 1160 году король Бодуэн III планировал вторжение в Египет, но оставил эти замыслы, получив обещание уплаты ежегодной дани размером 160 тысяч золотых динаров. Затем, после его внезапной смерти в 1163 году, на смену Бодуэну (у которого не было детей) пришел его младший брат Амори. Великий латинский историк Утремера Вильгельм Тирский, ставший известным как раз при Амори, удивительно откровенно описал нового монарха. Было сказано, что двадцатисемилетний Амори серьезен и неразговорчив, «человек благоразумный и осмотрительный», которому не хватало шарма и красноречия своего предшественника — дело в том, что он слегка заикался. Амори имел хороший рост, блестящие глаза, густую бороду и слегка редеющие светлые волосы. Вильгельм восхвалял королевскую осанку, но признавал, что, несмотря на весьма умеренное потребление еды и вина, король был очень толст, имел груди, как у женщины, которые свисали до пояса²⁴.

Одной из первых целей Амори-монарха стало установление господства Иерусалима над Египтом. Латинянами был даже осажден город Бильбейс, расположенный на берегу од-

ного из притоков Нила. Несмотря на то что латиняне были вынуждены отступить, в последующие годы франкский король уделял много времени и энергии достижению вожденной цели.

Египетская кампания Ширкуха ибн Шади

Внимание Нур ад-Дина тоже было приковано к югу. В конце 1163 года свергнутый визирь Шавар прибыл в Дамаск, надеясь заручиться политической и военной поддержкой для нанесения ответного удара. Историки иногда называют решение эмира поддержать опального визиря пророческим, утверждая, что он предвидел возможность ведения новой войны против франков на египетской земле, все время мечтая о будущем, когда в его руках окажется правление в Алеппо, Дамаске и Каире и франкская Палестина попадет в окружение.

В действительности Нур ад-Дин вначале проявил сдержанность. Он понимал, что длительная кампания в Северной Африке поглотит ресурсы, которые он хотел использовать в Сирии, и сомневался в надежности такого союзника, как Шавар (хотя тот обещал вознаградить Нур ад-Дина одной третью выручки Египта от продажи зерна). Но через несколько месяцев эмир все же решил действовать. Его выбор частично был продиктован стратегической необходимостью, поскольку, если не сдержать иерусалимских франков, они могут захватить неприступный плацдарм на Ниле, что будет иметь катастрофические последствия для общего баланса сил в Леванте. Он также решил удовлетворить честолюбивые планы своего многолетнего помощника Ширкуха, заслуженного ветерана, который присоединился еще к Занги в 1130-х годах и остался верен Нур ад-Дину. Даже латинский современник признает, что, несмотря на то что Ширкух был слеп на один глаз из-за катаракты, невзрачен, толст и стар, его боялись и уважали как способного и энергичного воина, очень опытного и жаждущего славы. Этот старый вояка занимал высокое положение при дворе Нур ад-Дина, но в Египте он видел больше возможностей для себя. Мусульманские хро-

нисты писали, что он рвался повести войска в Северную Африку и играл центральную роль в оформлении участия Зангидов в региональной кампании²⁵.

В апреле 1164 года Нур ад-Дин поручил Ширкуху командование большой, хорошо снаряженной армией, поставив перед ним задачу восстановить Шавара в должности. Сначала кампания шла хорошо. Союзники ворвались в Египет, захватили контроль над городом Фустат. В конце мая Дирхам был убит стрелой из засады, и халиф восстановил Шавара в должности визиря. Но после этого начального успеха отношения между союзниками разладились. Шавар попытался подкупить Ширкуху, пообещав ему 30 тысяч золотых динаров, если тот уйдет из Египта, но курд отказался.

Вновь назначенный визирь продемонстрировал именно такую «политическую гибкость», какой и опасался Нур ад-Дин, — позвал Амори Иерусалимского в Египет на помощь, пообещав большую награду. Франкский король охотно согласился и в середине лета 1164 года выступил на соединение с Шаваром, чтобы осадить Ширкуху, укрывшегося в Бильбейсе. Город был слабо укреплен, имел низкую стену, и его даже не окружал ров. Но Ширкух хорошо организовал оборону и держался в течение трех месяцев. В октябре до Амори дошли сведения о победах Нур ад-Дина в Хариме и Баниясе. Он поспешно договорился о прекращении противостояния в Египте, так что и латиняне, и сирийцы получили возможность вернуться домой, а Шавар остался контролировать Каир.

Говорят, что в последующие годы Ширкух продолжал строить планы вторжения в Египет. К 1167 году курд собрал армию для свержения Шавара. Теперь он действовал независимо, и, хотя Нур ад-Дин отправил вместе с ним нескольких военачальников, эмиру явно план не нравился. В походе принял участие быстро возвышающийся при дворе Дамаска племянник Ширкуху Юсуф ибн Айюб, которому в ту пору исполнился двадцать один год. Известно, что юноша был любимым партнером Нур ад-Дина при игре в поло. Вероятно, он участвовал в сражении при Хариме в 1164 году, и в следующем году был назначен *шихне* (*shihna*), что соответствует современному начальнику полиции. На этом посту он приобрел репу-

тацию строгого приверженца законов и, возможно (в этом вопросе свидетельства менее надежные), вымогателя денег у проституток.

В январе 1167 года Ширкух повел свое войско через Синайский полуостров. Оказавшись перед лицом столь серьезной угрозы, Шавар снова обратился за помощью к христианской Палестине, в отчаянии пообещав франкам астрономическую сумму — 400 тысяч золотых динаров. Амори в феврале отправился в Египет, который опять стал полем боя между мусульманской Сирией и Утремером. Две стороны сошлись в марте в ничего не решившем сражении в районе Аль-Бабайн — в пустыне к югу от Каира, а Юсуф позже проявил способности командира во время осады Александрии, но ни франки, ни сирийцы так и не смогли одержать решающую победу.

Ширкух вернулся в Сирию, ничего не добившись. Шавар остался у власти, и происшедшие события лишь укрепили франкское влияние в регионе, так как Амори согласовал с визирем новый договор, по которому франки получали ежегодную дань в размере 100 тысяч динаров, а в Каир назначался латинский префект и вводился латинский гарнизон. Так Египет попал в зависимость от Иерусалима. Только Нур ад-Дин и не думал наказывать верного курда за эту неудачу. Он поручил Ширкуху командование гарнизоном Хомса, а Юсуфу ибн Айюбу даровал земли вокруг Алеппо. Тем самым эмир Дамаска явно желал перенаправить энергию этих курдских командиров на сирийские дела, держа их рядом, чтобы вовремя пресечь слишком сильное стремление к независимости.

Эта ситуация вполне могла закончиться полным крахом египетских амбиций Ширкуха, если бы Амори не переоценил свои возможности. В течение нескольких лет король пытался установить более тесные контакты с Византией и обеспечить участие греков в совместном вторжении в Северную Африку. Первые плоды его дипломатических усилий стали видны в конце августа 1167 года, когда он женился на племяннице императора Мануила Марии. Были составлены подробные планы совместного похода, и Вильгельм Тирский был отправлен королевским посланником в Константинополь, чтобы окончательно обговорить условия. Но к моменту его возвра-

щения осенью 1168 года Амори уже начал действовать. Король решил, что справится и без греков, и, значит, не надо будет делить египетские богатства с Мануилом. Не удовлетворенный положением дел, Амори захотел завоевать Нил. При устном одобрении госпитальеров он в конце октября вышел из Аскалона, чтобы внезапно атаковать Бильбейс. Город пал 4 ноября, и франки устроили жестокое разграбление города, убивая жителей, почти никого не щадя.

Но после этой первой победы латинское наступление потеряло темп. Возможно, Амори надеялся, что внезапное жестокое нападение сломит египетское сопротивление, но на деле предательство франков — они нарушили перемирие с Каиром — и шок из-за их ничем не сдерживаемой, необоснованной жестокости в Бильбейсе усилили сопротивление мусульман, живших в долине Нила. Что еще хуже, король замедлил темп наступления, возможно не сомневаясь в готовности Шавара сдаться. Поэтому Амори позволил себе задержаться, рассматривая предложения переговоров и обещания новой дани. На деле вся стратегия иерусалимского короля в конце 1168 года была основана на неверном расчете. Уверовав, что события 1167 года вбили клин между Каиром и Дамаском, он подумал, что Шавар, лишенный союзников, окажется уязвимым. Амори недооценил дипломатическую гибкость визиря и амбиции Зангидов.

Возвращение на Нил

Когда франки атаковали Египет, Шавар принялся отправлять одно за другим послания к Нур ад-Дину с мольбами о помощи, и, несмотря на свои прежние опасения относительно вовлечения в североафриканские дела, эмир откликнулся быстрым и уверенным решением. К началу декабря 1168 года сирийский экспедиционный корпус в полном составе — 7 тысяч всадников и много тысяч пехотинцев — собрался к югу от Дамаска. Ширкух получил общее командование, денежные средства в размере 200 тысяч динаров и полное финансирование казной снаряжения армии. Но чтобы ограничить воз-

возможности курда, склонного к независимым действиям для собственной выгоды, Нур ад-Дин также отправил ряд других доверенных военачальников, в том числе турка Айн ад-Даула. Несмотря на родственные узы, Нур ад-Дин, судя по всему, очень доверял племяннику Ширкуха Юсуфу ибн Айюбу, которого, очевидно, пришлось убеждать в необходимости вернуться на Нил — его преследовали неприятные воспоминания об осаде Александрии. Когда до Амори дошла информация о том, что Ширкух идет через Синай во главе огромной силы, латинянин пришел в ужас. Поспешно собрав свои войска в Бильбейсе, Амори в конце декабря выступил в пустыню, надеясь перехватить сирийцев раньше, чем они успеют соединиться с Шаваром. Но он опоздал. Разведчики донесли, что Ширкух уже переправился через Нил, и, рассудив, что он окажется перед многократно численно превосходящим его противником, Амори принял трудное и унижительное решение вернуться в Палестину с пустыми руками²⁶.

Наконец Египет находился перед Ширкухом, и он, не теряя времени, постарался развить свой успех. В первые дни января 1169 года Шавар отчаянно пытался вступить в конструктивные переговоры, но фундамент его политической и военной поддержки оказался непрочным. Политика союза с франками, которая включала совершенно непопулярный, даже скандальный шаг — открытие Каира для латинских солдат, — потерпела полный крах. Ширкух представлял суннитскую Сирию, традиционного врага шиитов-Фатимидов, но для многих в египетской столице он тем не менее был предпочтительнее, чем христиане Иерусалима, и 10 января халиф аль-Адид явился лично, чтобы выразить свою поддержку курду. Спустя восемь дней ничего не подозревающий Шавар выехал на переговоры в лагерь Ширкуха, но по пути подвергся нападению Юсуфа ибн Айюба и еще одного сирийца — Юрдика. Через несколько часов визирь был убит и его голова отдана халифу. Однако даже теперь успех сирийцев не был окончательным. Въехав в Каир, где его ожидало назначение новым министром Аль-Адида, Ширкух был встречен разъяренной толпой. Оказавшись в лабиринте узких улочек старого города, он, как утверждают современники, испытал страх за свою жизнь. Но

Ширкух соображал быстро и сумел перенаправить неуправляемую толпу на разграбление дворца Шавара, в результате чего добрался до дворца халифа в целостности и сохранности.

Теоретически возвышение Ширкуха до поста визиря Фатимидов утвердило власть Зангидов в Нильском регионе и возвестило новую эру мусульманского единства, в которой Алеппо, Дамаск и Каир могли объединить усилия для ведения джихада против франков. Современные мусульманские источники указывают, что, по крайней мере, публично Нур ад-Дин восславил достижение Ширкуха, приказав, чтобы о его «завоевании Египта» объявили по всей Сирии, хотя, вероятно, эмир и испытывал сомнения в будущей лояльности своего человека. На самом деле истинные намерения Ширкуха так никогда и не стали явными, поскольку спустя два месяца он умер.

Записи о появлении преемника Ширкуха на обоих постах — командующего сирийской экспедиционной армией и визиря — беспорядочны и противоречивы. Он оставил после себя племянника Юсуфа ибн Айюба, ветерана Аль-Бабайна и Александрии, который мог рассчитывать на поддержку личной военной свиты своего дяди (*аскар*), состоявшей из 500 мамлюков. Но были и другие, вероятно более могущественные претенденты, включая сторонника Зангидов турка ад-Даулу и еще одного заместителя Ширкуха, талантливого курдского воина аль-Маштуба. После долгих споров и интриг победителем оказался Юсуф. Продемонстрировав удивительный талант к хитростям и коварству дворцовой политики, племянник Ширкуха натравил других сирийских кандидатов друг на друга — использовал завуалированные предположения и тонкие намеки. Его ярким сторонником в этом процессе был Иса — сладкоречивый курдский законник и *имам*. Только Айн ад-Даул остался непримиримым и вернулся в Дамаск, пообещав, что никогда не станет служить такому выскочке. В то же самое время Юсуф показал халифу и своим египетским советникам иное лицо — заставив их поверить, что в роли главного министра он будет уступчивым и неэффективным, плохим профессионалом, которого позднее легко можно будет свергнуть. В конце марта 1169 года его на-

значение командиром сирийских войск и визирем Аль-Адида было должным образом подтверждено²⁷.

Каковы бы ни были ожидания египетского халифа, Юсуф ибн Айюб, заняв новую должность, довольно скоро проявил свои истинные качества — подавил попытку дворцового переворота и жестоко разгромил бунт военных. В последующие годы стало очевидно, что его амбиции заходят намного дальше, чем честолюбивые планы его дяди Ширкуха. Способный проявлять и жестокую безжалостность, и великодушие, одаренный политическими и военными талантами, Юсуф со временем затмил даже своего господина — Нур ад-Дина. Ему было присвоено имя, под которым он приобрел широкую известность в истории, — *Салах ад-Дин*, или, на западный манер, — Саладин.

САЛАДИН, ВЛАСТЕЛИН ЕГИПТА (1169–1174)

Несмотря на подобное землетрясению влияние, оказанное им на историю вообще и войну за Святую землю в частности, до нас не дошло описание внешности Саладина. В 1169 году немногие могли предположить, что этот курдский воин, только что достигший возраста тридцати одного года, создаст новую, быстро возвышающуюся силу в исламском мире — династию Айюбидов. Некоторые средневековые хронисты и многие современные историки предполагали, что отношения Саладина с его сирийским господином Нур ад-Дином испортились, когда молодой курд стал египетским визирем, и сразу появилась тень неминуемого конфликта между Каиром и Дамаском. В действительности есть множество свидетельств, позволяющих предположить, что, несмотря на наличие в начальный период некоторых трений, сотрудничество между ними продолжалось, и ничто не указывало на попытку Саладина обрести независимость. Баланс сил и взаимодействие между двумя властелинами — представителями династий Зангидов и Айюбидов — со временем станет насущной проблемой, но в 1169 году у Саладина были более срочные заботы²⁸.

Проблемы

Став преемником своего дяди на посту визиря фатимидского халифа аль-Адида, Саладин имел весьма безрадостные перспективы. За предыдущие пятнадцать лет должность визиря переходила из рук в руки не менее восьми раз. Неотъемлемыми чертами каирской политики были разобщенность, предательство, измена и убийство. Саладин вошел в это изменчивое опасное окружение, как изолированный аутсайдер — как еще можно назвать суннитского курда, имеющего только ограниченную военную и финансовую поддержку в шиитском мире. Мало кто ожидал от него победы.

Весной 1169 года Саладин прежде всего начал собирать вокруг себя преданных и влиятельных сторонников. На протяжении всей своей карьеры он, судя по всему, больше всего доверял узам крови. Будучи в Египте почти в полном одиночестве, он обратился к своей семье, попросил Нур ад-Дина, чтобы тот позволил Айюбидам покинуть Сирию и перебраться на Нил. Через несколько месяцев к Саладину присоединился его старший брат Туран-Шах и племянник Таки аль-Дин. Позднее за ними последовали и другие, включая отца Саладина Айюба и младшего брата, которому впоследствии предстояло возвыситься, — аль-Адила. Став визирем, Саладин доверил ключевые властные посты своим родственникам, но ему также удалось привлечь на свою сторону некоторых членов свиты своего покойного дяди Ширкуха, *аскара*, который был известен как Асадия — от его полного имени Асад ад-Дин Ширкух ибн Шади.

Среди последних были: курд аль-Маштуб, который и сам претендовал на пост визиря, влиятельный и сильный мамлюк Абул Хайджа Жирный, который позднее достиг такой стадии тучности, что даже с трудом стоял; и хитроумный и жестокий кавказский евнух Карагуш. В последующие годы эти люди оказались самыми преданными помощниками Саладина. Он также начал собирать собственную свиту *аскара* — салахию. Саладин нашел союзников даже в разделенном на враждующие группировки дворе Фатимидов. Писец, поэт и управляющий аль-Фадиль, уроженец Аскалона, служивший многим

визирям, теперь поступил на службу Саладину — стал его секретарем и доверенным лицом. Аль-Фадиль вел обширную переписку, и копии его писем сегодня являются важным источником исторических знаний.

Уже через несколько месяцев после вступления в должность визиря Саладину потребовалась поддержка верных союзников, потому что на его должность было немало претендентов, желавших освободить ее любым путем. В борьбе с противниками он также научился вести тонкую политическую игру, ставшую характерной чертой его карьеры. При необходимости Саладин мог действовать с безжалостной напористостью, но он также мог использовать осторожность и дипломатические методы. В начале лета 1169 года главный евнух Мутамин попытался сместить Саладина, начав переговоры с Иерусалимским королевством в надежде вызвать еще один франкский поход на Египет для свержения Айюбидов. Из Каира под видом нищего был тайно отправлен посланник. Но в районе Бильбейса сирийский турок заметил, что на мнимом нищем новые сандалии, отличное качество которых не соответствует лохмотьям, которые были на нем. Подозрительный нищий был арестован, и при нем были найдены письма к франкам, зашитые под стельками сандалий. Так был раскрыт заговор. Саладин урезал независимость фатимидского двора, в августе казнив Мутамина и заменив его Карагушем, который впредь решал все дворцовые дела²⁹.

Суровое вмешательство Саладина вызвало беспорядки в каирском гарнизоне. В городе было около 50 тысяч черных суданских солдат, чья преданность халифу делала их серьезной угрозой власти Айюбидов. В течение двух дней они бунтовали на улицах, наступая на дворец визиря, где находился Саладин. Абул Хайджа Жирный был отправлен остановить их наступление, но Саладин знал, что ему не хватит живой силы, чтобы одержать победу в открытом сражении, и прибег к более гибкой тактике. Большинство суданцев жили с семьями в районе Каира, который назывался Аль-Мансура. Саладин отдал приказ поджечь его, чтобы в огне погибли все пожитки мятежных войск, дети и женщины. Боевой дух суданцев был подорван этой страшной жестокостью, и вой-

ска согласились на перемирие, условия которого якобы предусматривали их безопасный переход вверх по Нилу. Но после того как солдаты покинули город небольшими дезорганизованными группами, многие из них пали жертвой предательских нападений Туран-Шаха.

Саладин продолжал хладнокровно использовать репрессии, когда считал, что того требует ситуация, но часто применял более мягкие, шадящие методы в обращении со своими противниками. Будучи визирем Фатимидов, Саладин периодически испытывал давление со стороны халифа из Багдада и Нур ад-Дина из Дамаска, которые желали свергнуть шиитского халифа Египта, бывшего в глазах суннитских ортодоксов еретиком. Но Саладин сопротивлялся, не пытался низложить аль-Адида, а, наоборот, создал взаимовыгодный союз с молодым правителем, в котором присутствовали даже зародыши настоящей дружбы. Положение Саладина на Ниле являлось слишком опасным, чтобы идти на риск и пытаться напрямую свергнуть династию. Чтобы удержаться на посту визиря, он признавал, что, по крайней мере, для начала ему необходима некоторая стабильность и, что еще важнее, щедрые финансовые вливания, что можно было получить при поддержке халифа.

Такая политика доказала свою разумность в конце лета 1169 года. Все еще страдая от унижения, вызванного бегством из Египта предшествующей зимой, иерусалимский король Амори выбрал это время для нового нападения. На этот раз его целью стал порт Дамьетта, расположенный с востока от дельты Нила. Ему помогал многочисленный византийский флот. Нападение являлось серьезнейшей угрозой для Саладина, однако он сумел достойно встретить брошенный вызов. Он собрал и снарядил крупную армию, получив для этого воистину колоссальную сумму в миллион динаров из казны аль-Адида. Вместо того чтобы лично возглавить освобождение Дамьетты, покинув Каир, где могло вспыхнуть восстание, Саладин проявил мудрую прозорливость и отправил с армией своего племянника Таки аль-Дина, а сам остался в столице. Когда эта армия соединилась с силами, отправленными Нур ад-Дином, Амори обнаружил, что снова оказался

в меньшинстве и не может должным образом скоординировать греко-латинские операции. В результате его наступление потерпело неудачу. Эта мусульманская победа весьма эффективно положила конец борьбе с латинянами за контроль над Египтом, которая велась в 1160-х годах. Франки продолжали мечтать о покорении Нила, но теперь этот регион находился в крепких руках ислама и Саладина³⁰.

Справившись с проблемами первого года своего пребывания на посту визиря, Саладин — применив подход Нур ад-Дина к осуществлению власти — начал программы гражданского и религиозного строительства. В Александрии были существенно укреплены и перестроены фортификационные сооружения, а в Каире и на южной окраине Фустата были созданы новые центры суннитского ислама. Саладин позже упразднил некораническое налогообложение торговли в Египте (хотя применял другие сборы, чтобы восполнить дефицит государственного бюджета). В ноябре 1170 года он решил «надеть мантию» моджахеда и возглавил первое вторжение на территорию франкской Палестины. Во главе крупной армии Саладин легко сломил сопротивление гарнизона маленькой крепости Дарум, расположенной к югу от Газы, и провел серию мелких боев с поспешно собранными силами короля Амори, после чего направился к побережью Красного моря и оккупировал порт Акаба. Хотя во время этой военной кампании Саладин, безусловно, нанес ряд чувствительных ударов по христианам, представляется, что главной целью Саладина было укрепление сухопутного маршрута между Нилом и Дамаском, так что, вполне возможно, считать это предприятие началом его священной войны не вполне правильно.

ПОМОЩНИК ИЛИ КОМАНДИР

По мере того как контроль Саладина над Египтом укреплялся, на первый план постепенно выдвинулась проблема отсутствия у него независимости. Он являлся суннитским военачальником, обладал немалой властью и ресурсами, но был лишь вторым после шиитского халифа и оставался под-

чиненным Нур ад-Дина. До сих пор осторожность не подвела Саладина, но к концу лета 1171 года, когда его контроль над Египтом стал практически полным, он уже был готов к устранению Фатимидов. Даже теперь, однако, он действовал сдержанно, по большей части стараясь избегать традиционных заблуждений египетской политики — кровавых переворотов и массовых убийств. Такой подход стал возможным частично благодаря плохому здоровью молодого халифа аль-Адида. В конце августа он тяжело заболел и, хотя ему едва исполнилось двадцать лет, вскоре оказался на пороге смерти³¹.

В пятницу 10 сентября 1171 года Саладин сделал первый осторожный шаг к автономии. Веками в египетских мечетях во время пятничной молитвы звучало имя шиитского халифа — тем самым прославлялась власть Фатимидов. В этот день, однако, в Фустате имя аль-Адида было заменено на имя суннитского халифа Багдада из Аббасидов. Саладин прошупывал почву, стараясь узнать, последует ли открытый мятеж. Ничего не произошло, и уже на следующий день он возглавил впечатляющий военный парад в столице — почти всю ночь по улицам города шли войска. Его секретарь аль-Фадиль записал, что «ни один исламский монарх никогда не обладал армией, равной этой». Для египетских подданных, так же как и для латинских и греческих посольств, в то время находившихся в Каире, послание было недвусмысленным: теперь правителем Египта является Саладин. Новость об этом событии дошла до умирающего аль-Адида, и тот призвал Саладина, все еще остававшегося его визирем, к своему смертному одру, желая молить его о жизнях членов своей семьи. Опасаясь заговора, Саладин отказался, хотя, говорят, позднее сожалел об этом жестоком решении. Калиф умер 13 сентября, и Саладин устроил настоящее шоу, сопроводив покойного к месту захоронения, а также не предпринял никаких шагов к ликвидации его отпрысков. Напротив, все они жили с удобствами во дворце халифа, но им было запрещено иметь детей, чтобы династия угасла сама по себе. Несмотря на мирный характер революции, ее последствия были воистину драматичными. Дни Фатимидов подошли к концу; религиозная и политическая схизма, которая отделяла Египет от остального

мусульманского мира Ближнего Востока, после X века отступила, поставив Саладина на место поборника суннитской ортодоксальности.

Учитывая слухи о сказочном богатстве халифа, одним из непосредственных результатов смерти аль-Адида для Саладина должен был стать приток «твердой валюты». Но, заняв дворец Фатимидов, Саладин обнаружил, что денег в казне на удивление мало. Большие средства ушли на финансирование заоблачных выплат покойного визиря Шавара Иерусалиму и Дамаску, а также на защиту Саладином Дамьетты в 1169 году. Поэтому оставшиеся сокровища — «гора» рубинов, огромный изумруд и гигантские жемчужины — были поспешно проданы.

Ликвидация Саладином халифата Фатимидов и подчинение Египта в 1171 году, по крайней мере теоретически, оказались не только его личными победами, но и триумфом его господина — Нур ад-Дина, владения которого теперь простирались от Египта до Сирии и далее. Понятно, что халиф Багдада торжественно поздравил обоих. Но за фасадом суннитского единства и влияния стали заметны признаки напряжения между господином и его более могущественным подчиненным. С объединением Алеппо, Дамаска и Каира, результатом которого стало окружение франкского Иерусалимского королевства, Нур ад-Дин мог рассчитывать на богатства Нила, а также на военную поддержку, чтобы начать всеобщее наступление на Палестину. Однако с осени 1171 года Саладин начал выступать в роли суверенного правителя, действующего в своих собственных интересах. После дней североафриканских приключений Ширкуха вовлеченность Айюбидов в дела региона всегда была окрашена своекорыстным налетом, и в конечном счете покорение Египта зависело прежде всего от личных качеств Саладина: его политической и военной прозорливости, его терпения, хитрости и безжалостности. Теперь он мог, вероятно, считать себя равным Нур ад-Дину и скорее его союзником, чем слугой.

Открытый конфликт был, по крайней мере частично, предотвращен занятостью Нур ад-Дина в других регионах его владений. В начале 1170 года Сирия и Палестина снова под-

верглись серии разрушительных землетрясений, которые потребовали привлечения ресурсов к масштабным восстановительным программам. В Ираке смерть его брата, последовавшая за кончиной аббасидского халифа, подсказала Нур ад-Дину, что необходимо срочно заняться делами Месопотамии, а в Джазире и Анатолии также возникли возможности новой территориальной экспансии. В 1172 году спор с франками относительно торговых прав на сирийском побережье вызвал несколько карательных рейдов против Антиохии и графства Триполи.

Несмотря на эти отвлекающие моменты, Нур ад-Дин искал поддержки Саладина на решающем театре военных действий — занятом латинянами пустынным районе к востоку от реки Иордан, известном под названием Трансиордания. Этот регион, безусловно, являлся ценным призом: аннексированный в начале XII века строительством франкских замков Монреаль и Керак, он дал латинянам, по крайней мере, частичный контроль над сухопутным путем из Дамаска или в Египет, или в Мекку и Медину, священные города Аравийского полуострова. Некоторые современные авторы, а также средневековые хронисты обвиняли Саладина в том, что он не приложил должных усилий для поддержки Нур ад-Дина в двух попытках захватить эту зону в начале 1170-х годов. Это «предательство» якобы сделало очевидным факт, что Саладином руководили исключительно своекорыстные амбиции, а не желание продвигать интересы ислама. Но действительно ли он повернулся к Нур ад-Дину спиной, что не позволило достичь блистательного триумфа в войне за Святую землю?

В конце сентября 1171 года, вскоре после ликвидации халифата Фатимидов, Саладин вошел в Трансиорданию с очевидным намерением провести совместную операцию с Нур ад-Дином. Когда последний пришел на юг из Дамаска, Саладин осадил Монреаль, но через короткое время неожиданно решил вернуться в Египет, и две мусульманские армии так и не начали совместных действий. Историк из Мосула Ибн аль-Асир, поддерживавший династию Зангидов, увидел в этих событиях определенный момент разделения между Салади-

ном и его бывшим господином, утверждая, что между ними появились глубокие различия. Он настаивал, что, достигнув Монреаля, Саладин был предупрежден своими советниками относительно реальных стратегических и политических последствий завоевания Трансиордании. Сообразив, что открытие безопасного пути из Дамаска в Египет приведет к захвату Нур ад-Дином Нильского региона, а также получив предостережение, что «если Нур ад-Дин придет к тебе сюда, тебе придется с ним встретиться, и тогда он сможет осуществить власть над тобой, как захочет», Саладин бежал.

Проблема с рассказом Ибн аль-Асира заключается в том, что он основывается на представлении о Саладине как о наивном командире, лишенном проницательности и дара предвидения. А учитывая его поразительные успехи в Египте, Саладин был вовсе не наивным, а, напротив, дальновидным и хитроумным деятелем. Он, несомненно, заблаговременно понял широкие последствия Трансиорданской кампании, задолго до прибытия в Монреаль. К сожалению, другие уцелевшие источники проливают мало света на события. Согласно одному повествованию, Саладин утверждал, что в Египте зреет восстание, а другой современный арабский писатель туманно заметил, что произошло какое-то событие, вызвавшее его поспешное возвращение в Египет.

Далее Ибн аль-Асир обвинил Саладина в отказе от второго совместного предприятия еще до подхода Нур ад-Дина — от осады крепости Керак в начале лета 1173 года. В то время как Саладин определенно осадил в это время крепость, он, вероятно, действовал независимо от Дамаска, поскольку Нур ад-Дин был занят в Северной Сирии и не мог ввести войска в Трансиорданию³².

Свидетельства против Саладина в период между 1171 и 1173 годами, с учетом всего вышесказанного, представляются неубедительными. Нельзя со всей категоричностью утверждать, что он предал Нур ад-Дина, так же как он не был единолично ответственным за то, что не была одержана победа в джихаде. По крайней мере, публично Саладин утверждал, что остается подданным династии Зангидов после окончания правления Фатимидов в 1171 году — Нур ад-Дин был включен

в пятничную молитву, на египетских монетах его имя чеканилось вместе с именем аббасидского халифа.

В действительности любая враждебность между Дамаском и Каиром в начале 1170-х годов, вероятнее всего, не относилась в первую очередь к совместным военным действиям, а скорее была связана с вопросом звонкой монеты. Больше всего Нур ад-Дин желал добраться до богатств Египта, и потому начал требовать выплаты ежегодной дани. Поэтому в конце 1173 года он направил своих представителей в Египет для проведения полного аудита доходов страны. По мере проведения финансового расследования в первые месяцы 1174 года напряженность усилилась. И Нур ад-Дин, и Саладин мобилизовали войска, хотя не вполне ясно, сделали они это, готовясь к прямой конфронтации, или же это была новая попытка сотрудничества. Представляется вероятным, что оба правителя демонстрировали силу в преддверии интенсивных дипломатических переговоров, понимая, что все это со временем может перерасти в открытый военный конфликт. В воздухе, безусловно, витала вражда, и даже Саладин позднее признался своему биографу: «Мы слышали, что Нур ад-Дин, возможно, нападет на нас в Египте. Некоторые наши командиры советовали оказать ему открытое сопротивление и отвергнуть его власть, а также встретить его армию боем, если враждебные действия станут реальностью». Далее он заметил с меньшей убежденностью: «Только я не согласился с ними, настаивая, что неправильно говорить вещи подобного рода»³³.

Вмешательство судьбы предотвратило то, что могло стать разрушительной суннитской гражданской войной. Ожидая сообщений своих аудиторов из Каира, Нур ад-Дин в конце весны 1174 года заболел. Во время игры в поло за пределами Дамаска 6 мая у него начался приступ, и к моменту возвращения в цитадель уже не приходилось сомневаться, что правитель болен. Возможно, у него была ангина. Сначала он упрямо отказывался обращаться к врачам. Прибывший в конце концов придворный доктор аль-Раби нашел Нур ад-Дина в крошечной комнатке для молитв в очень плохом состоянии — «его голос был едва слышен». Когда правителю было

предложено сделать кровопускание, тот наотрез отказался, заявив, что кровопускание не делают человеку шестидесяти лет. Никто не спорил.

15 мая 1174 года Нур ад-Дин умер. Его тело было предано земле в одной из религиозных школ, которые он построил в Дамаске. Даже враги — франки — уважали Нур ад-Дина, считая его «могущественным преследователем христианской веры, справедливым и отважным принцем». Это был первый мусульманский правитель после начала Крестовых походов, объединивший Алеппо и Дамаск. Его дальновидность и набожность положили начало новой эры религиозного обновления внутри суннитского мира, воскресив понятие джихада против врагов ислама как символического и обязательного действия. И все же после его смерти франки остались непокоренными, а святой город Иерусалим все еще был в руках христиан³⁴.

Глава 10 НАСЛЕДНИК УЗУРПАТОРА

Смерть Нур ад-Дина в мае 1174 года дала Саладину великолепную возможность выйти из тени сирийских Зангидов. Вечный второй получил наконец шанс стать лидером, утвердить свое право на полностью независимое правление и примерить на себя мантию поборника исламской священной войны против франков. Очень легко представить себе историю ближневосточного ислама XII века как эру линейного движения, в которой возрождение джихада набирало скорость при Занги, Нур ад-Дине и, наконец, Саладине, при этом факел лидера беспрепятственно переходил от одного исламского «героя» к другому. Такое впечатление поощряли и энергично продвигали некоторые современники-мусульмане.

Определенный изъян в этой, по общему признанию, крайне привлекательной иллюзии заключался в том, что Саладин не был объявлен наследником Нур ад-Дина в 1174 году. У Нур ад-Дина имелся одиннадцатилетний сын аль-Салих, который должен был получить власть. У великого сирийского

правителя имелись и другие кровные родственники, которые могли выступить в защиту династии Зангидов на Среднем и Ближнем Востоке. Иными словами, на самом деле у Саладина не было единственного, открытого перед ним пути. Вместо этого он оказался перед выбором: он мог отдать предпочтение укреплению своей власти в Египте, создав независимое и самодостаточное царство, или пытаться подражать или даже затмить достижения Нур ад-Дина и стать главным исламским лидером в Леванте.

ГЕРОЙ ДЛЯ ИСЛАМА

Саладин выбрал второй путь — со всей преданностью и страстью. Фундаментальный вопрос — почему? Стремился ли Саладин к власти, к созданию деспотической пан-Левантской исламской империи, чтобы воплотить в жизнь свои личные амбиции? Или он действовал во имя высшей цели, а объединение мусульман было средством ее достижения, необходимым этапом на пути достижения успеха в джихаде против христиан? Необходимо сделать попытку разобраться в мотивах и складе ума Саладина хотя бы потому, что он был значимой исторической личностью, особенно в исламской культуре. В современном мире Саладин считается одним из главных поборников ислама эры Крестовых походов, мощным талисманом исламского прошлого, глубоко почитаемым героем. Поэтому задача убрать наслоения легенд, пропаганды и предвзятости, чтобы разобраться в реалиях его карьеры, является тонкой и требует особой тщательности и усердия.

Современных источников, в которых описывается жизнь Саладина, относительно много, однако почти все они вызывают определенные сомнения. Многие мусульманские очевидцы писали о его удивительных достижениях, в том числе два его ближайших соратника — секретарь Имад аль-Дин аль-Исфахани (с 1174 года) и советник Баха ад-Дин ибн Шаддад (с 1188 года), но оба они написали облагороженные биографии своего хозяина. Их труды основаны на идее, что Саладин был охвачен религиозным рвением и рвался служить исламу

и бороться с франками. Если верить Баха ад-Дину, религиозные убеждения Саладина углубились после того, как он захватил власть в Египте в 1169 году, он отказался от вина и отвернулся от фривольных забав. Якобы с этого момента он стал очень набожным, в своих поступках руководствовался «страстью, постоянством и пылом». Его преданность священной войне была абсолютной.

Саладин был человеком упорным и преданным джихаду. Если кто-то поклянется, что после начала джихада Саладин не истратил ни одного динара или дирхама на что-то, помимо джихада и его поддержки, он скажет правду. Джихад, любовь и страсть к нему завладели его сердцем и всем его существом, так что он не говорил больше ни о чем и ни о чем не думал, кроме средств для его ведения.

Это в высшей степени благоприятное описание в некоторой степени уравнивается другим свидетельством. Иракский хронист Ибн аль-Асир, сторонник Зангидов, изложил более непредвзятый взгляд на Саладина. Также уцелели некоторые письма — деловые и частные, — написанные для Саладина его писцом и доверенным лицом аль-Фадилем. Это решающее, хотя по сей день до конца не исследованное собрание материалов дает ценное представление о мышлении Саладина и широком использовании им пропаганды в деле создания имиджа³⁵.

Важно также увязывать суждения о характере и карьере Саладина с обстановкой. Будучи средневековым правителем, он действовал в злобном, бесчеловечном окружении. Чтобы выжить, он не мог всегда поступать благородно, честно и справедливо. Немногие великие исторические личности могли бы утверждать, что обладали подобными качествами (если таковые существовали вообще).

Тем не менее представляется очевидным, что Саладин не был просто кровожадным тираном. Желая отобрать власть у наследников Нур ад-Дина, он мог бы последовать примеру Занги, прибегнув к запугиваниям и жестокости, чтобы сосредоточить в своих руках власть и удержать ее. Вместо этого он предпочел в политике подражать своему бывшему господину — Нур ад-Дину. Можно утверждать, что, по крайней мере, в этом он был истинным преемником Нур ад-Дина. За-

дача Саладина в 1174 году заключалась в воссоздании достижений Зангидов, но, наоборот, подчинив Дамаск, Алеппо и Мосул. Для этого он искусно соединил военное могущество и гибкие политические манипуляции. И всегда он придавал большое значение понятиям законности и правого дела. Тяга к признанию законной силы усиливалась социальными и этническими связями Саладина. То, что было истинным для турок-Зангидов, было вдвойне таковым для курдских наемников Айюбидов — слишком легко их можно было назвать пришлыми выскочками на Ближнем и Среднем Востоке, где исторически доминировала арабская и персидская мусульманская элита.

В 1170-х годах и далее Саладин всячески старался узаконить свое восхождение к власти и известности, подчеркивая свою роль защитника ислама и суннитской ортодоксальности, а также предполагаемого слуги багдадского халифа из рода Аббасидов. Он также использовал понятие джихада, чтобы оправдать необходимость объединения мусульман под одним правителем. Так же как папа Урбан II использовал силу страха перед мусульманскими противниками для объединения Западной Европы в поддержку Первого крестового похода, Саладин старался изобразить левантийских франков грозными и очень сильными врагами.

Одновременно он явно желал укрепить собственную власть и создать прочную династию. В 1170-х годах он стал называть себя «султаном» — титулом, говорящим об автономной власти. Он также стремился создать как можно больше потенциальных наследников. О его многочисленных женах и рабынях, рожавших ему детей, сохранилось немного свидетельств, но уже к 1174 году, в возрасте тридцати шести лет, он имел пятерых сыновей, старший из которых, аль-Афдаль, родился в 1170 году.

ПО СЛЕДУ НУР АД-ДИНА

Начиная с лета 1174 года не только Саладин желал использовать вакуум власти, образовавшийся на Ближнем Востоке после кончины Нур ад-Дина. Влиятельные придворные и

большая семья — династия Зангидов — стремились отстоять или собственную независимость, или право действовать как его преемники. В течение нескольких месяцев государство Зангидов, тщательно и терпеливо создаваемое в течение более чем двадцати восьми лет, распалось, изменившись до неузнаваемости. На сцене появилось просто-таки сбивающее с толку количество претендентов на главную роль.

На востоке — в Месопотамии — властью обладали два племянника Нур ад-Дина — Саиф ад-Дин в Мосуле и Имад аль-Дин Занги в соседнем Синджаре. Теперь оба стали конкурировать за контроль над территорией на западе — по направлению к Евфрату. В Сирии юный сын Нур ад-Дина аль-Салих стал политической пешкой, поскольку разные фракции по очереди заявляли, что являются его «защитниками». Через некоторое время мальчик был тайком увезен в Алеппо, где после серии кровавых интриг господствующее положение занял евнух Гумуштегин. А тем временем в Дамаске власть захватила группа эмиров, возглавляемая военным по имени Ибн аль-Мукаддам. Неудивительно, что латиняне тоже активизировались тем летом. Король Амори страстно желал вернуть себе Банияс, пограничное поселение, захваченное Дамаском десятилетием раньше. Он осадил город, но через две недели резкое ухудшение здоровья не позволило ему продолжить осаду, и он согласился на перемирие с Ибн аль-Мукаддамом в обмен на выплату тем некоторой суммы и освобождение христианских пленных.

Лихорадочная деятельность охватила Сирию, но Саладин в Египте выжидал. В середине лета сицилийский флот напал на Александрию, а в Верхнем Египте уцелевшие эмиры из Фатимидов попытались поднять мятеж. С этими угрозами Саладин легко справился, но к вопросу о власти в государстве Нур ад-Дина он продолжал относиться с настороженностью. Понимая, что должен избежать обвинений в деспотической узурпации власти, он отказался от прямых инструментов вторжения и подавления, вместо этого используя хитрую дипломатию против навязчивой пропаганды. Один из его первых актов — письмо аль-Салиху с заверениями в лояльности и утверждением, что имя юного правителя заменило имя его

отца в пятничной молитве. Также Саладин сообщал, что готов и желает защитить аль-Салиха от его врагов. В другом письме султан уверял, что будет исполнять роль меча в битве против врагов аль-Салиха, и напомнил, что Сирия со всех сторон окружена врагами, такими как франки, которых необходимо разгромить.

Эти документы показывают, что уже через несколько недель после кончины Нур ад-Дина Саладин объявил официальную программу, в соответствии с которой действовал на протяжении большей части 1170-х годов. В последующие годы он всячески старался расширить свою власть над остатками государства Нур ад-Дина. Но неизменно его стремление к власти прикрывалось публичным провозглашением двойных принципов. Во-первых, Саладин утверждал, что неустанно трудится, как защитник аль-Салиха, не думая о собственном вознаграждении, исключительно для того, чтобы сохранить власть Зангидов. Во-вторых, что стремление к мусульманскому единству чрезвычайно важно потому, что мусульманский мир ведет историческую борьбу с неумолимым христианским врагом, который даже теперь держит в своих руках священный город Иерусалим³⁶.

Конечно, многие противники султана считали, что Саладин всего лишь хочет построить свою империю, даже если она будет служить интересам джихада, и при любой возможности излагали свои страхи и обвинения публично. При таких обстоятельствах Саладин прибегал к политике страха, чтобы добавить силы к своей программе лицемерия. Если бы в Сирии все шло мирно, у султана не было бы повода для вмешательства — ирония судьбы! Поэтому в 1174 году Саладин надеялся, что его противники начнут действовать против интересов аль-Салиха, да и франки тоже перейдут в наступление.

Оккупация Дамаска

После того как Саладин сделал Египет своей оперативной базой, первой целью в деле собирания владений Нур ад-Дина под его правлением должен был стать Дамаск. Ухва-

тившись за решение Ибн аль-Мукаддама выторговать мир с Иерусалимским королевством в Баниясе, султан адресовал двору Дамаска обвинения в слабости и назвал его неспособность вести священную войну поводом для вмешательства в дела Сирии. Бывший секретарь Нур ад-Дина, персидский писец и ученый Имад аль-Дин аль-Исфахани, описал последующую переписку. Ибн аль-Мукаддам пожурил Саладина, написав: «Только не говори, что у тебя есть планы на дом того, кто тебя создал, поскольку это не свидетельствует в твою пользу». Султан ответил убедительным перечислением своих намерений: «Мы избираем для ислама и его людей только то, что объединит их, а для дома Зангидов только то, что сохранит его корни и его ветви. <...> Я пребываю в одной долине, а те, кто думает зло обо мне, — в другой. <...> Если бы мы были склонны к другому пути, мы бы не прибегли к переписке и консультациям».

Это послание Саладин пожелал довести до сведения сирийцев, но, хотя его слова действительно кажутся энергичными, вряд ли они могли оказать решающее влияние на политику. Скорее всего, страх перед потенциальным союзом Мосула и Алеппо в конце лета привел Ибн аль-Мукаддама на сторону Саладина, который призвал его на помощь Дамаску. Именно на такую возможность надеялся султан. Оставив своего брата аль-Адила управлять Египтом, Саладин в октябре 1174 года вошел в Сирию, имея при себе армию для силового подавления возможного сопротивления и, что еще более важно, десятки тысяч динаров для покупки поддержки. 28 октября он мирно вступил в древний город.

Один из биографов Саладина описал этот день, стараясь подчеркнуть личную связь султана с Дамаском, городом его детства. Он заверил, что Саладин первым делом направился к своему дому, и люди шли за ним ликуя. Его щедрость тоже не осталась без внимания. «В тот же день он раздал людям крупные суммы денег и показал, что он доволен и очарован жителями Дамаска, так же как и они им. Он подошел к крепости, и его власть была твердо установлена». Чтобы подчеркнуть традиционность и великодушие своего правления, Саладин отправился на молитву в мечеть Омейядов, при-

казал немедленно отменить некораническое налогообложение и запретил мародерство. Позднее он назвал свою оккупацию города шагом на пути к взятию Иерусалима, утверждая, что «воздерживаться от священной войны — преступление, за которое не может быть оправданий». Но все же многие не были убеждены заявлениями Саладина. Например, Юрдик, его бывший союзник по Египту, перешел на сторону Алеппо. Даже франки, живущие в Палестине, знали о начавшейся борьбе за власть, и один латинский современник заметил, что оккупация Саладином Дамаска идет вразрез с «верностью, которую он обещал своему повелителю и хозяину [аль-Салиху]»³⁷.

Тем не менее в конце 1174 года некоторые сирийские мусульманские правители приняли решение поддержать Саладина, рассудив, что это их самый верный шанс уцелеть, и султан смог распространить свою власть на север, проведя ряд в основном бескровных кампаний. Теперь он контролировал Хомс, Хаму и Баальбек (где Ибн аль-Мукаддам в награду за верность занял пост командующего). Саладин постарался найти оправдание для всех этих завоеваний. После Хомса он написал: «Мы сделали этот шаг не для того, чтобы захватить новые владения для себя, а чтобы поднять знамя священной войны». Его противники в Сирии стали, по его заверениям, «врагами, мешающими достичь нашей цели в отношении этой войны». Он также подчеркнул, что принял меры к сохранению города Хомса, «зная, как близок он неверующим». Однако в более личном письме, написанном примерно в это же время и адресованном племяннику Фаррух-Шаху (бывшему очень способным помощником своего дяди), изложен менее приукрашенный взгляд на события. Здесь Саладин резко критикует «жалкие умы» жителей Хомса и признается, что «ключ к этим землям» — создание собственной репутации справедливого и снисходительного человека. Он даже пошутил относительно своих будущих перспектив. Теперь его главная цель — Алеппо. Это название по-арабски (*Halab*) также означает «молоко» или «дойку». Саладин предсказал неминуемое падение города, заявив, что «нам надо только подоить, и Алеппо будет наш»³⁸.

Путь к Алеппо

К началу 1175 года Саладин уже мог представить для Алеппо нешуточную угрозу, но, несмотря на его смелое предсказание, город оказался крепким орешком и остановил распространение власти султана на территорию Сирии на годы. Наличие грозной цитадели Алеппо и сильного гарнизона означало, что любая попытка осады потребует терпения и обширных военных ресурсов. Но даже в случае успеха такой прямой подход, вероятнее всего, приведет к затяжному и кровавому конфликту — такой вариант не вписывался в тщательно создаваемый Саладином образ скромного защитника ислама. Султан, вероятно, надеялся, что противники дадут ему повод для нападения на город, оскорбив или даже убив аль-Салиха, но Гумуштегин был слишком умен, чтобы совершить подобную глупость. Юный наследник Зангидов, источник законности, был ценнее живым — марионеточным правителем в его руках. Гумуштегин даже убедил мальчика произнести эмоциональную слезную речь перед жителями города, моля их защитить его от тирании Саладина.

Чтобы еще больше усложнить положение, правители Алеппо и Мосула отбросили былые противоречия, чтобы объединиться против Айюбидов. В течение следующих полутора лет Саладин оставался в Сирии, проведя ряд ограниченных по времени и по большей части ничего не решивших осад Алеппо и расположенных вокруг городов. В апреле 1175 года, а затем годом позже — в апреле 1176 года он сталкивался с объединенными силами Алеппо и Мосула в решающих сражениях и оба раза одержал убедительные победы. Эти конфронтации укрепили репутацию Саладина как ведущего исламского полководца и доказали превосходство опытных армий Египта и Дамаска. Но на практике они тоже не дали ничего существенного. Убежденный, что господства над Сирией нельзя достичь, проливая мусульманскую кровь, Саладин хотел ограничить размер конфликтов между мусульманами и запретил своим войскам преследовать отступающих противников. Таким образом, те получили возможность «залезть раны» и перегруппироваться.

К лету 1176 года комбинация сдержанной военной агрессии и непрерывной пропаганды вроде бы достигла цели. Гумуштегин остался у власти в Алеппо вместе с аль-Салихом, а Саиф ад-Дин в Мосуле, но эти союзники постепенно были вынуждены пойти на некоторые уступки. Право Саладина править на захваченной им территории к югу от Алеппо было признано в мае 1175 года. Впоследствии его статус был официально признан багдадским халифом. Когда в июле 1176 года установился мир, Саладин признал, что не может больше называть себя единственным защитником аль-Салиха (хотя султан упорно продолжал именовать себя слугой Зангидов), но к этому времени правитель Алеппо согласился, хотя и в весьма туманных выражениях, выделить войска для участия в священной войне.

На протяжении этого периода Саладин пытался, и небезуспешно, нанести ущерб репутации Гумуштегина и Саиф ад-Дина, постоянно обвиняя их в переговорах с латинянами. Саладин часто писал халифу, жалуясь, что они создали предательский союз с христианами, закрепленный обменом пленными. Также он осудил мир, который заключил Ибн аль-Мукаддам с Иерусалимским королевством в 1174 году. Султан пытался изобразить свои сирийские кампании идеологической борьбой за объединение ислама против франков. На самом деле все это было чистейшей пропагандистской риторикой, поскольку сам Саладин заключил в этот период с латинянами два мирных договора³⁹.

Старец Горы

Попытки Саладина покорить Сирию в середине 1170-х годов были затруднены вмешательством ассасинов. К этому времени сирийское крыло этого тайного ордена твердо обосновалось в горах Ансария и процветало под руководством замечательного иракца Рашида ад-Дина Синана, известного в народе как Старец Горы. Он управлял орденом больше трех десятилетий в конце XII века и приобрел репутацию человека блестящего ума. Его уважали и мусульмане, и христи-

ане. Вильгельм Тирский утверждал, что Синан пользуется абсолютной преданностью и подчинением своих последователей, которые ни одно его поручение не считают слишком грубым и сложным и по его приказу с готовностью бросаются исполнять даже самые опасные приказы⁴⁰.

Ассасины были независимой и по большей части непредсказуемой силой в ближневосточных делах, и их главное оружие — политические убийства — оставалось высокоэффективным. Попытка Саладина овладеть Сирией, и в первую очередь кампании против Алеппо, привела его в поле зрения ассасинов. В начале 1175 года Синан решил сделать Саладина мишенью, возможно частично по подсказке правителя Алеппо Гумуштегина. Когда султан находился перед Алеппо, группа из тринадцати вооруженных ножами ассасинов проникла в самое сердце лагеря и напала на правителя. На помощь подоспели телохранители Саладина. Хотя покушение оказалось неудачным, были жертвы среди салахии. После этого Саладин написал письмо своему племяннику Фаррух-Шаху, приказав ему постоянно держаться настороже. Впоследствии стало стандартной практикой разбивать шатер султана на отгороженном укрепленном участке, охраняемом стражей и изолированном от остального лагеря.

Несмотря на принятые меры предосторожности, в мае 1176 года ассасины снова нанесли удар. Когда Саладин отправился в гости в шатер одного из эмиров, на него напали четыре ассасина, и на этот раз едва не добились успеха. Им удалось нанести султану удар, и только броня спасла его от тяжелого ранения. Его люди снова убили нападавших, но Саладин получил легкое ранение — у него была рассечена щека — и тяжелое моральное потрясение. С тех пор к нему допускались только те люди, которых он лично знал.

В августе 1176 года Саладин решил разобраться с этой нешуточной угрозой. Он осадил главный замок ассасинов Масиаф, но уже через неделю снял осаду и удалился в Хаму. Причина ухода султана и детали его договоренностей (если таковые были) с Синаном остаются тайной. Некоторые мусульманские хронисты утверждают, что, получив угрозу ассасинов уничтожить всех Айюбидов, Саладин согласился на

договор о ненападении со Старцем Горы. Один хронист из Алеппо предлагает еще более ужасное объяснение, описав, как султан принял посланника Синана. Прибывшего обыскали, не нашли у него оружия и допустили к Саладину. Посланник потребовал беседы с глазу на глаз. Саладин неохотно согласился отпустить всю свою стражу, кроме двух самых доверенных телохранителей, людей, к которым он относился как к своим сыновьям.

«Вошедший посланник повернулся к оставшимся телохранителям и спросил:

— Если я прикажу вам именем своего хозяина убить султана, вы сделаете это?

Оба ответили утвердительно, вынули мечи и сказали:

— Приказывай, что делать.

Саладин был потрясен, а посланник ушел, взяв телохранителей с собой. После этого Саладин и решил заключить мир со Старцем Горы»⁴¹.

Правдивость этой истории вызывает большие сомнения. Если ассасины действительно имели своих агентов в ближайшем окружении султана, они, безусловно, сумели бы его убить в 1175 или 1176 годах. Но мысль, переданная ею, вполне понятна: от ассасинов защититься практически невозможно. Как бы то ни было, Саладин и Синан, вероятно, в 1176 году пришли к какому-то соглашению, потому что султан больше никогда не приближался к горному анклаву ордена, и на его жизнь покушений больше не было.

ГОСУДАРСТВО САЛАДИНА

В конце лета 1176 года Саладин завершил почти двухлетнюю военную кампанию против Алеппо. Завладев Дамаском и большей частью Сирии, он охотно сохранил фиктивную подчиненность аль-Салиху. Во владениях Саладина имя юного правителя продолжало звучать в пятничных молитвах и чеканиться на монетах. Но теперь султан решил узаконить свою власть, женившись на вдове Нур ад-Дина Исмат, дочери Унура. Это был прежде всего политический союз, по-

сколько брак с Исмат связал Саладина с двумя исторически правящими династиями города, тем не менее постепенно между супругами возникла настоящая дружба и даже любовь*. К этому времени султан предпринял и другие шаги, чтобы взять под контроль аппарат правительства Зангидов. На службу был принят секретарь Нур ад-Дина Имад аль-Дин аль-Исфахани, а аль-Фадиль вскоре стал одним из ближайших доверенных лиц султана.

В сентябре 1176 года Саладин вернулся в Египет. Это дало ему передышку после опасностей последних месяцев. В марте 1177 года он провел три дня в Александрии со своим шестилетним сыном аль-Афдалем, чтобы послушать рассказы о жизни пророка Мухаммеда, — но это тоже было частью новых обязанностей, которые на него налагал титул султана. Владея огромной территорией, раскинувшейся от Нила до сирийского Оронта, он столкнулся со всеми практическими трудностями, сопутствующими управлению географически обширным государством в Средние века. Первостепенной задачей была связь. Имевший аналогичные проблемы Нур ад-Дин использовал обширную сеть конных курьеров и гонцов, а также почтовых голубей. Саладин последовал его примеру. Он также содержал агентов в Сирии и Палестине для получения разведывательной информации. Однако, независимо от способа перевозки, послания всегда могли оказаться в руках противника, и султан иногда использовал шифр. Важной чертой этой эпохи, и для мусульман, и для христиан, был тот факт, что даже в рамках государств-союзников информация передавалась неточно, а знания о намерениях и перемещениях врага нередко основывались на догадках. Неведение, ошибки и дезинформация — все это влияло на принятие решений не в лучшую сторону, и все годы своего правления Саладин старался владеть ситуацией и получать информацию о событиях на всей территории мусульманского мира, а также иметь хотя бы частичную информацию о действиях и планах франков. В этой ситуации роли аль-Фадила и Имад аль-Дина, осущест-

* Исмат умерла в январе 1186 года, когда и сам Саладин боролся с тяжелой болезнью. Его ближайшие советники в течение двух месяцев не сообщали султану о кончине супруги, опасаясь рецидива болезни.

влявших переписку, связь и занимавшихся пропагандой, имели очень большое значение.

Уния Каира и Дамаска под властью Айюбидов также вынудила Саладина использовать помощников, которые управляли в его отсутствие. На протяжении всей своей карьеры для нахождения кандидата на такой пост султан всегда сначала обращался к своим кровным родственникам. Иногда эта семейственность работала очень хорошо. Осенью 1176 года он вернулся в Каир и обнаружил, что его брат аль-Адиль и племянник Фаррух-Шах управляли Египтом в его отсутствие осторожно и благоразумно. В Сирии, однако, дела обстояли менее удачно. Назначенный правителем Дамаска старший брат султана Туран-Шах не оправдал доверия. Получив финансовую свободу, он накопил большие личные долги, вел распутный образ жизни. А когда в конце 1170-х годов Сирию поразила продолжительная засуха, стало ясно, что Туран-Шаха необходимо заменить. К 1178 году Саладин признал, что можно «не замечать мелкие провинности и молчать относительно несущественных промахов, но когда вся страна рухнет... это подрывает основы ислама».

Султан достиг большего успеха в попытках сбалансировать использование физических и финансовых ресурсов на землях, которые теперь контролировал. В 1177 году он уделял первостепенное внимание Нильскому региону, укрепив оборону Александрии и Дамьетты и приступив к сооружению мощной крепостной стены вокруг Каира и его южного пригорода Фустата. Он также принял дорогостоящее, но дальновидное решение перестроить некогда грозный флот Египта. Некоторые судостроительные материалы, так же как и матросы, были доставлены из Ливии, но потребность Саладина в самом лучшем дереве вскоре привела его к установлению торговых связей с Пизой и Генуей. Это лишь один из примеров ведения международной торговли военными материалами, технологиями и даже оружием между Айюбидами и Западом, которая велась даже в разгар священной войны. Инвестиции султана имели потрясающие стратегические последствия: через несколько лет он уже имел флот из шестидесяти галер и двадцати транспортных судов. Дол-

гое время лишенный реальной власти над торговым и военным судоходством в Средиземноморье ближневосточный ислам снова обрел власть на море⁴².

ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ

Пока Саладин укреплял свою власть над Египтом и Дамаском, обретал самостоятельность новый латинский король Иерусалима. В 1174 году король Амори прервал осаду Банияса из-за ухудшения состояния здоровья. Вероятно, у него была тяжелая дизентерия, и в июле тридцативосьмилетний монарх скончался. Его преемником стал его сын — Бодуэн IV, юный суверен, правление которого было омрачено трагедией и углубляющимся кризисом. Статус Бодуэна в момент его стремительного восшествия на престол был необычным. В 1163 году Амори согласился, по настоянию Высокого суда, развестись со своей супругой Аньес де Куртене (дочерью графа Жослена II Эдесского), прежде чем принять корону Иерусалима. Официальной причиной аннулирования брака стало кровное родство: они были очень дальними родственниками — четвероюродными братом и сестрой. Однако истинная причина, вероятнее всего, была другой: Аньес могла попытаться продвинуть интересы теперь по большей части безземельного клана де Куртене в Палестине. Амори и Аньес уже произвели на свет двоих детей — Бодуэна и его старшую сестру Сибиллу, и было принято решение, что они будут по-прежнему считаться законнорожденными, хотя Амори вскоре женился на византийской принцессе Марии.

Детство и юные годы Бодуэна IV

В 1163 году в возрасте двух лет Бодуэн фактически был лишен семьи. Его мать Аньес тоже почти сразу после развода повторно вышла замуж и не принимала участия в воспитании сына, поскольку в основном отсутствовала при дворе, а его мачеха Мария всячески сохраняла дистанцию, больше заня-

тая продвижением интересов собственных отпрысков. Даже сестра была, в сущности, чужой для юного принца, потому что воспитывалась в уединенном монастыре.

Одним из самых близких друзей мальчика стал священнослужитель и придворный историк Вильгельм Тирский. В 1170 году он стал наставником юного принца. Его задачей было формирование характера и обучение грамоте, а также другим наукам. В исторических трудах Вильгельма Тирского содержится трогательное и очень личное описание Бодуэна, когда тот был еще мальчиком. Очень похожий на своего отца, легко подражавший его голосу и походке, принц был симпатичным мальчиком, сообразительным, с хорошей памятью, обожавшим чтение и верховые прогулки. Кроме того, Вильгельм описал, как произошло ужасное открытие, перевернувшее жизнь юного Бодуэна.

Однажды — принцу тогда было девять лет, и он жил в доме Вильгельма — он играл с другими мальчиками. Они состязались в стойкости — щипали друг друга за руки ногтями, как часто делают дети, чтобы проверить, кто первым закричит от боли. Несмотря на все усилия, никому не удалось заставить Бодуэна даже поморщиться. Сначала решили, что это знак его королевской выносливости, но Вильгельм написал: «Когда это повторилось несколько раз, мне рассказали... Я начал задавать вопросы и понял, что половина его правой руки мертва, так что он совершенно не чувствует щипков и даже укусов. Я забеспокоился... рассказал его отцу. После консультации с докторами начали предприниматься попытки помочь принцу. Использовались мази, припарки и даже заклинания, но все напрасно. Со временем мы поняли, что это начало более серьезной, неизлечимой болезни. Невозможно удержаться от слез, рассказывая об этом ужасном несчастье»⁴³.

У Бодуэна была ранняя стадия проказы. Маловероятно, что в это время могли поставить точный диагноз. Для лечения принца были приглашены лучшие врачи, в том числе араб-христианин Абу Сулейман Дауд, и в течение какого-то времени казалось, что состояние мальчика не ухудшается. Бодуэн продолжал учиться верховой езде. Его наставником

в этой области стал брат Абу Сулеймана. Он научил принца управлять конем, используя только колени, а оружие держать левой рукой.

В начале 1170-х годов Амори стал подыскивать подходящего мужа для Сибиллы, надеясь обеспечить наследование трона, если окажется необходимым заменить Бодуэна. Но к моменту неожиданной смерти самого Амори в 1174 году муж для Сибиллы еще не был найден, а единственным выжившим ребенком от его брака с византийской принцессой Марией была еще одна дочь — маленькая Изабелла. В июле 1174 года принц Бодуэн был далеко не идеальным кандидатом на престол. Рожденный в браке, который позже распался, он едва достиг тринадцатилетнего возраста (то есть до его совершеннолетия по законам королевства оставалось еще два года), и было известно, что он страдает от какой-то неведомой болезни. Тем не менее Высокий суд согласился на его восшествие на престол. Бодуэн был должным образом коронован и помазан иерусалимским патриархом в церкви Гроба Господня 15 июля — в годовщину завоевания города участниками Первого крестового похода.

Историки имеют обыкновение рассматривать правление Бодуэна IV как явную катастрофу для латинского Востока. Получилось, что, как раз когда возвысился Саладин и приступил к объединению мусульманского мира, франкская Палестина была поставлена на колени слабым и больным монархом. Бодуэна критиковали за то, что он эгоистично удерживал корону, когда обязан был отречься от престола, винили за раскол страны, который возник, когда отдельные представители знати Утремера стали бороться за влияние и власть.

Репутация юного монарха была несколько восстановлена в последние годы, когда стал делаться акцент на тяжесть ноши, которую ему пришлось взвалить на плечи, на жизнеспособность его правления на раннем этапе и его упорные попытки защитить королевство и найти надежного преемника. Одна истина между тем остается непреложной. Крестоносные государства нередко потрясали кризисы, связанные с наследованием престола, и они оказывались особенно

опасными, когда правитель умирал неожиданно — от болезни или погибал в сражении. Случай с Бодуэном IV был другим, и урон от его правления был тяжелее и глубже именно потому, что он не умер. Засидевшись на троне, часто вынужденный прибегать к помощи регента во время обострения болезни, прокаженный король привел и в конце концов оставил Иерусалим в чрезвычайно опасном и крайне уязвимом состоянии⁴⁴.

Первые два года своего правления Бодуэн был еще мальчиком, и значительная часть работы по управлению государством велась его кузеном — графом Раймундом III Триполийским, осуществлявшим регентство. Тридцатилетний Раймунд лишь недавно был освобожден после девятилетнего мусульманского плена, и его почти никто не знал. Худощавый, небольшого роста, смуглый, с пронизательным взглядом, граф держался сдержанно и немного отчужденно. Осторожный по природе, он тем не менее был не чужд честолюбия, и, женившись на завидной наследнице — принцессе Эскиве Галилейской, он стал самым крупным вассалом Иерусалима. В качестве регента он использовал примирительный подход в общении с Высоким судом и избегал прямых конфронтаций с Саладином. Именно он согласовал условия мирного договора 1175 года во время наступления Саладина на Алеппо.

Самой насущной проблемой Раймунда в те годы было наследование престола, поскольку сразу после коронации здоровье Бодуэна IV стало резко ухудшаться. Возможно, ситуацию усугубило половое созревание. Проказа приняла самую тяжелую форму, и вскоре признаки болезни стали очевидными. «Его конечности и лицо были поражены особенно сильно, и его преданные сторонники сочувствовали ему всем сердцем». Со временем он лишился возможности ходить, видеть и даже говорить, но пока был обречен страдать от бессилия, наблюдая, как превращается в полного инвалида. Социальное и религиозное значение, придаваемое проказе, было очень велико. Обычно ее рассматривали как Божье проклятье, признак высшей немилости. Кроме того, болезнь считалась очень заразной, и страдальцев изгоняли из обще-

ства⁴⁵. Положение Бодуэна было в высшей степени уязвимым. Как монарх он был не защищен от критики и не мог обеспечить стабильное правление. Также он был не в состоянии обеспечить продолжение рода — с одной стороны, современники считали, что проказа передается половым путем, с другой — заболевание, вероятнее всего, сделало Бодуэна бесплодным.

Поэтому основные надежды на будущее были связаны с сестрой Бодуэна Сибиллой. Ее юность и монастырское воспитание означало, что она вряд ли пойдет по стопам своей бабки Мелисенды и захочет править самостоятельно. Поэтому граф Раймунд Триполитский активно занялся поисками жениха. После долгих поисков был избран Вильгельм (Гильермо) де Монферрат, североитальянский аристократ, находившийся в родстве с двумя величайшими европейскими монархами — французским королем Людовиком VII и германским императором Фридрихом Барбароссой (племянником участника Второго крестового похода Конрада III). Сибилла и Вильгельм поженились в конце 1176 года, но в июне 1177 года он заболел и умер, оставив Сибиллу беременной. В декабре 1177 или в январе 1178 года она родила сына — Бодуэна V, ставшего потенциальным наследником иерусалимского трона.

В середине 1170 года Раймунд поддержал назначение Вильгельма Тирского архиепископом Тира. Возможно, это частично объясняет положительные отзывы о Раймунде в хрониках Вильгельма. Занимая привилегированное положение в самом сердце политической и церковной иерархий латинского королевства, Вильгельм наблюдал и записывал историю Утремера.

Начало правления Бодуэна IV

Летом 1176 года Бодуэн IV достиг совершеннолетия, и регентство графа Раймунда подошло к концу. Юный монарх активно взялся за управление королевством и немедленно показал свой характер. Отвергнув политику дипломатиче-

ского сближения, которую проводил Раймунд, Бодуэн от- казался возобновить мирный договор с Дамаском и в на- чале августа повел войско в ливанскую долину Бекаа, где в сражении нанес поражение Туран-Шаху. Этот резкий сдвиг в политике отношений с исламом сопровождался упадком влияния графа Триполлийского, и до конца десятилетия Бо- дуэн предпочитал обращаться к другим, если ему нужна была помощь и поддержка. Ко двору вернулась его мать Аньес и вроде бы установила близкие отношения с ранее брошенным сыном. Она быстро приобрела влияние на его жизнь, и вскоре ее брат Жослен III был назначен королев- ским сенешалем, то есть занял высшую правительственную должность в королевстве, в сферу которой входила казна и королевская собственность. Проведя много лет в мусульман- ском плену, Жослен недавно был освобожден Гумуштегином из Алеппо в рамках договоренности о поддержке франкской Антиохии.

В это же время получил свободу другой аристократ, оказав- ший значительное влияние на историю Иерусалима, — Рено де Шатийон. Он был взят в плен Нур ад-Дином в 1161 году, будучи князем Антиохии, но за пятнадцать лет лишения сво- боды многое изменилось. Смерть его супруги Констанции и восхождение на престол в 1163 году его пасынка Боэмунда III лишили Рено возможности управлять сирийским княже- ством, но в то же время брак его падчерицы Марии Антио- хийской с византийским императором вернул ему определен- ный престиж. Из заключения он вышел боевым ветераном, имеющим хорошие связи, но совершенно безземельным. Эта аномалия вскоре была ликвидирована его женитьбой, кото- рую благословил король Бодуэн, на Стефании Милли, пра- вительнице Трансиордании, которая принесла ему сеньории Керак и Монреаль, а также место на переднем крае борьбы с Саладином.

Будучи сирийским князем, Рено приобрел репутацию че- ловека, склонного к насилию. Это произошло из-за его на- падения на занятый греками Кипр и печально известных попыток около 1154 года вытрясти деньги из латинского па- триарха Антиохии Эймери Лиможского. Несчастный прелат

был избит и выброшен из цитадели, после чего его заставили весь день просидеть на солнцепеке, а его обнаженную кожу смазали медом, чтобы привлечь тучи насекомых. В конце 1170-х годов Рено стал преданным союзником Бодуэна, обеспечивал ему надежную помощь в войне, дипломатии и политике.

Поскольку Египет и Дамаск были объединены под властью Саладина, а здоровье Бодуэна IV стремительно ухудшалось, палестинские франки предпринимали неоднократные, но бесплодные попытки заручиться иностранной помощью. Зимой 1176/77 года Рено де Шатийон был направлен королевским посланником в Константинополь, чтобы возобновить союз с греческим императором Мануилом Комнином. В сентябре 1176 года Византия потерпела поражение в сражении при Мириокефалоне (западная часть Малой Азии) от сельджукского султана Анатолии Кылыч-Арслана II (который в 1156 году стал преемником Масуда). Что касается живой силы и территории, потери греков в результате этого поражения оказались сравнительно небольшими. Но это был суровый удар по престижу Византии и в Европе, и в Леванте, и Мануилу пришлось как следует потрудиться, чтобы его восстановить. Надеясь восстановить греческое влияние на международной арене, император согласился на инициативу Рено де Шатийона, обещав военно-морскую поддержку нового наступления на Египет Айюбидов. В ответ на это латинское королевство должно было признать статус византийского протектората, и в Иерусалим должен вернуться христианский патриарх восточной церкви.

Какое-то время казалось, что предприятие принесет плоды. В конце лета 1177 года греческий флот, как и было обещано, прибыл в Акру. Это совпало с появлением в Леванте графа Филиппа Фландрского, сына крестоносца Тьерри Фландрского, во главе крупных сил. Филипп принял крест в 1175 году в ответ на отчаянные призывы латинян Утремера о новом Крестовом походе на Святую землю. Несмотря на очевидные добрые намерения, экспедиция Филиппа потерпела неудачу. Когда завершалась подготовка к наступлению на Египет, неожиданно начались склоки и споры из-за того, кто будет

иметь права на Нильский регион, если он падет. Погрязнув в распрях и взаимных обвинениях, затянувшаяся кампания потерпела крах. Византийский флот поспешно отбыл обратно в Константинополь. В сентябре 1177 года граф Филипп объединил силы с Раймундом III Триполийским, и вместе они провели зиму, пытаясь занять сначала Хаму, потом Харим. Шанс подорвать, возможно, даже разрушить позиции Саладина в Египте был упущен. Собрав для обороны внушительные силы, способные эффективно противостоять ожидаемому вторжению христиан, султан неожиданно для самого себя обнаружил, что ему больше ничто не угрожает.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Поздней осенью 1177 года Саладин начал свою первую важную военную кампанию после смерти Нур ад-Дина против латинского Иерусалимского королевства. Несмотря на большую значимость этого похода — все же первое выступление султана в новой избранной для себя роли главного борца за веру, — его истинные мотивы и цели были трудны для понимания. Вероятнее всего, наступление 1177 года не планировалось как полномасштабное вторжение в Палестину, имеющее целью взятие Иерусалима. Скорее оно имело случайный характер. Армии все равно уже были собраны для отражения ожидаемого нападения христиан, поэтому султан воспользовался шансом, чтобы на практике подтвердить свою преданность делу священной войны, утвердить свое военное превосходство над франками и обеспечить противовес их северосирийской атаке.

Саладин выступил из Египта во главе армии из 20 тысяч всадников и организовал передовой командный пункт в пограничном селении Аль-Ариш. Оставив обоз, он двинулся на север — в Палестину — и примерно 22 ноября достиг Аскалона. Там его встретил встревоженный Бодуэн IV. Основные силы франков находились на севере с Филиппом Фландрским и Раймундом III, и королю удалось в спешке собрать лишь небольшие силы. Как записал один христианский хронист,

«все потеряли надежду на выздоровление больного короля, и так полумертвого, но он все равно собрал в кулак всю свою волю и выехал навстречу Саладину». С королем были Рено де Шатийон, его сенешаль, Жослен де Куртене, 600 конных рыцарей и несколько тысяч пехотинцев, ну и епископ Вифлеемский. Эта армия попыталась остановить наступление мусульман, но оказалась в меньшинстве и вскоре отступила под защиту стен Аскалона, предоставив Саладину двигаться внутрь страны по направлению к Иудее⁴⁶.

Битва при Монжизаре

Султан допустил ошибку в расчетах. Вероятно уверившись, что франки и далее будут прятаться в Аскалоне, он позволил своим силам рассредоточиться и заняться грабежами франкских поселений, не имея эффективной сети лазутчиков, чтобы отслеживать передвижения Бодуэна. Однако юный король, которого подбадривал Рено де Шатийон, не собирался сидеть и ждать, пока его королевство разграбят. Соединившись в Газе с восьмьюдесятью тамплиерами, которые находились там со своим Великим магистром Одо де Сент-Аманом, Бодуэн принял безрассудно смелое решение выступить против Саладина. Как пишет Вильгельм Тирский, «король чувствовал, что мудрее схватиться с противником, пусть даже шансы на победу невелики, чем допустить, чтобы его людей грабили, жгли и убивали». Риск был чрезвычайно велик.

Вечером 25 ноября султан находился восточнее Ибелина, а большая часть его армии рассыпалась по прибрежной равнине, когда неожиданно появились латиняне. Оставшиеся с Саладином войска в это время переходили вброд небольшую реку возле горы Монжизар. Когда Рено де Шатийон обрушил на него мощный удар тяжелой кавалерии, Саладин не сумел организовать эффективную оборону, и его численно превосходящие силы вскоре стали отступать. Мусульманский современник признал, что разгром был полным. «Один из франков преследовал Саладина и подобрался совсем близ-

ко, но его убили. Франков вокруг султана становилось все больше, и он обратился в бегство».

Султану удалось покинуть поле боя, но сражение продолжилось. Опасаясь за свою жизнь, мусульманские солдаты бросали оружие и снаряжение и бежали налегке. Латиняне бросились в погоню и упорно преследовали противника до наступления темноты. Только ночь дала мусульманам передышку. Обе стороны понесли серьезные потери. Даже одержавшие триумфальную победу христиане потеряли 1100 человек убитыми, и еще 750 раненых были позже доставлены в госпиталь Святого Иоанна в Иерусалиме. Но если точное число убитых и раненых мусульман остается неизвестным, психологический ущерб оказался крайне тяжелым. Саладин был глубоко унижен. Его близкий друг и советник Иса попал в плен к франкам и провел несколько лет в заключении, после чего его выкупили за 60 тысяч золотых динаров. Султан был вынужден поспешно убраться в Египет, причем его страдания усилились из-за десяти дней необычайно сильного холодного дождя и чрезвычайно неприятного открытия: бедуины разграбили его лагерь в Аль-Арише. Испытывая нехватку продовольствия и воды, Саладин едва не погиб в Синае и вышел оттуда лишь в начале декабря, потрясенный, исхудавший и грязный.

От неудобной правды деваться было некуда: его собственная неосторожность и небрежность привела к поражению армии, и в результате он лишился репутации надежного военного лидера. Публично Саладин делал все, что мог, чтобы исправить картину. В письмах он утверждал, что латиняне потеряли намного больше людей. Что же касается отнюдь не быстрого возвращения армии в Каир, султан объяснял: «солдаты несли слабых и беспомощных и двигались медленно, чтобы отставшие в пути могли догнать своих товарищей». Он потратил много времени и денег на восстановление армии. Но в душе понимал, что Монжизар оставил заметные шрамы. Имад аль-Дин признавал, что «это была ужасная катастрофа», и даже десятилетием позже болезненная память о страшной трагедии все еще была жива, и султан признавал, что это было ошеломляющее поражение⁴⁷.

Бремя крови

Мысль о немедленном отмщении пришлось отложить, поскольку надо было справиться с более насущной проблемой — ликвидировать последствия неумелости и глупости Туран-Шаха. В апреле 1178 года Саладин прибыл в Дамаск, освободил брата от управления городом, но столкнулся с неожиданной трудностью. В качестве компенсации за лишение хлебной должности Туран-Шах потребовал губернаторство в Баальбеке — богатом древнем римском городе Ливана, расположенном на плодородной равнине Бекаа. Проблема заключалась в том, что султан уже пожаловал эти земли Ибн аль-Мукаддаму в знак благодарности за помощь в организации сдачи Дамаска в 1174 году. Понятно, что эмир вовсе не горел желанием лишиться такого приза. Урегулирование этого дела затянулось на несколько месяцев. Оно подчеркнуло проблему, которая занимала Саладина на протяжении всей его карьеры. Чтобы построить свою «империю», султан обычно полагался на членов своей семьи, а не на помощников, которых можно было выбрать за заслуги. Но такое доверие кровным узам иногда оказывалось необоснованным. Некомпетентные, ненадежные и даже потенциально опасные личности, вроде Туран-Шаха, были нешуточной обузой, которая могла серьезно повредить великой мечте Саладина о господстве Айюбидов. И все же султан никак не желал идти против уз крови. Стараясь решить дилемму Баальбека, султан также продемонстрировал, что для достижения своих целей он готов идти окольными путями и лгать.

Проведя все лето в бесплодных переговорах, осенью 1178 года Саладин отправился в Баальбек. Если верить Имад аль-Дину, султан начал с лести Ибн аль-Мукаддаму, а когда это не привело к желаемому результату, он просто блокировал город на всю зиму. Одновременно он начал открытую пропагандистскую кампанию, чтобы оправдать свое вмешательство. В письмах в Багдад Ибн аль-Мукаддам был объявлен раскольников, его обвинили в использовании «неумелой банды всякого сброда» для охраны границы против франков, а позднее в подерживании предательских контактов с христианами. К началу

весны «мятежный» эмир, репутация которого была окончательно испорчена, был вынужден подчиниться и вернуть Баальбек, который был отдан Туран-Шаху. Но даже здесь его правление оказалось неумелым и некомпетентным, родственник султана был изгнан в Египет, где в 1180 году умер. Ибн аль-Мукаддам снова был приближен к высочайшей особе, был щедро наделен землями к югу от Антиохии и Алеппо и до конца своих дней остался верным султану⁴⁸.

Дом скорби

Занимаясь решением проблемы Баальбека, Саладин осознал, что в пограничной зоне между Дамаском и Иерусалимским королевством происходит нечто тревожное. Желая развить успех, достигнутый при Монжизаре, Бодуэн IV разработал план, направленный на укрепление обороны Палестины и дестабилизацию положения Айюбидов в Сирии.

Чтобы оценить важность этих событий, необходимо иметь некоторое представление о том, как функционировали границы в XII веке. Как и во всем средневековом мире, мусульманские и франкские территории в Леванте были редко разделены чем-то напоминающим современную границу. Между ними существовали пограничные зоны — территории, на которые распространялось политическое, военное и экономическое влияние обеих сторон, но ни одна не обладала всей полнотой власти. Расположение этих территорий спорного контроля, сходных с «ничейной землей» между государствами, было тесно связано с географическими и топографическими особенностями — горами, реками, густыми лесами и пустынями. Попытка одной из сторон укрепить свое влияние в таком регионе могла иметь серьезные последствия в местной обстановке и нарушить общий баланс сил между соперниками.

В начале XII века нечто подобное происходило на Ближнем Востоке, где латинское княжество Антиохия расширяло сферу своего влияния на восток за естественную границу с Алеппо — невысокие скалистые горы Белус. Эта угроза су-

шествованию Алеппо вызвала ответные меры мусульман, кульминацией которых стало сражение на Кровавом поле в 1119 году. В конце 1170-х годов аналогичная конфронтация между Бодуэном IV и Саладином приняла угрожающие размеры. В этот период спорная пограничная зона между соответствующими государствами располагалась к северу от Галилейского моря и тянулась вдоль верхнего течения реки Иордан. Раньше эпицентр борьбы за господство здесь находился на северо-востоке — в Баниясе. Но после того как в 1164 году эта крепость перешла к Нур ад-Дину, латинское влияние к востоку от Иордана уменьшилось, и сложившийся статус-кво был в пользу Дамаска.

В октябре 1178 года Бодуэн IV снова начал борьбу за господство в верховьях Иордана. Но его целью был не возврат Банияса, а создание новых укреплений на западном берегу рядом с древней переправой, известной франкам как брод Иакова, а арабам — как Байт-аль-Азан, Дом скорби, где, как считалось, Иаков оплакивал предполагаемую смерть сына. С болотами вверх по течению и стремниной к югу этот брод был единственной переправой через Иордан на много миль вокруг и потому служил воротами между латинской Палестиной и мусульманской Сирией, открывая доступ к плодородному региону Терра-де-Суэт. Самым опасным для мусульман было то, что брод Иакова располагался в одном дне пути от Дамаска.

Бодуэн надеялся сместить баланс сил в регионе в пользу франков, построив на этом участке замок. Его поддержали тамплиеры, которые уже имели владения в Северной Галилее. И королевство, и орден придавали проекту большое значение. В период между октябрём 1178 года и апрелем 1179 года Бодуэн даже сам перебрался на место строительства, чтобы быть его непосредственным руководителем и защитником, и создал монетный двор, где чеканились монеты для оплаты рабочим. На месте же он подписывал королевские документы.

Этот замок был опасен для развивающейся империи Саладина, потому что мог служить франкам и в качестве пункта обороны, и как база для наступления. Средневековые

крепости редко (если это вообще когда-нибудь происходило) могли блокировать границу полностью — атакующие армии могли обойти крепость стороной или, имея достаточные резервы и людскую силу, пробиться мимо. Но замки обеспечивали относительно безопасное место для размещения войск, а те, в свою очередь, могли совершать вылазки и препятствовать попыткам вторжения. Наличие крепости тамплиеров у брода Иакова не могло не помешать султану в будущем нападать на латинское королевство. А ее гарнизон находился бы в удобном положении для набегов на мусульманскую территорию и задержки торговых караванов. Создавалась бы угроза и для самого Дамаска. Когда столица под угрозой, амбициозные планы Саладина распространить свою власть на Алеппо и Месопотамию вполне могли и не осуществиться. Поэтому опасность, представляемую строительством крепости у Иордана, нельзя было игнорировать. К сожалению, войска Саладина были заняты у Баальбека, и прямой удар по броду Иакова был неосуществим. Поэтому сначала султан решил использовать подкуп, а не грубую силу. Он предложил франкам сначала 60 тысяч, а потом 100 тысяч динаров за то, что они прекратят строительные работы и покинут стройплощадку. Несмотря на то что сумма была велика, Бодуэн и тамплиеры отказались.

На первый взгляд все уцелевшие письменные свидетельства указывают на то, что замок у брода Иакова был достроен к апрелю 1179 года, когда прокаженный король передал управление им тамплиерам. Вильгельм Тирский утверждает, что видел его той весной полностью готовым. Этот факт подтверждают и мусульманские свидетельства. В одном арабском источнике сказано, что стены замка — «неприступный бастион из камня и железа». До 1990-х годов историки предполагали, что это означает существование готового центрального замка — с внешней и внутренней стеной — у брода Иакова. Но в 1993 году израильский ученый Ронни Элленблум открыл местонахождение этой считавшейся давно утраченной франкской крепости. Его археологические исследования — он возглавлял международную группу экспертов — изменили наше понимание событий и интерпре-

тацию письменных источников. Раскопки уверенно доказали, что к 1179 году Брод Иакова не был концентрическим замком — на самом деле он имел только одну стену по периметру и единственную башню, то есть все еще оставался стройплощадкой. Это предполагает, что для Вильгельма Тирского и его современников «готовой» крепостью была та, что окружена стеной и может защищаться от нападения, а не та, что полностью достроена. В этой крепости в упомянутое время работы еще велись.

Для Саладина это означало, что Брод Иакова оставался сравнительно уязвимым, и после весны 1179 года, когда вопрос с Баальбеком был решен, он вернулся в Дамаск, чтобы разобраться с крепостью. В последующие месяцы произошло несколько ничего не решивших стычек — стороны «примеивались» друг к другу. Саладин возглавил экспедиционную армию, чтобы испытать силу Брода Иакова, но почти сразу отступил, когда один из его командиров был убит стрелой тамплиера. Тем не менее во время двух следующих стычек войска султана одержали верх над силами Бодуэна. В одной был убит коннетабль — главный военный советник короля, в другой был захвачен в плен Великий магистр ордена Одо де Сент-Аман с 270 рыцарями. Эти успехи мусульман разрушили военную командную структуру христиан и несколько загладили унижение мусульман при Монжизаре. Когда чаша весов склонилась в пользу Саладина, король Бодуэн отошел в Иерусалим, чтобы перегруппировать войска, а султан принялся собирать подкрепления из Северной Сирии и Египта.

К концу августа 1179 года Саладин был готов начать полномасштабное наступление у Брода Иакова. В субботу 24-го он начал осаду, намереваясь как можно скорее прорваться в замок. Времени на длительную осаду не было, потому что прокаженный король к этому времени уже находился на побережье Галилейского моря в районе Тивериады, то есть в полудне пути к юго-западу. Как только до него дошли слухи о нападении, он немедленно стал собирать армию на помощь, так что осада оказалась, по сути, атакой, при которой мусульмане старались прорвать укрепления крепости до при-

бытия главных сил латинян. Учитывая имеющиеся письменные свидетельства и последние археологические находки, можно получить яркую картину событий, происходивших на протяжении последующих пяти дней. Саладин начал с обстрела крепости стрелами с востока и запада — впоследствии археологи обнаружили здесь много сотен наконечников, — стараясь деморализовать тамплиеров. Одновременно специальные «минеры», вероятно из сирийского Алеппо, были направлены, чтобы прорыть подкоп под стеной в северо-восточном углу, надеясь обрушить ее. Туннель выкопали очень быстро, заполнили его деревом, но, когда сухое дерево подожгли, оказалось, что туннель слишком мал, чтобы повлиять на расположенную сверху стену. В отчаянии султан обещал золотой динар каждому, кто принесет бурдюк с водой с реки, чтобы погасить пламя, и затем началась работа по расширению подкопа. А Бодуэн тем временем готовился к переходу из Тивериады. На рассвете 29 августа прокаженный король тронулся в путь. Он не знал, что именно в это время минеры Саладина подожгли дерево в расширенном туннеле. Дерево догорело, проход обвалился, а с ним и часть стены. Позднее Саладин писал, что, когда огонь распространился, замок напоминал «корабль, дрейфующий по морю пламени». Его солдаты ворвались сквозь образовавшийся пролом, и началось рукопашное сражение, поскольку тамплиеры оказали отчаянное, хотя и тщетное сопротивление. Командир гарнизона тамплиеров совершил последний акт безумной храбрости — сел на своего коня и направил его прямо в огонь. Мусульманский очевидец писал, что «тамплиер бросился в огонь, невзирая на жар, и из этой жаровни отправился прямо в ад».

Когда крепостные укрепления были преодолены, латинский гарнизон в конце концов был сломлен, и последовало кровавое побоище. Недавно при раскопках внутри внешней стены обнаружено множество человеческих скелетов, что свидетельствует о ярости нападавших. На одном мужском черепе имеется три следа от удара мечом, причем последний рассек череп и повредил мозг. У другого отрублена рука выше локтя, и только после этого он был казнен. Когда

основная часть территории была охвачена огнем, Саладин казнил больше половины гарнизона и набрал гору добычи, в том числе тысячу кольчуг. В тот день спешащий в северном направлении Бодуэн впервые заметил на горизонте дым — признак разрушения Брода Иакова. Он опоздал на шесть часов.

В последующие два дня Саладин разрушил замок — сровнял его с землей. Позднее он утверждал, что уничтожил фундамент собственными руками. Большинство убитых латинян, а также их лошадей и мулов были сброшены в местный водоем. Это было неразумное решение, потому что вскоре после этого разразилась чума, изрядно потрепавшая мусульманскую армию и забравшая жизнь нескольких командиров Саладина. В середине октября, достигнув своей главной цели, султан решил покинуть проклятое место, и Брод Иакова был заброшен⁴⁹.

Успех Саладина летом 1179 года остановил наступательный порыв латинян, который набирал силу после Монжизара. Попытка франков захватить инициативу на территории вокруг верхнего Иордана оказалась блокированной. Султан защитил образованный им союз Египта и Сирии. Но работа по объединению ислама посредством подчинения Алеппо и Мосула осталась незавершенной.

Глава 11 СУЛТАН ИСЛАМА

Хотя Саладин в 1179 году добился ряда побед над франками, в начале 1180 года он вернулся к делам строительства империи, посвятив свое время и энергию укреплению власти над Египтом и Дамаском и распространению ее на мусульман Алеппо и Мосула. Весной 1180 года, когда Сирия была охвачена засухой и голодом, он согласился на двухлетнее перемирие с латинянами — этот договор был полезен обеим сторонам, учитывая, что ни одна из них не платила дань за установление мира. Этот договор позволил султану вплотную заняться проблемами мусульманского мира.

СТРЕМЛЕНИЕ К ГОСПОДСТВУ

Одним из приоритетов Саладина было противодействие росту власти и влияния Кылыч-Арслана II, сельджукского султана Анатолии. После разгрома византийцев при Мириокефалоне в 1176 году он был настроен агрессивно и имел некоторые основания утверждать, что является истинным поборником исламского джихада. Саладин развернул масштабную пропаганду, направленную на дискредитацию сельджукского лидера, утверждая, что он противник единства мусульман. Султан даже объяснил Багдаду свое перемирие с франками 1180 года тем, что не может одновременно противостоять двум большим угрозам — со стороны латинян и Кылыч-Арслана. Летом 1180 года Саладин оставил в Дамаске своего племянника Фаррух-Шаха, повел войска на север и заключил союз с рядом городов Верхнего Евфрата, чтобы ограничить амбиции Кылыч-Арслана Малой Азией. Султан также использовал военное давление, чтобы вынудить последнего армянского правителя Киликии Рубена III заключить договор о ненападении, тем самым эффективно нейтрализовав армянских христиан как противников экспансии Айюбидов.

Примерно в то же время политическую обстановку изменила серия смертей. В 1180 году умер византийский император Мануил Комнин, оставив одиннадцатилетнего сына и наследника, которого двумя годами позже сменил кузен Мануила Андроник Комнин. Этот период был отмечен постепенным ухудшением отношений между греками и крестоносными государствами, что отвечало интересам Саладина. В 1181 году византийцы заключили мирный договор с султаном — первый знак их перехода к политике нейтралитета в Леванте. После захвата власти Андроником в 1182 году последовали массовые убийства латинян, живших и торговавших в Константинополе, и новый император не предпринял никаких усилий к восстановлению связей с Утремером.

Аналогичные сдвиги имели место и на Востоке. В 1180 году халиф Аббасидов и его визирь тоже умерли. Понимая, что это может предвещать опасное ослабление его поддержки в Баг-

даде, Саладин принялся тщательно налаживать связи с новым халифом аль-Насиром. И у Зангидов не обошлось без потерь. Летом 1180 года умер правитель Мосула Саиф ад-Дин, его преемником стал его младший брат Изз ад-Дин. А в конце 1181 года умер от болезни сын и официальный наследник Нур ад-Дина аль-Салих. Ему было девятнадцать лет. Это событие имело принципиальную важность для будущих планов Саладина. В последние годы появились признаки того, что аль-Салих может превратиться в потенциально опасного противника, особенно после смерти Гумуштегина, ставшей результатом дворцовых интриг. Являясь номинальным главой Зангидов, аль-Салих был символом династии и пользовался симпатией населения Алеппо. Проживи аль-Салих дольше, он стал бы серьезным препятствием к возвышению Айюбидов. В любом случае его присутствие ослабило бы претензии Саладина на роль единственного справедливого защитника и поборника ислама и, вполне возможно, уничтожило бы надежды султана на поглощение Северной Сирии без открытого военного противостояния. Хотя власть в Алеппо вскоре перешла к старшему брату Саиф ад-Дина Имад ад-Дину Занги из Синджара, кончина аль-Салиха тем не менее дала Саладину давно ожидаемую возможность расширить свою власть в мусульманском мире⁵⁰.

Саладин тщательно готовился к новой кампании против Зангидов из Алеппо и Мосула. Проведя большую часть 1181 года и начало 1182-го в Египте, Саладин отправился в Сирию весной 1182 года, оставив управлять Нильским регионом аль-Адиля и Карагуша. Встревоженный новостями о том, что султан в мае пройдет через Трансиорданию, в первую очередь опасаясь, что может быть уничтожен созревающий урожай, Рено де Шатийон убедил Бодуэна IV собрать армию в Кераке. Если Саладин поведет свои войска мимо замка, но не атакует, военных действий не будет.

Перемирие, заключенное с франками в 1180 году, теперь утратило силу, и летом Айюбиды произвели несколько осторожных нападений на латинское Иерусалимское королевство. Когда Саладин двигался через Трансиорданию, Фаррух-Шах со своей базы в Дамаске воспользовался тем, что латинская

Галилея осталась практически без войск, и захватил маленькую христианскую крепость Кейв-де-Суэт — последний укрепленный аванпост в Терре-де-Суэт. Затем в июле и августе султан возглавил две экспедиции против франков. Первая — вторжение в Нижнюю Галилею и короткая осада крепости Бейсан — подтолкнула Бодуэна к сбору армии в Саффурии. Это место, расположенное на полпути между Акрой и Тивериадой, изобилующее водными источниками и богатыми пастбищами, было удобным местом сбора для христианской армии. 15 июля под безжалостным летним солнцем состоялось ничего не решившее сражение у Бейсана. Несчастный священнослужитель, несший Истинный крест, умер от теплового удара. А переправившись через Иордан, люди Саладина обнаружили, что место для лагеря попросту невыносимо — вода имела тошнотворный солоноватый вкус, а горячий воздух разносил заразу. Поэтому при первой же возможности войска вернулись в Дамаск⁵¹.

В августе 1182 года Саладин снова атаковал, на этот раз его целью стал прибрежный город Бейрут. Вновь построенный египетский флот уже использовался в 1179—1180 годах, угрожая латинскому судоходству в районе Акры и Триполи, но теперь султан развернул флот для организации наступления в двух направлениях. Бейрут был осажден с моря и с суши. Три дня лучники осыпали город градом стрел, а саперы делали подкопы под стены, но, когда подошла армия Бодуэна, Саладин прервал атаку и, разграбив окрестности, удалился на мусульманскую территорию.

Ни одна из кампаний 1182 года не была по-настоящему решительной. Они были своеобразной пробой сил, проверкой силы и реакции франков. Кроме того, их целью был захват максимальной добычи минимальной ценой и, по возможности, без риска. Они, если можно так сказать, задали тон на предстоящий год. Демонстрация преданности джихаду также позволила Саладину оправдать свои непрекращающиеся попытки подчинить себе мусульманскую Сирию и Месопотамию, что являлось его приоритетными задачами. В письмах Саладина халифу Багдада содержатся громкие утверждения и демагогические полемические доводы, постоянно выдвигаемые

Айюбидами в этот период. Султан жаловался, что он доказал свою готовность вести священную войну против франков, но вынужден постоянно отвлекаться от правого дела из-за угрозы агрессии Зангидов. Жизненно необходимо достичь мусульманского единства, и Саладин предложил, чтобы ему дали право подчинить себе любого мусульманина, который откажется присоединиться к нему в священной войне. Одновременно правители Алеппо и Мосула из рода Зангидов характеризовались как мятежные враги государства. Султан обвинил их в захвате власти по наследству, когда по закону халиф должен даровать право управлять этими городами по своему разумению. Также он сообщил, что Изз ад-Дин Мосульский согласился на невыгодное одиннадцатилетнее перемирие с Иерусалимом (тем самым нарушив установленный десятилетний лимит на договора между мусульманами и немусульманами) и обещал платить христианам ежегодную дань в размере 10 тысяч динаров. Аналогичные обвинения позже были выдвинуты в адрес Имад аль-Дина Занги в части его отношений с Антиохией. Заручившись поддержкой халифа и сформировав общественное мнение, Саладин заложил основу для большого наступления на Зангидов.

Сигнал к действию был подан в конце лета 1182 года, когда поступило сообщение от Кеукбури из Харрана, который до сих пор поддерживал Зангидов и в 1176 году воевал против Саладина. Теперь Кеукбури предлагал Айюбидам пересечь Евфрат и объявлял о своей готовности примкнуть к ним⁵². В ответ султан собрал армию и осенью отправился вести кампанию в Ираке, не возобновив договор о перемирии с Иерусалимом.

Кампании Саладина против Алеппо и Мосула (1182–1183)

В конце сентября 1182 года Саладин воспользовался приглашением Кеукбури как предлогом для начала новой экспедиции. Он отправился на восток, чтобы соединиться с правителем Харрана возле Евфрата и идти дальше в Джазиру. В

последующие месяцы султан прилагал большие усилия к тому, чтобы ограничить открытое противостояние с мусульманскими противниками, предпочитая принуждение, дипломатию и пропаганду, а не меч. Вскоре он затребовал в Египте и Дамаске дополнительные средства для подкупа противников. Даже Вильгельм Тирский считал, что султан использовал расточительные взятки, чтобы привлечь на свою сторону «почти весь регион... который раньше был под властью Мосула», включая Эдессу⁵³.

В ноябре Саладин выступил на Мосул. Несмотря на поддержку Кеукбури, султан не хотел начинать трудную и кровавую осаду города. Но надежда внушить Изз ад-Дину страх оказалась тщетной. К началу зимы сложилась тупиковая ситуация. В это время прибыли посланники от халифа аль-Насира, чтобы стать посредниками в переговорах о мире. К большой досаде Саладина, они заняли нейтральную позицию, не отдавая предпочтения ни Зангидам, ни Айюбидам, и, так и не добившись никакого прогресса, султан отвел свои войска. В декабре он прошел семьдесят пять миль (121 км) на восток до Синджара, где угрозами заставил укрепленный город сдаться, а после короткой паузы, переждав зиму, в начале весны 1183 года двинулся на северо-восток в Дийяр-Бакр и в апреле захватил считавшийся неприступным город. После этого успеха правитель Мардина из рода Артукидов согласился на союз, в котором ему отводилось подчиненное положение. За шесть месяцев султан практически изолировал и ослабил Мосул, овладев с помощью политики «кнута и пряника» большей частью Джазиры и Дийяр-Бахра. Зангиды почти ничего не могли предпринять в ответ. Изз ад-Дин и Имад аль-Дин Занги в конце февраля попытались организовать контрудар, но им не хватило ни ресурсов, ни уверенности в своих силах.

Саладин добился безусловного успеха, однако сам Мосул оставался для него недоступным. Весной он начал особенно громогласное дипломатическое наступление, надеясь склонить Багдад на свою сторону. В письмах халифу он утверждал, что Зангиды подстрекают франков нападать на территории Айюбидов в Сирии и даже финансируют эти нападения. Сул-

тан также использовал личное стремление халифа аль-Насира к политическому и духовному влиянию, заявив, что Айюбиды заставят Месопотамию признать власть халифа. Саладин заявил, что, если только Багдад поддержит его претензии на Мосул, он сможет завоевать Иерусалим, Константинополь, Грузию и Марокко. Одновременно султан коварно старался разрушить единство Зангидов. Он связался с Имад аль-Дином Занги и предупредил его, что Изз ад-Дин якобы согласился на союз с Айюбидами против Алеппо.

С конца весны Саладин, выбрав основным направлением своей военной кампании Алеппо, снова пересек Евфрат и 21 мая 1183 года расположил войска вокруг города. Он опять хотел избежать открытого военного противостояния, но жители Алеппо продемонстрировали готовность защищать свою собственность и не желали подчиняться. К счастью для Саладина, Имад аль-Дин Занги оказался более уступчивым. Осознав, что положение Айюбидов в Сирии уже слишком прочное, в отличие от его собственного, правитель тайно вступил в переговоры с султаном. 12 июня он согласовал условия и открыл ворота цитадели для войск султана, к немалому потрясению местного населения. В качестве компенсации Имад аль-Дин Занги получил территорию в Джазире, в том числе свое прежнее владение в Синджаре. За это он обещал выделять султану войска по первому требованию. Юрдик, сирийский военачальник, который помогал Саладину захватить египетского визиря Шавара в 1169 году, также тем летом перешел на другую сторону. С 1174 года Юрдик хранил стойкую верность Алеппо и отказывался поддерживать Айюбидов. Теперь наконец он поступил на службу султана и стал одним из его самых преданных и способных помощников.

Получив контроль над Алеппо, Саладин сразу постарался ограничить беспорядки и создать атмосферу единства. Некоранические налоги были упразднены, а чуть позже тем же летом был издан закон, обязывающий немусульманское население города носить отличительную одежду. Эта мера, по видимому, должна была способствовать единству среди суннитов и шиитов Алеппо и ускорить их одобрение власти Айюбидов.

Оккупация Алеппо являлась существенным достижением Саладина. Спустя почти десятилетие он все же объединил мусульманскую Сирию и теперь мог считаться правителем огромной территории от Нила до Евфрата. Из дошедших до нас писем видно, как султан праздновал и рекламировал свой успех. Как всегда, он позаботился о том, чтобы обеспечить оправдание своим действиям, заявив, что с радостью разделит бы лидерство с другими достойными людьми, но на войне должен быть только один командир. Покорение Алеппо было названо шагом на пути к возвращению Иерусалима, и Саладин с гордостью объявил, что «ислам теперь готов вытеснить ночной призрак неверия»⁵⁴.

Несмотря на явную демагогию, к концу лета 1183 года стало очевидно, что Саладин, по крайней мере в какой-то степени, выполнил обещание, подразумевавшееся в его пропаганде. Чтобы укрепить оборону Северной Сирии, он согласился на перемирие с Боэмундом III Антиохийским, выторговав исключительно благоприятные условия для ислама, в том числе освобождение мусульманских пленных и территориальные уступки, прежде чем отправиться в Дамаск и организовать демонстрацию силы против Иерусалимского королевства.

ВОЙНА ПРОТИВ ФРАНКОВ

Баланс сил во франкской Палестине за последние годы существенно изменился. В конце 1170-х годов, когда здоровье Бодуэна IV неуклонно ухудшалось, был запланирован брачный союз между его овдовевшей сестрой Сибиллой и видным французским аристократом герцогом Гуго III Бургундским. Кончина короля Людовика VII в 1180 году, в результате которой наследником французского престола остался его юный сын Филипп-Август, нарушила эти планы, поскольку из-за обострившейся борьбы за власть во Франции Гуго не пожелал оставлять свое герцогство. Следовало срочно найти новую пару для Сибиллы. В это время Раймунд III Триполийский и Боэмунд III Антиохийский решили, что ради их собственных амбиций и безопасности Иерусалима Бодуэна IV следует

отстранить от власти. На Пасху 1180 года эта пара решила устроить то, что, по сути, было государственным переворотом, — заставить Сибиллу выйти замуж за их союзника Бодуэна Ибелина, члена могущественной династии Ибелинов. Если бы это произошло, прокаженный король оказался бы лишенным власти. Но Бодуэн IV не желал примириться с таким поворотом событий. При поддержке своей матери и дяди — Аньес и Жослена де Куртене — он взял инициативу в свои руки. Раньше, чем Раймунд и Боэмунд успели вмешаться, король выдал Сибиллу замуж за предпочтительного для него кандидата — Ги де Лузиньяна, благородного рыцаря, недавно прибывшего в Левант.

Конечно, частично выбор Бодуэна был обусловлен необходимостью — Ги оказался единственным неженатым взрослым мужчиной, достаточно высокородным, чтобы стать мужем его сестры, находившимся тогда в Палестине. Связь Ги с Пуату, регионом, которым правил анжуйский король Англии Генрих II, также могла стать немаловажным фактором. В связи с тем, что капетингская Франция пребывала в беспорядке, важность Англии как союзника возросла. Тем не менее появление Ги как ведущего политического игрока было внезапным и неожиданным. Женившись на Сибилле, Ги де Лузиньян стал законным наследником иерусалимского престола. Ему также предстояло выполнять роль регента, если Бодуэн IV больше не сможет управлять из-за болезни. Вопрос заключался лишь в том, что стремительное возвышение Ги озлобило многих придворных, в том числе Раймунда Триполийского и Ибелинов. Да и политические и военные качества Ги оставались неизвестными, так же как и его готовность ограничить собственные амбиции ради интересов короны⁵⁵.

Дерзкое нападение латинян

Решение Саладина начать наступление против франкской Палестины осенью 1183 года не было инициировано единственно его желанием подтвердить свое звание главного

борца за веру. В какой-то степени его нападения были мстостью за недавнюю агрессию латинян. В конце 1182 года во время отсутствия султана в Ираке франки совершили ряд набегов на территории вокруг Дамаска и Басры и снова взяли Кейв-де-Суэт.

На юге в Трансиордании Рено де Шатийон начал более решительные военные действия, к которым он готовился, возможно сообща с королем, уже два года. Лазутчики Саладина донесли, что правитель Керака собирается напасть, но султан ошибочно предположил, что целью атаки будет путь через Синай, соединяющий Египет и Дамаск, и дал задание аль-Адилю укрепить фортификационные сооружения в ключевом пункте Аль-Ариш. На самом деле план Рено был намного смелее, хотя и, с точки зрения стратегии, менее благоразумным. В конце 1182 — начале 1183 года пять галер, построенных в Кераке, были по частям перевезены на спинах верблюдов в залив Акаба, там собраны и спущены на воду в Красном море. Впервые в этих водах оказались корабли христиан. Рено разделил свой флот: два корабля блокировали занятый мусульманами порт Акаба, который он сам атаковал с суши, а оставшиеся три галеры ушли на юг — на них были арабские лодчаны и солдаты. Очевидно, информация о деяниях этой маленькой флотилии так никогда и не достигла франков. Единственный латинский источник отметил, что после ухода кораблей «ничего не было о них слышно, и никто не знал, что с ними случилось». Нанеся некоторый ущерб Акабе, Рено вернулся домой.

Однако в мусульманском мире шокирующая беспрецедентная экспедиция латинян в Красном море вызвала ярость. В течение многих недель три христианские галеры сеяли панику в портах Египта и Аравии, угрожали паломникам и купцам, а главное — духовному центру ислама, священным городам Мекка и Медина. Даже прошел слух, что мусульмане хотят похитить тело пророка. Только когда аль-Адиль переправил собственный флот из Каира на Красное море, с ними удалось справиться. Вынужденные пристать к арабскому берегу христиане бежали в пустыню, но, оказавшись в

безвыходном положении, 170 солдат решили сдаться, вероятно в обмен на обещание безопасности. Их обманули.

Саладин получил информацию об этих событиях, находясь в Ираке. Он настоял, чтобы всему свету стало известно: неверных, знающих путь в священные для каждого мусульманина города, нельзя оставлять в живых. Но про себя он, безусловно, был вынужден признать неприятную истину: в момент кризиса он, объявивший себя борцом за веру, отсутствовал, сражаясь со своими братьями-мусульманами. Поэтому, несмотря на явное смятение аль-Адиля, султан потребовал кары за «беспрецедентное чудовищное» преступление латинян, и, согласно арабскому свидетельству, настоял, чтобы «земля была избавлена от их мерзости, а воздух — от их грязного дыхания». Большинство пленных были отправлены по одному и парами в разные города и поселения, находящиеся под властью Айюбидов, и там публично казнены. Но двоим была предназначена еще более печальная участь. Во время очередного хаджа их отвели на специальную площадку на окраине Мекки, где обычно забивают скот, мясо которого идет в пищу беднякам, и зарезали, «как животных, приносимых в жертву» перед толпой паломников.

Осквернение Аравии было отмщено, и имидж султана — главного борца за веру — существенно укрепился. Однако горькая память о скандальном рейде франков на Красное море сохранилась, а его организатор — Рено де Шатийон — стал отверженным⁵⁶.

Начало конфликта?

Когда, наконец, осенью 1183 года угроза стала реальностью и нападение Саладина на Иерусалим произошло, оно выявило слабость христиан. Накануне летом резко ухудшилось здоровье Бодуэна. Он практически потерял зрение, а конечности покрылись такими глубокими язвами, что несчастный не мог пользоваться ни руками, ни ногами. Он больше не мог ездить верхом и теперь перемещался только на носилках. Тем не менее и в это время Вильгельм Тирский

утверждал, что даже физически слабый и немощный король имел острый ум и всячески старался скрывать болезнь и заниматься делами королевства. В 1183 году он подхватил какую-то вторичную инфекцию и после приступа лихорадки потерял надежду на жизнь. Страдая от собственного бессилия, опасаясь, что Саладин вот-вот начнет новую кампанию, и не имея сведений о том, где он нанесет удар, юный король не знал, что делать. Он приказал иерусалимским силам, а также войскам из Триполи и Антиохии собраться в Саффурии, а сам удалился в Назарет и временно передал власть Ги де Лузиньяну.

В сентябре 1183 года, когда Саладин вторгся в Галилею, Ги, будучи регентом, являлся главнокомандующим франкскими вооруженными силами. Он стоял во главе самой крупной франкской армии, когда-либо собиравшейся в Палестине, — в нее входило 1300 рыцарей и 15 тысяч пехотинцев, хотя она и казалась небольшой по сравнению с ордами мусульман. Не имея опыта командования такой огромной армией в боевых условиях, Ги подвергся суровому испытанию, но по военным меркам все же действовал успешно, хотя и не очень зрелишно. Когда Саладин разграбил Бейсан, Ги перешел в наступление, используя пехоту для прикрытия конных рыцарей, и, вступая в небольшие стычки с противником, всячески избегал крупных сражений. Надеясь заставить латинян нарушить боевой порядок, Саладин отошел на небольшое расстояние на север, но преследования, на которое он рассчитывал, не последовало. Обе стороны заняли оборонительные позиции в миле (1,5 км) друг от друга в районе деревни Айн-Джалут. В течение двух недель ситуация оставалась тупиковой, несмотря на отчаянные попытки султана спровоцировать неприятеля на атаку. И в середине октября мусульманская армия ушла за Иордан. Франки пережили крайне опасный момент.

На протяжении всей кампании Ги следовал установившимся принципам оборонительной стратегии крестоносцев. Он поддерживал дисциплину в войсках, старался ограничить мобильность противника, наступая для создания угрозы, но не вступал в рискованные боевые столкновения. Не-

смотря на осторожность и компетентность, он подвергся резкой критике своих противников при дворе за то, что позволил Саладину безнаказанно уйти после того, как он вторгся в королевство. Его осудили за осторожность и даже робость — качества, не свойственные рыцарской культуре. Реальность была такова, что осторожное бездействие, несмотря на свою обоснованность, было непопулярно у латинян. Даже суверены и закаленные в боях командиры были вынуждены силой навязывать приказы, которые могли быть сочтены унижительными и трусливыми. В 1115 году Роджер Салернский пригрозил ослепить своих людей, чтобы только удержать их на линии, а в последующие годы Ричард Львиное Сердце тоже испытывал трудности с не желающими прослужить трусами воинами. Ги был никому не известным командиром, недавно ставшим регентом, и его право командовать признавалось не всеми. Осенью 1183 года ему была крайне необходима демонстрация готовности бросить вызов врагу, а еще лучше — решительная военная победа, чтобы привлечь на свою сторону сомневающихся и молчаливых критиков. Ему нужно было хотя бы показать, что он обладает силой воли, чтобы подавить независимую иерусалимскую аристократию. Иными словами, получилось так, что, сделав именно то, что необходимо для защиты королевства, Ги сослужил себе плохую службу. Неудивительно, что политические противники воспользовались этим случаем, чтобы очернить его репутацию⁵⁷.

После короткой паузы в конце октября 1183 года Саладин двинулся на юг в Трансиорданию, чтобы осадить Керак. Это была более решительная атака, поскольку теперь у султана имелись осадные машины, но также это была удобная возможность встретиться с братом аль-Адилем, который направлялся из Египта, чтобы начать управление новой территорией Айюбидов в Северной Сирии. Осада султаном Керака также совпала, возможно намеренно, со свадьбой высокородного франка Онфруа IV Торонского и единокровной сестры короля Изабеллы, на которой присутствовали Рено де Шатийон, его жена Стефани Милли и мать Изабеллы Мария Комнина. Вполне возможно, Саладин желал за-

хватить такой пышный букет христианской знати, потому что выкуп за них составил бы кругленькую сумму*. Позднее ходили слухи, что во время осады дама Стефани отправила праздничную еду султану, а тот взамен обещал не обстреливать часть крепости, занятую новобрачными. Если в этой истории есть доля правды — мусульманские источники о ней не упоминают, — тогда галантность Саладина была мотивирована желанием сохранить жизнь ценных заложников.

Новость об осаде Керака достигла латинского двора в Иерусалиме в момент, когда между франками уже начался конфликт. Вопреки ожиданиям лихорадка прокаженного короля прекратилась, и к нему вернулись силы. После событий в Айн-Джалуте он и Ги де Лузиньян поссорились из-за прав на королевство, и, памятуя о Раймунде III и братьях Ибелин, юный монарх лишил его прав на регентство. Уже когда над Кераком нависла угроза, Бодуэн созвал совет, чтобы обсудить кандидатуру нового наследника, и в конце концов выбор пал на сына Сибиллы от первого брака — племянника и тезку короля Бодуэна V. 20 ноября 1183 года пятилетний мальчик стал объявленным наследником, коронованным и помазанным как соправитель в церкви Гроба Господня. Даже Вильгельм Тирский был вынужден признать, что «мнения мудрых людей относительно этой великой перемены были многочисленными и разными... но, поскольку обоим королям было трудно, одному из-за болезни, другому из-за юного возраста, она была совершенно бесполезна». Архиепископ тем не менее обнаружил собственные взгляды, лишь слегка их завуалировав. Он сделал вывод, что такое решение, по крайней мере, лишит надежды когда-нибудь взойти на трон «совершенно некомпетентного Ги»⁵⁸.

Приняв решение, Бодуэн отправился в Трансиорданию, надеясь освободить Керак. Учитывая его состояние здоро-

* Конечно, учитывая давнюю вражду между Саладином и Рено де Шатийоном и в свете обращения с ним султана в более поздний период, вероятнее всего, в данном случае Саладин не стал бы требовать выкуп за Рено.

вья, короля скорее всего несли на носилках, а Раймунд Триполийский был назначен главнокомандующим франкской армией. Несмотря на замедленную реакцию латинян, Саладин не сумел преодолеть громадный сухой ров Керака и 4 декабря 1183 года снял осаду, тем более что армия христиан уже была на подходе. В целом его нападение было не слишком уверенным, и он определенно не желал встречаться с франками в открытом сражении. И прокаженный король смог войти в крепость как спаситель.

Той зимой трещина в отношениях между Ги де Лузиньяном и Бодуэном IV углубилась, в результате всю первую половину 1184 года латинское королевство было ослаблено этими раздорами. Саладин, однако, сосредоточился на дипломатической борьбе за Мосул и не пытался угрожать франкам до самого конца лета. Примерно 22 августа он начал еще одну осаду Керака, но прокаженный король собрал остатки сил и сформировал армию, султан снял осаду, отступил и разбил хорошо укрепленный лагерь в нескольких милях к северу. Латиняне не попытались атаковать, и он двинулся дальше. Проведя короткую кампанию в долине Иордана и атаковав Наблус, Саладин вернулся в Дамаск.

В двух экспедициях 1183 и 1184 годов против Иерусалимского королевства Саладин использовал стратегию осторожного наступления, продолжая оказывать давление на франков и испытывать их силу, почти не рискуя и избегая сражения, если враг отказывался драться на его условиях и в избранном им месте. Эти кампании часто изображались как выверенные, постепенно увеличивающиеся шаги на пути к полномасштабному вторжению. Но их с тем же успехом можно рассматривать как осторожные удары в борьбе, которая имела пока лишь второстепенное значение для султана. Характерно то, что в начале 1180-х годов все наступления Саладина в рамках джихада были сосредоточены почти исключительно в двух регионах, имевших стратегическое, политическое и экономическое значение для империи Айюбидов: Трансиордании, по которой проходил сухопутный маршрут, соединяющий Египет и Дамаск, и которая также являлась главной артерией для торговых караванов и потока

паломников в Аравию; и Галилее, латинской области, представлявшей угрозу для Дамаска.

Истина заключается в том, что в этот период Саладин не выказывал намерения предпринять решающее вторжение в Палестину и не делал попыток схватиться с франками в решающем сражении. Иными словами, латинскому господству в Иерусалиме ничто не угрожало. Султан вел войну против Утремера, но его усилия представлялись, по крайней мере частично, стараниями подтвердить свою объявленную во всеуслышание преданность джихаду — временами его нападения были попросту символическими жестами. Если оглянуться назад, становится очевидно, что из-за крайней уязвимости франков решительное наступление на Иерусалимское королевство принесло бы Саладину победу уже в 1183—1184 годах. В защиту султана можно сказать, что он вряд ли точно знал, насколько слабы христиане.

Важно понимать, что, если арабские и латинские хроники и биографы, говоря о политических и военных событиях 1180-х годов, передают усиливающееся напряжение между христианами Утремера и Айюбидами, другие источники того времени предлагают другой взгляд на проблему. Иберийский мусульманин, паломник и путешественник Ибн Джубайр осенью 1184 года проходил по Святой земле с мусульманским торговым караваном из Дамаска в Акру и стал свидетелем высоко развитых межкультурных контактов и вполне мирного сосуществования.

Одна из удивительных вещей заключается в следующем: хотя огонь вражды, безусловно, горит между этими двумя сторонами, мусульманами и христианами, их армии могут сойтись в бою и уничтожить друг друга, мусульманские и христианские путешественники приходят и уходят, не мешая друг другу. В этой связи мы видели [уход] Саладина со всеми мусульманскими войсками, чтобы осадить крепость Керак, один из величайших оплотов христиан, лежащий на дороге в Мекку и Медину и мешающий проходу христиан по суше.

Султан осадил ее и привел в бедственное состояние. И долго длилась осада, но все же караваны успешно шли из

Египта в Дамаск, и шли через земли франков, и их никто не задерживал. Также мусульмане постоянно путешествовали из Дамаска в Акру [через территорию франков], и ни одного христианского купца не остановили [на мусульманской территории].

Это удивительное свидетельство предполагает, что торговля беспрепятственно продолжалась все эти годы, связывая два разных мира — христианский и исламский. Труды Ибн Джубайра опровергают идею о том, что две противоборствующие силы находились в постоянном непримиримом конфликте.

Если его видение левантийского мира показательно — а следует помнить, что Ибн Джубайр был посторонним человеком, который прибыл в этот регион на несколько месяцев, а потом его покинул, тогда явно неудавшаяся попытка Саладина отдать предпочтение джихаду становится более понятной⁵⁹.

Какой бы ни была истинная глубина вражды между исламом и франками, в течение следующего года кризис власти в Иерусалимском королевстве обострился. Осенью 1184 года состояние Бодуэна IV снова ухудшилось, и вскоре стало ясно, что король умирает. Несмотря на постоянно одолевавшие его сомнения относительно преданности Раймунда Триполитского, Бодуэн назначил графа регентом. Единственной реальной альтернативой этой кандидатуре был Рено де Шатийон, который был занят обороной Трансиордании. В середине мая 1185 года Бодуэн IV умер, достигнув возраста двадцати трех лет, и был похоронен рядом со своим отцом Амори в церкви Гроба Господня. Почти весь период своего беспокойного правления Бодуэн сражался с кошмарными трудностями — он понимал, что не может эффективно управлять, вместе с тем не в состоянии обеспечить приемлемую замену или устроить успешную передачу власти. Тем временем мусульманская угроза возрастала. Юный король мужественно боролся с немощью, но не мог контролировать амбиции своих могущественных подданных и нередко ошибался в суждениях. Одной из его главных ошибок стало то, что он в 1183 году отказал в поддержке Ги де Лузиньяну. Он

вошел в историю как трагическая фигура, человек, стремившийся защищать Святую землю, но положивший начало десятилетию губительного упадка.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

В 1185 году Саладин снова обратил свое внимание на мусульманскую Месопотамию. Новые попытки договориться с Мосулом в начале 1184 года снова оказались неудачными, несмотря на то что султан продолжал усиливать свое влияние в регионе и завоевал поддержку близлежащих иракских поселений, применяя то запугивание, то подкуп. Однако к 1185 году стало ясно, что необходима вторая экспедиция за Евфрат, чтобы власть Айюбидов окончательно укрепилась и Мосул подчинился их воле. Сирия и Египет были защищены годовым перемирием с Раймундом Триполийским, которое было заключено той весной. И Саладин направился на восток из Алеппо во главе большой армии. Его сопровождали Иса и аль-Маштуб. Позднее к ним присоединился Кеукбури.

Все еще заботясь о поддержании своего имиджа борца за веру и объединителя мусульман, Саладин отправил послов в Багдад, чтобы объяснить эту кампанию, снова прибегнув к уже привычным заявлениям. Сначала создалось впечатление, что Изз ад-Дин Мосульский склонен к переговорам, но его дипломатические усилия оказались бессистемными и, возможно, предпринимались только для ослабления военного импульса Айюбидов. Довольно скоро султан предпринял вторую осаду Мосула — в разгар лета. Кампания оказалась непримечательной: прогресс был настолько медленным, что Саладин начал всерьез подумывать сломить упорство горожан, изменив русло реки Тигр — направив ее в сторону от города, чтобы прекратить водоснабжение. В августе он ушел на север, чтобы завершить завоевания в регионе Дийяр-Бакр, и к осени большая часть мусульманской Месопотамии уже была на стороне Айюбидов — или подчинившись добровольно, или уступив силовому воздействию. Только Изз ад-Дин не склонил головы, но и его сопротивление понемногу пошло на убыль.

Перед лицом смерти

В это время — 3 декабря 1185 года — султан заболел — подхватил лихорадку — и убыл в Харран. Шли недели и месяцы, его силы уменьшались, а тревога его приближенных усиливалась. На протяжении всего периода Имад аль-Дин, который путешествовал на восток вместе с Саладином, обменивался взволнованными письмами с аль-Фадилем. В них была тревога, страх и смятение, которые теперь охватили мир Айюбидов. Дважды казалось, что султан идет на поправку и опасность миновала. Один раз аль-Фадиль даже радостно сообщил, что получил записку, написанную рукой Саладина, но в обоих случаях его состояние снова ухудшилось. Придворные доктора, прибывшие из Сирии, спорили о возможных методах лечения, сидя у постели Саладина, который то впадал в забытие, то снова возвращался к реальности. Его тело было полностью истощено. Сидя рядом с больным, Имад аль-Дин писал, что «боли у султана усилились, также возросли его надежды на милосердие Господа». Еще он заметил, что «распространение плохих новостей скрыть невозможно, особенно когда доктора выходят и говорят, что надежды нет. Тогда ты видишь, как люди отсылают свои сокровища». В начале 1186 года аль-Фадиль написал, что в Дамаске «сердца трепещут, а на языках полно слухов». Он просил, чтобы султана привезли с границ его земель в безопасную Сирию.

В январе Саладин продиктовал свое завещание, и к середине февраля аль-Адиль прибыл из Алеппо для того, чтобы поддержать его. Но также он желал быть рядом, когда надо будет взять власть в свои руки, если это понадобится. Тем временем другой Айюбид ускользнул из Харрана, чтобы спровоцировать восстание. Насир ад-Дин, сын Ширкуха, хранил и пестовал жгучую зависть к возвышению Саладина в Египте, то есть в регионе, на который он сам мог претендовать еще в 1169 году, как наследник Ширкуха. В 1170 году посредством уступки Хомса была куплена его вынужденная лояльность, но теперь, когда смерть султана казалась неизбежной, Насир ад-Дин увидел для себя шанс возвыситься. Тайно собрав войска в Сирии, он стал вынашивать планы захвата Да-

маска. Но время он выбрал неудачно. В последние дни февраля султан пережил кризис и начал медленно, но верно поправляться. К 3 марта Насир ад-Дин был уже мертв. Согласно официальной версии, он скончался от какой-то стремительно развивающейся болезни, но в народе ходили слухи, что его отравили агенты Саладина.

Таким образом, в начале 1186 года султан столкнулся лицом к лицу с собственной смертью. Часто утверждали, что после этой встречи он стал другим человеком. У него было время подумать о своей жизни, вере и достижениях в многочисленных войнах, которые он вел против франков и против своих братьев-мусульман. Некоторые современники называли это моментом глубоких превращений в жизни и карьере султана. Впоследствии он посвятил себя делу джихада и возвращению Иерусалима. Очевидно, во время болезни он поклялся употребить всю свою энергию для этой цели, независимо от того, на какие жертвы придется пойти. Имад аль-Дин писал, что болезнь была знаком свыше, она «пробудила [Саладина] от сна забывчивости». Он отметил, что султан позже консультировался с исламскими юристами и теологами относительно своих моральных обязательств. Аль-Фадиль, который был против придания главного значения Мосульской кампании, теперь старался убедить Саладина вообще отказаться от агрессии против мусульман. На деле болезнь Саладина заставила его в марте 1186 года пойти на компромисс с Мосулом. Зангидский правитель Изз ад-Дин остался у власти, но признал господство султана, включил его имя в пятничную молитву и обещал выделить войска для священной войны⁶⁰.

Карьера Саладина до 1186 года

По мнению современных ученых — в первую очередь в классической политической биографии Саладина, написанной Малколмом Лайонзом и Дэвидом Джексоном, опубликованной в 1982 году, — столкновение Саладина со смертью оказалось показательным и в другом отношении. Оно поста-

вило вопрос, какое место занял бы Саладин в истории, если бы его судьба сложилась по-иному и его жизнь оборвалась в Харране в начале 1186 года. Лайонз и Джексон пришли к выводу, что Саладина бы помнили как «умеренно успешного воителя и правителя, использовавшего ислам в собственных целях». Это представляется весьма поучительным, хотя и несколько грубоватым. До этого момента султан внес лишь ограниченный вклад в джихад. После 1174 года он провел тридцать три месяца, сражаясь против мусульман, и только одиннадцать — против франков. Он был узурпатором с очевидной жаждой власти, имеющим соответствующие возможности и способности, агрессивным автократом, постоянно захватывавшим мусульманские территории, на которые не имел законных прав. Одновременно он активно использовал пропаганду для оправдания своих действий и клеветы на противников. Конечно, не все историки принимают такое описание Саладина. Некоторые упорно доказывают, что он всю жизнь был одержим священной войной против франков, всегда готовился к полномасштабной атаке на Иерусалим и при любой возможности вступал в бой с христианами. Однако, согласно документам того времени, это мнение ошибочно⁶¹.

Неудивительно, что цели Саладина до 1186 года продолжают обсуждаться, поскольку даже у его современников не было единого мнения по этому вопросу. Многие восхваляли султана. Незадолго до своей смерти (около 1185 года) Вильгельм Тирский писал, что правитель Айюбидов представлял собой серьезную и непосредственную угрозу существованию Утремера, но тем не менее характеризовал его как человека «мудрого в совете, отважного в битве и щедрого сверх всякой меры»⁶². Тем не менее другие противники и сторонники — от прозангидского иракского хрониста Ибн аль-Асира до личного секретаря султана аль-Фадила — слишком хорошо знали, что именно недостаток истинной преданности джихаду Саладина дал основания для обвинения его в своекорыстном создании империи. Если бы султан умер в 1186 году, вопрос о его истинных намерениях так бы и остался открытым. Но он остался в живых, и теперь в его ушах звучал призыв к священной войне.

Глава 12

СОЛДАТ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Весной 1186 года Саладин немного окреп и вернулся в Дамаск. Ему уже исполнилось сорок восемь лет. Оставшуюся часть года он посвятил заботам о своем здоровье и продолжительным беседам на религиозные темы, а когда набрался сил, начал охотиться. Тем летом люди были взбудоражены предсказанием надвигающегося апокалипсиса. Уже несколько десятилетий астрологи предсказывали, что 16 сентября 1186 года планеты расположатся вдоль одной линии так, что возникнет катастрофический ветер, который сметет с лица земли все живое. Это пророчество было известно и мусульманам, и христианам, но султан считал его нелепым. В ночь ожидаемой катастрофы он специально устроил празднование на открытом воздухе, и это когда большинство людей попрятались по пещерам и подземным укрытиям. Праздник прошел без происшествий, и один из его участников даже заметил, что давно не было такой тихой и спокойной ночи.

По мере выздоровления Саладин начал осуществлять реорганизацию и распределение власти на территории, которая теперь могла именоваться империей Айюбидов. Прежде всего он назначил своего старшего сына аль-Афдаля наследником. Юный принц, которому было около шестнадцати лет, был доставлен из Египта в Сирию. Его встретили как султана, и наследник стал номинальным главой города, хотя в последующие годы Саладин старался держать сына рядом с собой и учил всему, что считал необходимым для правителя. Двое младших сыновей султана тоже получили достойные награды. Четырнадцатилетний Утман был назначен правителем Египта, и брат султана аль-Адиль отправился из Алеппо на Нил, чтобы стать наставником мальчика. Алеппо перешел к тринадцатилетнему аль-Захиру. Единственной проблемой, связанной с этими экстенсивными перестановками, стал племянник Саладина Таки аль-Дин. Являясь наместником Египта с 1183 года, он продемонстрировал тревожную тенденцию к независимым действиям. С помощью Карагуша (которого Саладин поставил в 1169 году надзирать за каир-

ским двором) Таки аль-Дин строил планы ведения кампании в западном направлении вдоль североафриканского побережья, которая могла лишить султана войск, необходимых ему в других местах. Также ходили слухи, что во время болезни султана Таки аль-Дин готовился объявить о своей автономии. Осенью 1186 года Иса, искусный дипломат, получил деликатное задание — убедить Таки аль-Дина отказаться от Египта и вернуться в Сирию. Прибывший неожиданно в Каир Иса сначала был встречен всевозможными увертками и, вероятно, впоследствии посоветовал Таки аль-Дину идти, куда его душе угодно. Это вроде бы нейтральное заявление имело достаточно грозный подтекст, и племянник Саладина вскоре отбыл в Дамаск, где его хорошо приняли, вернули владение в Хаме и еще земли в недавно покоренном регионе Дийяр-Бакр⁶³.

Вопрос послушания Таки аль-Дина отражал более широкую проблему. Чтобы обеспечивать свою разрастающуюся империю, султан полагался на поддержку членов семьи, но одновременно он стремился защитить интересы сыновей, прямых продолжателей династии Айюбидов. И ему необходимо было достичь равновесия: использовать энергию и амбиции родственников вроде Таки аль-Дина, поскольку они были необходимы для сохранения и расширения империи, но в то же время ограничить их независимость. В случае с Таки аль-Дином Саладин надеялся обеспечить лояльность, предложив племяннику перспективу продвижения в Верхнюю Месопотамию.

ИСЛАМ ОБЪЕДИНЕН?

Попытки Саладина решить судьбы членов династии Айюбидов в 1186 году были напрямую обусловлены усилением его власти и расширением территории, которой он теперь владел. Появившись как политическая и военная сила в 1169 году, он возглавил подчинение ближневосточного ислама, захватив власть в Каире, Дамаске, Алеппо и на больших территориях Месопотамии. Ликвидация халифата Фатими-

дов положила конец разделению между суннитской Сирией и шиитским Египтом, дав начало новой эре панлевантийского мусульманского согласия. Эти достижения, равных которым не знала история того времени, превзошли даже деяния Нур ад-Дина. На первый взгляд Саладин объединил ислам от Нила до Евфрата; его монеты, ходившие по всей империи и за ее пределами, теперь имели надпись «султан ислама и мусульман», объявляя всем о его гегемонии. Такой образ часто принимался современными историками — типичным стало недавнее заявление одного ученого, который сказал, что с 1183 года «правление всей Сирией и Египтом было в руках Саладина»⁶⁴.

Тем не менее идея, что Саладин теперь стоял во главе мира полного и прочного мусульманского единства, глубоко ошибочна. Его «империя», образованная благодаря причудливой смеси прямых завоеваний и дипломатии с позиции силы, была, по сути, непрочным объединением очень разных и далеких друг от друга государств, многие из которых управлялись вассальными правителями, чья верность была весьма ненадежной. Даже в Каире, Дамаске и Алеппо — опорах его империи — султан полагался на преданность и помощь членов своей семьи, то есть на добродетели, которые никогда не были гарантированными. В других местах, таких как Мосул, Малая Азия и Джазира, господство Айюбидов являлось по большей части эфемерным, зависящим от свободы союза и окрашенным едва скрытой враждебностью.

В 1186 году чары сохранились. Но только потому, что Саладин выжил после болезни и остался достаточно богатым, могущественным и влиятельным, чтобы диктовать свою волю. В последующие годы работа по поддержанию и управлению такой географически обширной и политически неоднородной империей испытала султана на прочность. И старания противодействовать укоренившимся центробежным силам, которые могли легко разорвать на части империю Айюбидов, оказались постоянными и крайне утомительными.

Даже после семнадцати лет изнурительной борьбы работа Саладина не была завершена. В разгар священной войны он мог рассчитывать на ядро из преданных, закаленных в боях

воинов, но в основном султан стоял во главе хрупкой, часто своенравной коалиции, каждую секунду осознавая, что его империя может быть разрушена восстанием, мятежом или отказом взяться за оружие. Этот факт чрезвычайно важен, потому что он сформировал мышление и стратегию султана, часто заставляя его следовать по пути наименьшего сопротивления, чтобы добиться быстрой внушительной победы. Современники и историки нашего времени нередко критиковали качества Саладина как военного командующего на этой последней стадии его карьеры, утверждая, что ему не хватало твердости, чтобы вести дорогостоящие и длительные осады. На самом деле он зависел от скорости действий и постоянного успеха, чтобы поддерживать импульс движения мусульманской военной машины, понимая, что она может развалиться, если остановится.

Фундаментом, на котором зиждилась империя Саладина, был джихад. Каждый шаг, расширявший власть Айюбидов, он оправдывал как средство для достижения этой главной задачи. Единство под его флагом могло быть куплено дорогой ценой, но он утверждал, что всегда действовал ради одной цели — ведения джихада для изгнания франков из Палестины и освобождения Иерусалима. Идеологический импульс оказался удивительно мощным инструментом, который подпитывал двигатель экспансии, но цена была неизмеримо высока. Если Саладин не хотел прослыть обманщиком и деспотом, все его обещания, касающиеся беззаветной преданности делу, теперь должны были быть выполнены, и священная война, которой так долго ждали, наконец должна разразиться. Определенно после болезни и последовавшего за ней периода размышлений и углубления духовности пропаганда султаном джихада стала активнее. Почитаемые исламские ученые, такие как братья Ибн Кудама и Абд аль-Гани, являвшиеся давними сторонниками Саладина, были среди тех, кто ускорил распространение религиозного фанатизма. В Дамаске, да и во всем государстве, слагались религиозные стихи и трактаты о вере, обязательности джихада и первостепенного значения Иерусалима. Их регулярно читали на массовых собраниях. К концу 1186 года, судя по все-

му, султан не только признал политическую необходимость всеобщего наступления на латинян, но также посчитал джихад своим личным делом. Это ясно из свидетельства одного из немногих критиков Саладина среди современных ему мусульманских хронистов, историка из Мосула Ибн аль-Асира. Повествуя о военном совете начала 1187 года, он пишет:

«Один из эмиров Саладина сказал ему:

— Лучший план, по моему мнению, вторгнуться на территорию, и, если франки встанут против нас, мы должны схватиться с ними. Люди на Востоке проклинают нас и говорят: «Он отказался от борьбы с неверными и обратил все свое внимание на борьбу против мусульман. Мы должны предпринять действия, которые оправдают нас и заставят людей прекратить болтовню».

Ибн аль-Асир намеревался осудить экспансионизм Айюбидов и вызвать общественное давление на султана. Но он предположил, что Саладин как раз в это время пережил момент осмысления самого себя. По словам Ибн аль-Асира, султан объявил о своем намерении отправиться на войну, после чего горестно заметил, что «от решения человека ничего не зависит, и мы не знаем, сколько осталось от наших жизней». Возможно, именно осознание собственной смертности подтолкнуло султана к действию; какой бы ни была причина, перемена, вероятно, действительно произошла. Остается вопрос относительно истинной степени его решимости воевать с франками в 1169—1186 годах, но независимо от того, что было раньше, в 1187 году Саладин обратил всю силу своей империи против Иерусалимского королевства. Теперь он был исполнен желания сойтись с христианами в решающем сражении⁶⁵.

КОРОЛЕВСТВО ГИБНЕТ

Всплеск агрессии Айюбидов совпал с углублением кризиса в латинской Палестине. В какой-то момент между маем и серединой сентября 1186 года юный король Бодуэн V умер, и начался ожесточенный спор за престол. Граф Раймунд Три-

полийский, выступавший в роли регента, попытался захватить трон, но его переиграли Сибилла (сестра Бодуэна IV) и ее супруг Ги де Лузиньян. Заручившись поддержкой патриарха Ираклия, большого числа знати и военных орденов, Сибилла и Ги устроили свою коронацию и помазание, как королева и король. Раймунд хотел разжечь гражданскую войну, объявив Онфруа Торонского и его супругу Изабеллу законными монархами Иерусалима. Однако, вероятно подумав об ужасном уроне, который может быть нанесен, если его претензии будут удовлетворены, Онфруа отказался идти в этом направлении.

Став королем, Ги первым делом постарался выиграть время, чтобы восстановить хотя бы отдаленное подобие порядка в королевстве, возобновив договор с Саладином до апреля 1187 года в обмен на 60 тысяч золотых византинов. Ги был неоднозначной личностью. Бодуэн Ибелин был настолько возмущен его возвышением, что покинул его светлость и отбыл в Антиохию. Став королем, Ги принялся раздавать самые влиятельные посты своим родственникам из Пуату, что тоже не способствовало повышению его популярности. Чтобы разобраться с самым могущественным врагом, Раймундом Триполитским, Ги, судя по всему, разработал план силового захвата власти в Галилее. В ответ Раймунд пошел на беспрецедентный шаг — попросил о защите Саладина. Мусульманские источники указывают, что многие советники султана подозрительно отнеслись к просьбе франка, но Саладин счел это обращение почетным предложением союза, вызванным поразившей франков раздробленностью. К явному ужасу своих латинских современников, Раймунд приветствовал мусульманские войска в Тивериаде, введенные для усиления городского гарнизона, и позволил войскам Айюбидов беспрепятственно проходить по землям Галилеи. В этот тяжелый момент граф совершил акт измены, посеяв еще больший разлад среди христиан.

В зимние месяцы 1186/87 года Рено де Шатийон, властелин Керака, нарушил перемирие с Айюбидами, напав на мусульманский караван, шедший через Трансиорданию из Каира в Дамаск. Его мотивы остаются неясными. Вероятно, это

была банальная жадность в сочетании с осознанием того бесспорного факта, что султан собирает силы для широкомасштабного наступления. В последующие недели он не сделал ничего, чтобы исправить отношения, наотрез отказавшись удовлетворить требование султана о компенсации убытков. Даже без действий Рено Саладин почти наверняка отказался бы возобновить перемирие с франкской Палестиной, поэтому, скорее всего, следует отказаться от популярной ранее точки зрения о том, что это сеньор Керака разжег войну. Тем не менее действия Рено усилили его статус презренного врага мусульманского мира. Они также обеспечили Саладина поводом к войне.

РОГА ХАТТИНА

Весной 1187 года Саладин начал готовить силы для вторжения в Палестину. Стянув войска из Египта, Сирии, Джазиры и Дийяр-Бахра, он собрал огромную армию из 12 тысяч профессиональных кавалеристов — они составили ее ядро — и 30 тысяч пехотинцев. Один мусульманский очевидец сравнил их со стаей «старых волков и злобных львов», а сам султан описывал, как пыльное облако, поднимающееся, когда двигалась эта орда, «закрывало солнце». Собрать такую массивную армию само по себе было немалым искусством. Местом сбора были выбраны плодородные земли Хаурана, расположенные к югу от Дамаска, а поскольку солдаты прибывали издалека, мобилизация заняла много месяцев. За ее ходом надзирал старший сын Саладина аль-Афдаль. Это была его первая большая командная роль⁶⁶.

На начальном этапе кампании 1187 года мусульманская стратегия в основном следовала принципам, выработанным Айюбидами в ходе боевых действий предыдущих лет. В апреле султан вошел в Трансиорданию, чтобы соединиться с войсками из Северной Африки, одновременно выполнив несколько карательных рейдов на Керак и Монреаль, а также уничтожил везде, где мог, урожай. Но франки не отреагировали на провокацию. Тем временем 1 мая аль-Афдаль при-

нял участие в разведке боем за Иордан, прошупывая оборону Тивериады, а Кеукбури возглавил конный отряд из 7 тысяч воинов, чтобы провести разведку излюбленного места сбора армии франков — Саффурии. Той ночью их заметили стражники в Назарете, и небольшой отряд тамплиеров и госпитальеров, в то время путешествовавших по Галилее во главе с Великими магистрами обоих орденов, решил дать бой. Последовало кровопролитное столкновение у источника Крессон. Находившиеся в меньшинстве латиняне — у них было всего 130 рыцарей и около 300 пехотинцев — были убиты или взяты в плен. Великий магистр тамплиеров сумел спастись, но его коллега из госпитальеров был обнаружен среди убитых. Таким образом был нанесен первый удар, укрепивший моральный дух мусульман и подорвавший силы христиан. После этого шокирующего разгрома угрозу со стороны Айюбидов игнорировать уже стало невозможно, поэтому король Ги и Раймунд Триполийский поспешно, хотя и неохотно помирились, и граф окончательно разорвал контакты с Саладином.

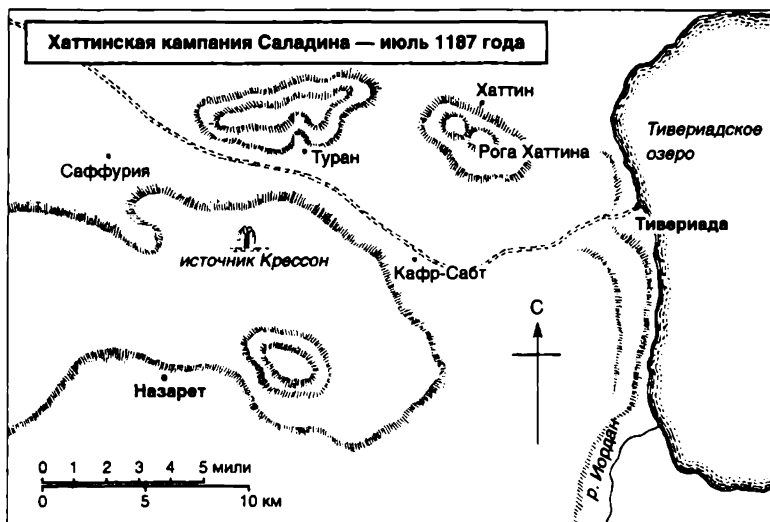
В конце мая султан вошел в Хауран и, когда прибыли последние контингенты войск, выдвинулся на передовой сборный пункт в Аштаре, расположенный всего в дне пути от Галилейского моря. Теперь к нему присоединился Таки аль-Дин, вернувшийся из Северной Сирии, где серия мощных набегов заставила франкского князя Боэмунда III согласиться на условия перемирия, которые защищали Алеппо от нападения. В июне Саладин разрабатывал окончательные планы, завершал тренировки войск и организацию боевых порядков, так чтобы его огромная армия могла функционировать дисциплинированно и эффективно. Было сформировано три главных контингента: правым и левым флангами командовали соответственно Таки аль-Дин и Кеукбури, а центром лично Саладин. В пятницу 27 июня 1187 года мусульмане завершили приготовления к войне. Они переправились через Иордан южнее Галилейского моря, и вторжение в Палестину началось.

В ответ на угрозу исламской атаки король Ги последовал стандартному франкскому протоколу, собрав христианскую

армию в Саффурии. Учитывая беспрецедентные размеры мусульманской армии, король сделал решительный шаг — объявил всеобщую мобилизацию. Он собрал всех, кто может держать оружие, и использовал деньги, присланные английским королем Генрихом II на Святую землю (вместо участия в Крестовом походе), чтобы заплатить наемникам. Член свиты султана писал, что «латинянам не было числа, их было много, как гальки, 50 тысяч или даже больше», однако в действительности Ги вряд ли мог собрать больше 1200 рыцарей и 15—18 тысяч пехотинцев и туркополов. Это была самая крупная армия, когда-либо собиравшаяся под Истинным крестом — тотемным символом военной доблести и духовной стойкости франков, — но тем не менее мусульман было намного больше. Собирая эту армию, христианский король пошел на огромный риск, оставив палестинские крепости с минимальными гарнизонами. Если сражение закончится серьезным поражением латинян, Иерусалимское королевство окажется практически без защиты⁶⁷.

А целью Саладина была именно решающая победа. Он хотел увлечь франков подальше от безопасной Саффурии в решающее сражение на выбранной им местности. Но весь его опыт военных действий с Иерусалимом подсказывал, что противника будет не так легко заставить устремиться в безрассудное преследование. В последние дни июня султан вышел из долины Иордана на возвышенности Галилеи и разбил лагерь у маленькой деревушки Кафр-Сабт (около шести миль (9,6 км) к юго-западу от Тивериады и десять миль (16 км) к востоку от Саффурии) среди равнин и невысоких холмов, кое-где усеянных выходами горных пород. Он принялся испытывать выдержку латинян, отправляя небольшие отряды грабить окрестности, пока сам лично на расстоянии изучал лагерь короля Ги. Через несколько дней стало очевидно: чтобы добиться от франков нужной реакции, потребуется более наглая провокация.

2 июля 1187 года Саладин расставил ловушку, возглавив атаку на слабо защищенный город Тивериада, где сопротивление христиан вскоре было сломлено. Только цитадель еще держалась, предложив сомнительное убежище даме Эскиве,

супруге Раймунда Триполийского. Эти новости достигли Саффурии (на самом деле султан, вероятнее всего, велел пропустить гонцов Эскивы, просившей о помощи). Саладин рассчитывал, что, узнав о бедственном положении Тивериады, Ги бросится на помощь. Наступил вечер, и султан принялся ждать, сработает ли приманка.

В шестнадцати милях (26 км) от него франки спорили. На совете с участием ведущих представителей знати королевства граф Раймунд советовал проявить осторожность и терпение. Он утверждал, что риск прямого столкновения с такой грозной мусульманской армией слишком велик и его следует избегать, даже если Тивериада падет и его собственная супруга окажется в плену. Со временем полчища Саладина разбредутся, как это было со многими исламскими силами ранее, вынудив султана отступить. Тогда можно будет вернуть Галилею и организовать выкуп Эскивы. Другие, включая Рено де Шатийона и Великого магистра тамплиеров Жерара де Ридфора, имели иную точку зрения. Они советовали Ги игнорировать предателя, недостойного доверия, — графа Раймунда, говорили, что трусливое бездействие покроет всех стыдом, и требовали немедленно выступить на освобождение Тивериады.

Согласно одной версии событий король первоначально решил остаться в Саффурии, однако ночью передумал. Возможно, на него сумел повлиять Жерар. Хотя представляется, что решающим фактором, в конечном счете сформировавшим стратегию латинян, все же был собственный опыт Ги. Оказавшись в аналогичной ситуации четырьмя годами раньше, он воздержался от сражения с Саладином и в результате подвергся насмешкам и унижениям. Теперь в 1187 году набрался храбрости, и утром 3 июля его армия вышла из Саффурии.

Как только Саладин узнал, что франки уже на марше, он немедленно вернулся на Галилейские холмы, оставив небольшой отряд для удержания плацдарма в Тивериаде. Враг шел на восток сомкнутым строем, а значит, почти наверняка выбрал широкую римскую дорогу, ведущую из Акры к Галилейскому морю. Раймунд Триполийский находился в авангарде, тамплиеры в арьергарде, пехота прикрывала кавалерию. Мусульманский очевидец описывал, как они шли, «волна за волной», причем «воздух смердел, свет померк, и пустыня была оглушена» их наступлением. Точные цели Ги де Лузиньяна на первый день определить трудно, но он вполне мог оптимистично рассчитывать дойти до Тивериады или, по крайней мере, до Галилейского моря. Султан был исполнен решимости не допустить ни того ни другого. Выслав вперед мелкие отряды, которые должны были беспокоить колонны христиан, он держал основные силы на открытом плато к северу от Кафр-Сабта, блокируя им путь.

Саладин правильно рассудил, что доступ к воде будет играть решающую роль в конфликте. В разгар лета солдатам и лошадям, идущим по такой засушливой местности, грозит обезвоживание. Помня об этом, султан приказал, чтобы все колодцы в окрестностях были засыпаны, одновременно обеспечив снабжение собственных войск из источника в Кафр-Сабте, а также водой, доставляемой на верблюдах из долины Иордана. Остался только источник в деревне Хаттин на узком краю плато, и подходы к нему хорошо охранялись. Таким образом, султан создал, по сути, безводную убийственную зону⁶⁸.

Около полудня 3 июля франки устроили небольшой привал возле деревушки Туран, источник которой мог на время

утолить их жажду, но был явно недостаточным для многих тысяч человек. Ги, должно быть, верил, что сможет прорваться в Тивериаду, потому что продолжал медленное продвижение на восток. Но он недооценил численное преимущество Саладина. Оставив центральную часть армии на месте, чтобы заблокировать продвижение христиан, султан выслал фланговые подразделения Кеукбури и Таки аль-Дина, чтобы те завладели Тураном, преградив латинянам путь к отступлению. Вскоре франки вышли на плато, приготовленное Саладином для сражения и победы. Капкан захлопнулся.

В конце дня христианский король заколебался. Уверенная прямая атака или в восточном направлении к Галилейскому морю, или в северо-восточном — к Хаттину все еще имела некоторые шансы на успех, поскольку позволяла латинянам пробиться к воде. Но вместо этого Ги принял отчаянное решение разбить лагерь на совершенно безводном участке, организовать защиту которого было невозможно — это было равносильно признанию неминуемости поражения. В ту ночь атмосфера в двух лагерях была совершенно разной. Окруженные мусульманами так близко, что «солдаты могли переговариваться друг с другом», и так плотно, что «даже мышь не проскочит», франки стояли в полной темноте и с каждым часом слабели от изнуряющей жажды. А войска султана выкрикивали «Аллах Акбар!», и их отвага постоянно увеличивалась — они почувствовали запах победы. А их лидер тщательно готовился к нанесению последнего, решающего удара.

Сражение не началось с рассветом 4 июля. Вместо этого Саладин позволил христианам продолжить медленное движение, вероятно в восточном направлении по главной римской дороге. Он ожидал начала полуденной жары, которая должна была усилить жажду у противника. Затем, чтобы усилить страдания франков, войска султана начали поджигать кустарник, окуривая врага клубами удушающего дыма. Позднее султан утверждал, что пожар — «напоминание о том, что Бог приготовил для них в ином мире». Всего перечисленного было достаточно, чтобы группы пехотинцев и даже отдельные рыцари стали покидать строй и сдаваться. Один мусульман-

ский очевидец утверждал, что «франкам нужна была передышка, и их армия в отчаянии искала путь к спасению. Но все пути к отступлению были отрезаны, люди были измучены жарой и не имели возможности отдохнуть»⁶⁹.

Пока небольшие отряды мусульманских воинов продолжали терроризировать противника, но самое страшное оружие Саладин еще не использовал. Накануне ночью он раздал 400 связок стрел своим лучникам и теперь около полудня приказал начать обстрел. «Луки гудели, тетивы пели... стрелы летели по воздуху, как тучи саранчи», убивая людей и лошадей. Ряды франков быстро редели. Когда запаниковавшая пехота нарушила боевой порядок, Раймунд Триполийский устремился в атаку на контингент Таки аль-Дина на северо-востоке, но мусульманские войска просто расступились, чтобы нейтрализовать силу их атаки. Обнаружив себя вышедшими из боя, Раймунд, Рено Сидонский, Балиан Ибелин и еще несколько рыцарей передумали возвращаться и сочли за благо бежать. Мусульманский хронист записал, что: «Когда граф бежал, дух латинян был сломлен и они были близки к поражению. Но затем они поняли, что их спасет от смерти только смелость, и начали успешно атаковать, и могли бы выбить мусульман с позиций, несмотря на численное меньшинство, если бы не воля Божья. Но больше франки не атаковали и отступили, не понеся больших потерь, хотя были ослаблены... Мусульмане окружили их, как круг свой центр»⁷⁰.

Ги сделал попытку прорваться на северо-восток к возвышенностям, где два одинаковых выхода горной породы — Рога Хаттина — охраняют седловину между ними и похожий на чашу кратер. Здесь две тысячи лет назад поселенцы железного века создали некое подобие форта на холме, и его древние разрушенные стены все еще могли предложить франкам некоторую защиту. Собрав оставшиеся войска под Истинным крестом, король стал готовить уцелевших рыцарей к последней решительной схватке. Единственную надежду христианам давал удар в самое сердце армии Айюбидов — по Саладину лично. Если желтое знамя султана будет повержено, ход сражения вполне может измениться.

Много лет спустя аль-Афдаль описывал, как он, стоя рядом с отцом, в страхе наблюдал, как франки дважды наносили тяжелые удары через седловину Рогов, направляя своих коней прямо на них. В первый раз их едва удалось отбить, и принц, обернувшись, увидел, что его отец «охвачен горем... его лицо было бледным». Другой свидетель описал ужасный урон, нанесенный латинянам, когда они повернулись спиной к Рогам, потому что преследовавшие их мусульмане умело орудовали копьями и мечами. Но даже при этом, как вспоминал аль-Афдаль, «...франки перегруппировались и атаковали, как раньше, оттеснив мусульман к Саладину, но их снова заставили отступить. Аль-Афдаль крикнул:

— Мы разбили их!

Но отец повернулся к нему и сказал:

— Тише, мы еще не разбили их, пока не упал тот шатер. — Пока он говорил эти слова, шатер упал. Султан спешился, распростерся ниц, возблагодарив Господа Всемогушего, и заплакал от радости».

Когда королевские позиции были опустошены, Истинный крест захвачен, и остатки сопротивления христиан сломлены, Ги и вся знать латинского королевства, за исключением нескольких рыцарей, сумевших ускользнуть, были взяты в плен, и с ними несколько тысяч франкских пехотинцев. Еще много тысяч были убиты⁷¹.

Когда шум битвы стих, Саладин, сидя у входа в свой шатер, стал принимать самых важных пленных. По обычаю к ним следовало относиться с почестями и со временем позволить выкупить, но султан сначала призвал на аудиенцию двух самых важных пленных — короля Иерусалима и своего общепризнанного врага Рено де Шатийона. Когда эта пара оказалась перед ним, Саладин повернулся к Ги, «который умирал от жажды и дрожал от страха, как пьяница», и любезно предложил ему золотую чашу, полную ледяного джулепа. Король сделал несколько жадных глотков этого божественного эликсира, но, когда он передал чашу Рено, султан заметил через переводчика: «У тебя не было моего разрешения давать ему напиток, так что этот дар не подразумевает его безопасности от моей руки». Дело в том, что по арабской

традиции предложение гостю еды или питья равнозначно обещанию защиты. По утверждению мусульманского хрониста, затем Саладин повернулся к Рено и «стал бранить за его грехи и... предательство». Когда франк стойко отверг предложение принять ислам, султан «встал, чтобы посмотреть ему в лицо, и снес ему голову. После того как Рено был убит и унесен прочь, Ги начал дрожать от страха, но Саладин успокоил его», заверив, что его не постигнет подобная участь. И король Иерусалима был уведен в плен⁷².

Личный секретарь султана Имад аль-Дин постарался наиболее точно воскресить в памяти сцену, свидетелем которой стал после наступления темноты. Когда тем вечером тьма опустилась на Галилею, «султан, — писал он, — расположился на равнине Тивериады, как лев в пустыне, или луна в своем полном величии», а «мертвые были разбросаны по холмам и долинам... Поэтому запах победы был приправлен вонью мертвечины». Идя по полю боя, которое «превратилось в море крови», а пыль «стала красной», Имад аль-Дин лично убедился, какого масштаба бойня произошла в тот день: «Я шел мимо них и видел конечности павших, отрубленные и разбросанные повсюду, рассеченные надвое головы, перерезанные глотки, сломанные хребты... Тела были расчленены...»

Даже двумя годами позже, когда мусульманин из Ирака проезжал по полю сражения, он издали увидел кости мертвых, «одни были свалены в кучу, другие разбросаны».

4 июля 1187 года полевая армия франкской Палестины была разгромлена. Захват мусульманами частицы Истинного креста нанес сокрушительный удар боевому духу христиан на всей территории Ближнего Востока. Имад аль-Дин заявил, что «крест — это приз, которому нет равных, потому что он высшая драгоценность их веры». Он верил, что захват Истинного креста «для них важнее, чем потеря короля, это тяжелейший удар, который их настиг в сражении». Реликвия была прикреплена вверх тормашками к копыю и увезена в Дамаск⁷³.

В бою было захвачено так много латинских пленных, что рынки Сирии оказались переполненными, и цена на рабов

упала до трех золотых динаров. Кроме Рено де Шатийона казнили только воинов из духовно-рыцарских орденов. Эти смертоносные франкские «подстрекатели» были сочтены слишком опасными, чтобы оставить их в живых, кроме того, они были бесполезны в роли заложников, поскольку обычно отказывались просить выкуп за свое освобождение.

Имад аль-Дин писал: «Саладин с радостным лицом сидел на своем возвышении 6 июля, когда к нему привели сто или двести тамплиеров и госпитальеров. Лишь немногие приняли предложение принять ислам, на остальных набросилась банда учеников и суфиев... набожных людей и отшельников», непривычных к актам насилия. Имад аль-Дин так описал сцену убийства: «Некоторые рубили и резали чисто, и получили за это благодарность, другие отказывались, не могли совершить убийства, и были прощены, некоторые ставили себя в дурацкое положение, и другие занимали их места. Я видел, как они убивали неверие, чтобы дать жизнь исламу, и уничтожали многобожие, чтобы создать единобожие».

Победа Саладина над силами латинского христианства была абсолютной. Шестью днями позже он написал письмо, вновь переживая свою победу, утверждая, что «сияние меча Господа вселило ужас в многобожников», а «господство ислама расширилось». «Это был, утверждал султан, день благодати, когда волк и стервятник водят дружбу, а смерть и плен следуют по очереди... момент, когда наступил рассвет после ночи неверия». Со временем он возвел триумфальный купол на Рогах Хаттина, разрушенные очертания которого видны по сей день⁷⁴.

ПАДЕНИЕ КРЕСТА

Триумф Хаттина открыл дорогу другим успехам мусульман. Огромные потери христиан в живой силе 4 июля оставили Иерусалимское королевство в состоянии крайней уязвимости, потому что в больших и маленьких городах, равно как и в крепостях, почти не осталось гарнизонов. Тем не

менее очевидное преимущество ислама вполне могло расцезаться и исчезнуть, если бы Саладин не продемонстрировал такого упорства и решительности и не имел столь обширных ресурсов. В общем, тем летом франкская Палестина пала почти без звука.

Тивериада капитулировала сразу, и меньше чем через неделю сдалась Акра — центр экономической жизни Утремера. В последующие недели и месяцы Саладин прилагал основные усилия к покорению прибрежных поселений и портов Палестины. Один за другим пали Бейрут, Сидон, Хайфа, Кесария и Арсуф. Тем временем брат султана аль-Адиль, извещенный о победе при Хаттине сразу после битвы, двинулся из Египта на север, чтобы захватить жизненно важный порт Яффа. Потом были и другие вылазки в глубь континента, также успешные. Аскалон сопротивлялся долго, но к сентябрю даже этот порт был вынужден сдаться, а за ним — Дарум, Газа, Рамла и Лидда. Даже тамплиеры со временем сдали свою крепость Латрун, расположенную у подножия Иудейских холмов, по пути в Иерусалим, в обмен на освобождение своего Великого магистра Жерара де Ридфора.

Стремительность и успешность действий мусульман частично объяснялись их большим численным превосходством, а также наличием в распоряжении Саладина способных преданных помощников, таких как аль-Адиль и Кеукбури. Это позволило ряду полуавтономных военных отрядов Айюбидов свободно рыскать по королевству, существенно увеличивая масштаб и скорость операций. Один латинский очевидец отметил, что мусульмане «распространялись, как муравьи, заполонив всю страну». Однако, строго говоря, ход событий того лета в основном определялся стратегией Саладина. Понимая, что исламское единство можно сохранить, только если не потерять набранную движущую силу, он старался рассеять сопротивление христиан, применяя милосердную примирительную политику. С самого начала франкским поселениям предлагались великодушные условия капитуляции. К примеру, даже латинские источники признали, что «населению Акры» дали возможность остаться в городе, жить под мусульманским правлением «в безопасности и выплачивая налоги,

что обычно между христианами и сарацинами». Тем же, кто хотел уехать, «давали сорок дней, за которые они могли собрать и увезти свои пожитки, жен и детей»⁷⁵.

Судя по всему, такие же условия были предложены всем городам и крепостям, сдававшимся без сопротивления, и, что самое главное, договоренности соблюдались. Держа слово и не позволяя просто грабить Левант, Саладин быстро создал себе репутацию честного и справедливого человека. Это оказалось мощным оружием, потому что, оказавшись перед выбором — безнадежное сопротивление или гарантированное выживание, многие гарнизоны сдавались. Таким образом, Иерусалимское королевство было захвачено с удивительной скоростью и с минимальными затратами. Тем не менее и этот подход оказался не без недостатков. Начиная с июля 1187 года множество латинян стали беженцами, и, верный своему обещанию, султан позволил им прибыть в порт, откуда, как предполагалось, они должны были отправиться в Сирию или на Запад. В действительности оказалось, что сотни и даже тысячи франков искали убежища в единственном оставшемся франкском порту Палестины — хорошо укрепленном городе Тир.

Саладин оказался перед выбором. Большая часть береговой линии и внутренних территорий была в его руках, но лето подошло к концу, и было очевидно, что возможен только еще один последний рывок, прежде чем наступление зимы сделает продолжение военных действий невозможным. Следовало определить первичную цель. С точки зрения стратегии Тир имел явный приоритет, который с каждым днем укреплялся. Этот оплот сопротивления латинян обеспечивал связь с уцелевшими остатками Утремера на севере и со всем христианским миром. В качестве такового его продолжительное сопротивление давало противнику надежный оплот, откуда со временем могла быть предпринята другая попытка восстановить королевство крестоносцев. Тем не менее султан предпочел оставить Тир в покое, дважды обойдя порт стороной во время путешествий на север и юг. Иракский хронист Ибн аль-Асир критиковал это решение, утверждая, что Тир был открыт и незащищен, и если бы Саладин атаковал [раньше

летом], то легко взял бы его. Некоторые современные историки придерживаются того же мнения, утверждая, что султану не хватило прозорливости. Подобные взгляды по большей части зависят от возможности судить задним умом. В начале 1187 года Саладин понимал, что длительная осада может остановить всю его военную кампанию, что вызовет раскол возглавленной Айюбидами исламской коалиции. Чтобы не рисковать, султан поставил главную идеологическую цель и повернул в глубь страны, направив всю мощь своей армии на восток — в сторону Иерусалима⁷⁶.

На Иерусалим

Военное значение Святого города, изолированного среди иудейских холмов, было ограниченным. Но десятилетия проповедей и пропаганды Нур ад-Дина и Саладина подняли статус Иерусалима, сделав его самым святым для мусульман городом за пределами Аравии. Неотразимая завораживающая духовность города теперь притягивала мусульман. Для войны, основанной на идее джихада, он был неизбежной целью. После прихода египетского флота на север, чтобы защищать Яффу против контратак христиан, и подавления восточных подходов к Иудее, армии Саладина начали наступление на Иерусалим 20 сентября 1187 года. Султан пришел с десятками тысяч воинов и тяжелыми осадными машинами, готовыми к длительной осаде. Но, несмотря на то что город был полон беженцев, в нем катастрофически не хватало защитников. В стенах города королева Сибилла и патриарх Ираклий осуществляли некоторое руководство, но вся тяжесть командования легла на Балиана Ибелина. После бегства из Хаттина Балиан укрылся в Тире, но позже Саладин гарантировал ему безопасный переезд в Святой город, чтобы Балиан проводил супругу — Марию Комнину и детей в безопасность. Было условлено, что Балиан пробудет в Иерусалиме всего одну ночь, но по прибытии его убедили изменить этой договоренности и остаться, чтобы организовать сопротивление. Имея в своем распоряжении небольшую

горстку рыцарей, Балиан счел целесообразным «поставить под ружье» всех мужчин благородного происхождения старше шестнадцати лет и еще тридцать богатейших горожан Иерусалима. Он также постарался по возможности укрепить городские фортификационные сооружения. Несмотря на все его усилия, с подавляющим численным превосходством мусульман ничего поделаться было нельзя.

Саладин начал наступление атакой на западную стену, но после пяти дней ничего не решивших боев у башни Давида переключился на более уязвимый северный участок вокруг Дамасских ворот — вероятно, неосознанно следуя прецеденту, созданному участниками Первого крестового похода. 29 сентября, столкнувшись с отчаянным, но безнадежным сопротивлением, мусульманские саперы сумели проделать брешь в городской стене. Теперь Святой город оказался беззащитным. Надеясь на чудо, франкские матери брили головы своим детям во искупление, а священнослужители возглавляли шествия босиком по улицам, но ничего поделаться было невозможно. Падение города было неизбежно.

Намерения Саладина в сентябре 1187 года

Реакция султана на создавшуюся ситуацию и способ подчинения Иерусалима имеют очень важное значение, поскольку именно они создали репутацию Саладина в истории и в народе. Некоторые факты, подтвержденные и мусульманскими, и христианскими источниками, неоспоримы. Войска Айюбидов не грабили Святой город. Примерно 30 сентября султан и Балиан Ибелин согласовали условия сдачи Иерусалима без кровопролития. И 2 октября 1187 года Саладин вошел в Иерусалим. Веками много говорилось о «мирной оккупации» Иерусалима Айюбидами. Широко распространились две взаимосвязанные идеи. Люди считали, что «мирная оккупация» продемонстрировала большую разницу между исламом и латинским христианством, потому что завоевание города участниками Первого крестового похода в 1099 году

стало кровавой бойней, а момент триумфа Айюбидов показал сдержанность и человеческое сострадание. Саладин, как предполагалось, сознавал, что его кампания сравнивается с Первым крестовым походом, и понимал, что значит сдача города, достигнутая в результате переговоров, для имиджа ислама, для современного восприятия его собственной карьеры и следа, который он оставит в истории⁷⁷.

Проблема с указанными выше взглядами заключается в том, что они не подтверждаются большинством важных современных свидетельств. Два из них являются самыми существенными: рассказ Имад аль-Дина, секретаря Саладина, который прибыл в Иерусалим 3 октября 1187 года, и письмо Саладина халифу Багдада, написанное вскоре после сдачи Иерусалима. Не то чтобы этим материалам следовало доверять только потому, что они написаны людьми, находившимися в центре событий. Скорее они помогают проникнуть в суть того, что сам султан думал о событиях, происшедших в Святом городе, и как хотел их представить.

Оба источника показывают, что в конце сентября 1187 года Саладин намеревался разграбить Иерусалим. По утверждению Имад аль-Дина, султан при первой встрече сказал Балиану: «Вы не получите ни прощения, ни милосердия! Наше единственное желание навечно покорить вас... Мы будем убивать и брать вас в плен скопом, проливать кровь мужчин и обращать бедняков и женщин в рабство». То же самое подтверждается в письме Саладина, в котором сказано, что в ответ на просьбу франков об условиях сдачи «мы наотрез отказались, желая только проливать кровь мужчин и обращать в рабство женщин и детей». Но при этом Балиан пригрозил, что, если не будет приемлемых условий сдачи, латиняне станут сражаться до последнего человека, уничтожат все священные для мусульман места в городе и казнят тысячи мусульманских пленников, которые содержатся в Иерусалиме. Это был отчаянный ход, но он заставил султана умерить свои амбиции, и он неохотно согласился на сделку. Судя по некоторым свидетельствам, он опасался, что такой шаг может быть расценен как признак слабости Айюбидов. В письме Саладин осторожно оправдывает свое решение,

подчеркивая, что эмиры убедили его пойти на сделку, чтобы предотвратить ненужные потери среди мусульман и чтобы закрепить победу, которая и так уже практически одержана. Имад аль-Дин повторил эту идею, обстоятельно описав «совет», во время которого султан выслушивал советы своих помощников⁷⁸.

Это свидетельство дает нам понятие об образе мыслей Саладина в 1187 году. Насколько можно понять, его основным желанием было представить себя справедливым и великодушным победителем. Вряд ли он в тот момент думал о каких бы то ни было параллелях между его поведением и действиями первых крестоносцев или хотел представить ислам силой мира. На самом деле ни в письме султана, ни в повествовании Имад аль-Дина нет никаких ссылок на бойню 1099 года. Вместо этого Саладин считал необходимым объяснить и оправдаться, почему не мог уничтожить франков в Иерусалиме после того, как мусульмане ворвались в город. Он больше всего боялся, что мирное покорение Иерусалима повредит его образу преданного борца за веру, правителя, который заставил ислам принять господство династии Айюбидов, обещав непримиримый джихад против франков.

Это понимание заставляет нас по-новому оценить характер и намерения Саладина, но не следует впадать в другую крайность, полностью противоположную первой. Поведение султана необходимо оценивать в соответствующем окружении, по существовавшим в то время стандартам. По этим меркам действия Саладина осенью 1187 года были относительно мягкими и терпимыми⁷⁹. Согласно обычаям средневековой войны, которые в общих чертах разделялись и признавались и левантийскими мусульманами, и франкскими христианами, жители осажденного города, стойко отказывающиеся капитулировать до того, как городские укрепления оказываются разрушенными, могут ожидать жестокого обращения. Обычно в такой ситуации противники уже не вступают в переговоры о капитуляции, и мужское население города истребляют, а женщин и детей обращают в рабство. Даже если окончательное урегулирование в Иерусалиме было

достигнуто под влиянием угроз Балиана, по нормам того времени условия, на которые согласился Саладин, были весьма благородными, и, что еще важнее, они были выполнены.

Султан также действовал с отчетливо видной обходительностью и мягкостью по отношению к «равным» — франкским аристократам. Балиан Ибелин был прощен за то, что нарушил обещание не оставаться в Иерусалиме, а для сопровождения Марии Комнины в Тир даже был выделен эскорт. Вдова Рено де Шатийона Стефани Милли также была отпущена без требований выкупа.

Условия капитуляции, согласованные около 30 сентября, содержали ряд фундаментальных условий. Христианскому населению Иерусалима было дано сорок дней, чтобы купить свою свободу по установленной цене — десять динаров за мужчину, пять за женщину и один за ребенка. Кроме того, им гарантировалось безопасное путешествие в Тир или Триполи и право унести с собой все свои личные вещи. Через сорок дней те, кто не сможет оплатить свою свободу, отправятся в плен. В основном это условие было выполнено, и в некоторых случаях Саладин проявил даже большее благородство. Балиан, к примеру, смог в обмен на сумму в 30 тысяч динаров обеспечить освобождение 7 тысяч христиан. Судя по всему, предпринимались попытки добиться общей амнистии для малоимущих. После согласования условий капитуляции возник непрерывный поток беженцев из Иерусалима — отряды разоруженных франков эскортировали к побережью. На практике система выкупов оказалась административным кошмаром для чиновников султана. Имад аль-Дин признал, что коррупция, в том числе взяточничество, была обычным явлением, и оставалось теперь сожалеть о том, что лишь малая толика средств дошла до казны султана. Вероятно, многие латиняне сумели ускользнуть без уплаты выкупа: «Некоторых людей спускали со стен на канатах, многих несли спрятанными в багаже, многие передевались и выходили из города в облачении мусульманских солдат». Готовность султана позволить франкам уйти со своими пожитками ограничила грабежи. Патриарх Иракий, очевидно, ушел из города, сгибаясь под тяжестью сокровищ, но Сала-

дин ему не препятствовал, «а когда ему посоветовали конфисковать все богатства в казну, он сказал, что не изменит своему слову. Он взял у Ираклия только десять динаров и отправил в Тир под охраной». В конце назначенных сорока дней невыкупленными остались 7 тысяч мужчин и 8 тысяч женщин. Их взяли в плен и обратили в рабов⁸⁰.

По зрелом размышлении, невозможно сказать, что Саладин той осенью действовал с милосердием святого, но нельзя его и обвинить в жестоком варварстве и двуличности. В версии событий, озвученной им для мусульманского мира, султан представил себя моджахедом, жаждущим предать мечу иерусалимских франков, но сейчас уже невозможно установить, было ли это его истинным намерением. И так, столкнувшись с угрозами Балиана, Саладин предпочел конфронтации переговоры и в дальнейшем проявлял сдержанность во взаимоотношениях с латинянами.

Триумфальное покорение Иерусалима стало вершиной карьеры Саладина. Теперь он мог использовать это эпохальное достижение, чтобы узаконить объединение ислама под своим главенством и отвергнуть любые обвинения в служащем лишь его личным амбициям деспотизме. Эти две идеи — эпохальное достижение и собственная «невиновность», содержащиеся в его письме халифу, также составили основу еще семидесяти писем, написанных той осенью Имад аль-Дином, рекламирующим грандиозный успех Айюбидов⁸¹.

Иерусалим в руках мусульман

День официальной капитуляции Иерусалима выбирался с большой тщательностью, так чтобы подчеркнуть образ султана как истинного и преданного борца за веру. Говорили, что несколькими столетиями ранее Мухаммед совершил свое ночное паломничество в Иерусалим, откуда 2 октября вознесся на небо. Проведя отчетливую параллель между своей собственной жизнью и житием пророка, Саладин выбрал именно эту дату в 1187 году, чтобы с триумфом войти в покоренный город. Завладев Иерусалимом, мусульмане при-

ступили к его исламизации. Многие христианские святыни и церкви были лишены сокровищ и закрыты, некоторые были переоборудованы в мечети, медресе или монастыри. Судьба церкви Гроба Господня долго обсуждалась. Многие настаивали на ее полном уничтожении. Одержала верх более умеренная позиция. Многие мусульмане понимали, что христианские паломники все равно будут почитать это место, даже если церковь сровнять с землей. Кроме того, Саладину напомнили, что первый мусульманский завоеватель Иерусалима — Умар — оставил церковь нетронутой.

Духовная важность достижения Саладина проявилась яснее всего в неутомимом старании, с которым он и его люди принялись «очищать» святые места. Главными среди них были две площадки на Храмовой горе — мечеть Купол Скалы и мечеть Аль-Акса. В глазах мусульман франки подвергли эти сооружения серьезнейшему осквернению. Теперь это предстояло исправить. При латинянах Купол Скалы, построенный мусульманами в конце VII века, вмещавший скалу, на которой Авраам готовился принести в жертву своего сына и откуда Мухаммед вознесся на небо во время ночного паломничества, был преобразован в *Templum Domini* — церковь Господа Нашего, а его великолепный купол был увенчан гигантским крестом. Этот символ был немедленно уничтожен, равно как и христианский алтарь внутри, иконы и статуи, и для очистки сооружения использовали ладан и розовую воду. После этого один мусульманский очевидец заявил, что «Купол Скалы очищен от грязи неверных слезами правоверных» и в очищенном состоянии напоминает «юную невесту». Позднее на нем была сделана надпись, увековечивающая роль султана: «Саладин очистил этот священный дом от многобожников».

Аналогичная работа была выполнена в мечети Аль-Акса, которую франки сначала использовали как королевский дворец, а потом как часть штаб-квартиры тамплиеров. Стена, закрывающая *михраб* (нишу, указывающую направление для молитвы), была снесена, и все здание реконструировано, так чтобы, по словам Имад аль-Дина, «правда восторжествовала и все зло было нейтрализовано». Первая пятничная молитва

состоялась 9 октября, и честь произнесения проповеди в тот день оспаривали многие ораторы. Саладин выбрал Ибн аль-Заки, имама из Дамаска, чтобы тот выступил перед толпой. В проповеди Ибн аль-Заки были подчеркнуты три взаимосвязанные темы. Акцентировалось внимание на идее завоевания как формы очищения, с благодарением Богу за очищение «Его Святого Дома от грязи многобожия и скверны». Слушателей просили «очистить остальную землю от грязи, которая разгневала Бога и Его апостолов». В то же время возносились всяческие хвалы султану, доказавшему, что он истинный поборник веры и защитник Святой земли. Его достижения сравнивались с деяниями самого Мухаммеда, и людям предлагалось идти по пути джихада: «Ведите священную войну; это лучшее средство служения Богу, самое благородное занятие в жизни»⁸².

Достижение Саладина

Лето 1187 года принесло Саладину две ошеломляющие победы. Воспользовавшись удачным моментом после сражения при Хаттине, он захватил Иерусалим, затмив достижения всех мусульманских предшественников эпохи Крестовых походов. За несколько десятилетий до этого его патрон Нур ад-Дин приказал соорудить потрясающе красивую кафедру, надеясь однажды установить ее в священной мечети Аль-Акса. Теперь султан исполнил мечту своего предшественника и приказал доставить кафедру из Алеппо в Иерусалим, где она и оставалась в течение восьми столетий.

Показательно, что даже современник Саладина мусульманин Ибн аль-Асир признает беспрецедентное величие достижений султана в 1187 году: «Столь благословенное деяние, как завоевание Иерусалима, не было достигнуто никем, кроме Саладина... со времен Умара». Аль-Фадиль в письме багдадскому халифу подчеркивал, что султан нанес поражение франкам, стремясь к священным преобразованиям: «С мест молитвы он сбросил крест и после этого позвал к молитве... люди Корана стали преемниками людей креста»⁸³.

Через восемьдесят восемь лет после триумфа первых крестоносцев Саладин вернул Святой город исламу, нанеся мощный удар Утремеру. Он придал новую форму Ближнему Востоку и теперь был готов добиться прочной и окончательной победы в войне за Святую землю. Но пока новости об этих удивительных событиях разносились по христианскому миру и за его пределы, вызывая потрясение и благоговение, латинское христианство пробудилось к действию. На Западе снова возникла мстительная жажда священной войны, и огромные армии двинулись в Левант. Вскоре Саладину предстояло защитить свои завоевания от Третьего крестового похода, с которым на Ближний Восток пришел новый защитник христианской веры — Ричард Львиное Сердце.

Часть третья

ИСПЫТАНИЕ ВОИНОВ

Глава 13

ПРИЗЫВ К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

В конце лета 1187 года, когда Утремер еще не оправился после катастрофы при Хаттине и быстро шло разделение Саладином франкской Палестины, архиепископ Иосиф (Жозе) Тирский отбыл на Запад. Он вез известия о страшном поражении христианства хилому папе Урбану III, который сразу умер от шока и горя. В последующие недели и месяцы ужасные новости разошлись по всей Европе, вызвав тревогу, смятение, гнев — и положив начало новому призыву к оружию и военной кампании, вошедшей в историю как Третий крестовый поход. Теперь крест приняли самые могущественные люди в христианском мире, от Фридриха Барбароссы, великого императора Германии, до Филиппа II Августа, юного французского короля. Но истинным борцом за христианскую веру стал английский король Ричард Львиное Сердце, один из величайших воинов Средневековья. Именно он бросил вызов господству Саладина на Святой земле. Прежде всего Третий крестовый поход стал состязанием между этими двумя титанами, королем и султаном, крестоносцем и моджахедом. Через сто лет после своего начала война за Святую землю привела этих великих героев к эпической схватке, которая стала испытанием для обоих мужчин. В ней разбивались мечты, и о ней слагались легенды¹.

ПРОПОВЕДЬ ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Раны, нанесенные христианству в Хаттине и Иерусалиме в 1187 году, подтолкнули латинский Запад к действию, вновь разожгли костер крестоносного энтузиазма, который уже много десятилетий мирно тлел. После неудачи Второго крестового похода в конце 1140-х годов тяга христианской Европы к священной войне существенно угасла. Многие начали сомневаться в чистоте помыслов папства и крестоносцев. Один германский хронист описал Второй крестовый поход, совершенно не стесняясь в выражениях. Он утверждал, что «Бог позволил разгромить западную церковь за ее грехи. Появились некоторые псевдопророки, сыны Велиала, и свидетели Антихриста, которые совратили христиан пустыми словами». Даже Бернар Клервоский, главный пропагандист и защитник крестоносного движения, не мог сказать ничего утешительного и лишь заметил, что неудачи, испытанные франками, были частью непостижимых планов Господа. Грехи также были выдвинуты как объяснение божественного наказания, и нередко якобы распутные франки, живущие в Леванте, подвергались нападкам как грешники².

Неудивительно, что попытки отправить сильные крестоносные экспедиции после 1149 года оказались неудачными. Сила и единство мусульман на Ближнем Востоке при Нур ад-Дине и Саладине возросли, а Утремер в это время столкнулся с рядом кризисных ситуаций. Это смерть князя Раймунда Антиохийского в сражении при Инабе, поражение при Хариме в 1164 году, «потеря трудоспособности» прокаженным королем Бодуэном. Повсеместно левантийские франки обращались к Западу с просьбами о помощи, и, хотя небольшие отряды прибывали для защиты Святой земли, в основном просьбы оставались безответными.

Тем временем западные монархи должны были охранять и защищать собственные королевства, то есть выполнять задачу, доверенную им свыше. Ежедневно занимаясь политической, экономикой, торговлей и военными действиями, они находили перспективу провести много месяцев, а возможно,

и лет на Востоке совершенно непривлекательной. Преобладала инерция, а не активная деятельность.

Проблема осложнилась углублением противоречий между ведущими государствами латинской Европы. В 1152 году власть в Германии перешла к представителю династии Гогенштауфенов Фридриху Барбароссе, ветерану Второго крестового похода. Тремя годами ранее Фридрих принял титул императора, но уже не первое десятилетие пытался усмирить воюющие группировки в собственном государстве и желал установить контроль над Северной Италией и все это время участвовал в конфликте с папством и норманнской Сицилией. Во Франции династия Капетингов сохранила корону, но в плане территориального господства и политического контроля реальная власть, которой пользовался король Людовик VII, так же как его сын и наследник Филипп II Август (с 1180 года), была сильно ограничена. Больше всего проблем создавало Капетингам возвышение графов Анжуйских.

В 1152 году, через несколько лет после горьких разочарований Второго крестового похода, супруга Людовика VII Элеонора Аквитанская добилась аннулирования их брака — в результате их брачного союза родилось две дочери, но ни одного сына, и Элеонора обвинила в этом слабую сексуальную активность Людовика, уподобив его монаху. Всего лишь через восемь недель после развода она вышла замуж за более энергичного графа Генриха Анжуйского, мужчину на двенадцать лет моложе ее, уже добавившего к своим владениям Нормандское герцогство. В 1154 году он взошел на английский трон, став королем Генрихом II, и совместными усилиями пара создала новую «расползающуюся» Анжуйскую империю, объединяющую Англию, Нормандию, Анжу и Аквитанию. Контролируя большую часть современной Франции, предприимчивая пара стала богаче и влиятельнее французского короля, хотя, по крайней мере номинально, они все еще являлись подданными Капетинга, когда речь шла о континентальных владениях. При таких обстоятельствах избежать глубокой укоренившейся вражды между Капетингами и анжуйцами (Плантагенетами) было невозможно. В середине и конце XII века антипатия и даже антагонизм между этими

династиями существенно сократили западное участие в войне за Святую землю. Занятый этими распрями Генрих II не желал или не мог сдерживать постоянные обещания отправиться в Крестовый поход, но регулярно оказывал финансовую помощь Утремеру³.

Только воистину эпохальные события 1187 года помогли выйти из тупика. Прежние споры вовсе не были забыты — наоборот, вражда между Анжуйской династией и Капетингами оказала серьезный эффект на ход Третьего крестового похода. Но ужасные новости с Ближнего Востока вызвали такое сильное волнение, что правители латинского христианского мира не только обратили внимание на призыв к оружию, на этот раз они сдержали свои обещания и действительно отправились воевать.

Причина для скорби

После смерти, последовавшей 20 октября 1187 года, папа Урбан III был смещен Григорием VIII, и уже к концу месяца была выпущена новая папская энциклика *Audita Tremendi*, провозгласившая Третий крестовый поход. Как обычно, папство постаралось найти оправдание для священной войны. Трагедия при Хаттине была названа «великой причиной для оплакивания всех христиан»; Утремер, было сказано, понес «суровую и ужасную кару», а мусульманские «язычники» были изображены «дикими варварами, жаждущими христианской крови и оскверняющими святыне места». В энциклике был сделан вывод, что любой здравый человек, «который не плачет, имея такую причину для скорби», должно быть, утратил и веру, и гуманность.

Две новые темы вплелись в этот уже знакомый, хотя и несколько бесстрастный призыв. Впервые зло оказалось персонафицированным. Раньше мусульмане изображались имеющими садистские наклонности, но безликими противниками. Теперь было названо имя Саладина — врага, который был уподоблен дьяволу. Этот шаг говорил и о лучшем знакомстве с исламом, и о чудовищном масштабе удара, нанесенного

«преступлениями» султана. *Audita Tremendi* также объяснила, почему Бог позволил своим людям подвергнуться такому великому ужасу. Ответ заключался в том, что латинян «ударила рука Всевышнего» в качестве наказания за грехи. Живущие в Леванте франки были названы грешниками, которые не выказали раскаяния после падения Эдессы, но живущие в Европе христиане тоже виновны. «Все мы должны избавиться от грехов... и повернуться к Господу нашему Богу с покаянием и благочестием, — сказано в энциклике, — [и только] тогда обратить наше внимание на вероломство и коварство врага». В согласии с темой раскаяния крестоносцам предлагалось вступать в ряды воинов не «ради денег или славы, а повинувшись воле Бога», путешествовать в простой одежде, без «собак и птиц», готовыми к покаянию, а не к мирской суете.

Audita Tremendi упоминает о «несчастьях... недавно выпавших на долю Иерусалима и Святой земли», но, вероятно, потому, что новости о действительном захвате Саладином Святого города еще предстояло дойти до Запада, особенно подчеркивалась потеря Истинного креста в Хаттине. С этого момента возвращение почитаемого всеми верующими тотема веры стало одной из главных целей Крестового похода.

Как и в предыдущих энцикликах, заключительная часть прокламации 1187 года касалась духовных и мирских наград участникам. Им даровалось отпущение всех грехов, в которых они исповедовались, погибшим в кампании обещалась «вечная жизнь». На все время экспедиции им гарантировался иммунитет от всех преследований закона и процентов по долгам, а их пожитки и семьи должны были оставаться под защитой церкви⁴.

Разнося слово

Беспрецедентный масштаб и важность катастроф, постигших франков в 1187 году, вызвали энергичный отклик на Западе. Даже голые факты, привезенные в Европу Иосифом Тирским, одновременно ужасали и вдохновляли. Еще до встречи с папой архиепископ высадился в норманнском королевстве

Сицилия и сразу же убедил его правителя Вильгельма II отправить флот на защиту Утремера.

Тем не менее *Audita Tremendi* задала тон проповедям Третьего крестового похода. На самом деле весь процесс распространения информации о случившемся и о подготовке очередного Крестового похода шел под строгим централизованным церковным и светским контролем, а методы, используемые для увеличения потока добровольцев, стали более утонченными и изощренными. Папа назначил двух папских легатов — Иосифа Тирского и кардинала Генриха Альбано, бывшего аббата Клерво, чтобы они организовали призыв к кресту соответственно во Франции и Германии. Широкомасштабные кампании по привлечению рекрутов приурочивались к большим христианским праздникам — в Рождество 1187 года такой сбор был устроен в Страсбурге, а на Пасху 1188 года — в Майнце и Париже. Собравшиеся на праздник толпы христиан уже имели соответствующий для принятия креста настрой.

Проповеди на анжуйских землях Англии, Нормандии, Анжу и Аквитании были тщательно спланированы на встречах в Ле-Мане в январе 1188 года и в Геддингтоне, Нортгемптоншир, 11 февраля. На последней встрече Бодуэн, архиепископ Кентерберийский, еще один бывший цистерцианский аббат, сам принял крест и возглавил кампанию по набору рекрутов. Он предпринял большую поездку по Уэльсу с проповедями, одновременно укрепив анжуйскую власть в этом полунезависимом регионе. В результате он набрал почти три тысячи валлийцев, «искусных в обращении с луком и копьем»⁵.

С этого момента и далее идея участия в Крестовом походе обрела более четкие формы, хотя не совсем ясно, являлось ли это реакцией на централизованный контроль или просто побочным продуктом постепенного признания. Если раньше крестоносцы были по-разному вооруженными паломниками, путешественниками или воинами Христа, теперь впервые их в документах называют *crucesignatus* (отмеченный крестом). От этого слова впоследствии образовались новые слова «crusader» (крестоносец) и «crusade» (Крестовый поход).

Третий крестовый поход также рекламировался и популяризировался и в светском обществе. В ходе XII века в аристократических кругах стали играть значительную роль трубадуры (придворные певцы, которые часто сами были благородного происхождения), начали развиваться понятия куртуазности и рыцарства, особенно в таких регионах, как Юго-Западная Франция. Теперь, после 1187 года, трубадуры пели песни о священной войне, разнося таким образом послание, содержащееся в *Audita Tremendi*.

Конон де Бетюн, рыцарь из Пикардии, присоединившийся к Третьему крестовому походу, в 1188—1189 годах написал на старофранцузском языке стихотворение. В нем отразились знакомые темы — плач о захваченном Истинном кресте и замечание, что «каждый человек должен быть несчастен и печален». Но также новый упор был сделан на понятия стыда и обязанности. Конон писал: «Теперь мы увидим, кто будет по-настоящему храбр... [и] если мы позволим нашим смертельным врагам остаться [на Святой земле], то будем стыдиться до конца жизни». Он также добавил, что любой, кто «здоров, молод и богат, не может оставаться в стороне, не испытывая стыда». Святая земля изображалась как вотчина Господа, подвергшаяся опасности. Подразумевалось, что так же как вассал обязан защищать землю и собственность своего господина, христиане, слуги Бога, должны защищать священную территорию⁶.

На призыв к Третьему крестовому походу откликнулись десятки тысяч латинских христиан. По словам одного крестоносца, «энтузиазм был настолько высок, что уже [в 1188 году] вопрос заключался уже не в том, кто принял крест, а кто еще не сделал этого». Это, конечно, было преувеличением, поскольку на Западе все же осталось больше народа, чем отправилось на Святую землю, но экспедиция тем не менее вызвала ошеломляющий подъем в европейском обществе. Особенно это касалось Франции, где целые семьи местной аристократии вели вооруженные отряды на войну. Участие королей оказалось, как и в 1140-х годах, критическим и вызвало цепную реакцию набора по всему латинскому Западу, где были необычайно сильны узы вассальной зависимости.

сти и обязательств. Около 1189 года крестоносец Гаусельм Файдит в песне утверждал, что «следует каждому подумать и отправиться туда, и тем более принцам, которые поставлены высоко, потому что никто не может утверждать, что предан и покорен, если он не помогает своему господину в этом предприятии»⁷.

До того как распространились угрожающие новости о победах Саладина, до того как людей охватил лихорадочный энтузиазм, один лидер заявил о своей полной и беззаветной преданности делу. В ноябре 1187 года в Туре принял крест Ричард Львиное Сердце — первый аристократ к северу от Альп, сделавший это.

ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Сегодня Ричард Львиное Сердце — самая известная фигура Средневековья. Его вспоминают как величайшего английского короля-воина. Но кем в действительности был Ричард? Сложный вопрос, потому что этот человек стал легендой уже при жизни. Ричард, безусловно, знал о своей репутации и всячески способствовал созданию культа личности, поощряя сравнение с великими фигурами мифического прошлого, такими как Роланд, бич иберийских мавров, и король Артур. Ричард даже отправился в Крестовый поход с мечом, носящим имя Эскалибур, хотя позднее якобы был вынужден его продать, чтобы заплатить за дополнительные корабли. К середине XIII века историй о великих деяниях короля стало еще больше. Один автор попытался объяснить знаменитое прозвище короля тем, что он однажды был вынужден схватиться со львом голыми руками. Дорвавшись до горла зверя, он вырвал его все еще бьющееся сердце и якобы съел его с большим удовольствием.

Очевидец и ярый приверженец Ричарда так описывает его внешность: «Он был высок, элегантен, имел рыжевато-золотистые волосы, гибкие и прямые конечности. Он имел длинные руки, привычные орудовать мечом, причем очень ловко. Длинные ноги были пропорциональны телу».

В том же источнике сказано, что Ричард был наделен Богом «достоинствами более уместными в предыдущих веках. В настоящем, когда мир стал старым, этих достоинств уже почти ни у кого нет, люди стали как пустая оболочка». Зато «Ричард имел отвагу Гектора, героизм Ахилла, он не уступал Александру... Также, что необычно для знаменитого рыцаря, язык Нестора и мудрость Улисса (Одиссея) позволяли ему превосходить всех остальных в любом предприятии, и в разговоре, и в действии»⁸.

Вероятно, неудивительно, что ученые не всегда принимают этот образ Ричарда — почти сверхъестественного героя. Еще в начале XVIII века английские историки критиковали Ричарда и как монарха, и как человека, за то что он использовал Англию в личных целях, за грубость и импульсивный характер. В последние десятилетия ученый из Лондонского университета Джон Гиллингем изменил восприятие и понимание карьеры Львиного Сердца. Гиллингем признал, что Ричард во время своего правления едва ли год из десяти проводил в Англии, но увязал это с обстановкой, подчеркнув, что этот монарх был не просто английским королем, но также правителем Анжуйской империи, во всяком случае в момент кризиса в христианском мире. Также признавалось упорство Ричарда, но его образ как дикого и буйного грубияна претерпел изменения. Теперь Ричарда считают хорошо образованным правителем, искусным в политике и ведении переговоров, а также человеком действия, любившим воевать и имевшим полководческие способности. Хотя многое из этого правда, желая восстановить репутацию Ричарда Львиное Сердце, Гиллингем вполне мог преувеличить некоторые достижения Ричарда в Третьем крестовом походе, избавив его от критики там, где она оправданна⁹.

Ричард, граф Пуату, герцог Аквитании

Ричард Львиное Сердце стал королем Англии, но он не был англичанином ни по рождению, ни по воспитанию. Его родным языком был старофранцузский — наследство, полу-

ченное от Анжу и Аквитании. Он родился в Оксфорде 8 сентября 1157 года у английского короля Генриха II и его супруги Элеоноры Аквитанской. Имея таких родителей, юный принц не мог не оставить следа в истории, но Ричард не должен был унаследовать обширные анжуйские владения; эта честь предназначалась его брату, известному истории как Генрих Младший. По крайней мере, вначале Ричард воспитывался, чтобы стать помощником, а не командиром. Однако в Европе XII века высокий уровень младенческой и детской смертности предполагал, что перспективы всегда могут измениться.

Будучи мальчиком, Ричард всегда был связан с Аквитанией. Поскольку он не должен был унаследовать английский престол, возможно, под влиянием матери юный принц с раннего возраста считался правителем этого обширного региона в Юго-Западной Франции. В 1169 году Ричард принес вассальную присягу французскому королю Людовику VII и в 1172 году в возрасте 15 лет официально стал герцогом Аквитании (и графом Пуату). Молодой принц еще теснее влился в сложные взаимоотношения между Капетингами и Анжуйской династией благодаря своей помолвке с дочерью короля Людовика VII — хотя французская принцесса проводила больше времени при дворе короля, а не с мужем и якобы стала любовницей Генриха.

Аквитания была богатейшим и одним из самых культурных регионов Франции — центром музыки, поэзии, искусства, и это, вероятнее всего, наложило свой отпечаток на Ричарда. Он был щедрым покровителем трубадуров, сам хорошо пел, писал песни и стихи. Он также отлично знал латынь, обладал добродушным характером и немного язвительным умом. Его герцогство также прославилось связями с легендарными священными войнами против ислама, которые велись в Испании во времена Карла Великого. Церкви региона утверждали, что там покоится тело Роланда, великого героя кампании, и рог, которым он созывал помощь против мавров.

Несмотря на внешний налет цивилизации, Аквитания была очагом раздоров, рассадником беззакония и гражданских беспорядков. По сути, она была скоплением независи-

мых территорий, которые населяли такие могущественные и непокорные семейства, как Лузиньяны. Иными словами, Ричарду предстояло управлять анархичной территорией, но он оказался в высшей степени компетентным человеком. В 1170—1180-х годах он не только поддерживал порядок, подавляя многочисленные мятежи, но даже расширил свои владения за счет графства Тулузского. Эти испытания дали Ричарду Львиное Сердце ценный военный опыт, особенно в области ведения осадной войны, и возможность проявить свои способности командира.

Ричарду также пришлось столкнуться с реалиями тогдашней бурной политической жизни. В юности он оказался вовлечен в непрекращающуюся борьбу за власть внутри Анжуйской династии. Генрих II умело защищал свое положение от растущей власти собственных сыновей и амбиций жены, а Ричард Львиное Сердце и его братья спорили относительно анжуйского наследства и объединились против своего отца. В 1173 году Ричард с братьями участвовал в полномасштабном мятеже против Генриха II. Статус Ричарда Львиное Сердце изменился в 1183 году, когда в разгар очередного бунта его брат Генрих Младший неожиданно умер, оставив Ричарда наследником английского престола. Это не прекратило междоусобную вражду, а лишь сделало Ричарда новым объектом для нападений и интриг, поскольку Генрих желал произвести новый раздел анжуйских владений в пользу его младшего сына Джона. Ричард, конечно, не был инициатором всех этих сложных, запутанных махинаций, но в основном уверенно держался против Генриха II, возможно самого нечестного и ловкого политика XII века.

Будучи представителем Анжуйской династии, Ричард являлся также участником непрекращающейся вражды с Капетингами и часто оказывался втянутым в споры с Людовиком VII, а после 1180 года — с его наследником Филиппом-Августом. Его затянувшаяся помолвка с французской принцессой была также болезненным вопросом, потому что Генрих II использовал предполагаемый союз как инструмент дипломатического давления, а брак пока не был заключен. В июне 1187 года король Филипп-Август вторгся на анжуй-

скую территорию в Берри, подтолкнув Генриха II и Ричарда к союзу и подготовке контрудара. Решающее сражение казалось неминуемым, но в последний момент было достигнуто урегулирование и было заключено перемирие на два года. Однако когда все уже было согласовано, Ричард неожиданно переметнулся на другую сторону и вернулся в Париж вместе с Филиппом-Августом, публично демонстрируя дружеское отношение к нему. Это был ловкий дипломатический ход, которого также не предвидел постаревший Генрих II. То, что Ричард хотел этим сказать, было очевидно: если анжуйский правитель захочет лишиться Ричарда Аквитании, молодой принц готов порвать со своей семьей и стать на сторону Капетингов. Генрих II, которого переиграл собственный сын, немедленно попытался наладить отношения с Ричардом, подтвердив все его территориальные права. Тем самым король вернул сына на свою сторону, но отчужденность продолжала существовать, и было ясно, что новой конфронтации с участием Генриха, Ричарда и Филиппа-Августа не избежать.

Ричард и Крестовый поход

Неделей позже — 4 июля 1187 года — Саладин нанес поражение иерусалимским франкам при Хаттине. К ноябрю того же года Ричард принял крест в Туре, очевидно не поставив в известность отца. При сложившихся обстоятельствах его решение было необычным. В 1187 году Ричард был полностью вовлечен в западноевропейскую политику и продемонстрировал абсолютную решимость сохранить свое герцогство и взять контроль над Анжуйской империей после смерти Генриха II. После этого он присоединился к Крестовому походу, по-видимому не думая о последствиях, ведь этот шаг угрожал не только его собственным планам, но и перспективам династии. Король Генрих был разъярен, узнав об этом неосмотрительном и импульсивном акте. Филипп-Август тоже, мягко говоря, удивился, когда его потенциальный союзник выбрал священную войну. Участие Ричарда Львиное Сердце в Тре-

твом крестовом походе обещало разрушить с трудом сбалансированную сеть власти и влияния в Англии и Франции. Ричард мог потерять все, ничего не приобретя взамен.

Как можно объяснить это аномальное явление? Современные ученые, имеющие неоспоримое преимущество — возможность оглянуться назад, — знают, что очень скоро Запад настолько сильно захватит идея Крестового похода, что даже Генрих II и Филипп-Август примут крест уже через несколько месяцев, и изображают решение Ричарда закономерным и неизбежным. Однако в той обстановке оно было совершенно необычным.

Возможно, сработало множество факторов. Если у Ричарда и была какая-то слабость, то это безрассудная самоуверенность. Даже один из верных сторонников признавал, что «его можно обвинить в поспешности», но пояснял, что у молодого человека «был несокрушимый дух, он не терпел оскорблений, и внутреннее благородство подталкивало его к действиям». Кроме того, Ричардом, как и многими крестоносцами до него, вполне могла руководить искренняя набожность. Также нельзя забывать о его семейных и сеньориальных связях с франкской Палестиной — все же он был правнуком Фулька Анжуйского, короля Иерусалима в 1131—1142 годах, кузеном королевы Сибиллы и бывшим сюзереном выходца из Пуату Ги де Лузиньяна. Ричард Львиное Сердце стремился выйти из тени своих родителей. Большая часть его жизни была посвящена повторению и продолжению дел отца (и в какой-то степени также его матери). До 1187 года для достижения этой цели он защищал Аквитанию и готовился унаследовать Анжуйскую империю. Но Хаттин и начало Третьего крестового похода открыли другой путь к величию — новый шанс оставить след в истории в качестве командира в священной войне далеко за границами Европы. Крестовый поход мог привлечь Ричарда, как страстного воина, жившего в мире, где понятия о рыцарской чести и отважном поведении постепенно начали сливаться. Предстоящая кампания должна была стать испытательным полигоном для отваги и мастерства¹⁰.

Установить точный баланс между различными стимулами невозможно. Вполне вероятно, что и сам Ричард не смог бы

точно определить, что именно подвигло его на такие действия. Определенно в последующие годы он не раз демонстрировал гнев и импульсивность. Также не приходилось сомневаться, что он никак не может совместить все свои роли — крестоносца, короля, военачальника и рыцаря.

ПРИНЯТИЕ КРЕСТА

Вступление Ричарда в ряды крестоносцев вызвало политический кризис. Филипп Французский угрожал вторжением в Анжу, если король Генрих II не пойдет на территориальные уступки и не заставит Ричарда жениться на сестре Филиппа Алисе. 21 января 1188 года два короля, представители династий Капетингов и Анжу, Филипп и Генрих, встретились недалеко от пограничной крепости Жизор, чтобы обсудить возможные пути урегулирования. Также присутствовал архиепископ Иосиф Тирский. Он произнес взволнованную проповедь об угрожающей ситуации на Святой земле и достоинствах Крестового похода. Он так чудесно говорил, что склонил и их сердца к принятию креста. В тот момент якобы в небе появился крест — «чудо», подтолкнувшее многих ведущих аристократов Северной Франции присоединиться к экспедиции, в том числе графов Фландрского, Блуа, Шампанского и де Дрё¹¹.

На фоне широкой народной поддержки Генрих II и Филипп-Август сделали публичные заявления о своем намерении принять участие в священной войне в Леванте. Известно, кто из них выступил с такой инициативой первым, а кому оставалось только последовать примеру. Определенно можно сказать лишь то, что это сделали оба, и оба продемонстрировали намерение действовать в тандеме. Анжу и Капетинг поклялись принять участие в Крестовом походе на Восток, но не приходилось сомневаться, что один не покинет Европу без другого. Сделать это было равнозначно политическому самоубийству. Абсолютная необходимость скоординированных действий и синхронизированного отъезда имела большое влияние на Третий крестовый поход, став причиной

целого ряда задержек, во время которых английский и французский монархи взирали друг на друга с недоверием и подозрительностью.

Фридрих Барбаросса и немецкий Крестовый поход

В 1187 году Фридрих Барбаросса, германский император из династии Гогенштауфенов, достиг уже весьма преклонных лет. Благодаря серии военных кампаний и дальновидной политике он навязал беспрецедентную степень централизации известным своей независимостью германским баронам и достиг выгодных договоренностей с Северной Италией и папством. Власть Фридриха распространялась на территорию, протянувшуюся от Балтийского побережья до Средиземноморья и Адриатики. Если говорить о богатстве, военных ресурсах и международном престиже, его власть превосходила и Анжу, и Капетингов. Неудивительно, что многие современники предназначали именно ему ведущую роль в Третьем крестовом походе.

Первый призыв к оружию в Германии прозвучал в 1187 году при зимнем дворе в Страсбурге. И сразу появились первые желающие. Но император выжидал, изучая масштаб народной поддержки экспедиции, прежде чем принять крест в Майнце 27 марта 1188 года и объявить о своем твердом намерении отправиться в поход ровно через год. После этого Фридрих начал быстрые, но тщательные приготовления к отъезду: отправил в изгнание своего политического противника Генриха Льва, оставил старшего сына Генриха IV в Германии, а второго сына — Фридриха Швабского взял с собой в поход. Барбаросса использовал собственные экономические ресурсы, создал имперский фонд расходов на войну, после чего передал ответственность за финансирование экспедиции отдельным крестоносцам и потребовал, чтобы каждый участник брал собственные денежные средства на Восток.

Некоторые немецкие крестоносцы плыли в Левант на кораблях — в том числе отряды из Кёльна, Фрисландии, а потом и те, которыми командовал австрийский герцог Леопольд V,

но Фридрих предпочел вести главные силы по сухопутному маршруту, выбранному предыдущими экспедициями. Рассчитывая облегчить путешествие на Восток, он инициировал установление дипломатических контактов с Венгрией, Византией и даже с мусульманским правителем сельджуков Анатолии Кылыч-Арсланом II. 11 мая 1189 года, лишь чуть-чуть позже, чем было назначено, Барбаросса вышел из Регенсбурга во главе большой армии. В ней было одиннадцать епископов, около двадцати восьми графов, четыре тысячи рыцарей и несколько десятков тысяч пехотинцев.

Сначала немецкие крестоносцы продвигались вперед довольно быстро и в конце июня добрались до Византии. Там император Исаак II Комнин отверг попытки Фридриха Барбароссы договориться о безопасном проходе по греческой территории. Исаак уже заключил пакт с Саладином, где согласился задержать любую армию крестоносцев, и нервничал из-за общения Барбароссы с Кылыч-Арсланом, подозревая, что эта пара может устроить совместное нападение на Константинополь. Двинувшись на юг, Барбаросса занял город Филиппополь, а затем в ноябре 1189 года направился в Адрианополь. Барбаросса дал армии отдых в разгар зимы, но оставил открытой угрозу прямого нападения на Константинополь. Но в феврале 1190 года был все же достигнут компромисс с Исааком. Держась вдалеке от Константинополя, немцы дошли до Галлиполи, а оттуда в конце марта переправились на пизанских и греческих кораблях через Геллеспонт в Малую Азию.

Опыт Фридриха, участника многих военных кампаний, его не подвел. Решительный и грозный командир, приверженец строгой дисциплины в войсках, он успешно довел немецких крестоносцев до самого края мусульманского мира¹².

ЗАДЕРЖКИ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Хотя монархи Франции и Англии приняли решение о присоединении к Крестовым походам намного раньше, прошло больше двух с половиной лет, прежде чем армии Анжу

и Капетингов тронулись в путь. Подготовка к экспедиции началась в начале 1188 года, но после короткого перерыва вражда между двумя династиями возобновилась. Ситуацию еще больше усложнили отвлекшие Ричарда мятеж в Аквитании и война с Тулузским графством.

С этого момента Ричард Львиное Сердце начал подвергаться серии мелких атак со стороны Филиппа-Августа, а Генрих ждал и не вмешивался, довольный, что его противники схлестнулись между собой. К концу осени 1188 года Ричард решил, что с него хватит двурушничества отца. Уверенный, что старый король готовится объявить своим наследником младшего сына Джона — принц намеренно не принял крест, Ричард Львиное Сердце снова переметнулся на другую сторону, объединил силы с Филиппом и в ноябре устроил драматическое публичное шоу выражения преданности Капетингам. На этот раз речь о примирении с Генрихом II больше не шла.

Зимой здоровье подвело старого короля, как раз когда ему необходимо было доказать, что он все еще в состоянии побеждать на поле брани. Баланс сил неумолимо смещался, и некогда преданные сторонники из числа анжуйской аристократии стали переходить к Ричарду. Когда Львиное Сердце и Филипп в июне 1189 года начали стремительное наступление в Нормандии, быстро захватив ряд замков, а также Ле-Ман и Тур, у Генриха не осталось выбора — только искать мира. На встрече 4 июля 1189 года он принял все условия, подтвердил назначение Ричарда своим наследником, согласился уплатить Филиппу дань в размере 20 тысяч марок и обещал, что все трое отправятся вместе в Крестовый поход в следующий Великий пост. К этому времени здоровье Генриха существенно ухудшилось — он едва мог сидеть верхом на коне, но все же нашел в себе силы для последней язвительной колкости. Наклонившись, чтобы скрепить сделку с сыном ритуальным поцелуем мира, Генрих прошептал (по крайней мере, так говорят): «Даст Бог, я не умру, пока не отомщу тебе». После этого его унесли на носилках, и спустя два дня он умер¹³.

Ричард I, король Англии

События начала июля 1189 года превратили Ричарда Львиное Сердце из интригующего принца и сознательного престолонаследника в монарха и правителя могущественной Анжуйской династии. В Руане 20 июля он был официально провозглашен герцогом Нормандским, а 3 сентября 1189 года коронован королем Англии в Вестминстерском аббатстве. Пусть Ричард достиг столь высокого положения благодаря интригам и предательству, но, придя к власти, он обрел больше королевского достоинства и повел себя с рассудительной сдержанностью. Посетив церковь в Фонтевро, где в открытом гробу покоилось тело его отца, Ричард, как утверждают, не проявил и намека на эмоции. Тем летом он позаботился вознаградить не только своих преданных сторонников, таких как Андре де Шовиньи, но также тех, кто сохранил преданность Генриху II, — к примеру, прославленного рыцаря Уильяма Маршала. К тем, кто в последние месяцы отвернулся от старого короля, он выказал меньше благосклонности.

Возвышение Ричарда принесло глубокие изменения в его отношения с Филиппом-Августом. Став союзниками, они победили Генриха II. Теперь, когда Ричард стал главой Анжуйской династии, они превратились в противников. Вероятность вражды усиливалась особенностями их положения в обществе. Когда Ричард стал королем, ему еще не было тридцати двух лет, то есть он был шестью годами старше Филиппа. Но Ричард Львиное Сердце только что взшел на престол, а юный Капетинг был уже опытным правителем, царствовавшим почти десять лет. По закону оба были коронованными особами, то есть равными по статусу, но в действительности у Ричарда было более сильное королевство, пусть даже официально он был вассалом Филиппа по анжуйским владениям во Франции — Нормандии, Анжу и Аквитании. Короли различались и по характеру. Ричард был военным, человеком действия, но тем не менее дальновидным политически. Филипп был более целеустремленным в своей преданности династии, хитрым и осторожным.

С лета 1189 года и далее оба правителя столкнулись с одним насущным вопросом: когда следует отправляться в Крестовый поход? Проблема заключалась в том, что ни один король не хотел уезжать, не получив твердых заверений о перемирии от другого. Иными словами, следовало организовать скоординированный одновременный отъезд. В результате прошла большая часть следующего года, прежде чем они начали свое путешествие. За это время в путь отправились многие французские крестоносцы, в том числе Жак д'Авен и Генрих Шампанский.

Годы, потерянные из-за споров и вражды, безусловно, оказали влияние на ход Третьего крестового похода, и легко осудить королей Ричарда и Филиппа-Августа за то, что они не оставили до лучших времен споры и разногласия во имя высших интересов. В действительности же и Ричард, и Филипп принесли немалые жертвы и пошли на большой риск, чтобы участвовать в священной войне. Будучи только что коронованным королем, которому отчаянно завидовал его младший брат Джон, Ричард Львиное Сердце проявил бы намного больше благоразумия, если бы остался на Западе и занялся укреплением своей власти. Вместо этого Ричард совершил весьма опасный акт — отбыл надолго на Восток, оставив в королевстве только преданных сторонников, в числе которых была его мать Элеонора Аквитанская и Уильям Лонгчамп. Английский король также полагался на переписку, чтобы владеть ситуацией в Европе. Филипп мог отказаться от Крестового похода в середине марта, когда его супруга умерла при родах вместе с неродившимися близнецами. Наследование короны Капетингов оказалось под угрозой — единственным выжившим наследником был трехлетний сын короля Людовик. Но даже при таком положении дел Филипп-Август покинул Францию.

ПОДГОТОВКА. ФИНАНСЫ И ЛОГИСТИКА

Возможно, короли Англии и Франции действительно не торопились начать Крестовый поход, но они, во всяком случае, тщательно готовились к кампании. Ричард I покинул

Европу с самой организованной и хорошо оснащенной армией, насколько это было возможно в XII веке. Вскоре после принятия креста в январе 1188 года Генрих II и Филипп-Август обложили и Англию, и Францию специальным налогом, с целью собрать средства для финансирования экспедиции. Известный как «Саладинова десятина» сбор, составлявший десять процентов от всего движимого имущества, навязывался под угрозой отлучения от церкви. К сбору налога были привлечены также тамплиеры и госпитальеры.

Среди оставшихся на Западе этот беспрецедентный налог был в высшей степени непопулярным. Многоглаголивые жалобы раздавались и среди мирян, и среди церковников. Но, по крайней мере, в Анжуйской империи десятина сработала. До своей смерти Генрих II сумел собрать около 100 тысяч марок. Кампанию по сбору средств продолжил и активизировал Ричард. По словам одного очевидца, он «продал все, что имел, — должности, лордства, графства, замки, города, земли — все». Говорят, Ричард в шутку заявлял, что продал бы и Лондон, если б мог¹⁴.

Количество собранных средств имело прямое влияние на судьбу Третьего крестового похода, отчасти потому, что и Ричард, и Филипп должны были платить солдатам за весь период экспедиции, поэтому запас денег был особенно важным для поддержания морали и импульса экспедиции. Ричард Львиное Сердце также широко (но разумно) использовал финансовые средства для обеспечения логистической поддержки кампании. Благодаря необычайно придиричивому отношению к ведению записей в Англии некоторые детали этой подготовки сохранились до наших дней. В 1189/90 финансовом году (тогда его отсчитывали от дня архангела Михаила 29 сентября) Ричард истратил около 14 тысяч фунтов, то есть больше половины годовых доходов короны со всей Англии. Известно также, что он заказал 60 тысяч подков из Леса Дина и Гемпшира, 14 тысяч туш свиней, большой запас сыров из Эссекса и бобов из Кента и Кембриджшира, а также тысячи стрел для луков и арбалетов.

У Филиппа-Августа сбор Саладиновой десятины прошел с меньшим успехом. Ему не хватало абсолютной королевской власти, которая была у английского короля со времен норманнского завоевания, не мог он и положиться на развитую административную и правительственную машину вроде той, что была в распоряжении Генриха и Ричарда.

Поэтому, хотя право Филиппа вводить налоги было признано в Париже в марте 1188 года, в течение года ему пришлось отменить налог и даже извиниться за то, что он помыслил об этом. Поэтому Капетинг начал Крестовый поход, располагая куда меньшими средствами, чем Ричард Львиное Сердце, хотя последний, вероятнее всего, выплатил 20 тысяч марок, обещанных его отцом за урегулирование в июле 1189 года.

Тщательное экономическое планирование и подготовка были тем более важны, поскольку и Плантагенет, и Капетинг решили отправиться на Восток морем. Морской транспорт был потенциально быстрее и эффективнее. Учитывая связанные с этим расходы, он также ограничивал возможности бедных некомбатантов идти в Крестовый поход. Это устраивало и Ричарда, и Филиппа, которые хотели вести в Левант компетентные профессиональные армии, одновременно сведя к минимуму время отсутствия в своих королевствах. Между тем нанять и подготовить корабль к плаванию — дело отнюдь не дешевое, требующее больших предварительных затрат еще до начала экспедиции. К тому же путешествие по морю связано с немалыми рисками, такими как трудности координации и навигации, угроза кораблекрушения и т. д.

Во время связанного с многочисленными неудобствами и опасностями морского путешествия требовалось повышенное внимание, чтобы сохранить военную дисциплину. Понимая это, Ричард в 1190 году ввел целый ряд правил, предусматривающих суровые наказания за беспорядки: солдат, совершивший убийство, будет привязан к трупу своей жертвы и брошен за борт (а если нападение имело место на суше, он будет привязан к трупу жертвы и похоронен заживо). За нападение на другого человека с ножом преступник лишит-

ся руки, а за удар кулаком нападающего три раза окунут в море. У воров будут сбриты волосы, и им на головы выльют кипящую смолу и перья¹⁵.

В ходе Третьего крестового похода Ричард I и Филипп-Август сумели в общем и целом решить все потенциальные проблемы, связанные с перевозкой армий по морю. Сделав это, они создали важный прецедент, и с этого времени крестоносные армии стали намного чаще использовать морской транспорт для достижения своих целей.

НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Ричард I и Филипп-Август встречались, чтобы обсудить последние приготовления к Крестовому походу, 30 декабря 1189 года и 16 марта 1190 года. Наконец, 24 июня Ричард Львиное Сердце на публичной церемонии в Туре взял суму и посох паломника, а французский король выполнил ту же ритуальную церемонию в Сен-Дени. 2 июля оба монарха встретились в Везеле и договорились делить все приобретения предстоящей кампании. Затем 4 июля 1190 года, ровно через три года после поражения латинян в Хаттине, главные силы крестоносных армий двух государств вышли в путь. Чтобы различать солдат разных армий, было решено, что люди Филиппа будут носить красные кресты, а люди Ричарда — белые. Армии разделились в Лионе. Имелось в виду, что они перегруппируются в Мессине на Сицилии, прежде чем продолжат путь в Левант.

Ричард сумел собрать и оснастить большое воинство — для этого он привлек ресурсы обширной Анжуйской империи и средства, полученные от Саладиновой десятины. Вероятно, он отбыл из Везеле с королевским контингентом — около 6 тысяч солдат, — хотя к моменту отъезда из Европы он, судя по всему, собрал войско, насчитывавшее более 17 тысяч человек. Ричард Львиное Сердце направился в Марсель, где погрузился на корабль, доставивший его 23 сентября в Мессину, в то время как часть его армии под командованием архиепископа Кентерберийского Бодуэна направилась прямо на Свя-

тую землю. Ричард также подготовил флот из сотни кораблей в Англии, Нормандии и Аквитании. Все они вышли в море и проследовали вокруг Иберийского полуострова, чтобы встретиться с королем на Сицилии. Личный контингент Филиппа-Августа был намного скромнее. Из Лиона он направился в Геную и там нанял корабли для перевозки своих людей на Сицилию и Ближний Восток, заплатив 5850 марок за корабли для 650 рыцарей и 1300 оруженосцев. Капетинг прибыл в Мессину в середине сентября.

Быстро приближалась зима, морские путешествия становились все более опасными, и было решено отложить путешествие в Левант до весны. В любом случае Ричарду предстояло решить политическую проблему. Король Сицилии Вильгельм II, ставший зятем Ричарда благодаря женитьбе на его сестре Джоанне, умер в ноябре 1189 года, и Сицилия оказалась во власти беспорядков, связанных со спорами из-за престолонаследия. Ричард быстро восстановил мир, и до конца зимы крестоносцы занимались ремонтом и оснащением кораблей, сбором оружия и припасов. Ричард, к примеру, приказал доставить большой запас камней для катапульт. В этот период английский король встретился с Иоахимом Фьорским, цистерцианским аббатом, имевшим репутацию пророка. Иоахим заявил, что ему было видение захвата Ричардом Иерусалима и неминуемого наступления Судного дня. Он утверждал, что «Господь даст тебе победу над Его врагами и возвысит твое имя над именами всех остальных земных правителей». Эти слова еще сильнее укрепили самоуверенность короля¹⁶.

Затянувшийся вопрос относительно помолвки Ричарда с французской принцессой тоже был решен. Английский король всячески уклонялся от его обсуждения, несмотря на неоднократные требования Филиппа. Теперь, когда путешествие на Святую землю началось и Филипп принял участие в кампании, Ричард наконец раскрыл карты. Он не имел ни желания, ни необходимости жениться на сестре Филиппа. Вместо этого был подготовлен другой брачный союз — с принцессой Наваррской. Это иберийское христианское королевство могло в отсутствие Ричарда оказать существенную

поддержку в защите южных границ Анжуйской империи от графа Тулузского. В феврале 1191 года наваррская принцесса Беренгария прибыла в Южную Италию в сопровождении неутомимой матери Ричарда Элеоноры Аквитанской, которой уже перевалило за семьдесят.

Филипп-Август оказался перед свершившимся фактом. А когда Ричард пригрозил, что найдет свидетелей, которые подтвердят, что французская принцесса была любовницей Генриха II и даже родила от него незаконного ребенка, он решил из двух зол выбрать меньшее и в обмен на 10 тысяч марок избавил Ричарда от помолвки. Открытый конфликт был предотвращен, но французскому королю пришлось стерпеть унижение, что отнюдь не прибавило ему симпатии к Плантагенету.

Наконец, с приходом весны, морские пути снова открылись, и короли начали последний этап своего путешествия на Святую землю. Филипп отплыл с Сицилии 20 марта 1191 года, а 10 апреля за ним последовал флот Ричарда, причем среди пассажиров были Джоанна и Беренгария. После сражения при Хаттине прошло четыре года. За это время в Леванте многое изменилось.

Глава 14 ВЫЗОВ ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Захват Иерусалима 2 октября 1187 года стал вершиной карьеры Саладина, исполнением его личных планов и данной публично клятвы неустанно вести джихад. Латинское королевство было на грани исчезновения — его правитель в плену, армии истреблены. Неудивительно, что после такой грандиозной победы мусульманский мир сплотился вокруг султана. Люди, восхищенные его достижениями, теперь практически не сомневались в его праве возглавлять ислам. Саладин наверняка сделал короткую паузу, чтобы оглянуться назад, на все, чего он достиг. На самом деле завоевание Иерусалима не принесло ему передышки, скорее обеспечило новыми проблемами.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Овладение Иерусалимом было триумфом, но война против латинских христиан еще не закончилась. Теперь Саладину предстояло решить вопросы управления его расширившейся империей и, продолжая уничтожать франкские поселения на Востоке, готовиться к защите Святого города от орд крестоносцев, которые, как он обоснованно предполагал, скоро нагрянут, чтобы отомстить за Хаттин и вернуть себе Святой город. Но даже при этом Саладин в 1187 году пребывал в зените славы. В действительности с этого времени его сила начала постепенно убывать. В будущих испытаниях он часто казался шокирующе одиноким — некогда великий полководец, униженный, покинутый своими армиями, желающий пережить бурю Третьего крестового похода.

Империи всегда легче строить, чем ими управлять, но трудности после октября 1187 года буквально преследовали Саладина. Нужны были ресурсы. Той осенью и подданные Саладина, и его союзники были обессилены, да и казна самого султана была пуста. В последующие годы, когда приток богатств с новых покоренных территорий превратился из мощных потоков в еле заметные ручейки, казна Айюбидов не могла удовлетворить аппетиты последователей Саладина, и содержать крупные действующие армии стало почти невозможно.

Захват Святого города имел и другие, менее явные последствия. Саладин создал исламскую коалицию под знаменем джихада. Но когда главная цель этой войны была достигнута, зависть, подозрительность и враждебность, до поры до времени дремавшие в недрах мусульманского мира, снова поднялись на поверхность. Со временем ощущение общности цели, на какое-то время объединившее ислам перед Хаттином, исчезло. Исторический успех Иерусалима также заставил многих задаться вопросом, куда теперь Саладин устремит свой жадный взгляд. Люди боялись, что он все же окажется деспотичным тираном, который жаждет во что бы то ни стало смести халифат Аббасидов, чтобы создать на его месте новую империю и династию.

Как курдский пришелец, узурпировавший власть Зангидов, Саладин никогда не пользовался безусловной поддержкой турок, арабов и персов. Да он и не мог утверждать, что имеет дарованное свыше право управлять. Поэтому султан и создал себе образ защитника суннитской ортодоксальности, пламенного борца за веру. Следуя рекомендациям своих советников — аль-Фадила и Имад аль-Дина, Саладин также старался заручиться поддержкой халифа Аббасидов аль-Насира, поскольку она придавала его действиям печать законности. После 1187 года он упорно продолжал политику оказания всяческого почтения аль-Насиру, но, поскольку могущество Айюбидов теперь представлялось недостижимым, отношения были напряженными¹⁷.

Оттеснить франков в море

Основной стратегической задачей Саладина в конце 1187 года стала ликвидация оставшихся латинских аванпостов в Леванте, чтобы закрыть Ближний Восток от всех Крестовых походов из Западной Европы в будущем. Но работа по устранению остатков франкской власти не обещала быть ни быстрой, ни легкой. После победы при Хаттине значительная часть Палестины уже была завоевана, и главные порты — Акра, Яффа и Аскалон — теперь были в руках мусульман, но ряд франкских бастионов в Галилее и Трансиордании еще держались. Также продолжали существовать северные государства крестоносцев — Триполи и Антиохия, и не утешало даже то, что один из потенциальных противников Саладина — граф Раймунд III Триполийский — в сентябре умер от болезни, после того как сумел спастись в Хаттине и нашел убежище на севере Ливана.

Самой срочной задачей было взятие Тира. Летом 1187 года этот портовый город стал главным центром латинского сопротивления в Палестине, и Саладин позволил тысячам христианских беженцев собраться в его стенах. Вскоре после Хаттина Тир уже мог пасть под натиском армий султана, если бы командование его гарнизоном не взял в свои руки Конрад,

маркиз Монферратский, аристократ из Северной Италии (брат покойного Вильгельма де Монферратского, первого мужа Сибиллы Иерусалимской и отца Бодуэна V). Конрад служил византийскому императору Исааку II Ангелу в Константинополе, но после убийства в начале лета 1187 года одного из политических противников Исаака решил совершить паломничество на Святую землю и прибыл в Палестину в июле 1187 года — через несколько дней после Хаттина.

Конрад обнаружил Тир осажденным. Прибытие маркиза стало благом для франков и непредвиденной проблемой для Саладина. Конрад был чрезвычайно амбициозен, хитер и беспринципен как политик, компетентен и опытен как полководец. Он воспользовался возможностью отличиться и немедленно принял командование над гарнизоном Тира. Всеми способами побуждая население к действию, он начал укреплять и без того грозные городские фортификационные сооружения. Решение Саладина в сентябре 1187 года начать осаду Иерусалима дало маркизу ценную передышку, которой он воспользовался, призвав на помощь подкрепление из военных орденов, пизанский и генуэзский флоты.

К началу ноября, когда Саладин наконец выступил на Тир, город был практически неприступным. Построенная на острове и связанная с материком узкой насыпной дамбой, эта компактная крепость была защищена двойной зубчатой стеной. Мусульманские паломники, посетившие ее несколькими годами ранее, говорили о ее «силе и неприступности», подчеркивая, что тот, кто захочет ее покорить, не встретится с капитуляцией или унижением. Тир также был известен великолепной глубоководной якорной стоянкой. Ее северная внутренняя гавань была защищена стенами и цепью¹⁸.

Более шести недель в начале зимы Саладин осаждал Тир с суши и моря, надеясь заставить Конрада сдаться. Мусульмане построили четырнадцать катапульт, которые день и ночь забрасывали камнями город. Вскоре Саладин получит подкрепление в лице членов своей семьи — брата и самого преданного союзника аль-Адиля, старшего сына и наследника султана аль-Афдаля и одного из младших сыновей — аль-Захира, теперь назначенного правителем Алеппо, который в

Тире получил боевое крещение. Тем временем был вызван из Египта флот Айюбидов, чтобы блокировать порт. Но, несмотря на усилия султана, почти никакого прогресса не было. В районе 30 декабря франки добились замечательной победы — внезапной атакой они захватили одиннадцать мусульманских галер. Эта неудача оказалась тяжелым ударом по боевому духу войска Айюбидов. Один тамплиер позже написал в письме в Европу, что Саладин был так расстроен, что «отрезал уши и хвост у своей лошади и проехал на ней через всю армию на виду у всех». Дух измученной армии начал катастрофически падать, и султан решил пойти ва-банк, предприняв решительный штурм. 1 января 1188 года он начал стремительную фронтальную атаку вдоль дамбы, которая была остановлена. После этого Саладин снял осаду и оставил Тир в руках Конрада.

Султана часто критиковали за эту неудачу. Иракский хронист Ибн аль-Асир дал убийственную оценку командным качествам Саладина, отметив, что «таким был обычай султана. Если город не сдавался, он уставал от него и от осады и уходил... за это никого нельзя винить, кроме Саладина, потому что именно он отправил армии франков в Тир». Частично решение султана могло быть оправдано присущей его военному режиму слабостью. К концу 1187 года, после многих месяцев военной кампании, когда силы Айюбидов были растянуты до предела, а верность некоторых его союзников дрогнула, Саладину определенно стоило больших усилий удержать армию в поле. Слишком многое зависело от его возможностей платить солдатам. Не желая навязывать людям невыполнимые задачи и рисковать мятежом, он предпочел уйти, чтобы выбрать менее упрямую жертву. Хотя на самом деле унижение в Тире было впечатляющим. Прежнее решение султана сделать приоритетной целью религиозный и политический центр — Иерусалим было в общем логичным. Но, повернувшись в январе 1188 года спиной к непокоренному Тиру, султан показал свою несостоятельность. Несмотря на грандиозную энергию, которую он использовал для объединения ислама, несмотря на тщательную подготовку к священной войне, в конце концов у Саладина не оказалось ни силы воли, ни ре-

сурсов, чтобы завершить покорение береговой линии Палестины. Впервые после Хаттина оказалось, что всепобеждающие Айюбиды не могут сбросить франков в море¹⁹.

Продолжение военной кампании

Остаток зимы Саладин отдыхал в Акре. Тревожась о возможном контрнаступлении христиан, он обдумывал возможность разрушения города, чтобы он не попал в руки врагов, но потом решил оставить этот «ключ к землям побережья» невредимым и вызвал из Египта Карагуша, чтобы тот занялся укреплениями Акры. С весны 1188 года Саладин начал марш через Сирию и Палестину, выискивая уязвимые латинские поселения, аванпосты и крепости, иными словами, покоряя относительно легкие цели. Проходя через Дамаск и долину Бекаа тем летом, он устраивал набеги на княжество Антиохия и северные подходы к графству Триполи. Был захвачен главный сирийский порт Латакия, а ниже по побережью мусульманский *кади* (религиозный судья) занятого латинянами Джабала подстроил капитуляцию порта. Султан также захватил такие замки, как Баграс и Трапезак (Дарбзак) в горах Аманус и Саон и Боурзи в южной части хребта Ансария.

Саладин одержал важные победы в северных государствах крестоносцев, но выказал явное нежелание вести продолжительные осады. Впечатляющие замки госпитальеров и тамплиеров в Крак-де-Шевалье, а также пунктах Маркаб и Сафита были обойдены стороной, да и латинские столицы Триполи и Антиохию мусульмане даже не пытались взять. Саладин согласился на восьмимесячное перемирие с Антиохией (хотя и на жестких условиях), после чего вернулся в Дамаск. Затем султан продолжил зимнюю кампанию в Галилее, обеспечив захват последних оплотов франков в этом районе — замка тамплиеров Сафед и замка госпитальеров Бельвуар. Примерно в это же время войска Айюбидов захватили Керак в Трансиордании, а через шесть месяцев капитулировал соседний Монреаль. Ключевым фактором этих успехов была изоляция

латинян. Находясь в глубине территории, теперь ставшей мусульманской, гарнизоны всех четырех замков оказались в безнадёжном положении. Не имея возможности держаться бесконечно, они предпочли сложить оружие, позволив Саладину укрепить свое господство в Палестине. Шествуя по Леванту, султан поддерживал военный импульс на протяжении всего 1188 года, но был вынужден оставить в покое Антиохию и Триполи.

В ходе кампании этого года в круг советников Саладина вошел Баха ад-Дин ибн Шаддад. Высокообразованный мусульманский ученый, получивший образование в Багдаде, он в 1186 году был переговорщиком для Зангидов, когда из-за слабого здоровья султана он договаривался с Изз ад-Дином Мосульским. В 1188 году Баха ад-Дин воспользовался мусульманскими завоеваниями на Святой земле и совершил паломничество в Мекку, а потом в Иерусалим. Тогда Саладин и пригласил ученого присоединиться ко двору Айюбидов, очевидно впечатленный его набожностью, интеллектом и мудростью. Когда эти двое встретились, Баха ад-Дин подарил султану копию недавно написанного им трактата «Достоинства джихада» (*Virtues of Jihad*) и был назначен кadi армии. Он быстро стал одним из ближайших и самых доверенных советников Саладина и постоянно был с ним все последующие годы. Позднее Баха ад-Дин составил подробную биографию своего хозяина, которая теперь служит важным историческим источником, особенно для периода после 1188 года²⁰.

Потеря концентрации

Несмотря на составление планов новых наступлений на Триполи и Антиохию в очередном сезоне, Саладин в 1189 году больше не вернулся на север. Измученный тяжелой ношей правления и практически непрерывными военными кампаниями, султан стал необычайно нерешительным и слабым. С каждым новым месяцем перспектива мести Запада представлялась все более реальной. Саладин определенно знал,

что подготовка к Третьему крестовому походу идет полным ходом. В письме, датированном тем же годом, его советник Имад аль-Дин продемонстрировал удивительно подробное и точное понимание размаха подготовки, целей и организации крестоносцев. Но Саладин не сделал последней попытки овладеть Тиром и другими опорными пунктами латинян до прихода франков с Запада. Вместо этого он — и это совершенно необъяснимо — провел весну и начало лета в затянувшихся переговорах о судьбе Бофора — относительно маловажной и изолированной латинской крепости в горах Южного Ливана над рекой Литани.

Другое сомнительное решение оказалось еще более дорогим. Как победитель в битве при Хаттине в июле 1187 года, Саладин взял в плен Ги де Лузиньяна, латинского короля Иерусалима. Летом 1188 года султан решил освободить Ги (очевидно, после неоднократных просьб его супруги Сибиллы). Мотивы этого вроде бы необъяснимого акта великодушия объяснить нелегко. Возможно, Саладин посчитал Ги отработанным материалом, не способным поднять франков, или надеялся, что сможет таким образом вызвать разногласия и склоки среди христиан из-за возросшего влияния Конрада Монферратского в Тире. Какими бы ни были причины, султан, скорее всего, не ожидал, что Ги сдержит обещание, данное в обмен на освобождение, — отказаться от всех прав на латинское королевство и немедленно покинуть Левант. И был прав²¹.

Если Саладин действительно считал Ги сломленным человеком, он явно ошибался. Сначала латинский король старался дать франкам почувствовать свою силу воли, но Конрад дважды отказал ему во въезде в Тир. К лету 1189 года Ги был готов совершить неожиданно отважный шаг.

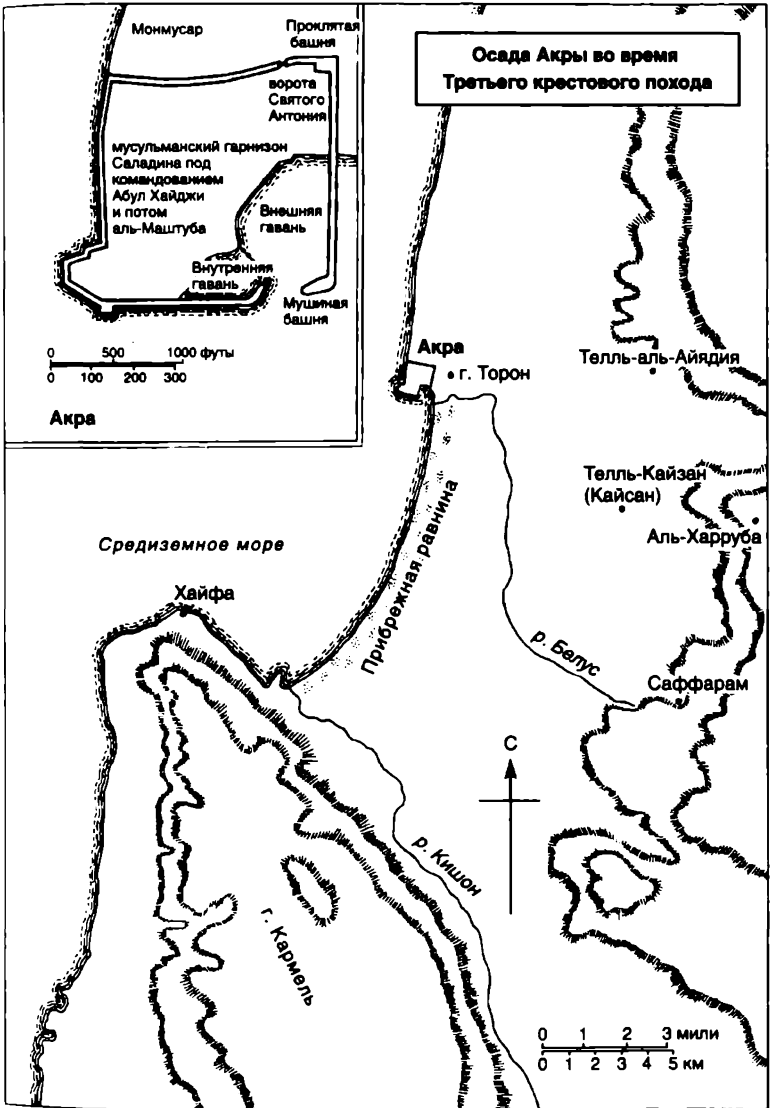
ВЕЛИКАЯ ОСАДА АКРЫ

В разгар лета 1189 года Саладин был занят осадой непокорной крепости Бофор. Но в конце августа до него, все еще остававшегося у подножия ливанских гор, дошли слухи, вы-

зававшие страх и подозрения: франки перешли в наступление. В 1187—1188 годах Конрад Монферратский сыграл решающую роль, защитив город Тир от ислама, но пока он не думал о начале наступательной войны, имеющей целью вернуть завоеванные мусульманами территории. Чувствуя себя в безопасности в Тире, Конрад намеревался дождаться прихода сил Третьего крестового похода и появления на ближневосточной сцене величайших европейских монархов. Иными словами, он намеревался дождаться, пока война придет к нему, но стараясь не упустить возможности для собственного возвышения.

Инициативу захватил человек, от которого никто не ждал такой прыти. Опозоренный король Иерусалима Ги де Лузиньян, чье сокрушительное поражение обрекло королевство на уничтожение, пытался совершить немыслимое. Вместе со своим грозным братом Жоффруа де Лузиньяном, недавно прибывшим в Левант, группой тамплиеров и госпитальеров и несколькими тысячами солдат Ги вышел из Тира на юг к занятой мусульманами Акре. Судя по всему, он собрался совершить самоубийственную попытку вернуть свое королевство.

Сначала Саладин отнесся к этому шагу скептически. Посчитав его уловкой, призванной отвлечь его от Бофора, он остался на месте. Это позволило королю Ги договориться о проходе через узкое ущелье Сканделион, где, как писал один франк, «все золото Руси» не могло бы спасти их, если бы мусульмане блокировали их марш. Осознав свою ошибку, Саладин начал осторожно двигаться на юг в сторону Мардж-Айюн и к Галилейскому морю, выжидая случая оценить следующий шаг христиан, прежде чем повернуть на запад к берегу. Получив преимущество благодаря осторожности противника, Ги двинулся на юг и 28 августа 1189 года прибыл к стенам Акры²². Акра была одним из крупнейших портов Ближнего Востока. При франках она стала также важной королевской резиденцией. Это был живой густонаселенный многонациональный торговый центр и основной пункт назначения, куда прибывали латинские христианские пилигримы, направляющиеся на Святую землю. В 1184 году один мусульманский путеше-

ственник назвал Акру «портом захода для всех кораблей», отметив, что «ее дороги и улицы запружены людьми до такой степени, что трудно поставить ногу на землю, ни на кого не наступив». Он также признал, что «в городе стоит вонь, он грязен, полон мусора и экскрементов».

Построенный на треугольном отрезке земли, выступающем в Средиземное море, город был хорошо укреплен. Один крестоносец позже заметил, что «более трети его периметра на юге и западе омывается водой». На северо-востоке обращенные к берегу стены встречаются у главного фортификационного сооружения, называемого Проклятая башня (где, как утверждали, «были сделаны серебряные монеты, за которые Иуда продал Христа»). В юго-восточном углу городские стены выдаются в море, образуя маленькую внутреннюю бухту, а внешняя гавань защищена стеной, тянущейся с севера на юг до естественного выступа скалы — места небольшого фортификационного сооружения, названного Мушиная башня. Город располагался в северном конце большого залива, изгибающегося на юг к Хайфе и горе Капмель, окруженного относительно плоской открытой прибрежной равниной длиной около двадцати миль (32 км) и шириной от одной до четырех миль (от 1,5 до 6,5 км). В миле к югу от порта в море впадала мелководная река Белус.

Город стоял у ворот в Палестину и являлся бастионом против любого вторжения христиан с севера по земле или по морю. Здесь подверглись суровому испытанию на прочность военный гений Саладина и его преданность джихаду, когда ислам и христианство столкнулись в одной из самых необычных осад эпохи Крестовых походов²³.

Первые столкновения

Когда король Ги подошел к Акре, его перспективы были в высшей степени безрадостными. Один франкский современник отметил, что король поместил все свои слабые силы «между молотом и наковальней» и ему потребуется не иначе как чудо, чтобы одержать верх. Даже мусульманский гар-

низон явно не испытывал никакого страха. Стоя на стенах, солдаты открыто глумились над «горсткой христиан», сопровождавших короля. Но Ги немедленно продемонстрировал, что понимает принципы военной стратегии. Обследовав поле ночью под покровом темноты, он занял позиции на вершине низкого и широкого холма, называемого горой Торон. Этот имеющий высоту 120 футов (36,5 м) и расположенный в трех четвертях мили (1,2 км) от города холм обеспечил христианам некоторую естественную защиту и превосходный обзор. Через несколько дней подошла группа пизанских судов. Несмотря на предстоящую осаду, многие итальянские крестоносцы привезли с собой семьи. Эти мужественные мужчины, женщины и дети сошли на берег южнее Акры и разбили лагерь²⁴.

Медленное продвижение Саладина к берегу едва не привело к катастрофическим последствиям. Находившийся в меньшинстве и крайне уязвимый у стен Акры Ги принял решение рискнуть и немедленно начать лобовую атаку на город, хотя у него не было никаких осадных машин.

31 августа латиняне пошли на штурм. Они лезли на стены по осадным лестницам, прикрываясь только щитами, и вполне могли добиться успеха, если бы появление передовых отрядов армии султана не заставило их в панике отступить. Через несколько дней прибыл Саладин с главными силами, и все надежды латинян заставить Акру капитулировать испарились. Вместо этого перед ними появилась ужасная перспектива войны на два фронта и неминуемой гибели от рук победителя при Хаттине.

Но в тот момент, когда следовало действовать с максимальной быстротой и решительностью, Саладин заколебался. Позволить Ги добраться до Акры было ошибкой, но теперь султан совершил еще более серьезную ошибку. Да, у Саладина не было подавляющего перевеса сил, хотя, тщательно скоординировав атаку с гарнизоном Акры, он, безусловно, мог окружить и уничтожить позиции франков. Но он посчитал немедленное решительное нападение слишком рискованным. Вместо этого султан занял позиции на склоне холма Аль-Харруба, расположенного в шести милях (9,6 км)

к юго-востоку и возвышающегося над равниной Акры. Втайне от латинян он сумел провести небольшой отряд в город — вероятнее всего, под покровом темноты, — чтобы усилить его оборону, также отряды были посланы к лагерю Ги, чтобы постоянно беспокоить христиан на горе Торон. Саладин предпочел придержать основные силы и дожидаться подхода союзников. В этом случае такая осторожность, часто являвшаяся неотъемлемой чертой командования Саладина, была совершенно неуместной и показала, что Саладин неправильно оценил стратегическую обстановку. Был один решающий фактор, не позволявший Саладину выжидать, — море.

Когда Саладин в начале сентября подошел к Акре, город был окружен армией Ги и пизанскими кораблями. Но после Хаттина и падения Иерусалима представлялось практически неизбежным, что франкская осада этого порта станет центральной фокусной точкой мстительного гнева латинской Европы. Во время осады внутри страны силы короля легко можно было отрезать от снабжения и подкрепления, и осторожность Саладина имела бы смысл. В Акре Средиземное море являлось живой пульсирующей артерией, соединяющей Палестину с Западом, и, пока султан ожидал подхода своих армий, начали прибывать корабли с христианскими войсками. Они присоединялись к осаждавшим. Имад аль-Дин, тогда находившийся в лагере Саладина, позднее писал, что, глядя с берега, можно было видеть почти непрерывный поток франкских судов, прибывающих в Акру, и множество судов, бросивших якорь у берега. Это зрелище нервировало мусульман и в порту, и за его пределами, и, чтобы укрепить боевой дух, Саладин, вероятно, пустил слух, что латиняне на самом деле уводят свои корабли каждую ночь, а «когда светает... они возвращаются, как будто только что прибыли». В действительности же медлительность султана дала Ги де Лузиньяну отчаянно нужное ему время, чтобы собрать силы²⁵.

Важное подкрепление прибыло около 10 сентября — флот из пятидесяти судов, везущий 12 тысяч фрисландских и датских крестоносцев, а также лошадей. Западные источники описывают их появление как момент спасения, поворотный пункт, после которого латиняне получили некоторые шансы

на выживание. Среди вновь прибывших был Жак д'Авен, знаменитый воин из Эно (регион на современной границе между Францией и Бельгией). Уподобленный одним из историков «Александром, Гектору и Ахиллесу», опытный ветеран военного искусства и силовой политики, Жак был одним из первых западных рыцарей, принявших крест в ноябре 1187 года.

В сентябре крестоносцы продолжали прибывать, увеличивая ряды франкской армии. Среди них были представители высшей европейской аристократии. Филипп де Дрё, епископ Бове, и его брат Роберт* прибыли с севера Франции, так же как и Эврар, граф де Бриенн, и его брат Андре. К ним присоединился Людвиг III Тюрингский, один из самых могущественных аристократов Германии. К концу месяца даже Конрад Монферратский решил, очевидно по настоянию Людвига, прибыть на юг из Тира, чтобы принять участие в осаде. Он привел с собой тысячу рыцарей и 20 тысяч пехотинцев²⁶.

Саладин тоже получил пополнение. К началу второй недели сентября прибыли основные силы войск, вызванных в Акру. После прибытия аль-Афдаля, аль-Захира, Таки аль-Дина и Кеукбури султан вышел на равнину Акры и занял позицию на линии от Тель-аль-Айядии на севере через Тель-Кайзан (Кайсан) (который позже стал известен как Торон Саладина) до реки Белус на юго-западе. Как только он расположился на новом фронте, франки попытались выставить оцепление вокруг Акры — от северного берега через гору Торон и через Белус (река снабжала город водой) до песчаного берега на юге. Саладин отразил первую латинскую попытку блокады с относительной легкостью. Крестоносцам пока не хватало сил, чтобы эффективно перекрыть все подходы к городу, и комбинированная атака гарнизона города и отряда под командованием Таки аль-Дина прорвала самое слабое место позиций на севере, чтобы позволить каравану верблюдов с припасами в субботу 16 сентября войти в город через ворота Святого Антония.

* Филипп, Роберт де Дрё — представители младшей линии дома Капетингов, идущей от графа Роберта I, младшего сына короля Людовика VI Толстого. (*Примеч. ред.*)

Утром того же дня и сам Саладин вошел в Акру и забрался на стену, чтобы обозреть лагерь противника. Взглянув вниз с зубчатой стены на группу крестоносцев на равнине, окруженную морем мусульманских воинов, он, должно быть, ощутил спокойную уверенность. После спасения города его терпеливо собранная армия могла приступить к задаче уничтожения франков, которые дерзко покусились на Акру, и тогда победа будет полной. Но султан выжидал слишком долго. В течение следующих трех дней его войска неоднократно пытались смять позиции латинян или втянуть противника в бой, но тщетно. За несколько недель, прошедших с момента прибытия короля Ги, крестоносцы успели отлично укрепиться и теперь без особого труда отбивали атаки. Один мусульманский очевидец написал, что они стояли «как стена за своими мантилетами, щитами и копьями, с наведенными на противника арбалетами» и отказывались нарушать строй. Латиняне упрямо держались за свой плацдарм возле стен Акры, и на Саладине начало сказываться напряжение. Один из его врачей отметил: султан настолько встревожен, что почти перестал есть. Упорство франков вскоре привело в нерешительности и разногласиям среди приближенных Саладина. Одни советники утверждали, что лучше подождать прибытия египетского флота, другие считали, что с крестоносцами справится приближающаяся зима и следует дать ей такую возможность. А султан колебался. И атаки на позиции латинян мало-помалу прекратились. Письмо багдадскому халифу содержало несколько приукрашенное изложение последних событий: латиняне нагрянули внезапно, как потоп, но им решительно преградили дорогу, и они, можно считать, разгромлены. На самом деле в это время Саладин, вероятно, уже понял, что снять осаду Акры будет тяжело²⁷.

Первое сражение

В следующие недели между сторонами имели место небольшие стычки, а в это время франкские корабли продолжали привозить все новых крестоносцев. К среде 4 октября

франков стало уже так много, что они решили перейти в наступление и организовали нападение на лагерь Саладина. Это было первое генеральное сражение Третьего крестового похода. Оставив своего брата Жоффруа защищать гору Торон, король Ги собрал основные силы франкской армии у подножия холма и построил войска в боевой порядок. Ему оказывали активную помощь представители военных орденов и опытные воины, такие как Эврар де Бриенн и Людвиг Тюрингский. Пустив пехоту и лучников в первых рядах, чтобы прикрывать конных рыцарей, христиане пошли по открытой равнине к мусульманам. Они двигались сомкнутым строем, медленным шагом. Это была не стремительная атака, а дисциплинированное наступление, в котором крестоносцы хотели максимально сблизиться с врагом. Обозревая поле с командного пункта, расположенного на вершине холма Тель-аль-Айядия, Саладин имел достаточно времени, чтобы построить свои войска на равнине, чередуя отряды под командованием проверенных полководцев, таких как аль-Маштуб и Таки аль-Дин, с новичками — отрядами из Дийяр-Бакра и др. Султан находился в центре с Исой, но собирался осуществлять мобильное командование и поддерживать дисциплину, где будет необходимо.

Сцена, развернувшаяся возле Акры в тот день, была впечатляющей и тревожной. Более двух часов тысячи крестоносцев сомкнутыми рядами, подняв сверкающие на солнце флаги, медленно двигались навстречу людям Саладина. Должно быть, солдатам обеих сторон было нелегко сохранять самообладание. И вот наконец сражение началось — левый фланг христиан достиг мусульманских позиций на севере, где находился Таки аль-Дин. Надеясь заставить латинян нарушить строй, Таки аль-Дин выслал вперед несколько мелких групп, а сам сделал вид, что отступает. К сожалению, его маневр оказался убедительным, Саладин поверил, что его племянник в опасности, и выслал войска из центра, чтобы укрепить северный фланг. Эта разбалансировка позиций дала крестоносцам шанс. Поддерживая жесточайшую дисциплину, они атаковали правый фланг центрального корпуса Саладина и быстро обратили в бегство неопытных новобран-

цев из Дийяр-Бакра. Паника распространилась, и правая половина центрального корпуса султана развалилась.

Саладин, казалось, находился на грани поражения. Обнаружив, что им открылся путь в мусульманский лагерь на Тель-аль-Айядии, франки побежали по склону холма. Группа крестоносцев достигла личного шатра Саладина, и один из его слуг был убит. Но соблазн замаячившей впереди победы и, конечно, добычи принес с собой резкое изменение ситуации. Боевой порядок крестоносцев, до той поры неуклонно сохранявшийся, теперь нарушился. Многие из них занялись грабежом. Одни лишь тамплиеры упорно преследовали убегающих мусульман, но быстро обнаружили, что без поддержки оказались отрезанными от главных сил. Они сделали отчаянную попытку отступить, но тут Саладин восстановил порядок в своих войсках. В сопровождении всего лишь пяти телохранителей он прибыл на место, остановил бегство, укрепил решимость и моральный дух своих людей и организовал преследование тамплиеров. В последовавшей короткой схватке братья из гордого военного ордена были убиты. Их Великий магистр Жерар де Ридфор был в самом центре сражения. Видя, как гибнут его люди, он отказался спасти свою жизнь и тоже был убит.

Когда чаша весов уже склонилась в пользу Саладина, два события решили судьбу христиан. В то время как сражение шло на равнине между горой Торон и Тель-аль-Айядией, мусульманский гарнизон Акры устроил вылазку из города, угрожая одновременно лагерю крестоносцев и тылу полевой армии. Понимая, что скоро они будут окружены, отчаянно стараясь сохранить хотя бы подобие боевого порядка, франки были близки к панике. Ситуацию усугубила еще одна неприятность. Группа немцев, все еще грабившая лагерь Саладина, потеряла контроль над одной из лошадей, и, когда животное бросилось к Акре, солдаты бросились следом. Вид еще одного подразделения крестоносцев, якобы обратившегося в бегство, окончательно разрушил порядок в рядах христиан. У людей сдали нервы, они обратились в беспорядочное бегство. Теперь тысячи франков бежали в относительную безопасность латинских укреплений. Мусульмане преследо-

вали их по пятам. Воцарился хаос. «Христиан убивали сотнями, — писал Баха ад-Дин, лично наблюдавший за боем, — до тех пор, пока уцелевшие беглецы не сумели добраться до вражеского лагеря». Андре де Бриенн был растоптан, когда пытался остановить бегство, и, хотя он позвал на помощь пробежавшего мимо брата, Эврар был слишком напуган, чтобы остановиться. Жак д'Авен лишился лошади, но один из его рыцарей отдал ему своего коня, чтобы он мог спастись, а сам погиб. Говорили, что король Ги спас Конрада Монферратского, когда маркиза окружили мусульмане.

Когда сражение подошло к концу, Саладин не смог закрепить свой успех. Латинские войска, находившиеся в лагере крестоносцев, яростно сопротивлялись попыткам мусульман захватить их позиции, и, что, возможно, было еще важнее, лагерь самого султана был охвачен паникой. Когда крестоносцы оказались на склоне Телль-аль-Айядии, десятки слуг мусульман, решив, что поражение неизбежно, начали хватать все, что могли унести, и разбежаться во все стороны. Как раз в тот момент, когда Саладину было необходимо обратить всю свою военную мощь на преследование отступающих франков, большая часть армии оказалась занятой преследованием собственных вороватых домочадцев.

Тем не менее на первый взгляд победа мусульман была полной. Христиане сами вышли на бой и потерпели поражение, оставив на поле боя от трех до четырех тысяч убитых и умирающих. Весь ужас и унижительность ситуации стали более чем очевидны крестоносцам, когда в середине ночи в лагерь вполз изуродованный полуголый человек. Этот несчастный — рыцарь по имени Ферран, — искалеченный в бою, прятался среди убитых товарищей, был раздет и брошен умирать мусульманскими мародерами. Когда же ему удалось добраться до позиций христиан, он был настолько неузнаваем, что его попросту не впустили. Бедолаге потребовалось немало сил, чтобы убедить товарищей, что он действительно тот, кем назвался. На следующее утро Саладин отправил франкам грозное послание: собрав убитых христиан, он бросил их останки в Белус, так чтобы они плыли вниз

по течению в лагерь латинян. Говорят, что смрад от горы трупов стоял еще долго после того, как их захоронили²⁸.

Несмотря на все это, сражение 4 октября нанесло больше вреда планам Саладина. Если говорить о потерях убитыми и ранеными у мусульман, они были минимальными, но те служащие армии султана, которые в тот день бежали с поля боя, так и не вернулись. Ходили слухи, что некоторые из них не останавливаясь бежали, пока не добрались до Галилейского моря. Возместить эти потери было очень трудно. Что еще хуже, разгром лагеря Саладина сокрушил дух армии и посеял семена недоверия. Баха ад-Дин отметил, что от мародерства «люди потеряли крупные суммы» и что «это было большей катастрофой, чем само поражение». Саладин пытался вернуть как можно больше утраченной собственности, собрал гору добычи в своем шатре, и люди могли получить ее часть, поклявшись, что она принадлежит им, но психологический урон все равно был велик.

После сражения Саладин решил пересмотреть свою стратегию. Проведя пятьдесят дней на линии фронта, его войска жаловались на усталость, а сам он начал болеть. Примерно 13 октября его армия и обоз начали движение от поля сражения на более удаленные позиции на Аль-Харрубе, чтобы дожидаться прибытия аль-Адила. Это было молчаливое признание неудачи, подтверждение того, что на первой решающей стадии осады Саладин не сумел вытеснить силы крестоносцев. По логике военной науки франкам удалось достичь невозможного — успешного установления блокады на вражеской территории в присутствии полевой армии противника. Историков до сих пор ставит в тупик эта явная аномалия. Тем не менее объяснение вполне понятно: прибрежный характер осады позволил франкам поддерживать жизненно важную связь, да и начало конфликта подтвердило углубление кризиса в армии Саладина и его неспособность осуществлять решительное командование. Прибегнув к обычной практике уклонения от решающих столкновений при отсутствии подавляющего военного преимущества, султан верил, что следует самым безопасным курсом. Но в столь критической ситуации нужны были действия, а не осторожность. Начать

лобовую атаку позиций крестоносцев в начале осады Акры было бы рискованно, но у Саладина были все шансы одержать верх, хотя и заплатив за это существенную цену. После принятия решения уйти с позиций в октябре шанс ликвидировать угрозу со стороны христиан до того, как она укрепится, ускользнул. И больше не вернулся²⁹.

Воспользовавшись передышкой, которую им предоставил противник, крестоносцы начали укреплять свои позиции в районе Акры. В середине сентября они принялись возводить примитивные земляные оборонительные сооружения. Теперь, когда угроза немедленного наступления миновала, они «сооружали валы из турфа и рыли глубокие траншеи от моря до моря, чтобы защитить свой лагерь». Христиане создали сложную систему полукруглых фортификационных сооружений, которые окружили Акру и дали лучшую защиту от нападений мусульман — и городского гарнизона, и армии Саладина. Чтобы воспрепятствовать конным атакам, ничейная земля за траншеями была усеяна средневековым аналогом минных полей — замаскированными глубокими ямами, утыканными копьями, которые должны были травмировать и коня, и всадника. Размышляя об этих мерах, нередко критиковавший Саладина Ибн аль-Асир язвительно заметил: «Теперь стало ясно, какой хороший совет дали Саладину — отступить». В то же самое время на протяжении всего октября мусульманские разведчики постоянно докладывали о практически ежедневном прибытии франкских подкреплений. Это подтолкнуло Саладина написать багдадскому халифу вдохновенное письмо, в котором он заявил, что у христиан кораблей больше, чем волн в море, и на смену одному убитому крестоносцу приходит тысяча³⁰.

Передышка

Приход зимы в декабре 1189 года принес затишье. Учитывая беспокойное море и отсутствие доступа в безопасную внутреннюю гавань Акры, латинский флот стал уходить на север — в Тир и далее в поисках убежища. Конрад Монфер-

ратский тоже вернулся в Тир. Ухудшившаяся погода заставила сделать паузу в военных действиях, поскольку дожди превратили землю между траншеями крестоносцев и лагерь Саладина в море грязи, по которой и ходить было затруднительно, не то что атаковать. Султан отослал главные силы своей армии домой, но лично остался в лагере, а франки затаились в ожидании окончания дождливого сезона, надеясь пережить болезни и голод и посвящая все свободное время сооружению осадных машин.

По свидетельству Баха ад-Дина, Саладин теперь понимал, «как много значения франки придавали Акре и что именно она является их целью». Решение зимовать у стен города означало, что султан теперь рассматривал Акру как решающее поле боя в этой войне. Ему, конечно, не хватило решимости пойти на штурм лагеря крестоносцев осенью, но, по крайней мере, теперь он выказывал намерение упорно продолжать кампанию. Проведя два года после Хаттина, собирая легкие победы и избегая продолжительных конфронтаций, он, вероятно, решил, что латинское наступление на Палестину должно быть остановлено у стен Акры.

Хорошо понимая, насколько разорена будет Акра, когда придет весна, Саладин начал ввозить продовольствие, снаряжение и подкрепления. Вероятно, в это время он назначил Абул Хайджу Жирного военным комендантом города вместе с Карагушем. Даже крестоносцы были впечатлены принятыми мерами. Один из них позднее заметил, что «еще никогда город или замок не имел столько оружия, такой обороны, такого снабжения продовольствием такой ценой». В это время султан понес тяжелую личную потерю — 19 декабря 1189 года умер от болезни его близкий друг и мудрый советник Иса³¹.

Долгие месяцы стояния на месте были заполнены не только лихорадочной подготовкой к весне и молчаливой враждебностью между противниками. Зима дала людям первые возможности дружеского общения и братания, ставших скрытыми тенденциями кампании. Один из последних латинских кораблей, прибывших в 1189 году, доставил подкрепление несколько иного рода — «300 привлекательных франкских жен-

шин, полных молодости и красоты, явились из-за моря, чтобы предаться греху». Секретарь Саладина Имад аль-Дин с явным удовольствием описал, как эти проститутки организовали свое заведение недалеко от Акры, и «когда их серебряные ножные браслеты касались золотых серег, делали себя целями для мужских дротигов». При этом он с негодованием отметил, что некоторые мусульмане тоже бегали попробовать их прелести.

Другой мусульманский свидетель отметил, что христиане и мусульмане успели хорошо узнать друг друга и нередко беседовали, позабыв о вражде. Иногда одни из них пели, а другие танцевали. Со временем близость двух окопавшихся воюющих сторон друг к другу способствовала еще лучшему узнаванию. Мусульмане находились «лицом к лицу с противником... если одна сторона зажигала костер, это видела другая. Мы слышали звуки их колоколов, а они наш призыв к молитве». Городской гарнизон, во всяком случае, завоевал глубокое уважение крестоносцев, один из которых отметил, что «никогда не было людей, столь великолепных в обороне, как эти слуги дьявола». Но, понимая, что знакомство и дружба действительно существовали, все же не следует заходить слишком далеко. Не так давно был обнаружен занимательный обзор сил, собранных Саладином в Акре, вполне вероятно написанный во время осады. Он является отрывочным, исполненным враждебностью, но дает нам некоторые детали, касающиеся войска и вооружения мусульман. Документ также не чужд клеветы и фантазий. Там говорится, что арабы «обрезали» свои уши, а турки занимались гомосексуализмом и скотоложством, якобы в соответствии с указаниями Мухаммеда.

Неофициальные правила поведения, сложившиеся между сидящими в окопах друг напротив друга противниками, иногда нарушались. Судя по всему, если воин покидал безопасность окопов, чтобы облегчиться, другая сторона по молчаливому соглашению на него не нападала. Поэтому крестоносцы были поражены, когда однажды на рыцаря, «делающего то, что делает каждый», напал конный турок с копьем. Не ведающего об опасности рыцаря вовремя предупредили крики из окопа.

Рыцарь встал, уклонился от первого нападения, а потом, поскольку был без оружия, свалил противника метким броском камня³².

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

С приходом весны открытые военные действия возобновились, и первое сражение началось за господство на море. В конце марта 1190 года, вскоре после Пасхи, поступили сведения, что в Акру идет пятьдесят латинских кораблей из Тира. В ходе зимы Конрад согласился на частичное примирение с Ги, став «преданным человеком короля»* в обмен на Тир, Бейрут и Сидон. Флот, который он теперь вел на юг, должен был восстановить контроль христиан над Средиземноморским побережьем. А значит, и линию жизни, соединяющую крестоносцев с внешним миром. Это сражение Саладин не мог себе позволить проиграть, поскольку самые большие надежды на общую победу в Акре он связывал с изоляцией осадивших город франков. Он решил противостоять подходу франкских кораблей любой ценой, что привело к одному из самых впечатляющих морских сражений XII века.

Битва за море

Когда появился латинский флот, гонимый вдоль берега северным ветром, около пятидесяти судов Саладина вышли из гавани Акры им навстречу под зелеными и золотыми флагами. Франки имели два типа кораблей: «длинные узкие и низкие» галеры, оснащенные тараном и приводимые в движение двумя рядами весел, расположенных друг над другом, и галиоты — более короткие маневренные военные корабли с одним рядом весел. Когда флот подошел, на палубах были возведены щитовые стены, и корабли построились в боевой

* То есть принес ему омжак — вассальную присягу. (Примеч. ред.)

клин в форме буквы V, в вершине которого находились галеры. Под оглушительные звуки труб корабли устремились друг к другу, и сражение началось.

В 1190 году война на море находилась еще в зачаточном состоянии. Большие корабли могли таранить и топить корабли противника, но в целом сражение велось на близком расстоянии и заключалось в обмене метательными снарядами ближнего радиуса действия и попытках притянуть корабль противника к себе крюками и взять его на бордаж. Самым страшным, с точки зрения моряков, был греческий огонь, потому что его нельзя было погасить водой, поэтому у обеих сторон был запас этого эффективного оружия. Во многих случаях мусульмане были близки к победе. Одна франкская галера была обстреляна греческим огнем и взята на бордаж — ее гребцы в панике стали прыгать за борт. Лишь небольшое число рыцарей, которых быстро утанули бы под воду доспехи, да и они в любом случае не умели плавать, предпочли держаться — от отчаяния — и сумели вернуть себе контроль над полусгоревшим судном. В конце концов ни одна из сторон не одержала убедительной победы, но потери мусульман оказались больше. Одна из их галер была выброшена на берег и разграблена, а экипаж перебит и обезглавлен безжалостной группой орудовавших ножами женщин. Один из крестоносцев позднее заметил, что «физическая слабость женщин продлила мучения мусульманских моряков, поскольку женщинам потребовалось больше времени», чтобы обезглавить своих врагов.

Саладин лишился господства на море до конца 1190 года. Крестоносцы смогли патрулировать воды вокруг Акры, держа уцелевшие корабли султана в гавани и не допуская попыток снабдить гарнизон города. В течение следующих шести месяцев горожане существовали на грани голода. Уже к концу весны запасы закончились, и люди были вынуждены съесть всех своих животных, а также изгнать всех старых и немощных пленников — молодых оставили, чтобы заряжать катапульты. Саладин неоднократно пытался прорвать морской кордон с разными степенями успеха. В середине июня часть флота, состоящего из двадцати пяти кораблей, суме-

ла прорваться в город. В августе султан велел погрузить на большое судно 400 мешков пшеницы, сыр, кукурузу, лук и овец. Чтобы прорвать блокаду, оно вышло из Бейрута замаскированным. Команда была одета как франки — мусульмане даже сбрили бороды, на палубе были видны свиньи, развевались флаги с крестами. Крестonosцы ничего не заподозрили, и судно успешно прошло «сквозь строй». Но все это были незначительные победы для города, которому необходимо было постоянное снабжение. В начале сентября Карагуш сумел переправить письмо, в котором Саладину сообщалось, что через две недели в Акре полностью закончатся припасы. Султан настолько встревожился, что предпочел держать сообщение в тайне, из страха, что столь неприятная информация подорвет моральный дух армии. Из Египта вышло еще два судна с зерном, но из-за неблагоприятных ветров их продвижение к месту назначения было медленным. Баха ад-Дин описывал, как 17 сентября Саладин стоял на берегу и следил, как они идут к Акре, хорошо понимая, что город падет, если они не прорвут кольцо блокады. После ожесточенного сражения суда благополучно вошли в бухту Акры, где их встретили, как дождь после долгой засухи³³.

Мусульманам повезло. За все это время крестonosцы так и не смогли овладеть внутренней гаванью Акры. Иначе гарнизон не смог бы дольше держать оборону. В конце лета 1190 года франки предприняли согласованную попытку овладеть Мушиной башней, фортом, построенным на скалистом выступе в бухте Акры, который контролировал вход в порт. Они усилили два или три корабля, создав нечто вроде плавающих осадных башен, но атака оказалась неудачной — корабли были сожжены греческим огнем.

Больше франки не предпринимали морских атак на Акру. С их точки зрения, война на море была приложением к сухопутной осаде. Доступ к поддержке с моря был жизненно важным, поскольку обеспечивал крестonosцам доставку подкрепления и припасов, а блокада порта Акры определенно добавляла неприятностей населению и гарнизону города, но в целом вся стратегия христиан была основана на сухопутной войне.

Сражения на суше

На суше военные действия возобновились в конце апреля — начале мая 1190 года. С приходом весны Саладин вновь вызвал свои войска из Сирии и Месопотамии. 25 апреля он с помощью сына аль-Афдаля переместил свой лагерь обратно к передовой — на Телль-Кайзан. В течение следующих двух месяцев к ним присоединились войска из Алеппо, Харрана и Мосула. В то же самое время, когда море стало пригодным для путешествий, к крестоносцам тоже стало прибывать подкрепление, причем многие рыцари были «первыми ласточками» из армий французского и английского королей. Главным из них был Генрих II Шампанский, граф Труа, племянник и Ричарда I, и Филиппа-Августа*. Генрих прибыл в Акру в августе в компании со своими дядями, графом Тибо де Блуа и Этьеном, графом де Сансер, а также 10 тысячами солдат и сразу принял командование осадой. Большой контингент английских крестоносцев прибыл в конце сентября. С ним был архиепископ Бодуэн Кентерберийский, грозный Хуберт Уолтер, епископ Солсбери, и дядя Хуберта Ранульф Гленвилл, некогда один из ближайших советников Генриха II³⁴.

Несмотря на возобновившийся приток западных крестоносцев, у Саладина должно было хватить людей, чтобы противостоять христианам и даже сохранить численное превосходство. Но один фактор сдерживал его — приход немцев. Осенью 1189 года Саладин получил сообщение, что император Фридрих Барбаросса идет на Святую землю во главе четверти миллиона крестоносцев. Понятно, что это не могло не встревожить султана. Надвигающаяся угроза от ожидаемого прибытия этой орды означала, что с апреля по сентябрь он не сможет направить все свои военные ресурсы на Акру, да и не сумеет сконцентрировать свое стратегическое мышление на проблеме этого города. Уверенный, что армия императора пройдет на юг через Сирию и Ливан, подобно неодолимому

* Матерью графа была Мария Французская — дочь Людовика VII и Элеоноры Аквитанской; то есть по отцу Мария была сестрой Филиппа-Августа, а по матери — Ричарда Львиное Сердце. Поэтому граф доводился племянником двум королям. (*Примеч. ред.*)

потоку, Саладин начал готовиться к войне на два фронта. Той весной, как только его войска начали прибывать к Акре, он стал отсылать их обратно, чтобы укрепить оборону на севере. В городах, расположенных внутри страны, начали запасать урожай на случай осады, а городам вдоль побережья — Латакия, Бейрут и др., — у которых, по мнению Саладина, не было шансов устоять против Фридриха, был отдан приказ сровнять свои стены с землей, чтобы они не стали крепостями латинян. Все эти меры имели стратегический смысл — Саладин был бы безумцем, если бы не обратил внимания на приближение Барбароссы, но они также ослабили позиции мусульман в Акре. Таким образом, даже не ступив на землю Леванта, немцы внесли большой вклад в Третий крестовый поход³⁵.

Ослабленный и растерянный Саладин не строил далекоидущих планов в отношении Акры. Он мог надеяться расстроить попытки франков захватить город, но с планами уничтожить крестоносцев у его стен пришлось проститься. К началу мая султан восстановил передовые позиции, в результате чего крестоносцы снова оказались между его армиями и стенами Акры. Это позволило ему моментально организовывать контратаки на любой удар латинян по городу, вынуждая их воевать на два фронта. Тем временем султан старался поддерживать контакт с Карагушем и его гарнизоном, но, принимая во внимание сухопутную и морскую блокаду города, это было нелегко. Одним из средств поддержания связи у Айюбидов всегда были почтовые голуби, но в Акре, похоже, их использование было ограниченным, вероятно, потому, что они были легкой мишенью для вражеских лучников. Здесь Саладин задействовал группу пловцов, которые ночью плыли в Акру, неся с собой письма, деньги и даже емкости с греческим огнем. Это была смертельно опасная работа. Как-то раз опытный пловец по имени Иса, о котором говорили, что он «ныряет и появляется по другую сторону вражеского корабля», исчез, а через несколько дней был найден мертвым — его выбросило на берег волнами. Письма и мешочек с золотыми монетами остались при нем³⁶.

Большую часть 1190 года перед лицом Саладина был враг, движимый одной главной целью — прорвать наземные укрепления Акры. В отсутствие одного, признаваемого всеми лидера (власть постоянно переходила между королем Ги, Жаком д'Авенном, Генрихом Шампанским и др.) атакам франков зачастую не хватало решительности, тем не менее они несли немалую угрозу. Франки использовали осадную стратегию, основанную на атаке, желая преодолеть городские стены, используя комбинацию из обстрелов, штурмов стен с помощью осадных лестниц и подкопов. Построив зимой несколько катапульт, они начали практически ежедневно забрасывать стены камнями. Осадные машины, вероятно, имели небольшую мощность и не могли забрасывать действительно тяжелые камни, поэтому их использовали, скорее всего, для запугивания гарнизона и ослабления стен. Конечно, действовали обе враждующих стороны. У Карагуша в городе были свои тяжелые машины, которыми он старался уничтожить осадные машины франков, часто с большим успехом. Говорили, что одна машина была особенно тяжелой и могла бросать камни, которые при ударе о землю уходили в глубь ее на фут.

Обращенные к суше стены Акры были окружены сухим рвом, который препятствовал сухопутной атаке и не давал приблизиться к стенам осадным башням. Крестоносцы неоднократно пытались наполнить части этого рва бутом, часто под прикрытием обстрела. Гарнизон делал все возможное, чтобы помешать этому, осыпая рабочих градом стрел, но они не оставляли попыток. Одна франкская женщина, смертельно раненная в тот момент, когда подносила камни, приказала, чтобы ее тело бросили в ров вместо наполнителя. К началу мая, к ужасу мусульман, был открыт путь к подножию городских стен.

Начала распространяться паника. Неделями Саладин и Карагуш наблюдали за лихорадочным строительством в лагере противника. Вскоре стало очевидно, что франки сооружают три большие осадные башни. Построенные из дерева, специально для этой цели доставленного из Европы, эти трехэтажные бегемоты на колесах (их высота достигала 65 фу-

тов (20 м) были покрыты вымоченными в уксусе шкурами, чтобы смягчить эффект огня, и завешаны веревочными сетями, чтобы устоять при попадании снаряда катапульты. Один мусульманский свидетель писал, что, возвышаясь над укреплениями Акры, «они выглядели как горы». Примерно 3 мая король Ги, Жак д'Авен и Людвиг Тюрингский обеспечили их войсками, и машины медленно двинулись к городу. Это ужасное зрелище испугало мусульман. В лагере Саладина боевой дух уже был сломлен. Люди отчаянно хотели получить возможность скрыться в городе. А в Акре Карагуш был вне себя от страха, готовясь к переговорам о капитуляции. К султану был тайно отправлен пловец, чтобы сообщить о неизбежности конца. И Саладин начал контратаку. Как только башни приблизились, гарнизон начал забрасывать их сосудами с греческим огнем, но только остановить их продвижение, похоже, было невозможно.

Положение спас молодой безымянный металлург из Дамаска. Восхищенный свойствами греческого огня, он слегка изменил его формулу, и новый состав обещал еще более интенсивное горение. Карагуш отнесся к предложению скептически, но терять было нечего, и он согласился испробовать изобретение, и металлург «смешал собранные им составляющие с керосином в медных баках, так что получившаяся субстанция стала похожа на горящий уголь». Раньше в этот день, после неудачных попыток использовать против башен стандартный греческий огонь, франки танцевали от радости и шутили на крышах башен, но когда в одну из башен попал глиняный горшок с новым веществом, им пришлось замолчать. «Он только успел попасть в мишень, как та вспыхнула огнем — башня сразу превратилась в гору огня», — писал мусульманский очевидец. Две другие башни постигла та же участь. Оказавшиеся в ловушке на верхних этажах башни крестоносцы погибли в пламени, а те, кто был внизу, спаслись, но могли только бессильно наблюдать, как их творения догорают дотла. Акра была спасена³⁷.

В последующие месяцы лучшее владение мусульманами технологией производства горючих жидкостей оказалось решающим фактором. В августе, когда франки стали усили-

вать интенсивность обстрелов, действуя посменно днем и ночью и строя еще более мощные катапульты, Карагуш и Абул Хайджа устроили молниеносную вылазку, отправив «специалистов по греческому огню» сжечь вражеские машины. В процессе были убиты семьдесят рыцарей. В сентябре была также за несколько минут сожжена массивная метательная машина, построенная по приказу Генриха Шампанского и стоившая 1500 золотых динаров. Неудивительно, что крестоносцы ненавидели греческий огонь. Как-то раз одному неудачливому турецкому эмиру не повезло особенно сильно. Он был ранен в бою рядом с франкской осадной башней, имея при себе сосуд с греческим огнем, которым он рассчитывал уничтожить осадную машину. Обозленный франкский рыцарь бросил мусульманина на землю и вылил содержимое сосуда на его гениталии и поджег их³⁸.

Тем летом велись и другие сражения. Поддержание боевого духа своей армии и неустанные попытки сломить дух противника уже давно стали обычными чертами средневековой войны. И хотя события в Акре вроде бы не характеризовались постоянными актами намеренной жестокости или варварства, гарнизон Карагуша все же временами использовал подобную тактику. В ноябре 1189 года трупы убитых латинян вывешивались на зубчатых стенах Акры, чтобы запугать крестоносцев. А в 1190 году мусульманские войска временами периодически вытаскивали кресты и символы христианской веры на парапет, чтобы публично подвергнуть их осквернению. На них плевали и мочились, хотя говорили, что один солдат, совершивший последнее, был застрелен латинянином из арбалета прямо в пах.

Обычные спутники любой длительной блокады — голод и болезни — также не миновали Акру 1190 года. Голод и недовольство подтолкнули беднейших крестоносцев к устройству 25 июля неорганизованного и совершенно бесполезного набега на лагерь Саладина в поисках еды. За это франки заплатили высокую цену — 5 тысяч человеческих жизней. Их трупы разлагались на беспощадной жаре, привлекая тучи мух, что сделало невыносимой жизнь в обоих лагерях. Начали распространяться болезни.

Саладин опять решил очистить поля боя, бросив останки христианских воинов в реку. Ужасная смесь тел, крови и грязи поплыла вниз по реке к крестоносцам. Тактика сработала. Один франк писал, что «немало крестоносцев умерли вскоре после прибытия от загрязненного воздуха, наполненного смрадом гниющей плоти. Они были измучены тревожными ночами, проведенными на страже, и прочими трудностями и лишениями». Смертельная комбинация плохого питания и ужасных санитарных условий присутствовала в лагере до самого конца сезона, в результате чего уровень смертности резко взлетел. Потери среди неимущих были очень высоки, но даже аристократы не имели иммунитета. Тибо де Блуа «прожил не больше трех месяцев», а его спутник Этьен де Сансер «также прибыл и умер без защиты». Ранульф де Гленвилл протянул три недели. Акра становилась кладбищем европейской аристократии³⁹.

Судьба германского Крестового похода

В другой части Ближнего Востока еще одна смерть изменила ход Крестового похода. В конце марта 1190 года император Фридрих Барбаросса, договорившись с Византией, повел германских крестоносцев через Геллеспонт в Малую Азию. Немцы медленно продвигались вперед через греческую территорию и в конце апреля вступили в турецкую Анатолию. Внутренняя борьба за власть в сельджукском султанате Конья означала, что прежние попытки Фридриха договориться о безопасном проходе через него в Сирию не будут иметь особого значения, и очень скоро крестоносцы столкнулись с упорным сопротивлением мусульман. Несмотря на перебои со снабжением, Барбаросса поддерживал дисциплину в войсках. Мусульманские источники утверждают, что он обещал перерезать горло каждому солдату, не выполнившему приказ. Поэтому немецкая колонна продолжала двигаться. 14 мая была отбита сильная атака турок, и Фридрих решил атаковать Конью. Он занял нижний город сельджукской столицы и оккупировал султанат.

Когда переход через Малую Азию был близок к завершению, Барбаросса направился на юг к побережью и христианской территории Киликийской Армении. Германское крестоносное войско понесло существенные потери в людях и лошадях, но в целом Фридрих достиг большого успеха, одержав победу там, где потерпели неудачу походы 1101 и 1147 годов. Потом, когда казалось, что самые страшные испытания уже позади, грянула беда. 10 июня 1190 года император проявил нетерпение и решил перейти вброд реку Салеф перед своим войском. Его конь в середине реки потерял опору под ногами и сбросил императора в воду. В изнурительно жаркий день вода оказалась невероятно холодной, и Фридрих Барбаросса утонул. Его тело вытащили на берег, но уже ничего нельзя было сделать. Самый могущественный монарх Западной Европы из всех, которые когда-либо принимали крест, был мертв.

Это внезапное несчастье потрясло и латинян, и мусульман. Один франкский хронист отметил, что «христианство понесло большой урон из-за смерти Фридриха», а в Ираке мусульманский автор радостно объявил, что «Бог спас нас от зла». Германская крестоносная армия оказалась в кризисе: она лишилась вождя и боевого духа. Сын Барбароссы Фридрих Швабский пытался спасти экспедицию. Взяв на себя командование, он велел забальзамировать тело императора, а потом продолжил путь в Северную Сирию. Но по пути немцев стали преследовать «болезни и смерть, и в конце концов крестоносцы стали выглядеть так, будто их извлекли из могилы». Тысячи людей умерли, еще больше дезертировали. В Антиохии часть останков Фридриха была захоронена в базилике Святого Петра — у места, где было найдено Святое копье, а его кости были собраны в мешок в надежде, что они могут быть преданы земле в Иерусалиме (на самом деле их в конце концов погребли в церкви Святой Девы в Тире). А Фридрих Швабский двинулся вдоль Сирийского побережья с тем, что осталось от германской армии, отбивая атаки войск Айюбидов, стоящих на севере⁴⁰.

Точно неясно, когда именно информация о смерти Барбароссы достигла Саладина — если верить Баха ад-Дину, ему сообщил об этом письмом глава армянской христианской

церкви Базил (Василий) из Ани, но дата нигде не указана. Новость, безусловно, для мусульман была радостной. Крестоносец написал, что «в Акре... плясали и били в барабаны», а солдаты гарнизона Айюбидов много раз забирались на зубчатую стену и оттуда кричали: «Ваш император утонул!» Тем не менее Саладин вплоть до 14 июля продолжал отправлять войска на защиту Сирии, и все силы его армии вернулись в Акру только в начале осени. Так что, хотя гибель Барбароссы, безусловно, причинила огромный вред германскому Крестовому походу, Саладин тем летом все же лишился жизненно важных военных ресурсов. Фридрих Швабский добрался до Акры в начале октября — с ним было всего около 5 тысяч человек. Саладин, судя по всему, ожидал, что, несмотря на все потери, прибытие немцев придаст новую энергию осадившим Акру крестоносцам, однако на деле оно практически ничем не помогло⁴¹.

ТУПИК

В определенном смысле военный сезон 1190 года был, несомненно, успешным для Саладина. Акра отбивала все атаки латинян, ее гарнизон успешно противостоял всем хитроумным изобретениям экспериментальной военной технологии франков. Султан сумел, хотя и с трудом, поддерживать каналы связи и снабжать город, а его собственные войска были возвращены, чтобы беспокоить и отвлекать внимание крестоносцев. После двенадцати месяцев осады Акра все еще держалась.

Тем не менее, если смотреть на вещи шире, Саладин потерпел неудачу. Он был вынужден перераспределить военные ресурсы, чтобы отразить угрозу германского Крестового похода, и потому ему попросту не хватило сил, чтобы захватить инициативу в Акре. Если бы в его распоряжении была вся мощь мусульманских армий, он мог бы рискнуть и пойти в лобовую атаку на позиции франков, чтобы вытеснить их из Палестины. Когда же его армии снова собрались в Акре — было это в начале октября, — султан, вероятно, посчитал, что время для решительных действий упущено. Это, а также на-

чало «желчной лихорадки» заставило его в середине октября отвести свои армии на зимние квартиры в Саффараме (10 миль [16 км] к юго-востоку от Акры), завершив, таким образом, военный сезон. Испытывая неуверенность в себе, Саладин приказал разрушить Кесарию, Арсуф и Яффу, ключевые порты к югу от Акры, и даже распорядился снести стены Тивериады. В последующие месяцы Саладину приходилось постоянно бороться за то, чтобы сохранить армию в целостности. Одни правители (например, Джазирата и Синджара) постоянно обращались с петициями о возвращении в свои владения, другие, такие как Кеукбури, были отправлены следить за интересами султана в Месопотамии и потому были потеряны для джихада⁴².

Уйдя с передовой линии, как он это сделал годом раньше, Саладин положился на силы природы, не сомневаясь, что они ослабят крестоносцев. Он решил подождать, надеясь, что франки не переживут второй суровой зимы в окопах у стен Акры. Вскоре смена времен года дала о себе знать. Как и в 1189 году, конец осени принес с собой закрытие морских путей и эффективную изоляцию франков. К ноябрю запасы у крестоносцев подошли к концу. Им пришлось организовать экспедицию за продовольствием в район Хайфы, которая уже через два дня наткнулась на заслон мусульман и была вынуждена вернуться.

Испытания

В конце ноября Саладин наконец распустил свою армию на зиму, снова оставшись с небольшим отрядом у Акры. В это время море штормило, пошли сильные и почти непрерывные дожди. С точки зрения мусульман, следующие месяцы были тяжелее, чем зима 1189 года. Городской гарнизон пребывал в нерешительности, Саладин и его люди были измучены и раздражены. Линии снабжения были растянуты до предела, периодически то здесь, то там возникала нехватка продовольствия и оружия. Не хватало докторов. «Ислам просит помощи у вас, — написал султан в письме халифу. —

Так утопающий молит о спасении». И все же проблемы мусульман были лишь бледной тенью тех жесточайших трудностей, с которыми столкнулись крестоносцы. Это признал и один мусульманский очевидец, написав, что, поскольку «равнина Акры стала очень нездоровой» и «море для них закрыто...», у противника «очень высок уровень смертности». Ежедневно гибло от 100 до 200 человек.

Страдания латинян были очевидны даже для сторонних наблюдателей, но на деле все обстояло еще хуже. Оказавшись отрезанными от внешнего мира, франки довольно быстро прикончили все продовольственные запасы и в конце декабря уже ели собственных лошадей. Голод усиливался. Один крестоносец записал, что были «те, кто утратил чувство стыда от голода и ел на виду у всех омерзительную пищу, которую находил, и не важно, насколько грязны вещи, о которых и говорить-то нельзя. Их мерзкие рты пожирали то, что человеческим существам есть не дозволено». Это свидетельство может указывать на появление в рядах крестоносцев каннибализма.

Ослабленные голодом франки становились жертвами таких болезней, как цинга и язвенный гингивит.

«Болезни свирепствовали в армии... результат дождей, которые лили, как никогда раньше, так что вся армия была наполовину затоплена. Все кашляли и хрипели, ноги и лица распухли. Однажды у нас было 1000 гробов. Лица у людей распухали так сильно, что зубы выпадали изо рта».

В результате смертность взлетела до уровня, невиданного при осаде крестоносцами Антиохии во время Первого крестового похода. Люди умирали тысячами. Среди умерших были архиепископ Кентерберийский Бодуэн, Тибо де Блуа и Фридрих Швабский. Эти мрачные зимние дни стали свидетельством краха боевого духа христиан. Один крестоносец заметил, что «нет ярости сильнее, чем та, что рождена голодом», и среди этого ужаса ярость и отчаяние приводят к утрате веры и дезертирству. «Многие наши люди перешли к туркам и стали ренегатами, — записал он. — Они отринули Христа, крест и крещение — все». Принимая этих отступников, Саладин, должно быть, надеялся, что с осадой Акры вот-вот будет покончено.

А крестоносцы, несмотря ни на что, держались. Одни выжили, потому что стали есть траву, «как звери», другие стали употреблять в пищу плоды рожкового дерева, характерного для этого региона, и утверждали, что они очень сладкие. Епископ Солсбери Хуберт Уолтер сыграл главную роль в наведении хотя бы отдаленного подобия порядка, организовав благотворительный сбор продовольствия у богатых, так что оно было перераспределено беднякам. Когда сотни голодных крестоносцев согрешили, съев случайно попавшее к ним мясо во время Великого поста, Хуберт наложил на них епитимью. Каждый получил по три удара палкой по спине от епископа лично. Но это не были сильные удары — епископ журил свою паству, как отец. В конце февраля — начале марта пришло первое судно с зерном с Запада — его появление встретили ликованием. А с началом весны кризис продовольственного снабжения закончился. Пройдя через смерть и страдания, франки остались у стен Акры⁴³.

Для ислама упорство крестоносцев означало катастрофу. Саладин хотел использовать зимний сезон для укрепления обороны Акры, но в этот раз его усилия не увенчались успехом. Аль-Адиль был послан организовать снабженческий склад в Хайфе, откуда товары могли вестись вдоль берега в Акру. 31 декабря 1190 года семь полностью загруженных транспортных судов достигли гавани Акры, но были разбиты о камни и затонули. Продовольствие, оружие и деньги, которые могли поддерживать город много месяцев, оказались на дне. 5 января 1191 года из-за невиданной грозы рухнула часть внешней городской стены, сделав город в высшей степени уязвимым. Измученные голодом и болезнями крестоносцы не смогли воспользоваться шансом, и люди Саладина поспешно заделали пролом. Однако приметы для ислама были крайне неблагоприятными. Исполненный дурных предчувствий, султан решил реорганизовать оборону Акры. Абул Хайджа Жирный 13 февраля был освобожден от военного командования. Его преемником стал аль-Маштуб, хотя Карагуш остался на посту губернатора. Уставшие войска гарнизона также были заменены, но секретарь Саладина Имад аль-Дин позже раскритиковал эту меру, отметив, что отряд из 20 тысяч человек

и шестидесяти эмиров был заменен двадцатью эмирами и войском намного меньшей численности, поскольку Саладин искал для защиты Акры добровольцев.

Смятение султана явствует и из письма, написанного им халифу в том же месяце, в котором он предупреждает, что папа сам может возглавить крестоносцев, и жалуется, что, когда мусульманские войска прибывают в Акру из удаленных уголков Ближнего Востока, их командиры обычно сразу начинают интересоваться, когда они смогут вернуться домой. Вместе с тем стало очевидно, что, неотлучно находясь рядом с Акрой, Саладин не может уделять должное внимание управлению своей обширной империей. В марте он неохотно согласился на неоднократные требования Таки аль-Дина назначить его правителем северо-восточными городами Харран и Эдесса. С одной стороны, султан не мог себе позволить потерю племянника для джихада, но с другой стороны, было необходимо сохранить контроль над территорией в верхнем течении Евфрата, иначе существовал риск развала империи⁴⁴.

К апрелю 1191 года перспективы Саладина — и Акры — представлялись почти безнадежными. Уже полтора года султан был «обездвижен» осадой крестоносцами города, не мог воспользоваться победами 1187 года, поскольку увяз в реактивной обороне. Он старался обратить вспять мстительный поток, который катился из Западной Европы на берега Палестины, но потерпел поражение. Внезапная смерть Фридриха Барбароссы в июне 1190 года оказалась для него подарком судьбы, но в Акре султану везло намного меньше. Франки были слишком упорны. Акра, конечно, держалась, но латинская осада тоже. Ослабленные, но не сломленные, крестоносцы достигли невозможного — полтора года поддерживали осаду города в глубине вражеской территории под нападками полевой армии противника.

В одном отношении действия Саладина в Акре были достойны похвалы. Впервые в войне за Святую землю он отказался уйти от продолжительного военного противостояния и выказал решительное упорство. Несмотря на все препятствия, с которыми султану пришлось столкнуться, его способность сокрушить христиан в 1189—1191 годах вряд ли

можно подвергнуть критике. Он знал, что все силы франков, собравшиеся у стен Акры, все оружие, использованное против ее стен, — это всего лишь слабое предупреждение. А настоящее землетрясение грянет, когда на сцене появятся короли Англии и Франции. Но все же Саладину не хватало воли и проницательности, чтобы действовать. И теперь, когда ворота на Святую землю были приоткрыты, исламу предстояло столкнуться со всем могуществом праведной ярости возмущенного христианства.

Глава 15 ПРИБЫТИЕ КОРОЛЕЙ

Плывя вдоль берега Палестины субботним утром 8 июня 1191 года, король Ричард I Английский впервые увидел ужасное зрелище осады Акры. Сначала показались башни и валы города, потом толпы из десятков тысяч крестоносцев, отправленных сюда «каждой христианской нацией этого мира». Затем он «увидел склоны гор, долины и равнины, заполненные турками и их шатрами. Это были люди, всем сердцем желавшие причинить вред христианству». Их возглавлял Саладин. Через три с половиной года после принятия креста Ричард наконец достиг Святой земли. Франки встретили его с радостью. Один из них описал празднество, устроенное вечером: «Великой была радость, ясной была ночь. Я не верю, что какой-нибудь другой сын своей матери видел такую радость или слышал о ней, какую выражала армия в присутствии короля. Слышались звуки труб и звон колоколов. Люди пели песни и баллады. Все были исполнены надежд. Было [зажжено] много факелов и свечей, и туркам казалось, что вся долина горит».

В лагере Саладина один советник султана записал, что «проклятый король Англии прибыл с большой пышностью [во главе] двадцати четырех галер, заполненных людьми, оружием и припасами... Он был мудр и опытен, и его появление оказало ужасное и пугающее влияние на сердца мусульман». Таково было прибытие Ричарда Львиное Сердце⁴⁵.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Ричард добился существенной победы еще до своего прибытия на Ближний Восток. Армии крестоносцев Франции и Англии отплыли с Сицилии весной 1191 года. Филипп II Август покинул Мессину 20 марта и прибыл в Левант месяцем позже. Ричард I тем временем 10 апреля направился к Криту с флотом в 200 кораблей. Но после трехдневного шторма двадцать пять кораблей сбились с курса и пришли на Кипр, остров, которым с 1184 года управлял император Исаак Комнин как независимой греческой территорией. Среди них был корабль, на котором находилась сестра Ричарда Джоанна и его невеста Беренгария. Три корабля разбились о прибрежные скалы, и те пассажиры, которым удалось добраться до берега, были весьма неласково встречены местным населением. Была даже предпринята попытка взять в плен двух латинских принцесс, пока они стояли на якоре в районе Лимассола на южном берегу.

Прибыв на Родос 22 апреля, король Ричард узнал об этих событиях и решил немедленно напасть на Кипр, несмотря на то что остров имел статус христианского государства, а сам Ричард был крестоносцем. Львиное Сердце осуществил дерзкую высадку на берег в районе Лимассола 5 мая и с готовностью дал бой войскам Исаака, заставив их отступить в Фамагусту на восточном побережье. Во время последовавшей передышки в военных действиях Ричард и Беренгария обвенчались в Лимассоле. Это случилось 12 мая. После этого Исаак сделал неохотную попытку к примирению, но Ричард отплыл в Фамагусту, второй раз разгромил греков в сражении и начал без труда подчинять себе остров. Исаак сдался 1 июня и был сразу закован в специально изготовленные серебряные кандалы (Ричард обещал не надевать на него железо).

Таким образом, Ричард Львиное Сердце начал Крестовый поход с внушительной победы, хотя и на христианской территории. Покорение Кипра дало анжуйской армии много богатств и ресурсов. Король обложил пятидесятипроцентной данью киприотов, а через несколько недель после отплытия продал остров тамплиерам за 100 тысяч золотых византинов

(хотя получил только первый платеж — 40 тысяч безантов). Остров также стал важным промежуточным пунктом Крестового похода. Впоследствии латинская оккупация Кипра окажет сильное влияние на будущую историю Крестовых походов и крестоносных государств.

В разгар кипрской кампании к Ричарду прибыло посольство от Ги де Лузиньяна. Львиное Сердце, как граф Пуату, был феодальным сеньором династии Лузиньянов, и Ги теперь желал воспользоваться этой связью, чтобы Ричард оказал ему помощь в борьбе за власть с Конрадом Монферратским. Также начали прибывать новости из Палестины об успехах Филиппа-Августа под Акрой. По воспоминаниям одного крестоносца, «когда анжуйский король это услышал, он глубоко вздохнул и сказал: «Господь не позволит, чтобы Акра была взята без меня». 5 июня английский король покинул Кипр и, сделав заход в Сирию, заточил Исаака Комнина в замке госпитальеров в Маркабе. Сам Ричард направился на юг, но гарнизон Конрада Монферратского не впустил его в Тир, король поплыл дальше и достиг Акры 8 июня⁴⁶.

ВЛИЯНИЕ КОРОЛЕЙ

Прибытие Ричарда I и Филиппа-Августа изменило перспективы латинян. Появление двух монархов возродило Крестовый поход, привнесло энергию и упорство в осаду Акры, благодаря вливанию новых ресурсов — финансовых, людских и материальных. Теперь великая блокада Акры имела все шансы на успешное завершение.

Прибытие Филиппа-Августа

В некотором смысле слухи, дошедшие до Ричарда во время его пребывания на Кипре, были верными. Король Филипп действительно добился важных успехов в Акре после своего прибытия 20 апреля 1191 года. Отметив, что француз прибыл к городу с весьма скромным флотом, состоящим всего лишь

из шести судов, Баха ад-Дин признал, что этот монарх был «великим человеком и уважаемым лидером, одним из величайших королей, которому подчинялись все в армии». Он прибыл с выдающимися представителями французской знати, такими людьми, как ветеран-крестоносец Филипп Фландрский (который дожил только до 1 июня), а также гордый и могущественный граф Гуго Бургундский. Хотя современные авторы, сторонники Ричарда Львиное Сердце, имели тенденцию принижать достижения французского короля в Акре, на самом деле присутствие Филиппа-Августа почувствовалось сразу — он немедленно начал работу по увеличению интенсивности военного давления на гарнизон Акры и укреплению позиций франков.

«Приказав своим лучникам и арбалетчикам стрелять непрерывно, так чтобы никто и пальца не мог поднять над стеной города», король лично надзирал за сооружением семи больших метательных машин и укреплением частокола вокруг траншей крестоносцев. К 30 мая, когда катапульты были готовы к работе, Филипп приказал начать обстрел такой интенсивности, что «камни день и ночь дождем сыпались на Акру», заставив Саладина вернуть войска обратно на передовые позиции. Достигнув 5 июня Телль-аль-Айядии, султан начал организовывать дневные набеги на траншеи латинян, надеясь прервать обстрел города, но, похоже, французские осадные машины ничто не могло остановить. Одновременно крестоносцы готовились к лобовой атаке, снова пытаясь заполнить части сухого рва, так чтобы можно было подойти вплотную к стенам. Франки бросали в ров все — камни, дохлых лошадей и даже человеческие останки, и мусульмане оказались перед проблемой: надо было опорожнять канал быстрее, чем латиняне его наполняли. Мусульманский очевидец описал, как защитники города разделились на три группы: «одна спустилась вниз и разрубала трупы людей и лошадей так, чтобы их было легче нести», другая транспортировала этот неприятный груз к морю, а третья отбивала атаки христиан. Было сказано, что «даже самому смелому человеку невозможно было выдержать» такую ужасную работу, но все же люди делали ее. Один профранцузски на-

строенный современник писал, что, когда ожидаемое наступление франков приближалось, король Филипп «мог легко взять город сам, если бы захотел», но он предпочел дожидаться Ричарда, чтобы разделить с ним эту победу. Возможно, это преувеличение, и представляется сомнительным, что Филипп действительно мог проявить такую снисходительность. Но, учитывая количество легенд, окружающих Ричарда Львиное Сердце, легко забыть, что именно Капетинг, а не анжуйский монарх первым вдохнул новую жизнь в Третий крестовый поход⁴⁷.

Ричард Львиное Сердце в Акре

Величественная и зрелищная высадка Ричарда в Акре стала последней каплей, склонившей чашу весов в пользу латинян. Сравнивая двух христианских монархов, мусульманский очевидец заметил: «[Английский король] имеет большой боевой опыт, бесстрашен в бою, но в их глазах он ниже, чем французский монарх, по королевскому статусу, хотя богаче и известнее, если говорить о боевом искусстве и смелости». Львиное Сердце прибыл на Ближний Восток с представителями английской и норманнской знати: Робертом IV, графом Лестером, Роджером де Тони, человеком, имевшим обширные владения по обе стороны канала. Его также сопровождала свита приближенных — рыцарей его дома, таких как Андре де Шовиньи⁴⁸.

У Ричарда, прибывшего на Святую землю, было больше людей и денег и намного больше кораблей, чем у французского короля. Во главе авангардного отряда своего флота из двадцати пяти кораблей Ричард одержал победу над Саладином, даже не сойдя на берег. Следуя на юг из Тира в Акру, Ричард встретил в районе Сидона крупное мусульманское снабженческое судно. Оно вышло из занятого Айюбидами Бейрута, имея на борту семь эмиров, 700 элитных воинов, продовольствие, оружие и много сосудов с греческим огнем, а также 200 смертоносных змей, которых [мусульмане] намеревались выпустить среди христианской армии. Когда пере-

менился ветер, Ричард сумел догнать судно и, не обращая внимания на попытку экипажа выдать себя за французов, атаковал. Столкнувшись с упорным сопротивлением, не имея возможности взять судно на бордаж и захватить его, Ричард решил протаранить его и потопить, чтобы ценный груз не достался врагу. Чтобы всецело использовать эту победу, один пленник был изувечен и отпущен, чтобы он сообщил о катастрофе в Акру.

Добравшись до Акры, Ричард разбил лагерь к северу от города. Филипп расположился на востоке. Львиное Сердце немедленно начал прикидывать, «как можно захватить город в самое короткое время, какие средства, уловки и какие осадные машины следует использовать». Но в самый разгар подготовки к военным действиям король был внезапно сражен болезнью. После великолепной морской победы и пышного прибытия король был вынужден целыми днями не выходить из своего шатра из-за напоминающего цингу заболевания, которое современники называли *амальдия*. У него стали шататься зубы, крошиться ногти и выпадать клочьями волосы. Должно быть, ему было нелегко перенести унижение — ведь болезнь можно посчитать знаком немилости Господа. А в лагере Саладина болезнь короля посчитали благословением свыше, потому что она помешала нападению франков на город. Но даже в столь плачевном состоянии король Ричард нашел в себе силы продвигать дело крестоносцев⁴⁹.

Выказав ловкость, которая могла опровергнуть его репутацию грубого вояки, английский монарх установил дипломатические каналы для переговоров с Саладином. Полученный на Западе опыт научил Львиное Сердце, что в средневековом мире победа приходит к тому, кто может сочетать политику и военное дело. Он не почувствовал никаких угрызений совести, используя переговоры как оружие в борьбе с неверными, хотя какое-то время переговоры держались в тайне от остальных крестоносцев. Еще до наступления болезни Ричард начал искать личной встречи с Саладином. Был отправлен посол с предложением переговоров, однако султан ответил вежливым, но твердым отказом. «Короли не встречаются, соглашение не достигнуто, — очевидно, ответил он. — Плохо,

когда им приходится драться после того, как они встречались, ели и пили вместе».

После этого Ричард вышел с предложением обменяться подарками и 1 июля освободил североафриканца, которого давно взяли в плен, как знак доброй воли. Несколько позже Саладин принял трех анжуйских послов, попросивших «фруктов и льда для своего короля». Ричарду нравилось требовать такие лакомства. Возможно, это была часть дипломатической игры, позволяющая ему оценить, как далеко можно передвинуть границу гостеприимства, или ему просто очень нравились восточные фрукты — персики и груши. Сам Саладин, чрезвычайно искусный в дипломатии, велел отвезти франков на рыночную площадь, где они могли получить незабываемые впечатления от изобилия магазинов, бань и запасов. Баха ад-Дин, являясь одним из приближенных Саладина, трезво заметил, что такие дипломатические посольства на самом деле были шпионскими миссиями, предназначенными для оценки морального духа мусульман. Не только Ричард хотел вступить в переговоры с мусульманами в Акре. Филипп-Август тоже имел беседу с командиром городского гарнизона, правда, тоже ничего не добился. Но сам факт, что два короля состязались в дипломатии, предполагает, что скрытое соперничество, которое так сильно задержало их прибытие на Святую землю, сохранилось⁵⁰.

Соперничество или союз?

Первые признаки, которые можно было наблюдать после прибытия Ричарда в Акру, позволяли предположить, что единство цели одержало верх над разногласиями. Французский король явился лично, чтобы встретить Ричарда при высадке, и два монарха «выказывали друг другу уважение и почтение». Филипп даже сдержал свой гнев по поводу женитьбы Ричарда на Беренгари, окончательно решившей судьбу его сестры. Однако очень скоро стали появляться трещины во внешнем налете дружелюбия. Ричард из кожи вон лез, желая доказать, что он богаче своего французского коллеги, и предложил че-

тыре золотых безанта в месяц «любому рыцарю любой земли, который хочет служить». Филипп предлагал три. Причиной этих попыток могла быть просто надменность и желание показать свое превосходство, но тем не менее они оказали существенное практическое воздействие, значительно пополнив ряды армии Ричарда и, таким образом, обеспечив ему главенствующее положение среди крестоносцев⁵¹.

Щекотливый вопрос относительно политического будущего Иерусалимского королевства также поддерживал соперничество между Анжуйской династией и Капетингами. После катастрофического поражения и пленения в Хаттине в 1187 году права Ги де Лузиньяна на трон оказались под большим сомнением. Самым очевидным претендентом на престол стал Конрад Монферратский, доблестный защитник Тира, спаситель латинского Востока. После освобождения Ги из плена, когда Конрад отказался впустить его в Тир, спор перешел в открытую вражду. Кризис углубился в начале осени 1190 года, когда королева Сибилла (сестра Боуэна IV) и ее две маленькие дочери умерли от болезни в лагере крестоносцев у стен Акры. Их смерть оказалась тяжелейшим ударом по политической безопасности Ги, ликвидировав его единственную кровную связь с иерусалимским тронном. Поскольку законность прав Ги теперь была под вопросом, многие представители знати латинского королевства решили поддержать Конрада.

В ноябре 1190 года было принято весьма неприятное политическое решение. Наследственные права на иерусалимский престол теперь перешли к младшей сестре Сибиллы Изабелле, и коалиция противников Ги постановила, что девушка должна выйти замуж за Конрада. Но до заключения этого союза следовало уладить некоторые детали. Ходили слухи, что по крайней мере одна из двух прежних жен Конрада пребывает в полном здравии и живет где-то на Западе. Хуже того, и у Изабеллы уже имелся муж — Онфруа Торонский. Пара жила в лагере крестоносцев возле Акры. Насильно уведенная из своей палатки и запуганная матерью Марией Комниной, Изабелла в конце концов согласилась на сомнительное аннулирование брака и вышла замуж за Конрада.

Спустя много десятилетий папская комиссия осудит этот брак, как, с одной стороны, бигамный, а с другой — кровосмесительный (потому что сестра Изабеллы была раньше замужем за братом Конрада), но пока нужда в сильном лидерстве оказалась сильнее тонкостей законодательства. Конрад все же не стал устраивать так, чтобы его и Изабеллу короновали на место Ги, а вместо этого удалился в Тир, оставив королевскую власть в руинах.

К лету 1191 года проблема так и оставалась нерешенной. Вряд ли стоит удивляться, что Ричард и Филипп поддержали разные лагеря. Как граф Пуату Ричард был сюзереном Лузиньянов, поэтому ожидалось, что он поддержит Ги. Факт подтвердился, когда последний прибыл на Кипр в мае, чтобы обратиться к королю с просьбой еще до того, как тот прибудет в Акру. А Филипп тем временем продвигал интересы своего родственника Конрада, который теперь снова участвовал в осаде. У стен Акры 7 мая 1191 года французский король стал одной из сторон, подписавших хартию, гарантирующую торговые привилегии венецианцам в обмен на поддержку. В этом документе Конрад назвал себя «избранным королем». Генуэзцы уже стали союзниками французов, и пизанцев перекупил Ричард. В итоге образовалась сложная система враждующих и сотрудничающих друг с другом группировок, а интриги и раздоры грозили прикончить Третий крестовый поход даже без помощи мусульман. Однако пламя открытого конфликта так и не разгорелось. При поддержке Ричарда Жоффруа де Лузиньян в конце июня обвинил Конрада в измене, и маркиз предпочел бежать в Тир, чтобы не быть арестованным, и ссора на время затихла⁵².

На самом деле, несмотря на явное напряжение и недоброжелательность между Филиппом и Ричардом, они сумели наладить неохотное сотрудничество, обеспечивающее прогресс на военном фронте. На протяжении всего июня и начала июля 1191 года войска Плантагенета и Капетинга действовали в высшей степени скоординированно и планировали свои атаки так, чтобы одни обеспечивали оборону против армии Саладина, а другие штурмовали город. К концу июня Филипп стал проявлять нетерпение. Его раздражали задержки,

вызванные болезнью Ричарда. И он решил устроить своими силами лобовую атаку на город, правда, успеха не добился. Но даже в этом случае союзники Ричарда помогали защищать лагерь крестоносцев, и один только Жоффруа де Лузиньян убил боевым топором десять мусульман.

Осадная стратегия крестоносцев

В начале лета 1191 года вокруг Акры собралось около 25 тысяч крестоносцев. Ричард и Филипп применили относительно согласованную и скоординированную агрессивную осадную стратегию. Команды саперов рыли ходы под городскими стенами, рассчитывая их обрушить, да и попытки лобового штурма стен Акры не прекращались. Однако весь июнь боевые планы обоих монархов предусматривали в основном интенсивный обстрел из катапульт, который должен был ослабить и укрепления Акры, и моральный дух ее гарнизона. Франкские короли окружили город мощными катапультами. Подобная разрушительная сила раньше не использовалась в конфликтах с участием крестоносцев, поэтому осада Акры стала новым этапом в развитии искусства осадной войны.

Конечно, обстрел был чертой осадной войны в священных войнах с самого начала, обе стороны — и осаждающая, и осажденная — использовали разные типы метательных машин. Но до сих пор относительная слабость этих машин ограничивала вес и размер метательных снарядов и эффективный радиус их действия. Поэтому осаждающие армии могли использовать катапульты для нанесения вреда и деморализации вражеского гарнизона, но обычно они даже не надеялись повредить городские стены или башни.

Ричард I и, вероятно, Филипп-Август, судя по всему, располагали более совершенными технологиями строительства катапульт и использовали в осаде Акры мощные машины, способные метать более тяжелые камни на большие расстояния с высокой точностью. Повышенная скорость обстрела, установленная Филиппом, еще больше повысилась после прибытия Ричарда, и все больше участков города попадали под

непрерывный интенсивный обстрел. К этому времени крестоносцы дали самой мощной французской катапульте прозвище *Mal Voisine* (Плохая Соседка), а мусульманской машине, отвечавшей на ее выстрелы, — *Mal Cousine* (Плохая Родственница). Мусульмане снова и снова повреждали Плохую Соседку, но Филипп приказывал ее восстановить и опять направлял огонь на Проклятую башню, расположенную на северо-востоке города. Франки заплатили из общего фонда за другую машину, которую сразу прозвали «катапульта Господа». «Священник, человек величайшей честности, всегда стоял рядом с ней, — заметил один из современников. — Он же собирал деньги на ее ремонт и плату людям, которых нанимали для сбора камней».

Среди катапульти, которые эксплуатировали люди Ричарда, было две новые машины, «построенные с отменным мастерством и из хороших материалов», которые метали крупные камни, привезенные королем из Мессины. Среди франков ходил слух, что один из этих снарядов убил двенадцать человек в Акре и впоследствии был доставлен на осмотр к Саладину, но это не подтверждают мусульманские источники. Другая машина Ричарда обладала такой мощностью, что могла отправить камень в самое сердце города — на улицу Мясников, которая тянулась к гавани⁵³.

К концу июня интенсивность натиска крестоносцев стала ослабевать. А в лагере Саладина наблюдатель отметил, что «постоянный обстрел городских стен» франками привел к тому, что зубчатые стены начали «дрожать». Крестоносцы могли видеть, как они «шатаются». «Защитники города, — писал он, — стали очень слабыми, а петля вокруг них — очень плотной». Недостаток войск в городе означал, что солдаты не могли регулярно сменяться с постов и отдыхать и многие не имели возможности выспаться. В лагерь султана стали прибывать сообщения о том, что гарнизон, изнуренный постоянными боями, слабеет.

Саладин делал все возможное, чтобы ослабить давление на город, устраивая регулярные контратаки на позиции латинян. В конце весны и начале лета ряды его армии пополнились — в это время войска со всей империи вернулись в

Акру. А в конце июня прибыли крупные армии из Египта и Месопотамии. Но к этому времени позиции крестоносцев уже были слишком прочными. Время от времени мусульманским отрядам удавалось ворваться в лагерь крестоносцев — однажды они даже украли французские котлы для приготовления пищи, — но их атаки всегда отбивались. По ночам Саладин использовал более хитрую тактику. Осторожным лазутчикам поручалось пробраться через пикеты латинян и, оказавшись среди палаток, выбрать жертву. Баха ад-Дин описывал, как они «хватали людей с легкостью, войдя в палатку, потом приставляли к горлу нож и жестаи объясняли: «Если закричишь, перережем горло». Затем их выводили из палатки и уводили в плен и на допрос. Но в конечном итоге и эти отчаянные попытки остановить натиск крестоносцев и подействовать на их боевой дух провалились. В начале июля уже никто не сомневался, что Акра на грани краха. Один мусульманский очевидец заметил, что Саладин, сидя на коне, осмотрел стены Акры и пришел в ужас. «Слезы текли из глаз его... когда он смотрел на город и видел, в каком плачевном он состоянии». Потрясенный, «в тот день он не принимал пищу и лишь выпил несколько чашек напитка, который посоветовал ему доктор. Он был сломлен усталостью, унынием и горем»⁵⁴.

СУДЬБА АКРЫ

Около 2 июля 1191 года крестоносцы усовершенствовали стратегию. Теперь, когда Акра находилась на грани капитуляции, они захотели воспользоваться разрушениями городских укреплений. Проклятая башня была повреждена, и десятиметровый участок прилегающей стены начал разрушаться; а на севере и вторая главная башня была готова рухнуть. Латинские саперы удвоили усилия, направленные на обрушение этих двух объектов. В это время обстрел несколько ослаб, и крестоносцы сосредоточили все свое внимание на подготовке штурма. Франки решили во что бы то ни стало прорваться в Акру.

Когда завершился первый день атаки, Саладин получил срочное сообщение от Карагуша и аль-Маштуба. В нем было сказано: «Завтра, если ты что-нибудь для нас не сделаешь, мы начнем переговоры о перемирии и сдадим город». Свидетель в мусульманском лагере утверждает, что «султан был сломлен». Потрясенный надвигающейся катастрофой, он приказал аль-Адилю 3 июля возглавить еще одну яростную атаку на лагерь христиан, но «франкская пехота, вооруженная арбалетами, луками и стрелами, стояла как стена». Одновременно возле Проклятой башни франкские саперы завершили подкоп. Когда деревянные опоры, находящиеся внутри, догорели, земля провалилась, и часть стены была повреждена. Туда бросились десятки крестоносцев с осадными лестницами, а мусульмане приготовились к рукопашной схватке.

Впереди всех был Обери Клеман, маршал Франции, один из ведущих рыцарей Филиппа. Позже латиняне утверждали, что, прежде чем залезть в пролом, он крикнул: «Или я сегодня умру, или, по Божьей воле, войду в Акру». Но, когда он уже был на вершине, осадная лестница сломалась под весом крестоносцев, желавших последовать за ним, и атака не удалась. Говорят, что Обери, неожиданно оставшийся в одиночестве, сражался с удивительной отвагой, а его соотечественники могли только наблюдать снизу, как его постепенно окружили турки и зарубили до смерти. Во всяком случае, такова была версия происшедших событий, изложенная христианами. Мусульмане утверждают, что Обери стал молить о сохранении жизни, предлагая взамен уход всех крестоносцев, но был убит рыняным курдом. Возможно, атака латинян и потерпела неудачу, но противники были на равных. А разрушение фортификационных сооружений вселяло панику и в население города, и в его защитников. В ту ночь из города тайно под покровом тьмы сбежали три эмира — они уплыли на маленьких лодках. Один из них совершил ошибку — сунулся в лагерь Саладина и тут же был закован в кандалы. Но, по правде говоря, их действия всего лишь отражали истину, уже известную всем: Акра вот-вот падет⁵⁵.

Решающий прорыв имел место в северной части укреплений, там, где находился король Ричард. Больной монарх, все

еще слишком слабый, чтобы идти самостоятельно, был принесен на передовую на носилках, «покрытых шелковым покрывалом». Укрываясь за большим щитом, он метко поражал неудачливых мусульманских воинов из арбалета. Среди убитых им был один воин, из хвостовства надевший доспехи Обери Клемана. 5 июля саперы прорыли еще один ход, забили его лесом и подожгли, вызвав частичное разрушение прилегающих стен. Как и в Проклятой башне, перед крестосцами предстала засыпанная булыжниками трещина, через которую устроить массированную атаку было невозможно. Реакция Ричарда продемонстрировала и его изобретательность, и трезвую оценку основных реалий войны. Зная, как заметил один из очевидцев, что «всех привлекает запах денег», король предложил две золотые монеты каждому, кто принесет камень из поврежденной стены. Это была почти самоубийственная работа: приходилось уклоняться от стрел, летящих из луков и арбалетов, да и мусульмане отчаянно защищали пролом в стене, бросаясь врукопашную на любого, кто к нему приближался. Но все же многие рисковали, особенно когда король поднял награду до трех, а потом и до четырех монет. Несмотря на усилия гарнизона, в течение пяти следующих дней уловка Ричарда принесла плоды. К 11 июля в стене открылся довольно-таки внушительный пролом, хотя за это пришлось заплатить высокую цену. В других местах снова пошли в ход катапульты, постепенно наращивая давление до такой степени, что некоторые мусульманские защитники города стали прыгать со стен, предпочитая смерть плену⁵⁶.

Переговоры

Поскольку поражение теперь представлялось неизбежным, командиры гарнизона Акры стали зондировать почву для переговоров, хотя сражение при этом продолжалось с неослабевающей силой. Хронология и подробности капитуляции Акры беспорядочны. Возможно, аль-Маштуб и Карагуш открыли переговоры еще 4 июля, и тогда неправильно

приписывать Ричарду больше заслуг, чем Филиппу, в успешном завершении осады. Именно совместная мощь армий Анжу и Капетингов в конце концов подчинила Акру. Очевидец из числа крестоносцев так описывал ситуацию, в которой оказались мусульмане: «Они боялись того, что видели, когда весь мир пришел, чтобы их уничтожить; они видели разрушенные стены, пробитые и рухнувшие, видели своих людей ранеными, убитыми, разрубленными на куски. В городе оставалось 6000... но этого было мало».

Мусульманин в лагере Саладина в это же время отметил, что «гарнизон Акры посмотрел в лицо смерти». Опасаясь, что их истребят до последнего человека, если город будет взят штурмом, мусульмане выбрали капитуляцию и жизнь. Примерно 6 июля Ричард и Филипп разрешили мусульманским посланцам покинуть город, чтобы они могли обсудить условия перемирия с Саладином, но договориться не удалось. Султан все еще лелеял надежду на то, что полного разгрома удастся избежать. Был составлен план внезапной ночной вылазки городского гарнизона, но он был выдан христианам перебежчиком — мамлюком из армии Айюбидов. Предупрежденные о нападении, крестоносцы выставили дополнительную стражу, и, хотя войска Саладина провели всю ночь с оружием в руках, никакого прорыва позиций франков так и не произошло. В это же время к мусульманам прибыло немалое сирийское подкрепление, активизировав мысли о последней отчаянной контратаке.

Но лидеры крестоносцев — Ричард и Филипп — уже не сомневались, что одержали верх. В последующие дни они заняли железную позицию, отклоняя любые предложения, не удовлетворяющие их честолюбивым требованиям. Степень участия Саладина в этих переговорах не вполне ясна. Мусульманский очевидец всячески постарался отделить его от процесса, поддерживая ауру непобедимости султана. Было сказано, что, получив проект согласованных условий, Саладин «выразил глубокое неодобрение», но, несмотря на его осуждение любой капитуляции, Акра стремительно сдалась. А христианский очевидец утверждает, что Саладин «согласился на капитуляцию города, когда защищать его стало невозможно»,

и поручил его командирам «добиться наилучших условий». Маловероятно, что короли крестоносцев пошли бы на мирные переговоры, не имея твердой уверенности, что султан будет соблюдать достигнутое соглашение⁵⁷.

Капитуляция

В любом случае 12 июля 1191 года была достигнута договоренность, завершившая осаду Акры. Город и все его богатства переходили франкам, которые обязались сохранить жизни находившимся в городских стенах мусульманам. Гарнизон города останется в заложниках до выполнения других условий сделки: выплаты 200 тысяч золотых динаров, возвращения захваченной в Хаттине реликвии — частички Истинного креста и освобождения 1500 франкских пленных «простого происхождения», а также от 100 до 200 поименно названных аристократов. Уступки такого масштаба говорили о безусловной победе латинского христианства.

После почти двухлетней ожесточенной борьбы сражение за Акру завершилось не безумным кровопролитным грабежом, а неожиданным миром. Когда условия перемирия были согласованы, по христианским армиям был отправлен глашатай, чтобы возвестить о немедленном прекращении военных действий и о том, что «нельзя ни делать, ни говорить ничего, что могло бы оскорбить или спровоцировать турок, не следует больше стрелять по стенам и по туркам, которые могут показаться на них». Странное спокойствие воцарилось в Акре и ее окрестностях. Христиане с любопытством наблюдали, как турки ходят по вершине городских стен. Ворота города наконец распахнулись, и гарнизон вышел, чтобы сдать. Наблюдавшие за этой сценой крестоносцы были в немалой степени удивлены. Оказалось, что безликие противники последних месяцев — вовсе не толпа дикарей, а «люди, обладающие достойным восхищения мастерством и исключительной отвагой... не сломленные несчастьями. Их лица оставались решительными». Некоторые франки показали меньше самообладания, оплакивая осквернение «раз-

рушенных церквей Акры» руками людей «проклятой расы», но в целом капитуляция шла без сцен насилия⁵⁸.

Как и их мусульманские противники, участники Третьего крестового похода проявили в Акре удивительную стойкость, поддерживая осаду и в испепеляющую жару, и в понижающий холод. Их не сломил ни голод, ни болезни, ни непрерывные сражения. Тысячи, возможно, даже десятки тысяч людей нашли свою гибель во время этой осады — точный подсчет потерь невозможен. Во всяком случае, среди знати, чью жизнь и смерть легче проследить, потери оказались беспрецедентными: патриарх, шесть архиепископов, двенадцать епископов, около 40 графов и 500 других представителей аристократии. Короли Англии и Франции не начинали эту борьбу, но активно участвовали в ее успешном завершении. До их прибытия воюющие стороны зашли в тупик. Ресурсы и новая энергия, которую Ричард и Филипп привнесли в борьбу, склонили чашу весов в пользу крестоносцев. Это была победа, которую оба монарха по праву считали своей. Когда гарнизон разоружили, они вошли в город, чтобы потребовать свой приз.

Еще на Западе Ричард и Филипп договорились, что все свои приобретения на Святой земле будут делить поровну. Поэтому их флаги вместе взвились над Акрой. Ричард занял королевский дворец и взял под стражу аль-Маштуба и половину пленных, а Филипп потребовал для себя прежнюю резиденцию тамплиеров, а также Карагуша и оставшихся пленных. При этом и у других крестоносцев осталось мало возможностей утолить свою жажду наживы. В попытке утвердить свои королевские права Ричард сорвал со стены знамя герцога Леопольда V Австрийского, крестоносца, прибывшего в Акру в апреле. Этот пример историки часто приводят как свидетельство грубости и несдержанности английского монарха. Впоследствии Ричард, конечно, сожалел о недобрых чувствах, порожденных этим эпизодом, но в то время его ум был занят защитой своих неотъемлемых прав, и его обращение с Леопольдом вызвало молчаливое одобрение Филиппа. Среди крестоносцев, разумеется, были недовольные жалкой добычей, но для большинства вкус жизни, теперь свободной от

ежеминутной угрозы смерти, был сладок. Люди вошли в Акру «с танцами и радостью». Теперь, как заметил один латинский очевидец, «они могли наслаждаться жизнью и наконец отдохнуть». В действительности довольно скоро большинство из них погрузились в обычные для военных людей радости — спиртное, азартные игры, проститутки⁵⁹.

Последствия падения Акры

Захват Акры никоим образом не означал завершения Крестового похода, но это был важный шаг к возвращению христианам Святой земли. В какой-то мере это было потому, что порт теперь становился береговым плацдармом для христианского Запада. Однако понятию об Акре как «воротах в Палестину» не следует придавать слишком большое значение. Тир, расположенный севернее, все время оставался в руках латинян и, если бы Акра не пала, мог стать второстепенным плацдармом на левантийском материке. Истинная важность падения Акры заключается в другом.

Египетский флот Саладина, жемчужина его вооруженных сил, стоял на якоре во внутренней гавани города. Основная часть флота султана, осуществлявшего снабжение города — всего около семидесяти судов, — постепенно оказалась в ловушке в окруженном порту. Теперь этой армадой овладели крестоносцы, что значительно усилило их военно-морское могущество и одним ударом положило конец мечтам Саладина оспорить господство христиан на Средиземном море. На протяжении всей оставшейся части Третьего крестового похода франки обладали безоговорочным господством на море.

Захват Акры имел и менее осязаемые последствия. Он существенно поднял моральный дух латинян. Вероятно, после этого крестоносцы наконец поверили, что самое страшное осталось позади, что ужасы 1187 года, Хаттина и Иерусалима уже в прошлом и у них есть шанс одержать верх в священной войне. Задача направить эту крепнущую уверенность в нужное русло — к захвату Святого города — выпала на долю Ричарда I и Филиппа-Августа.

В противоположность этому Саладин очутился перед куда более безрадостной реальностью. На протяжении двадцати одного месяца он безраздельно посвящал себя Акре, собирал ресурсы по всей своей великой империи, чтобы защитить город. Раньше, ведя джихад, султан неизменно выказывал нежелание связываться с изнурительными реалиями осадной войны. Но здесь, в Акре, он стоял насмерть. И, столкнувшись с вроде бы бесчисленными армиями Третьего крестового похода, потерпел неудачу. В критические моменты — осенью 1189 года и летом 1190 года его командованию не хватило решительности. Кроме того, он был физически ослаблен болезнью. Все время, проведенное в Акре, он отчаянно старался собрать достаточные людские силы и ресурсы, отвлекаясь на другие нужды империи и на необходимость защищать Сирию от немцев, и весь этот период он не прекращал стремиться к пробуждению, оживлению мусульманского мира, уставшего от долгих лет священной войны.

Если говорить о военных потерях, даже учитывая стратегически важное положение порта Акры, эта неудача была далеко не решающей. Но ущерб репутации Саладина, его образу триумфатора — борца за веру был неизмерим. Именно его аура непобедимости, так долго и тщательно создаваемая, объединила ислам. Миф о Салах ад-Дине *аль-Насире* (защитнике), боготворимом моджахеде, удерживал его армии в поле. Теперь трещины в этом внешнем облике стали глубже. Окруженный криками, стонами и плачем потрясенных людей, Саладин приказал начать общее отступление в Саффарам. Там он собирался перегруппировать войска и подумать, как восстановить репутацию и отомстить⁶⁰.

ЕДИНСТВЕННЫЙ КОРОЛЬ

После завоевания Акры роль Ричарда Львиное Сердце в Третьем крестовом походе изменилась. Он покинул Запад только что коронованным монархом, который превосходил Филиппа и возрастом, и богатством, и военным опытом, но все же нередко чувствовал, что находится в тени Капетинга.

В середине июля 1191 года распространился слух, что Филипп готовится уехать со Святой земли. 22 июля, после того как Ричард решил выпустить совместную декларацию, подтверждающую, что оба короля останутся на Святой земле еще три года или вплоть до завоевания Иерусалима, французский король раскрыл карты. Он посчитал, что завоеванием Акры выполнил свою клятву, и теперь намерен как можно скорее вернуться во Францию. «Боже правый! — написал один крестоносец. — Какой крутой поворот!»

Разобраться в неожиданном решении Филиппа непросто, поскольку современные свидетельства весьма противоречивы. В разных источниках сказано, что Филипп был безнадежно болен, что Ричард пустил слух о болезни и смерти маленького сына и наследника Капетинга и что трусливый французский король бросил крестоносцев, оставив свои армии без средств. На самом деле, вероятнее всего, на решение Филиппа повлияло одно главное соображение: он в первую очередь король и уже потом крестоносец. Конечно, священная война — богоугодное дело, и Филипп не имел ничего против выполнения своей части работы, но сердцем он всегда был в своем королевстве, занимался его управлением и расширением. Подходящий случай представился довольно скоро. В июне в Акре умер граф Филипп Фландрский, и король Филипп стал наследником части его графства — процветающей области Артуа*. Чтобы не упустить столь ценного наследства, Филиппу необходимо было быть на Западе. И он вполне разумно поставил интересы королевства выше интересов Крестового похода.

Какова бы ни была действительная мотивация Филиппа, очевидно одно: его отъезд был унижительным. Даже самые строгие европейские критики Ричарда I осудили бегство французского короля. Чтобы еще больше ухудшить ситуацию, большинство, подавляющее большинство французской аристократии предпочло остаться. Только Филипп Невер-

* Граф Филипп Фландрский, умерший без потомства, доводился родным дядей Изабелле де Эно, покойной жене Филиппа II Августа. Таким образом, французский король мог претендовать на часть его наследства от имени своего и Изабеллы сына Людовика. (Примеч. ред.)

ский последовал за своим сувереном. Возможно, отъезд Филиппа-Августа и вызвал всеобщее осуждение современников, но мы не имеем права закрывать глаза на тот факт, что Филипп внес реальный вклад в Третий крестовый поход. Многие короли латинского христианского мира отрекались от своих крестоносных клятв и никогда не ступали ногой на землю Утремера, среди них — отец Ричарда английский король Генрих II. Возможно, Филипп и не рыдал, как поведал нам один из его сторонников, когда его корабль отплывал на Запад. Но тем не менее он немало сделал для священной войны⁶¹.

Для Ричарда I объявление о предстоящем отъезде Филиппа стало сущим благословением. Да, теперь только на него ложились расходы по финансированию экспедиции, но его карманы были достаточно глубоки для этого. После отъезда французского короля Ричард Львиное Сердце наконец получал единоличный контроль над Крестовым походом. А поскольку почти весь контингент французских крестоносцев оставался на Востоке под командованием Гуго Бургундского, латинская армия не была ослаблена. Получив возможность окружить свое имя легендами на обширном театре военных действий священной войны, Ричард не терял времени и немедленно взял инициативу в свои руки.

Он начал с поиска наиболее благоприятного решения спора относительно будущего латинского Иерусалимского королевства. Поскольку Филипп собрался домой, политически изолированный Конрад Монферратский 26 июля был вынужден неохотно подчиниться английскому королю, согласившись выполнить решение совета по урегулированию разногласий, которое определенно должно было отвечать интересам Ричарда. Двумя днями позже монархи Англии и Франции объявили свое решение: Ги де Лузиньян останется королем Иерусалима до конца жизни. Доходы его королевства будут делиться с Конрадом, но лишь после смерти Ги корона перейдет к маркизу. Но Конрад немедленно получит Тир, Бейрут и Сидон, права на которые станут наследственными. Если умрут и Ги, и Конрад, королевство перейдет к Ричарду.

Покончив с этой проблемой, Ричард занялся одной из главных трудностей, связанных с возвращением Филиппа в Европу. Два монарха так старались отправиться в Крестовый поход вместе, поскольку не доверяли друг другу и каждый не был уверен, что другой в его отсутствие не вторгнется в его земли. Как только Филипп-Август вернется на Запад, Анжуйская империя окажется под угрозой. Ричард сделал все возможное, чтобы свести опасность к минимуму, и убедил Филиппа 29 июля дать клятву сохранять мир. Торжественность церемонии — Капетинг держал в одной руке Евангелие, а другой касался священных реликвий — усиливала обязывающий характер обещаний. Никаких нападений на анжуйские земли, пока Ричард остается на Востоке, не будет. Когда же английский король вернется в Европу, за срок дней до возобновления враждебных действий будет дано уведомление. Гуго Бургундский и Генрих Шампанский стали гарантами соглашения. 31 июля 1191 года Филипп отплыл на север в Тир вместе с Конрадом, забрав с собой половину плененного гарнизона Акры, а еще через несколько дней французский король покинул Святую землю и Третий крестовый поход. Клятвы клятвами, но Ричард испытывал глубочайшие подозрения относительно намерений Филиппа и немедленно отправил группу своих самых доверенных людей вслед за французским королем, которые должны были проследить за его возвращением и передать соответствующие предостережения всем заинтересованным лицам в Англии и за ее пределами. Письмо, написанное Ричардом 6 августа влиятельному английскому чиновнику, дает представление о его мыслях в этот период, желании воспользоваться в своих интересах отъездом Филиппа и новых опасениях: «Через пятнадцать дней [после падения Акры] король Франции покинул нас и вернулся на свои земли. Мы, однако, ставим любовь Господа и Его славу выше своих собственных и выше овладения новыми регионами. Мы как можно скорее восстановим [латинское королевство] до его первоначального состояния и только тогда вернемся домой. Но можете быть уверены, что мы непременно поднимем паруса в следующий Великий пост».

До этого момента Ричард мог сосредоточиться на продолжении Третьего крестового похода. Когда Филипп был рядом, английский король в определенной степени испытывал уверенность относительно безопасности своего западного королевства. Но теперь его тревоги усилились — каждый день, проведенный на Востоке, был временем, подаренным противнику. Больше никогда Ричард Львиное Сердце не был таким же целеустремленным, сосредоточенным только на возвращении франкам Святой земли⁶².

ХЛАДНОКРОВИЕ

Став единственным командиром Третьего крестового похода, Ричард прежде всего позаботился о том, чтобы условия капитуляции Акры были выполнены и завоевание латинского Востока могло продолжиться. Время было дорого. Следовало во что бы то ни стало поддержать импульс. Осталось всего лишь два месяца полноценного военного сезона, поэтому надо было практически немедленно двигаться на юг, чтобы добиться победы до наступления зимы. Ричарду потребовалась пара недель, чтобы восстановить укрепления Акры. Теперь город снова можно было защищать. Одновременно он начал давление на Саладина, чтобы узнать точные сроки выполнения условий мирного договора.

Обе стороны начали элегантный, но потенциально смертельно опасный дипломатический танец. Султан знал, что для Ричарда скорость имела первостепенное значение. Но пока у короля были тысячи пленных и еще невыполненный очень выгодный договор, он будет весьма эффективно обездвижен. Если переговоры затянутся, крестоносцы вполне могут увязнуть в Акре на осень и даже на зиму. Львиное Сердце тоже понимал, что его противник будет тянуть время. Иными словами, и он, и Саладин понимали, в какую игру играют. Только ни один ни другой пока не могли оценить темперамент противника. Будут ли соблюдаться правила игры? И одинаковы ли правила для обоих участников? На какие риски каждый готов пойти и чем пожертвовать?

Для обеих сторон опасность, связанная с возможной ошибкой в расчетах, была велика. Ричард был готов потерять значительную сумму на выкуп и воздержаться от возвращения на родину более тысячи латинских пленным и самых почитаемых реликвий Утремера. Но что еще важнее, позволив задержкам и отсрочкам затянуть переговоры, он рисковал крахом всего Крестового похода. Потому что без движения вперед экспедиция неминуемо рухнет под грузом разобщенности, лености и инертности. Совокупность факторов, стоящих перед Саладином, была, пожалуй, несколько проще; на одной чаше весов лежали жизни примерно трех тысяч мусульман, на другой — необходимость сдержать Крестовый поход.

Договоренность, достигнутая 12 июля, установила тридцатидневный срок на выполнение обязательств. Саладин, с одной стороны, выказывал готовность выполнить требования франков и даже позволил группе латинян посетить Дамаск, чтобы обследовать условия жизни латинских пленным и увидеть собственными глазами частицы Истинного креста, но с другой — искал возможность затянуть время. Ричард, одолеваемый делегациями нагруженных подарками сладкоголосых мусульман, судя по всему, к 2 августа смягчился. Хотя его силы были уже почти готовы выйти из Акры, король согласился на компромисс: выполнение условий произойдет двумя-тремя частями. Первая — возвращение 1600 латинских пленным и Истинного креста, а также выплата половины денежной суммы — 100 тысяч динаров. Саладин вполне мог посчитать это решение доказательством того, что латинским королем можно манипулировать. Но если так, он сильно ошибся. На самом деле у Ричарда были свои причины согласиться на небольшую задержку. Поскольку Конрад Монферратский упрямо отказывался вернуть долю мусульманских пленным Филиппа-Августа, английский король в тот момент не имел возможности выполнить свою часть сделки.

К середине августа эту трудность удалось преодолеть. Был произведен обмен заложниками. Гуго Бургундский заставил маркиза согласиться, и пленные были возвращены. Теперь Ричард рвался в бой. С этого момента свидетельства современников становятся в высшей степени запутанными, латин-

ские и мусульманские очевидцы перемежают свои повествования взаимными обвинениями, которые затеяют точные детали событий. Представляется, что Саладин неверно оценил своего противника. Современные авторы часто предполагали, что у султана были трудности в сборе денег и пленных, но это не подтверждается мусульманскими свидетельствами. Представляется более вероятным, что, поскольку первый срок — 12 августа — прошел, он начал намеренно увиливать. К очевидному негодованию Ричарда переговорщики Саладина теперь стали выдвигать новые условия, настаивая, чтобы был освобожден весь гарнизон и произведен обмен заложников как гарантов выполнения остальных условий. Когда король ответил категорическим отказом, переговоры зашли в тупик.

Находясь в своем лагере в Саффараме, Саладин, должно быть, считал, что все еще существует простор для переговоров и Ричард будет терпеть проволочки и дальше, надеясь на достижение конечного результата. Он был не прав. Вечером 20 августа Ричард вышел из Акры с крупными силами и разбил временный лагерь за старыми траншеями крестоносцев на равнине. Следя за его действиями с наблюдательного пункта на Телль-аль-Айядии, мусульмане были изрядно озадачены. Они отошли на Телль-Кайзан и отправили срочное сообщение султану. Тут Ричард и проявил свой характер. Большинство гарнизона Акры — около 2700 человек — были выведены из города. Их согнали на открытый участок, связанными, дрожащими от страха. Отпустят ли их?

А потом франки набросились на них и хладнокровно убили всех до единого человека. Мусульманская стража наблюдала, не зная, что делать.

Саладин узнал о случившемся слишком поздно, чтобы помешать. Он немедленно поднял войска в контратаку, которая была отбита. Когда солнце село, Ричард со своими людьми вернулся в Акру, оставив за собой залитую кровью землю. Его послание султану не могло быть яснее. Львиное Сердце устанавливал свои правила игры. Именно такую беспощадную целеустремленность он привнес в священную войну на Святой земле.

Ни одно событие в карьере Ричарда не вызвало больше критики, чем это расчетливое убийство. Рассказывая, как мусульмане осматривали на следующее утро равнину, Баха ад-Дин писал: «Они нашли мучеников на том месте, где те были убиты, и даже смогли узнать некоторых. Великая скорбь и печаль охватила всех, потому что враги пощадили только людей знатных или тех, кто был достаточно силен, чтобы заниматься их строительными работами. Выдвигались разные причины бойни. Говорили, что их убили из мести за латинян, которые были убиты, и что король Англии решил идти на Аскалон, чтобы овладеть им, и считал неуместным оставлять такие силы в своем тылу. Только Бог знает истину».

Баха ад-Дин заметил, что Ричард Львиное Сердце «предательски обошелся с мусульманскими пленными» после их капитуляции, при которой им гарантировалось сохранение жизни. Если Саладин не сможет заплатить выкуп, в худшем случае их ждало рабство. Султан отреагировал на казнь с потрясением и гневом. Он приказал казнить в последующие недели всех неудачливых крестоносцев, которых удастся поймать. Но вместе с тем он 5 сентября санкционировал возобновление дипломатических контактов с английским королем и некоторыми членами его окружения, а впоследствии установил теплые, почти сердечные отношения с Ричардом. Судя по всему, и Ричард, и Саладин восприняли этот мрачный эпизод одинаково, как акт военной целесообразности, предназначенный для открытой демонстрации намерений. Кроме того, это убийство вызвало страх всего ближневосточного исламского населения. Саладин понимал, что в будущем его гарнизоны предпочтут покинуть свои посты, если перед ними возникнет перспектива осады и последующего плена. Но даже для мусульманских современников события 20 августа не стали поводом для оскорбления и поношения английского короля. Он оставался одновременно «проклятым человеком» и *Melec Ric*, то есть королем Риком — великолепным воином и полководцем. Со временем эта бойня заняла свое место в ряду других жестокостей крестоносцев, таких как разграбление Иерусалима в 1099 году. Это преступление не вы-

звало неугасимого пожара ненависти, но всякий раз вспоминалось в интересах продвижения джихада⁶³.

Конечно, обращение Ричарда с пленными сказалось и на его имидже в западном христианском мире, причем в некотором отношении это влияние было более мощным и продолжительным. Какими бы ни были причины, его действия можно представить как противоречащие условиям, согласованным при сдаче Акры. Если Ричард нарушил свое обещание, он был открыт для порицания, поскольку преступил законы чести и рыцарства. Опасаясь этого, и сам король, и его сторонники постарались изобразить этот эпизод как можно более сдержанно.

Главным было оправдание. В письме Ричарда аббату Клерво, датированном 1 октября 1191 года, подчеркивается уклонение Саладина от исполнения своих обязанностей, объясняется, что «лимит времени истек, и, поскольку договор, который он согласовал с нами, явно лишился силы, мы совершенно правильно предали смерти сарацин, которые находились у нас в заключении, — их было около 2600». Некоторые латинские хронисты также старательно переложили всю полноту ответственности на султана, утверждая, что Саладин первым начал убивать пленнх христиан — за два дня до устроенной Ричардом бойни. Они также объясняли, что английский король принял такое решение только после консультации и с согласия Гуго Бургундского, который теперь возглавлял французов. Иными словами, несмотря на некоторые следы порицания — немецкий летописец Ансберт, к примеру, открыто осудил варварство Ричарда, — широкого осуждения на Западе не последовало.

Оценки историков со временем менялись. В 1930-х годах, когда Ричарда было принято считать грубым и несдержанным правителем, Рене Груссе назвал бойню варварской и глупой. По его мнению, Ричарда подтолкнул к ней один только необузданный гнев. Впоследствии исследование Джона Гиллингема несколько восстановило репутацию английского короля. Реконструируя события в Акре, Гиллингем изображает Ричарда хладнокровным и расчетливым командиром, который понял, что ресурсы, необходимые для содержания

и охраны тысяч мусульман, являются отнюдь не лишними, и принял аргументированное решение, исходя из военной целесообразности⁶⁴.

В действительности сегодня невозможно с уверенностью сказать, что двигало королем Ричардом тогда — в августе 1191 года. Логическое объяснение его поступкам существует, но вовсе не исключает возможности того, что он действовал под влиянием гнева и нетерпения.

Глава 16 ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Теперь английский король Ричард I мог возглавить Третий крестовый поход и вести его к победе. Стены Акры были восстановлены, ее мусульманский гарнизон безжалостно уничтожен. Ричард обеспечил себе поддержку многих ведущих крестоносцев, включая своего племянника Генриха II, графа Шампанского. Даже Гуго Бургундский и Конрад Монферратский выразили, по крайней мере внешне, одобрение права Ричарда командовать, правда, при этом Конрад остался в Тире⁶⁵. Теперь следовало определить следующую цель экспедиции. Оставаясь в Акре, ничего нельзя было достичь, но покинуть город по суше означало подвергнуться яростным нападениям войск Саладина. В Средние века армия была наиболее уязвима при проходе по вражеской территории. Единственной альтернативой сухопутному переходу было морское путешествие, но Ричард, судя по всему, отверг стратегию, основанную только на военно-морской силе. Его флот был, конечно, велик, но перевозка всего снаряжения Крестового похода была воистину грандиозным предприятием. Еще важнее было то, что, если ему не удастся захватить подходящий порт на юге, все наступление окажется неудачным. И Ричард Львиное Сердце в конце концов избрал комбинированный подход: «форсированный марш» на юг вдоль побережья Средиземного моря в сопровождении и при поддержке латинского флота. Это исключало наступление в глубь страны прямо на Иерусалим, но в любом случае путь

в Святой город на юг вдоль берега до Яффы, а оттуда на восток на Иудейские холмы был сходен с тем, что выбрали первые крестоносцы веком раньше.

Между тем стратегические намерения Ричарда летом 1190 года неясны. Третий крестовый поход был начат, чтобы вернуть Иерусалим, но невозможно с определенностью утверждать, что именно такова была основная цель Ричарда в августе. Он вполне мог планировать использование порта Яффа как трамплин для прямого наступления на Святой город. Но могло быть иначе. К примеру, он мог иметь целью портовый город Аскалон на юге, чтобы нарушить связь Саладина с Египтом. Учитывая надежду султана на богатства и ресурсы Египта, такой подход мог нанести существенный вред мусульманской военной машине, открыть дверь к захвату Иерусалима в будущем или даже захвату территории в дельте Нила.

Понятно, что отсутствие ясности в планах Ричарда частично являлось прямым результатом уклончивости самого короля. Он имел все основания тщательно скрывать свои планы, чтобы о них не прознал султан — ведь тогда Саладину пришлось бы распылять свои ресурсы и готовиться к обороне двух городов, а не одного. Мусульманские источники определенно указывают на то, что такая секретность сработала. В конце августа до Саладина дошли слухи, что крестоносцы пойдут на Аскалон, но он понимал, что, достигнув Яффы, они могут с той же легкостью повернуть в глубь страны. Получив информацию от своего полководца, что и Яффе, и Иерусалиму потребуются гарнизоны в 20 тысяч человек, султан пришел к выводу, что одним из городов придется пожертвовать.

Хотя нельзя исключать, что Ричард еще попросту не определился с конечной целью. Взоры основной части его армии, разумеется, были устремлены на Иерусалим. Но король, возможно, желал сохранить гибкий подход, надеясь достичь промежуточной цели — Яффы, а уже потом решать. В то время такая стратегия имела некоторую степень целесообразности, если только король не откладывал решение проблем на будущее.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Ближайшим намерением Ричарда было провести армии Третьего крестового похода численностью 10—15 тысяч человек вдоль побережья Палестины, по крайней мере до порта Яффа. Но не территориальные завоевания и даже не грядущие сражения занимали Ричарда, когда он покинул относительно безопасную Акру. Его главным принципом было выживание — сохранение людской силы и военных ресурсов, желание довести военную машину крестоносцев до Яффы в сохранности. А это уже само по себе было очень трудно. Ричард знал, что на марше его армия будет очень уязвима, подвержена постоянным нападениям вражеских солдат, которые жаждали отмщения и крови франков. Он также имел основания ожидать, что Саладин попытается втянуть крестоносцев в сражение на территории, которую он выберет сам.

Имея в виду все сказанное выше, на первый взгляд можно предположить, что главным фактором являлась скорость, что Ричард должен был постараться преодолеть восемьдесят одну милю (130 км), отделяющую его от Яффы, как можно быстрее, в надежде уклониться от встречи с врагом. В конце концов, такое расстояние можно было пройти за четыре-пять дней. На деле Ричард принял решение идти из Акры медленно. Латинская военная логика того времени диктовала, что контроль — ключ к успешному маршу: войска должны двигаться плотным строем, полагаясь на свою численность и защиту своих доспехов. Ричард вознамерился довести эту теорию до крайности.

Историки всячески превозносят командование Львиного Сердца на этой стадии экспедиции, описывая наступление из Акры как «классическую демонстрацию военной тактики франков в ее наилучшем виде». При этом в армии поддерживалась достойная восхищения дисциплина. Во многих отношениях это действительно был звездный час Ричарда как полководца. Одним из главных проявлений его военного гения была формулировка стратегии, координирующей сухопутный марш с продвижением на юг флота. Восточное Сре-

диземноморье теперь находилось в руках латинян, и король желал максимизировать использование флота. Армия на марше не может позволить себе большой обоз, но и не может рисковать остаться без еды и оружия. Таким образом, сухопутные силы несли десятидневные запасы основных продуктов (мука и лепешки, вино и мясо), а большинство запасов было погружено на транспортные суда. Они должны были встречаться с армией на марше в четырех точках на побережье — Хайфа, Детруа, Кесария и Яффа. А легко нагруженные небольшие лодки должны были следовать близко от берега с той же скоростью, что и армия, обеспечивая практически постоянное снабжение. Один крестоносец написал: «Было сказано, что они будут следовать двумя армиями: одна по суше, другая по морю, потому что никто иначе не может покорить Сирию, занятую турками». Намеченный Ричардом маршрут вдоль берега также обеспечивал войскам защиту от вражеского окружения. Там, где это возможно, крестоносцы пойдут так, что солдаты на правом фланге будут практически пробираться по воде, таким образом устраняя опасность нападения с этой стороны. Этими мерами Ричард надеялся минимизировать отрицательное влияние нахождения на вражеской территории. Столь замысловатая схема, очевидно, была результатом передового планирования и полагалась на некоторые знания местных военных орденов. Успех зависел от поддержания военной дисциплины, а значит, во многом и от силы личности Ричарда, его непререкаемого авторитета.

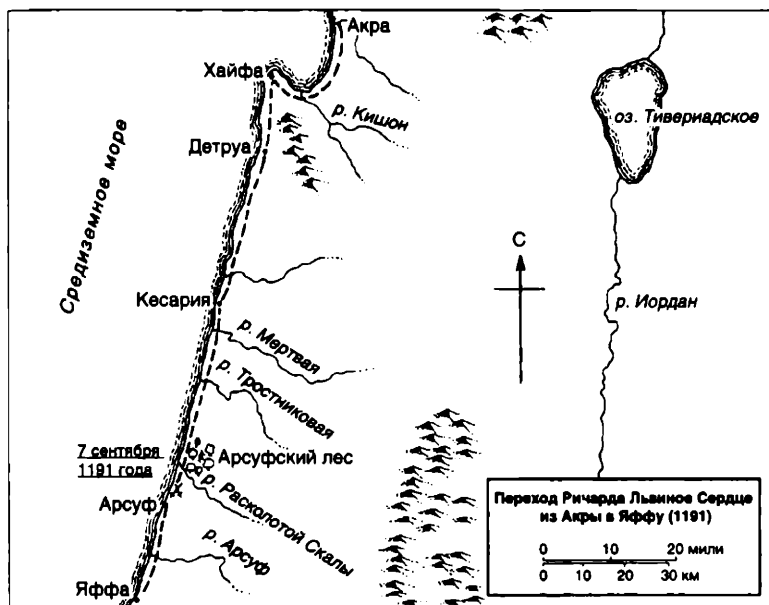
Несмотря на все сказанное, не стоит преувеличивать ни достижения английского короля, ни механистическую точность этого марша. Даже на этой стадии Крестового похода Ричард сталкивался с трудностями, причем этот факт обычно игнорируется современными авторами. Его первая проблема — выступление в поход — оказалась весьма непростой. Можно было ожидать, что авторитет единственного оставшегося в Крестовом походе монарха будет непререкаемым. В конце концов, именно он взял на себя оплату потенциально непокорных французских крестоносцев, таких как Гуго Бургундский, чтобы обеспечить их лояльность. Тем

не менее английскому королю пришлось изрядно потрудиться, чтобы убедить французов покинуть Акру.

Проблема заключалась в том, что порт стал удобным, даже соблазнительным убежищем от ужасов священной войны. В городе было столько людей, что он едва вмещал их всех, а значит, он превратился в огромное увеселительное заведение, предлагающее всякого рода запретные удовольствия. Один крестоносец признался, что там было восхитительно много хорошего вина и женщин, некоторые даже были очень красивыми, с которыми и развлекались французские крестоносцы. В таких условиях Ричарду пришлось чертовски постараться, чтобы обеспечить повиновение. На следующий день после убийства мусульманских пленных он установил сборный пункт на равнине к юго-востоку от порта за старыми траншеями. Самые преданные сторонники последовали за королем, но остальные не спешили. Один крестоносец признал, что Ричарду пришлось прибегнуть к смеси лести, молитвы, подкупа и силы, чтобы собрать жизнеспособные силы, и даже тогда многие остались в Акре. На первом этапе марша к основному войску постоянно присоединялись отставшие солдаты. Для начала медленное продвижение вперед армии, которым сейчас так восхищаются военные историки, в основном было выбрано, чтобы дать возможность отставшим и поздно вышедшим из Акры крестоносцам догнать своих товарищей⁶⁶.

Марш начинается

Главные силы крестоносцев вышли из Акры в четверг 22 августа 1191 года. Чтобы ликвидировать распутство в армии, Ричард приказал, чтобы все женщины были оставлены в Акре, хотя исключение было сделано для паломниц старшего возраста, «которые стирали белье и мыли волосы солдат и так же хорошо, как обезьяны, умели избавляться от вшей». Первые два дня Ричард ехал в арьергарде войск, обеспечивая поддержание порядка, но вопреки ожиданиям франки столкнулись лишь с незначительным сопротивлением. Саладин,

не зная намерений Ричарда и, возможно, опасаясь лобового нападения на лагерь в Саффараме, развернул пока только разведывательные силы. Пройдя за два дня едва ли десять миль (16 км), крестоносцы пересекли реку Белус и разбили лагерь, где отдыхали весь день 24 августа, «ожидая тех Божьих людей, которым было трудно уйти из Акры»⁶⁷.

На рассвете следующего дня Ричард собрался преодолеть оставшееся расстояние до Хайфы. Армия была разбита на три части: король двигался в авангарде, в центре находились английские и нормандские крестоносцы, и замыкали процессию Гуго Бургундский и французы. Пока координация между группами была ограниченной, но они, по крайней мере, все видели королевский штандарт Ричарда в центре колонны. Крестоносцы продвигались в южном направлении и в самом сердце колонны везли знамя Ричарда, укрепленное на высоком шесте, который стоял на колесной деревянной платформе. Его защищали элитные стражи. Оно было видно всем, в том числе противнику (который сравнил его с огромным сиг-

нальным огнем). Пока оно развевалось над колонной, этот тотем сообщал, что франки продолжают жить, помогая людям подавить свой страх перед нападением мусульман. В то воскресенье это было остро необходимо.

Чтобы добраться до Хайфы, Ричард повел армию крестоносцев на песчаный берег, тянувшийся к югу от Акры. Латиняне не знали, что утром 25 августа Саладин снялся с якоря, отправил обоз в безопасное место и приказал своему брату аль-Адилю испытать силу и сплоченность христиан на марше. День тянулся долго. Постепенно медленно двигавшихся в колонне крестоносцев охватило предчувствие беды. Слева от них среди песчаных дюн неожиданно появились мусульманские войска. Они наблюдали и выжидали. А потом на землю опустился туман и начала распространяться паника. Во всеобщей неразберихе французский арьергард, в котором находился легкий обоз, замедлил движение и утратил контакт с остальной армией. В этот момент аль-Адиль и нанес удар. Крестоносец описал атаку мусульман: «Сарацины ринулись на нас, особо выделяя наших возчиков, убивая людей и лошадей. Они захватили много имущества, обратили в бегство тех, кто вел обоз, загнали их в пенящееся море. Там они сражались и отрубили руку воину по имени Эварт [один из людей епископа Хуберта Уолтера], но мужчина не обратил на это особого внимания и взял меч в левую руку».

Арьергард был остановлен, надвигалась катастрофа, и новости о нападении были переданы Ричарду. Понимая, что необходимо прямое и немедленное вмешательство, чтобы избежать окружения французов, король поскакал обратно. Христианский очевидец описал, как «король ворвался в самую гущу турок быстрее, чем удар молнии». В конечном итоге атака была отбита и восстановлена связь арьергарда с основными силами армии. Противник отступил обратно в дюны, а крестоносцы остались потрясенные, но по большей части они уцелели. Пережив нападение, крестоносцы достигли Хайфы или той же ночью, или на следующее утро и остановились там на два дня — 26 и 27 августа⁶⁸.

Было ясно, что крестоносной армии необходима перегруппировка. Современные ученые подчеркивают, с каким

мастерством Ричард организовал и поддерживал походный порядок франков после выхода из Акры. Но при этом в значительной степени игнорируется тот факт, что английскому королю и его людям приходилось учиться на своих ошибках. Один крестоносец написал, что после опыта 25 августа франки «очень старались и вели себя намного разумнее». Продолжая ожидать, пока соберется вся армия — из Акры все еще прибывали войска, теперь в основном на кораблях, король приступил к реорганизации. Снаряжение было существенно облегчено. Особенно бедняки начали марш нагруженные «продовольствием и оружием» до такой степени, что многие отставали и умирали от перегрева и жажды. Был создан более систематизированный боевой порядок, который поддерживался весь оставшийся путь.

Крестоносцы продолжали, когда это было возможно, следовать вплотную к берегу, сохраняя еще более тесный контакт с флотом. Элитным, закаленным в боях рыцарям — тамплиерам и госпитальерам — была поручена самая сложная задача: поддерживать авангард и арьергард, а короля и основную массу конных рыцарей в центре прикрывала на уязвимом левом фланге хорошо вооруженная пехота. Мусульманский очевидец, видевший армию несколькими днями позже, написал, что при таком походном порядке армия — неприступная стена. Защищенные «длинными, отлично сделанными кольчугами» франки были почти неуязвимы для легких метательных снарядов. «Стрелы падали на них, не причиняя вреда». Он видел «франков с десятью стрелами, торчащими из спин, которые спокойно шли в колонне». Пехотинцы могли вести огонь из луков и арбалетов, чтобы не подпускать противника, но в основном они были заняты поддержанием строгого походного порядка. Осознав, что роль «щита» потребует от пехотинцев немалых физических и психологических жертв, Ричард разделил их на два отряда, чтобы они могли чередоваться. «Отдыхающий» отряд шел на защищенном правом фланге, у моря, вместе с армейским обозом⁶⁹.

В таком походном порядке христиане 28 августа покинули Хайфу. Они хорошо понимали, что отныне и впредь будут подвергаться интенсивным и непрекращающимся нападе-

ниям со стороны войск Саладина. Теперь Ричард старался беречь энергию армии и после каждого этапа марша устраивал отдых на день или два. Мусульманские войска определенно шли по пятам, даже пикетировали латинские лагеря по ночам, постоянно ожидая возможности разрушить походный порядок. Остается только неясным, собирался ли султан вызвать крестоносцев на полномасштабное открытое сражение. Историки упорно придерживаются ошибочного мнения относительно намерений Саладина, предполагая, что он с самого начала выбрал удобную площадку — на юге, возле Арсуфа. Очень подробные записи Баха ад-Дина, который находился рядом с султаном весь этот период, дают нам совершенно иную картину. Представляется, что Саладин был сбит с толку тактикой Ричарда. Смущенный неожиданным решением короля регулярно выделять дни для отдыха, султан ошибочно подсчитал скорость продвижения франков вперед и время, которое его войскам придется провести в поле, в результате чего возникла нехватка продовольствия. Судя по всему, на данном этапе английский король переиграл султана. Мусульманские войска действительно были отправлены по следу христиан, но сам Саладин начал судорожно искать подходящее поле для сражения, лично объезжая берег на юге и прикидывая уязвимость вероятных мест для лагерей крестоносцев. Все это время он собирался остановить латинян.

Восемь дней крестоносцы медленно, но верно продвигались вперед. В пятницу 30 августа, следуя от разрушенных фортификационных сооружений Детруа к Кесарии, они почувствовали, что еще более страшным врагом, чем Саладин, является жара. Латинец, бывший среди них в тот день, писал: «Жара была настолько нестерпимой, что многие умирали от нее; их сразу хоронили. С теми, кто не мог идти дальше, каких было немало, с больными и изможденными, король поступал мудро: их до следующего привала везли на галерах и маленьких лодках».

На следующий день, по пути к реке с мрачным названием Мертвая, франки добились значительного успеха в продолжительном сражении. Среди противников в тот день был

Айаз Длинный, один из самых прославленных и свирепых мамлюков султана. И только когда пал его конь, Айаз, рухнувший под тяжестью доспехов, был убит. Баха ад-Дин писал, что мусульмане сильно горевали о потере. А победа значительно укрепила моральный дух христиан. Аналогичное действие оказывал установившийся среди крестоносцев обычай каждый вечер перед отходом ко сну петь хором «Гроб Господень, помоги нам». Но, безусловно, ключом к столь невероятному самообладанию крестоносцев, подвергавшихся сильному давлению, было присутствие Ричарда Львиное Сердце. Король был мудр, непреклонен и готов в любую минуту броситься в бой. Ричард постоянно отслеживал настроение людей, желая быть уверенным, что они еще не достигли предела выносливости. К началу сентября, когда начались перебои с продовольствием, появились проблемы. Пехотинцы собирались вокруг павших в течение дня лошадей и принимались спорить, кому достанется лучший кусок. Зрелище было нестерпимым для рыцаря — хозяина павшего животного. Король даже был вынужден вмешаться и объявить, что он будет возмещать стоимость каждого павшего коня, если его мясо будет предлагаться «достойным воинам». Благодарные франки поглощали конину, словно это была нежная дичь. Приправленная голодом вместо соуса, она казалась им восхитительной⁷⁰.

Конечно, получая выгоды от своего постоянного присутствия среди крестоносцев, Ричард немало рисковал. 3 сентября, по пути от Мертвой реки, «дикий» участок берега заставил крестоносцев свернуть в глубь территории. Саладин выбрал именно этот момент для нападения, лично возглавив три крупных отряда. Мусульмане провели «артподготовку», обстреляв крестоносцев стрелами, после чего бросились в атаку. Баха ад-Дин наблюдал, как разворачивались события: «Я видел Саладина, скачущего среди воинов, а вражеские стрелы летели мимо. Его сопровождали двое слуг с двумя конями. Султан скакал от одного отряда к другому, подгонял людей вперед, требовал, чтобы они решительнее теснили противника».

Султан остался невредимым, а Ричард оказался менее удачливым. Находясь, как всегда, в гуще сражения, он неужи-

данно почувствовал удар в бок. В него угодила стрела арбалета. К счастью, король сумел удержаться в седле. На этот раз ему повезло: основной удар приняли на себя доспехи, и он не получил серьезного ранения. Но этот эпизод показывает тот огромный, хотя и необходимый риск, которому Ричард подвергался как средневековый король-воин *par excellence**. Если бы в тот день он погиб, весь Крестовый поход, скорее всего, потерпел бы крах. Но вместе с тем без его постоянного присутствия на передней линии сопротивление франков могло значительно уменьшиться. В общем, и Ричард, и Саладин уцелели в первом столкновении. К концу дня получившая немалую психологическую травму франкская армия добралась до Тростниковой реки. Разбивая лагерь, христиане, похоже, не знали, что всего лишь в миле (1,5 км) вверх по течению ставят палатки мусульмане. С некоторой иронией Баха ад-Дин заметил, что мусульмане пили воду в верховьях, а христиане ниже по течению⁷¹.

БИТВА ПРИ АРСУФЕ

Теперь Ричард находился в двадцати пяти милях (40 км) от Яффы. Хотя марш был опасным и очень утомительным, он также оказался потрясающе успешным. Но король наверняка подозревал, что теперь Саладин использует все свои силы и ресурсы, чтобы остановить франков, потому что потеря Яффы станет серьезным ударом для ислама. Путь крестоносцев пролегал через Арсуфский лес к очень удобному во всех отношениях месту стоянки у реки Расколотой Скалы. За ней виднелась обширная песчаная равнина перед небольшим селением Арсуф. В армии говорили, что сражение неминуемо. Ричард дал армии отдохнуть 4 сентября у Тростниковой реки, но вечером поднял войска. Непредсказуемая скорость марша крестоносцев уже посеяла семена сомнения в уме султана, который все еще пытался перехватить инициативу. А потом Львиное Сердце разыграл неожиданную и

* Преимущественно, в первую очередь (фр.). (Примеч. ред.)

весьма коварную карту, направив послов к передовым отрядам мусульман. Послы желали поговорить с аль-Адилем.

Султан провел весь день, тщательно объезжая лес и равнину на юге, выискивая площадку для поля сражения. Он очень спешил, и, если бы наступила ночь, часть его армии «оказалась бы брошенной в лесах». Саладин уже начинал терять над ней контроль. Узнав о шаге Ричарда, он велел согласиться, дав указание брату затянуть переговоры. Располагая временем, он рассчитывал собрать армию и бросить ее в атаку.

И снова английский король переиграл своего противника. Он вовсе не собирался действительно вести переговоры, а просто желал ввести противника в заблуждение относительно своих истинных намерений и, возможно, получить некоторые разведывательные сведения относительно планов и готовности мусульман. Ричард Львиное Сердце, как и намеревался, встретился с аль-Адилем на рассвете 5 сентября, но их беседа не была ни длительной, ни сердечной. Король открыто потребовал возвращения Святой земли и отступления Саладина на мусульманскую территорию. Неудивительно, что аль-Адиль пришел в ярость, но, как только переговоры прервались, Ричард приказал своей армии наступать в Арсуфский лес. Застигнутый врасплох султан не мог оказать достойного сопротивления, и его армия в беспорядке отступила. Большинство крестоносцев входили в лес в состоянии глубокой тревоги, поскольку «говорили, что мусульмане подожгут его и зажарят христиан заживо». Но благодаря хитрости их лидера они прошли через лес невредимыми и вышли к реке Расколотой Скалы. 6 сентября Ричард дал людям отдых, понимая, что это, возможно, последний шанс перевести дух перед суровыми испытаниями Арсуфа. Саладин тем временем совещался с аль-Адилем, лихорадочно придумывая какую-нибудь хитрость, которая могла бы предотвратить катастрофу⁷².

Проснувшись утром 7 сентября, Ричард Львиное Сердце, вероятно, знал, что враг непременно использует пространство на открытой равнине для еще одного нападения. Возможно, он даже чувствовал, что схватка будет более масштаб-

ной, чем 3 сентября. Для крестоносцев та суббота началась, как и любой другой день на марше после Хайфы, с организованного построения. К этому времени в армии было около 15 тысяч человек, в том числе тысяча или 2 тысячи конных рыцарей. Один крестоносец записал, что «Ричард, достойный король Англии, который знал так много о войне и армии, сам определил, кто должен идти впереди, а кто — позади». Тамплиеры, как обычно, должны были возглавить армию, а госпитальеры — замкнуть колонну. У них были хорошие лучники и арбалетчики. В центре находилась смешанная группа из пуатевенцев, нормандцев и англичан. Генрих Шампанский командовал левым флангом, обращенным внутрь территории, а Ричард и Гуго Бургундский возглавили мобильный резерв, который мог быстро перемещаться, при необходимости прикрывая слабые места. Как всегда, строй был сомкнутым. Франкам было приказано покинуть берега реки Расколотой Скалы таким плотным строем, чтобы упавшее сверху яблоко непременно попало в человека или животное.

Однако, как пишет Амбруаз, было и нечто новое в подготовке того дня. По его утверждению, король готовил войска не просто к маршу, а к сражению. Амбруаз, последовавший за Ричардом на Восток в Крестовый поход и позднее написавший стихотворную историю экспедиции, назвал 7 сентября 1191 года днем намеренной конфронтации, днем славы. Его герой — Львиное Сердце — был изображен принявшим осознанное упреждающее решение бросить вызов Саладину. Понимая, что крестоносцы не смогут двигаться дальше без боя, король решил использовать самое мощное оружие христиан — атаку тяжелой кавалерии. Время было решающим фактором, но, учитывая наличие в Средние века лишь рудиментарных форм связи на поле боя, Ричарду пришлось полагаться только на звуковые сигналы для начала атаки. Амбруаз писал, что «шесть труб были помещены в трех разных местах в армии, в них должны были протрубить, когда христиане пойдут против турок».

Повествование Амбруаза о сражении при Арсуфе оказало чрезвычайно большое влияние, его часто переписывали средневековые авторы и цитировали современные историки.

Эпический образ того субботнего утра на палестинском побережье, порожденный описанием Амбруаза, надолго завладел людскими умами и сердцами. Блистательная армия крестоносцев выступила, уже готовая к сражению. Словно стрела, когда тетива лука уже натянута, дрожит от нетерпения — когда же ее выпустят. Однако каким бы детальным, красочным и художественным ни было описание Амбруаза, оно противоречит другим источникам. Главным из них является написанное самим королем Ричардом письмо, по странности недооцененное историками. Это послание, фактически депеша с фронта, Гарнье де Рошфору, цистерцианскому аббату Клерво, было написано не как стихотворная история Амбруаза, спустя шесть лет, а ровно через три недели после Арсуфского сражения — 1 октября 1191 года. Его короткое, почти мимолетное описание событий 7 сентября предполагает, что главной заботой Ричарда в тот день были не решительные военные действия против Саладина, а обеспечение безопасного прибытия его в армии в Арсуф.

В эпоху Крестовых походов генеральные сражения были чрезвычайно редки. Всегда присутствовавший огромный риск и элемент случайности означал, что проницательные полководцы любой ценой избегали открытых конфликтов, если только не обладали подавляющим численным превосходством. Главной задачей Ричарда на этом этапе было добраться до Яффы, а оттуда стать угрозой для Аскалона и Иерусалима. Искать решающего сражения с Саладином, когда султан располагал такой же или даже большей по численности армией и имел возможность выбрать удобное для него поле боя, было бы нелепо и неразумно. Возможно, король действительно готовил людей к сражению при Арсуфе, если оно ему будет навязано — об этом в письме ничего не сказано, — но даже если так, существует важная, хотя и небольшая разница между подготовкой к конфликту и его инициацией.

Для Саладина же, наоборот, решительное столкновение было жизненно важно. Наблюдая за продвижением крестоносцев вперед, он понимал, что если не станет действовать решительно, то через несколько дней увидит, как Ричард Львиное Сердце и его люди войдут в Яффу. После капитуляции

Акры стратегические и политические последствия вступления христиан в Яффу были бы ужасными. Позиции ислама в Палестине были бы существенно поколеблены, а его собственная репутация пламенного борца за веру вообще была бы уничтожена. Франков необходимо было остановить на пыльных равнинах Арсуфа. Как заявил Баха ад-Дин, «султан имел твердое намерение в тот день втянуть врага в бой»⁷³.

Когда крестоносцы вскоре после рассвета отошли от реки Расколотой Скалы, они оказались перед лицом угрожающего зрелища. Там, где лесистые холмы спускаются к левому краю равнины, Саладин построил свою армию. Мусульмане стояли рядами, как густая живая изгородь. Их было около 30 тысяч, многие на конях, так что франки оказались в меньшинстве — минимум один к двум. Около 9 часов утра первая волна — 2 тысячи человек — устремилась в атаку, и сражение началось. Саладин направил в поле практически всю свою армию, оставив при себе лишь элитный отряд из тысячи конников, чтобы возглавить прицельную атаку, если удастся нарушить боевой порядок латинян. Час за часом, подвергаясь постоянным нападениям, христиане шли под палящим солнцем вперед. Один крестоносец описал оглушительный шум сражения: какофония криков, завываний и стонов людей, звуки труб и барабанов противника, так что невозможно было бы услышать даже гром небесный. Первым делом мусульмане начали обстрел. «Никогда еще дождь или снег в разгар зимы не сыпали с неба так плотно, как стрелы из луков и арбалетов», — написал один крестоносец и добавил, что стрелы можно было собирать пучками, как колосья в поле. Также среди противников были войска, которых многие крестоносцы раньше не встречали, — пугающие черные африканцы. Латинский очевидец заявил, что «их называли „чернушками“, что было правдой — пришедшие из далеких диких земель, уродливые и чернее сажи... эти люди были быстрыми и ловкими».

Ужас безжалостного натиска в то утро был невыносимым.

«Франки думали, что их линии будут прорваны, не ожидали, что проживут следующий час или что выйдут из этой ситуации живыми; точно известно, что были трусы, готовые

бросить луки и стрелы и искать убежища... Ни один защитник не был уверен в себе, что в сердце не хотел завершить свое паломничество»⁷⁴.

Главной заботой короля Ричарда все это время было поддержание дисциплины в войсках и продолжение движения армии к Арсуфу. Любая пауза и нарушение строя могло стать смертельным. Но искушению начать контратаку франки противостояли с большим трудом. Вдоль колонны пробежал посланец от госпитальеров, прося разрешения ответить противнику, но Ричард отказал. Пока порядок удавалось сохранить. То, что авторитет короля оставался непререкаемым под таким страшным давлением, было свидетельством его силы воли и харизмы полководца. Христиане теперь были «окружены, как отара овец в пасти волка, так что они не видели ничего, кроме неба над головами и злобных врагов со всех сторон». И все же движение вперед продолжалось.

Когда авангард тамплиеров уже приближался к садам Арсуфа, сам Великий магистр госпитальеров Гарнье де Наблуз выехал вперед, чтобы лично обратиться к королю. Отважный рыцарь стыдился своего бездействия. Но король был непреклонен. В письме Ричарда от 1 октября сказано, что первые ряды христиан уже достигли окрестностей Арсуфа и начали разбивать лагерь. Это подтверждает Баха ад-Дин, записавший, что «первые ряды христианской пехоты уже подошли к плантациям Арсуфа». Это опровергает идею, будто Ричард весь день 7 сентября, вынашивая некие великие стратегические планы, сдерживал свои силы, чтобы их можно было бросить в открытое сражение. Как это и было на всем протяжении путешествия из Акры, его приоритетом был Арсуф, безопасность и выживание. А когда цель была уже совсем близка, события вышли из-под контроля⁷⁵.

Оглянувшись назад, Ричард неожиданно увидел, что атака крестоносцев началась. Без предупреждения два рыцаря — один госпитальер и Бодуэн де Кэрю — устремились в бой. Подгоняемые злостью, унижением и жадной кровью, «они покинули строй, пустили коней в галоп и атаковали турок», выкрикивая имя святого Георгия. Лишь только люди осознали случившееся, как их примеру последовали тысячи крестонос-

цев. Арьергард госпитальеров тоже ввязался в бой. Ричард в ужасе наблюдал, как Генрих Шампанский, Жак д'Авен и Роберт Лестер также повели в бой левый край и центр армии.

Это был момент истины. Ричард, возможно, не хотел ввязываться в сражение, но, не имея никакой надежды вернуть назад войска, должен был принять мгновенное решение. Отсутствие должной реакции могло иметь катастрофические последствия. И Ричард не колебался. «Он пришпорил коня и полетел вперед быстрее, чем стрела из арбалета», ведя за собой остальных. Неудивительно, что трубы, о которых писал Амбруаз, так никогда и не зазвучали⁷⁶.

Теперь перед королем предстала сцена бойни. Первая атака крестоносцев стала, по существу, массовым убийством. Передние ряды армии Саладина были в полном смысле сметены. Раненые кричали, «остальные, лежа в лужах собственной крови, испускали дух. Было очень много обезглавленных трупов». Но когда появился Ричард, султан собрал свои войска и начал контратаку. Личный вклад короля Ричарда в сражение неясен. Он сгладил свою собственную доблесть, так описав стычку в письме к аббату Клерво: «Наш авангард подошел к городу и уже начал разбивать лагерь в окрестностях Арсуфа, когда Саладин и его сарацины начали яростную атаку на наш арьергард, но милостью Божьей они были обращены в бегство».

Другие латинские очевидцы, и среди них Амбруаз, рисовали более волнующую картину королевского героизма, в которой Ричард Львиное Сердце практически в одиночку спасает положение: «Король Ричард яростно преследовал турок, налетел на них и разогнал, и везде, где он появлялся, его меч очищал широкую дорогу перед ним. Он разил эту мерзкую расу, как будто жал урожай серпом, так что тела убитых им турок покрыли землю на полмили вокруг»⁷⁷.

Возможно, военная доблесть Ричарда все же не достигла столь эпического масштаба, но его личный вклад вполне мог стать решающим фактором схватки. В Средние века нередко рыцари, увидев своего короля-воина в гуще сражения, изменяли ход битвы и добивались победы. В общем, каково бы ни было объяснение, франки при Арсуфе сумели отбить

атаку противника, возможно даже не одну. В конце, когда большая часть армии Саладина обратилась в бегство, и сам султан был вынужден с позором отступить. Спасаясь от погони, они растворились в окружающих лесах, оставив победу христианам.

Измученные франки после перегруппировки все же вошли в Арсуф и разбили безопасный лагерь. Многие падали от усталости, но, как обычно, были «падальщики», отправившиеся собирать добычу у мертвых и умирающих. К вечеру выяснилось, что мусульмане потеряли 32 эмира и около 700 пехотинцев, большинство из которых были убиты в самой первой атаке франков. Потери латинян показались минимальными.

Ночью прошел тревожный слух. Говорили, что пропал уважаемый всеми рыцарь-крестоносец Жак д'Авен. На рассвете следующего дня поисковая партия из тамплиеров и госпитальеров обшарила поле боя и после долгих поисков в горе трупов христиан и мусульман нашла его изуродованное тело. Было сказано, что в разгар сражения его конь пал и выбросил его из седла. Жак сражался как лев, а когда удача изменила ему, старый товарищ по оружию граф Роберт де Дрё не откликнулся на его призыв о помощи. Оставшись в одиночестве, Жак сражался до конца и убил пятнадцать мусульман, прежде чем рухнул замертво сам. Его нашли погребенным под трупами мусульман с «лицом покрытым запекшейся кровью, так что его с трудом узнали — пришлось смыть кровь водой». С большим почтением его тело отнесли в Арсуф и похоронили, причем на церемонии погребения присутствовали король Ричард и Ги де Лузиньян. «Все горевали о его гибели; Третий крестовый поход лишился одного из своих лучших воинов»⁷⁸.

Значение Арсуфа

Битва при Арсуфе долго считалась историческим триумфом крестоносцев. Желая воссоздать образ Ричарда I как монументального героя священной войны, Амбруаз изобразил этот бой как критический эпизод конфронтации между

Ричардом Львиное Сердце и Саладином, схваткой, которой Ричард активно искал и из которой вышел уверенным победителем. Такое повествование об Арсуфе было общепринятым, и успех Ричарда 7 сентября 1191 года стал краеугольным камнем в его военной репутации. Жан Флори, биограф Ричарда, утверждает, что сражение выявило «мастерство короля в науке войны», добавив, что оно велось на условиях Ричарда и «анжуйский монарх успел построить армию в боевой порядок»⁷⁹.

На самом деле реконструкция средневековых сражений — удивительно неточная работа, и никто не может говорить о намерениях Ричарда с полной определенностью. Если верить свидетельствам, Ричард вовсе не хотел давать бой в Арсуфе. Он мог ожидать нападения мусульман 7 сентября, но, судя по всему, оставался верен своей первичной цели — достичь предполагаемого места стоянки в Арсуфе, а оттуда перебраться в Яффу. А когда неожиданная атака арьергарда нарушила порядок, быстрый, уверенный и храбрый ответ короля отвратил катастрофу и в конце концов обеспечил незапланированную, но укрепившую моральный дух победу. Его командование являлось реактивным, а не проактивным.

Да и сам Ричард не утверждал, что планировал сражение, — эта идея, похоже, получила распространение уже после Третьего крестового похода, но в письме от 1 октября было сказано, что мусульмане получили чувствительный удар под Арсуфом. Там говорилось следующее: «У Саладина было убито очень много сарацин благородного происхождения. Его потери в тот день возле Арсуфа были больше, чем в любой другой день за предыдущие сорок лет... С тех пор Саладин не отваживался вступать в бой с христианами. Вместо этого он таился на расстоянии, вне поля зрения, как лев в берлоге, выжидая возможности убить друзей креста, как овец».

Арабские источники подтверждают, что Айюбиды потерпели при Арсуфе весьма чувствительное поражение. Баха ад-Дин, который был очевидцем битвы, записал, что многие «встретили мученическую смерть», и признал, что, хотя аль-Адиль и аль-Афдаль сражались хорошо, последний был «потрясен этим днем». В действительности же потери мусульман

никоим образом не были катастрофическими. Саладин потерпел неудачу, но священная война не остановилась. Султан сразу написал послания в свои «дальние» территории с требованием подкрепления. Главный ущерб, как и в Акре, был психологическим. Пока Саладин старался восстановить контроль над армиями, его «сердце — так утверждали — было полно чувств, которые знает только Бог, и войска тоже были ранены или физически, или душевно». В переписке султана, относящейся к этому периоду, изложена позитивная версия событий. Он утверждает, что атаки мусульман настолько снизили скорость продвижения франков, что на двухдневный переход им потребовалось семнадцать дней, и радовался убийству «сира Жака» (Жака д'Авена). Но даже при этом правду вряд ли можно было скрыть. Саладин снова попытался остановить Третий крестовый поход и вновь не сумел этого сделать⁸⁰.

9 сентября 1191 года франки возобновили марш и без особого труда добрались до реки Арсуф. На следующий день Ричард подошел к руинам Яффы — стены города были уничтожены по приказу Саладина осенью 1190 года. Разрушения были таковы, что всю латинскую армию пришлось разместить в окружающих оливковых рощах и садах, но крестоносцы обрадовались этому, обнаружив большое количество продовольствия, в том числе виноград, фиги, гранаты и миндаль. Вскоре начали подходить корабли христиан с запасами из Акры, и на палестинском берегу были созданы оборонительные позиции. Ричард Львиное Сердце привел Третий крестовый поход на грань победы. Теперь до Иерусалима оставалось только сорок миль (64 км).

Глава 17 ИЕРУСАЛИМ

В конце лета 1191 года король Ричард I Английский великолепно организовал и провел эффектный и результативный марш из Акры на юг, по пути нанеся Саладину унижительное, пусть и не решающее поражение. Прибыв на Святую землю,

Ричард Львиное Сердце оживил Третий крестовый поход, до этого увязший на севере Палестины. Теперь создавалось впечатление, что экспедиция находится на пороге победы. Успех зависел от импульса. Только немедленные и решительные действия могли сохранить хрупкую коалицию франков и поддержать натиск на слабеющие силы противника. Но теперь, когда была, как никогда, необходима решительность и целеустремленность, Ричард заколебался.

РЕШЕНИЯ И ХИТРОСТИ

Приблизительно 12 сентября 1191 года, через несколько дней после прибытия в Яффу, в лагерь крестоносцев начали поступать тревожные вести с юга. Говорилось, что Саладин пошел на Аскалон и в данный момент занят тем, что уничтожает занятый мусульманами порт. Слухи вызвали недоверие, ужас и подозрения, и король отправил Жоффруа де Лузиньяна, который теперь был назначен номинальным графом региона, и своего доверенного рыцаря Гийома де л'Этана для выяснения обстоятельств. Они отплыли в южном направлении и вскоре увидели город. Подойдя ближе, они смогли наблюдать сцену ужасной разрухи. Аскалон был в огне и дыму, перепуганное население бежало из города, а люди султана сновали по укреплениям порта, круша все на своем пути.

Все это явилось следствием нового подхода Саладина к войне. Еще не оправившись после унижительного поражения при Арсуфе, султан 10 сентября собрал своих советников в Рамле, чтобы пересмотреть стратегию Айюбидов. Сделав неудачную попытку остановить крестоносцев на пути из Акры, Саладин решил взять на вооружение оборонительную стратегию. Если Ричарда не разбить в открытом сражении, тогда придется сделать другие решительные шаги, чтобы остановить его, — тактика выжженной земли, включающая разрушение ключевых крепостей, определенно остановит франков. Критической мишенью стал Аскалон, главный порт юга Палестины и трамплин для пути в Египет. Если франки захватят город, у Львиного Сердца будет отличный плацдарм, откуда

он сможет угрожать и Иерусалиму, и Нильскому региону. Саладин понимал, что у него нет ресурсов для войны на два фронта, и, определив для себя приоритетной защиту Святого города, приказал сровнять стены Аскалона с землей. Это, должно быть, явилось нелегким решением — утверждают, султан при этом сказал: «Видит Бог, я предпочел бы потерять всех своих сыновей, чем уничтожить хотя бы один камень», но это было необходимо. Время работало против мусульман. Если Ричард выступит на марш, он вполне может захватить порт. Поэтому Саладин отправил аль-Адила, чтобы тот наблюдал за крестоносцами в Яффе, а сам с аль-Афдалем устремился на юг, чтобы выполнить ужасную работу. Он заставлял солдат работать без отдыха, днями и ночами, опасаясь подхода Ричарда Львиное Сердце⁸¹.

Когда Жоффрау и Гийом доставили новости о том, что увидели в Яффе, у короля Ричарда все еще оставался шанс действовать. Весь конец лета он был намеренно уклончив относительно своих целей, но теперь надо было принять определенное решение. Оно представлялось очевидным: захват Аскалона был логичным следующим шагом Крестового похода. Как грамотный полководец, король понимал, что до сих пор успехи экспедиции были напрямую связаны с превосходством на море. Пока Крестовый поход оставался у побережья, латинское господство на море могло предотвратить окружение и уничтожение, обеспечивая подвоз снабжения и подкрепления. До этого времени крестоносцам не приходилось вступать в генеральное сражение с противником на его территории. А вот когда они повернут в глубь страны, начнутся настоящие проблемы. Захват Аскалона и повторное возведение укреплений обещали дестабилизировать положение Саладина в Палестине, создав безопасный прибрежный анклав, оставляя открытой возможность со временем пойти на Иерусалим или Египет.

Ричард прибыл в Яффу, вероятно ожидая, что ему, королю и полководцу, будут повиноваться и марш на юг можно будет продолжить почти без паузы. Но он сильно просчитался. Крестовый поход, как разновидность военных действий, управляется не только соображениями военной науки, но и поли-

тическими, дипломатическими и экономическими идеями. Этот конфликт также поддерживается религиозной идеологией, и лишь такая первостепенно важная и притягательная цель, как Иерусалим, могла создать единство стремлений внутри неоднородной армии. Для большинства крестоносцев Ричарда идти из Яффы на юг — это все равно что пройти мимо ворот Святого города. На совете, состоявшемся в Яффе в середине сентября, Ричард столкнулся лицом к лицу с этой реальностью. Несмотря на все его старания убедить собравшихся в целесообразности продвижения к Аскалону, большинство представителей латинской знати воспротивились этому, в том числе Гуго Бургундский и французы. Несогласные считали, что необходимо вместо этого восстановить фортификационные сооружения Яффы, после чего идти на Иерусалим. В конце концов, как написал один из крестоносцев, «громкий глас народа одержал верх» и было принято решение остаться на месте. Ричард, судя по всему, с ним не согласился, но ничего сделать не мог. События в Яффе выявили его недостатки как лидера. Английский король был опытен в искусстве войны — этому его учили с детства; с 1189 года его авторитет в роли короля был несомненным. Но он все еще недостаточно понимал реалии Крестового похода.

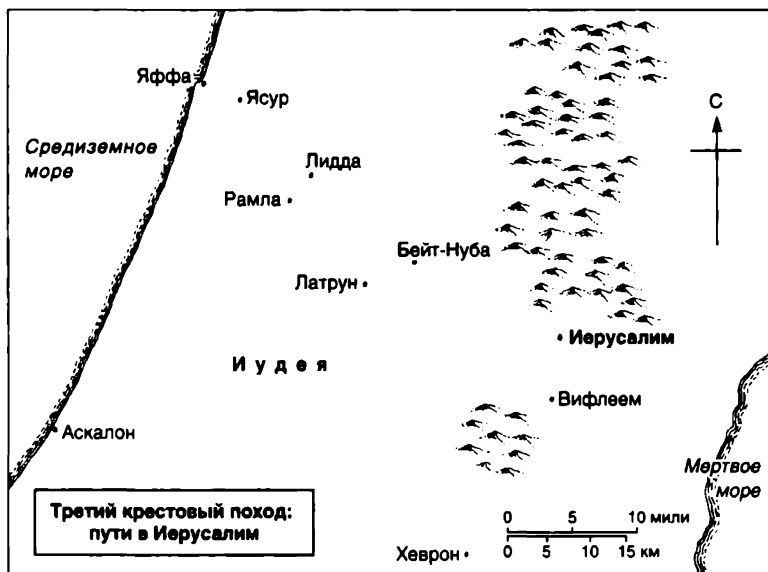
Приняв решение остановиться в Яффе, Крестовый поход лишился импульса. Началась работа по восстановлению порта и его оборонительных сооружений — она велась в то же самое время, когда Саладин разрушал Аскалон. Крестоносцы, уставшие после тяжелого перехода из Акры, теперь наслаждались неожиданным перерывом в военных действиях. Среди постоянного потока доставлявших все необходимое судов стали появляться корабли с проститутками. После этого, жаловался один из христианских очевидцев, армия оказалась загрязненной «грехом и развратом, мерзкими деяниями и похотью». Шли дни, и даже желание идти к Святому городу постепенно исчезло. Экспедиция стала разваливаться. Некоторые франки отплыли в Акру, где можно было устроиться с большим комфортом, и со временем Ричарду пришлось лично отправиться на север, чтобы заставить разбежавшихся крестоносцев действовать⁸².

По пути в Иерусалим

Третий крестовый поход оставался в Яффе и ее окрестностях немногим меньше семи недель. Это дало Саладину возможность расширить применение тактики выжженной земли, уничтожив сеть фортификационных сооружений, от побережья в глубь территории к Иерусалиму. Ричард провел большую часть октября 1191 года, собирая армию, и только в последние дни месяца, когда «военный сезон» уже завершался, экспедиция начала наступление на Иерусалим. Перед ней стояли трудности более серьезные, чем перед Крестовыми походами прошлых лет. В 1099 году первые крестоносцы шагали к Святому городу, почти не встречая сопротивления, и в последующей осаде, хотя она, безусловно, была тяжелой, франкам противостояли относительно небольшие изолированные силы противника. А теперь, почти веком позже, латинянам предстояло столкнуться со значительно более серьезным сопротивлением.

Власть Саладина после 1187 года несколько ослабла, но он все еще обладал огромными военными ресурсами и мог препятствовать каждому шагу франков к Святому городу. И если крестоносцы подойдут к Иерусалиму, завоевание города также обещало стать нелегкой проблемой. Его защищал большой гарнизон, городские укрепления были практически неприступными, а осаждающей армии, несомненно, предстояло подвергнуться яростным контратакам дополнительных мусульманских сил в поле. Еще более тревожным грозил стать вопрос подвоза снабжения и подкрепления после того, как Третий крестовый поход удалится от побережья. Ему придется полагаться на коммуникационную линию из Яффы, и, если она будет перерезана, Ричард и его люди окажутся перед лицом поражения.

Основная цель Ричарда Львиное Сердце осенью 1191 года заключалась в создании надежной цепи логистической поддержки, которая тянулась бы в глубь материка. Главная дорога в Иерусалим пересекала прибрежную долину к востоку от Яффы, шла через Рамлу в Латрун, после чего изгибалась на северо-восток в Бейт-Нубу, что у подножия Иудейских холмов, а потом поворачивала на восток к Святому городу

(хотя были альтернативные маршруты, например более северный путь через Лидду). В XII веке франки построили цепочку крепостей, чтобы защитить подходы к Иерусалиму. Многие из них контролировались военными орденами, но после Хатина все перешли к исламу.

Новая стратегия Саладина оставила дорогу перед крестоносцами опустошенной. Все крепости — в том числе Лидда, Рамла и Латрун — были разрушены. 29 октября Ричард вышел на равнину к востоку от Яффы и приступил к мучительно трудоемкой работе по восстановлению укрепленных пунктов в глубине территории. Он начал с двух фортов возле Ясура. В военном отношении война теперь стала серией стычек. Собрав свои силы в Рамле, Саладин намеревался преследовать франков, мешая их строительным работам, но одновременно избегая полномасштабных сражений. Когда началось наступление на Иерусалим, английский король нередко бросался в гущу возникавших то здесь, то там боев. В начале ноября 1192 года обычная экспедиция за продовольствием перешла в открытое столкновение — была атакована,

причем превосходящими силами, группа тамплиеров. Узнав об этом, король немедленно бросился на помощь в сопровождении Шовиньи и Лестера. Ричард был настолько взбешен, что начал разить врагов, «словно молния», и вскоре мусульмане отступили.

Латинские очевидцы предполагают, что некоторые приближенные короля подвергли сомнению целесообразность его действий в тот день. Упрекая его за то, что он слишком часто подвергает риску свою жизнь, они говорили, что «если с королем что-то случится, христиане погибнут». Говорят, Ричард пришел в ярость. Он сказал, что сам послал [тех воинов], поручил им дело, и если они умрут без него, то он не сможет больше называться королем. Этот эпизод подчеркивает стремление Ричарда оставаться королем-воином на передовой линии конфликта. Но кроме того, судя по всему, Ричард имел обыкновение рисковать так часто, что это тревожило даже его сторонников. Безусловно, в постоянных мелких сражениях таилось множество опасностей. Спустя несколько недель Андре де Шовиньи сломал руку, пронзая мечом мусульманского оппонента в стычке возле Лидды⁸¹.

Разговоры с врагом

Ричард Львиное Сердце вел себя очень храбро в стычках с противником, но его военные подвиги были лишь одной гранью общей комбинированной стратегии. Всю осень и начало зимы 1191 года король старался использовать, наряду с военной угрозой, дипломатию, надеясь, что эти два оружия совместными усилиями смогут заставить Саладина подчиниться, а значит, не надо будет штурмовать Иерусалим.

На самом деле король снова открыл каналы связи с противником уже через несколько дней после сражения при Арсуфе. Около 12 сентября он отправил Онфруа Торонского, лишённого прав бывшего супруга Изабеллы, чтобы возобновить переговоры с аль-Адилем. Саладин согласился и дал брату разрешение вести переговоры и решать вопросы по собственной инициативе. Если верить одному из доверенных лиц

султана, он считал, что такие встречи в интересах мусульман, потому что видел: в глубине души люди устали воевать, лишились иллюзий и не желают больше сражаться с трудностями и нести тяжкую ношу долгов. Вероятнее всего, Саладин также старался выиграть время и собрать как можно больше информации о противнике⁸⁴.

В последующие месяцы стало очевидно, что надежные разведывательные сведения являются весьма ценным товаром и оба лагеря наводнили шпионы. В конце сентября 1191 года Саладин едва сумел предотвратить потенциально катастрофически опасную утечку информации, когда группа восточных христиан, путешествуя через Иудейские холмы, была схвачена и обыскана. Оказалось, что у них при себе весьма важные документы — письма от айюбидского правителя Иерусалима султану, в которых излагается озабоченность нехваткой зерна, вооружения и людей в Святом городе. Они намеревались передать эти письма королю Ричарду. Тем временем, чтобы обеспечить регулярную поставку «языков» из числа франков для допроса, Саладин нанял триста имеющих дурную славу бедуинов, чтобы те ночами похищали пленных. Однако и для латинян, и для мусульман знания о противнике зачастую были ошибочными. Саладин, к примеру, был уверен, что Филипп-Август умер в октябре 1191 года. Что еще важнее, Ричард Львиное Сердце систематически переоценивал военную мощь противника, и так было до самого конца Крестового похода.

Всю осень и начало зимы 1191 года Ричард поддерживал регулярный диалог с аль-Адилем, и, по крайней мере в начале, этот контакт был скрыт от франкских армий. Отчасти короля подтолкнули к переговорам слухи о том, что Конрад Монферратский создал свой собственный независимый канал дипломатической связи с Саладином. Как всегда, готовность английского короля обсуждать пути к миру с врагом не означала его пацифистских наклонностей и желания избежать военного конфликта. Переговоры для него были военным оружием, которое могло привести к миру в сочетании с армейским наступлением, которое определенно могло дать жизненно важные разведывательные сведения и, что

особенно важно на этой стадии Крестового похода, могло внести разлад в ряды ислама.

Еще до ухода из Яффы, в период между 18 и 23 октября, Ричард вел активные беседы с аль-Адилем. Первоначально король постарался оценить отношение противника к Иерусалиму. Он желал выяснить возможность оставления Саладином города, который, по словам Ричарда, был «центром нашей веры, от которого мы никогда не откажемся, даже если из всех останется лишь один человек». Но аль-Адиль передал недвусмысленный ответ султана, подчеркивающий, что Иерусалим является святыней и для ислама и Ричард мог «не надеяться, что мусульмане от него откажутся».

Тогда Ричард резко сменил линию поведения, удивив своих противников и озадачив историков — в том числе и сегодняшних. Король счел важным установить дружелюбные отношения с аль-Адилем, неизменно называя его в беседе «мой брат и друг». Теперь он предпринял более решительный шаг, предложил необычный брачный союз между латинским христианством и исламом. Иными словами, он предложил аль-Адилю жениться на своей сестре Джоанне. Этот союз обеспечил бы мирное урегулирование, при котором султан отдаст аль-Адилю «все прибрежные земли, какие сможет, и сделает королем Палестины», а Иерусалим станет резиденцией королевской четы. Новое государство останется частью империи Саладина, но христиане получат доступ в Святой город. Аль-Адиль и Джоанна станут властвовать во всех крепостях региона, а христианские военные ордены возьмут под контроль прилегающие деревни. Пакт будет подтвержден обменом пленными и возвращением Истинного креста. С показным великодушием Львиное Сердце объявил, что принятие его предложения будет означать немедленное окончание Крестового похода и быстрое возвращение на Запад самого короля.

Поскольку это возмутительное предложение не было записано в уцелевших христианских источниках (оно упомянуто только в арабских текстах), трудно себе представить, как на него отреагировали его современники-франки. Похоже, Львиное Сердце хранил это дело в строгом секрете, первоначально даже от своей сестры, но относился он к этой идее со

всей серьезностью или это была хитрая уловка, остается неясным. Очевидно лишь одно: аль-Адиль посчитал предложение серьезным. С точки зрения дипломатии предложение Ричарда было мастерской хитростью. Зная о потенциальных напряжениях между Саладином и аль-Адилем — положение последнего — доверенного лица и брата — колебалось из-за угрозы, которой он являлся для сына и наследника султана, — английский король сделал предложение, которое аль-Адиль не смог проигнорировать, но, когда все выплывет наружу, станет очевидно, что аль-Адиль вынашивает собственные честолюбивые планы. Понимая это, аль-Адиль отказался передать информацию о предложении Ричарда Саладину, отправив вместо себя Баха ад-Дина и предупредив, что говорить надо очень осторожно.

Саладин согласился на условия, хотя, возможно, верил, что Ричард никогда не осуществит этот план. Он оказался прав. Уже через несколько дней Ричард сообщил, что его сестра не сможет выйти замуж за мусульманина, и предложил аль-Адилю принять христианство, то есть оставил «открытой дверь для переговоров»⁸⁵.

Через несколько недель, когда Третий крестовый поход медленно двигался в Иудею, Ричард снова попросил о встрече. Он встретился с аль-Адилем в Рамле 8 ноября 1191 года. Атмосфера была почти праздничной. Пара обменялась «едой, роскошными вещами и подарками», оба отведали деликатесов соответствующих культур. Ричард изъявил желание послушать арабскую музыку, и немедленно была приведена женщина, которая развлекала высокого гостя пением и игрой на арфе. Проговорив весь день, они разошлись, по словам мусульманского очевидца, «в дружеских отношениях и хорошем настроении, как добрые друзья», хотя очередное требование Ричарда о переговорах непосредственно с Саладином было отвергнуто.

Теперь впервые о переговорах короля с противником стало известно крестоносцам в лагере. Они не получили одобрения общественности. Один христианин отметил, что «Ричард и аль-Адиль, похоже, испытывают друг к другу дружеские чувства», раз обмениваются подарками, в числе которых семь

верблюдов и великолепный шатер. По общему мнению франков, такая дипломатия являлась неблагоприятной. Говорили, что Ричард был обманут внешним проявлением щедрости и доброй воли и потому задержал поход на Иерусалим. За эту ошибку его многие винили и критиковали. Брат Саладина перехитрил доверчивого короля. Представление о Ричарде как об одураченном простофиле, которым манипулирует непорядочный политический противник аль-Адиль, не согласуется с изображением английского короля как проницательного дипломата, присутствующим в разных мусульманских источниках. А хронист из Мосула Ибн аль-Асир открыто похвалил Ричарда, отметив, что «король встретился с аль-Адилем, как искусный стратег».

На самом деле английский король был, судя по всему, хитрым переговорщиком. Другой человек почувствовал бы себя обескураженным постоянными отказами султана начать прямой диалог, но Ричард стремился обратить этот фактор в свою пользу. 9 ноября он отправил султану весьма искусное послание, акцентируя уступки, сделанные немного раньше. «Ты сказал, что даруешь эти прибрежные земли своему брату. Я хочу, чтобы ты стал арбитром между ним и мной и разделил эти земли между нами». Христианам необходимо «некоторое влияние в Иерусалиме». Но он хотел, чтобы мусульмане не винили аль-Адила, а франки — его. Иными словами, Ричард хотел изменить весь фундамент переговоров, побудить Саладина считать себя великодушным третейским судьей, а вовсе не заклятым врагом. По меньшей мере, некоторые советники султана оказались под большим впечатлением от нового подхода⁸⁶.

Однако в области дипломатических интриг Саладин не уступал Ричарду. Всю осень султан поддерживал контакт с Конрадом Монферратским — этот факт он даже не пытался скрыть от Ричарда. Наоборот, посла Конрада нередко видели скачущим верхом рядом с аль-Адилем, наблюдая, как франки дерутся с мусульманами. Говорят, что именно это зрелище заставило английского короля удвоить усилия в переговорах. Желая использовать трещину в отношениях между Ричардом и маркизом, Саладин решил устроить «шоу открытой враж-

дебности к заморским франкам». Он обещал, что если Конрад нападет на занятую крестоносцами Акру, то будет вознагражден независимым княжеством, включающим Бейрут и Сидон. Султан ловко жонглировал послами Ричарда и Конрада, помещал их, прибывших в один день, в разные части своего лагеря. По словам его советников, он всячески старался вызвать ссору между ними.

К 11 ноября, когда крестоносцы стали угрожать Рамле, Саладин решил взяться за дело серьезно. Он собрал своих советников, чтобы обсудить достоинства мирных договоров с Конрадом и Ричардом. Сила маркиза определенно росла — теперь его поддерживала большая часть знати бывшего латинского королевства, но в конечном счете его посчитали менее надежным, чем Львиное Сердце. Совет одобрил соглашение с английским королем, основанное на справедливом разделе Палестины, свадьбе аль-Адиля и Джоанны и допуске христианских священнослужителей в святыни и церкви Иерусалима. Вероятно, решив, что он загнал Саладина в угол, Ричард ответил на это важное предложение весьма уклончиво. Чтобы такой союз был допустим, свое благословение должен дать папа, а на это уйдет три месяца. Но пока шло послание, Львиное Сердце готовил свои войска к наступлению на Рамлу и далее⁸⁷.

ВЗЯТЬ СВЯТОЙ ГОРОД

Ричард сделал следующий шаг к Иерусалиму 15 ноября, выдвинув армию крестоносцев на позиции между Лиддой и Рамлой. Саладин отступил, оставив эти два поселения с разрушенными укреплениями франкам. После этого он переместился в Латрун, а потом, около 12 декабря, в Иерусалим. Хотя мусульманские силы весь этот период продолжали совершать набеги на латинян, в некотором смысле путь к воротам Иерусалима теперь был открыт.

Но пока его люди поспешно старались восстановить укрепления Рамлы, Львиному Сердцу пришлось столкнуться с другим беспощадным врагом — зимой. На открытой равнине ее наступление принесло безжалостную смену погоды.

Страдая от дождя и холода, крестоносцы провели шесть недель, накапливая в Рамле продовольствие и оружие и обеспечивая связь с Яффой, и только потом медленно двинулись сначала в Латрун, потом в маленькую разрушенную крепость возле Бейт-Нубы у подножия Иудейских холмов. Теперь они находились в двенадцати милях (19 км) от Иерусалима.

Условия были ужасными. Один крестоносец записал: «Было холодно и пасмурно... Дождь и град хлестали изо всех сил, снося палатки. На Рождество, до и после него, мы потеряли много лошадей и от сырости лишились большого количества продуктов. Одежда не высыхала, люди страдали от недоедания».

И все же, несмотря ни на что, дух обычных солдат был высоким. После долгих месяцев, а то и лет войны они находились в непосредственной близости от своей цели. Люди жаждали увидеть город Иерусалим и завершить свое паломничество. Один крестоносец заметил, что «не было людей злых и грустных, все радовались и повторяли: «Господи, теперь мы идем правильным путем, направляемые Твоей милостью». Преданность священной войне вдохновила их даже среди невзгод зимней кампании. Как их предки-крестоносцы в 1099 году, они были готовы, даже рвались осадить Святой город, невзирая на связанные с этим лишения и риск⁸⁸.

Вопрос был лишь в том, разделяет ли король Ричард их рвение. Когда начался новый, 1192 год, ему пришлось принять важное решение. Крестовому походу потребовалось два месяца, чтобы пройти тридцать миль (48 км) по направлению к Иерусалиму. Линия связи с побережьем пока держалась, но подвергалась почти ежедневным набегам мусульман. В таких условиях в разгар зимы начать осаду значит пойти на большой риск. Но большая часть латинской армии явно ожидала штурма.

Примерно 10 января Ричард Львиное Сердце созвал совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Его шокирующим решением было следующее: Третий крестовый поход должен отступить от Бейт-Нубы, повернувшись спиной к Иерусалиму. Официально было сказано, что сильные лоббисты там-

плиеров, госпитальеров и латинских баронов, уроженцев Леванта, убедили Ричарда. Опасности организации осады, пока Саладин обладает полевой армией, были слишком велики, утверждали они, да и франкам все равно не хватало живой силы для обеспечения гарнизоном Святого города, даже если он каким-то чудом падет. «Мудрые люди не считали, что они должны уступить необдуманному желанию простых людей [осадить Иерусалим]», — вспоминал один из современников, — и вместо этого они посоветовали, чтобы экспедиция «вернулась и укрепила Аскалон», перерезав линии снабжения Саладина, которые протянулись между Палестиной и Египтом. На практике представляется вероятным, что король подобрал совет так, чтобы в него входили люди, симпатизирующие его собственным взглядам, и прекрасно понимал, каким будет его решение. Пока, во всяком случае, Ричард не желал ставить судьбу всей священной войны в зависимость от такой опасной кампании. И 13 января он огласил приказ отойти от Бейт-Нубы.

Это было шокирующее заявление, но в недавних исторических исследованиях решение Ричарда рассматривается в положительном свете. Такие ученые, как Джон Гиллингем, представили Львиное Сердце проникательным полководцем, который принимал решения, исходя из реальной обстановки, а не набожного рвения, и превозносили его за осторожную стратегию. Ганс Майер, к примеру, сделал вывод, что «принимая во внимание тактику Саладина, [решение Ричарда] было правильным»⁸⁹.

Конечно, как дело было на самом деле, мы уже никогда не узнаем. Один очевидец из числа крестоносцев позже записал, что франки упустили великолепную возможность захватить Иерусалим, потому что недооценили «затруднительное положение, страдание и слабость» мусульманских сил, составлявших гарнизон города, и в какой-то степени он был прав. Стараясь держать свои измученные войска в поле, Саладин был вынужден после 12 декабря распустить большую часть армии, оставив в Святом городе лишь слабый гарнизон. Прошло десять дней, прежде чем Абул Хайджа Жирный прибыл с египетским подкреплением. А до этого решитель-

ная и уверенная атака на Иерусалим вполне могла сломить волю Саладина, разрушив и без того непрочный союз мусульман и погрузив ближневосточный ислам в хаос. Хотя по зрелом размышлении Ричард, возможно, был прав, уклонившись от такого риска.

Но даже если так, Ричарда нельзя не упрекнуть за его ведение этой стадии Крестового похода. До сих пор историки игнорировали фундаментальную черту принятия им решений. Если в январе 1192 года для военных советников Ричарда да и для самого короля, возможно, тоже было очевидно, что Святой город несокрушим и непригоден для последующей обороны, почему об этом не было речи несколькими месяцами раньше, до того, как экспедиция покинула Яффу? Король, которого положение обязывало быть сведущим в военной науке, определенно должен был понять еще в октябре 1191 года, что Иерусалим — почти недостижимая военная цель, которую невозможно удержать. В начале XIII века Ибн аль-Асир пытался реконструировать ход мыслей Львиного Сердца в Бейт-Нубе. Он вообразил сцену, в которой Ричард просит показать ему карту Святого города. Изучив его топографию, король предположительно сделал вывод, что Иерусалим не может быть взят, пока у Саладина все еще имеется полевая армия. Но все это не более чем воображаемая реконструкция. Характер и опыт Ричарда предполагают, что, прежде чем выйти из Яффы, он собрал самые полные разведывательные данные.

Ричард Львиное Сердце, вероятно, ступил на дорогу к Иерусалиму в конце октября 1191 года, или колеблясь, или не имея намерения действительно атаковать город. Это означает, что его наступление было, по сути, уловкой, военной составляющей комбинированного наступления, в котором демонстрация военной агрессии дополняла и усиливала интенсивные дипломатические контакты. Той осенью и зимой Ричард стремился испытать решимость и возможности Саладина, но был готов отойти от опасной грани, если не появится реальной возможности добиться победы. При этом король действовал согласно лучшим принципам средневекового командования, однако не учел отличительных особенностей священной войны.

Влияние отступления на дух христиан и общие перспективы Крестового похода были катастрофическими. Даже Амбруаз, ярый сторонник Ричарда, признал: «[Когда] стало ясно, что армия должна повернуть обратно (не будем называть этот маневр отступлением), люди, которые еще недавно рвались в бой, были настолько обескуражены, что со времени Сотворения мира еще никто не видел такой подавленной, такой удрученной армии. <...> Ничего не осталось от радости, которая ею владела, когда люди считали, что идут к Гробу Господню... Каждый проклинал тот день, когда родился».

Разом превратившись в ошеломленную толпу сброда, армия потянулась к Рамле. А там унылая, лишившаяся иллюзий экспедиция распалась на части. Гуго Бургундский и многие французы снялись с места. Одни вернулись в Яффу, другие отправились в Акру, где было много еды и земных удовольствий. Ричард остался во главе существенно ослабленного войска, которое он повел к Аскалону⁹⁰.

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Ричард Львиное Сердце добрался до разрушенного порта 20 января 1192 года в условиях страшной непогоды, которая еще больше расхолодила людей. Пока крестоносцы старались примириться с отступлением от Иерусалима, Ричард делал все возможное, чтобы оправиться от первой серьезной неудачи своей кампании. Он занял войско восстановлением Аскалона, решив во что бы то ни стало сделать этой несчастливой зимой хотя бы что-нибудь полезное и, главное, видимое. Генрих Шампанский сохранил верность своему дяде и оказал помощь в работе, но восстановление разоренного города оказалось гигантским предприятием, которое потребовало пяти полных месяцев тяжелого труда и стоило Ричарду целого состояния.

В конце февраля в Северной Палестине начался кризис, который выявил раскол между франками. Хотя война за Святую землю была далека от завершения, латиняне в Акре перегрызли друг с другом. Генуэзские моряки хотели захватить контроль над городом, возможно с молчаливого согласия Кон-

рада Монферратского и Гуго Бургундского, и только яростное сопротивление пизанских союзников Ричарда предотвратило союз порта с Тиром. Обозленный тем, что он посчитал актом предательства, Ричард отправился на север, чтобы вступить в переговоры с Конрадом, и пара встретилась на полпути между Акрой и Тиром. Вероятно, последовали длительные дискуссии, но прочного соглашения так и не было достигнуто, и маркиз вернулся в Тир⁹¹.

Создавалось впечатление, что военное счастье Ричарда изменило ему в холмах Иудеи, а теперь на северном побережье его покинуло и умение уверенно вести дипломатические переговоры. Разочарованный и раздраженный тем, что не сумел подчинить себе Конрада, Ричард официально лишил Конрада доли доходов Иерусалимского королевства, выделенной ему летом 1191 года. Хотя, по правде говоря, это был пустой жест. Конрад обладал двумя явными преимуществами: неоспоримой властью в Тире и растущей поддержкой франкских баронов Утремера — Балиана Ибелина и ему подобных. Возможно, маркиз действительно был лживым своекорыстным оппортунистом, готовым вступить в переговоры с Саладином, вопреки интересам Крестового похода, но его женитьба на Изабелле Иерусалимской дала ему право на трон. Он также доказал, что является более сильным лидером, чем Ги де Лузиньян, и, в отличие от Ричарда, выказывал все признаки того, что останется в Леванте. В феврале Ричард Львиное Сердце предпочел проигнорировать очевидное, но со временем ему пришлось признать неудобную реальность. Конрада невозможно ни сломить, ни согнуть, значит, его придется учитывать в любом более или менее продолжительном политическом и экономическом соглашении на Ближнем Востоке.

Примерно в это время были вновь открыты каналы для переговоров между Ричардом и Саладином. Султана опять представлял его брат аль-Адиль, а от имени Ричарда выступал Онфруа Торонский. Встречи прошли в конце марта в районе Акры, и в какой-то момент создалось впечатление, что приемлемые условия договора, включая раздел Иерусалима, действительно могут быть согласованы. Однако в начале апреля Ричард прервал диалог и отплыл на юг, чтобы провести Пас-

ху в Аскалоне. Причина столь неожиданного изменения политики неясна, но представляется вероятным, что до короля дошли слухи о том, что в измученных армиях Саладина зреет недовольство, и султан столкнулся с мятежом мусульман в Месопотамии. Вероятно, Ричард решил, что возможная слабость и уязвимость султана позволяет ему не соглашаться ни на что, кроме самых выгодных условий. Вернувшись в Аскалон, он начал готовиться к новому наступлению.

КРИЗИС И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

15 апреля 1192 года в Аскалон прибыл Роберт, настоятель монастыря в Херефорде. Он привез новости, перевернувшие все планы Ричарда. Помощник и представитель короля Уильям Лонгчамп был выслан из Англии принцем Джоном, и теперь амбициозный брат Ричарда всячески старается расширить свое влияние в королевстве. Так после восьми месяцев участия в войне на Святой земле Ричард получил недвусмысленное напоминание о необходимости выполнения своих обязанностей монарха. Львиное Сердце немедленно понял, что, учитывая кризис на Западе, он не может позволить себе задерживаться в Леванте. Но не хотел он и возвращаться в Европу неудачником. Поразмыслив, Ричард, судя по всему, решил, что еще располагает временем и может посвятить еще один сезон Крестовому походу. Но чтобы привести войну в Палестине к быстрому и успешному завершению, ему необходимо объединить раздробленные силы латинян на Святой земле.

Примирившись с необходимостью компромисса, Ричард 16 апреля созвал совет баронов. Он объявил, что в свете событий в Англии ему придется скоро уехать, и предложил собравшимся решить вопрос об иерусалимской короне. Было принято единодушное решение, почти наверняка с молчаливого одобрения Ричарда, предложить королевство Конраду Монферратскому. Тем временем Ги де Лузиньян должен был получить богатую компенсацию за утраченный статус. Ричард условился с тамплиерами, чтобы они продали Ги остров

Кипр за 40 тысяч безантов. Это позволяло династии Лузиньянов создать сильное и крепкое государство в восточной части Средиземноморья. Генрих Шампанский был отправлен на север в Тир, чтобы сообщить маркизу о его неожиданном «повышении» и, что было еще более важным, убедить его объединить свои силы и армию Гуго Бургундского с войском крестоносцев, собравшимся в Аскалоне, так чтобы можно было продолжить священную войну.

Через несколько дней Конрад узнал новости и, по общим отзывам, был в восторге. После долгих месяцев ожидания в полной готовности, когда он действовал с хитростью и осторожностью, его мечты о королевской власти стали реальностью. Оставив прежние бескомпромиссность и колебания, маркиз немедленно приступил к подготовке военной кампании. Не поставив в известность Ричарда и франков, он также отправил срочное послание Саладину, объяснив, что латиняне пришли между собой к неожиданному соглашению, и пригрозив, если Саладин в течение ближайших нескольких дней не урегулирует отношения с Конрадом, полномасштабной конфронтацией. По информации мусульманского очевидца при дворе султана, Саладин отнесся к сообщению со всей серьезностью. Опасаясь крупных беспорядков в Месопотамии, «султан считал, что лучше всего заключить мир с маркизом», и 24 апреля отправил посла в Тир, чтобы окончательно договориться об условиях. Таким образом, в последние дни апреля 1192 года и король Ричард, и Саладин верили, что нашли пути к завершению войны на Святой земле: один — при посредстве возобновления военных действий, другой — заключив мир. В центре обоих планов находился один и тот же человек — Конрад Монферратский⁹².

Вечером 28 апреля Конрад отправился на ужин в резиденцию французского крестоносца Филиппа, епископа Бовэ. Они давно дружили, и Конрад находился в расслабленном приподнятом настроении. Позже он в сопровождении двух стражников поехал обратно и свернул на узкую улочку.

Там по обе стороны улицы сидели два человека. Когда Конрад поравнялся с ними, оба встали. Один из них приблизился к Конраду и показал письмо. Маркиз протянул руку,

чтобы его взять. Человек вытащил нож и вонзил в его тело. Тогда второй человек, находившийся по другую сторону улицы, вскочил на круп лошади и ударил маркиза ножом в бок; тот упал мертвым.

Позднее стало ясно, что на Конрада напали члены ордена ассасинов, которых послал Синан, Старец Горы. Один из двух убийц был немедленно обезглавлен, другой схвачен и допрошен, после чего его волочили по городским улицам, пока он не умер. Но хотя их связь с ассасинами была установлена, относительно «заказчика» уверенности не было. Гуго Бургундский и франки Тира распустили слух, что им был король Ричард, а в некоторых частях мусульманского мира эта «честь» приписывалась Саладину. Но если учесть последующее развитие событий, ни один правитель почти ничего не выиграл от смерти Конрада. Установить правду теперь уже невозможно — Синан мог действовать и самостоятельно, посчитав маркиза опасной и долгосрочной угрозой балансу сил в Леванте⁹³.

Политическая ситуация в латинских государствах была нестабильной. Гуго Бургундский попытался захватить власть в Тире, но ему, судя по всему, помешала вдова Конрада Изабелла, наследница Иерусалимского королевства. Поскольку угроза новых беспорядков оказалась вполне реальной, довольно быстро была достигнута новая договоренность. Граф Генрих Шампанский был избран «компромиссным» кандидатом — будучи племянником и Ричарда, и Филиппа-Августа, он представлял интересы и Анжуйской династии, и Капетингов, — и уже через неделю он женился на Изабелле и стал номинальным главой франкской Палестины.

Точная степень участия Ричарда Львиное Сердце в этом урегулировании неясна. В общем и целом, однако, новый порядок соответствовал его интересам, равно как и интересам Третьего крестового похода. Назначение Генриха Шампанского в конце концов объединило армии Палестины — от местных франков Утремера до французских войск Гуго Бургундского и анжуйских сил Ричарда. Учитывая недавнюю историю союза Ричарда и Генриха, существовал неплохой шанс эффективного сотрудничества и в будущем.

В мае 1192 года Ричард усилил свой плацдарм в Южной Палестине, завоевав удерживаемую мусульманами крепость Дарум, а работа по восстановлению укреплений Аскалона близилась к завершению. Граф Генрих и герцог Гуго собирали армии на севере. Моральный дух христиан получил новый импульс — в общем, на этой стадии шла подготовка к решающей кампании, хотя, учитывая планируемую Ричардом экспансию вдоль побережья в направлении Египта, цель предприятия остается спорной.

29 мая из Европы прибыл еще один анжуйский гонец с депешей, подтвердившей худшие опасения Ричарда. После того как его соперник — французский король Филипп-Август — покинул Крестовый поход, Ричард постоянно тревожился, что Капетинги в его отсутствие станут угрожать анжуйским владениям. Теперь он узнал, что Филипп установил контакт с принцем Джоном и они вместе активно плетут интриги. Посланник предостерегал, что, если немедленно не будут приняты меры, чтобы «[обуздать] это отвратительное предательство, существует опасность, что король Ричард вообще лишится власти в Англии». Утверждают, что король «встревожился, услышав эти новости, и впоследствии... долгое время сидел в молчании, обдумывая услышанное и взвешивая, что надо делать». В апреле он принял решение остаться на Святой земле, но последние новости с Запада заставили его вновь вернуться к вопросу о возвращении. Согласно сведениям Амбруаза, Ричард пребывал «в меланхолии, унынии и грусти... он не мог мыслить ясно»⁹⁴. Величайшему воину христианского мира пришло время принять судьбоносное решение: останется он крестоносцем или откликнется на зов Анжуйского королевства и вернется домой королем?

Глава 18 РЕШЕНИЕ

С приближением лета 1192 года Саладин снова начал собирать армии, готовя ислам к новому наступлению на христиан. В предшествующем году султан потерпел ряд серьезных

неудач. Ему пришлось в бессилии наблюдать, как 12 июля 1191 года пала Акра, а 20 августа стать молчаливым свидетелем хладнокровной казни королем Ричардом мусульманского гарнизона города. Все попытки остановить продвижение воинов Третьего крестового похода на юг к Яффе оказались неудачными, и 7 сентября в Арсуфе мусульмане Саладина были изгнаны с поля боя. Вынужденный пересмотреть свою стратегию султан перешел к обороне, разрушил крепости Южной Палестины и тенью следовал за крестоносцами, которые тяжело двигались внутрь страны. В конце концов он около 12 декабря отошел к Иерусалиму, чтобы там ожидать атаки.

Памятуя о своих блестящих победах при Хаттине и в Иерусалиме в 1187 году, Саладин сохранил решимость остаться преданным джихаду — пожалуй, его преданность даже стала сильнее. Но при этом он в итоге уступил инициативу франкам. Измученный частыми приступами болезни, испытывая постоянные трудности из-за пошатнувшейся морали и физической усталости войск, вынужденный отвлекаться на многочисленные нужды обширной империи Айюбидов, султан медленно, но верно двигался к поражению. Но потом 12 января крестоносцы отступили от Бейт-Нубы, возродив надежды ислама и дав Саладину возможность восстановить свои силы.

СТРАТЕГИЯ АЙЮБИДОВ В НАЧАЛЕ 1192 ГОДА

Пережив продвижение христиан к Иерусалиму, Саладин подвел итог ситуации, сложившейся в первые месяцы 1192 года. Империя Айюбидов находилась в удручающем состоянии. Султан годами вплотную не занимался пополнением своей казны, и теперь его финансовые ресурсы были истощены: срочно требовались деньги, чтобы платить наемникам и за всевозможные необходимые для войны материалы. Жизненно важной была связь с процветающим Египтом, но взятие Ричардом Аскалона представляло нешуточную угрозу

для поддержания постоянного сообщения между Сирией и Нильским регионом.

Экономические проблемы были напрямую связаны с еще одним тревожащим вопросом — уменьшающейся боеспособностью и лояльностью армий. Из-за практически непрерывных военных действий предшествующих четырех лет Саладин выдвинул непомерные требования к поставке людской силы из своих владений в Сирии, Египте и Джазире. Также он попросил о помощи большинство своих союзников из Месопотамии и Дийяр-Бакра. Доказательством удивительной харизмы Саладина как лидера, эффективности его политической и религиозной пропаганды и благочестивой привлекательности джихада явилось то, что даже такие потенциальные противники, как Зангид Изз ад-Дин Мосульский и Имад аль-Дин Занги Синдjarский, продолжали соблюдать свои обязательства участвовать в священной войне и откликнулись на призыв султана к оружию. Но такие просьбы не могли удовлетворяться бесконечно. Если конфликт в Палестине продолжится, постепенный разрыв уз лояльности и общей цели, соединяющих мусульманский мир, — вопрос времени. Именно поэтому Саладин пошел на риск и в декабре 1192 года распустил свои армии.

К полному смятению султана, многочисленные проблемы усугубились проявлениями нелояльности в его собственной семье. Еще в марте 1191 года Саладин позволил своему доверенному и очень способному племяннику Таки аль-Дину завладеть частью территории в Джазире, к востоку от Евфрата, на которой находились города Эдесса и Харран. В ноябре того же года, во время латинского наступления на Святой город, султан получил печальную весть о смерти Таки аль-Дина от болезни. К началу 1192 года взрослый сын Таки аль-Дина аль-Мансур Мухаммад начал выказывать то, что помощники Саладина называли «признаками противодействия». Опасаясь лишиться наследства, аль-Мансур попытался склонить своего двоюродного дедушку, султана, или подтвердить его права на земли Джазиры, или выделить ему другую территорию в Сирии. Эта просьба была подкреплена угрозой, что, получив

отказ, аль-Мансур начнет восстание против власти Айюбидов на северо-востоке.

Саладин пришел в ужас от столь вопиющего проявления неверности в своей же семье, и его настроение отнюдь не улучшилось, когда аль-Мансур попытался использовать в качестве посредника аль-Адила — на самом деле столь вероломная тактика привела султана в ярость. Данная досадная ситуация, продлившаяся до начала лета 1192 года, отвлекла на себя внимание султана. Первоначально Саладин отреагировал, отправив в апреле своего старшего сына аль-Афдаля, чтобы подчинить Джазиру, наделив его полномочиями требовать помощи от своего брата аль-Захира из Алеппо, если, конечно, в ней возникнет необходимость. Однако к концу мая султан смягчился. Вероятно, аль-Адил все же оказал некоторое давление, как третейский судья, да и эмир Абул Хайджа на созванном для обсуждения ситуации совете высказался за снисходительность и терпимость. Он справедливо заметил, что нельзя воевать одновременно со своими братьями по вере и «неверными». Поэтому Саладин дал аль-Мансуру земли в Северной Сирии, а аль-Адилю — права на Харран и Эдессу. Однако это довольно-таки резкое и внезапное примирение вызвало некоторое отчуждение с аль-Афдалем. Обозленный непостоянством отца и решением вознаградить аль-Адила, аль-Афдаль проявил нежелание возвращаться в Палестину, остановившись сначала в Алеппо, потом в Дамаске, тем самым лишив Саладина ценной людской силы⁹⁵.

В начале 1192 года Саладин столкнулся с финансовыми трудностями, нехваткой людской силы и подстрекательством к мятежу. Неудивительно, что он усовершенствовал свой подход к священной войне. Предшествующей осенью он выбрал оборонительную стратегию, избегая решительных столкновений с франками, но пока еще поддерживая относительно тесный контакт с противником. С весны 1192 года и далее султан вывел почти всех своих солдат с поля. Если не считать случайных нападений из засады и набегов, армии Айюбидов перешли к обороне на всей территории Палестины, ожидая нападения христиан. Впоследствии Саладин начал

широко распространенную рабочую программу укрепления основных крепостей и фортификационных сооружений Иерусалима.

Эти приготовления отражали фундаментальные изменения его политики. В 1192 году Саладин, очевидно, сделал вывод, что больше не может ожидать полной победы над Третьим крестовым походом. Это понимание подсказало ему вернуться к дипломатическим методам и восстановить диалог с Ричардом I и Конрадом Монферратским. Оно также заставило султана произвести переоценку своих позиций. Сделка, основанная на разделе Иерусалима, согласно которой латиняне сохраняют прибрежный участок территории, теперь показалась ему приемлемой. Однако пока суд да дело, Саладин сохранял два твердых требования: ислам должен господствовать в Иерусалиме, и Аскалон — египетские ворота — должен быть оставлен франками.

Всеобъемлющая стратегия Саладина, использовавшая оборонительную стратегию и дипломатические приемы, теперь подчинялась одной цели — пережить Третий крестовый поход. Он знал, что латинские христиане, которые тысячами шли на Восток, чтобы вести священную войну, когда-нибудь вернутся домой. В первую очередь король Ричард не мог позволить себе оставаться в Леванте долго. Целью Саладина было пережить шторм, по возможности ограничив потери и любой ценой избегая открытых столкновений. Но он должен был обеспечить быстрое завершение войны в Палестине — раньше, чем военная машина Айюбидов рухнет. Когда же крестоносцы уберутся восвояси, он успеет подумать о восстановлении своих позиций.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ НА ИЕРУСАЛИМ

Саладин сделал все, что мог, для подготовки к нападению на Иерусалим или Египет. В конце мая и начале июня 1192 года в Святом городе началась перегруппировка войск со всего Ближнего Востока. Султан также развернул ряд раз-

ведывательных подразделений, одним из которых командовал Абул Хайджа, чтобы отслеживать передвижения франков, которые теперь базировались вокруг Аскалона.

Нерешительность

6 июня Саладин получил срочное уведомление о том, что крупные силы крестоносцев двигаются в северо-восточном направлении из Аскалона, — не приходилось сомневаться, что за этим маршем последует наступление на Иерусалим. Судя по всему, Ричард и латиняне решили сделать вторую попытку осадить и захватить Святой город. На самом деле Ричард провел начало июня, мучаясь нерешительностью. Потрясенный перспективой союза между его братом Джоном и Филиппом-Августом, Ричард Львиное Сердце разрывался между желаниями вернуться на Запад и выполнить свою клятву крестоносца, оставшись в Леванте. Стоящая перед английским королем дилемма усложнялась щекотливым вопросом стратегии. Главная цель Третьего крестового похода — захватить Иерусалим, но Ричард все еще считал город нереальной целью. В некоторых отношениях франки находились в лучшем положении для начала кампании внутрь страны, чем шесть месяцами раньше. Теперь они объединились, могли полагаться на устойчивую летнюю погоду и использование сети восстановленных фортификационных сооружений, созданной в конце 1191 года. Но во всех прочих отношениях ничего не изменилось, задача перед ними стояла почти невыполнимая, риск был огромен. Даже если бы каким-то чудом атака увенчалась успехом, Иерусалим было бы практически невозможно удержать. Поэтому Ричард отдавал предпочтение нападению на Египет: этот удар мог потрясти саму основу империи Айюбидов, и, вероятно, заставить Саладина согласиться на условия, предпочтительные для английского короля. В военном отношении план Ричарда имел смысл, однако он игнорировал религиозную составляющую войны, которую вели крестоносцы. Если король собирался настаивать на этой стратегии, завоевать умы и сердца христиан, убедить фран-

ков, что путь к полной и окончательной победе лежит именно через Нил, тогда он не мог позволить себе неопределенностей, которых было так много осенью и зимой 1191 года. Он должен был предложить ясную и точную стратегию, убедительное лидерство, уверенное и волевое командование.

Вместо этого после 29 мая Ричард долго колебался, предавался в уединении бесконечным размышлениям относительно возможностей развития событий и их последствий. И пока он этим занимался, события развивались своим чередом. В армии крестоносцев сформировалось и укрепилось общественное мнение. Группа латинских баронов, которую предположительно возглавил Гуго Бургундский, 31 мая устроила (в отсутствие Ричарда) совет. Было принято решение идти на Иерусалим — с анжуйским монархом или без него. Благодаря утечке информации, вероятно намеренной, новость распространилась по армии и была встречена с большим и неподдельным энтузиазмом.

Даже самый преданный сторонник Ричарда Амбруаз признавал, что в тот момент король странно бездействовал, пребывал в плохом расположении духа, переживал и постоянно размышлял о новостях, доставленных ему из Англии. Пока английский король колебался, время шло, и, наконец, армию захлестнул небывалый энтузиазм, причиной которого стал призыв идти на Иерусалим. Если верить Амбруазу, 4 июня Ричард испытал нечто вроде прозрения. Он объявил, что «останется на Святой земле до Пасхи 1193 года и что все должны быть готовы осадить Иерусалим». Возможно, Ричард действительно испытал нечто подобное и передумал, но представляется намного более вероятным, что он решил подчиниться общественному мнению. Он продолжал вынашивать идею относительно египетской кампании и глубоко сомневался в возможности достижения хотя бы какого-нибудь успеха в Святом городе. Тем не менее он согласился идти в Иудею. Эта капитуляция означала, что, во всяком случае на какое-то время, Ричард утратил контроль над Третьим крестовым походом. Таким образом, хотя Саладин воспринял мобилизацию франков как признак вновь обретенной решительности, в рамках христианской командной структуры стали появляться трещины и разногласия⁶.

Угроза

Поход крестоносцев на Иерусалим шел очень быстро. 9 июня франки прибыли в Латрун, на следующий день подошли к Бейт-Нубе. Осенью 1191 года на преодоление такого же расстояния франкам потребовались месяцы. Теперь же спустя всего лишь пять дней они снова заняли позицию на расстоянии удара от Святого города. Саладин приказал своим налетчикам вести непрерывные нападения на снабженческие караваны, постоянным потоком идущие из Яффы, но серьезных попыток напасть на передовой лагерь крестоносцев в Бейт-Нубе не было. Вместо этого султан начал расставлять свои войска на позиции внутри Иерусалима в ожидании атаки.

Но после начального энергичного наступления энтузиазм франков, судя по всему, пошел на спад. На самом деле задержка была вызвана сначала решением латинян дожидаться Генриха Шампанского, который должен был привести подкрепление из Акры. С течением времени глубоко укоренившиеся внутренние противоречия в среде крестоносцев, которые оставались незаметными в Аскалоне, постепенно начали проявляться, и франки довольно скоро оказались ввергнутыми в ожесточенные споры о стратегии и лидерстве.

20 июня лазутчики Саладина доложили султану, что из Бейт-Нубы вышел крупный отряд крестоносцев. Это показалось султану подозрительным, поскольку как раз в этот момент он ожидал прибытия большого снабженческого каравана из Египта. Опасаясь, что франки попробуют его перехватить, и понимая, что мусульманам без него не обойтись, так как в нем много жизненно важных грузов, Саладин немедленно отправил войска, чтобы предупредить караван. Две стороны успешно встретились и вместе осторожно двинулись дальше к Хеврону. Перед рассветом 24 июня Ричард Львиное Сердце произвел стремительную атаку на караван. Как справедливо и опасался Саладин, английский король был предупрежден о подходе каравана и, оживленный перспективой богатой добычи, сразу направился на юг. Три дня лазутчики выслеживали караван, после чего была организована внезапная атака. После ожесточенного сражения латиняне

одержали верх. Основной части мусульман удалось скрыться, но они бросили много ценностей: специи, золото, серебро, шелка, оружие и доспехи, палатки, продовольствие, в том числе лепешки, пшеницу, муку, перец, сахар, корицу, а также «большое количество спиртных напитков и лекарств». Что еще важнее — христиане захватили тысячи верблюдов, лошадей, мулов и ослов.

Новости о катастрофе вызвали острую тревогу в Иерусалиме. Саладин не просто лишился большого количества крайне необходимых запасов — которые теперь оказались у врага, — но также «обеспечил» латинян выючными животными, которые могли доставить эти запасы из Яффы в глубь страны. Когда экспедиционные силы крестоносцев 29 июня вернулись в Бейт-Нубу, султан начал готовиться к осаде. Баха ад-Дин, находившийся тогда в Святом городе, записал, что его хозяин начал «травить источники воды за пределами Иерусалима, уничтожать колодцы и пруды, так чтобы вокруг Иерусалима вообще не осталось питьевой воды». Кроме того, султан отправил гонцов, чтобы собрать войска даже из самых отдаленных уголков своей земли⁹⁷.

Выбор

К началу июля казалось, что Саладин не сомневается в намерении франков осадить Иерусалим. Момент решающего противостояния, которого он так надеялся избежать, наступил. В четверг 2 июля султан собрал доверенных эмиров, чтобы обсудить план действий. Встреча получилась мрачной: султан сидел в окружении командиров и советников, которые преданно служили ему долгие годы. Там был и Абул Хайджа Жирный, хотя его легендарная тучность достигла уже такой стадии, что он с трудом ходил и в присутствии султана был вынужден сидеть.

Баха ад-Дин тоже был среди присутствующих, и, согласно его рассказу, Саладин старался внушить своим командирам твердую решимость, неоднократно напоминая об их обязанностях и ответственности. «Знайте, что сегодня вы — армия

ислама и его оплот. <...> Нет мусульман, которые могли бы дать отпор врагу, кроме вас, все мусульмане полагаются на вас». В ответ эмиры заверили его, что будут сражаться насмерть за Саладина, их властелина и покровителя, и сердце султана «возрадовалось».

Однако в тот же день, после окончания встречи, Саладин получил личную записку от Абул Хайджи, который предупреждал, что под внешним налетом лояльности и единства зреет восстание. Оказывается, многие люди против «подготовки к осаде», опасаются повторения катастрофы Акры. Также существовала опасность, что давнее противостояние между турками и курдами в армии Саладина может перерасти в открытый конфликт. Абул Хайджа посоветовал султану вывести основные силы своих армий за пределы Святого города, пока у него еще есть время, оставив только символический гарнизон.

Тем вечером султан призвал Баха ад-Дина и открыл ему содержание полученной им записки. Баха ад-Дин записал, что «Саладин чувствовал тревогу за Иерусалим, которая могла бы сдвинуть горы, и был очень расстроен. Я оставался рядом с ним всю ночь, которую мы проговорили о священной войне». На рассвете Саладин с тяжелым сердцем решил оставить Иерусалим — «он испытывал большое искушение остаться самому, но здравый смысл отверг такое решение, поскольку в нем заключалась опасность для ислама». Итак, выбор был сделан. Утром в пятницу 3 июля начались приготовления к исходу. Саладин воспользовался шансом и посетил *Харам ас-Шариф* (Храмовую гору) и там провел последнюю пятничную молитву в священной мечети Аль-Акса, где четырем годами ранее под его надзором была установлена изумительная кафедра Нур ад-Дина. Баха ад-Дин записал: «Я увидел, как султан пал ниц и что-то сказал, а слезы лились на его коврик для молитвы».

Однако тем же вечером пришли неожиданные ошеломляющие новости, в корне изменившие планы Саладина и придавшие новую форму всей войне за Святую землю. Юрдик, сирийский эмир, командовавший передовым отрядом Айюбидов, доложил, что франки пребывают в явном смятении. В своем сообщении он описывал, как в тот день «вра-

ги — все верхом — постояли на поле, а потом вернулись в лагерь», и добавил: «Посланы лазутчики для выяснения, что они намерены делать». На следующее утро — 4 июля — через пять лет после битвы при Хаттине — армии Третьего крестового похода свернули лагерь, повернулись к Иерусалиму спиной и начали отступать к Рамле. Среди «восторга и ликования» стало очевидно, что Святой город спасен⁹⁸.

Неудача франков

Уход крестоносцев оставил мусульман в состоянии радостного недоверия. Что стало причиной столь неожиданного решения? Лазутчики Юрдика смогли предложить только путаную и искаженную версию событий, доложив о споре, разгоревшемся между Ричардом и французами. На самом деле семена франкского отступления были посеяны еще в Аскалоне, когда Ричард утратил жесткий контроль над войсками и согласился на требование народа идти на Иерусалим. Когда экспедиция 10 июня добралась до Бейт-Нубы, стало очевидно, что Ричард в действительности не имеет намерения осаждать Иерусалим, несмотря на то что французы настаивали на атаке. 17 июня лидеры крестоносцев встретились, чтобы обсудить проблему. Даже два христианских источника, ранее всемерно поддерживавшие Ричарда, признали, что английский король яростно возражал против дальнейшего наступления.

Вероятно, Ричард Львиное Сердце привел три убедительных аргумента безнадежности осады: уязвимость линий связи латинян с побережьем, исключительный масштаб укреплений Святого города и наличие у Саладина подробных разведывательных сведений относительно сил и передвижений христиан. Король также прямо указал, что не имеет абсолютно никакого желания возглавить столь неразумное предприятие, поскольку его итогом станет «ужасный позор», из-за которого он будет навсегда обвинен, опозорен и лишится любви. Это признание предполагает, что Ричард в первую очередь думал не об интересах Крестового похода, а о своей репутации. Очевидно, король сформулировал свою позицию еще в

Аскалоне, поскольку теперь сразу заговорил об изменении стратегии и немедленном переключении на египетскую кампанию. Весьма кстати оказалось и то, что у него уже был готов флот, ожидавший в Акре, чтобы перевезти запасы на Нил. Он намеревался лично заплатить своим 700 рыцарям и 2 тысячам пехотинцам и предложил финансовую поддержку любому другому участнику. На этом плане Ричард настоял бы еще в Аскалоне, если бы не был охвачен нерешительностью и сомнениями.

Между тем Львиное Сердце позволил Крестовому походу второй раз выйти в путь и оказаться вблизи Иерусалима. В такой ситуации любая попытка поставить военный реализм выше религиозного рвения заведомо сопряжена с гигантскими трудностями, если вообще не обречена на провал. Однако, несмотря ни на что, английский король попытался навязать свой план, создав некий орган — жюри, которое, и это неудивительно, сразу пришло к выводу, что «наивысшее благо для земли — покорить Египет». Когда Гуго Бургундский и французы отказались в этом участвовать, заявив, что они не двинутся никуда — только к Иерусалиму, ситуация зашла в тупик⁹⁹.

Позволив Третьему крестовому походу оказаться в столь ужасном, безвыходном положении, Ричард Львиное Сердце отреагировал на это заявление крайне неудачно и неэффективно. Пребывая во власти раздражения, он просто отказался от поста главнокомандующего, заявив, что останется с экспедицией, но больше не будет ее возглавлять. Возможно, это было своеобразное балансирование на грани, призванное утихомирить несогласных, но, если так, позиция оказалась неудачной. Во многих отношениях, отрекшись от своей ответственности в критический момент, Ричард всего лишь признал неприятную реальность: великий анжуйский король теперь не имел ни власти, ни проницательности, чтобы вести за собой крестоносцев.

20 июня разведывательная информация о караване Айюбидов из Египта послужила толчком к действию, и на время споры стихли, но, когда 29 июня экспедиционные силы вернулись в Бейт-Нубу, противостояние возобновилось. Латин-

ские очевидцы описывали, как «люди стенали и жаловались», «горевали» из-за того, что никак не могут попасть в Святой город. Французы сделали последнюю попытку инициировать начало наступления 3 июля, но без поддержки Ричарда она окончилась неудачей. К концу июля постоянные беспорядки практически обездвижили Крестовый поход. Поскольку пути вперед не было, христиане в конце концов смирились с неизбежным и неохотно начали отступать. Согласно Амбруазу, когда армия узнала, что люди «не смогут помолиться в церкви Гроба Господня, до которой оставалось всего четыре лиги, их сердца наполнились скорбью, и они повернули назад, такие разочарованные и сломленные, что никто и никогда не видел избранный народ в такой печали и унынии»¹⁰⁰.

Этот провал стал низшей точкой крестоносной карьеры Ричарда. Тем летом его вина заключалась в пагубном крахе командования. Его ошибка заключалась не в решении отказаться от осады Иерусалима — как и в январе 1192 года, он твердо держался требований военной науки и считал риск, связанный с атакой на Святой город, неприемлемым. Его вина заключалась в том, что он не обнародовал свою позицию еще в Аскалоне, не взял на себя строгий контроль над экспедицией и потом позволил латинским армиям снова приблизиться к Святому городу. Надежды на успех Третьего крестового похода и без того были небольшими после плохого управления Ричардом первым неудавшимся походом на Иерусалим в конце 1191 года. Теперь в июле 1192 года вторая неудача оказала катастрофическое влияние на мораль франков и нанесла смертельный удар удаче христиан в войне за Святую землю.

КОНЕЦ ИГРЫ

Летом 1192 года ситуация на Ближнем Востоке снова оказалась тупиковой. Султан пережил второе наступление крестоносцев в глубь страны и сохранил Иерусалим, но мусульманские армии были полностью изнурены, а империя Айюбидов находилась на грани краха. Третий крестовый поход, с другой стороны, не потерпел крупных поражений, но его боевая

энергия оказалась безрассудно растроченной нерешительным лидерством. Франкское единство, недавно поддержанное избранием Генриха Шампанского номинальным королем латинской Палестины, теперь безвозвратно рухнуло. Латинские коалиционные силы распались (Гуго Бургундский и французы собрались в Кесарии). Лишенный необходимой людской силы и ресурсов, английский монарх был вынужден отказаться от своих планов открыть новый фронт в Египте. Одновременно он не переставал думать и тревожиться о событиях в Европе. В общем, поскольку ни у христиан, ни у мусульман не было сил, чтобы одержать решающую победу в палестинской войне, оставалось только одно — искать путь к миру.

Значительная часть лета была посвящена долгим переговорам — ведь каждая сторона хотела выторговать для себя наиболее приемлемые условия, стараясь использовать любые возможности для достижения дипломатических целей. Одна такая возможность появилась в конце июля 1192 года, когда Саладин попытался воспользоваться временным отсутствием Ричарда в Акре, поведя ударную силу на Яффу. Султану оставалось совсем немного до захвата порта — счет шел на часы, но тут на корабле подоспел Ричард Львиное Сердце (предупрежденный о нападении) и освободил франкский гарнизон. Сойдя на берег, король возглавил бесстрашную атаку и отбил нападение мусульман. Затем Ричард разбил лагерь за пределами Яффы и в последующие дни планомерно отбивал все попытки атаковать его позиции, несмотря на то что христиане находились в меньшинстве. Имея при себе лишь небольшой отряд преданных сторонников, среди которых были Генрих Шампанский, Роберт Лестер, Андре де Шовиньи и Гийом де л'Этан, король, как утверждают, «размахивал мечом, нанося быстрые удары, разя наступающих врагов, — он разрубал мусульман надвое сначала с одной стороны от себя, потом с другой». Какими бы ни были его недавние неудачи в роли лидера Крестового похода, он, безусловно, оставался великолепным воином, обладающим несомненным мастерством и грозной репутацией. Согласно мусульманским свидетельствам, около 4 августа Ричард даже выезжал в одиночестве с копьем в руках перед позициями Айюбидов, бросая явный

вызов противнику, но никто из мусульман не выехал ему навстречу. Вскоре после этого Саладин приказал отступить, приведенный в ярость очевидным нежеланием войск вступать в бой, несмотря на все его призывы и увещевания.

По правде говоря, гнев султана — и нехарактерное упорство его солдат у стен Яффы — может быть, по крайней мере частично, объяснен тем фактом, что Ричард прибег к более нечестной (по мнению султана) тактике в дипломатической войне. К большому раздражению Саладина, его анжуйский противник стал предпринимать неустанные и все более успешные попытки установить дружественные отношения с ведущими эмирами Айюбидов. Уже в 1191 году Ричард проявил интерес к использованию потенциала соперничества и подозрительности между султаном и его братом аль-Адилем. Теперь, во второй половине 1192 года, когда переговоры ускорились, он снова прибег к этому ухищрению — восстановил связи с аль-Адилем, а также с другими мусульманскими правителями из ближнего круга Саладина. Люди, которых он избрал своей целью, вовсе не обязательно выказывали открытое неповиновение султану, но, как и все остальные, они видели, что Крестовый поход близится к завершению. И естественно, они понимали, что их роль в будущем устройстве может существенно измениться, если они выступят посредниками в мирном урегулировании.

Ричард намеренно не делал тайны из этих контактов, вероятно желая продемонстрировать Саладину, что его эмиры вовсе не стремятся к войне. Находясь у стен Яффы, 1 августа Ричард пригласил группу высокопоставленных командиров армии Айюбидов в свой лагерь. Целый вечер он развлекал их, говорил о вещах «и серьезных, и легкомысленных». К несчастью для Ричарда, преимущества, достигнутые таким образом, быстро сошли на нет, когда он в середине августа тяжело заболел. До этого момента английский король упорно требовал, чтобы Аскалон, с трудом восстановленный его собственными усилиями, остался в руках христиан, постоянно добавляя, что он лично будет в Леванте до Пасхи 1193 года. Однако к концу августа ослабленный лихорадкой Ричард прекратил споры¹⁰¹.

Путем долгих и сложных дипломатических переговоров были в конце концов согласованы условия трехлетнего перемирия. Это произошло в среду 2 сентября 1192 года. Саладин сохранил контроль над Иерусалимом, но согласился обеспечить доступ к Гробу Господню христианским паломникам. У франков осталась узкая береговая полоса между Яффой и Тиром, завоеванная во время Крестового похода, но фортификационные сооружения Аскалона снова предстояло уничтожить. Странно, но, судя по всему, не было никаких переговоров относительно судьбы Истинного креста — в любом случае почитаемая христианская святыня осталась у Айюбидов.

Даже в последний момент, когда все условия были согласованы, Саладин и Ричард не встретились. Аль-Адиль привез соглашение в письменном виде — арабский текст был написан писарем султана Имад аль-Дином — Ричарду в Яффу. Большой король был слишком слаб, чтобы даже прочитать текст. Генрих Шампанский и Балиан Ибелин поклялись соблюдать условия, Великие магистры тамплиеров и госпитальеров также выразили свое одобрение. На следующий день в Рамле латинская делегация, в которую вошли Онфруа Торонский и Балиан, была допущена к Саладину. Там они «пожали его благородную руку и выслушали клятву соблюдать мир на согласованных условиях». Главные члены семьи Саладина — аль-Адиль, аль-Афдаль и аль-Захир, а также ведущие эмиры тоже дали клятвы. После проведения всех этих сложных ритуалов был наконец достигнут мир¹⁰².

В последующие месяцы три делегации крестоносцев совершили путешествия в Иерусалим, добившись, благодаря перемирию, того, чего не смогли достичь военными действиями. Среди тех, кто выполнил, таким образом, свои клятвы, были Андре де Шовиньи и Хуберт Уолтер, епископ Солсбери. Но Ричард I даже не сделал попытки отправиться в Святой город. Возможно, ему помешало плохое здоровье, или он считал, что не вынесет позора, вынужденный поклониться Гробу Господню «под надзором» мусульман. 9 октября 1192 года, проведя в Леванте шестнадцать месяцев, Ричард Львиное Сердце тронулся в обратный путь. Говорят, что, когда королевский флот поднял паруса, он вознес молитву Господу о возвращении.

ИТОГИ ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Ни Саладин, ни Ричард Львиное Сердце не могли утверждать, что одержали победу в войне за Святую землю. Анжуйский король не сумел взять Иерусалим и вернуть христианам Истинный крест. Но благодаря героическим усилиям Ричарда и его сторонников латинское христианство сохранило оплот в Палестине, а подчинение франками Кипра дало надежду на выживание Утремера.

После победы ислама в 1187 году Саладин потерпел ряд унижительных поражений — в Акре, Арсуфе, Яффе. Несмотря на свою безусловную преданность джихаду, он так и не смог предотвратить захвата франками побережья. В осаде и открытом сражении Ричард доминировал, а в искусстве дипломатии был по крайней мере равным султану. И все же, пусть и изрядно потрепанный, Саладин остался непобежденным. Иерусалим был сохранен для ислама, империя Айюбидов выстояла. А теперь конец Третьего крестового похода и отъезд короля Ричарда предлагал отличные возможности для новых побед — шанс завершить работу, начатую в Хаттине.

Долгая дорога кончается

Когда новость об отъезде короля Ричарда подтвердилась, Саладин смог распустить свои армии. Он собирался совершить паломничество в Мекку, но в империи оказалось слишком много неотложных дел. Объехав свои палестинские территории, Саладин вернулся в Сирию, чтобы во время дождливой зимы отдохнуть в Дамаске. Говорят, что при прощании с аль-Захиром он наказал сыну не злоупотреблять насилием, предупредил, что «кровь никогда не спит».

В начале 1193 года здоровье Саладина начало стремительно ухудшаться. Налицо были все признаки изнеможения. Баха ад-Дин записал, что тело султана оставалось тучным, но им владела безмерная усталость. 20 февраля Саладин заболел — у него началась лихорадка, мучила тошнота. Шли дни, и его состояние ухудшалось. Баха ад-Дин и аль-Фадиль каждое утро и

каждый вечер приходили в комнату хозяина, да и аль-Афдаль всегда находился рядом. В начале марта состояние султана ухудшилось, он потел так, что пот сквозь матрас протекал на пол; Саладин то терял сознание, то снова приходил в себя. Баха ад-Дин записал, что 3 марта 1193 года «султану стало хуже, силы покинули его... позвали [имама], чтобы он провел ночь в цитадели, так чтобы, если начнется агония, султан смог бы покаяться. Это было сделано, и мы покинули цитадель. Каждый из нас был готов отдать свою жизнь, чтобы спасти султана».

После рассвета, когда имам прочитал над ним Коран, Саладин испустил дух. Ему было пятьдесят пять лет. Его тело было положено в мавзолей на территории мечети Омейядов в Дамаске, где оно покоится до сегодняшнего дня¹⁰³.

В начале своей карьеры Саладин руководствовался собственными амбициями и жадной славой, захватив власть у Зангидов и создав обширную империю Айюбидов. На протяжении всей своей карьеры он демонстрировал готовность клеветать на своих врагов — и мусульман, и христиан, — используя для этой цели разные пропагандистские средства. Приверженность султана джихаду — заметная черта его карьеры, проявившаяся особенно явно после его болезни в 1186 году, — сопровождалась решимостью возглавить ислам в священной войне, а не служить одним из командиров.

Тем не менее, вероятнее всего, Саладин действительно был вдохновлен религиозным рвением и истинной верой в святость Иерусалима. Недавно было выдвинуто предположение, что после 1187 года, когда главная цель — взятие Святого города — была достигнута, приверженность Саладина джихаду стала меньше. В действительности же представляется очевидным, что преданность султана своему делу во время Третьего крестового похода усилилась, даже перед лицом неудачи и поражения. Также верно то, что возбужденное им чувство мусульманского единства стало если не абсолютным, то уж точно не имевшим себе равных в XII веке. В мире Крестовых походов и соперники, и союзники признавали, что султан был великолепным лидером. Даже иногда критиковавший его великий иракский историк, симпатизировавший Зангидам, Ибн аль-Насир писал, что «Саладин (да помилует его

Бог) был благородным, терпеливым и сдержанным человеком, имел хороший характер, был скромным, готовым мириться с тем, что ему не нравится, и не заметить ошибки своих сторонников. <...> Короче говоря, он был редким человеком, имеющим много хороших качеств, прославившимся добрыми делами, активным борцом джихада против неверных, чему свидетельство — его завоевания»¹⁰⁴.

При любой попытке вынести суждение относительно жизни и карьеры Саладина всегда возникает один вопрос: он был поборником джихада, покори́л и защитил Иерусалим в интересах ислама или ради собственной славы и выгоды? В конце своей жизни даже сам султан вряд ли мог ответить на этот вопрос с полной уверенностью.

Судьба Ричарда Львиное Сердце после Третьего крестового похода

После смерти султана Айюбидов трудностей у английского короля меньше не стало. Едва избежав гибели, когда его корабль потерпел крушение в непогоду в районе Венеции, король продолжил путешествие в родную страну по суше. Даже соблюдая инкогнито, чтобы избежать столкновения со своими европейскими врагами, он был схвачен в Вене своим старым недругом еще со времен осады Акры герцогом Леопольдом Австрийским — очевидно, попытка Ричарда выдать себя за скромного простолюдина провалилась, поскольку он забыл снять с пальца сказочно красивое кольцо с драгоценными камнями. В крошечном замке на Дунае английский король провел больше года, что стало причиной грандиозного политического скандала на Западе. Он был освобожден в феврале 1194 года после длительных переговоров и выплаты крупного выкупа. Но в конце XIII века появилась более романтическая история, согласно которой королевский трубадур Блондель упорно разыскивал своего друга и хозяина по всей Европе. Он останавливался у подножия бесчисленных замков и пел песню, которую когда-то в молодости сочинил вместе с Ричардом. Король действительно сочинил по край-

ней мере две печальные элегии (обе уцелели до наших дней), но история Блонделя — художественный вымысел, еще один штрих к легенде о Ричарде Львиное Сердце.

Несмотря на все свои дурные предчувствия и длительное отсутствие, Ричард по возвращении обнаружил, что анжуйские владения остались под его правлением, а преданные королю люди не пошли за подстрекавшим к мятежу Джоном. Филипп-Август, однако, смог воспользоваться своими преимуществами и захватил ряд замков вдоль границы с Нормандией. Большую часть последующих пяти лет Ричард провел в кампаниях против Капетингов. Занявшись европейскими делами, он больше не возвращался на Святую землю. В конце XII века Ричарда все-таки подвела склонность в любом сражении стремиться на передовую. Во время осады небольшого замка в Южной Франции он был ранен в плечо стрелой из арбалета. Через несколько дней у него началась гангрена, и 6 апреля 1199 года английский король умер в возрасте сорока одного года. Его тело было похоронено в Фонтевро рядом с его отцом Генрихом II, а сердце предано земле в Руане¹⁰⁵.

Современники вспоминают Ричарда Львиное Сердце как несравненного воина и превосходного крестоносца. Он считается королем, который поставил на колени самого могущественного Саладина. Ему в заслугу часто ставят спасение Утремера. Смелый и коварный, опытный в сражении, он стал равным противником султана Айюбидов. Но, несмотря на его несомненные достижения в священной войне, анжуйскому королю всегда с трудом удавалось согласовать свои многочисленные обязанности, он разрывался между необходимостью защищать свое западное королевство и желанием окружить себя легендой в Палестине. И что самое главное, он так и не сумел понять истинную природу священной войны и поэтому не привел Третий крестовый поход к победе.

Часть четвертая

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Глава 19

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИЛ

После Третьего крестового похода на Западе стали появляться вопросы относительно значения и эффективности христианской священной войны. «Ужасы» 1187 года — поражение франков при Хаттине и захват мусульманами Иерусалима — подтолкнули Европу к отправке на Восток самой крупной и хорошо организованной экспедиции. Величайшие короли латинского христианского мира повели в бой десятки тысяч крестоносцев. И все же Святой город остался в руках ислама, так же как и одна из самых почитаемых христианских реликвий — Истинный крест. Учитывая физические, эмоциональные и финансовые жертвы, принесенные в 1188—1192 годах, и последовавший за ними шокирующий провал, латинское христианство рано или поздно должно было снова задуматься об очередном Крестовом походе, пересмотрев и придав новую форму идее священной войны во имя Бога.

ИЗМЕНЕНИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ

Фундаментальные сдвиги, происшедшие в латинской Европе, также помогли разжечь пламя «преобразования» христианской священной войны. Движение крестоносцев зародилось и оформилось в XI веке и начале XII. Но к 1200 году многие существенные черты западного общества изменились

и продолжали трансформироваться: ускорение урбанизации меняло структуру населения, стимулировало социальную мобильность и усиление класса купцов. В таких странах, как Франция, усилилась централизация королевской власти. Более важными были связанные с этим перемены в интеллектуальной и духовной жизни Европы. С самого начала крестоносный энтузиазм подстегивался тем фактом, что почти все латиняне чувствовали огромную потребность получить отпущение грехов. Но в ходе XII века отношение к искупительной и благочестивой практике претерпело развитие, и на Запад просочились новые идеи относительно того, что есть «хорошая христианская жизнь».

Постепенно внутренние формы духовности стали преобладать над внешним проявлением благочестия. Впервые в Средние века то, что человек думает и чувствует, во что верит, стало таким же, или даже более важным, чем то, что он говорит и делает. В связи с этим человеческие отношения с Богом и Христом стали считаться более личными и прямыми. Эти идеи имели большой потенциал и могли разрушить установившиеся рамки средневековой религии. Ритуал, ведущий к спасению, такой как физическое паломничество, — одна из основ крестоносного движения, — к примеру, лишался смысла, если значение имело лишь внутреннее раскаяние. И если, как начали предполагать теологи, милосердие Господа вездесуще и присутствует во всех и во всем, тогда зачем отправляться в путешествие на другой край земли, чтобы пытаться найти Его прощение в таком месте, как Иерусалим? Полная преобразующая сила этой идеологической революции проявилась намного позже, но первые признаки ее влияния в XIII веке уже ощущались.

В начале XIII века латинское христианство также столкнулось с более прямыми и безотлагательными проблемами. Первой была ересь. Европа некогда была оплотом религиозной ортодоксальности и подчинения догматам, но в течение последнего столетия на Западе наблюдалась вспышка (почти эпидемических масштабов) всевозможных «еретических» верований и движений. Они колебались от сравнительно безобидного подстрекательского бреда не имевших

духовного сана демагогов до сложных и довольно-таки замысловатых альтернативных религий. Среди последних можно назвать дуалистов катаров, веривших в двух богов, добро и зло, и отрицавших то, что Христос когда-то жил на земле в человеческом облике (а значит, они отрицали первичные латинские христианские доктрины — распятия, искупления и воскрешения). Помимо осужденных Римско-католической церковью как еретики, были и другие течения, также отличные от традиционных, но тем не менее сумевшие заручиться папским одобрением. Это монахи нищенствующих орденов — францисканцы и доминиканцы, — которые выступали за бедность, посвящали себя донесению слова Божьего до людей с большим пылом и рвением. Церковь вскоре захотела использовать ораторский динамизм монахов для проповедования нового Крестового похода. Однако евангелический энтузиазм нищенствующих монахов также имел силу оказывать воздействие на цели священной войны; он вплетал нить изменений в знакомый фон завоеваний и обороны¹.

Мир XIII века был миром новых идей и иных проблем, в котором крестоносному движению предстояло сыграть другую роль и принять новые формы. Главный вопрос, вскоре ставший ясным современникам: что все это будет означать для войны на Святой земле?

ПАПА ИННОКЕНТИЙ III

Этот вопрос занимал папу Иннокентия III — вероятно, самого могущественного и влиятельного римского понтифика в средневековой истории и определенно самого активного и увлеченного покровителя Крестовых походов. Иннокентий был избран папой 8 января 1198 года и сразу взялся за дело живо и энергично. На протяжении предшествующих семнадцати лет пять весьма престарелых пап умерли вскоре после воцарения на троне понтифика. Иннокентий же был молод — ему только что исполнилось тридцать семь лет, он был полон энергии и больших амбиций. Он по всем пара-

метрам идеально подходил для новой роли. Происходя из римского аристократического рода, он имел превосходные политические и церковные связи в Центральной Италии. Также он получил хорошее образование, изучив церковное право в Болонье, а теологию в Париже.

Более того, время прихода к власти Иннокентия было фантастически благоприятным. После папы Григория VII и реформ XI века папская власть упорно сдерживалась агрессивными нападениями Германской империи Гогенштауфенов. Затруднительное положение Рима еще более ухудшилось в 1194 году, когда император Генрих IV (сын и наследник Фридриха Барбароссы) благодаря браку стал также королем Сицилии — папское государство оказалось окруженным с севера и юга. Но в сентябре 1197 года Генрих IV неожиданно умер от малярии, оставив наследником трехлетнего сына Фридриха. Мир Гогенштауфенов неожиданно погрузился в глубокий династический кризис, растянувшийся на десятилетия. В результате папа получил великолепную возможность действовать на европейской сцене относительно свободно².

Представления Иннокентия о папской власти

Папа Иннокентий был абсолютно уверен в важнейшей — и, по его представлению, данной свыше — власти римского понтифика. Иннокентий считал себя земным представителем Христа. Ранние понтифики могли мечтать о достижении значимого, а не просто теоретического господства над латинской церковью, однако стремления Иннокентия простирались далеко за пределы церковной или духовной сферы. По его убеждению, папа должен быть господином всего западного христианского мира, возможно, даже всех христиан на земле, проводником воли Божьей, чья власть превосходит власть мирских правителей. Иными словами, папа должен создавать и смешать королей и императоров.

Иннокентий также обладал четким представлением о том, чего хотел достичь, имея абсолютную власть, — вернуть Иеру-

салим. Он, судя по всему, обладал искренней и неподдельной привязанностью к Святому городу; большая часть срока его пребывания у власти впоследствии была так или иначе посвящена обеспечению захвата Иерусалима. Но, как и многие жители Запада, новый папа был подавлен ограниченными достижениями Третьего крестового похода. По его убеждению, экспедиция не сумела вернуть Иерусалим по двум веским причинам, и у него имелось четкое представление, как исправить обе.

Очевидно, Бог позволил франкам потерпеть поражение в Леванте в наказание за очевидные грехи всего латинского христианства. Поэтому следует удвоить усилия в деле осуществления реформ и очищения Запада. Европу следует привести — если понадобится, силой — в новое состояние: ее необходимо объединить духовно и политически под благочестивой властью Рима, очистив от страшной, разъедающей ее заразы ереси. А верующих людей необходимо направлять к добродетельной жизни, им надо давать возможность искупить свои грехи, так чтобы они нашли пути к спасению. Такими средствами латинский мир будет очищен, и тогда Господь, возможно, позволит христианству одержать победу на Святой земле.

Папа Иннокентий также свято верил, что сама практика Крестового похода тоже нуждается в изменении, и сделал вывод, что функциональные меры приведут к духовному обновлению. И он приступил к усовершенствованию управления священной войной, с тем чтобы дать возможность ее участникам действовать с большей чистотой намерений. Оглядываясь назад, папа выделил три фундаментальные проблемы: слишком много неподходящих людей (в первую очередь не участвующих в боевых действиях) принимали крест; экспедиции плохо финансировались; и они имели неэффективное командование. Неудивительно, что Иннокентий был твердо уверен в своей способности справиться с этими трудностями. Латинская церковь выступит вперед и подтвердит свое право направлять крестоносное движение, возьмет на себя контроль за набором рекрутов, финансированием и лидерством. Красота этого плана, с точки зрения папы, заключалась в том, что

крестоносцы, участвующие в «усовершенствованной» священной войне, не только имеют больше шансов вытеснить из Иерусалима ислам; само участие латинян в такой покаянной экспедиции будет одновременно служить искуплению их грехов, таким образом помогая всему западному христианскому миру идти по пути добродетели.

Имея в виду все сказанное, Иннокентий задумал, как только станет папой, начать подготовку к новому Крестовому походу и озвучил призыв к оружию 15 августа 1198 года. Он отчетливо представлял себе это славное предприятие, проповедование, организация и исполнение которого будут идти под его личным контролем, уверенный, что столь упорядоченная и святая экспедиция непременно будет удостоена Божественного одобрения.

Подготовка Крестового похода

В первые годы своего пребывания на престоле понтифика Иннокентий занимался концентрацией всех механизмов управления Крестовым походом в Риме, рассчитывая наделить священную войну статусом предприятия, руководимого папством. В 1198 и 1199 годах он ввел целый ряд инновационных реформ, которые сформировали хребет крестоносной политики. При Иннокентии духовное вознаграждение (индальгенция), предлагавшееся крестоносцам, было реконфигурировано и усилено. Тем, кто принял крест, давалось твердое обещание «полного прощения их грехов» и заверение, что военная служба избавит их от всех наказаний — и на земле, и на небесах. Однако требовалось, чтобы крестоносцы выказывали «покаяние вслух и в сердце» за прегрешения, то есть раскаяние должно было быть внешним и внутренним. Индальгенция Иннокентия также тщательно отделяла очистительную силу священной войны от физического труда человека: больше не считалось, что страдания и трудности, перенесенные в кампании, служат спасению души; вместо этого духовные преимущества, полученные благодаря индальгенции, предоставлялись даром, милосердно данным Богом

в награду за заслуги. Это был тонкий сдвиг, однако похоронивший некоторые теологические трудности, возникшие в связи с крестоносным движением (такие, как отношение Бога к человеку). Эта формулировка индульгенции превратилась в установленный «золотой стандарт» в латинской церкви, оставшись практически неизменной на всем протяжении Средневековья и после него.

Иннокентий также пытался создать новую финансовую систему, согласно которой бремя финансирования Крестового похода возлагалось на церковь. Система включала налог размером в одну сороковую часть на все доходы церкви на год и десятипроцентный налог на доходы папства. Новый папа поставил сундуки для пожертвований в церквях по всей Европе. В них прихожане должны были складывать подаяние в поддержку механизма священной войны. Папа также объявил, что эти монетарные дары сами по себе принесут дарителям индульгенцию, такую же, как те, что получают крестоносцы. Со временем эта идея изменила идеологию движения и имела далеко идущие последствия для всей истории римской церкви.

Иннокентий открыто признал, что бремя многочисленных обязанностей в Риме не позволяет ему возглавить Крестовый поход лично, но в 1198 и 1199 годах он назначил целый ряд папских легатов представлять его интересы и следить за ходом священной войны. Он также установил точные границы, обозначив тех, кто имел право проповедовать Крестовый поход, и мобилизовал для этой цели известного французского проповедника Фулька из Нейи. В то же самое время папа стремился установить для будущих крестоносцев строгий минимум службы, объявив, что, только проведя определенный период времени в Крестовом походе, человек сможет получить индульгенцию (сначала это было два года, потом срок был снижен до года).

Все это казалось удивительно эффективным, и все же, несмотря на энергию и уверенность Иннокентия, все его усилия привели к весьма скромным результатам: ожидаемых толп исполненных восторженного энтузиазма воинов не было (хотя крест приняли многие бедняки); сундуки для подаяния

стояли пустыми. Первая энциклика Иннокентия призвала начать Крестовый поход в марте 1199 года, но эта дата наступила и прошла, а никаких признаков активной деятельности так и не было. Наконец в декабре 1199 года появился второй призыв. К этому времени контроль над тем, что могло стать Четвертым крестовым походом, постепенно ускользал из рук папы.

В действительности концепция крестоносного движения папы Иннокентия была некорректна в своей основе. Абсолютистская по тону, она не обеспечивала интерактивного сотрудничества между церковью и лидерами из числа мирян. Папа воображал, что короли и аристократия латинского христианского мира легко склонятся перед его волей, поскольку это якобы угодно Богу. Но это оказалось совсем не так. Начиная с Первого крестового похода европейская мирская знать была чрезвычайно важна для крестоносного движения. Именно ее лихорадочный энтузиазм мог вызвать увеличение набора рекрутов благодаря социальным сетям родства и вассальной зависимости, а их военное лидерство могло стать решающим в священной войне. Иннокентий определенно надеялся привлечь для участия в Крестовом походе рыцарей, феодалов и даже королей, но только в качестве послушных пешек, а не как равных или союзников.

Историки обычно предполагали, что Иннокентий намеренно ограничивал степень королевского участия в Крестовом походе, однако это не совсем так. Для начала, по крайней мере, он намеревался договориться о мире между анжуйской Англией и капетингской Францией и даже сделал попытку убедить короля Ричарда I принять крест. Но когда Львиное Сердце в 1199 году умер, несбыточные планы как-то включить Анжуйскую монархию в «папский Крестовый поход» испарились. После смерти Ричарда его брат Джон был слишком занят борьбой за власть в Англии и в анжуйских владениях, чтобы думать о Крестовом походе. Французский король Филипп-Август также дал понять, что не намерен покидать Европу до тех пор, пока не будут решены все вопросы с анжуйцами. А непрекращающаяся борьба за власть в Германии

не позволила участвовать в Крестовом походе Гогенштауфенам. Но даже когда стало очевидно, что коронованные особы этих трех государств не будут участвовать, Иннокентий не попытался обратиться к высшей аристократии. Возможно, он думал, что представители этого класса соберутся на его призыв по доброй воле, обрадовавшись возможности быть у него на побегушках. В этом папа ошибся, и эта ошибка имела самые трагические последствия для всего христианского мира³.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Вопреки надеждам и ожиданиям папы Иннокентия III в Четвертом крестовом походе участвовали в основном светские люди, он подчинялся нецерковным лидерам и находился под влиянием мирских проблем. Настоящий энтузиазм и активный набор в экспедицию европейской элиты начался только после того, как приняли крест два известных аристократа из Северной Франции — граф Тибо Шампанский и его кузен Людовик, граф де Блуа. Это произошло на рыцарском турнире в Экри (к северу от Реймса) в конце ноября 1199 года. В феврале 1200 года к ним присоединился граф Бодуэн Фландрский. Все они были представителями высшей латинской знати, имели обширные связи при дворах Англии и Франции. Каждый обладал бесценной «крестоносной родословной», поскольку уже несколько поколений их семейства сражались на Святой земле. И все же, хотя все они, безусловно, знали о проповедях Фулька из Нейи, нет никаких свидетельств, позволяющих предположить, что с ними входил в непосредственный контакт тот или иной представитель папства. Конечно, как и ранние крестоносцы, они считали, что откликнулись на призыв к оружию, санкционированный папой, но, судя по всему, они не ощущали потребности во взаимодействии с Римом в вопросах планирования и осуществления экспедиции. В результате возникло тревожное разобщение между их видами на будущее и идеализированными представлениями Иннокентия III.

Отклонения, ведущие к катастрофе

В апреле 1201 года группа послов крестоносцев — представлявших Тибо, Людовика и Бодуэна — заключила злополучное соглашение с венецианскими моряками. Согласно договоренности необходимо было построить флот для перевозки 33 500 крестоносцев и 4500 лошадей через Средиземное море в обмен на выплату 85 тысяч марок серебром. Масштабная задача потребовала от венецианцев временного приостановления торговли и использования всей своей энергии и возможностей для постройки необходимого количества судов в ограниченные сроки.

План был ненадежным с самого начала. Использование морского транспорта для достижения Святой земли стало популярным во время Третьего крестового похода, когда и англичане, и французы следовали на войну по морю. Проблема заключалась в том, что морское путешествие было дорогостоящим и, в сравнении с сухопутным маршем, требовало больших начальных денежных вложений. Флоты, используемые участниками Третьего крестового похода, оплачивались королевскими домами, но и тогда собрать требуемые суммы было не так легко. При отсутствии участия и поддержки короны Четвертый крестовый поход неизбежно столкнулся с большими трудностями при оплате долгов венецианцам. Договор 1201 года также основывался на заведомо нереальной предпосылке, что каждый латинянин, принявший крест, согласится отправиться из одного и того же порта в указанную дату, даже несмотря на то, что пока не было прецедентов систематических отправок такого типа, и в клятве крестоносцев ничего не говорилось об обязательстве отплыть непременно из Венеции. План мог сработать, если бы светские лидеры скоординировали свои действия с папством, чтобы устроить общий сбор. На деле Иннокентий, похоже, даже не знал о договоре с Венецией. Осознав, что он быстро теряет даже видимость контроля над экспедицией, папа неохотно подтвердил договор. После этого Иннокентий постепенно оказывался между двух огней: желанием заставить Крестовый поход повиноваться, отозвав свою поддержку, и надеждой, что кам-

пания все же как-то найдет способ сделать то, что угодно Богу.

Перспективам Четвертого крестового похода был нанесен тяжелый удар в мае 1201 года, когда Тибо Шампанский, которому было двадцать с небольшим лет, заболел и умер. Общее лидерство перешло к аристократу из Северной Италии Бонифацию Монферратскому, братья которого Вильгельм и Конрад имели внушительную «крестоносную родословную». Когда крестоносцы начали собираться в Венеции, сразу стала очевидной проблема. К середине лета 1202 года прибыло только 13 тысяч воинов. Крест приняло намного меньше франков, чем предполагалось, а из тех, кто все же вступил в ряды крестоносцев, многие предпочли отправиться на Восток из других портов — например, из Марселя.

Даже собрав все доступные средства, лидеры крестоносцев не смогли наскрести нужную сумму. Венецианцы выполнили свою часть сделки — флот был построен, однако им все еще не было выплачено 34 тысячи марок. От неминуемого краха экспедицию спасло вмешательство венецианского дожа Энрико Дандоло. Иссохший, наполовину слепой восьмидесятилетний старик, неумная энергия и живой характер которого опровергали его возраст, превосходно разбирался в войне и политике. Он всегда стоял на страже интересов венецианцев. Дож предложил компенсировать долги крестоносцев и отправить собственные войска в Левант, если только крестоносцы сначала помогут Венеции победить ее врагов. Согласившись на эту сделку, Четвертый крестовый поход свернул с пути, ведущего на Святую землю.

Довольно скоро экспедиция разграбила город Зара, расположенный на побережье Далмации, — это был давний политический и экономический соперник Венеции. Иннокентий был крайне раздосадован, услышав об этом нападении, и его реакцией стало отлучение от церкви всего Крестового похода. Сначала этот акт неодобрения — крайняя духовная санкция из всех, имевшихся в распоряжении папы, — казалось, остановил кампанию. Но Иннокентий весьма неразумно принял раскаяние французских крестоносцев и позднее отменил их наказание (хотя венецианцы, не пытавшиеся по-

лучить прощение, остались отлученными от церкви). К этому времени среди крестоносцев стали раздаваться голоса несогласных, подвергавших сомнению направление, которое приняла экспедиция. Некоторые франки даже нашли возможность отбыть на Святую землю. Но большинство, однако, осталось с Бонифацием Монферратским и дожем Дандоло.

Когда добычи, полученной при захвате города Зара, оказалось недостаточно, Крестовый поход повернул к Константинополю и Византийской империи. Оправданием для столь необычного решения стал план крестоносцев восстановить права «законного» наследника Византии принца Алексея Ангела (сына свергнутого императора Исаака II Ангела), который затем расплатится с Венецией и финансирует поход на мусульманский Ближний Восток. Но на деле все обстояло не совсем так. Греки уже давно сдерживали амбиции венецианцев, желавших занять господствующее положение в средиземноморской торговле. Дандоло рассчитывал, по крайней мере, посадить на трон «ручного» императора, но, возможно, он имел в виду и другие, более обширные планы. Определенно дож не стал бы возражать, если бы Крестовый поход направился на Константинополь.

В общем, экспедиция позабыла о своей «священной» цели — возвращении Иерусалима. После короткого наступления существующий императорский режим в июле 1203 года был сброшен, причем ценой малой крови для греков, и Алексей был объявлен императором. Но когда выяснилось, что он не может выполнить свое обещание оказать щедрую финансовую помощь латинянам, отношения быстро испортились. В январе 1204 года Алексей был свергнут (и впоследствии задушен) членом соперничающего семейства Дука, получившим прозвище Мурзурфл, или Насупленные Брови (из-за его выдающихся бровей). Несмотря на собственную отчужденность в отношениях с последним императором, крестоносцы восприняли его свержение как переворот и назвали Мурзурфла тираном-узурпатором, которого следует убрать. Обеспечив себя, таким образом, веской причиной для военных действий, латиняне приготовились к полномасштабной осаде византийской столицы.

12 апреля 1204 года тысячи западных рыцарей ворвались в город и, несмотря на клятву крестоносцев, подвергли христианское население насилию, а город — разграблению. Великолепие Константинополя было уничтожено, город лишился своих величайших сокровищ, среди которых были такие священные реликвии, как Терновый венец и голова Иоанна Крестителя. Дожд Дандоло захватил впечатляющую бронзовую статую четырех лошадей и отправил ее в Венецию, где она была позолочена и установлена над входом в базилику Святого Марка — как знак триумфа Венеции. Она по сей день остается в церкви.

Участники Четвертого крестового похода так и не отплыли в Палестину. Вместо этого они остались в Константинополе, основав новую латинскую империю, которую назвали Романия. Подражая византийской практике, ее первый суверен Бодуэн Фландрский 16 мая 1204 года надел украшенное драгоценными камнями облачение императора и был помазан на правление в монументальной базилике Святой Софии — духовном центре греческого православного христианства. А по другую сторону Босфора — в Малой Азии — уцелевшая греческая аристократия создала собственную империю — в Никее — и стала ждать возможности отмщения.

Причины и следствия

И современники, и ученые нашего времени задавались вопросом, что подвигло участников Четвертого крестового похода направиться к древней столице Византийской империи. Было выдвинуто предположение, что отклонение от маршрута было выражением растущего недоверия и антипатии, свойственных отношениям между крестоносцами и Византией в XII веке. Все же некоторые участники Второго крестового похода обдумывали возможность нападения на греческую столицу, а во время Третьего крестового похода был насильственно захвачен Кипр, византийский протекторат. Некоторые авторы даже намекали, что экспедиция в действительности была частью сложного антигреческого за-

говора, и захват Константинополя с самого начала был тщательно спланированной намеченной целью. Это представляется маловероятным, поскольку все предприятие с самого начала характеризовалось явным отсутствием эффективной организации.

На самом деле Крестовый поход был пущен по этому курсу плохо подготовленным договором с Венецией и почти наверняка дошел до стен Константинополя благодаря череде незапланированных прагматических решений и общих отклонений. Возможно, речь не шла о претворении грандиозного плана, но вместе с тем нельзя утверждать, что кровавый захват Константинополя латинянами не устраивал венецианцев и не содействовал амбициозным желаниям некоторых лидеров крестоносцев.

Экспедиция также подтвердила полный провал проекта «папского Крестового похода», так долго вынашиваемого Иннокентием III. События показали, что Иннокентий был не в состоянии навязать свою волю из Рима. В июне 1203 года, узнав об изменении маршрута Крестового похода и его движении к Константинополю, Иннокентий написал его лидерам и строго запретил нападать на христианскую столицу, однако на его запрет не обратили внимания. Затем в какой-то из периодов до ноября 1204 года Иннокентий получил письмо от нового латинского императора Бодуэна, возвещающее о захвате византийской столицы. Послание Бодуэна, очевидно, содержало изрядно облагороженную версию событий и представляло захват как величайший триумф христианства. Несмотря на прежние опасения, папа сначала возликовал. Создавалось впечатление, что по воле всемогущего Господа восточная и западная церкви теперь объединились под римским правлением и что с основанием новой латинской империи левантийские крестоносные государства теперь получают свежую помощь и активную поддержку. Только позднее он узнал подробности о кровавой алчности, проявленной крестоносцами при захвате Константинополя, и его радость сменилась отвращением и презрением. Он отзывал свое первоначальное одобрение и назвал исход экспедиции позорной карикатурой⁴.

КОНТРОЛИРОВАТЬ ОГОНЬ

Иннокентий был потрясен тем, что Четвертый крестовый поход вышел из-под контроля, но довольно скоро его внутренний прагматизм и природный оптимизм вернули ему интерес к использованию могучей силы священной войны. В ходе следующего десятилетия он систематически делал попытки использовать и контролировать крестоносное движение. Однако в этот период он перенаправил оружие папской политики на новые театры военных действий против других врагов. Частично это было ответом на возникающие угрозы; таким образом, были направлены экспедиции против ливов, живших в Прибалтике, и против альмохадов — мавров Испании. Несмотря на неприятие обстоятельств формирования новой латинской империи, Иннокентий не мог не признать, что ей необходима защита, чтобы она смогла сыграть сколь бы то ни было значимую роль в борьбе за возвращение Святой земли. Таким образом, он поддержал намерение других крестоносцев укрепить Константинополь. Папа также сделал вывод, что Крестовые походы могут сыграть прямую и важную роль в его стремлении очистить Западную Европу. В 1209 году он организовал так называемый Альбигойский Крестовый поход против еретиков-катаров, живших в Юго-Восточной Франции, однако последовавшая кампания оказалась шокирующе жестокой и по большей части неэффективной, поскольку была подчинена своекорыстному стяжательству участников из Северной Франции.

Взрыв набожности наблюдался в 1212 году, когда по неустановленным причинам (возможно, это было как-то связано с проповедями Альбигойского Крестового похода) большие группы детей и подростков на севере Франции и в Германии неожиданно стали заявлять о своей преданности крестоносному движению. В последовавшем детском Крестовом походе два мальчика — юный французский пастух из Вандома по имени Этьен из Клуа и некто Николас из Кёльна — подняли толпы юных последователей, пообещав, что Бог будет следить за их путешествием в Левант и даст им чудесную силу, которая позволит свергнуть ислам, вернуть Иерусалим

и вновь обрести Истинный крест. Они утверждали, что невинные дети смогут исполнить волю Господа так, как это недоступно взрослым, уже запятнанным грехом. До нас дошло немного надежных свидетельств о судьбе этих так называемых крестоносцев, но для современников, тогда живших во Франции, Германии и Италии — включая Иннокентия III, — их движение послужило благотворным напоминанием о том, что зов креста все еще может тронуть умы и сердца широких масс⁵.

К 1213 году Иннокентий понял, что расширение фокуса священной войны, по сути, привело к ослаблению латинского Востока, отвлекло внимание Запада от положения Святой земли, и он приступил к переосмыслению политики. Он лишил конфликты в Испании, на Балтике и в Южной Франции статуса крестоносных, таким образом перенаправив всю силу крестоносного энтузиазма на возвращение Иерусалима. Была объявлена новая грандиозная кампания — Пятый крестовый поход. В то же самое время он возобновил попытки установить полный папский контроль над организацией и ведением освященного насилия.

Начал он с еще более энергичных усилий, направленных на упорядочивание проповедей Пятого крестового похода. Иннокентий назначил специально отобранных священнослужителей, которые должны были нести в массы призыв к оружию, и региональных администраторов для надзора за вербовкой. Он также одобрил выпуск специальных наставлений, в которых содержались образцы проповедей и давались общие указания проповедникам. Хотя Крестовый поход привлек не много добровольцев из Франции — традиционного центра крестоносного энтузиазма, — в других регионах отклик был, и немалый. Восхищенные умелыми ораторами, среди которых были такие известные личности, как Жак де Витри и немецкий проповедник Оливер Падерборнский, на проповедях которого часто происходили «чудеса» вроде появления в небе сияющих крестов, тысячи опытных рыцарей из Венгрии, Германии, Италии и Нидерландов приняли крест.

Папские инициативы в сфере финансирования Крестового похода имели более проблематичные последствия. До это-

го времени он упорно настаивал, чтобы только опытным, хорошо обученным воинам разрешалось принимать крест, считая, что таким образом будет создана компактная и эффективная армия. В 1213 году он совершил крутой поворот, объявив, что в армию должно привлекаться как можно больше людей, независимо от их пригодности к участию в военных действиях. Это открытие шлюзов могло быть, по крайней мере частично, инициировано детским Крестовым походом, который со всей очевидностью продемонстрировал ширину и глубину крестоносного энтузиазма Запада. Однако планы Иннокентия оказались еще более замысловатыми. Раньше, когда готовился Четвертый крестовый поход, папа предложил, чтобы финансовые пожертвования в помощь священной войне вознаграждались индульгенцией. Теперь он усовершенствовал и развил эту идею. Иннокентий надеялся, что много тысяч людей будут участвовать в его новой кампании, но объявил, что любой, кто принял крест, но не имеет возможности сражаться лично, может вместо этого выплатить определенную сумму и все равно получит религиозную награду. Эта необычная реформа, возможно, была проведена с благими намерениями — обеспечить Крестовый поход и финансовыми, и военными ресурсами и распространить искупительную силу священной войны на более широкую аудиторию, однако она создала крайне опасный прецедент. Идея, что духовные заслуги можно купить за деньги, породила развитие сложной системы индульгенций, которая явилась самой широко критикуемой чертой латинского католицизма позднего Средневековья и ключевым фактором появления Реформации. Эти маячившие далеко впереди последствия еще не были очевидными в 1213 году, но даже тогда инновации Иннокентия вызвали резкую критику некоторых современников и в ходе XIII века привели к серьезным ошибкам крестоносного движения.

Тем не менее папа не изменил своей позиции. Призыв к новому Крестовому походу на Святую землю прозвучал снова в 1215 году на Четвертом латеранском соборе, созванном Иннокентием III, чтобы обсудить состояние христианства. Это зрелищное собрание — тогда крупнейшее в своем роде —

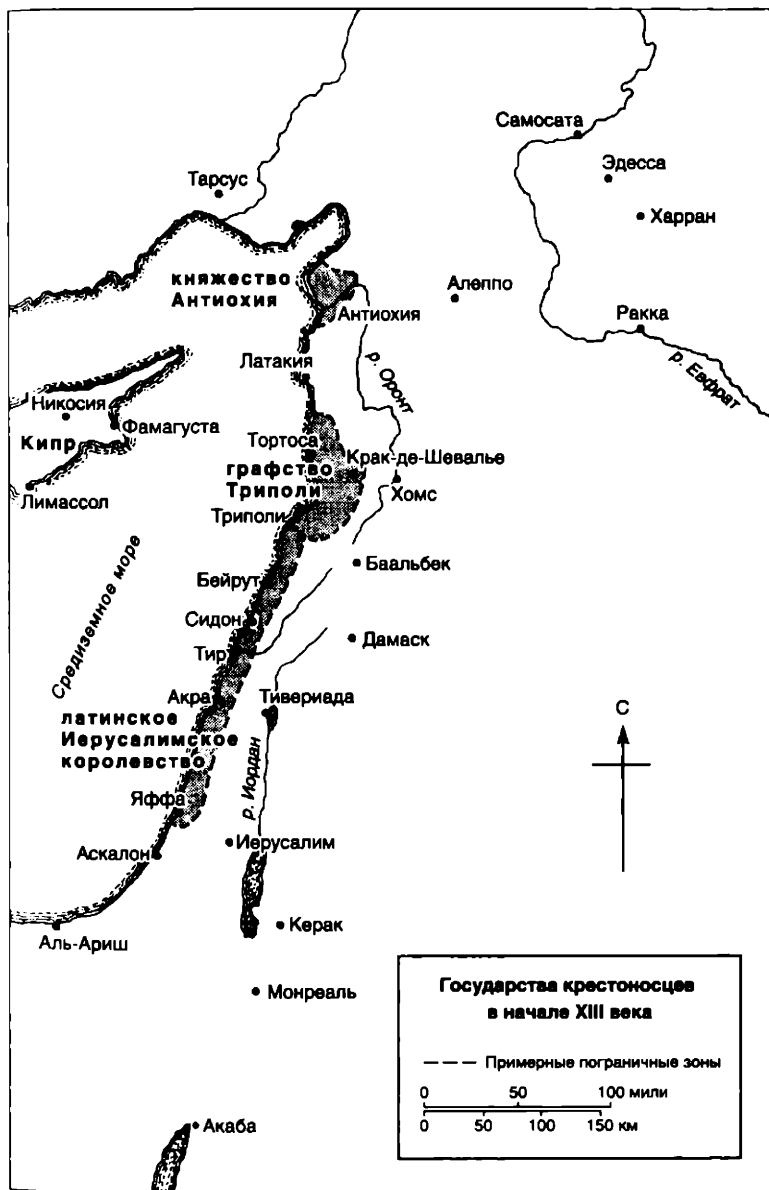
подтвердило увеличение папской власти, достигнутое во время нахождения у власти Иннокентия. Одержимый мыслью о возможности сбора средств для священной войны, он возобновил крайне непопулярный церковный сбор, на этот раз в размере одной двадцатой доходов, на три года и назначил специальных должностных лиц для этого.

Меньше чем через год — 16 июля 1216 года — папа Иннокентий III умер от сильнейшей лихорадки — возможно, подхваченной во время проповеди Крестового похода в дождь возле Перуджи (центральная часть Италии). Это случилось до начала Пятого крестового похода⁶. Все время своего нахождения на посту понтифика он проповедовал священную войну, и, хотя кампании, которые велись по его повелению, достигли лишь ограниченного успеха, готовность папы поддержать и усовершенствовать крестоносное движение помогла вселить в него новую энергию. Во многих отношениях Иннокентий III сформировал движение в том виде, в каком оно существовало в будущих веках. Однако также правда и то, что монументальные амбиции Иннокентия намного превосходили реальные возможности папской власти, и его попытки установить прямой церковный контроль над Крестовыми походами были непродуманными и нереальными.

УТРЕМЕР В XIII ВЕКЕ

В начале XIII века, пока папство старалось оформить и использовать должным образом мощь Крестовых походов, баланс сил на Ближнем Востоке претерпел ряд судорожных изменений. После Третьего крестового похода и смерти Саладина и франки, и мусульмане были ослаблены и приведены в смятение серией кризисов в Палестине, Сирии и Египте. Латинским христианам, старавшимся выжить в Леванте и вынашивающим надежды на восстановление своих владений и экспансию, пришлось искать новые подходы к обороне Утремера и взаимодействию с исламом.

Летом 1216 года французский священнослужитель Жак де Витри имел срочное дело в Центральной Италии. Достигнув

пятидесятилетнего возраста, Жак был образованным церковником, ярким реформатором и талантливым оратором. Он уже заслужил известность своими проповедями альбигойских кампаний и Пятого крестового похода. Возможно, именно его проповеди пробудили к жизни так называемый детский Крестовый поход. Впоследствии Жак создал очень ценное собрание материалов, относящихся к Крестовым походам, начиная от писем и исторических повествований и кончая «моделями» проповедей. Но в 1216 году он был избран новым епископом Акры, и, прежде чем отправиться в Левант, ему нужно было папское утверждение и благословение. Жак собирался встретиться с Иннокентием III, но прибыл в Перуджу 17 июля, на следующий день после смерти понтифика. Войдя в церковь, где ожидало погребения тело понтифика, Жак обнаружил, что ночью мародеры лишили тело папы богатых одежд. Остался только полуобнаженный, уже начавший разлагаться на летней жаре труп. «Как коротка и тщетна обманчивая слава этого мира», — заметил Жак, описывая происшедшее.

На следующий день преемником Иннокентия был избран папа Гонорий III, и Жак получил его благословение. Той осенью епископ отбыл на корабле из Генуи на Восток. Он совершил опасное пятидневное путешествие, во время которого корабль неоднократно попадал в жестокие осенние штормы, во время которых «пассажиры на борту не могли ни есть, ни пить под страхом смерти». В Акру он прибыл в начале ноября 1216 года и в последующие месяцы совершил большое путешествие по Утремеру с проповедями, рассчитывая укрепить моральный дух христиан в преддверии Пятого крестового похода. Ближневосточный мир встретил его хронической политической нестабильностью, но кроме уже привычных старых соперников на сцене появились новые силы⁷.

Баланс сил на франкском Востоке

Если говорить о территории, государства крестоносцев были только слабой тенью себя прежних. Иерусалим и внутренние территории Палестины были в руках мусульман, и

латинское Иерусалимское королевство теперь было бы правильнее называть Акрским королевством. Во владении франков осталась только узкая прибрежная полоса, от Яффы на юге до Бейрута на севере — последний был взят с помощью группы немецких крестоносцев в 1197 году. К моменту прибытия Жака де Витри на Восток иерусалимская монархия выбрала своей новой столицей Акру. Графство Триполи сохранило плацдарм в Ливане, и ряд крепостей тамплиеров и госпитальеров продлевали франкскую территорию на север. Поскольку мусульмане продолжали контролировать регион вокруг Латакии, не было сухопутной связи с княжеством Антиохия, да и это некогда могущественное княжество теперь было всего лишь небольшим участком земли вокруг самой Антиохии.

Уязвимость каждого из уцелевших франкских государств усугублялась ожесточенной борьбой за власть. Генрих Шампанский, правитель франкской Палестины, назначенный в конце Третьего крестового похода, дожил до 1197 года и погиб в результате несчастного случая — выпал из окна дворца в Акре. Единственный остававшийся в живых член королевской династии — Изабелла (вдова Генриха) — вышла замуж за Амори из рода Лузиньянов*, который правил до 1205 года и тоже умер, переев рыбы. Вскоре после этого Изабелла последовала за ним. Затем королевский титул перешел к дочери Изабеллы от брака с Конрадом Монферратским, и наследование иерусалимской короны постепенно пошло через крайне запутанную сеть браков, несовершеннолетних правителей и регентств, и такое положение сохранялось на протяжении почти всего XIII века. В этой ситуации довольно много могущества и власти получили франкские бароны. В первые десятилетия из всеобщей неразберихи на политической сцене возникли две крупные фигуры.

Жан Ибелин (сын Балиана Ибелина) был регентом при королевской наследнице Марии в 1205—1210 годах** и стал

* Брат бывшего иерусалимского короля Ги. (*Примеч. ред.*)

** Матерью Жана Ибелина была Мария Комнина (мать Изабеллы), которая, овдовев, вторым браком вышла за Балиана Ибелина. Таким образом Жан Ибелин доводился новой королеве Марии дядей. (*Примеч. ред.*)

самым важным латинским бароном в Палестине. Несмотря на то что на землях его предков в Ибелине и Рамле теперь властвовали мусульмане, династия Ибелинов в этот период процветала. Жану было дано лордство в Бейруте, и, кроме того, его семья имела прочную связь с франкским Кипром.

Соперником Ибелина был Жан де Бриенн, французский рыцарь из Шампани, происходивший из второстепенной знати. Жан женился на Марии в 1210 году, а когда она в 1212 году умерла, стал регентом и весьма эффективным правителем при их малолетней дочери Изабелле II. Вероятно, ему было около тридцати лет. Жан был опытным военным, имел в роду крестоносцев, однако ему не хватало богатства и связей на Западе. Большую часть своей карьеры он посвятил утверждению прав на иерусалимскую корону, называя себя королем, несмотря на возражения местной знати. Еще один шаг к известности Жан сделал в 1214 году, женившись на принцессе Стефании, наследнице армянского христианского королевства Киликия.

Под мудрым правлением последнего правителя из Рубенидов короля Левона I (правившего как принц Леон II в 1187—1198 годах и как король в 1198—1218 годах) восточное христианское королевство Киликия в XIII веке стало доминирующей силой в политике Северной Сирии и Малой Азии. Благодаря комбинации военных противостояний и смешанных браков династия Рубенидов тесно вплелась в историю латинской Антиохии и Триполи. После смерти графа Раймунда III Триполийского в 1187 году линии наследования в графстве и княжестве переплелись, и началась борьба за власть между франкскими и армянскими претендентами, даже более запутанная, чем в Палестине. Она продолжалась до 1219 года, когда Бозмунд IV взял власть над Антиохией и Триполи⁸.

Затянувшиеся междоусобные конфликты ослабляли и отвлекали внимание христиан Утремера в начале нового века, резко ограничивая их стремление к возврату прежних владений (на самом деле похожие проблемы периодически возникали до конца века). Но ущерб от этих мелких склок в какой-то мере компенсировался разногласиями, существовавшими и у мусульман.

Судьба империи Айюбидов

После смерти Саладина в 1193 году империя Айюбидов, кропотливо создаваемая в течение двух десятилетий, рухнула в одночасье. Султан намеревался разделить основную часть территории между тремя своими сыновьями в форме конфедерации, причем старший сын, аль-Афдаль, будет удерживать Дамаск и общую власть над землями Айюбидов. Аль-Захиру предстояло управлять Алеппо, а Утману — Египтом из Каира. На деле баланс сил вскоре сместился в пользу хитроумного брата Саладина аль-Адила. Он контролировал Джазиру (северо-западная часть Месопотамии), но дипломатическое чутье и опыт политического и военного стратега позволили ему обойти племянников. Возвышению аль-Адила в немалой степени способствовала некомпетентность аль-Афдаля в Дамаске. Там отпрыск Саладина быстро восстановил против себя самых доверенных советников своего отца и к 1196 году уже не мог править Сирией. Действуя, по крайней мере официально, как представитель Утмана, аль-Адиль в том же году захватил власть в Дамаске, а аль-Афдаль отправился в ссылку в Джазиру. Когда в 1198 году Утман умер, аль-Адиль взял на себя контроль над Египтом, и к 1202 году аль-Захир признал верховенство своего дяди.

В первой половине XIII века львиная доля империи Айюбидов находилась в руках аль-Адила и его прямых потомков, а аль-Захир сохранил контроль над Алеппо. Аль-Адиль правил как султан и назначил трех своих сыновей эмирами в регионах: аль-Камиля в Египте, аль-Муаззама в Дамаске и аль-Ашрафа в Джазире. Иерусалим играл второстепенную роль в делах Айюбидов и совершенно определенно не был столицей. Несмотря на его духовную важность, изолированное положение города в Иудейских холмах означало, что его политическое, экономическое и стратегическое значение было ограниченным. Хотя аль-Адиль и его преемники постоянно предпринимали попытки поддерживать в порядке и украшать святыне места, город в целом был заброшен. Да и джихад против франков как-то сам по себе приостановился, хотя Айюбиды, как и раньше, не брезговали пылкими речами о священной войне.

По сути, аль-Адиль принял в высшей степени прагматичный подход к взаимоотношениям с Утремером. Частично это произошло потому, что существовала более серьезная угроза со стороны других врагов: Зангидов Месопотамии и сельджуков Анатолии, а также восточных христиан Армении и Грузии. Придя к власти, аль-Адиль согласился на ряд перемирий с франками, которые действовали в первые годы XIII века (1198—1204, 1204—1210, 1211—1217) и широко поддерживались. Став султаном, аль-Адиль поддерживал и торговые связи с Венецией и Пизой.

Несмотря на относительно сдержанный характер отношений между мусульманами и латинянами, Айюбиды, вероятно, не отказались бы от дальнейших территориальных приобретений за счет Утремера, если бы не отдельные дополнительные моменты в истории крестоносных государств и всего Ближнего Востока⁹.

Военные ордены

В ходе XIII века религиозные организации, сочетавшие рыцарство и монашество, — военные ордены — стали играть более важную роль в истории Утремера. Проблемы, с самого начала тревожившие государства крестоносцев, — изоляция от Запада и нехватка людских и материальных ресурсов — только усилились после Третьего крестового похода. Распространение крестоносного движения на Иберийский полуостров и Прибалтику, ведение священной войны против папских врагов и еретиков, направление средств на защиту нового государства — латинской Романии — все это усилило затруднения франкского Леванта. Такое же влияние оказывала эндемическая политическая раздробленность в государствах крестоносцев.

На этом фоне тамплиеры и госпитальеры заняли подобающее им место, и к этим двум хорошо организованным орденам присоединился третий — Тевтонский. Этот орден был основан во время Третьего крестового похода, когда германские крестоносцы около 1190 года создали в районе

Акры полевой госпиталь. В 1199 году папа Иннокентий III подтвердил их статус нового рыцарского ордена, который был самым тесным образом связан с династией Гогенштауфенов и Германией. В последующие годы тевтонские рыцари, как тамплиеры и госпитальеры до них, постепенно военизировались. К этому времени тамплиеры обычно носили белые накидки с красным крестом, госпитальеры — черные накидки с белым крестом, а тевтонцы выбрали для себя белые накидки с черным крестом.

В результате роста своего военного, политического и экономического могущества эти три ордена стали опорой латинского Востока, и их бесценный вклад в выживание Утремера был очевидным, когда в Акру прибыл Жак де Витри. Влияние каждого из орденов было тесно связано с папской поддержкой, поскольку таким образом они сохраняли независимость от местной церковной и политической юрисдикции, а также освобождение от налогов. Ордены получали щедрые благотворительные дары от европейской знати и имели крупные надельные земли на Западе. Кроме того, у каждого из орденов была земля на Кипре.

Их высокая популярность и наднациональный статус позволили орденам активно привлекать новых членов (и таким образом снабжать Утремер людской силой) и направлять богатства с Запада на войну за Святую землю. Треть своего дохода они отправляли на Восток. К концу XII века ордены создали такую сложную и надежную международную систему управления финансами, что, по сути, стали банкирами Европы и крестоносного движения. Именно тогда появились прародители современных чеков — стало возможным вложить деньги на Западе, получить кредитное письмо и потом обналичить его на Святой земле.

Военная роль орденов также еще более усилилась. Тамплиеры и госпитальеры могли при необходимости направить для участия в военных действиях по 300 рыцарей и 2 тысячи сержантов. Иными словами, в случае войны их вклад зачастую составлял половину или даже больше франкской боевой мощи. Их хорошо обученные и прекрасно оснащенные воины хотели и могли служить весь год, а не только ограни-

ченный период времени, как обычная феодальная армия. Сохранившиеся экземпляры «Правил» (письменного устава), которые регулировали жизнь членов орденов, показывают, как много внимания уделялось строгой и абсолютной дисциплине в поле. Правила тамплиеров, к примеру, обеспечивали подробные указания относительно всего, от марша до разбивки лагеря и обеспечения продовольствием, причем основной акцент делался на строгом подчинении приказам и согласованности действий. Последнее являлось главной предпосылкой успеха и выживания тяжеловооруженных рыцарских армий. Прегрешения сурово карались. Провинившиеся могли быть временно лишены своего облачения и закованы в кандалы или даже исключены из ордена.

В общем, могущество трех главных военных орденов было большим и несомненным. Но в XIII веке существовал также ряд трудностей и опасностей. С ослаблением королевской и княжеской власти в Акре и Антиохии у военных орденов возросла возможность преследовать собственные цели, равно как и потенциал для пагубного соперничества между ними. Тамплиеры и госпитальеры, к примеру, поддерживали разные стороны во время спора о наследовании антиохийского престола. Более широкая роль орденов на других театрах военных действий, в том числе активное участие тевтонских рыцарей в событиях на балтийской границе, также влияла на функционирование левантийской военной машины.

Со временем поток всевозможных даров и пожертвованных латинских покровителей орденам уменьшился. Частично это было связано с переменой отношения к религиозной жизни, но также со спадом общего интереса на Западе к судьбе Утремера. Поскольку военные ордены находились на передовой священной войны и десятилетиями являлись получателями щедрых даров латинского христианского населения, им также адресовалась суровая критика, когда в борьбе против ислама христиане терпели неудачи. В целом эти последние соображения стали играть важную роль только после 1250 года, но даже тогда тамплиеры, госпитальеры и тевтонцы все еще сохранили доступ к большим резервам людской силы и богатств¹⁰.

Замки крестоносцев

В XII и XIII веках военные ордены стали тесно ассоциироваться с великими ближневосточными замками, поскольку к 1200 году они были единственными силами в Леванте, которые могли позволить себе непомерные расходы на строительство и содержание замков и которые имели людей для обеспечения крепостей гарнизоны. В результате больших территориальных потерь, понесенных после 1187 года, замки стали играть еще более важную роль в защите раздробленных и уязвимых остатков государств крестоносцев. А сократившееся число франкских поселенцев в Леванте также увеличило их зависимость от физической защиты, предоставляемой фортификационными сооружениями.

Ни один средневековый замок не был полностью неприступным, да и крепость не могла остановить армию вторжения. Но замки помогали военным орденам доминировать на отдельных участках территории и защищать границы; они также служили относительно безопасными аванпостами, откуда можно было устраивать набег и начинать наступления, и функционировали как административные центры. В XIII веке, однако, под их контролем оказалось намного меньше земли, чем раньше, и христианам приходилось рассчитывать на меньшее число крепостей, которые или располагались у моря (чтобы облегчить снабжение), или имели высокоразвитую систему защиты. При таких условиях только военные ордены могли развивать и удерживать замки достаточных размеров и силы.

В первой половине XIII века все три главных ордена тратили много средств и энергии или на модификацию и расширение существующих замков, или, как в случае с могучей тевтонской крепостью Монфор (расположенной в глубине материка относительно Акры), на постройку новых крепостей. Начиная с 1160 года франки начали строить крепости с более чем одной линией укреплений — так называемые «концентрические замки», — но этот подход достиг новых высот после 1200 года. Большие сдвиги произошли и в каменной технике. Появилась возможность возводить более

прочные (но в архитектурном отношении более сложные) круглые оборонительные башни и скошенные стены, чтобы предотвратить подкопы. Кроме того, усовершенствования в дизайне сводчатых потолков позволили латинянам сооружать массивные складские помещения и конюшни, необходимые для снабжения крупных гарнизонов. Во время золотого века строительства замков военные ордены соорудили самые передовые укрепления Средневековья*.

После прибытия в Левант Жак де Витри, новый епископ Акры, в начале 1217 года объехал множество крепостей и описал свои впечатления в письме. Самой впечатляющей, по мнению де Витри, оказалась крепость Крак-де-Шевалье, расположенная на южном краю гор Ансария. Во владении госпитальеров она находилась с 1144 года. Крепость считалась грозным бастионом, во многом благодаря своему географическому положению на краю крутого горного склона. Саладин не делал попыток осадить крепость после победы при Хаттине. В начале XIII века госпитальеры провели масштабную перестройку (возможно, она шла и во время визита де Витри), и, когда все изменения и усовершенствования были завершены, Крак стал почти совершенной крепостью, вмещающей гарнизон из 2 тысяч человек.

Замок, сохранившийся до сегодняшнего дня, — возможно, самый зрелищный памятник эры Крестовых походов. Он построен из известняка и поражает элегантной красотой пропорций. Великолепное мастерство строителей говорит о той же приверженности безупречной точности и совершенству архитектурных деталей, которые мы видим в массивных готических соборах, построенных в Западной Европе примерно в это же время. Его сложная оборонительная система включает две линии стен с внутренним рвом и внешней цепью круглых башен и коробчатых навесных бойниц (выступаю-

* Главная крепость тамплиеров замок Пилигримов (Атлит) была построена в 1218 году с помощью и по инициативе латинских паломников. Говорят, что она вмещала 4 тысячи человек. Сейчас она в разрушенном состоянии, однако служит израильской военной базой и потому закрыта для посещения. В начале XIII века орден также перестроил главную внутреннюю крепость Сафед в северной части Галилеи.

щих вперед конструкций, которые облегчают лучникам и другим защитникам ведение огня). Вход в замок через тесный, идущий вверх наклонный туннель с многочисленными воротами и ловушками. Качество каменной кладки представляется исключительным — известняковые блоки вырезаны с такой точностью, что не видно строительного раствора¹¹.

Торговля и экономика Утремера

Военные ордены и замки, такие как Крак-де-Шевалье, конечно, помогали поддерживать оборонительную целостность Утремера, однако продолжительное выживание государств крестоносцев в действительности напрямую связано с другим фактором, лежащим отнюдь не в военной сфере, — с торговлей. Франки, осевшие на Востоке, поддерживали торговые связи с другими государствами Леванта на протяжении всего XII века, но после Третьего крестового похода масштаб, размах и важность этих связей возросли. Со временем соседствующие латинские и исламские государства Ближнего Востока установили настолько тесные связи коммерческой взаимозависимости, что мусульмане Сирии и Египта предпочли позволить им сохранить свой небольшой плацдарм на побережье, чтобы не рисковать разрывом торговых отношений и снижением дохода.

Франкский контроль над сирийскими и палестинскими портами — воротами к средиземноморской торговле — оказался жизненно важным в этом отношении. Другие более широкие силы тоже работали на благо Утремера. До XIII века египетский порт Александрия функционировал как экономический центр торговли между Востоком и Западом. После 1200 года, однако, структура и поток коммерческого транспорта постепенно изменились. Завоевание латинянами Константинополя в 1204 году повлияло на распределение рынков, и, что еще важнее, пришествие монголов возродило сухопутные маршруты из Азии. Латинский Восток был получателем чистого дохода от этого процесса, в то время как Египет постепенно утратил свое господствующее положение. Алексан-

дрия продолжала вести оживленную торговлю ценными грузами из Индии, в том числе специями, такими как перец, корица и мускатный орех, а также лекарствами и такими снабдоями, как имбирь, алоэ и листья сенны. Египет также оставался главным поставщиком в Европу квасцов (необходимый компонент для дубления кожи). Но в остальных отношениях Утремер стал главным центром торговли Леванта.

Латиняне жили на Востоке уже больше века, и у них было время, чтобы создать и укрепить сложные и разветвленные транспортные сети и связи, необходимые, чтобы развить эту возможность. А экономическая живучесть государств крестоносцев в этот же период получила серьезное подспорье в виде создания и усовершенствования высокодоходного промышленного производства таких товаров, как сахарный тростник, шелк, хлопок, сырье для которых выращивалось также на латинских восточных территориях. Товары отправлялись на Запад и там продавались. Также производилась стеклянная посуда.

Все это означало, что в ходе XIII века такие франкские города, как Антиохия, Бейрут, Триполи и Тир, процветали. Хотя, несомненно, главным торговым центром Утремера была Акра. После Третьего крестового похода Акра стала новой столицей франкской Палестины и королевской резиденцией. В «старом» городе XII века собственную часть имели все ведущие силы королевства — от тамплиеров, госпитальеров и тевтонских рыцарей до итальянских купцов Пизы, Венеции и Генуи, причем многие из них стали окруженными стенами анклавными, в которых были многоэтажные здания. В городе также было много рынков, в том числе крытых — для защиты от летнего зноя, и других строений промышленного назначения. Сахарный завод Акры был разрушен Айюбидами в 1187 году, но стекольное и металлургическое производства остались, равно как и улица кожевников, а в генуэзском квартале располагался завод по производству высококачественного мыла.

До 1193 года в черте города, то есть в окружении городских укреплений, были большие открытые пространства, особенно с сухопутной стороны города на севере и востоке, вдали от напряженной морской стороны и доков. Акра ста-

ла плотно населенным урбанизированным центром, что со временем привело к продлению главных стен в северном направлении, чтобы защитить ими пригород, известный как Монмусар. И, несмотря на то что многие части города имели удивительно хорошо развитую систему сбора сточных вод, интенсивное развитие означало, что плотно заселенная метрополия стала сильно загрязняться, а значит, появилась опасность инфекционных болезней и эпидемий. Значительная часть отходов Акры, в том числе с королевской бойни и рыбного рынка, сливалась в гавань, которая со временем получила название «Лордемер» — грязное море. К середине XIII века ситуация настолько усугубилась, что в церкви, расположенной в венецианском квартале, пришлось наглухо закрыть главные окна, выходящие в порт, чтобы на алтарь не дул зловонный ветер.

В Акре поселился Жак де Витри, новый латинский епископ. Он нашел Акру погрязшей в безнравственности и беззаконии, назвал ее «вторым Вавилоном», «ужасным городом, полным бесчисленных позорных сцен и дурных дел». А людей он посчитал «интересующимися только услаждениями плоти». Жака привел в замешательство космополитический характер порта. Старофранцузский язык все еще был главным языком общения в торговле, но кроме него купцы в Акре говорили на множестве других западных языков — португальском, английском, итальянском и немецком, которые смешивались с языками Леванта, образуя неповторимые сочетания.

В XIII веке Акра стала местом встречи Востока и Запада. Таков был один из аспектов новой роли Акры — ведущего города-пакгауза Средиземноморья, склада, куда стекались грузы со всего Ближнего Востока до отправки на Запад. Акра также стала воротами для постепенно увеличивающегося объема торговых грузов из Европы на Восток.

Через город проходил довольно большой ассортимент грузов. Сырье — шелк, хлопок, льняные волокна — поступало в кипах из местных центров производства в Палестине и в других городах, например занятом мусульманами Алеппо. Шла торговля и готовыми продуктами, к примеру шелковой

одеждой, изготовленной в Антиохии. Многие товары использовались в самой Акре и отправлялись на более удаленные рынки: например, сахарный тростник с палестинских плантаций, вино из Галилеи, Латакии и Антиохии; фиги из долины Иордана. Кальцинированная сода, производимая в районах большой концентрации солончаков (например, на побережье), чтобы обеспечить щелочную золу, использовалась при окраске текстиля и производстве мыла. Она также необходима при производстве стекла, причем в стекольном производстве мог также использоваться великолепного качества песок из реки Белус.

Характерной чертой для XIII века стал рост количества товаров, отправляемых с Запада на Восток. Латинские купцы все чаще отправлялись на мусульманские территории, чтобы торговать шерстяными вещами (в первую очередь из Фландрии) и шафраном (это единственная западная специя, нашедшая рынок на Востоке), к примеру, в Дамаске, прежде чем вернуться в Акру с грузом шелка, драгоценных и полудрагоценных камней.

Обычно за год в Акре имело место два периода напряженной активности — перед Пасхой и в конце зимы, когда основная масса судов приходит с Запада, привозя массу торговцев и путешественников. В это время в порту полно менял, обменивавших деньги, и зазывал, предлагающих приезжим жилье или экскурсии по городу. В этот порт уже давно прибывали христианские паломники, следовавшие на Святую землю, но, поскольку Иерусалим и многие другие святые места после Третьего крестового похода оказались недоступными, Акра стала местом паломничества сама по себе. В городе было около 70 церквей, святилищ и госпиталей для нужд паломников, и в лавках велась оживленная торговля предметами культа местного производства — рисованными иконами и т. д. Акра также стала главным центром книгоиздания на латинском Востоке, где в помещении для переписки работали лучшие мастера той эпохи, копировавшие труды по истории и литературе для богатых клиентов¹².

Благодаря широкой коммерческой деятельности Акра была одним из самых оживленных городов на латинском Востоке.

История города также является подтверждением того факта, что международная торговля — основная деятельность, помогшая Утремеру выжить в XIII веке.

Глава 20 НОВЫЕ ПУТИ

Пока экономические силы продолжали влиять на жизнь Утремера, Западная Европа готовилась к новому крупному наступлению в войне за Святую землю — кампании, задуманной и провозглашенной папой Иннокентием III, получившей название Пятого крестового похода. Его время было выбрано так, чтобы совпасть с окончанием последнего перемирия с Айюбидами, заключенного в 1217 году. Самым могущественным ее участником был Фридрих II (внук Фридриха Барбароссы, участника Третьего крестового похода). Он родился в 1194 году и, будучи наследником династии Гогенштауфенов, мог претендовать на мощную Германскую империю и богатое Сицилийское королевство. Но внезапная смерть его отца Генриха VI в 1197 году оставила маленького принца в состоянии некоторой неопределенности, и Фридрих вырос на Сицилии, в то время как другие претенденты на германский трон — в Германии.

Достигнув совершеннолетия в 1208 году, Фридрих был возведен на сицилийский престол. Считая юного монарха надежной и сговорчивой пешкой, Иннокентий III решил поддержать претензию Фридриха на корону Германии, и в 1211 году молодой принц стал королем. Его королевский статус позднее был подкреплён пышной церемонией коронации в Ахене — традиционной резиденции власти — в 1215 году. В это время Фридрих II дал две клятвы: клятву крестоносца и обещание не осуществлять одновременного правления Германией и Сицилией, передав правление Сицилийским королевством своему маленькому сыну Генриху (VII). После этого папа Иннокентий поверил, что он обеспечил бесценную поддержку священной войне, а Риму — защиту от окружения Гогенштауфенами. Папа Иннокентий умер, веря, что

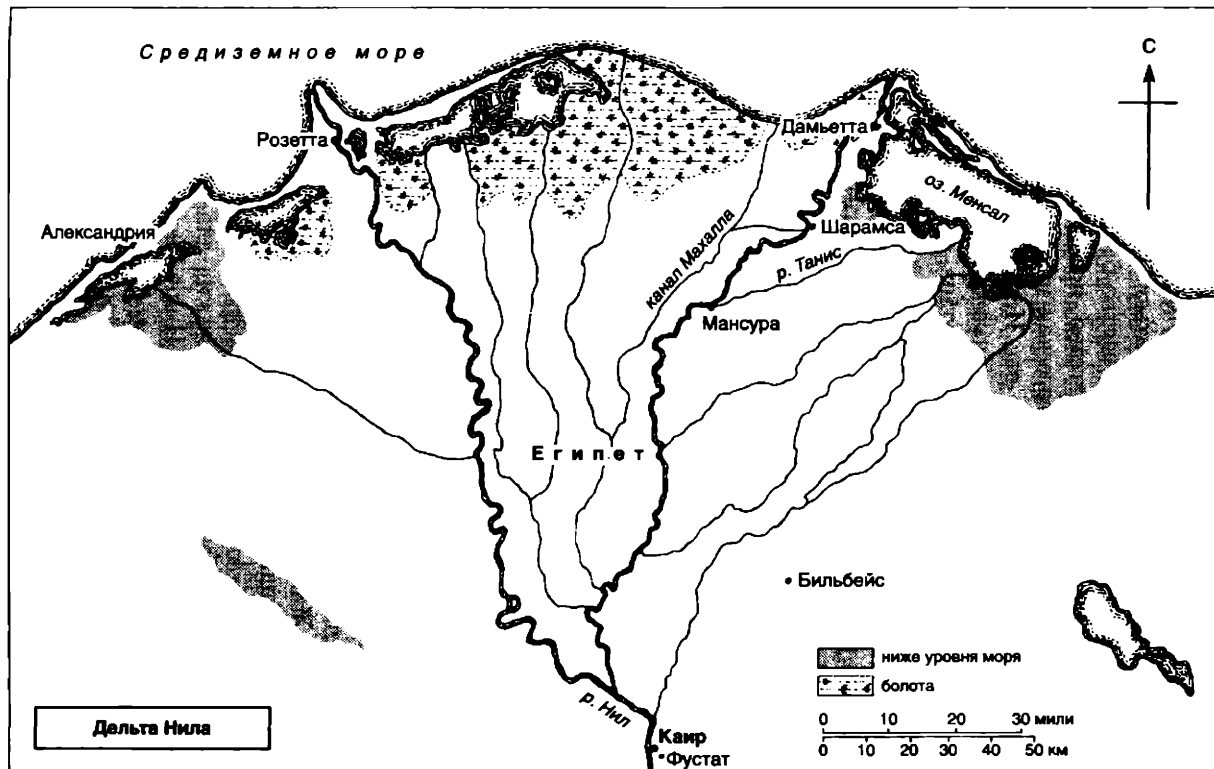
все будет именно так, но события показали, что он глубоко заблуждался. Вскоре стало ясно, что Фридрих II намеревается создать объединенное королевство Гогенштауфенов — на самом деле он желал править великой и обширной христианской империей, сила и мощь которой превысят все, что до сих пор существовало в Средние века. Его потрясающая карьера бросит длинную тень на движение крестоносцев¹³.

В 1216 году, когда папа Иннокентий III умер и к власти пришел его преемник Гонорий III, Фридрих начал действовать в своих интересах. Его первой целью стало получение императорского титула — для чего требовалось участие папы в коронации, — чтобы не уступать контроль над Сицилией. Для убеждения Гонория в сомнительных достоинствах этого мероприятия Фридрих использовал в качестве рычага свою клятву крестоносца, дав понять, что примет участие в кампании, только став императором. Последовали продолжительные и искусные переговоры, оставившие привлекательную, но потенциально разрушительную перспективу участия Фридриха в Крестовом походе висящей в воздухе.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Пока Фридрих II и папа Гонорий договаривались об условиях, первые отряды крестоносцев из Австрии и Венгрии начали прибывать в Палестину. В 1217 году латиняне совершили три нерешительные вылазки на территорию Айюбидов, но эти «ложные выпады» были только прелюдией к основной экспедиции. С началом лета 1217 года фрисландские и германские крестоносцы, среди которых был германский проповедник и ученый Оливер Падерборнский, были готовы для полномасштабной атаки. В ней приняли участие: Жан де Бриенн (теперь предъявлявший права на иерусалимскую корону), военные ордены, франкские бароны Леванта и Жак де Витри, епископ Акры. К началу 1218 года Пятый крестовый поход был готов к постановке новой цели.

Официальной целью кампании было возвращение Иерусалима. Его необходимо было отобрать у султана Айюбидов

аль-Адила. Но франки предпочли не выступать против мусульманской Палестины. Вместо этого, по словам Жака де Витри, «мы планировали направиться в Египет, где плодородная земля и несчетное количество богатств, от которых сарацины черпают силу и богатство, позволяющие им удерживать нашу землю. После того как мы захватим ту землю, мы с легкостью вернем себе все Иерусалимское королевство». Эта стратегия явно перекликалась с планами Ричарда Львиное Сердце в начале 1190-х годов, и, если верить некоторым его лидерам, Четвертый крестовый поход, до того как экспедиция повернула на Константинополь, тоже должен был ударить по Нильскому региону. Египетское наступление с самого начала присутствовало и в концепции нового Крестового похода папы Иннокентия III¹⁴.

Первоначальной целью христиан стал город Дамьетта, расположенный в 100 милях (161 км) к северу от Каира, — аванпост, который Оливер Падерборнский назвал «ключом ко всему Египту». Крестоносцы прибыли в Северную Африку на кораблях в мае 1218 года, высадились на западной стороне главного рукава дельты Нила, в месте, где он впадает в Средиземное море. Сильно укрепленный город Дамьетта располагался на небольшом расстоянии от места высадки, но в глубине материка, между восточным берегом Нила и большим внутренним соленым водоемом, известным как озеро Менсал. Согласно записям Оливера, метрополия была защищена тремя рядами укреплений, с широким и глубоким рвом, расположенным за первой стеной, а также цепью из двадцати восьми башен, укреплявших вторую стену.

Выбрав Жана де Бриенна лидером, крестоносцы разбили лагерь на западном берегу реки напротив города. Тем временем сын аль-Адила аль-Камиль, эмир Египта, вывел свои силы к северу от Каира и расположил для наблюдения за Дамьеттой на восточной стороне Нила. Первой задачей, которую предстояло решить франкам, было обеспечение свободного доступа к воде. Путь им блокировала прочная цепь, протянутая между городом и укрепленным островом, известным как Башня Цепи, в середине Нила. Цепь не позволяла судам подниматься вверх по реке (а часть Нила между Баш-

ней и западным берегом стала настолько засоленной, что была непроходимой). В течение лета крестоносцы сделали ряд бесплодных попыток захватить Башню, обстреливая ее и используя брандеры. Через некоторое время изобретательный Оливер Падерборнский придумал нечто вроде плавучей осадной башни, состоявшей из двух кораблей с подъемными мостами, управляемыми системами блоков, которую описал как «деревянное сооружение, подобного которому еще не видели на море». Франки использовали ее при штурме 24 августа 1218 года, который оказался успешным. Перерубив цепь, крестоносцы обеспечили себе доступ к воде.

Франкам тем летом везло. Их нападение на Египет стало аль-Адила врасплох. Оно также совпало с отвлекающей, пусть даже совершенно неэффективной попыткой сына Саладина аль-Афдаля установить контроль над Алеппо с помощью сельджуков Анатолии. Потратив лето на стабилизацию положения в Сирии, аль-Адиль возвращался в Египет, но по пути заболел и 31 августа умер. Услышав эту новость, крестоносцы решили, что султана убил шок из-за их последних успехов. Аль-Адиль был великим поборником дела Айюбидов, но, хотя его кончина ослабила ислам, до краха мусульманского сопротивления все же было еще далеко. Аль-Камиль был готов занять место отца — единственный вопрос заключался в том, поддержат ли его братья — аль-Муаззам в Дамаске и аль-Ашраф в Джазире. Если нет, аль-Камилю предстояло решить, какое дело следует считать приоритетным — сопротивление крестоносцам или обеспечение своего господства над империей Айюбидов¹⁵.

Кардинал Пелагий

В конце лета 1218 года Пятый крестовый поход быстро терял импульс. В основном это произошло из-за новой черты кампании. Благодаря административным и финансовым реформам папы Иннокентия III экспедиция была относительно неплохо обеспечена и имела обширный флот поддержки. Это означало, что крестоносцы могли вернуться в

Европу, не испытывая особых трудностей, по мере прибытия им на смену свежих войск из Европы. На первый взгляд практика казалась разумной, потому что она помогала армии крестоносцев восстанавливать силы благодаря притоку людской силы. Однако на самом деле она имела пагубное влияние на мораль тех франков, которые оставались на линии фронта, и препятствовала развитию и установлению дружеских связей между крестоносцами, что было очень важно, исходя из опыта прежних кампаний.

Прибытие и отъезд новых латинских контингентов также привнесли изменения в командование и связанные с этим сдвиги в стратегическое мышление. В конце лета 1218 года многие немцы и фрисландцы отправились домой. В это же время в Северную Африку вместе с крестоносцами из Англии, Франции и Италии прибыл испанский церковник Пелагий, кардинал-епископ Альбано. Пелагий, человек сильный и упорный, прибыл на осаду Дамьетты в качестве папского легата для реализации возлагаемой Иннокентием надежды на возглавляемый церковью Крестовый поход. Некоторые современные историки описали его далеко не лучшим образом: один из авторов заявил, что кардинал был «безнадежно недальновиден и тупо упрям». Также было выдвинуто предположение, что кардинал принял командование Пятым крестовым походом. Ни одно из этих мнений не является до конца верным. На самом деле авторитет и влияние Пелагия росли постепенно, и, по крайней мере вначале, он весьма эффективно сотрудничал с другими лидерами, такими как де Бриенн. Церковное лидерство кардинала также помогло пробудить новое чувство религиозной преданности в армии, подняло настроение и моральный дух людей. Это являлось важным фактором, поскольку испытания ожидали нешуточные.

В месяцы после прибытия Пелагия латиняне столкнулись с проблемой, с которой приходилось бороться и многим армиям крестоносцев до них: зимняя осада. Собравшись на западном берегу Нила, напротив Дамьетты, они испытывали много мучений. В ночь на 29 ноября разыгрался такой сильный шторм, что волнами залило лагерь франков, так что, проснувшись, крестоносцы находили в своих палатках рыбу.

Скудная пища привела к вспышке цинги. Оливер Падерборнский и Жак де Витри описывали страдания заболевших. Утверждали, что христиане больше не могли видеть песок и мечтали о возможности посмотреть на поле зеленой травы. Конечно, население Дамьетты тоже страдало, равно как и аль-Камиль в своем лагере на юге. В начале 1219 года он был вынужден вернуться в Каир, чтобы помешать попытке государственного переворота, но своевременное прибытие его брата аль-Муаззама ликвидировало опасность, и аль-Камиль смог вернуться к осаде раньше, чем франки успели воспользоваться преимуществом¹⁶.

Тупик

Первые восемь месяцев 1219 года ситуация оставалась тупиковой. Крестоносцы достаточно хорошо закрепились на своем берегу Нила, чтобы не опасаться атаки, но им не хватало людской силы и ресурсов, чтобы сломить оборону Дамьетты или вытеснить войска аль-Камиля с поля боя. Положение латинян ухудшилось, когда в мае еще одна группа войск вернулась на Запад. На протяжении большей части этого периода люди надеялись на скорое прибытие Фридриха II. Все крестоносцы, включая Пелагия, ожидали появления монарха из дома Гогенштауфенов во главе большой грозной армии, которая моментально сломит любое сопротивление Айюбидов. Проблема заключалась в том, что Фридрих все еще находился в Европе и спорил с Римом относительно коронации, и до Египта дошли слухи, что он не присоединится к крестоносцам до марта 1220 года — и это еще в самом лучшем случае. Жак де Витри, вспоминая о настроении армии, написал: «Большинство наших людей находились во власти отчаяния»¹⁷.

В этот период театр военных действий в Египте посетил самый странный визитер за всю историю крестовых войн. Летом 1219 года в лагерь христиан прибыл Франциск Ассизский, святой, проповедовавший принципы крайней бедности и страстной веры. Он проделал путь в Египет в лохмотьях святого человека, веря, что может принести миру мир

(и успех Крестовому походу), обращая мусульман в христианство. Святой Франциск явился в лагерь мусульман для переговоров и попросил удивленных египтян отвести его к аль-Камилю. Приняв его за безумного, но безобидного попрошайку, они согласились. Во время последовавшей странной аудиенции аль-Камиль вежливо отклонил предложение Франциска продемонстрировать могущество христианского Бога, пройдя сквозь огонь, и святой был вынужден вернуться восвояси ни с чем.

Несмотря на интересную «дополнительную программу», положение в Египте было серьезным. Урожай в дельте всегда был тесно связан с небольшими колебаниями в ежегодном разливе Нила. В том году река не сумела подняться над берегами во многих районах, и это вызвало резкий рост цен на зерно, а также нехватку продовольствия. К сентябрю аль-Камиль признал, что измученный гарнизон Дамьеты находится на грани краха, и потому предложил крестоносцам условия перемирия. В обмен на снятие блокады он обещал возвращение франкам Иерусалима и большей части Палестины и, возможно, также Истинного креста. Замки Керак и Монреаль оставались у Айюбидов, но в качестве компенсации мусульмане обещали весьма привлекательную ежегодную дань.

Это невероятное предложение подтвердило, что настоящие приоритеты Айюбидов находились в Египте и Сирии, а не в Палестине. Предложение вернуть христианам Святую землю вдохнуло новую жизнь в Иерусалимское королевство и весь Утремер. Однако в этот критический момент появились первые явные признаки разногласий между лидерами экспедиции. Жан де Бриенн и Тевтонский орден высказались за заключение договора с мусульманами. Их поддержали многие крестоносцы. Но в конце концов верх одержали взгляды кардинала Пелагия, одобренные тамплиерами, госпитальерами и венецианцами, и предложение аль-Камиля было отвергнуто. Были высказаны законные опасения, касающиеся жизнеспособности Франкского королевства, лишённого трансйорданских крепостей Керак и Монреаль, которые были так же важны и для аль-Камиля, надеявшегося с

их помощью сохранить в безопасности коммуникации между Египтом и Дамаском. Венецианцы могли также быть больше заинтересованными в коммерческом потенциале Дамьетты, чем в возвращении Иерусалима. Но ключевым соображением, стоявшим за решением Пелагия, была искренняя вера в то, что появление Фридриха II даст возможность получить более выгодные условия.

Переговоры окончились ничем, и в конце лета еще несколько групп крестоносцев отбыли на Запад; им на смену прибыли другие, что вовсе не способствовало укреплению порядка в христианской армии. В начале ноября 1219 года аль-Камиль сделал последнюю попытку вытеснить франков, начав большое наступление, однако его войска были отброшены. К этому времени население Дамьетты находилось в тяжелейшем положении. В ночь на 5 ноября итальянские крестоносцы заметили, что одна из городских башен, уже частично разрушенная, осталась без охраны. Бросившись вперед с осадной лестницей, они поднялись на стену и очень скоро позвали остальных следовать за ними. В городе латиняне увидели страшное зрелище. Оливер Падерборнский записал, что они «обнаружили улицы, заваленные телами мертвых, умерших от болезней и голода». Когда обыскали дома, там были найдены ослабевшие мусульмане, лежавшие на кроватях рядом с трупами. Осада, длившаяся восемнадцать месяцев, дорого обошлась защитникам города — десятки тысяч человек погибли. Тем не менее франки ликовали — они долго ждали этого успеха, да и добыча оказалась немаленькой — много золота, серебра, шелков. Жак де Витри тем временем надзирал за немедленным крещением выживших мусульманских детей¹⁸.

Когда аль-Камиль осознал, что Дамьетта пала, он поспешно отошел на сорок миль (64 км) к югу вдоль течения Нила и занял позиции в Мансуре. В этом случае у него было более чем достаточно времени, чтобы подготовить оборону, потому что, после того как ликование схлынуло, оказалось, что Пятый крестовый поход парализован нерешительностью. Острые споры вызвала дальнейшая судьба Дамьетты. Жан де Бриенн собирался потребовать город для себя, и позднее даже были

отчеканены монеты, утверждающие его права, однако Пелагий желал удержать Дамьетту (и львиную долю собранной добычи) для папства и Фридриха II. Постепенно было выработано временное компромиссное решение — Жан получил возможность править в городе до появления германского короля.

Более проблематичной стала выработка будущей стратегии. Крестовый поход повернул на Дамьетту, считая ее средством для достижения цели, но теперь следовало наметить следующие шаги. Можно ли использовать город как козырь для обеспечения возврата Святой земли на более привлекательных условиях, чем те, что были предложены? Или Пятый крестовый поход должен продолжиться в Египте — идти вверх по течению Нила, разбить силы аль-Камиля и захватить Каир?

Использовать победу

В беспрецедентной вопиющей нерешительности прошло полтора года. Крестоносцы оставались в Дамьетте, размышляли, что делать дальше, и ожидали явления Фридриха II. Жан де Бриенн покинул Египет — для того, чтобы добиться короны Киликийской Армении после смерти короля Левона I, а также чтобы проверить оборону Палестины против возобновившихся нападений мусульман аль-Муаззама. Шли месяцы, и Жан стал подвергаться жестокой критике за то, что не участвует в Крестовом походе.

Оставаясь в Дамьетте, Пелагий взял под контроль франкские армии и делал все от него зависящее, чтобы сохранить порядок. У кардинала была таинственная книга на арабском языке, предположительно данная крестоносцам сирийскими христианами. Ее перевели и зачитывали армии. Текст был, по сути, собранием пророчеств, написанных в IX веке, имеющих отношение к откровениям святого Петра. Книга вроде бы предсказала события Третьего крестового похода, а также падение Дамьетты. Она также объявляла, что Пятый крестовый поход добьется победы под предводительством величайшего

короля западного мира. Все это, конечно, звучало весьма фантастично, однако Оливер Падерборнский и Жак де Витри отнеслись к предсказанию очень серьезно. Пелагий постоянно ссылался на предсказания, чтобы оправдать свой категорический отказ от переговоров с Айюбидами и терпеливое ожидание прибытия Фридриха II¹⁹.

Наконец, 22 ноября 1220 года папа Гонорий III сдался перед настойчивостью Фридриха и помазал его как императора Германии. Взамен Фридрих вернулся к выполнению своей клятвы крестоносца. Приход весны 1221 года показался новым рассветом для Пятого крестового похода. В мае прибыла первая волна немецких крестоносцев под командованием Людвига Баварского, и, получив столь мощное подкрепление, Пелагий наконец принял решение идти на юг и атаковать новый, отлично укрепленный лагерь аль-Камиля в Мансуре. К несчастью для франков, кампания велась преступно неумело. Даже если выпадала удачная возможность, христиане медлили. Наступление началось только 6 июля 1221 года. На следующий день Жан де Бриенн вернулся в Египет и присоединился к Крестовому походу. Часть крестоносцев осталась защищать Дамьетту, но силы латинян все равно составляли около 1200 рыцарей, 4 тысячи лучников и множество прочих пехотинцев. Марш в южном направлении по восточному берегу Нила сопровождался также большим христианским флотом.

Проблема заключалась в том, что Пелагий практически не знал рельефа местности вокруг Мансуры и, судя по всему, не имел никакого понятия о гидрологии дельты Нила. Зато аль-Камиль выбрал место для лагеря тщательно и обдуманно. Расположенная к югу от соединения Нила и второстепенного притока — реки Танис, впадающей в озеро Менсал, база Айюбидов была практически недосыгаема. Кроме того, любая атакующая армия оказалась бы зажатой между двумя водными потоками. Приближался ежегодный августовский разлив Нила. Это означало, что, если крестоносцы будут продолжать мешкать, их наступление будет остановлено не мусульманами, а неукротимыми водами великой реки.

Возможно, именно для того, чтобы вызвать задержку, аль-Камиль повторил предложение мира на тех же условиях,

которые выдвигались в 1219 году. Ему было чрезвычайно выгодно тянуть время, поскольку он с нетерпением ждал прибытия подкрепления аль-Ашрафа и аль-Муаззама. Но, несмотря на споры и тревожные предупреждения от тамплиеров и госпитальеров о концентрации сил Айюбидов в Египте, Пелагий снова отказался вести переговоры, и Крестовый поход двинулся дальше. Трудно сказать, стал бы аль-Камиль соблюдать договоренность, будь она достигнута на этой стадии.

К 24 июля франки достигли селения Шарамса, расположенного в нескольких днях пути от Мансуры. Там они отбили атаку мусульман, что укрепило моральный дух крестоносцев. Но из-за предстоящего разлива Нила Жан де Бриенн посоветовал немедленно отступить к Дамьетте. Его совет был отвергнут Пелагием, который теперь, судя по всему, был уверен в победе христиан. А на самом деле они шли в хорошо подготовленную ловушку.

Продолжая двигаться на юг, франки не обратили внимания на небольшой приток, впадающий в Нил с запада. Это была большая ошибка. Вроде бы невинный «приток» на самом деле был каналом Махалла, водным потоком, который соединяется с Нилом к югу от Мансуры. Когда армия крестоносцев проследовала мимо со своим флотом, аль-Камиль выслал группу собственных судов, чтобы те вошли в Нил и заблокировали путь к отступлению, и даже затопил четыре судна, чтобы гарантировать непроходимость реки. К 10 августа христиане заняли позиции перед Мансурой — в вилке между Нилом и Танис. Примерно в это же время, однако, в Египет прибыли аль-Ашраф и аль-Муаззам и повели свои войска на северо-восток, таким образом заблокировав отход по суше. Вскоре после этого начался разлив Нила.

Положение участников Пятого крестового похода быстро стало невыносимым. Вода поднималась, флотом стало невозможно управлять, и перегруженные суда начали тонуть. Одно время рассматривался вопрос о создании укрепленного лагеря и ожидании подкрепления, но к вечеру 26 августа ситуация усугубилась настолько, что началось внезапное и хаотичное бегство. Дисциплину сохраняли только тамплиеры в арьергарде. В это время аль-Камиль приказал открыть

шлюзовые ворота, которые использовались, чтобы смирить великую реку, вода хлынула на поля, еще сильнее ухудшив положение франков. Земля так сильно размокла от воды, что франки проваливались в нее по пояс. Проведя день в бесплодных попытках продвинуться на север, Пелагий был вынужден смириться с реальностью и 28 августа 1221 года запросил перемирия.

После двух предложений вернуть христианам Иерусалим кардиналу и его сподвижникам ничего не оставалось — только принять унижительное полное поражение. Аль-Камиль относился к франкам с подчеркнутым уважением — он хотел побыстрее завершить неприятное общение с ними и в конце концов укрепить свою власть над Египтом. Тем не менее он потребовал немедленного возвращения Дамьетты и освобождения всех мусульманских пленных. Единственная уступка заключалась в том, что восьмилетнее перемирие между латинским христианством и Айюбидами не будет распространяться на недавно помазанного императора Фридриха II. 8 сентября аль-Камиль вошел в Дамьетту, восстановил свою власть над Нильским регионом, а франки покинули Египет с пустыми руками.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II

Сокрушительная неудача, которую в итоге потерпел Пятый крестовый поход, вызвала волну критики, в начале 1220-х годов прокатившуюся по всему латинскому христианскому миру. Кардинала Пелагия обвинили в неэффективном и неумелом руководстве — в основе некоторых его ошибок лежало идеализированное представление о направляемом церковью Крестовом походе папы Иннокентия III. Жан де Бриенн также подвергся осуждению за пренебрежение своим положением полевого командира и оставление армии крестоносцев на длительное время в Дамьетте. Но самым активным нападакам подвергся Фридрих II, великий император, который, несмотря на все свои обещания, так и не прибыл в Северную Африку. Даже в 1221 году он снова отложил свой отъ-

езд из-за политических беспорядков на Сицилии, а в конце лета, когда катастрофа на Ниле положила конец Пятому крестовому походу, действовать уже не было смысла²⁰.

Фридрих наглядно продемонстрировал, что приоритетными для него являются защита, укрепление и расширение империи Гогенштауфенов. Для средневекового монарха в этом не было ничего необычного. Схожие проблемы приходилось решать Генриху II и Ричарду I Львиное Сердце, а также Филиппу-Августу. С одной стороны, преданность своей стране и упорство Фридриха достойны всяческих похвал. Но после Пятого крестового похода на нового императора усилилось давление. Он должен был выполнить свою клятву и вступить в войну за Святую землю. Этого от него требовало общественное мнение, но особенно сильное давление оказывало папство. Гонорий III отчаянно стремился возобновить кампанию за возврат Иерусалима. Тем самым он рассчитывал смягчить собственную вину за неудачу в Дамьетте. Он также понимал, что Фридрих, теперь взявший в кольцо папские владения, представляет собой прямую и явную угрозу римскому суверенитету. Крестовый поход мог стать полезным и эффективным средством контроля над потенциальным врагом.

Stupor mundi

Фридрих II был одной из самых противоречивых фигур средневековой истории. В XIII веке сторонники называли его *stupor mundi* (чудо света), а враги — «зверем Апокалипсиса». Сегодняшние историки продолжают спорить, кем он все же был — тираническим деспотом или дальновидным гением, первым монархом, предвестником эпохи Возрождения. Фридрих обладал довольно-таки непривлекательной внешностью — пузатый, лысеющий, с плохим зрением. Но к 1220 году он был самым могущественным правителем христианского мира, императором Германии и королем Сицилии.

Одно время предполагалось, что Фридрих обладал отнюдь не средневековым и просвещенным подходом к управлению, религии и интеллектуальной жизни и что он привнес рево-

люционную перспективу в движение крестоносцев, трансформировав священную войну и судьбу Утремера одним махом своей могущественной руки. В действительности Фридрих вовсе не был радикалом ни как монарх, ни как крестоносец. Он вырос на Сицилии, где было местное арабское население и сохранялись давно установившиеся контакты с мусульманами. Поэтому он был знаком с исламом, немного знал арабский язык, держал на службе мусульманских телохранителей и даже имел гарем. Он обладал пытливым умом, проявлял интерес к науке и был страстным любителем соколиной охоты. Но идея поддержания культурного королевского двора была отнюдь не нова. Иберийские христианские короли Кастильи были, вероятно, даже более открытыми для мусульманского влияния в этот период. А Фридрих не всегда проявлял терпимость в отношении веры и христианских догм, жестоко подавил восстание сицилийских арабов в 1222—1224 годах и боролся с еретиками в своей империи.

И его современники, и ученые сегодняшнего дня утверждают, что новый император из династии Гогенштауфенов не проявлял интереса к священной войне. Но все же, несмотря на его неучастие в Пятом крестовом походе, Фридрих со временем доказал свою преданность делу крестоносцев. Но его подход к борьбе за господство на Святой земле был обусловлен твердым убеждением, что ему судьбой предназначено распространить свою императорскую власть на весь христианский мир. Возглавив Крестовый поход, Фридрих стремился исполнить то, что он считал естественной обязанностью христианского императора, и осуществить свое право вернуть священный город Иерусалим и управлять им²¹.

Император-крестоносец, иерусалимский король

В середине 1220-х годов папа Гонорий III неоднократно старался «привязать» Фридриха к новому крестоносному обету. Первоначально кампания должна была начаться в 1225 году, но в марте 1224 года император попросил об отсрочке из-за трудностей с обеспечением порядка на Сицилии. Терпение

папы уже почти иссякло, однако все же в Сан-Германо (северо-западная часть Италии) в июне 1225 года было заключено соответствующее соглашение. Договор содержал ряд строгих условий: Фридрих должен набрать армию из тысячи рыцарей и профинансировать их действия на Святой земле в течение двух лет; дополнительно он должен обеспечить 150 судов для транспортировки крестоносцев на Восток и снабдить Великого магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца 100 тысячами унций серебра. Самое важное, император обязывался под угрозой отлучения от церкви выступить в поход до 15 августа 1227 года. Фридрих принял все эти условия частично по собственной воле, желая все же совершить восточную кампанию, а частично стремясь завоевать поддержку особого крестоносного налога населением империи. Этот налог был в высшей степени непопулярным, поскольку многие опасались, что, как и в прошлом, вырученные суммы в конечном счете попадут в императорскую казну. Согласившись на заключенный в Сан-Германо договор, Фридрих давал понять, что на этот раз он исполнит клятву. Это дало ему поддержку подданных, но также заставило соблюдать опасно строгий регламент.

К этому времени император стал закладывать дипломатические основы своей экспедиции на Ближний Восток, для чего установил контакты с двумя правителями Леванта — Жаном де Бриенном и аль-Камилем, — причем оба верили, что смогут манипулировать Фридрихом к собственной выгоде. Они совершенно не рассчитывали на его хитрость и коварство политика и переговорщика, удивительную способность сочетать прагматизм и решительность. В начале 1220-х годов Жан де Бриенн все еще претендовал на титул короля Иерусалима, будучи регентом при своей малолетней дочери — Изабелле II, но столкнулся с сопротивлением склонных к независимости франкских баронов, которые теперь стали экспертами в области использования законов и традиций королевства для ограничения королевской власти. В 1223 году Жан согласился на брачный союз Изабеллы и императора Фридриха, уверенный, что поддержка Гогенштауфена укрепит его положение как короля. Союз был должным образом

оформлен в ноябре 1225 года на церемонии в Бриндизи (юг Италии), на которой присутствовал Жан и ведущие представители иерусалимской аристократии. К удивлению и досаде Жана, как только церемония завершилась, Фридрих заявил о своих правах на франкскую Палестину и страхом склонил латинскую знать подчиниться его власти. Такой поворот оставил Жана де Бриенна недовольным и лишенным всяческих прав, но он также переписал правила лидерства в Крестовом походе — в будущей экспедиции командовать предстояло человеку, совмещавшему «должности» крестоносца, германского императора и иерусалимского короля.

В 1226 году Фридрих также начал диалог с аль-Камилем, султаном Египта из Айюбидов, хотя не вполне понятно, какая из сторон явилась инициатором. Аль-Камиль вроде бы знал о планируемой экспедиции императора и, чтобы развеять возможную угрозу Нильскому региону, предложил необычный пакт. Как и его отец аль-Адиль, новый султан был более заинтересован в достижении дипломатического урегулирования с франками — тем самым обеспечивая их общие коммерческие интересы, — чем в ведении кровавого и разрушительного джихада. Положение аль-Камиля как главы конфедерации Айюбидов в 1226 году также было под угрозой. После Пятого крестового похода отношения с братом аль-Муаззамом, эмиром Дамаска, ухудшились, и аль-Муаззам сделал весьма резкий шаг — установил союз с хорезмийцами — бандой свирепых турецких наемников, вытесненных из Центральной Азии пришествием монголов и теперь действующих с севера Ирака. Чтобы уравновесить эту опасность, аль-Камиль предложил Фридриху ввести свои армии в Палестину и в обмен на обещание помощи против аль-Муаззама предложил вернуть латинянам Иерусалим. Чтобы уладить детали этого революционного соглашения, султан отправил одного из своих самых доверенных помощников — Фахр ад-Дина послом ко двору Гогенштауфена. Там он и Фридрих договорились об условиях, и император даже произвел Фахр ад-Дина в рыцари в знак дружбы²².

К 1227 году Фридрих был в полной боевой готовности. Он имел беспрецедентный военный и политический авторитет,

заключил многообещающий пакт с Айюбидами. Его германская и сицилийская армии в августе собрались в порту Бриндизи, готовясь отплыть на Святую землю, но произошло несчастье. В разгар летней жары в армии начала распространяться эпидемия (возможно, холеры). Поскольку перед Фридрихом маячила перспектива отлучения от церкви, он не мог позволить себе задержки, и поэтому погрузка на корабли началась по расписанию. Сам Фридрих отплыл 8 сентября вместе с высококородным и могущественным немецким аристократом Людвигом IV Тюрингским, но через несколько дней они оба заболели. Опасаясь за свою жизнь, император повернул обратно и пристал к берегу в Отранто (южнее Бриндизи). Не было никаких сомнений, что воцарившаяся паника вполне обоснованна и новая задержка необходима — Людвиг умер от болезни еще в море. Фридрих объявил, что возобновит свое путешествие в марте 1228 года, после того как выздоровеет; оставаясь на юге Италии, он отправил Великого магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца на Ближний Восток, чтобы наблюдать за прибывшими туда крестоносцами. Понимая, что в Риме события могут быть истолкованы не в его пользу, император также отправил посланника к папе²³.

Гонорий III умер в марте того же года, и его преемник Григорий IX был бескомпромиссным реформатором и защитником папских прерогатив, имевшим мало симпатий (если их вообще имел) к Гогенштауфенам. Он давно испытывал недоверие к Фридриху и теперь встретил новость о его очередной задержке активными действиями, а не пониманием. Воспользовавшись возможностью ограничить то, что он считал чрезмерной властью империи, он немедленно применил условия принятого в Сан-Германо соглашения и 29 сентября отлучил Фридриха от церкви. Это был суровый акт осуждения, особенно учитывая предполагаемый статус императора — монарха волею Божьей. Теоретически, по крайней мере, это отрезало Фридриха от христианского сообщества, и теперь верующие должны были сторониться его. Возможно, папа ожидал, что Фридрих будет искать примирения с церковью и отпущения грехов, подчинится Риму и признает папское превосходство.

На деле Фридрих не сделал ничего подобного. Отказавшись признать свое отлучение, он в апреле отправил Риккардо Филанджери, одного из своих ведущих военачальников, во главе 500 рыцарей в Палестину. 28 июня император последовал за ним — отплыл из Бриндизи с флотом из 70 судов. Он здорово рисковал, оставляя Сицилию не защищенной от хищнических нападок амбициозного и отнюдь не шепетильного папы, но теперь Фридрих был явно исполнен решимости довести дело до конца. Он прибыл на Святую землю, будучи самым могущественным монархом, когда-либо принимавшим крест, но одновременно отверженным, отлученным от церкви.

Фридрих II на Ближнем Востоке

В предшествующие месяцы события складывались не в пользу Фридриха. Казалось, судьба всячески старалась уменьшить его шансы на успех в Леванте. В конце 1227 года от приступа дизентерии умер аль-Муаззам, фактически ликвидировав надежды императора на союз с аль-Камилем. Затем в марте 1228 года при родах умерла молодая жена Фридриха королева Изабелла II Иерусалимская, дав жизнь сыну. Этот младенец, которого называли Конрад, стал наследником и империи Гогенштауфенов, и Иерусалимского королевства. Если говорить на юридическом языке, это ослабило позиции Фридриха в Палестине. Теперь он перестал быть супругом королевы, превратившись в регента при новорожденном наследнике. Все эти неприятности не заставили императора изменить свои намерения. 21 июля 1228 года он прибыл на Кипр и вновь подтвердил господство Гогенштауфенов на острове — право, впервые установленное его отцом в конце XII века. Фридрих отстранил от власти Жана Ибелина (который был регентом при юном короле Генрихе I), обвинив его в финансовых махинациях, и утвердил императорские права на королевские доходы Кипра. В начале сентября он отплыл дальше в Тир, а оттуда в Акру.

На материке статус отлученного от церкви доставлял Фридриху лишь незначительные трудности. Латинский патриарх

откровенно не желал сотрудничать, да и тамплиеры с госпитальерами не спешили поддержать военную кампанию императора, но это было, скорее всего, результатом возмущения из-за открытого предпочтения, отдаваемого Гогенштауфеном Тевтонскому ордену. Более тревожным стало уменьшение военных ресурсов. Проведя лето, помогая тевтонским рыцарям строить новый замок Монфор в горах восточнее Акры, существенная часть армии отплыла обратно в Европу. Не имея подавляющего превосходства в военной мощи, Фридрих предпочел вступить в переговоры, возобновив контакты с аль-Камилем и ведя прямой диалог с Фахр ад-Дином.

Учитывая смерть аль-Муаззама и происшедшее в результате изменение баланса сил в мире Айюбидов, аль-Камиль не желал выполнять свои обещания, данные императору, тем самым рискуя спровоцировать критику мусульман за ненужные уступки франкам. В то же время, однако, главной задачей султана было обеспечение полного контроля над Дамаском, а вовсе не дорогостоящая война с Фридрихом. Желая довести до сознания султана серьезность своих намерений, в начале 1229 года император направил оставшиеся в его распоряжении силы из Акры в Яффу, воспроизведя маневр Ричарда Львиное Сердце 1191 года. Давление начало сказываться, и в ходе переговоров Фридрих использовал все свое дипломатическое мастерство и все возможные аргументы, чтобы обеспечить урегулирование всех проблем и возвращение христианам Святого города. Он даже протянул руку «высокоинтеллектуальной» дружбы, начав с обсуждения вопросов науки и философии, но потом все равно стал грозить войной. Он настаивал на том, что для мусульман Иерусалим — всего лишь заброшенные руины, зато для христиан его святость всеобъемлюща. Утомленный спорами, думая больше о Сирии, чем о Палестине, аль-Камиль наконец согласился.

18 февраля 1229 года Фридрих согласовал условия с айюбидским султаном. В обмен на десятилетнее перемирие и военную помощь Фридриха в защите от всех врагов, даже христиан, аль-Камиль отдавал Иерусалим, Вифлеем и Назарет вместе с сухопутным коридором, соединяющим Святой

город с побережьем. Мусульмане должны были сохранить доступ к Харам ас-Шариф с собственным кади, чтобы надзирать за этим священным районом, но город им предстояло покинуть. Впервые за сорок лет церковь Гроба Господня снова переходила в руки христиан — отлученный император добился того, чего не смогли достичь армии крестоносцев после 1187 года, причем не пролив ни капли крови.

На первый взгляд может показаться, что это впечатляющее достижение идет вразрез с традициями, ниспровергает установившиеся принципы крестоносного движения, утверждает мир, отвергает войну. Именно так некоторые современные историки изображают возвращение Фридрихом Иерусалима — как доказательство проницательности и высоких душевных качеств императора. Такой взгляд основывается на упрощении и искажении фактов. Правда то, что Фридрих стал первым лидером крестоносцев, которому удалось добиться столь ценных приобретений посредством дипломатии, хотя переговоры играли немалую роль и в предыдущих кампаниях. Методы и цели Гогенштауфена сравнимы с методами и целями Ричарда Львиное Сердце во время Третьего крестового похода. Также стоит заметить, что, как и Ричарду, Фридриху надо было связать свои разговоры о перемирии с угрозой применения военной силы. Судя по всему, он обратился к дипломатии не из-за искреннего стремления избежать кровопролития, а просто потому, что это было самое подходящее в тот момент средство добиться цели.

После достижения в 1229 году договоренности события начали развиваться очень быстро. Мусульманский хронист описал, как «после заключения перемирия султан обнародовал весть о том, что мусульмане должны покинуть Иерусалим и передать его франкам. Мусульмане уходили с криками и плачем». Фридрих вошел в Иерусалим 17 марта 1229 года, посетил Купол Скалы и мечеть Аль-Акса в сопровождении мусульманского гида. В церкви Гроба Господня он гордо возложил собственными руками императорскую корону себе на голову в этакое церемониальное подтверждение собственного непревзойденного величия. Чтобы предать гласности и прославить свои достижения, в тот же день император на-

писал из Иерусалима письмо английскому королю Генриху III. В этом послании император уподобил себя ветхозаветному царю Давиду и заявил, что Бог возвысил его среди князей земных. После этого короткого визита император вернулся в Акру²⁴.

Если Фридрих ожидал, что его успех будет встречен ликованием, он ошибся. В своем письме патриарх Герольд назвал поведение императора «постыдным», утверждая, что его действия были произведены «в ущерб делу Иисуса Христа». Частично его гнев был вызван тем, что одностороннее соглашение Фридриха с Айюбидами было сформулировано «после долгих и таинственных совещаний и без участия местных франков». Вместе с тамплиерами и госпитальерами Герольд пожаловался на отсутствие контроля над значительным числом замков, чтобы защищать Святой город (многие из них раньше принадлежали военным орденам), и указал, что император не сделал ничего, чтобы обеспечить строительство фортификационных сооружений в Иерусалиме. За всеми этими нападками стоял нарастающий страх, что Фридрих пожелает установить свою власть над латинским королевством.

Возможно, император и желал навязать свою волю, но в это время до него дошли тревожные слухи с Запада. В его отсутствие папа Григорий IX организовал стремительное вторжение в Южную Италию, имея целью захватить Сицилию и таким образом положить конец окружению Гогенштауфенами Рима. Даже с учетом факта отлучения Фридриха это было циничное и совершенно явно своекорыстное предприятие, которое позднее вызвало осуждение в Европе. Хуже того, папа старался ускорить набор рекрутов для участия в этой кампании, обещав им духовное вознаграждение как крестоносцам. Среди тех, кто возглавил дело Григория, было два противника во время Пятого крестового похода — кардинал Пелагий и Жан де Бриенн, но только теперь они помирились.

Учитывая угрозу западной империи, Фридрих быстро достиг компромиссного решения относительно латинского Иерусалимского королевства, согласившись назначить двух

местных баронов для управления Палестиной в его отсутствие. Это было временное средство, однако оно позволило императору быстро отбыть в Италию. Но даже при этом своеволие Фридриха вызвало недовольство среди левантских франков. Понимая, что обстановка накалилась, император попытался ускользнуть из Акры на рассвете 1 мая 1229 года с минимальными церемониями. Но, согласно записям одного из латинских хронистов, напоследок ему пришлось пережить несколько неприятных минут, когда «группа мясников и просто старых людей» заметила его, когда он направлялся в порт. Разъяренная толпа «побежала за ним и забросала рубцом и кусками мяса». Император династии Гогенштауфенов вернул христианам Святой город, но покинул Ближний Восток «ненавидимый, проклинаяемый и поносимый»²⁵.

НОВЫЙ ГОРИЗОНТ

Фридрих II вернулся в Южную Италию как раз вовремя, чтобы отбросить силы, наступающие от имени папы Григория IX. Несмотря на атмосферу гнева и злой воли, обе стороны понимали, что примирение в их интересах, по крайней мере в тот момент. В 1230 году отлучение Фридриха было снято, Григорий признал законность договора с аль-Камилем, и «дружественные отношения» были восстановлены. Тем временем в Палестине франки постепенно начали возвращаться в Иерусалим. Несмотря на свое прежнее недовольство, и патриарх Герольд, и тамплиеры и госпитальеры восстановили свое присутствие в городе, и началась медленная работа по строительству его фортификационных сооружений. Айюбиды все еще были заняты продолжающейся междоусобной борьбой, поэтому условия договора 1229 года соблюдались, и латинянам по большому счету ничто не угрожало.

Но вскоре христиане втянулись в собственные склоки. Желая как можно быстрее вернуться на Запад, Фридрих был вынужден пойти на компромисс и не рискнул претворять в

жизнь свою идею прямой гегемонии Гогенштауфенов на Святой земле. Но когда обстановка в Италии стабилизировалась, он в 1231 году направил Риккардо Филанджери утвердить имперские права на Кипре и в Палестине. Грубый диктатор Филанджери был в высшей степени непопулярен у большинства местной франкской знати и вступил в противоборство с Жаном Ибелином, который теперь возглавил борьбу против Гогенштауфенов. Это сопротивление имперской власти велось до конца десятилетия и дальше и даже привело к тому, что население Акры объявило свой город независимой коммуной, отделенной от Иерусалимского королевства. Внимание латинян было отвлечено этими дрязгами, и потому они даже не делали попыток укрепить свои недавние территориальные приобретения или воспользоваться слабостью Айюбидов.

Чтобы еще более усложнить ситуацию, едва сдерживаемая враждебность между Фридрихом II и Григорием IX в 1239 году вспыхнула вновь. Императора снова отлучили от церкви, и на этот раз папа призвал к полномасштабному Крестовому походу против Гогенштауфена, теперь объявленного врагом христианства и союзником ислама. Еще один Крестовый поход против императора был объявлен в 1244 году, что привело к открытым военным действиям, продолжавшимся до смерти Фридриха в 1250 году. Одержимый желанием поддержать и увеличить силу церкви, папа ухватился за идею направить оружие священной войны против своих политических противников. Похожие призывы к оружию звучали и в будущие десятилетия — даже века. Они вызывали протесты, даже периодическое осуждение, но тем не менее многие новобранцы охотно принимали крест, довольные тем, что можно сражаться на латинской земле против своих собратьев по вере и все равно получить индульгенцию. Современники часто критиковали папство за подмену идеала священной войны. Безусловно, правда то, что перенаправление Римом крестоносцев — в рамках Западной Европы или на другие театры военных действий в Иберию, на Балтику и латинскую Романию — привело к изоляции и ослаблению франкского Утремера.

Крестовый поход баронов

Все это вовсе не значило, что папство оставило без внимания латинский Восток. Просто Левант стал одним из многих театров военных действий, и временами светские лидеры отдавали предпочтение интересам уцелевших государств крестоносцев. Так случилось в 1239—1241 годах с двумя относительно небольшими экспедициями (иногда их называют Крестовым походом баронов), которые возглавляли Тибо IV Шампанский, член знаменитой династии крестоносцев, и брат Генриха III Английского Ричард Корнуоллский. Их кампания достигла некоторого успеха, частично потому, что они взяли на вооружение тактику силовой дипломатии Фридриха II, но главным образом в результате еще одного витка ослабления Айюбидов, вызванного смертью аль-Камиля в 1238 году. Пока члены семьи покойного султана соперничали за контроль над Египтом и Сирией, Тибо и Ричард смогли сыграть на этом, захватить Галилею и укрепить южный прибрежный аванпост Аскалон.

Вслед за этим успехом франкская знать Иерусалимского королевства наконец сбросила иго господства Гогенштауфенов и в 1243 году отказалась признать сына и наследника Фридриха Конрада. Связанный событиями в Европе император ничего не мог ответить — только назначил нового представителя в Триполи. С этого момента и далее иерусалимская корона перешла к линии латинских королей Кипра, хотя на деле осталась в руках аристократии²⁶.

К 1244 году судьба франкской Палестины складывалась удачно. Были снова заняты обширные территории, и Иерусалим, хотя еще очень малонаселенный, находился в руках христиан. Создавалось впечатление, что королевство снова возвращается к положению, которое занимало до 1187 года. Однако на деле признаки оживления были иллюзорными и эфемерными. На самом деле латиняне находились в отчаянной ситуации. Они восстановили против себя империю Гогенштауфенов, и теперь их военный потенциал полностью зависел от военных орденов и помощи Запада в форме Крестовых походов, которая имела тенденцию к уменьшению. Кроме того, улучшение положения франков было прямым

результатом слабости Айюбидов. Если мусульманская династия вновь обретет силы или, хуже того, сменится другой, последствия для Утремера будут катастрофическими.

Проклятие Палестины

В суматохе начала 1240-х годов возвысился один Айюбид — аль-Салих Айюб, старший сын аль-Камиля. К 1244 году аль-Салих укрепил свои позиции в Египте, но, сделав это, уступил Дамаск своему дяде Исмаилу. Имея целью восстановить свою власть в Сирии, аль-Салих, как и другие правители династии Айюбидов до него, рассчитывал использовать жестокость хорезмийцев, которыми теперь командовал Берке-хан. В ответ на призыв аль-Салиха Берке в начале лета 1244 года привел 10-тысячную орду свирепых наемников в Палестину. Действуя якобы по собственной воле, они неожиданно напали на Иерусалим. При их приближении тысячи христиан устремились прочь из города, рассчитывая найти безопасность на берегу, оставив позади лишь небольшой гарнизон защитников. Судьба беженцев была ужасна. Большинство из них стали жертвами мусульманских бандитов в Иудейских холмах и хорезмийцев. До Яффы сумели добраться лишь триста человек.

Положение в Святом городе было еще хуже. Оставшиеся франки оказали некоторое сопротивление, но они находились в безнадежном меньшинстве. 11 июля 1244 года люди Берке-хана ворвались в Иерусалим, и начались бесчинства. По словам латинского очевидца, хорезмийцы «нашли христиан, которые не ушли со всеми, в церкви Гроба Господня. Им они выпустили кишки перед Гробом Господа нашего и обезглавили священников, которые были в церковном облачении и пели у алтаря». Разрушив мраморную конструкцию, окружающую сам Гроб, они совершили акты вандализма и разграбили гробницы великих франкских королей Палестины — Годфруа Буйонского и Бодуэна I. В хрониках сказано, что они совершили больше «грязных, постыдных действий против Иисуса Христа, святых мест и христианства,

чем все неверные, вместе взятые, которые бывали на этой земле в дни мира и войны». Когда работа по разрушению и осквернению была закончена, Берке-хан повел своих людей на встречу возле Газы (в Южной Палестине) с пятитысячной армией, прибывшей из Египта²⁷.

Шок от этой немыслимой жестокости подтолкнул франков к действию. Заключив союз с Исмаилом Дамасским и еще одним мусульманским диссидентом, эмиром Хомса, они выступили на юг против египетско-хорезмийской коалиции. Собрав ресурсы франкской знати и военных орденов, христиане сумели выставить против этой орды 2 тысячи рыцарей и около 10 тысяч пехотинцев. Эта армия — самая крупная из всех, собранных на Востоке после Третьего крестового похода, была полной боевой мощью латинского королевства. Но даже с учетом мусульманских союзников силы были неравными. Было много споров относительно наилучшей стратегии. Эмир Хомса, который уже имел дело с хорезмийцами раньше, посоветовал проявить терпение и осторожность и первым делом разбить хорошо защищенный лагерь. Он считал, что хорезмийцам скоро наскучит ждать и они разбегутся. Но латиняне рвались в бой, были абсолютно уверены в себе и потому проигнорировали этот мудрый совет. 18 октября 1244 года они атаковали противника на песчаной равнине возле деревни Ла-Форби (северо-восточнее Газы).

Для франков и их союзников последовавшее сражение оказалось катастрофой. Не имея выраженного численного преимущества, они положились на скоординированные действия и удачу — и проиграли. Сначала латиняне и солдаты из Хомса вроде бы сражались хорошо и удерживали свои позиции. Но перед лицом яростной атаки хорезмийцев войска из Дамаска потеряли самообладание и обратились в бегство. Когда боевой порядок оказался нарушенным, франко-сирийских союзников быстро окружили, и, хотя они продолжали храбро сражаться, не обращая внимания на потери, день закончился поражением. Потери в Ла-Форби оказались огромными: из 2 тысяч солдат из Хомса 1720 были убиты или попали в плен; из 348 тамплиеров только 36 удалось спастись; из 440 рыцарей Тевтонского ордена в живых осталось трое. Великий магистр

тамплиеров был взят в плен, его коллега из ордена госпитальеров убит. Это была катастрофа, сравнимая с происшедшей в 1187 году в Хаттине. Сокрушительный удар потряс военную мощь Утремера. В последующие месяцы практически вся территория, восстановленная за полвека, была потеряна.

Немногочисленные оставшиеся в живых франки осенью кое-как перегруппировались в Акре. «Они стонали, кричали и плакали, пока шли, и горе охватывало людей, их слышавших». Франки отправили сообщения на Кипр и в Антиохию, послали бейрутского епископа Галерана «доставить мрачные сообщения папе, а также королям Англии и Франции и подчеркнуть, что, если не будут приняты быстрые решения относительно Святой земли, она вскоре будет полностью потеряна»²⁸. Прискорбные неудачи 1244 года, результатом которых стало это обращение, повторяли те, что пятью десятилетиями раньше вызвали Третий крестовый поход. Но только теперь основы христианской священной войны сместились: обычаи и практики изменились; энтузиазм иссяк или был перенаправлен. В новой реальности XIII века один вопрос, должно быть, не давал покоя левантийским франкам: отправит ли латинский Запад еще раз Крестовый поход для спасения Святой земли?

Глава 21 СВЯТОЙ НА ВОЙНЕ

Бейрутский епископ Галеран прибыл на Запад в 1245 году с известием о Ла-Форби и уничтожении франкской армии. В конце июня он посетил церковный собор, созванный новым папой Иннокентием IV в Лионе (юго-восточная часть Франции) — папский двор из-за конфликта с императором Фридрихом II покинул Италию. Хотя положение Утремера, безусловно, было опасным, папа и его прелаты посчитали другие вопросы более важными: а именно те, что касались их собственного выживания. Отлучение Фридриха было подтверждено, и на этот раз он был официально лишен прав на Германию и Сицилию — это действие подтолкнуло начало открытой

войны между папством и империей Гогенштауфенов. Иннокентий IV был также озабочен направлением ресурсов в латинскую Романию, которая быстро приближалась к краху. Папа согласился объявить новый Крестовый поход на Ближний Восток и назначил кардинала-епископа Одо де Шатору папским легатом кампании, однако не приходилось сомневаться, что дело Леванта его не слишком интересует.

Перспективы Галерана обеспечить поддержку великих европейских монархов тоже не радовали. Император Фридрих явно был не в том положении, чтобы покинуть Запад. Генрих III Английский был занят тем, что пытался заставить повиноваться себе своих слишком могущественных подданных и даже хотел запретить Галерану проповедовать Крестовый поход на английской земле. Только один король в море занятости и безразличия откликнулся на зов Утремера — суверен, всей душой преданный священной войне за Святую землю, — Людовик IX Французский — человек, впоследствии канонизированный римской церковью.

КОРОЛЬ ФРАНЦИИ ЛЮДОВИК IX

В 1244 году королю Людовику было около тридцати лет. Это был высокий худощавый человек с бледной кожей и светлыми волосами. От своих предков — Людовика VII и Филиппа II — королей из династии Капетингов, которые сражались в священной войне, ему досталась страсть к делу крестоносцев. Людовик IX также унаследовал Французское королевство, которое уже не было ослабленным, как в начале XII века. Долгожитель Филипп II оказался хорошим организатором, и за время его сорокатрехлетнего правления было введено много усовершенствований в правительстве и управлении финансами. Успех был достигнут и в борьбе с Англией. Его кульминацией стало завоевание Нормандии и больших кусков анжуйских владений на западе Франции.

После смерти Филиппа в 1223 году его сын Людовик VIII правил всего три года. Таким образом, Людовику IX, когда он взойшел на престол, было всего двенадцать лет. Его энер-

гичная мать Бланш (Бланка) Кастильская стала регентшей. Она правила страной уверенно и компетентно, и, даже став взрослым тридцатилетним мужчиной, Людовик еще не совсем вышел из тени своей властной матери.

Французский король Людовик IX был очень набожным человеком. Он каждый день посещал мессу и проявлял глубокий интерес к проповедям. В 1238 году он приобрел Терновый венец, якобы тот, который был на распятом Иисусе и который был похищен из Константинополя участниками Четвертого крестового похода и затем продан обнищавшим правителем латинской Романии. В течение десятилетия Людовик построил великолепную новую часовню в самом сердце Парижа для этой реликвии — Сент-Шапель — настоящий шедевр готического архитектурного стиля. Людовик также был щедрым покровителем церквей и монастырей Франции. В отношениях с папством этот Капетинг выказывал должное уважение и почтение латинской церкви, но не в ущерб королевской власти и собственным духовным убеждениям. Так он позволил объявить во Франции об отлучении Фридриха II от церкви, но запретил проповедовать в своем королевстве Крестовый поход против императора.

В начале своего правления Людовик получил некоторое представление о военном деле, но ему еще только предстояло проявить военный гений и стратегическую прозорливость, сродни тем, которыми обладал Ричард Львиное Сердце. Капетинг внушал лояльность и преданность войскам, скрупулезно заботясь об их благосостоянии и морали. На самом деле подход Людовика к управлению государством и командованию войсками сформировался под влиянием понятий о чести, справедливости и королевских обязанностях. Эти принципы, являвшиеся основой кодекса рыцарского поведения, в конце XII и начале XIII века существенно укрепились и теперь наполняли практически каждый аспект христианской рыцарской культуры. Зарождающиеся идеалы рыцарства играли роль в Крестовых походах с самого начала; и определенно на их фоне проходил Третий крестовый поход. Но к 1240 году они стали господствующей силой, оформившей подход к священной войне и ее ведению.

Для Людовика IX и тех, кто последовал за ним, Крестовый поход стал средством исполнения долга служения Богу. Священная война предоставляла возможность сохранить и улучшить свою репутацию. Заветной же славы можно было добиться, совершая подвиги с оружием в руках, хотя, конечно, опасность трусости и неудачи — а значит, угроза постыдного позора — тоже присутствовала. Крестоносцев, как и раньше, привлекало получение духовной награды — индульгенции, но, хотя многие до сих пор считали себя паломниками, идея священной войны как благочестивого путешествия теперь в немалой степени перевешивалась образом Крестового похода как рыцарского предприятия. Этот сдвиг имел выраженные последствия на поле боя, в немалой степени из-за неотъемлемого противоречия между стремлением к личной славе и исполнением приказов.

Возможно, Людовик рассматривал возможность принять участие в Крестовом походе 1230-х годов, он даже оказал финансовую поддержку Крестовому походу баронов, но к 1244 году его решимость принять крест окрепла. На этом этапе новость о захвате Иерусалима хорезмийцами, вероятно, уже циркулировала на Западе, но епископ Бейрута еще не привез весть о сокрушительном поражении при Ла-Форби. Той зимой французский король тяжело заболел и в декабре «был так близок к смерти, что один из его слуг захотел накрыть его лицо простыней, считая, что он уже умер». Еще не оправившись от болезни, Людовик объявил о своей непреклонной решимости возглавить Крестовый поход и, говорят, потребовал, чтобы ему сразу же вручили крест. Крестовый поход стал предприятием, посредством которого он доказал свою взрослость и независимость, и делом, которому он посвятил всю свою жизнь²⁹.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Прошло четыре года, прежде чем король Людовик IX выступил в Крестовый поход. Задержка была ненамеренной. Скорее она была вызвана методичной точностью, с которой

король готовился к священной войне. В экспедиции должны были доминировать французы. Конфликт между Гогенштауфенами и папством препятствовал участию немцев и итальянцев, хотя Фридрих II открыл для Капетинга порты и рынки Сицилии. Несколько видных английских аристократов тоже приняли крест, несмотря на опасения Генриха III. Среди них был и сводный брат короля Уильям Лонгсуорд (Длинный Меч)*.

Во Франции пылкий энтузиазм короля и старания папского легата Одо де Шатору принесли хорошие плоды. Рекрутов было много. Участвовать в Крестовом походе выразили желание все три брата короля — Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье и Карл д'Анжу. На ассамблее в Париже в октябре 1245 года многие графы, герцоги и прелаты тоже присоединились к экспедиции. Граф Шампанский был занят в Северной Испании, но некоторые члены его дома приняли крест. Среди них был двадцатитрехлетний рыцарь Жан де Жуанвиль, имевший наследованный титул сенешаля Шампанского. Будучи участником Крестового похода, Жуанвиль хорошо узнал Людовика IX и лично принимал участие в священной войне. Спустя много лет он написал яркий и впечатляющий рассказ о том, что ему довелось увидеть и пережить, хотя французский монарх в нем неизменно изображается героем. Повествование Жуанвиля написано на старофранцузском языке и является смесью личных воспоминаний и королевской биографии, временами идеализированной³⁰.

Свидетельство Жуанвиля, так же как и многих других его современников, не оставляет сомнений в том, что король Людовик IX взялся за подготовку экспедиции с большим старанием и энергией. Принятые им меры демонстрируют изрядную проницательность короля и его внимание к мелочам. Также очевидно, что королевский подход к планированию

* Неточность автора. Уильям II Лонгсуорд, граф Солсбери (ок. 1212—1250), участвовавший в Крестовом походе Людовика IX, был *двоюродным* братом царствовавшего тогда английского короля Генриха III. Его отец, граф Уильям I Солсбери, был незаконнорожденным сыном короля Англии Генриха II. (*Примеч. ред.*)

основан на вере в то, что успех Крестового похода зависит и от практических, и от духовных соображений.

Людовик спокойно и бесстрастно начал логистическую подготовку экспедиции, пробираясь через сложные административные препоны Франции XIII века. Он не желал вести на Восток оборванную и голодную банду. Выбрав Кипр в качестве передовой базы, король стал методично собирать запасы продовольствия, оружие и прочие ресурсы, необходимые для войны. После двух лет упорной работы на острове скопились горы пшеницы и ячменя, штабеля бочек с вином. Эг-Морт, новый укрепленный порт на юго-востоке Франции, стал европейской базой экспедиции.

Эта деятельность обошлась в целое состояние. Французская монархия сделала огромные финансовые вложения в Крестовый поход, и Людовик собрал внушительные военные запасы, которые намеревался использовать в кампании. Судя по королевским счетам, его расходы за первые два года подготовки составили два миллиона турецких ливров, немалая часть которых пошла на выплату жалованья или субсидий французским рыцарям. Учитывая, что общий королевский доход в этот период не превышал 250 тысяч турецких ливров в год, экономическое напряжение, связанное с организацией кампании, было немалым. Чтобы оплачивать счета, Людовику была выделена папой одна двадцатая часть всех церковных доходов во Франции, позднее сумма увеличилась до одной десятой части на три года. Представители короны также вымогали деньги у еретиков и евреев, но в общем Людовик был согласен просить, занимать и воровать во имя священной войны. Он постоянно предлагал другим крестоносцам создавать собственные фонды и вносить посильный вклад в организацию транспортировки³¹.

Многие крестоносцы ранних походов терпели неудачи из-за внутренних распрей, раздирающих латинский христианский мир. Враждебное политическое окружение заставляло монархов откладывать участие в Крестовых походах или вообще отказываться от него из-за беспокойства о возможных последствиях своего длительного отсутствия. Но хотя Людовик IX осознавал свои обязанности перед Французским ко-

ролевством, вероятно, необходимость возглавить Крестовый поход все-таки взяла верх. Перед отправлением на Восток король передал регентство над владениями Капетингов своей многоопытной матери Бланш. Кроме этого, он сделал все от него зависящее, чтобы урегулировать политические проблемы в Европе: попытался стать посредником в мирных переговорах между папством и Фридрихом II, стремился к миру с Англией. Но даже когда эти шаги привели к ничтожному успеху (как в деле с конфликтом папства и Гогенштауфенов) и угроза безопасности Франции и положению самого Людовика, как ее короля, сохранилась, он отказался отложить свой поход.

Кроме попыток привнести гармонию и христианское братство, как он его понимал, на Запад, Капетинг старался установить мир со своим народом и со своей душой. Людовик явно верил, что Крестовый поход не может быть удачным только человеческими делами, но его следует вести покаявшись и с чистым сердцем. Поэтому он совершил инновационный шаг: начал наводить справки — этим занимались в основном нищенствующие монахи, — чтобы урегулировать все крупные споры в своем королевстве и искоренить любые проявления коррупции и несправедливости со стороны себя, своих людей и даже своих предков. До начала Первого крестового похода некоторые из крестоносцев тоже приводили в порядок свои дела и пытались решить всевозможные споры до отъезда, но никто и никогда не делал этого с таким размахом.

Крестовый поход Людовика начался в Париже 12 июня 1248 года с волнующей публичной церемонии, предназначенной для выказывания благочестия его крестоносных предков. Король получил символы паломника-крестоносца — суму и посох — в соборе Нотр-Дам и потом отправился босиком в королевскую церковь Сен-Дени, чтобы взять *орифламм* — французское историческое боевое знамя. Оттуда он пошел на юг к побережью и погрузился вместе со своей армией на один из кораблей, которые в конце августа отошли из портов Эг-Морт и Марсель.

По примерным оценкам, армия Людовика состояла из 20—25 тысяч человек. В это число входило около 2800 ры-

царей, 5600 конных сержантов и 10 тысяч пехотинцев. Кроме того, в кампании участвовало около 5600 арбалетчиков. Их мастерство, а также точность и мощь их оружия позволили этим войскам сыграть важнейшую роль в кампании. Это была не очень большая армия, но король, судя по всему, принял сознательное решение отправиться на войну с отборной боевой армией, а не с неуправляемой толпой. Он даже оставил на берегу несколько тысяч необученных солдат и нонкомбатантов, которые, надеясь принять участие в экспедиции, по собственной инициативе собрались в портах отправления.

Следуя новой установившейся практике, крестоносцы отправились в путь по морю. Людовик плыл на большом королевском корабле под названием «Монжуа», или «Гора Радости». Свое имя корабль получил по названию места, с которого паломникам в Иерусалим открывался первый вид на Святой город. Для многих франков путешествие в Восточное Средиземноморье было пугающим и связанным с большими неудобствами. Обычное транспортное судно располагало примерно 1500 квадратными футами палубного пространства (примерно такой же размер имеет половина современного теннисного корта) и при этом перевозило около 500 пассажиров, иногда даже больше. Неудивительно, что один крестоносец уподобил морское путешествие тюремному заключению. Нижние палубы обычно использовались для перевозки лошадей, хотя Людовик нанял специальный транспорт для перевозки самых ценных животных, без которых латиняне не могли вести военные действия в своем излюбленном стиле — верхом.

Жан де Жуанвиль описал отплытие из Марселя в конце августа 1248 года. Поднявшись на борт, он наблюдал, как лошадей заводят в подпалубное пространство через специальную дверь в корпусе. Потом этот вход тщательно запечатывают, «как поступают с бочкой, прежде чем погрузить ее в воду, потому что, когда судно в море, дверь оказывается под водой». По предложению капитана все пассажиры и команда спели популярный у крестоносцев гимн *Veni, Creator Spiritus* («Приди, Творец»), потом подняли паруса, и путешествие началось. Но, даже оставаясь воодушевленным, Жуан-

виль признавал, что чувствовал сильный страх перед морским путешествием, понимая, что никто не знает, «где он будет спать ночью и не окажется ли на следующее утро на дне морском». В этом случае его страхи оказались необоснованными, и спустя три недели сенешаль прибыл на Кипр, куда король Людовик прибыл 17 сентября³².

ШТУРМ НИЛА

Добравшись до Кипра, Людовик IX не устремился очертя голову в бой, а посвятил зиму и весну организации войск и выработке стратегии. К экспедиции присоединились отряды из латинской Палестины, в которые вошли представители франкской знати и всех трех военных орденов, а также почтенный иерусалимский патриарх Роберт Нантский, которому было уже около восьмидесяти, но он вместе с папским легатом Одо де Шатору заботился о духовном состоянии армии. Право Людовика возглавить армию никто не оспаривал.

На этой стадии (или раньше) было принято твердое решение провести египетскую кампанию. Причина — сохраняющаяся уязвимость режима султана аль-Салиха Айюбида. Представляется, что целью Людовика был захват всего Египта. Чем терять время в переговорах, или до нападения, или когда будут захвачены первые территории, он задумал сокрушить самое сердце власти Айюбидов, а затем использовать Нильский регион как новую базу для возвращения Святой земли. Это был весьма амбициозный, но выполнимый план. После некоторых споров относительно того, какой город атаковать — Александрию или Дамьетту, была выбрана Дамьета, и, таким образом, Крестовый поход Людовика IX отправился по следам Пятого крестового похода.

Экспедиция прибыла на Кипр с признанным лидером и согласованной целью — а это два многообещающих фактора. Но задержка тоже имела свою цену. Информация о прибытии Людовика дошла до аль-Салиха и позволила ему подготовиться к защите Египта. Болезнь (возможно, какая-то

форма малярии) также унесла жизни примерно 260 латинских баронов и рыцарей — около $\frac{1}{10}$ общих сил — еще до начала кампании. Что касается других, затянувшийся период бездействия исчерпал их финансовые ресурсы. Как и у многих его соотечественников, у Жуанвиля почти закончились деньги, и ему нечем было платить рыцарям.

К концу весны, однако, подготовка была завершена. 13 мая 1249 года могучий флот из 120 больших галер и тысячи маленьких судов поднял паруса и отошел от Кипра. Жуанвиль записал: «Казалось, все море, насколько хватало глаз, было покрыто полотном корабельных парусов». Штормы и неблагоприятные ветра разбросали флотилию, и потребовалось двадцать три дня, чтобы достичь египетского побережья. Ближе к концу путешествия крестоносцы встретили группу из четырех мусульманских галер. Три были сразу потоплены огненными стрелами и камнями из катапульт, но один корабль, хотя и сильно поврежденный, ушел и, вероятно, передал информацию о подходе латинского флота мусульманам на североафриканском побережье³³.

В начале июня корабли латинян бросили якоря у Дамьеты. Участники Пятого крестового похода смогли высадиться на берег севернее города и западнее Нила незамеченными. Людям Людовика повезло меньше. На побережье их ожидали тысячи солдат Айюбидов, которыми командовал Фахр ад-Дин, эмир, ведший переговоры с Фридрихом II в 1220-х годах и теперь ставший одним из ведущих генералов аль-Салиха. В устье Нила также стояла мусульманская флотилия. Столкнувшись с таким сильным сопротивлением, Людовик собрал военный совет на «Монжуа», и было принято решение устроить массовую высадку на следующее утро. Король и его советники, должно быть, осознавали, что идут на большой риск, организуя дерзкую десантную операцию — первую в истории Крестовых походов. Отсутствие координации между кораблями, подходящими к берегу, могло подвергнуть оказавшихся в изоляции франкских воинов смертельной опасности. И если наступательный порыв начальной атаки ослабеет, а на берегу еще не будет захвачен плацдарм, тогда первая атака экспедиции может стать последней.

На штурм берега

В субботу 5 июня, лишь только поднялось солнце, тысячи латинян на судах начали истоиво молиться. Всем было велено накануне ночью исповедаться. На «Монжуа» Людовик посетил мессу, как делал это каждое утро. Затем латиняне принялись пересаживаться с больших транспортных судов на лодки с меньшей осадкой. Жан де Жуанвиль и его люди прыгнули в баркас, который едва не затонул от перегрузки. Позже Жан имел возможность наблюдать, как один невезучий рыцарь неправильно выбрал время для прыжка — когда баркас уже отошел от борта судна, — упал в воду и утонул.

Жуанвиль ярко и живо описал сцену высадки. Когда король появился перед Дамьеттой, «мы увидели множество воинов султана, построения которых протянулись вдоль берега. Зрелище это ослепляло, потому что войска султана блистали золотом, и там, где на них падало солнце, их оружие ослепительно сверкало. Грохот, который эта армия извлекала из своих барабанов и «сарацинских рогов», было просто невозможно слушать». Вокруг него сотни мелких судов подходили к берегу, многие из них были ярко окрашены, разрисованы гербами, на них развевались флаги.

Баркас Жана де Жуанвиля одним из первых достиг земли. Он высадил своих людей перед большим отрядом турок в том месте, где стояло шесть тысяч всадников.

«Едва только они увидели, как мы выходим на берег, как сразу, пришпоривая коней, рванулись к нам. Что же до нас, когда мы увидели их приближение, то воткнули острые концы щитов в песок, твердо укрепили в земле копыя с остриями, направленными на врага. Увидев, что наши копыя готовы пропороть животы их коням, вражеские конники развернулись в обратную сторону». Пережив первую атаку, отряд Жана выстоял до высадки на берег тысяч других латинян³⁴.

На берегу завязалось ожесточенное сражение. Мусульмане обрушили на латинян град стрел и копий. Скоро стало ясно, что не все франкские лодки достаточно мелкие, чтобы подойти к берегу. В этот ужасный момент существовала реальная возможность того, что атака захлебнется, но приказы

были строгими и однозначными — высаживаться на берег. Некоторые крестоносцы, рвавшие в бой, выпрыгивали из лодок слишком рано и тонули. Другие оказывались по пояс или даже по грудь в воде, но сразу начинали шагать вперед. Многие рыцари пытались высадить на берег своих лошадей, чтобы можно было сражаться верхом, а христианские арбалетчики обеспечивали прикрытие, причем стрелы летели так плотно и так быстро, что это казалось чудом. Вдоль всего берега шли бои, но франкские рыцари довольно скоро организовались в отряды, и, когда были захвачены плацдармы на берегу, атаки мусульман утратили эффективность.

Латиняне одерживали верх. Король Людовик следил за ходом сражения со своего баркаса, стоя рядом с Одо де Шатору. По плану король должен был оставаться там из соображений безопасности. Но когда Капетинг увидел королевское знамя — орифламму — на земле Египта, «он стал быстрыми шагами мерить палубу своей галеры и, что бы ни говорил присутствующий при нем папский легат, отказался быть в отдалении от эмблемы своего государства. Он спрыгнул в море, погрузившись в воду до подмышек, и с висящим на шее щитом, с копьем в руке и со шлемом на голове двинулся вперед, пока не присоединился к своим воинам на берегу. Выйдя на землю, король посмотрел на врагов, спросил, кто они такие, и получил ответ, что это сарацины. Он взял копье под мышку, прикрылся щитом и был готов броситься на них, если бы здравомыслящие люди, окружавшие короля, не остановили его».

Сражение продолжалось до полудня, но оборона Айюбидов была плохо организована, и мусульманам не хватало решительности. Фахр ад-Дин постепенно отступал в глубь территории к Дамьетте. Утверждают, что мусульмане потеряли 500 человек, включая трех эмиров, и очень много лошадей, зато потери франков были небольшими. Вообще высадка оказалась удивительно успешной. Многие крестоносцы считали, что их привел к победе Господь и они сражались как «сильные воины Бога»³⁵.

Дальше дела пошли еще лучше. Король Людовик, должно быть, готовился к тяжелой осаде Дамьетты, зная о печаль-

ном восемнадцатимесячном опыте участников Пятого крестового похода. В конце дня он приказал перевозить на берег запасы, готовясь укрепить свои позиции и, если возникнет необходимость, отразить контратаку. Но уже на следующий день франки с изумлением обнаружили, что мусульмане покинули Дамьетту. Над городом были видны столбы дыма, и отправленные туда разведчики, вернувшись, сообщили, что гарнизон бежал — частично по суше, частично по Нилу. Одним ударом Людовик достиг первой цели своей кампании, захватил плацдарм на Ниле и открыл путь в Египет. Это был самый удивительный начальный успех за всю историю Крестовых походов. В умах Людовика и его сторонников навсегда запечатлелся образ Айюбидов, под жарким африканским солнцем бегущих с побережья, а потом оставивших Дамьетту. Для франков это было на редкость привлекательное зрелище, показавшее, что мусульманский мир находится на пороге краха. Оно стало предвестником окончательной победы христиан.

УПАДОК АЙЮБИДОВ

Крестоносцы предположили, что их успех в начале июня 1249 года объяснялся их военным превосходством и ослабленным состоянием исламского мира. Но хотя в этих представлениях была немалая доля истины, они не учитывали целый ряд аспектов реальности. Решение Фахр ад-Дина покинуть поле боя 5 июня, судя по всему, не было следствием яростной атаки латинян. На самом деле он оставил побережье, а потом повел египетскую полевую армию на юг мимо Дамьетты, потому что у него были другие планы. Городской гарнизон был известен своей храбростью, но солдаты побоялись оказаться покинутыми и тоже скрылись ночью. Перейдя на юг, все эти силы перегруппировались в главном лагере Айюбидов, где султан аль-Салих из последних сил пытался удержать власть.

После триумфа мусульман при Ла-Форби в 1244 году аль-Салих отвернулся от хорезмийцев. Посчитав эту орду ди-

кими наемниками, слишком опасными и неуправляемыми, чтобы им можно было доверять, он не пустил своих бывших союзников в Египет. Они были оставлены грабить Палестину и Сирию, и их неистовая дикость, не имевшая какой-либо конкретной цели, постепенно «перегорела». В 1246 году они потерпели поражение от коалиции сирийских мусульман. В последующие годы аль-Салих собирался взять контроль над Дамаском и оккупировать другие части Палестины.

Однако примерно в это время султан заболел чахоткой. К 1249 году его здоровье быстро ухудшалось, и передвигаться ему приходилось на носилках. Поэтому в одном отношении время, выбранное для похода Людовика IX, оказалось удачным — оно совпало с периодом максимальной слабости высшего эшелона власти Айюбидов. Аль-Салих умирал, но на его место было немало желающих, и среди них Фахр ад-Дин. Поэтому эмир с такой готовностью покинул Дамьетту в начале лета 1249 года — он опасался, что, если сражение с франками на побережье затянется на неопределенное время, он может лишиться возможности захватить власть, когда султан наконец умрет. Исход столкновения на побережье привел аль-Салиха в ярость. Он, вероятно, подозревал о действительной причине поспешного отступления Фахр ад-Дина, но ему не хватило уверенности в своих силах, чтобы открыто покарать столь выдающегося эмира. Гарнизону Дамьетты повезло меньше — султан приказал всех повесить³⁶.

Атмосфера недоверия, предательства и вражды была всего лишь одним проявлением более масштабного недоумения, поразившего империю Айюбидов во всем Леванте. После долгих десятилетий господства династия, созданная Саладином и его братом аль-Адилем, медленно, но верно двигалась к распаду, подталкиваемая неэффективным лидерством и парализованная междоусобными интригами. Но все это вовсе не означало, что франкское завоевание Египта или Святой земли не встретит сопротивления. На самом деле, даже если оставить мечты Фахр ад-Дина о славе и величии, в Египте быстро возвышалась другая необычайно мощная сила — мамлюки.

Мамлюк — меч ислама

Мамлюки — солдаты-рабы — использовались мусульманскими правителями Леванта на протяжении многих веков и играли важную роль в армиях Зангидов и Айюбидов XII и XIII веков. Эти абсолютно преданные и высокопрофессиональные воины стали продуктом сложной системы рабства и военной подготовки. Большинство из них были тюрками из русских степей, расположенных далеко на севере за Черным морем, пойманными еще детьми (обычно от восьми до двенадцати лет) хорошо организованными бандами работорговцев. Их продавали исламским хозяевам на Ближнем и Среднем Востоке, внушали мусульманскую веру и потом обучали искусству войны.

Мамлюки ценились не только за непревзойденное военное мастерство, но и за преданность. Поскольку их благосостояние и выживание были напрямую связаны с одним хозяином, они обычно хранили ему абсолютную верность — необычная черта в болоте всеобщего вероломства, коварства и интриг, коим являлась исламская политика. Говоря о похвальной надежности мамлюков, сельджукский правитель XI века заметил, что «один преданный раб лучше, чем 300 сыновей; потому что последние желают смерти отца, а первый — долгой жизни хозяина». Это может прозвучать странно, но их преданность также была продуктом относительно радужных перспектив, ведь многие мамлюки получали командные посты, свободу и богатство.

Правители от Нур ад-Дина до аль-Камиля использовали мамлюков на самых разных должностях, начиная от «королевских» телохранителей и до боевых генералов, но ни один султан не полагался на их службу больше чем аль-Салих. После 1240 года он стал относиться с большим недоверием и подозрительностью к другим слугам и солдатам и построил большую армию мамлюков. Элитное ядро этой силы составлял полк численностью тысяча воинов, известный как Бахрия (Bahriyya) (имя взято от гарнизона в районе Каира на острове, который по-арабски называется *бахр аль-Нил*, или «море Нила»). Один мусульманский современник запи-

сал, что Бахрия быстро «стала могущественной силой, обладающей огромной храбростью, и мусульмане получали от нее большую пользу». В какой-то степени создание аль-Салихом этого отборного отряда, равно как и более широкое использование отрядов мамлюков вообще, имело большой смысл. Выживание его шатающегося политического режима вскоре стало зависеть от поддержки Бахрии. Но в случае смерти аль-Салиха лояльность мамлюков его преемнику не была гарантирована. Эти опытные воины даже могли задаться вопросом, не лучше ли им вести, чем оставаться ведомыми.

Но пока равновесие сохранялось. Аль-Салих прожил все лето и осень 1249 года, создал хорошо защищенную базу для операций своей армии близ укрепленного города Мансура — ту же позицию занимали его предшественники Айюбиды во время Пятого крестового похода. Поскольку позиции мусульманской армии были хорошо укреплены и ее ряды пополнила Бахрия, было очевидно, что Крестовый поход короля Людовика встретит намного более серьезное сопротивление, чем в Дамьетте, если осмелится пойти на юг вдоль Нила³⁷.

ПОКОРИТЬ ЕГИПЕТ

Вслед за франкской оккупацией Дамьетты последовал еще один период осторожного бездействия со стороны Людовика. Капетинг не был заинтересован в использовании Дамьетты как козыря в сделке для получения территориальных уступок в Палестине — он стремился покорить весь Египет Айюбидов, а потом, когда сопротивление мусульман будет поколеблено, повернуть на восток к Иерусалиму. Эта стратегия означала, что в какой-то момент Крестовый поход двинется в глубь страны. Король, судя по всему, знал о проблемах, с которыми столкнулись в Египте кардинал Пелагий и Жан де Бриенн двадцатью одним годом ранее, да и некоторые христианские очевидцы, присутствовавшие в Дамьетте в 1249 году, недвусмысленно упоминали о трудностях Пятого крестового похода. Поэтому, учитывая приближающийся разлив Нила, Людовик

даже не пытался выступить на юг. Вместо этого экспедиция стала ждать.

Три месяца Людовик и его советники обсуждали следующий шаг кампании. В качестве ее возможной цели рассматривался порт Александрия, но один из братьев короля — Роберт д'Артуа — очевидно, рекомендовал прямое вторжение в глубь страны на юг, утверждая: «Чтобы убить змею, надо прежде всего снести ей голову». А так как армия аль-Салиха Айюбида теперь занимала позиции в районе Мансуры, Крестовому походу Людовика придется столкнуться с такой же стратегической проблемой, как армии Пелагия. Но опыт высадки в Дамьетте указал на слабость мусульман, и, если добиться успеха на Ниле, прибыль может быть весьма ощутимой. Мусульманский хронист признавал опасность и написал, что «если армия Айюбидов при Мансуре будет отброшена хотя бы на шаг назад, весь Египет будет завоеван в самое короткое время»³⁸.

Около 20 ноября 1249 года, когда разлившиеся воды Нила стали спадать, армия Людовика начала наступление вдоль восточного берега великой реки. Если провести сравнение с Пелагием, король обладал лучшим — хотя и далеко не полным — пониманием топографии дельты и лучше представлял, что его ждет впереди. Он шел вдоль реки, по которой следовал флот из «многих больших и малых судов, груженых продовольствием, оружием, машинами, броней и всем, что нужно на войне». Скорость была медленной, ветер дул с юга, и было очень трудно плыть против течения, но несколько «прошупывающих» атак Айюбидов — средневековая разведка боем — были с легкостью отбиты, и христиане постепенно приближались к Мансуре.

Ближе к завершающему этапу путешествия Людовик — как и Пелагий до него — должен был пройти мимо точки, где канал Махалла соединяется с Нилом, но этот важный водный путь не был упомянут в повествованиях христиан о наступлении, и франки не делали попыток заблокировать или охранять его. На первый взгляд это кажется абсолютной небрежностью и неосмотрительностью, учитывая решающую роль, которую сыграл канал в 1221 году. Но вероятнее всего,

ни Людовик и его современники, ни участники Пятого крестового похода так и не поняли, каким образом аль-Камиль сумел провести флот к северному участку Нила. И даже если бы французский король в 1249 году потратил время на разведку канала, после пика наводнения его воды, скорее всего, были несудоходными.

В любом случае франки продолжили свой марш и 21 декабря оказались на позиции, идентичной той, что занимали участники Пятого крестового похода, — севернее вилки между Нилом и рекой Танис. Айюбиды разбили большой лагерь на противоположном — южном берегу Танис и расквартировали свои главные силы чуть дальше к югу. Мамлюки Бахрии тем временем находились в Мансуре (которая с 1221 года выросла из обычного лагеря в укрепленное поселение). Пока Людовик со своей армией двигался из Дамьеты, события при дворе Айюбидов развивались довольно быстро. После долгой борьбы с болезнью 22 ноября скончался аль-Салих. Фахр ад-Дин вошел в союз с одной из вдов покойного султана — Шаджар (Шаджарат) аль-Дурр. Согласно мусульманским источникам, пара делала все возможное, чтобы скрыть информацию о кончине султана: его тело было тайно унесено и была подделана подпись на документе, которым вся полнота командования армией передавалась Фахр ад-Дину. Султану каждый раз за трапезой ставили прибор, но потом объявляли, что он слишком плохо себя чувствует, чтобы выйти к столу.

Что касается Шаджар аль-Дурр, этот обман должен был сохранить видимость единства Айюбидов перед лицом Людовика и Крестового похода, таким образом она рассчитывала выиграть время, чтобы урегулировать вопрос с преемником султана. Для этой цели командир мамлюков Бахрии Актай был отправлен в Месопотамию, чтобы привезти сына и наследника аль-Салиха — аль-Муаззам Тураншаха, чтобы взять в свои руки правление в Египте. Фахр ад-Дин согласился на этот план и чтобы избежать подозрений, и потому, что таким образом со сцены устранялся потенциальный соперник — Актай. Но в душе Фахр ад-Дин, вероятно, надеялся, что, учитывая огромные расстояния и необходимость

пересечь вражеские территории, или послание не дойдет до Тураншаха, или наследник не сумеет добраться до Египта. По словам одного мусульманского хрониста, Фахр ад-Дин «нацелился на единоличное и деспотическое правление».

Несмотря на все запутанные интриги, новость о кончине аль-Салиха все же просочилась, вызвав тревогу и беспорядки в Каире. Скоро и Людовик узнал, что, как он позже заявил, «султан Египта окончил свою презренную жизнь», и это увеличило надежды французского короля на победу³⁹.

Теперь перед крестоносцами стояла нелегкая задача — преодолеть барьер, который представляла собой река Танис с очень быстрым течением. Людовик собирался построить нечто вроде дамбы «из дерева и земли» через реку. Чтобы достичь этой цели, король поручил своему «главному инженеру» Жослену де Корно выполнить план, состоящий из двух этапов. Сначала были построены два «кошачьих домика» — передвижные башни с вытянутыми «кошками» — защитными экранами, под прикрытием которых могло вестись строительство. Одновременно с побережья были доставлены восемнадцать камнеметательных машин для обеспечения огневого прикрытия. Когда эти хитроумные приспособления были собраны и установлены на позиции, начался второй, более сложный и опасный этап — сооружение самой насыпи.

К несчастью для франков, в египетской армии тоже имелось шестнадцать баллист на южном берегу Таниса. Как только крестоносцы оказались в радиусе их действия, Фахр ад-Дин приказал вести постоянный обстрел. Камни, дротики, стрелы летели дождем. Как и многие мусульманские армии до них, Айюбиды в Мансуре имели огромное технологическое преимущество над латинянами — большой запас легковоспламеняющегося греческого огня. Фахр ад-Дин обстреливал деревянные башни латинян греческим огнем. Жану де Жуанвилю было приказано на протяжении нескольких ночей охранять одну из уязвимых башен. Позднее он откровенно описал, какой ужас испытали он и его люди, наблюдая за греческим огнем, «когда он летел в нас, походил на огромную бочку с уксусом, за которой тянулся огненный

хвост длиной с древко копья. Звук, который он издавал в полете, напоминал раскаты грома с неба; казалось, что это дракон прорезает воздух. Свет, который шел от этой огромной пылающей массы, был так ярок, что весь лагерь представлял как на ладони, словно днем». Как-то раз в начале 1250 года, когда Жан и его люди не были на дежурстве, обстрел Айюбидов наконец оказался успешным, и башни загорелись. Благодарный за то, что это произошло не в его дежурство, Жан написал: «Я и мои рыцари благодарили Господа, что Он уберет нас, ибо будь мы ночью на страже, то сгорели бы живьем»⁴⁰.

Даже при наличии «кошачьих домиков» попытки сделать насыпь были неудачными, потому что быстрое течение реки разрушало конструкцию. На первой неделе февраля Людовик велел прекратить ненужный труд, и дух армии резко упал, поскольку Крестовый поход, казалось, зашел в тупик. Однажды к Людовику пришел бедуин (в других источниках его называют дезертиром из египетской армии) и сказал, что может показать надежный брод, который обеспечит доступ на южный берег реки. У Людовика возродилась надежда, и он объявил, что немедленно воспользуется бродом для внезапного нападения на лагерь Айюбидов.

Понимая, что операция связана с колоссальным риском и, если латиняне будут окружены и схвачены на противоположном берегу реки Танис, последствия могут быть ужасными, Людовик действовал осторожно. Чтобы избежать обнаружения, было решено переправляться до рассвета. Глубина брода и необходимость действовать быстро не позволили использовать пехоту, и для участия в переправе были выбраны только конные рыцари и сержанты. А чтобы обеспечить строгую дисциплину, эти люди были выбраны из числа доверенного французского контингента Людовика, а также рыцарей тамплиеров и госпитальеров. Франки Утремера и тевтонские рыцари оставались в лагере для его защиты. Было очень важно, чтобы вся ударная группа успела добраться до южного берега и перегруппироваться до начала атаки. Поэтому Людовик приказал ни в коем случае не нарушать строй⁴¹.

Сражение при Мансуре

Во вторник 8 февраля 1250 года еще до рассвета план короля начал претворяться в жизнь. Впереди шли тамплиеры, за ними — группа рыцарей под командованием брата Людовика Роберта д'Артуа, среди которых был англичанин Уильям Лонгсуорд, граф Солсбери. Вскоре стало очевидно, что брод глубже, чем ожидалось, лошадям придется плыть. Кроме того, на крутых илистых берегах некоторые крестоносцы скользили, падали в воду и тонули. Тем не менее сотни франков появились на противоположном берегу.

Когда начало вставать солнце, Роберт д'Артуа принял внезапное и поспешное решение начать атаку и устремился во главе своих людей к береговой базе Айюбидов. В неразберихе тамплиеры последовали за ним, а Людовик и основные силы крестоносцев еще переправлялись через реку. В этот момент все надежды на упорядоченное наступление рассеялись. Неизвестно, что заставило Роберта действовать так стремительно: возможно, он увидел, что шанс на неожиданную атаку ускользает, или стремился к славе и известности. Когда он поскакал вперед, те, кто остался позади, и среди них король, должно быть, испытали смесь шока, удивления и гнева.

Но даже при этом сначала создавалось впечатление, что поспешность Роберта может оказаться удачной. Ворвавшись в мусульманский лагерь, где многие еще спали, 600 крестоносцев и тамплиеров графа встретили лишь очень слабое сопротивление и начали разить врага направо и налево. Фахр ад-Дин, выполнявший утренние омовения, быстро надел первые попавшиеся одежды, вскочил на лошадь и поскакал в бой, даже толком не вооружившись. Сразу же наткнувшись на двух рыцарей-тамплиеров, он был убит. Бойня шла по всему лагерю. Один франк описал, как латиняне «убивали всех, не щадя никого», и заметил, что «было грустно видеть так много мертвых тел и пролитой крови, и утешало лишь то, что это были враги христианской веры»⁴².

Это жестокое нападение смяло лагерь Айюбидов, и, если бы Роберт теперь решил закрепить свой успех, перегруппировать силы и дождаться подхода Людовика, победа франков

могла стать быстрой и блестящей. Но этому не суждено было случиться. Уцелевшие в кровавой бойне мусульмане бежали в Мансуру, и граф д'Артуа принял поспешное и необдуманное решение броситься в погоню. Когда он собрался устремиться за ними, командир тамплиеров призвал к осторожности, но граф обвинил его в трусости. Согласно рассказу одного из очевидцев, тамплиер ответил: «Ни я, ни мои товарищи, не боимся... но позвольте сказать, что ни один из нас не вернется — ни вы, ни мы».

Вместе они быстро преодолели короткое расстояние до Мансуры и ворвались в город. Но здесь ошибочность их отважного, но самоубийственного решения сразу стала очевидной. На открытой равнине, пусть даже в лагере Айюбидов, христиане имели свободу маневра и сражались небольшими сплоченными группами. Но, очутившись на узких городских улицах, они были вынуждены менять стиль боя. Хуже того, в Мансуре они оказались лицом к лицу с элитными воинами Бахрии, которые были расквартированы в городе. Это была первая стычка латинян с «львами сражения». Мусульманский хронист описал, что мамлюки сражались решительно и безжалостно. Они окружали крестоносцев со всех сторон, атаковали, используя копья, мечи и луки. Из 600 рыцарей, ворвавшихся в Мансуру, уцелела лишь горстка. Роберт д'Артуа и Уильям Лонгсуорд были убиты⁴³.

А в это время на берегу реки Танис, ничего не ведая о разыгравшейся в Мансуре драме, Людовик пытался сохранить контроль над войсками, даже когда эскадроны конных мамлюков бросились в контратаку. Один крестоносец описал, как послышался «громкий шум рогов, труб и барабанов», когда они приблизились. «Люди кричали, лошади ржали, и было невозможно ни видеть, ни слышать». Но в гуще сражения король остался хладнокровным и старался пробиться вперед, чтобы захватить позиции на южном берегу реки, напротив лагеря крестоносцев. Здесь франки сплотились вокруг орифламмы и отчаянно пытались устоять, пока мамлюки обрушивали на них «тучи стрел» и втягивали в рукопашный бой. Потери того дня были ужасны. Один из рыцарей Жуанвиля получил удар «копьем между лопаток, и рана была так огром-

на, что кровь выливалась из его тела, как из отверстия в бочке». Другой получил удар мусульманского меча в середину лица, практически отрубивший ему нос, который «качался над его губами». Рыцарь продолжил сражаться и позже умер от ран. О себе Жан написал: «Я был ранен пятью стрелами врага, а моя лошадь — пятнадцатью».

Крестоносцы были близки к поражению — некоторые пытались переплыть реку, и один очевидец записал, что видел «реку, полную копий и щитов, полную людей и лошадей, тонувших в воде». Тем, кто сражался рядом с королем, казалось, что врагов бесконечно много, потому что «на месте каждого убитого мусульманина тут же появлялся другой, свежий и рвущийся в бой». Однако на протяжении всего сражения Людовик был непреклонен и отказывался отступить. Вдохновленные примером своего короля христиане выдерживали атаку за атакой, и наконец около трех часов пополудни натиск мусульман ослабел. К ночи изрядно потрепанные франки сохранили господство на поле сражения⁴⁴.

Латинские источники описывают битву при Мансуре как величайшую победу христиан, и в каком-то смысле это действительно было так. Выстояв, франки создали плацдарм к югу от Таниса. Но за это достижение пришлось заплатить огромную цену. Гибель Роберта д'Артуа и его отряда, а также большого числа тамплиеров лишила экспедицию самых надежных воинов. Во всех последующих боях их отсутствие ощущалось необычайно остро. И хотя крестоносцы переправились через реку, город Мансура все еще оставался в руках противника и преграждал им путь дальше.

МЕЖДУ ПОБЕДОЙ И ПОРАЖЕНИЕМ

Сразу после сражения при Мансуре перед Людовиком IX возникла стратегическая дилемма. Теоретически у короля было две возможности: сократить потери и отступить за Танис или укрепиться на южном берегу в надежде как-нибудь одолеть Айюбидов. Выбор первой возможности был равнозначен признанию поражения, потому что, хотя такая остро-

рожная тактика могла позволить крестоносцам перегруппироваться, шансы организовать еще одно успешное наступление через реку были крайне ограниченными, поскольку армия понесла большие потери. Должно быть, Людовик также осознавал, что стыд и разочарование из-за оставления плацдарма, захваченного с такими огромными жертвами, вероятно, подорвут моральный дух армии и восстановить его уже не удастся. В ту ночь или на рассвете король еще мог скомандовать отступление, но этот шаг означал бы крах его египетской стратегии и конец Крестового похода.

Учитывая искреннюю веру Людовика в то, что его экспедиция «санкционирована и поддержана» свыше, что он обязан сохранять рыцарство и чтить достижения своих предков-крестоносцев, вряд ли стоит удивляться тому, что он отверг мысли об отступлении. Вместо этого он немедленно начал укреплять свои позиции к югу от реки, используя для этого материалы, найденные в разгромленном лагере мусульман, в том числе дерево от четырнадцати оставшихся катапульт, для сооружения импровизированного забора. Также были выкопаны неглубокие оборонительные траншеи. В то же время несколько маленьких лодок были связаны вместе, чтобы создать некое подобие моста через Танис. Так были соединены старый северный лагерь крестоносцев и их новый аванпост. Этими мерами крестоносцы подготовились к военным действиям, которые должны были последовать. Возможно, в памяти Людовика еще была свежа неожиданная победа при Дамьетте, и он был убежден, что сопротивление Айюбидов вот-вот будет сломлено.

Спустя три дня надеждам короля был нанесен первый удар. В пятницу 11 февраля мамлюки начали массированную атаку, возглавляемую Бахрией. Сражение длилось до темноты. Тысячи мусульман окружили лагерь крестоносцев, исполненные решимости сломить сопротивление франков с помощью обстрела и кровопролитного ближнего боя. Христиане позднее заявили, что подверглись «упорной, ужасной и устрашающей атаке», и многие латиняне из Утремера говорили, что «никогда не видели такого смелого и жестокого нападения». Необузданная ярость мамлюков ужаснула крестоносцев, один из

которых написал, «что они были похожи не на людей, а на диких зверей, одержимых злобой», и не боялись смерти. Многие франки были ранены в битве при Мансуре — Жуанвиль, к примеру, из-за ран не мог носить доспехи, — но тем не менее они упрямо защищались, и им помогали стрелы из арбалетов, которые обрушивали на противника стрелки из старого лагеря на противоположном берегу реки. Людовик опять сохранил хладнокровие, и латиняне устояли, хотя и потеряли много людей погибшими и ранеными. Среди последних был Великий магистр ордена тамплиеров, который 8 февраля потерял глаз, а теперь лишился второго и вскоре умер от ран.

В двух страшных сражениях латиняне продемонстрировали огромную стойкость и силу духа. Они также утверждали, что во втором сражении убили не менее 4 тысяч мусульман. В арабских хрониках нет сведений, подтверждающих или опровергающих эти данные, но, даже если они верны, такие потери не лишили Айюбидов подавляющего численного преимущества. Армия крестоносцев устояла, хотя и была сильно ослаблена. Отныне и впредь они не имели возможности атаковать. В лучшем случае они могли рассчитывать сохранить свой опасный плацдарм на южном берегу. А если Мансору нельзя было атаковать, как выиграть войну?

В последующие дни и недели вопрос встал еще острее. Египтяне периодически вели разведку боем, но в целом довольствовались тем, что удерживали христиан в границах лагеря. К концу февраля, в условиях отсутствия и намек на прогресс, атмосфера в лагере начала ухудшаться. Трудности крестоносцев усугубились началом эпидемии, в основном связанной с огромным количеством трупов, оставшихся на поле боя и в воде. Жуанвиль описывал, что видел десятки мертвых тел, плывущих по течению Таниса, которые запрудили реку у лодочного моста франков, так что «вся река была покрыта телами от одного берега до другого и так далеко вверх по течению, насколько можно было добросить камень». Начала сказываться и нехватка продовольствия, многие заболели цингой⁴⁵.

В этой ситуации снабженческая цепочка вниз по Нилу до Дамьетты стала жизненно важной. Пока христианский флот мог беспрепятственно перевозить грузы в лагерь Мансуры, но

вскоре все изменилось. 25 февраля 1250 года, после многомесячного путешествия из Ирака, в дельту Нила прибыл наследник Айюбидов аль-Муаззам Тураншах. Он сразу вдохнул новую жизнь в мусульманские армии. Разлив Нила давно закончился, и в канале Махалла было слишком мало воды, чтобы в него можно было войти с юга, но Тураншах приказал переправить около 50 судов волоком по суше к северной части канала. Оттуда суда могли плыть по Нилу мимо флота франков в Мансуре. Жуанвиль признал, что это «было большим шоком для наших людей». Уловка Тураншаха была идентична той, что мусульмане применили против Пятого крестового похода, и для экспедиции Людовика она предвещала катастрофу.

В течение следующих недель корабли Айюбидов перехватили два христианских снабженческих конвоя, идущие на юг из Дамьетты. Отрезанные от снабжения этой блокадой, крестоносцы вскоре оказались в безнадежном положении. Латинский очевидец описал чувство отчаяния, охватившее армию. «Все ожидали смерти. Никто не надеялся спастись. Невозможно было найти ни одного человека в этой огромной толпе, который не оплакивал бы павшего друга, и ни одной палатки, где не было бы больного или умершего». На этой стадии раны Жуанвиля загноились. Он позже вспоминал, как лежал в своей палатке, охваченный лихорадкой, а снаружи «цирюльник-хирург» очищал гниющие десны тех, кто был поражен цингой, чтобы люди могли есть. Жуанвиль слышал крики жертв этой варварской хирургии и уподобил их крикам женщин в родах. Нехватка продовольствия каждый день уносила новые жизни — людей и животных. Многие франки с радостью ели подгнившее мясо павших лошадей, ослов и мулов, а позднее перешли на употребление в пищу кошек и собак⁴⁶.

Цена нерешительности

К началу марта 1250 года положение в главном лагере христиан на южном берегу Таниса стало невыносимым. Один очевидец признал, что люди окончательно лишились надежд. И

основным виновником такого положения дел был Людовик. В середине февраля он не сумел произвести реальную стратегическую оценку рисков и возможных преимуществ, связанных с сохранением южного лагеря крестоносцев, лелея надежду на распад Айюбидов. Он также сильно недооценил уязвимость снабженческой линии по Нилу и численность войск, необходимых для того, чтобы одолеть египетскую армию в Мансуре.

Некоторые из этих ошибок можно было компенсировать последующей решительностью и целеустремленностью. Следовало признать, что лагерь непригоден для обороны. Единственный логический выход — немедленное отступление или переговоры, но весь март Людовик не предпринимал никаких шагов. Вместо этого, пока его войска слабели и все вокруг него умирали, французский монарх был парализован нерешительностью, не в силах осознать, что его египетская стратегия провалилась. Только в начале апреля Людовик наконец начал действовать, но было уже слишком поздно. Желая заключить перемирие с Айюбидами, он, вероятно, предложил обменять Дамьетту на Иерусалим (еще одна параллель с Пятым крестовым походом). Соглашение такого рода было возможно в феврале 1250 года, вероятно, даже в марте, но в апреле мертвая хватка мусульман, взявших христиан за горло, уже была очевидна всем. У Тураншаха имелись явные преимущества, и, чувствуя, что до победы уже рукой подать, он отклонил предложения Людовика. У христиан оставался единственный выход — уходить на север в Дамьетту, до которой было сорок миль (64 км) по открытому пространству⁴⁷.

4 апреля латинская армия получила соответствующий приказ. Сотни, даже тысячи больных и раненых предстояло погрузить на корабли и лодки, чтобы везти вниз по Нилу в тщетной надежде, что какому-нибудь плавсредству удастся избежать встречи с мусульманским кордоном. Крестоносцам, которые еще держались на ногах, предстояло пройти сорок миль (64 км) до побережья по суше.

На этой стадии и у самого Людовика началась дизентерия. Многие франки предлагали ему бежать — или на корабле, или на сильном коне, чтобы не попасть в плен. Но отважный, хотя и несколько безрассудный король решил проявить со-

лидарность и отказался покинуть своих людей. Он привел их в Египет и теперь надеялся вывести обратно в безопасное место. Был разработан не слишком удачный план, предусматривавший отступление под покровом темноты, оставив палатки в южном лагере на месте, так чтобы мусульмане не сразу узнали, что исход начался. Людовик также приказал своему инженеру Жослену де Корно перерезать канаты, удерживающие лодочный мост, когда переправа через Танис будет завершена.

К несчастью, все сразу пошло не так, как хотелось бы. Большинство крестоносцев переправились на северный берег в темноте, но группа лазутчиков Айюбидов заметила передвижения франков, поняла, что происходит, и подняла тревогу. Когда мусульмане атаковали его позиции, Жослен, судя по всему, бежал, и мост остался невредимым. Мусульманские воины получили прекрасную возможность переправиться через реку и устремиться в погоню. Началась паника и беспорядочное бегство. Один мусульманский очевидец описал: «Мы шли за ними по пятам, и нашим мечам хватало работы. Судьбой христиан стали позор и катастрофа».

Немного раньше в тот же день Жан де Жуанвиль и два его рыцаря сели в лодку и ожидали возможности отойти от берега. Он увидел раненого франка, в суматохе брошенного на произвол судьбы в северном лагере. Несчастный пополз к берегу Нила в надежде попасть на какой-нибудь корабль. Жуанвиль записал: «Пока я требовал, чтобы моряки выпустили нас, сарацины вошли в северный лагерь, и я увидел в свете пожаров, как они безжалостно убили несчастного». Затем лодка Жуанвиля отошла от берега, ее подхватило течение и понесло к спасению⁴⁸.

К рассвету 5 апреля 1250 года стал очевидным масштаб катастрофы. На суше разрозненные группы франков бежали от свирепых мамлюков, которым было неведомо понятие милосердия. В течение следующих дней много сотен отступающих христиан были убиты. Один отряд был остановлен в дне пути от Дамьетты, окружен и вынужден капитулировать. Великие символы гордости и храбрости франков были уничтожены: орифламма была разорвана на части, штандарт тамплиеров — растоптан.

Направляясь на север, престарелый патриарх Роберт и Одо де Шатору каким-то чудом сумели избежать плена, но после первых двадцати четырех часов пути, измотанные чрезмерным физическим напряжением, не могли продолжать путь. Роберт позже описал в письме, как они, по воле случая, наткнулись на маленькую лодку, привязанную кем-то к берегу, и все-таки добрались до Дамьетты. Так повезло немногим. Большинство кораблей, перевозивших больных и раненых, были разграблены или сожжены на воде. Лодка Жана де Жуанвиля медленно плыла по течению, и ее пассажиры имели возможность наблюдать ужасные сцены бойни на берегу. В конце концов лодка была обнаружена. Когда к ним направилось сразу четыре мусульманских корабля, Жуанвиль обратился к своим людям и спросил, что они предпочтут: высадиться на берег и попытаться пробиться к безопасности или остаться на воде и сдаться в плен. С обезоруживающей честностью он описал, как один из слуг заявил: «Мы все должны дать себя убить, потому что таким образом попадем в рай». Правда, Жуанвиль признал, что «никто из нас не последовал его примеру». Когда его лодка была захвачена, Жан, чтобы не быть убитым на месте, даже назвался кузеном короля. И его взяли в плен⁴⁹.

Во всеобщем хаосе король Людовик оказался разделенным со своими людьми. Он так сильно страдал от дизентерии, что ему даже пришлось прорезать дыру в штанах. Небольшая группа приближенных сделала попытку доставить короля в безопасное место, и они укрылись в маленькой деревушке. Именно там могущественный суверен Франции был взят в плен, когда лежал полумертвым в жалкой хижине. Его отважная попытка завоевать Египет окончилась неудачей.

КАЮЩИЙСЯ КОРОЛЬ

Ошибочные действия Людовика IX в Мансуре — главным образом его неспособность извлечь уроки из ошибок Пятого крестового похода — теперь усугубились его пленением. Никогда раньше король латинского Запада не попадал в плен во

время Крестового похода. Эта не имевшая аналогов в истории катастрофа поставила самого Людовика и жалкие остатки его армии в крайне уязвимое положение. Схваченные противником, не имея шанса обговорить условия капитуляции, франки были отданы на милость ислама. Наслаждаясь триумфом, мусульманский очевидец писал: «Подсчитали число пленных, их оказалось более 20 000, тех, кто был убит или утонул, насчитывалось 7000. Я видел мертвых, они покрывали лик земли в избытке. <...> Такого великого дня мусульмане еще не знали, и не слышали о подобном».

Пленных поместили в лагерь по всей дельте, рассортировав по рангам. Согласно арабскому свидетельству, Тураншах приказал простых людей обезглавить и поручил одному из своих помощников, которого привез из Ирака, проследить за казнью. Работа велась методично — по 300 казненных за ночь. Остальным франкам предложили выбор — переход в ислам или смерть — и высшую знать, таких как Жан де Жуанвиль, оставили в живых из-за их экономической ценности — как заложников. Жуанвиль предположил, что Людовику пригрозили пыткой, продемонстрировав деревянные тиски с зубьями, которыми ломали ноги жертве, но об этом больше нигде не упоминается. Несмотря на болезнь и унижительные обстоятельства пленения, монарх сохранил свое достоинство⁵⁰.

На самом деле положение Людовика улучшилось благодаря все более возрастающей неуверенности в своих силах Тураншаха. После своего прибытия в Мансуру наследник Айюбидов отдавал явное предпочтение своим собственным воинам и командирам, восстановив против себя высших чинов египетской армии, в том числе командира мамлюков Актая. Желая заключить сделку, которая укрепит его власть в Нильском регионе, Тураншах согласился на переговоры, и в конце апреля условия были урегулированы. Было объявлено перемирие на десять лет. Французский король освобождался в обмен на немедленную сдачу Дамьетты. За 12 тысяч крестоносцев, находившихся в плену, был затребован выкуп в размере 800 тысяч золотых безантов (или 400 тысяч турских ливров).

В начале мая, однако, неожиданно создалось впечатление, что даже выполнение этих тяжелых условий может не принести христианам свободу. Переворот в стане Айюбидов, которого так долго ждал Людовик у Мансуры, наконец произошел. 2 мая Тураншах был убит Актаем и порочным молодым мамлюком по имени Бейбарс. В последовавшей борьбе за власть сначала главой Египта Айюбидов стала Шаджар аль-Дурр. В действительности же начался грандиозный сейсмический сдвиг, который привел к постепенному, но неизбежному подъему мамлюков.

Несмотря на династические беспорядки, повторное вступление во владение Дамьеттой мусульманами прошло, как и было запланировано, и 6 мая 1250 года Людовик получил свободу. Он сразу начал собирать деньги, чтобы заплатить половину выкупа — 200 тысяч турецких ливров. Из них 177 тысяч турецких ливров были взяты из королевского военного бюджета, а оставшаяся часть — у тамплиеров. Потребовалось два дня, чтобы посчитать и взвесить эту сумму. 8 мая Людовик отплыл в Палестину со своими приближенными, среди которых были два его уцелевших брата — Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский, а также Жан де Жуанвиль. Пока большинство крестоносцев оставались в плену.

После несчастья

Надежды Людовика IX покорить Египет и выиграть войну за Святую землю не оправдались. Но во многих отношениях истинная и удивительная глубина крестоносного идеализма французского короля стала очевидной именно после этого унижительного поражения. В схожих обстоятельствах, опозоренные столь полной катастрофой, многие христианские монархи постарались бы скорее вернуться в Европу, забыв про Ближний Восток. Людовик поступил наоборот. Понимая, что его люди, вероятнее всего, будут гнить в мусульманском плену, если он не станет оказывать давление на египетский режим по их освобождению, король предпочел остаться в Палестине еще на четыре года.

В этот раз Людовик выступил в роли сюзерена Утремера и к 1252 году обеспечил освобождение своих воинов. Работая неустанно, он приступил к усилению береговых укреплений Иерусалимского королевства. Были восстановлены оборонительные сооружения Акры, Яффы, Кесарии и Сидона. Он также оставил в Акре постоянный гарнизон из 100 франкских рыцарей, которым французская корона платила примерно 4 тысячи турецких ливров в год.

Лидеры крестоносцев от Ричарда Львиное Сердце до Фридриха II всегда были склонны выставлять напоказ свои успехи. Людовик же выказал необычайную готовность взять на себя всю ответственность за египетские неудачи. Королевские сторонники сделали все возможное, чтобы переложить вину на Роберта д'Артуа, подчеркивая, что его совет привел к маршу в Мансуру осенью 1249 года, и критикуя его безрассудную инициативу 8 февраля 1250 года. Но в письме, написанном в августе 1250 года, Людовик восхвалил храбрость Роберта, назвал его «почтенной памяти нашим дорогим и прославленным братом» и выразил надежду и веру, что он будет причислен к сонму мучеников. В этом же документе король объяснил неудачу Крестового похода и его собственное пленение Божественным наказанием за грехи⁵¹.

Только в апреле 1254 года Людовик отправился обратно в Европу. Его мать Бланш умерла двумя годами ранее, и в королевстве Капетингов не было порядка и стабильности. Король вернулся со Святой земли другим человеком. Вся его последующая жизнь была отмечена набожностью, благочестием и аскетизмом. Он носил власяницу, ел очень мало и только самую простую пищу и постоянно молился. В какой-то момент он даже обдумывал возможность отречься от престола и уйти в монастырь. Он также лелеял мысль о новом Крестовом походе, возможно чтобы получить отпущение грехов.

Египетская экспедиция изменила жизнь короля Людовика, однако события на Ниле также имели более широкое влияние на латинскую Европу. Крестовый поход 1250 года был тщательно спланирован, имел хорошее финансирование и снабжение; его армии возглавлялись человеком, которого

можно было назвать образцом христианского монарха. И все же он потерпел сокрушительное поражение. По прошествии полутора веков почти непрерывных неудач в войне за Свя-тую землю последний провал вызвал отчаяние и сомнения на Западе. Некоторые даже отвернулись от христианской веры. Во второй половине XIII века, когда сила Утремера постепенно угасала и на левантийской сцене появились новые, казавшиеся неуязвимыми враги, шансы организовать новый Крестовый поход на Восток казались минимальными.

Часть пятая ПОБЕДА НА ВОСТОКЕ

Глава 22 ЛЕВ ЕГИПТА

В течение более чем полувека после смерти Саладина в 1193 году члены династии Айюбидов господствовали над ближневосточным исламским миром. Саладин принес поражение франкам-христианам Леванта, вернул исламу Иерусалим и сдержал Третий крестовый поход Ричарда Львиное Сердце. Но позднее, погрязнув в мелких склоках, Айюбиды выказали желание жить в относительном мире с оставшимися государствами крестоносцев. А поскольку и мусульмане, и христиане были заинтересованы в поддержании взаимовыгодных торговых связей, все чаще стали применяться переговоры, компромиссы и перемирие. Исламские правители Дамаска, Каира и Алеппо все еще считали себя поборниками джихада, но их борьба теперь была обращена внутрь, состояла в духовном очищении и религиозном попечительстве. Вместо внешних вооруженных форм джихада, выражавшихся в ведении священной войны, правители Айюбидов в основном стремились ограничить конфликты, понимая, что открытая агрессия может спровоцировать опасное и разрушительное вмешательство Запада — очередной Крестовый поход.

Этот более или менее уравновешенный *modus vivendi* был нарушен, когда на Востоке появились две новые суперсилы — мамлюки и монголы. Обе имели устрашающую военную мощь — ничего подобного в эпоху Крестовых походов не было, и их монументальное столкновение изменило судь-

бу Святой земли и историю Крестовых походов. Попав в тень этих двух гигантских монстров, латинский Утремер стал третьим, зачастую второстепенным претендентом в борьбе за господство на Востоке.

НОВЫЕ СИЛЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

После неудачного Крестового похода короля Людовика власть в Египте захватила новая исламская династия. Появился мамлюкский султанат, главенствующее положение в котором заняла военная элита мамлюков. На протяжении 1250-х годов велась запутанная и жестокая борьба за власть, когда разные лидеры мамлюков старались уничтожить последние остатки влияния Айюбидов в Нильском регионе. Мамлюки Бахрии были вынуждены покинуть Египет в 1254 году, когда их командир Актай был убит безжалостным военачальником Кутузом, возглавлявшим соперничающую фракцию мамлюков. Тремя годами позже Шаджар аль-Дурр — вдова последнего великого султана Айюбидов аль-Салиха — была казнена, и Кутуз постепенно захватил контроль над Египтом, хотя все еще правил от имени юного марионеточного султана аль-Мансура Али.

Тем временем Бахрия отправилась в ссылку во главе с Бейбарсом — одним из заговорщиков, убивших в 1250 году наследника Айюбидов Тураншаха. Бейбарс родился около 1221 года. Он был высоким темнокожим тюрком-кипчаком, представителем агрессивного и выносливого народа, жившего в русских степях и в древности называвшегося куманами. Говорят, у него был очень сильный голос, но самая удивительная черта его внешности — яркие голубые глаза, на одном из которых было маленькое, но отчетливо видимое белое пятнышко размером с иголочное ушко. Он был увезен в рабство в возрасте четырнадцати лет, прошел обучение мамлюка, потом некоторое время переходил от хозяина к хозяину и в 1246 году попал в полк Бахрия. Там быстро проявились его таланты лидера и военное мастерство. Он сражался против крестоносцев короля Людовика в битве при Мансуре в 1250 году.

В середине и в конце 1250-х годов Бейбарс и его Бахрия служили ряду незначительных эмиров Айюбидов, которые отчаянно пытались пробиться к власти в Сирии, Палестине и Трансиордании. Среди них был аль-Насир Юсуф, номинальный правитель Алеппо и Дамаска — эмир благородного происхождения, приходившийся внуком самому Саладину, но неспособный справиться с жестокими проблемами беспокойной эры изменения союзов, смены хозяев и появления новых мировых сил. В этот период Бейбарс оттачивал свои способности военного командира, добившись ряда впечатляющих успехов, хотя также потерпел несколько неприятных поражений. Его всегда поддерживал мамлюк и кипчак Калаун, его ближайший друг и товарищ по оружию. Пристально следя за событиями в Египте, Бейбарс дважды попытался захватить Нильский регион и свергнуть Кутуза, но, оставаясь в меньшинстве, не мог добиться убедительной победы.

К 1259 году Бейбарс проявил себя великолепным полководцем, имеющим очевидный аппетит к «профессиональному росту», но пока у него не было шанса реализовать свои амбиции или имеющийся потенциал. Такая возможность возникнет — и для Бейбарса, и для всего режима мамлюков — с появлением страшной угрозы для всего мусульманского Ближнего Востока¹.

Около 1206 года военачальник по имени Темуджин объединил кочевые монгольские племена восточноазиатских степей и принял титул Чингисхана (буквально — «строгий правитель»). Чингисхан и его сторонники были в высшей степени воинственными и верили — в рамках их языческой веры, — что монголам предопределено судьбой завоевать весь мир. Силой воли Чингисхан преобразовал враждующие монгольские племена в неодолимую армию, используя решительность монголов и их несравненное мастерство лучников и всадников.

В течение следующих пятидесяти лет монголы под командованием сначала Чингисхана, потом его сыновей все больше распространялись по земле. Другой такой силы не было не только в средневековом мире, но и во всей человеческой

истории. Безжалостные и бескомпромиссные, они ожидали от своих врагов немедленного и полного подчинения или уничтожали их. К 1250 году они уже господствовали на огромной территории, простирающейся от Китая до Европы, от Индийского океана до бескрайних просторов Сибири. Эта взрывная экспансия неизбежно привела монголов в контакт с христианами и мусульманами. Подчинив Северный Китай, монголы в 1229 году начали продвигаться на Запад, сокрушив исламских правителей Северного Ирана, — это заставило хорезмийцев перебраться в Северный Ирак, откуда они в 1244 году вторглись на Святую землю. Между 1236 и 1239 годами монгольская орда нанесла поражение восточным христианам Грузии и Армении и в 1243 году вторглась в Малую Азию, свергнув династию турок-сельджуков, правившую там с XI века. В 1230-х годах монгольские армии завоевали южные русские степи, создав Золотую Орду. По иронии судьбы многие кипчаки, жившие в этом регионе, стали беженцами. Двигаясь на юг, они попадали в цепкие руки работорговцев, тем самым существенно увеличив приток мамлюков в мусульманскую египетскую армию.

Наступая на запад, монголы вошли в контакт с латинскими христианами Европы, где их появление было встречено со страхом, смятением и неуверенностью. Новости, что мусульмане Ирана были разгромлены неизвестной силой, пришедшей из далеких земель Востока, достигли участников Пятого крестового похода в Египте в 1221 году. Многие франки предположили, что монголы могут быть ценными союзниками. Сначала в это поверили, потому что неизвестных монголов уподобили пресвитеру Иоанну, персонажу древней легенды о могущественном христианском короле, который якобы появится с Востока в самый мрачный час христианства. Со временем также стало ясно, что несториане (секта, обосновавшаяся в Центральной Азии) приобрели некоторое влияние среди монголов и даже обратили в христианскую веру жен некоторых военачальников.

Но латинское христианство постепенно стало осознавать, что монголы, или татары, как их называли в Европе, не были просто далекой чужеземной силой, а непосредственной и по-

тенциально смертельной угрозой. В 1241 году монгольская армия прошла Русь и провела следующий год, грабя и опустошая Польшу, Венгрию и Восточную Германию. Разрушения были огромны. Но даже перед лицом ужасного нашествия правители Западной Европы, занятые междоусобной борьбой, реагировали медленно и продолжали надеяться на договоренность или союз. С конца 1240-х годов римское папство отправило к монголам два миссионерских посольства, возглавляемые монахами. Эти франкские посланники преодолели тысячи миль, чтобы посетить богатый монгольский двор в Каракоруме (в Монголии), надеясь обратить великого хана в христианство. По возвращении они привезли недвусмысленные ультиматумы, требующие, чтобы Рим подчинился власти монголов. Будучи на Кипре, Людовик IX также установил контакт с татарами. В 1249 году он послал своих представителей к монголам в Иран. Посольство вернулось в 1251 году, нашло Людовика в Палестине и тоже привезло требование ежегодной дани, которое, как и следовало ожидать, французский монарх проигнорировал.

Несмотря на столь бескомпромиссный подход к дипломатии, монгольская империя начала приходить в упадок уже во второй половине XIII века, разъедаемая династической борьбой и проблемами, связанными с управлением столь обширной территорией. Тем не менее монголы не перестали внушать страх. В 1250-х годах новый великий хан Мунке (Менгу) — внук Чингисхана — инициировал новую волну экспансии в мусульманский мир Среднего Востока и за его пределами, назначив своего брата Хулагу командующим огромной ордой из десятков тысяч воинов — вместе с известным монгольским генералом Китбукой. Пройдя через Южный Иран, в 1256 году эта могущественная армия повернула на Багдад, где член династии Аббасидов до сих пор называл себя суннитским халифом. В феврале 1258 года Хулагу сокрушил Багдад, предав мечу более 30 тысяч мусульман и разрушив некогда великую столицу. Далее он подчинил себе большую часть Месопотамии, создав то, что впоследствии называли монгольским ильханатом Персии (который протянулся от Ирака до границ Индии). Затем Хулагу пере-

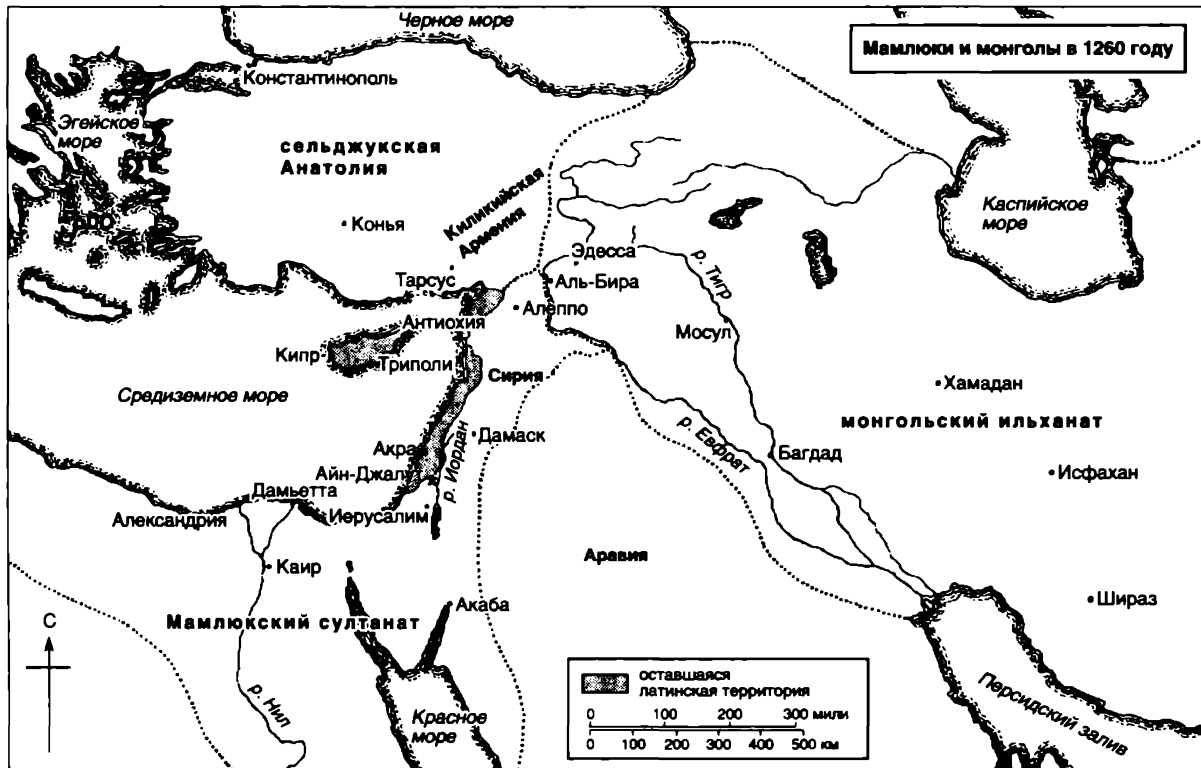
сек Евфрат и в 1259 году подошел к границам Сирии и Палестины.

Неудивительно, что приближение монголов привело в ужас население северной части Сирии. Христиане продолжали упрямо надеяться, что Хулагу может оказаться союзником против ислама, тем более что его жена была несторианкой. Король Киликийской Армении Хетум подчинился монгольскому правлению еще в 1246 году и получил разрешение сохранить частичную автономию в обмен на выплату ежегодной дани. Теперь Хетум убедил своего зятя Боэмунда IV (правителя княжества Антиохия и графства Триполи) стать союзником армии Хулагу. Аль-Насир, правитель Алеппо и Дамаска из династии Айюбидов, тоже платил монголам дань с 1251 года в надежде предотвратить прямое вторжение, однако осенью 1259 года, когда орда вошла в Сирию, ограничения политики уступок стали очевидными².

Сражение при Айн-Джалуте

Если приход монголов принес на большую часть мусульманского Ближнего Востока панику и хаос, миру мамлюков он дал новое чувство единства и целеустремленности. В ноябре 1259 года Кутуз использовал монгольскую угрозу, чтобы свергнуть юного султана и объявить себя новым правителем Египта. В то же время хватка аль-Насира явно стала слабеть. Находясь рядом с Дамаском, эмир Айюбидов, судя по всему, был полностью парализован страхом перед наступающими на Алеппо монголами — он никак не отреагировал, даже когда в южную часть Сирии потянулись потоки беженцев из Персии.

В начале 1260 года Хулагу осадил Алеппо с помощью Хетума и Боэмунда IV; к концу февраля город был захвачен и стал местом шестидневной оргии насилия. Боэмунд лично поджег главную городскую мечеть, и, хотя позднее был отлучен от церкви за помощь монголам, в результате пакта 1260 года князь получил немалые территориальные приобретения, среди которых было восстановление франкского

контроля над портом Латакия. После Алеппо Хулагу покорил Харим и Хомс и очень скоро добился полного господства над Северной Сирией. Новости об этих событиях заставили аль-Насира покинуть Дамаск, и городское население предпочло сдаться монголам, чтобы не повторить судьбу Алеппо. Так в марте 1260 года монгольский полководец Китбука оккупировал древнюю сирийскую столицу ислама. Скрывшийся аль-Насир был вскоре пойман и отправлен к Хулагу — где какое-то время к нему относились как к ценному заложнику, — но поступили сведения о смерти Мунке, и Хулагу решил покинуть Сирию вместе с большей частью своей армии, вернуться на Восток, чтобы проследить за тем, как великим ханом станет его брат Хубилай. Так главой монгольской Сирии остался Китбука, правда, в его распоряжении были значительно меньшие силы, но даже при этом он сумел тем же летом обеспечить подчинение Трансиордании Айюбидов.

Поскольку монголы вторглись на Святую землю, по большей части не встретив сопротивления, и разрушили мир Айюбидов, представлялось сомнительным, что какая-либо левантская сила имеет желание и возможности остановить их продвижение. Франки Иерусалимского королевства не разделяли готовности Боэмунда Антиохийского вступить в союз с монголами, понимая, что сделать это значит попросту заменить мусульманского врага на другого, еще более опасного. Надеясь избежать прямой конфронтации, латиняне приняли решение соблюдать нейтралитет³.

К середине 1260 года, таким образом, осталась лишь одна сила, способная противостоять монгольской орде, — мамлюки Египта. К этому времени Бейбарс уже понял, что его хозяева — Айюбиды не смогут противостоять монголам, поэтому он пошел на сближение с Кутузом и в марте вместе с оставшимися членами Бахрии прибыл в Каир. Договор соблюдался, хотя тщательно скрываемая взаимная враждебность и подозрительность ощущалась во всем. Оба — и Кутуз, и Бейбарс — знали о честолюбивых планах друг друга, к тому же Бейбарс не мог забыть о роли Кутуза в убийстве Актая. Один мусульманский хронист признал, что глаза обоих горели ненавистью друг к другу.

Перед мамлюками стоял определяющий вопрос: где столкнуться или умиротворить врага? По крайней мере, в этом Кутуз и Бейбарс были солидарны. В начале лета в Каир прибыло монгольское посольство, требовавшее подчинения мамлюков. Послов убили, тела разрубили пополам, а головы повесили на воротах Каира. Продемонстрировав таким образом свои намерения, мамлюки отправились на войну. Чем ждаться в Египте, надеясь отразить вторжение на родной земле, они предпочли напасть на Китбуку, пока его армия еще ослаблена. Такая стратегия, если, конечно, удастся добиться успеха, могла принести мамлюкам почти полное господство на Ближнем Востоке. Но риск был колоссальным, поскольку мамлюки собирались вступить в открытое сражение с монголами, непобедимым противником, которым были повержены все прочие армии.

В середине лета 1260 года мамлюки вышли из Египта, собрав некоторые дополнительные мусульманские войска, которые прежде служили Айюбидам. Бейбарс был назначен командиром мамлюкского авангарда. Вместе с Кутузом он наметил план атаки. Были сделаны попытки вовлечь в активный союз и франков. Те отказались, следуя политике нейтралитета, но позволили мусульманской армии беспрепятственно пройти на север через латинскую территорию в Акру. Новость об этом наступлении привела Китбуку, тогда базировавшегося в Баальбеке (Ливан), на юг вместе с дополнительными войсками, набранными в Грузии, Киликийской Армении и мусульманском Хомсе.

Великая битва, которая должна была решить судьбу Ближнего Востока, имела место в Айн-Джалуте, в Галилее, где Саладин хотел схватиться с франками в 1183 году. Возглавляя авангард, Бейбарс обнаружил монгольскую армию, разбившую лагерь неподалеку от этого селения у подножия горы Гильбоа. Тогда он и Кутуз повели армию мамлюков на юго-восток по Изреельской долине и 3 сентября атаковали. Противоборствующие армии были примерно равны по численности — в каждой было 10—12 тысяч человек, — так что по нормам средневековой войны обе стороны сильно рисковали. Кутуз и Бейбарс продемонстрировали храбрость и пре-

красное командование, отбив две массированные атаки, и в ключевой момент мусульмане из Хомса, стоявшие на левом фланге монголов, бежали с поля боя. Теперь перевес был на стороне мамлюков, которые сумели окружить монголов и убить Китбуку. В этот эпохальный исторический момент якобы неодолимая волна монгольской экспансии была остановлена новыми защитниками ислама.

Только одно шупальце великой монгольской империи было отсечено, и призрак возмездия остался — пока не имеющий возможности вернуться на Ближний Восток Хулагу отреагировал на известие о неудачах, казнив аль-Насира. Но победа при Айн-Джалуте оказалась критической в обеспечении будущего подъема мамлюкского султаната. Сразу после сражения Кутуз взял на себя контроль над Дамаском и Алеппо, назначив двух своих союзников губернаторами. Тем самым он пренебрег амбициями и ожиданиями Бейбарса и нарушил обещание вознаградить его, дав власть в Алеппо (вероятно, он рассудил, что было бы неосмотрительно оставлять соперника у власти так далеко от Египта). Поэтому султан и его недовольный полководец с триумфом отправились в обратный путь вместе⁴.

Около 22 октября 1260 года, когда Кутуз и его эмиры переходили египетскую пустыню по пути в Каир, султан предложил ненадолго прервать путешествие, желая предаться своему излюбленному занятию — охоте на зайцев. Бейбарс и небольшая группа мамлюков отправились вместе с ним. Отъехав на достаточно большое расстояние от лагеря, предатели убили Кутуза. До нас дошло несколько разных рассказов об этом перевороте. Представляется, что Бейбарс попросил султана об одолжении (вероятно, хотел получить девушку-рабыню), и, когда Кутуз согласился, он наклонился, чтобы поцеловать ему руку. В тот же момент Бейбарс крепко стиснул руку султана, чтобы он не мог выхватить оружие, а другой эмир ударил его мечом по шее. После этого приблизились другие заговорщики, и султан умер под градом ударов.

Судя по всему, Бейбарс был главой заговорщиков, но его положение не было прочным. После возвращения в лагерь

были собраны на совет в королевском шатре все ведущие эмиры мамлюков. Учитывая их общие племенные тюркские корни, в среде элитных мамлюков было хорошо развито чувство равенства. Они ожидали, что любой новый лидер будет избран из их числа. Чтобы его не обошли, Бейбарс объявил, что, раз Кутуз убит, он заслужил право на власть, «подсластив» свое требование обещаниями наград и всемерной поддержки своим сторонникам. Такими средствами — кнутом и пряником — Бейбарс стал новым мамлюкским султаном, то есть человеком, отныне ставшим ответственным за борьбу мусульманского Ближнего Востока против монголов и латинян⁵.

БЕЙБАРС И МАМЛЮКСКИЙ СУЛТАНАТ

Осенью 1260 года Бейбарс со всей очевидностью убедился в непрочности своего положения. Он поспешил утвердиться в Каире, занял цитадель — резиденцию султанов, построенную еще Саладином, и вознаградил широкий круг эмиров за преданность выгодными должностями и богатством. Кроме того, уцелевшие мамлюки Бахрии стали его личными телохранителями. Их прежние казармы на Ниле были позже перестроены, и командовали там самые доверенные эмиры султана, включая Калауна.

Прежде всего Бейбарсу следовало узаконить собственное правление и укрепление власти мамлюков в Египте. Однако новый султан также обладал достаточной политической и стратегической проницательностью, чтобы признать и адаптироваться к новому порядку в левантийском мире. В прошедшие десятилетия мусульманские лидеры старались объединить ислам и, в некоторых случаях, вступать в активное противостояние с франками на Святой земле. Теперь ситуация изменилась, сформировалась новая система взглядов и понятий. После 1260 года наиболее угрожаемыми были северные и восточные границы Сирии, откуда главный враг — монгольская империя — мог снова попытаться уничтожить ислам. Чтобы противостоять этой угрозе, границы должны

быть защищены, и Ближний Восток превращен в единое и неприступное государство-крепость.

Латинские христиане являлись вторичной опасностью. Их оставшиеся поселения располагались внутри Сирии, Ливана и Палестины, которые Бейбарс желал объединить и обезопасить против монголов. Султан правильно рассудил, что после таких катастроф, как битва при Ла-Форби, франки Утремера обессилены. Сами по себе они не представляли опасности. Но в качестве союзников внешней силы — будь то монгольская орда или западные крестоносцы — они могли открыть на Ближнем Востоке проблемный и отвлекающий внимание второй фронт. Эти «встроенные» источники беспокойства следовало нейтрализовать.

Понимая ситуацию, Бейбарс посвятил начало 1260-х годов радикальному изменению мусульманского Ближнего Востока, установив там мощный авторитарный режим. Одновременно он начал готовить мамлюкское государство к началу войны — против монголов или христиан. Таким образом, новый султан в первые годы пребывания у власти активно готовился к тому, что, он надеялся, станет окончательной победой в борьбе за Святую землю.

Защитник ислама

Поначалу положение Бейбарса было не слишком прочным. Он унаследовал мамлюкское государство, которое было лишь частично сформировано, и он был напрямую связан убийством двух прежних султанов — Тураншаха и Кутуза. На фоне столь явно запятнанного прошлого были вполне возможны гражданские беспорядки или попытки переворота, да и лояльность многих приближенных эмиров вовсе не была гарантирована. Но в конце 1260-х годов новый султан получил весомое преимущество. После монгольского нашествия и битвы при Айн-Джалуте сохранявшаяся еще в Сирии и Палестине власть Айюбидов пошатнулась, и Святая земля оказалась готовой подпасть под власть мамлюков. Так что, в противоположность таким правителям, как Нур ад-

Дин и Саладин, которые десятилетиями трудились, чтобы объединить Ближний Восток, Бейбарс смог установить контроль над Дамаском и Алеппо в первые же годы своего правления, и назначил региональных губернаторов, ответственных перед Каиром.

В дополнение к этому Бейбарс сумел воспользоваться триумфом при Айн-Джалуте, чтобы узаконить свою власть. Представив себя спасителем ислама, он приказал соорудить на поле сражения монумент и разрушить гробницу Кутуза, желая тем самым исключить даже мысль о том, что покойный султан тоже мог сыграть героическую роль в происшедшей битве. В последующие годы помощник и официальный биограф Бейбарса Абд аль-Захир в своем повествовании о жизни султана переиначил историю сражения, представив его итог как победу, одержанную практически лично Бейбарсом. Султан также способствовал насаждению культа своей личности. Он выбрал своей эмблемой льва, идущего влево с поднятой передней лапой. Этот отличительный геральдический знак был помещен на монеты Бейбарса, на здания и мосты, возводимые в период его правления. И поскольку мамлюкскому государству в 1260-х годах действительно угрожали мощные враждебные силы, султан использовал эти угрозы для проведения беспрецедентной программы милитаризации и укрепления власти⁶.

Бейбарс сделал ряд мастерских шагов для укрепления своих позиций в султанате. Чтобы обосновать новый мамлюкский режим в рамках традиционных для ислама законодательной и духовной иерархии, он восстановил суннитский халифат Аббасидов. В июне 1261 года Бейбарс заявил, что обнаружил уцелевшего члена династии Аббасидов. Родословная этого человека была тщательно изучена и проверена избранными каирскими юристами, теологами и эмирами, и он стал новым халифом аль-Мустансиром. Тогда Бейбарс принес ритуальную клятву верности халифу, обещал поддерживать и защищать веру, править справедливо, в соответствии с законом, служить защитником суннитской ортодоксальности и вести джихад против врагов ислама. В ответ аль-Мустансир облек Бейбарса полномочиями единственного всемогущего

султана всего исламского мира. Этот акт не только подтвердил его права в Египте, Палестине и Сирии, но также стал оправданием экспансионистской кампании. В финальном публичном подтверждении законности его режима Бейбарсу было вручено султанское одеяние — черный круглый тюрбан, такой, как обычно носили Аббасиды, фиолетовая мантия, туфли с золотыми пряжками и церемониальный меч. Одетый в это великолепие султан проехал вместе с халифом в процессии по Каиру. С этого момента и впредь Бейбарс никогда не забывал поддерживать власть халифа, во всяком случае, пока это не влияло на его собственное положение. И халиф, и султан упоминались в пятничных молитвах, и на монетах мамлюков значились оба имени.

Чтобы усилить ауру традиционности и преемственности в султанате, Бейбарс сознательно стремился связать себя с мусульманскими правителями. Первый, аль-Салих Айюб (прежний хозяин Бейбарса), теперь представлялся последним законным султаном Айюбидов, а Бейбарс — его прямым и законным наследником. Это была ловкая манипуляция фактами прошлого, которая для удобства игнорировала кровавую неразбериху 1250-х годов. Султан также «моделировал» себя по образу и подобию Саладина, покорителя франков и пламенного моджахеда. Подражая его прославленной щедрости как покровителя веры, Бейбарс приступил к восстановлению пришедшей в упадок мечети Каира. Он также соорудил новую мечеть и медресе у гробницы аль-Салиха. Султан посетил Иерусалим, где реставрировал Купол Скалы и мечеть Аль-Акса, которые при Айюбидах пришли в упадок.

В эти ранние годы султан проводил и некоторые гражданские мероприятия. Стараясь с самого начала зарекомендовать себя «справедливым правителем», Бейбарс ликвидировал военные налоги, введенные Кутузом, создал дворцы правосудия в Каире и Дамаске и также приказал выплачивать купцам справедливую цену за товары, конфискованные государством. Такими способами султан обеспечил широкую народную поддержку своих подданных на Ближнем Востоке, укрепив свои позиции по сравнению с другими, рвущимися на его место мамлюками⁷.

Централизация власти в мамлюкском государстве

Работая над узакониванием мамлюкского султаната и своего положения, Бейбарс принимал меры к правительственной и административной централизации. Мамлюкский Каир превратился в безусловную столицу мусульманского Ближнего Востока, а султан был наделен деспотической властью, которой еще не знал средневековый мир. В отличие от многих своих предшественников Бейбарс внимательно следил за государственными финансами и контролировал казну — эти меры дали ему богатство, необходимое для оплаты реформ.

Став султаном, Бейбарс мог ожидать, что его воля будет беспрекословно исполняться во всем мамлюкском мире, и он с готовностью использовал и прямую силу, и пропаганду, чтобы обеспечить подчинение и уступчивость со стороны региональных правителей — губернаторов. Эмиров, которые не могли незамедлительно собрать войска для военных действий, подвешивали за руки на три дня. Если находились глупцы, осмелившиеся на мятеж, их ожидали пытки от ослепления до расчленения и распятия. Как и правители до него, в том числе Нур ад-Дин и Саладин, Бейбарс использовал внешние угрозы, чтобы оправдать свое автократическое поведение, но теперь главными врагами государства считались монголы. Таким образом, когда султан в 1263 году пожелал отстранить от власти в Трансиордании мелкого князька аль-Мухита из Айюбидов, против него было выдвинуто обвинение в установлении отношений с ильханатом Персии, и в качестве свидетельств были представлены письма, якобы написанные аль-Мухиту Хулагу.

Но если отбросить в сторону обман и жестокость, истинным краеугольным камнем власти Бейбарса на Ближнем Востоке была связь. Он был первым мусульманином Средневековья, который справлялся с делом управления пан-Левантийской империей из Египта, потому что не пожалел средств на обширную сеть доставки сообщений. За много веков до него византийцы и ранние Аббасиды использовали громоздкую почтовую систему посыльных, но она давно не использовалась. Бейбарс создал *барид* — почтовую систему с использо-

ванием конных курьеров, специально отобранных и получавших хорошее вознаграждение за свою надежность. Меняя лошадей на специальных почтовых станциях, расположенных вдоль ключевых дорог на всей территории мамлюков, эти люди могли доставить послание из Дамаска в Каир за четыре дня, а в случае особой срочности даже за три. Баридом мог пользоваться только султан, и письма всегда сразу доставлялись непосредственно Бейбарсу, независимо от того, чем он был занят. Однажды ему доставили послание, когда он мылся в бане. Чтобы обеспечить быструю передачу информации, основные дороги и мосты поддерживались в хорошем состоянии. Для транспортировки почты также использовались почтовые голуби и система сигнальных огней. Эта замечательная и очень дорогая система позволяла Бейбарсу поддерживать связь с удаленными территориями государства — в первую очередь с его северными и восточными районами, пограничными с монголами. Он мог с воистину беспрецедентной скоростью реагировать и на военные угрозы, и на гражданские беспорядки⁸.

Практические и административные реформы служили укреплению мамлюкского государства и «королевской» власти. Между тем режим Бейбарса был не без недостатков. Успех в высшей степени централизованного подхода к управлению в основном зависел от личных качеств и навыков султана, и возникал закономерный вопрос, как со всем этим справится его будущий преемник. Желая задумать идею о том, что султан мамлюков должен избираться, Бейбарс предпринимал попытки заложить фундамент собственной семейной династии. Для этой цели он в августе 1264 года назначил своего четырехлетнего сына Барака соправителем. Учитывая, что среди элиты мамлюков всегда ценились заслуги, а не наследственность, вопрос, сработает ли его план, оставался открытым.

Бейбарс также установил потенциально разрушительную связь с *суфи* (святым человеком) — мистиком Хадиром аль-Мирани. Он претендовал на роль пророка, хотя многие при дворе мамлюков втайне считали его мошенником. Хадир подружился с Бейбарсом во время визита султана в Палестину в 1263 году. Под впечатлением предсказаний множества буду-

щих завоеваний мамлюков (кстати, впоследствии немало его пророчеств сбылось) Бейбарс пожаловал ему собственность в Каире, Иерусалиме и Дамаске. Хадир имел неограниченный доступ в круг приближенных султана и, как утверждают, был посвящен в государственные дела — к немалой досаде мамлюков — помощников Бейбарса. Эта странная связь предполагает, что даже хладнокровный деспот вроде Бейбарса может быть падок на лесть — именно это качество впоследствии стало «щелью» в его обороне, которую еще предстояло заделать.

Дипломатия мамлюков

Учитывая время и ресурсы, потраченные Бейбарсом внутри мусульманского Леванта в процессе строительства мамлюкского государства в начале 1260-х годов, а также резкий милитаризм, ставший очевидным позднее, легко предположить, что он предпочитал замкнутость в отношениях с внешним миром и отвергал дипломатию. На деле он был активным и способным игроком на международной сцене. Бейбарс использовал переговоры, чтобы добиваться трех взаимосвязанных целей: предотвратить любую возможность союза между латинским Западом и монголами, посеять разногласия в рядах монголов, поощряя соперничество между Золотой Ордой и персидским ильханатом, и поддерживать постоянную доставку новых рабов из русских степей.

В первый год своего пребывания у власти султан установил контакт с внебрачным сыном покойного императора Фридриха II королем Манфредом Сицилийским (1258—1266). Желая сохранить традицию тесных отношений между Египтом и Гогенштауфенами и поддержать антипапскую политику Манфреда, султан направил послов к сицилийскому двору с всевозможными экзотическими дарами, среди которых была группа монгольских пленных с конями и оружием — свидетельство о том, что репутация неуязвимости монголов сильно преувеличена. После смерти Манфреда Бейбарс возобновил контакт с его противником и преемником — алчным братом короля Людовика IX Французского Карлом Анжуйским.

Султан также в 1261 году открыл каналы для переговоров с Золотой Ордой. Монгольский правитель региона Беркехан (1257—1266) принял ислам и был втянут в ожесточенную борьбу с ильханатом Персии. Бейбарс польстил религиозным чувствам Берке, включив его имя в пятничные молитвы в Мекке, Медине и Иерусалиме, и, установив равноправные отношения, сохранил доступ к рынкам рабов в Золотой Орде и обезопасил северные границы султаната с Малой Азией. Чтобы обеспечить безопасную и эффективную доставку рабов-кипчаков с Черного моря в Египет, султан также заключил соглашения с генуэзцами — главными перевозчиками рабов в Средиземноморье. Эти итальянские купцы недавно проиграли так называемую «войну святого Саввы» — двухлетнюю борьбу с Венецией за экономическое и политическое первенство в Акре и Палестине. В 1258 году эта гражданская война закончилась поражением генуэзцев, они переместились в Тир и в 1260-х годах и далее были даже очень рады возможности торговать с мамлюками. Для того чтобы генуэзские суда могли и дальше иметь беспрепятственный доступ в пролив Босфор, Бейбарс установил дополнительные контакты с императором недавно восстановленной Византии Михаилом VIII Палеологом, который вернулся в Константинополь в 1261 году после окончательного краха латинской Романии⁹.

Для мамлюка, которого с детства обучали искусству войны, а не интригам дворцовой политики, султан Бейбарс плел эту сложную сеть дипломатических интересов удивительно ловкой и уверенной рукой — одновременно он всячески старался изолировать монгольский ильханат и латинский Утремер.

Усовершенствование мамлюкской военной машины

Между 1260 и 1265 годами Бейбарс проявлял феноменальную активность в области дипломатии и управления государственными делами. Но, всегда помня о необходимости вести срочную и обширную подготовку к войне, он одновременно

поставил мамлюкское государство на путь милитаризации. Основной целью султана было ведение джихада против монголов и левантийских франков — победы, которые еще больше укрепят его положение и репутацию, завоевания, которые сделают мусульманское господство над Левантом бесспорным.

С самого начала быстро шла работа по укреплению физической защиты мира мамлюков. В Египте были усилены фортификационные сооружения Александрии и устье Нила в районе Дамьетты было частично перекрыто, чтобы предотвратить другое вторжение с моря в дельту, как то, что предпринял Людовик IX. По всей Сирии укрепления, разрушенные монголами в Дамаске, Баальбеке, Шайзаре и других городах, были восстановлены. На северо-востоке, вдоль течения реки Евфрат — теперь ставшей фактической границей с Персидским ильханатом — замок Аль-Бира стал незаменимой опорой. Крепость была усилена, обеспечена большим гарнизоном, и за ее безопасностью Бейбарс внимательно следил при посредстве барида. Аль-Бира доказала свое значение в конце 1264 года, когда успешно выдержала первое серьезное наступление сил ильханидов. Эта атака, вызванная передышкой в войне между Золотой Ордой и монгольской Персией, заставила султана собрать свои армии для войны, но, когда он готовился выйти из Египта, пришло сообщение о том, что ильханиды сняли осаду Аль-Биры и отступили.

На замки, конечно, можно отчасти полагаться, считал Бейбарс, но основой мамлюкского государства все же была армия. Приняв и существенно расширив существующую систему набора мамлюков, он постоянно приобретал новых юных рабов мужского пола из числа кипчаков, а позднее — выходцев с Кавказа. Мальчиков обучали, внушали взгляды мамлюков и в возрасте восемнадцати лет освобождали, чтобы они служили своим хозяевам в мамлюкском султанате. Такой подход создал постоянно самовосстанавливающуюся армию. Один историк назвал ее «знатью на одно поколение», потому что дети, родившиеся у мамлюков, не считались частью военной элиты, хотя им разрешалось вступать в резерв *халка* (*halqa*) — второго эшелона.

Бейбарс вкладывал большие финансовые ресурсы в строительство, обучение и улучшение армии. В общей сложности число мамлюков возросло в четыре раза и достигло примерно 40 тысяч конных воинов. Ядром этой силы был 4-тысячный полк мамлюков — новая элита Бейбарса, — прошедший специальную подготовку в цитадели Каира. Здесь рекрутов обучали искусству виртуозного владения мечом — они учились наносить точные удары, повторяя одно и то же движение тысячу раз в день, мастерству конных лучников — они использовали мощные композитные, загибающиеся назад луки. Султан поддерживал жесткую дисциплину. Во время его правления в Каире было построено два крупных ипподрома — тренировочные арены, где мамлюки совершенствовали навыки боя и искусство верховой езды. Находясь в столице, Бейбарс и сам ежедневно тренировался, являя собой пример истинного профессионализма и преданности делу. Он всемерно поощрял своих мамлюков экспериментировать с новыми видами оружия, внедрять новые технологии. Некоторые лучники, к примеру, пытались использовать стрелы с греческим огнем, оставаясь в седле¹⁰.

Когда мамлюки становились взрослыми, они получали плату, но должны были иметь собственных лошадей, доспехи и оружие. Чтобы удостовериться, что его войска должным образом экипированы, Бейбарс ввел войсковые смотры, во время которых вся армия в полном боевом облачении проходила мимо султана, причем за один день (частично таким образом он желал убедиться, что экипировка не передается воинами друг другу). Неявка на эти смотры каралась смертью. Страх также был главным инструментом обеспечения порядка во время военных кампаний. Во многих экспедициях запрещалось пить вино, и, если обнаруживалось, что солдат нарушил запрет, его вешали.

Чтобы усилить человеческий фактор мамлюкских вооруженных сил, Бейбарс вкладывал средства в некоторые виды тяжелых вооружений. Особое внимание уделялось развитию осадных машин, в том числе сложных катапульт с противовесом — требушетов. Именно они стали опорой искусства ведения осадных войн мамлюками. Их разбирали, доставляя-

ли к цели и снова собирали. Самые крупные из них металы камни весом более 500 фунтов (230 кг). В дополнение к чисто военной силе Бейбарс придавал большое значение точной и своевременной разведке. Поэтому он поддерживал обширную сеть лазутчиков и шпионов по всему Ближнему Востоку и получал отчеты от своих агентов у монголов и франков. Султан также покровительствовал бедуинам — арабским кочевым племенам Леванта — и заручился их поддержкой в военных конфликтах и помощью в сборе информации.

Таким образом, применяя разные методы, Бейбарс создал самую грозную мусульманскую армию эпохи Крестовых походов. Это была сила более многочисленная, дисциплинированная и безжалостная, чем любая другая из тех, что вели войну за Святую землю, совершенная военная машина своего времени¹¹. Узаконив и укрепив свою власть, султан в 1263 году, имея за собой объединенный исламский Ближний Восток, решил использовать это смертоносное оружие во имя джихада.

ВОЙНА ПРОТИВ ФРАНКОВ

В отличие от своих предшественников — Айюбидов султан Бейбарс не проявлял интереса к соглашениям с Утремером. Он не считал нужным договариваться с франками о поддержании торговых путей и не старался отсрочить новый Крестовый поход. Он просто хотел полностью ликвидировать латинское присутствие в Леванте. Бейбарс посчитал, что таким образом грузопотоки вернутся обратно в Египет и, в отсутствие плацдарма на Святой земле, любые попытки Запада организовать новое вторжение обречены на провал. Султан всегда сознавал необходимость внимательно следить за монголами, но это не помешало ему инициировать серию безжалостных ударов по латинским государствам Леванта.

Пока в начале 1260-х годов велась подготовка к военной кампании, Бейбарс провел несколько разведывательных рейдов во франкскую Палестину, единственным заметным результатом которых стало разрушение церкви в Назарете. Чтобы

предотвратить преждевременное начало военных действий, султан согласился на ограниченные перемирия с разными фракциями, существовавшими в рамках латинского королевства, которое теперь пребывало в прискорбно слабом и раздробленном состоянии. Самый полезный пакт был заключен с Ибелином, графом Яффы, одним из последних великих баронов Утремера. В 1261 году Бейбарс принял его мирные предложения, и порты Яффы стали использоваться для транспортировки зерна из Египта в Палестину. Однако к 1263 году, когда монголы сняли осаду аль-Биры, Бейбарс начал полномасштабное наступление против франков.

Тропю разрушения

В течение следующих трех лет султан Бейбарс вел жестокую кампанию завоеваний и разрушений. Такого размаха военных действий мир не видел со времен Хаттина (1187). Чтобы иметь формальное оправдание своих действий, султан обвинил франков в том, что они подстрекали монголов к недавнему нападению на мамлюкскую территорию на севере. Военные действия начались в первые месяцы 1265 года. Первой целью Бейбарса было столкновение с полевой армией франков, от которой теперь сохранились лишь жалкие остатки. После этого султан мог последовательно уничтожать латинские поселения практически беспрепятственно.

В феврале мамлюкская орда разбила лагерь в лесах около прибрежного города Арсуф. У Бейбарса был массивный шатер, возведенный рядом с королевским павильоном, в котором тайно собирали пять требушетов. Когда средства прорыва обороны противника были приготовлены, 27 февраля армия вышла на латинский порт Кесария. Появившись неожиданно, мусульмане быстро захватили нижний город, а христианское население укрылось в цитадели, одной из тех, что были недавно укреплены с помощью короля Людовика IX. Султан развернул свои требушеты и начал обстрел города камнями и греческим огнем, одновременно была построена осадная башня, на которой он сражался лично. К

5 марта уцелевшие защитники бежали на суда, высланные из Акры. Кесария была брошена. Бейбарс приказал сровнять с землей и город, и цитадель.

И снова, не объявив, какова следующая цель, султан 19 марта выступил на юг и осадил Арсуф, который к этому времени был окружен глубоким рвом и имел сильную цитадель. Сначала мамлюки под командованием Калауна попробовали соорудить проход к стенам города, забросав ров деревьями, который валили в местном лесу, но защитники сумели ночью поджечь его. После первой неудачи Бейбарс подверг город непрерывному обстрелу; 30 апреля 1265 года гарнизон капитулировал и был взят в плен. Перед такой несокрушимой мощью гарнизон Акры, находившийся в безнадежном меньшинстве, был практически бессилён. Даже когда номинальный правитель Иерусалимского королевства Гуго де Лузиньян 30 апреля прибыл с Кипра с небольшим подкреплением, франки даже не попытались противостоять нашествию мамлюков. В начале мая Бейбарс приказал войскам уничтожить Арсуф и, торжествуя, отправил христианских пленных в Египет, вынудив их войти в Каир со сломанными крестами на шеях. Летом султан написал письмо Манфреду Сицилийскому, сообщив об успехах. Продемонстрировав полное безразличие к будущему Утремера, что теперь было характерно для некоторых кругов на Западе, Манфред отправил в Египет дары и поздравления. Другие, в том числе папство, услышав об агрессии мамлюков, начали обдумывать ответные действия.

Во время этой первой волны атак Бейбарс наносил удары быстро и эффективно. Его методы и достижения выявили мастерство мамлюков в ведении осадной войны, их подавляющее численное и технологическое превосходство. Султан также продемонстрировал способность использовать хитрость, чтобы не дать латинянам подготовиться к нападению. В будущих кампаниях Бейбарс принимал все возможные меры, чтобы сохранить эффект внезапности. Всегда подозревая, что рядом может оказаться вражеский лазутчик, он использовал гонцов для доставки запечатанных приказов своим генералам, содержащих детальные сведения о следующей цели. Приказы

должны были быть прочитаны уже на марше. А самое страшное, что в случае с Арсуфом и Кесарией султан показал, что в его намерения входит разрушение, а не оккупация. На всем Средиземноморском побережье его политика заключалась в стирании латинских портов с лица Святой земли. Он хотел во что бы то ни стало закрыть по очереди все двери, соединяющие Утремер с Западом.

Сломить франков

Весной 1266 года Бейбарс возобновил военные действия. Одна армия из примерно 15 тысяч воинов была отправлена под командованием Калауна в Триполи, где она уничтожила ряд второстепенных крепостей, сровняв их с землей. Позднее тем же летом еще одна армия была отправлена в Киликийскую Армению, чтобы наказать армянских христиан за союз с монголами. Туда мусульманская орда прибыла в августе 1266 года и разрушила ряд армянских поселений. Эта жестокая кампания оставила киликийское королевство Хетума в крайне ослабленном состоянии.

Тем временем султан повел свои главные силы вдоль побережья, применяя тактику выжженной земли. Не оставив ничего вокруг Акры, Тира и Сидона, мамлюкская орда повернула в глубь территории и атаковала крепость тамплиеров Сафед в Галилее, последний латинский оплот на внутренней территории Палестины. По словам помощника Бейбарса, этот замок выбрали, поскольку он стоял «комом в горле Сирии и препятствием для дыхания в груди ислама». Осада началась 13 июня 1266 года одновременным обстрелом и подкопами, и, хотя тамплиеры оказали упорное сопротивление, они 23 июля все же были вынуждены пойти на переговоры. Были согласованы условия сдачи, которые якобы гарантировали франкам безопасный уход на побережье, но они так и не были выполнены. Или пойдя на дерзкий обман, или, как утверждают мусульманские источники, потому, что тамплиеры вышли из Сафед с оружием, Бейбарс приказал казнить весь гарнизон. 1500 христиан были

отведены на близлежащий холм — на место, где тамплиеры обычно казнили своих мусульманских врагов, — и там обезглавлены. В живых остался один франк, которого отправили в Акру, чтобы он рассказал другим франкам о происшедшем, внушив им страх¹².

После этой битвы Бейбарс самым тщательным образом укрепил Сафед, вложив в него немалые средства, и оставил в крепости сильный мусульманский гарнизон. Помимо укреплений он построил внутри ее стен две мечети. Так он начал претворять в жизнь вторую составляющую своей стратегии: удержание главных опорных пунктов внутри страны, которые станут центрами административного управления и военного господства мамлюков. В последующие месяцы он захватил еще ряд крепостей и поселений в Палестине, включая Рамлу. К концу лета внутренние районы Галилеи и Палестины были под контролем султана.

Латиняне Утремера, которые в течение двух лет терпели непрерывные поражения, были в смятении. Они не знали, как противостоять врагу, казавшемуся непобедимым. В октябре 1266 года Гуго де Лузиньян возглавил отряд из 1200 человек и повел их в Галилею, но половина людей была безжалостно убита мусульманскими силами из Сафеда. С этого момента франки стали пытаться согласовать условия мира с мамлюками, пусть даже невыгодные. В некоторых случаях Бейбарс был рад нейтрализовать и изолировать потенциальных противников, пока работа по завоеванию и разрушению велась в других местах. В 1267 году, к примеру, Великий магистр госпитальеров согласился на унижительный десятилетний мир, распространяющийся на замки Крак-де-Шевалье и Маркаб, предусматривающий отказ от дани, традиционно взимаемой с местного мусульманского населения, и признающий право Бейбарса в одностороннем порядке аннулировать этот договор в любое время. Между тем, когда франки Акры попытались в марте того же года вступить в переговоры, Бейбарс наотрез отказался и в мае устроил еще одну разрушительную экспедицию в окрестности города, терроризируя население и уничтожая урожай. Согласно записям одного латинского хрониста, мамлюки «убили больше 500 простых лю-

дей», пойманных в полях, и потом «сняли с них скальпы до самых ушей», которые потом якобы вывесили на башне в Сафедде. Эта история не подтверждается мусульманскими источниками, но характеризует ужас, испытанный и воображаемый христианами во время «ужасных нападений» Бейбарса¹³.

Судьба Антиохии

Неутомимые старания Бейбарса в начале 1260-х годов принесли плоды. Аванпосты латинского Иерусалимского королевства были ликвидированы, равно как и могущество Киликийской Армении. Но даже при этом мамлюкам еще предстояло завоевать один из величайших городов Утремера, сокрушить государство крестоносцев и довести до сознания франков, что дни латинского господства в Леванте стремительно приближаются к концу. В 1268 году, пока монгольский ильханат не выказывал намерений начать новое вторжение, султан решил, что настало время действовать. В качестве очередной цели он выбрал владения Боэмунда VI, господина Триполи и Антиохии, франкского князя, сотрудничавшего с монголами в 1260 году.

Твердо устремив взгляд на север, Бейбарс весной вышел из Египта. Он сделал короткую остановку в Яффе, потому что срок перемирия, которое он согласовал с Ибелином, истек (да и сам Ибелин умер в 1266 году), и султан категорически отказался продлить договор. Порт быстро сдался — всего за полдня — и был разрушен. После этой небольшой паузы Бейбарс повел свои армии в графство Триполи. В начале мая он прошел по побережью, оставляя за собой смерть и разрушения. Мусульманский хронист описал, как «церкви стирались с лица земли... на берегу вырастали горы трупов».

Боэмунд VI укрывался в Триполи и готовился противостоять осаде, но мамлюки прошли мимо города. Целью Бейбарса была Антиохия. Следуя на север мимо Апамеи, он подошел к древнему городу 15 мая 1268 года. Могущество Антиохии как государства крестоносцев давно уже осталось в прошлом, но ее великие стены все еще стояли, и в городе жило несколь-

ко десятков тысяч человек. Сначала султан вроде бы предложил антиохийцам обсудить условия капитуляции, но они дерзко отказались, понадеявшись на крепость и высоту стен, которые в течение восьми месяцев сдерживали участников Первого крестового похода и позднее отражали нападения мусульманских военачальников от Иль-гази до Саладина. Это было глупой и роковой ошибкой. Мамлюкская орда окружила город 18 мая, и в течение дня войска Бейбарса прорвались в город в районе цитадели на горе Силпиус. Последовала кровавая бойня, напомнившая ту, что устроили сами франки, когда завоевали город 170 лет назад. В наказание за отказ сдаться султан приказал заблокировать городские ворота, чтобы никто не смог спастись.

Упиваясь славой, султан написал письмо Боэмунду VI, описав незавидную судьбу Антиохии. Султан насмешливо поздравил франкского правителя с тем, что его самого не было в городе, «иначе ты был бы уже мертв или взят в плен». Он хвастливо заметил, что, будь Боэмунд в городе, он бы «увидел своих рыцарей расprostертыми под копытами коней, пламя, сжигающее дворцы, мертвых, сожженных еще в этом мире до попадания в адские костры». Падение города дало мамлюкам большую добычу. Говорят, что им потребовалось два дня только на ее дележ, после чего они покинули город полностью разрушенным — от такого невозможно было оправиться даже за несколько веков. Несколько уцелевших пока аванпостов тамплиеров к северу от Антиохии были немедленно оставлены, а антиохийский патриарх получил разрешение жить в своем замке в Курсате (чуть южнее) еще на несколько лет, но в качестве подданного мамлюков. Княжество Антиохия — некогда великий северный бастион Утремера — по сути, прекратило свое существование: от него сохранился лишь крошечный анклав в районе Латакии. От некогда могучих латинских государств Утремера остались жалкие обломки — графство Триполи и Иерусалимское королевство¹⁴.

За три года активных военных действий султан Бейбарс продемонстрировал не имеющую себе равных силу военной машины мамлюков, раскрыл свою тягу к завоеваниям и ведению джихада, показал слабость франков. В 1269 году он

позволил своим победоносным армиям передышку, а себе — хадж, хотя даже тогда путешествие совершил втайне, чтобы не подвергнуть султанат ненужной опасности, внешней или внутренней. После этого Бейбарс вернулся в Сирию и всю осень объезжал свои владения. Судя по всему, в то время он был абсолютно уверен в своей способности уничтожить последние остатки латинских поселений и противостоять угрозе монгольского нашествия.

Но к этому времени сведения о разорении Утремера и бесчинствах мамлюков в Леванте достигли Запада. Старые защитники веры, так же как и новые, стали принимать крест и обращать свои взоры на Восток, желая получить и использовать последний шанс вернуть Святую землю.

Глава 23 ВЕРНУТЬ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

К концу 1260-годов от прежде сильных и процветающих поселений крестоносцев в Утремере не осталось почти ничего. Франки теперь удерживали только узкую береговую полосу, которая протянулась от крепости тамплиеров — замка Пилигримов (южнее Хайфы) через Акру, Триполи и Маркаб до Латакии. Устояло только несколько замков внутри страны, среди них штаб-квартира Тевтонского ордена в Монфоре и грозная крепость госпитальеров Крак-де-Шевалье. Внутренние распри между латинянами стали еще острее: разные претенденты оспаривали права на иерусалимский трон, венецианцы и генуэзцы без устали воевали за торговые права, и даже военные ордены охватили политические распри. Централизованная власть деградировала до такой степени, что каждый франкский город фактически превратился в независимое образование. Даже шок от поражения Антиохии в 1268 году не смог остановить это падение в пропасть раздробленности и упадка.

Султан Бейбарс, добившись весомых побед в борьбе с христианами, подтвердил свою преданность джихаду. Его безжалостный подход к священной войне оставил уцелевшие поселения крестоносцев в состоянии крайней уязвимости. Но

султану следовало думать и об угрозе, которую представляли монголы. Проблемы, которые годами держали их в Месопотамии, Малой Азии и России, — затянувшиеся династические беспорядки и открытая вражда между Золотой Ордой и ильханатом Персии — теперь стали уменьшаться. В 1265 году к власти пришел новый сильный ильхан Абака (Абага) и немедленно предпринял попытку заключить союз с Западной Европой против мамлюков. Нависла реальная угроза новой атаки монголов на ислам. Весной 1270 года, когда Бейбарс размышлял о северной угрозе, до Дамаска, где он находился, дошли слухи, что франки на Западе снова готовятся к Крестовому походу. Хорошо помня, какой хаос принесло в Египет латинское вторжение 1249 года, султан немедленно вернулся в Каир и занялся укреплением обороны.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

В Риме папа Климент IV был глубоко обеспокоен злобной кампанией, начавшейся в 1265 году. Понимая, что война за Святую землю вот-вот будет окончательно проиграна, в августе 1266 года Климент приступил к разработке плана относительно небольшого, но способного быстро развернуться Крестового похода. Он нанял войска — в основном из Нидерландов, проинструктировал их о необходимости отплытия не позднее апреля 1267 года и начал переговоры с Абакой и византийским императором Михаилом VIII. Однако в конце лета 1266 года о готовящейся экспедиции узнал французский король Людовик IX. Ветеран священной войны — в это время ему было около пятидесяти лет — решил, что это его шанс восстановить свою репутацию после позора Мансуры. В сентябре он сообщил папе о своем желании принять участие в экспедиции. В некоторых отношениях участие Людовика было благом, поскольку обещало более крупную и эффективную кампанию. Понимая это, Климент отложил отправку крестоносцев, которую наметил ранее. Ирония судьбы заключалась в том, что задержка (результат энтузиазма Людовика) позволила Бейбарсу сокрушить в 1268 году Антиохию.

Так же как и в 1240-х годах, Людовик начал с тщательной финансовой и логистической подготовки. Вербовка будущих крестоносцев шла не слишком оживленно — старый товарищ по оружию короля Жан де Жуанвиль предпочел остаться дома. Но, принимая во внимание неудачи предыдущих походов и озабоченность злоупотреблением идеалами крестоносного движения со стороны папства, число участников оказалось на удивление большим. Самой значительной фигурой, принявшей крест, был будущий король Англии Эдуард I — тогда его называли просто лорд Эдуард. Только что одержав победу в гражданской войне, которая угрожала правлению его переживавшего тяжелые времена отца короля Генриха III, Эдуард решил принять участие в Крестовом походе и, позабыв о враждебных отношениях с Францией, даже согласился координировать свою экспедицию с армией Людовика.

Но только случилось так, что в ноябре 1268 года Климент IV умер и папский преемник никак не мог быть избран до 1271 года. Во время этого «междоцарствия» чувство срочности, которое Климент старался привить крестоносцам, рассеялось. Импульс был потерян, и начало экспедиции отложили до лета 1270 года. Тем временем возобновились попытки вступить в переговоры с монголами. А в марте 1270 года крест принял и Карл Анжуйский.

После того как Людовик в конце концов в июле 1270 года отплыл из Эг-Морта, его второй Крестовый поход оказался сплошным разочарованием. По причинам, которые так никогда и не нашли удовлетворительного объяснения, но вполне могли быть связанными с кознями его брата-интригана Карла, Людовик отклонился от объявленного маршрута в Палестину. Вместо этого он направился в Тунис, которым тогда правил независимый мусульманский военачальник Абу Абдалла. Французский король прибыл в Северную Африку, якобы ожидая, что Абу Абдалла обратится в христианство и станет союзником в борьбе против Египта. Когда ожидания не оправдались, были разработаны планы нападения на Тунис, но атаки не последовало. В разгар летней жары в лагере крестоносцев началась эпидемия, и в начале августа заболел Людовик. В течение трех недель его силы постепенно таяли, и 25 августа

1270 года набожный монарх-крестоносец Людовик IX умер. Его последним деянием стала бесплодная кампания вдалеке от Святой земли. Легенда утверждает, что его последнее слово было «Иерусалим». Мечты короля вернуть Святую землю закончились ничем, но его искренняя вера была несомненной. В 1297 году Людовик был канонизирован и стал святым¹⁵.

После кончины Людовика крестоносцы в середине ноября решили отплыть в Левант, но после того, как большая часть флота затонула во время сильного шторма, много франков вернулось в Европу. Только Карл Анжуйский оказался в выигрыше в результате этой кампании, поскольку заключил соглашение с тунисским правителем, которое принесло Сицилии богатую дань. Эдуард Английский, единственный из лидеров крестоносцев, отказался свернуть с пути и настоял на продолжении пути на Ближний Восток, имея при себе лишь небольшой флот из тринадцати судов.

ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Примерно шестью месяцами раньше, в мае 1270 года, Бейбарс вернулся в Каир, чтобы подготовить Египет к ожидаемому вторжению крестоносцев короля Людовика. Он отнесся к угрозе со всей серьезностью, привел Нильский регион в состояние боевой готовности, а позднее уничтожил укрепления в Аскалоне и засыпал гавань камнями и лесом, чтобы она была непригодной для приема судов. Но той осенью до Каира дошел слух о смерти французского короля, принесся султану большое облегчение. Теперь он мог готовить мамлюкскую армию к другой военной кампании.

Неприступная крепость

В начале 1271 года Бейбарс выступил в северном направлении, имея целью оставшиеся латинские аванпосты на южных подходах к хребту Ансария — некогда пограничной зоне между Антиохией и Триполи. В этом районе доминировала

неприступная, по общему мнению, крепость госпитальеров Крак-де-Шевалье. С самого начала Крестовых походов ни один мусульманский командир не пытался атаковать эту крепость, стоящую на хребте с очень крутыми склонами и возвышающуюся над окружающим районом. Она было хорошо укреплена в начале XIII века, и теперь ее оборонительные сооружения были отличным воплощением передовой франкской технологии замкового строительства. Но, даже имея перед собой такое вроде бы непреодолимое препятствие, Бейбарс не собирался отступить. Он прибыл к ней с крупными силами и полным ассортиментом осадных машин, и 21 февраля осада началась.

Подойти к Краку можно было только по горному хребту с юга, и именно там госпитальеры поставили самые надежные укрепления — двойные стены с массивными круглыми башнями, внутренний ров, ведущий к расположенному под углом гласису (наклонной каменной стене), чтобы предотвратить подкопы. Тем не менее мамлюки сосредоточили обстрел на этом секторе, и более чем через месяц результат был достигнут — часть южной внешней стены рухнула. Это был еще не конец, потому что госпитальеры сумели отойти во внутренний двор, где располагалась компактная цитадель, разрушить которую было практически невозможно. Понимая, что ее взятие может стоить многих жизней мусульман и привести к существенному повреждению самой крепости, Бейбарс сменил тактику. В начале апреля командиру латинского гарнизона было передано поддельное письмо якобы от Великого магистра госпитальеров, в котором рыцарям предлагалось вступить в переговоры и сдаться. Трудно сказать, действительно ли они были обмануты незамысловатой хитростью султана, или просто воспользовались возможностью капитулировать с честью. Как бы то ни было, 8 апреля 1271 года госпитальеры капитулировали, и им был гарантирован безопасный проход в Триполи. После этого известного триумфа Бейбарс, как утверждают, заявил: «Мои войска не могут осадить форт и не взять его». Восстановленная крепость Крак-де-Шевалье стала мамлюкским командным пунктом на севере Сирии.

После столь беспрецедентного успеха султан собрал войска для решающего наступления на Триполи. В мае мусульмане захватили ряд отдаленных фортов, и, чувствуя небывалую уверенность в своих силах, Бейбарс снова написал Боэмунду VI, уведомив графа Триполи, что цепи для него уже готовы. Наступление султан назначил на 16 мая, но как раз в это время он получил сведения о прибытии в Акру лорда Эдуарда с крестоносцами. Не зная точно, какая угроза нависла над Палестиной, Бейбарс отменил вторжение в Триполи и с готовностью согласился на предложенное Боэмундом перемирие на десять лет¹⁶.

Лорд Эдуард Английский

Следуя через Дамаск, султан вошел в Северную Палестину, готовый отразить атаку Эдуарда и его крестоносцев. Вскоре стало очевидно, что английский принц прибыл с крайне ограниченным контингентом войск. Бейбарс получил свободу действовать и немедленно осадил замок Монфор, расположенный в горах к востоку от Акры, — штаб-квартиру Тевтонского ордена. После трех недель обстрела и подкопов 12 июня крепость сдалась и затем была уничтожена.

В июле 1271 года Эдуард предпринял короткое вторжение на мусульманскую территорию к востоку от Акры, но вскоре повернул назад, когда его воины начали болеть с непривычки к жаре и местной пище. Эта вылазка не обеспокоила султана. Его тревожила лишь возможность союза английских крестоносцев с монголами. На самом деле христианские источники утверждают, что после прибытия в Левант Эдуард немедленно отправил послов к Абаке, но, судя по всему, не получил ответа. Но даже при этом монголы и латиняне сумели — случайно или в соответствии с планом — начать наступление практически одновременно. В октябре ильханиды вошли в Северную Сирию и разграбили окрестности Харима. А в ноябре Эдуард устроил рейд в район юго-восточнее Кесарии. Однако ни в одном из нападений не участвовали крупные силы, да и особой решительности вы-

казано не было. Абака даже не возглавил вылазку лично, направив вместо себя одного из командиров. Бейбарс был вынужден передислоцировать несколько отрядов, но легко справился с обеими угрозами.

Имея в своем распоряжении лишь ограниченные ресурсы, Эдуард почти ничего не мог сделать. Сражаясь на Западе, он проявил себя умелым и хладнокровным командиром — эти же качества характеризовали его, когда он стал королем Англии. Но проявить их в Палестине Эдуарду не представилась возможность. Но даже при этом английский Крестовый поход принес пользу Утремеру, остановив атаку на Триполи и заставив Бейбарса произвести переоценку своих стратегических приоритетов. Наступление ильханидов было отбито, но оно было предвестником новой эры монгольской агрессии и подчеркнуло потенциальную угрозу союза между Абакой и франками. Сопоставив все это, султан принял решение «купить» безопасность в Палестине и 21 апреля 1272 года согласился на десятилетний мир с Иерусалимским королевством. Соглашение принесло латинянам незначительные политические уступки и обещание разрешить паломникам доступ в Назарет. Бейбарс хотел использовать переговоры, чтобы нейтрализовать Иерусалимское королевство, но решил использовать насильственные средства, чтобы разобраться с непредсказуемой угрозой, которую являл собой лорд Эдуард.

В какой-то момент султан нанял ассасина для убийства английского принца-крестоносца. Этому мусульманину удалось обманом проникнуть в Акру — якобы он хотел креститься — и поступить на службу к Эдуарду. Как-то вечером — это было в мае — убийца застал Эдуарда врасплох в его покоях и напал на него с кинжалом. Англичанин инстинктивно отбил удар, и кинжал нанес ему лишь небольшую рану, вероятно на бедре. Нападавший был забит до смерти, и, опасаясь, что лезвие могло быть отравленным, английский принц принял какое-то противоядие. Скорее всего, эта мера не была необходимой, и в любом случае через несколько недель принц был полностью здоров. Он вышел победителем из схватки со смертью и в конце сентября 1272 года покинул Ближний Восток¹⁷.

Фокус сместился

Имея договоры о мире с франками в Палестине и Триполи, Бейбарс обратил все свое внимание на монголов. В конце 1272 года Абака начал другое, более согласованное наступление, которое было остановлено лишь после серии тяжелых кровопролитных боев, в которых отличился Калаун. Теперь султан решил наконец разобраться с проблемой ильханидов. Он хотел больше не ждать нападения, а напасть сам. Вернувшись в Египет, он начал составлять план самой амбициозной кампании своей карьеры.

В 1273 году Бейбарс дважды отвлекался. Много лет его недостойный наперсник суфий Хадир аль-Мирани вызывал раздражение и подозрения ведущих эмиров султана. Хадир имел заслуженную репутацию сексуального извращенца и прелюбодея; он всегда был первым, когда речь шла об осквернении мест святых для другой религии, и нанес значительный ущерб церкви Гроба Господня. В мае 1273 года эмиры наконец поймали его на казнокрадстве и заставили султана признать вину своего прорицателя на трибунале в Каире. Хадир был приговорен к смерти, но после того, как он предсказал, что за его гибелью сразу последует смерть султана, приговор заменили тюремным заключением.

В июле того же года Бейбарс выступил против ассасинов. Орден исмаилитов в течение XIII века постоянно присутствовал на западном краю хребта Ансария. Несмотря на то, что он пользовался его услугами в 1272 году, теперь Бейбарс однозначно решил, что его независимость абсолютно неприемлема. Мамлюкам было приказано завладеть оставшимися крепостями ассасинов, в том числе замком Масиаф, что и было исполнено, и с тех пор остатки ордена контролировались султанатом.

Хотя все это ненадолго отвлекло внимание Бейбарса, все же свою основную энергию и ресурсы в середине 1270-х годов он направил на подготовку к нападению на ильханидов. Отвергнув прямое нападение на Ирак — возможно, на основании того, что мамлюки и монголы абсолютно равные противники, чтобы прибегать к лобовой атаке, — султан при-

ступил к тщательной подготовке вторжения в Малую Азию (теперь протекторат ильханидов). В начале 1277 года он повел армии из северной части Сирии в Анатолию и в апреле добился поразительного успеха, разгромив монгольскую армию, стоявшую в районе Эльбистана. Оставив за собой около 7 тысяч убитых, Бейбарс немедленно объявил себя султаном Анатолии, но его победа была недолговечной. Приближалась другая армия ильханидов, и мамлюки могли оказаться отрезанными от Сирии. Молча признав, что он слишком сильно растянул свои силы, Бейбарс приказал быстрое отступление. Он доказал, что монгольской угрозе можно противостоять, но одновременно признал, что им нельзя нанести решающее поражение на их территории.

Стремление Бейбарса во что бы то ни стало нанести ущерб Персии ильханидов отвлекло его от войны с франками. Та война все еще ожидала своего завершения, однако, вернувшись в Дамаск в середине июня 1277 года, султан слег с тяжелым приступом дизентерии. Одним из его последних деяний стала отправка гонца с приказом освободить предсказателя Хадира. 28 июля Бейбарс, Лев Египта, умер. Его послание прибыло в Каир, но опоздало. ХаDIR уже был задушен сыном и наследником Бейбарса. Неизвестно, что послужило причиной — слепой случай или большое желание Барака ускорить смерть отца, но предсказание Хадира сбылось¹⁸.

Бейбарс — бич франков

Султан Бейбарс так и не добился полной победы в борьбе за господство над Святой землей. Но он защитил султанат и ислам от монголов и нанес серьезный ущерб государствам крестоносцев, который не мог не оказаться роковым. Историки всегда признавали достижения Бейбарса в джихаде, подчеркивая существенный сдвиг в политике, который предвещало его правление: ликвидация умиротворения и ослабления напряженности, характерного для Айюбидов, стремление к бескомпромиссным военным действиям, пусть даже

на два фронта. Меньше внимания уделялось месту султана в эре Крестовых походов, оценке его методов и достижений в сравнении с методами и достижениями мусульманских лидеров XII века.

В определенном смысле Бейбарс смешал и усовершенствовал методы управления, принятые его предшественниками. Как и атабек Занги, он использовал страх, чтобы усмирить подданных и поддержать военную дисциплину. Но Бейбарс также старался обеспечить поддержку и лояльность подчиненных ему людей, используя вдохновляющую силу религиозного рвения и искусно манипулируя пропагандой, — к этому нередко прибегали Нур ад-Дин и Саладин. С тремя предшественниками Бейбарса — мамлюка-кипчака — роднило то, что он был человеком со стороны, старался узаконить свое правление, основать династию и создать репутацию ярого борца за ислам.

Во многих отношениях качества и успехи Бейбарса превзошли достижения Занги, Нур ад-Дина и даже Саладина. Мамлюкский султан был более внимательным и дисциплинированным управленцем, осознавал, в отличие от Саладина, финансовые реалии государственного управления и войны. Зангидам и Айюбидам в лучшем случае удалось навязать ближневосточному исламу хрупкое подобие единства. Бейбарс же добился почти полной гегемонии в Леванте и создал не имеющую себе равных и покорную его воле мусульманскую армию. Несомненно, свою роль сыграли обстоятельства и удобный случай, однако прежде всего Бейбарса выделили из общей массы личные качества. За семнадцать лет своего правления он, обладая воистину необузданной энергией, проехал более 25 тысяч миль (40 234 км), провел тридцать восемь военных кампаний. Военный гений принес ему более двадцати побед над латинянами. Султан был жестоким неумолимым противником, на амбиции которого не влияли соображения гуманизма или сострадания, иногда характеризовавшие Саладина. Будучи грубым и бессердечным деспотом, Бейбарс тем не менее привел ислам ближе, чем кто-либо другой, к победе в войне за Святую землю.

ИСПЫТАНИЯ И ПОБЕДЫ

Бейбарс хотел, чтобы султанат перешел к его сыну и предполагаемому соправителю, но Барак оказался негодным преемником, восстановив против себя узкий круг эмиров мамлюков. Последовала ожесточенная борьба за власть, в результате которой Барак был свергнут, и титул султана в ноябре 1279 года принял Калаун. Но он не сумел установить полный контроль над мусульманским Ближним Востоком вплоть до 1281 года¹⁹.

Калаун и мамлюкский султанат

Во время пребывания у власти Калауна стала быстро нарастать угроза монгольской агрессии. Ильхан Абака воспользовался беспорядками в султанате после смерти Бейбарса и в 1280 году отправил внушительную армию в Северную Сирию, подтолкнув к общей эвакуации Алеппо. К 1281 году стало очевидно, что вскоре начнется полномасштабное вторжение, которого всегда опасался Бейбарс. Угроза помогла Калауну добиться большего единства мусульман, но она же заставила его возобновить мирные договоры с франками. Новый султан даже согласовал условия с госпитальерами в Маркабе, несмотря на то что они воспользовались нашествием монголов, чтобы вести грабежи на мусульманской территории.

Поскольку мамлюкские агенты в Персидском ильханате докладывали, что Абака готовит армию, Калаун начиная с весны 1281 года постоянно держал свои войска в Дамаске. Крупная армия ильханидов переправилась через Евфрат осенью — в нее входило около 50 тысяч монголов и, вероятно, около 30 тысяч их союзников из Грузии, Армении и Малой Азии. Скорее всего, даже отправив в поле все свои резервы, Калаун все равно остался в меньшинстве. Тем не менее было принято решение идти в Хомс и дать отпор врагу. Сражение началось на равнине к северу от города 29 октября 1281 года. Положившись на строжайшую дисциплину и военное мастерство мамлюкской военной машины, введенные Бейбарсом, Калаун добился второй исторической победы над монгола-

ми — не менее славной, чем при Айн-Джалуте, — и разбитая армия ильханидов поспешно отступила за Евфрат. Тем самым было подтверждено превосходство мамлюков и ликвидирована непосредственная угроза вторжения. И Калаун смог посвятить следующие годы укреплению своей власти в султанате. А к середине 1280-х годов он снова вознамерился уничтожить Утремер²⁰.

Внимание на Утремер

Несмотря на недавние немалые трудности мамлюков, государство левантийских франков сохранило и уязвимость, и раздробленность. Латинское Иерусалимское королевство раздирала борьба за власть, в результате которой Бейрут, Тир и ряд других городов объявили о своей независимости. В графстве Триполи Боэмунд VII (пришедший к власти после смерти своего отца в 1275 году) находился в открытом конфликте с тамплиерами, тревожась о слишком большой власти ордена в Тортосе, и столкнулся с восстанием в южном порту Джубаил. А тем временем итальянские торговые города ввязались в еще одну, более ожесточенную торговую войну. На этот раз в ней участвовали Венеция, Пиза и Генуя. К 1280 году Генуя доказала в этой схватке свое превосходство и начала брать за горло торговлю Восточного Средиземноморья.

Государства крестоносцев даже не надеялись на помощь с Запада. В начале 1270-х годов Бейбарс сосредоточил свое внимание на монголах, и был наконец избран новый папа Григорий X взамен Климента IV. Во время Крестового похода лорда Эдуарда и до своего воцарения на папском троне Григорий посетил Акру и прекрасно знал проблемы Утремера. Обосновавшись в Риме, он начал активно действовать и обрушил град критики на крестоносное движение: осудил Крестовые походы против христиан, весьма цинично высказался относительно выкупа клятвы крестоносца за деньги и обеспокоился относительно чрезмерного бремени крестоносного налогообложения. Кроме того, некоторые инакомыслящие предполагали, что левантийским франкам на самом деле нуж-

на поддержка профессиональных военных, которых оплатил бы Запад, а не плохо организованных экспедиций неопытных в военном деле крестоносцев. Папа Григорий навел справки относительно состояния крестоносного движения и исполнился решимости помочь ближневосточным франкам. На Лионском соборе в мае 1274 года Григорий объявил о своих планах начать в 1278 году новый Крестовый поход. Силой убеждения он заручился поддержкой Франции, Германии и Арагона (север Испании) и предложил финансировать экспедицию, взимая у церкви десятую часть доходов в течение шести лет. Но, несмотря на всю предусмотрительность папы, его грандиозные планы закончились ничем. Григорий умер в 1276 году, запланированный Крестовый поход потерпел неудачу, даже не начавшись, и тревога о судьбе Утремера снова отступила на второй план, уступив место запутанным интригам западноевропейской политической жизни²¹.

Поэтому Калаун мог с середины 1280-х годов наносить удары по еще сохранившимся аванпостам франков почти безнаказанно. Желая использовать любую возможность аннулировать договоры, ранее заключенные с христианами, султан обвинил госпитальеров в нападении на мусульманские территории и в мае 1285 года начал военную кампанию против Маркаба. С помощью подкопов мамлюки сумели обрушить одну из башен, и защитники были вынуждены сдать второй из великих сирийских замков ордена. Как и Кракде-Шевалье, Маркаб был восстановлен, и в нем размещен мусульманский гарнизон. В апреле 1287 года Калаун захватил Латакию, заявив, что на «антиохийский» порт не распространяется его договор с Триполи.

Той осенью Триполи был ослаблен кризисом, связанным с престолонаследием, который возник сразу после смерти Бозмунда VII. Началась гражданская война, в которой генуэзцы попытались взять контроль над городом и посредством этого создать новый коммерческий центр в Ливане. В итоге противоборствующая группа итальянцев обратилась к Калауну с просьбой о вмешательстве. Обрадовавшись возможности вторгнуться в Триполи и не позволить Генуе подвергнуть опасности растущую экономическую мощь Александрии, сул-

тан быстро собрал нужные силы. А франки тем временем продолжали свои мелкие дразги, не ведая о надвигающейся угрозе. Только Великий магистр тамплиеров Гийом де Боже, у которого, вероятно, были свои информаторы у мамлюков, узнал, что Калаун собирается начать осаду, но на его предостережение никто не обратил внимания.

Мамлюки собрались в замке Крак-де-Шевалье, откуда обрушились на Триполи и 25 марта 1289 года начали осаду. После месячного обстрела город был взят штурмом, и 27 апреля началось его разграбление. Сотни, даже тысячи человек были убиты, а женщины и дети взяты в плен. Некоторым латинянам удалось бежать на корабли, которые вышли в море. Другие на маленьких лодках переплыли на маленький остров Сент-Томас, расположенный совсем рядом с берегом, но там были настигнуты воинами Калауна и убиты. Сражавшийся в мамлюкской армии аристократ из Хамы по имени Абул Фида позднее написал: «После ограбления города я поплыл на лодке на этот остров и нашел там груды разлагающихся трупов; к острову нельзя было пристать из-за вони».

После завоевания Триполи Калаун приказал сровнять город с землей, а неподалеку построить новое поселение. Вероятно, тем самым он хотел поставить в известность всех, что желает уничтожить даже саму память о франках. В следующие недели одно за другим пали последние поселения графства. Латинскому губернатору Джубаила позволили остаться, но в обмен на выплату большой дани. Как и Бейбарс до него, Калаун уничтожил государство крестоносцев. Теперь его взор был обращен на юг, на последний оплот франков в Палестине — город Акру. Началась подготовка к решительному наступлению на столицу латинского Утремера²².

1291 ГОД – ОСАДА АКРЫ

Шок, вызванный падением Триполи, в конце концов заставил некоторых латинских христиан признать, что катастрофа близка. В Европе папа Николай IV отчаянно старался возродить планы Григория X по организации нового Кресто-

вого похода. Николай также предложил немедленную помощь, отправив 4 тысячи турецких ливров патриарху Иерусалима и тринадцать галер, чтобы помочь в обороне Акры. В феврале 1290 года папа призвал к новому Крестовому походу, который будет иметь целью — этот папа, безусловно, был оптимистом — «полное освобождение Святой земли». Запретив все торговые контакты с мамлюками, Николай назначил начало экспедиции на июнь 1293 года. В ответ король Хайме II Арагонский обещал послать войска в Левант, а Эдуард I, теперь ставший королем Англии, в 1290 году направил в Акру военный контингент под командованием Отто де Грансона, ветерана Крестового похода Эдуарда начала 1270-х годов. В Пасху 1290 года в Палестину отплыло также 3500 итальянских крестоносцев. Принимались и другие меры. Несмотря на заверения, данные папе, Хайме Арагонский договорился о мире с мамлюками и обещал не помогать крестоносцам, если будет гарантирован допуск арагонских паломников в Иерусалим. Калаун также помирился с генуэзцами²³.

На этой стадии мамлюки активно готовились к кампании, но Калаун все еще искал повод для расторжения договора с Акрой. Повод нашелся в 1290 году, когда отряд недавно прибывших итальянских крестоносцев напал на группу мусульманских торговцев в Акре. После того как франки отказались выдать преступников, султан объявил войну. Той осенью мамлюки уже были готовы выступить из Египта, когда Калаун заболел и 10 ноября 1290 года умер. В порядке исключения его наследник аль-Ашраф Халиль смог взять власть в свои руки без особых трудностей. После короткого перерыва Халиль приступил к завершению работы, начатой его отцом.

Последний бой

И Калаун, и Халиль понимали, что отлично укрепленный город Акра, имеющий два ряда стен, многочисленные башни и сильный гарнизон, будет нелегкой мишенью. Поэтому мусульмане планировали операции с тщательностью и предусмотрительностью. Мамлюкская стратегия основывалась на

двух принципах: подавляющее численное превосходство — десяткам тысяч всадников помогали пехотинцы и специальные команды — и развертывание необычайно богатого арсенала осадных машин, которые строили после эпохи правления султана Бейбарса. В последние дни зимы 1291 года Халиль приказал собрать в мамлюкском Леванте и доставить к Акре около сотни метательных машин. Некоторые из них были воистину грандиозными по размеру и силе. Абул Фида находился в колонне из сотни телег, перевозивших части массивного требушета, прозванного «Победный» — из замка Крак-де-Шевалье. Мусульманин жаловался, что тяжело груженной колонне в суровых погодных условиях потребовался месяц, чтобы преодолеть расстояние, которое обычно проходили за восемь дней.

5 апреля 1291 года войска султана Халиля окружили Акру от северного берега над Монмусаром до юго-восточной части гавани, и осада началась. В это время в городе было много членов военных орденов — в том числе Великие магистры тамплиеров и госпитальеров, а реальность угрозы, нависшей над Акрой, привела в город подкрепление. Морем прибыл король Генрих II (номинальный король Иерусалима), 200 рыцарей и 500 пехотинцев с Кипра. Но даже при этом христиане оставались в безнадежном меньшинстве.

Халиль приступил к решению задачи по уничтожению Акры с методичной решимостью. Разместив свои силы полукругом, он начал обстрел. Самые крупные требушеты, такие как «Победный» и еще один, получивший название «Яростный», были собраны и забрасывали Акру огромными камнями. Тем временем были развернуты более мелкие баллистические машины. Лучники, укрываясь за осадными щитами, обрушивали на франков стрелы. Гигантский по масштабу, неослабный по интенсивности обстрел не был похож ни на что, виденное крестоносцами ранее. Мамлюкские войска действовали четыремя тщательно скоординированными сменами днем и ночью. И каждый день Халиль приказывал своим войскам продвигаться немного вперед, постепенно затягивая петлю вокруг Акры, и наконец они достигли внешнего рва. Латинские свидетельства предполагают, что, пока все это происходило, обсужда-

лись возможные условия сдачи. Очевидно, султан предложил христианам уйти, прихватив с собой движимое имущество, чтобы город остался неповрежденным. Утверждают, что франкские посланники отвергли эти предложения из-за бесчестья, которое грозит королю Генриху из-за столь абсолютного признания поражения.

Пока мамлюкские войска обстреливали Акру, франки предприняли несколько тщетных попыток контратаковать. Находясь на северном берегу, Абул Фида описал, как латинский «корабль с установленной на нем катапультной обстреливал нас и наши палатки с моря». Великий магистр тамплиеров Гийом де Боже и Отто де Грансон также организовали дерзкую ночную вылазку, рассчитывая посеять хаос в стане врага и сжечь один из требушетов. Все пошло не так, когда кто-то из христиан запутался в канатных растяжках, удерживавших палатки мусульман, и началась суматоха. Эффект внезапности был потерян, мусульмане набросились на непрошенных гостей и убили восемнадцать рыцарей. Один особо неудачливый латинянин свалился в «траншею, служившую отхожим местом для одного из подразделений мусульман, и был убит». На следующие утро мамлюки гордо передали головы убитых врагов султану²⁴.

К 8 мая активное наступление войск Халиля привело мамлюкское войско достаточно близко к городским стенам, чтобы могли начать действовать саперы. Они быстро поняли, что могут использовать канализационную систему Акры в своих целях. Как и во время осады Акры в 1191 году, подкопы велись по большей части в северо-восточном углу города, но только теперь Акра была защищена двумя рядами стен, так что прорываться надо было через две линии обороны. Первая рухнула в районе башни Короля во вторник 15 мая, и на следующее утро войска Халиля уже взяли под контроль эту часть внешних укреплений. В городе началась паника, женщин и детей эвакуировали морем.

Теперь султан готовил мамлюкскую армию к полномасштабному штурму через поврежденную башню короля к внутренним стенам и Проклятой башне. На рассвете в пятницу 18 мая 1291 года был дан сигнал к атаке — это был страшный

грохот военных барабанов, и тысячи мусульман устремились вперед. Многие бросали сосуды с греческим огнем, а лучники выпускали стрелы «густым облаком, и они падали, словно дождь с небес». Мусульмане снесли ворота возле Проклятой башни и ворвались в город. Теперь укрепления Акры были прорваны. Франки сделали последнюю отчаянную попытку остановить вторжение, но один из очевидцев признал, что остановить атакующую мусульманскую орду — это все равно что «бросаться на каменную стену». В гуще сражения был смертельно ранен копьем Великий магистр тамплиеров Гийом де Боже. В другом месте тяжелое ранение получил Великий магистр госпитальеров Жан де Вилье.

Довольно скоро защитники Акры были уничтожены, и началось разграбление города. Один латинянин, тогда находившийся в городе, записал, что «день был ужасен. Простые горожане бежали по улицам с детьми на руках, крича и плача. Они бежали к морьякам, которые могли спасти их от смерти», но их догоняли и убивали, а младенцев топтали ногами. Абул Фида подтвердил, что, когда Акра пала, мусульмане убили много людей и собрали огромную добычу. Пока мамлюки рыскали по городу, массы отчаявшихся латинян пытались спастись на уцелевших шлюпках. В порту царил хаос. Некоторым удалось спастись, в том числе королю Генриху и Отто де Грансону. Полумертвый Жан де Вилье был на руках отнесен в лодку. Латинский же патриарх упал в воду и утонул, когда перегруженная лодка стала раскачиваться. Многие латиняне предпочли остаться и встретить свою судьбу, какой бы она ни была. Войска Халилия наткнулись на группу доминиканских монахов, певших *Veni, Creator Spiritus* («Приди, Творец») — тот же гимн пели крестоносцы Жана де Жуанвиля в 1248 году, — и убили их всех до одного²⁵.

Многие христиане пытались укрыться в укрепленных постройках трех главных военных орденов, и некоторым даже удалось немного продержаться. Под цитадель тамплиеров был сделан подкоп, и она 28 мая рухнула, похоронив под обломками рыцарей. Те, кто прятался в цитадели госпитальеров, сдались в обмен на обещание безопасности. Но мусульманские хронисты свидетельствуют, что султан намеренно на-

рушил обещание. Почти ровно веком раньше Ричард Львиное Сердце нарушил свое обещание сохранить жизнь гарнизону Айюбидов и казнил 2700 пленных. Теперь в 1291 году Халиль вывел христиан из города на равнину и «казнил их, как франки когда-то казнили мусульман. Всемогущий Господь отмстил потомкам».

Падение Акры стало последней и роковой катастрофой для латинских христиан Утремера. Вспоминая о разграблении города, один франк, которому удалось бежать из города на лодке, заявил, что «никто не мог описать слезы и боль того дня». Великий магистр госпитальеров Жан де Вилье выжил и в письме в Европу подробно описал свои приключения, хотя и признавал, что из-за ран ему тяжело писать. «Я и еще несколько братьев спаслись, как было угодно Богу, большинство из нас были ранены и почти не имели надежд на выздоровление. Нас отвезли на остров Кипр. В день, когда писалось это письмо, мы все еще были там, охваченные грустью, пленники великой печали».

Мусульмане, напротив, одержав большую победу при Акре, подтвердили силу своей веры, закрепив свой триумф в войне за Святую землю. Один очевидец в изумлении записал, как Бог «после захвата Акры вселил отчаяние в других франков, оставшихся в Палестине». Христианское сопротивление стало рушиться. В течение месяца последние аванпосты в Тире, Бейруте и Сидоне были эвакуированы или брошены франками. В августе тамплиеры ушли из своей крепости в Тортосе и замка Пилигримов. Это был конец Утремера — поселений крестоносцев на материке Леванта. Размышляя об этом событии, Абул Фида записал: «Эти завоевания [означали, что] вся Палестина теперь в руках мусульман. На такой результат никто не мог рассчитывать или мечтать о нем. Так [Святая земля] оказалась очищенной от франков, которые однажды едва не покорили Египет и не подчинили Дамаск и другие города. Хвала Всевышнему!»²⁶

Заключение

НАСЛЕДИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

С падением Акры и потерей последних крепостей политическое и военное присутствие латинского христианства на материковой части Леванта закончилось. Окончательное завоевание государств крестоносцев помогло утвердить мамлюкскую власть, и господство султаната на Ближнем Востоке продолжалось в течение последующих двух веков. На Западе, однако, крах Иерусалимского королевства вызвал шок и тревогу. Неудивительно, что тому искали объяснения и выдвигали обвинения. Левантийских франков осмеяли за их греховность и склонность к раздорам, военные ордены подверглись критике за то, что они якобы больше внимания уделяли международным интересам, чем защите Святой земли.

Торговые контакты между Европой и мусульманским Ближним Востоком продолжались и после 1291 года, да и Кипр остался под франкским правлением до конца XVI века. Но материковый Левант остался целью для священной войны. Начиная с 1290-х годов в Европе увидело свет немало подробнейших трактатов, в которых выдвигались различные планы и методы возвращения христианству Иерусалима. Обсуждалась возможность отправки новых экспедиций на Ближний Восток, некоторые даже отправлялись. Кульминацией одной из них стало временное завоевание в 1365 году египетского порта Александрия. На протяжении XIV века и далее еще проповедовалось много Крестовых походов и велись войны

против ереси, оттоманских турок и политических врагов папства. Орден тамплиеров был в 1312 году распущен после обвинений в ереси, выдвинутых жадной французской монархией, но другие военные ордены уцелели. Госпитальеры создали новую штаб-квартиру сначала на Кипре, потом на Родосе и, наконец, на Мальте, а Тевтонский орден добился образования собственного независимого государства на Балтике. И, несмотря на все это, ни один Крестовый поход так и не вернул Святую землю, и господство ислама в Леванте не ослабло до начала XX века¹.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Начнем с того, что Крестовые походы были и актами христианской агрессии, и оборонительными войнами. Безусловно, правда то, что ислам в VII веке начал волну вторжений и экспансии, но его стремительный натиск давно ослаб. Первый крестовый поход начался не в ответ на надвигающуюся огромную угрозу, не был он и прямым результатом катастрофической потери. Иерусалим, заявленная цель кампании, был захвачен мусульманами четыре века назад — вряд ли это была свежая рана. Обвинения в распространенных и систематических надругательствах над христианскими святынями или паломниками со стороны исламских правителей Леванта также, судя по всему, на деле не имеют под собой весомых оснований. После якобы чудесного успеха Первого крестового похода и основания государств крестоносцев война за Святую землю сохранилась в виде циклов насилия, мести и повторных завоеваний, в которых и христиане, и мусульмане совершали акты свирепой жестокости.

Конфликт, не похожий ни на какой другой?

В течение двух веков разные силы собирались, чтобы разжечь и подтолкнуть эту борьбу — от честолюбивых амбиций пап, которые хотели достичь якобы «предписанного свыше»

церковного превосходства, до экономических стремлений итальянских купцов, от идей социальных обязанностей и уз родства до зарождающегося чувства рыцарского долга. Лидеры — мусульмане и христиане, светские и духовные — осознавали, что идеалы священной войны могут использоваться, чтобы оправдать программы объединения и милитаризации и даже чтобы облегчить навязывание авторитарического правления. В этом отношении крестовые войны соответствовали системе понятий, свойственной многим периодам человеческой истории, — иными словами, они были попыткой контролировать и направлять насилие, якобы ради общего блага, но часто для того, чтобы служить интересам правящей элиты.

Однако в случае христианских Крестовых походов и исламского джихада «народная» война была пропитана мощными религиозными чувствами. Это не обязательно ведет к конфликту, отмеченному только варварскими актами насилия или особенно укоренившейся враждой. Однако это значит, что многие из тех, кто был вовлечен в соревнование за господство на Святой земле, искренне верили, что их действия были связаны с духовными интересами. Папы, такие как Урбан II и Иннокентий III, проповедовали Крестовые походы, чтобы утвердить собственную власть, но они также делали это в надежде помочь христианам найти путь к спасению. Венецианские крестоносцы, возможно, и думали о земных прибылях, но все же, как и другие участники крестовых войн, были движимы стремлением получить духовное вознаграждение. Даже рвущийся к власти военачальник, такой как Саладин, использовавший борьбу для достижения собственных целей, очевидно, испытывал нарастающее чувство набожности, которое заставило его завоевать и защищать Иерусалим. Конечно, не все крестоносцы, франкские поселенцы или мусульманские военачальники ощущали религиозные импульсы в равной мере, но пульс веры, всюду проникающий и сильный, продолжал биться в течение двухсотлетнего сражения за Левант.

Религиозный элемент придавал этим войнам несколько иной характер, вдохновлял людей на чудеса выносливости, стойкости, а иногда и нетерпимости. Он также помогает объ-

яснить, как и почему десятки тысяч христиан и мусульман продолжали участвовать в этой затянувшейся борьбе на протяжении стольких десятилетий. Энтузиазм представителей ближневосточного ислама понять легче. Джихад — религиозная обязанность, а вовсе не добровольная форма покаяния, и поколения мусульман могли черпать вдохновение из череды побед Зангидов, Айюбидов и мамлюков. Продолжительная привлекательность крестоносного движения в Западной Европе является более удивительным явлением на фоне бесконечной череды угнетающих поражений и перенаправления священных войн на новые театры военных действий. Сам факт непрерывной вербовки крестоносцев на протяжении всего XII и XIII веков и даже после этого иллюстрирует неотразимую привлекательность принятия креста — участия в предприятии, которое соединяет идеалы военной службы и покаяния — и, в конце концов, очищения души от греха. Начиная с 1095 года латинские христиане всем сердцем приняли идею о том, что участие в Крестовом походе — позволительная и действенная форма религиозного рвения. Людей не тревожил вопрос о союзе насилия и религии. И даже когда критика крестоносного движения стала набирать обороты, возникавшие вопросы относились к таким аспектам, как нерешительность в исполнении обязательств и финансирование, а не к основополагающему принципу о том, что Бог поддержит и вознаградит тех, кто участвует в войне за него².

Объяснение побед и поражений

Столь длительная привлекательность крестоносных идеалов заслуживает внимания, так же как и напрямую связанное с ней двухсотлетнее существование франкского Утремера. Хотя тут нам, конечно, никуда не деться от факта, что латиняне проиграли войну за Святую землю. Путь от победы Первого крестового похода в 1099 году до падения Акры в 1291 году никоим образом не был чередой поражений и упадка. Но от неудачи в Дамаске Второго крестового похода в 1148 году до бесславного пленения в Египте короля Людо-

вика в 1250 году судьба отнюдь не баловала крестоносцев успехами. Историки обычно сводят все объяснения к исламу, предполагаемому оживлению джихада и объединению мусульман всего Среднего и Ближнего Востока. В действительности же до прихода мамлюков тяга к священной войне была спорадической, а панлевантийское единство в лучшем случае эфемерным. Конечно, события в исламском мире влияли на исход Крестовых походов, но работали и другие, более мощные факторы.

Фундаментальной причиной окончательного поражения христианства в борьбе за господство в Восточном Средиземноморье была сама природа крестоносного движения. Идея священной войны в 1095—1291 годах не оставалась статичной. Она развивалась, хотя происходившие изменения не всегда были очевидными для современников, приспособлялась и корректировалась в соответствии с более масштабными событиями, влиявшими на религиозное мышление, в том числе объединение первоначальной миссии и обращения как средства одоления нехристианских противников. На протяжении всего указанного выше периода экспедиции крестоносцев оставались плохо приспособленными к делу защиты и завоевания Святой земли. Чтобы выжить, государствам крестоносцев была отчаянно необходима военная помощь извне, но в форме постоянной (или хотя бы продолжительной) и послушной военной силы. Крестовые походы чаще приносили кратковременный «впрыск» массовых армий, часто отягощенных не участвующими в военных действиях лицами и возглавляемых независимыми правителями, сосредоточившими внимание на собственных целях.

Тот факт, что крестоносное движение в целом не отвечало интересам Утремера, не должен удивлять, потому что эта форма священной войны не была предназначена для достижения такой цели. Изначально Крестовые походы возникли как добровольная и личная форма покаяния. Участники могли стремиться к выполнению поставленной цели — захвату конкретного города или защите региона. Они также могли представлять себя выполняющими свой долг служения Богу, оказывая помощь братьям-христианам, и даже подражающи-

ми страданиям самого Христа. И все же всегда в центре крестonosного импульса лежало обещание индивидуального спасения, гарантия того, что наказание за грехи будет отменено благодаря совершению вооруженного паломничества. Главная привлекательность Крестового похода заключается в его способности искоренить позор греха, дать возможность избежать проклятия. Поэтому тысячи латинян в Средние века принимали крест.

Лихорадочная аура религиозности, которая окутывала большинство экспедиций крестonosцев, могла внушить их участникам единство цели и не имеющее себе равных упорство, помочь им совершать беспрецедентные подвиги. Именно это чувство небесной поддержки и высокой духовности дало армии Людовика IX силы выжить в битве при Мансуре, а участникам Третьего крестового похода — выдержать страшную осаду Акры. Оно же заставило франков, рискуя полным уничтожением, в 1099 году пойти на Иерусалим. Пылая энтузиазмом, крестonosцы смогли одержать победу над несокрушимым противником, однако нельзя забывать, что пламенную страсть зачастую невозможно контролировать. Армии крестonosцев состояли из тысяч индивидов, каждый из которых в конечном счете горел желанием найти собственный путь к спасению души. Поэтому ими почти невозможно было управлять так же, как другими, более традиционными военными силами. Раймунд Тулузский понял это на собственном опыте в Маррате и Арке во время Первого крестового похода, а Ричард Львиное Сердце — когда дважды отступил от Иерусалима. Вероятно, ни один христианский монарх или даже командир так и не понял, как направить в нужную сторону силы, стремящиеся к спасению души.

В XIII веке такие папы, как Иннокентий III, пытались контролировать крестonosцев посредством регулирования и институционализации священной войны. Но они столкнулись с другой проблемой: как укротить страсть, не погасив огонь, который давал этим освященным кампаниям силу? Они также не сумели найти правильную формулировку, и новые идеи о реконфигурации всего фундамента крестonosной деятельности — с профессиональными силами, размещенными

ми на Ближнем Востоке на долговременной основе, — возникли слишком поздно и почти не вызвали отклика.

Некоторые историки предположили, что христианство потерпело поражение в войне за Святую землю из-за постепенного спада крестоносного энтузиазма после 1200 года — этот недуг якобы был привнесен папскими манипуляциями и осквернением «идеала». Такой взгляд представляется несколько упрощенным. Это правда, что в XIII веке не было таких же массовых экспедиций, как в 1095—1193 годах, но множество кампаний меньшего масштаба все еще велись, пусть даже направленные против нового врага и на других театрах военных действий. Если уж на то пошло, упадок коснулся прямой озабоченности латинской Европы судьбой Святой земли, но это явное ухудшение тоже нет смысла преувеличивать. Крупные кампании XII века были вызваны большими сейсмическими потрясениями — падением Эдессы, битвой при Хаттине, — а в других случаях западное христианство часто оставалось глухим к отчаянным призывам Утремера о помощи. Домашние проблемы и заботы — от споров о престолонаследии и династической вражды до неурожая и вспышек ереси — значили больше, чем нужды переживающих тяжелые времена государств крестоносцев. Пусть судьба Иерусалима и Святой земли была жива в памяти, весь ход истории Крестовых походов доказывает, что большинство латинян, живущих в Европе, не пребывали в постоянной тревоге относительно событий на Востоке и потому редко стремились бросить свои дома и налаженную жизнь, чтобы спасти далекий, хотя и священный аванпост.

На деле другое, сугубо практическое соображение решающим образом повлияло на исход войны на Ближнем Востоке. В физических и концептуальных выражениях Левант просто был слишком далеко от Западной Европы. Христианам, живущим во Франции, Германии или Англии, надо было преодолеть тысячи миль, чтобы добраться до Святой земли. Гигантские расстояния вызвали огромные трудности при организации военной экспедиции и даже при поддержании постоянных контактов с латинскими поселениями на Востоке. Сравнение, конечно, никоим образом не совершенно,

но другой конфликт между латинянами и мусульманами — так называемая испанская Реконкиста — завершился победой христиан, по крайней мере, частично из-за относительной географической близости Иберийского полуострова к остальной Европе. Проблемы, связанные с удаленностью Утремера, в какой-то степени были уменьшены подъемом военных орденов как наднациональных институтов и ростом транссредиземноморской торговли, но пробел так никогда до конца и не был заполнен. В то же время левантийские франки не смогли наладить полное и эффективное сотрудничество с восточными христианами — от Византийской империи до Киликийской Армении, — которые могли помочь смягчить суровость изоляции. Кроме того, поселившиеся на Востоке латиняне позволили себе втянуться в разрушительную борьбу за власть.

По всем этим причинам Утремер оказался в XII и XIII веках в крайне опасном и уязвимом положении. Тем не менее мусульманам пришлось немало потрудиться, чтобы использовать слабость франков. Крестовые войны велись в первую очередь не в политических и культурных центрах восточного ислама, а скорее в пограничной зоне между Египтом и Месопотамией, да и Святая земля не была однородно заселена одними только мусульманами. Но даже если так, в конце концов ислам выиграл от физической близости Левантийского театра военных действий, и тот факт, что он вел сражения, по сути, на своей территории, невозможно отрицать. Мусульманский мир пришел к победе в этой затянувшейся войне также благодаря пронизательным и харизматичным лидерам — Нур ад-Дину, Саладину и жестокому Бейбарсу³.

ПОСЛЕДСТВИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

Крестовые походы представлялись как международные конфликты, которые изменили мир, вытащили Европу из мрачного Средневековья к манящему свету эпохи Возрождения, обрекли ислам, милитаризованный и приобретший налет радикализма в погоне за победой, на века замкнутости и

стагнации. Некоторые авторы характеризовали священные войны как апокалиптические конфликты, оставившие нестираемые шрамы этнической и религиозной ненависти, положившие начало бесконечному циклу враждебности. Такие громкие утверждения основываются на упрощении и преувеличении. В 1000—1300 годах в средневековом мире, несомненно, произошли гигантские изменения. В этот период был отмечен рост населения, миграций и урбанизации; существенный прогресс был достигнут в науке, технологии и культуре. Значительно расширилась международная торговля. И все же точная роль Крестовых походов остается предметом спора. Любая попытка акцентировать эффект этого движения чревата трудностями, поскольку требует прослеживания и выделения одной-единственной нити в сплетенном узоре истории и гипотетической реконструкции мира, откуда эту нить надо убрать. Некоторые воздействия сравнительно ясны, но многие наблюдения придется волей-неволей ограничивать широкими обобщениями. Представляется определенным, что война за Святую землю была не единственным источником влияния, существовавшим в Средние века. Но и борьба в Леванте оказала существенное воздействие на средневековую историю, особенно в Средиземноморье.

Восточное Средиземноморье

Угрозы, представляемые франками, и реальные, и воображаемые, дали мусульманскому миру врага, против которого можно было объединиться, и дело, за которое следовало бороться. Это позволило Нур ад-Дину, а потом и Саладину воскресить идеал джихада. Это также дало им возможность навязать некоторую степень объединения исламу Ближнего и Среднего Востока, которая, все еще оставаясь недостаточной, превосходила все существующие после ранней эры мусульманской экспансии. Процесс достиг своего крайнего выражения, когда добавилась серьезная угроза со стороны монголов — тогда мамлюки создали единое государство под управлением Бейбарса и Калауна.

Между тем, несмотря на все контакты между мусульманами и латинянами, происходившие в эту эпоху — и в военное, и в мирное время, — отношение ислама к западному христианству радикально не изменилось. Старые предрассудки остались, и среди них популярное недоразумение относительно того, что поклонение Христу и Богу является признаком политеизма, а также укоренившаяся антипатия к использованию символических религиозных образов, запрещенному в исламе, и нелепое утверждение относительно сексуальной непристойности франков. Осведомленность, судя по всему, не стала основанием для понимания и терпимости. Но точно так же, вопреки утверждению многих авторов, начало Крестовых походов не привело к повсеместному разрыву отношений между мусульманами и восточными христианами. Существовали некоторые периодические признаки напряжения в отношениях, особенно в случаях, когда местные христиане, жившие под исламским правлением, подозревались в помощи или шпионской деятельности в пользу франков, но в широком аспекте почти ничего не изменилось вплоть до подъема более фанатично настроенных мамлюков.

И для ислама, и для Запада, возможно, самые существенные перемены, принесенные Крестовыми походами, относились к торговле. Левантийские мусульмане уже поддерживали некоторые торговые контакты с Европой еще до начала Первого крестового похода при посредстве итальянских морских торговцев, однако объемы и важность этого экономического взаимодействия революционно изменились в ходе XII и XIII веков, по большей части в результате появления латинских поселений в восточной части Средиземноморья. Крестовые походы и существование государств крестоносцев изменили конфигурацию средиземноморских торговых путей — возможно, мощнее всего после завоевания в 1204 году Константинополя — и сыграли критическую роль в утверждении могущества итальянских торговых городов — Венеции, Пизы и Генуи. Принятие Европой арабских цифр тоже относится примерно к 1200 году и, вероятно, стало результатом торговли с исламом, хотя этот процесс нельзя напрямую связать с контактами с миром крестоносцев.

Франки, поселившиеся в Утремере, жили не в герметично изолированной окружающей среде. Реальная действительность, а также политическая, военная и коммерческая целесообразность заставляла этих латинян вступать в частые контакты с местным населением Леванта, включая мусульман, восточных христиан, а позднее и монголов. Таким образом, Крестовые походы создали одну из пограничных сред. В ней европейцы могли взаимодействовать с восточной культурой и, в теории, впитывать ее. Общество «крестоносцев», которое развилось в Утремере, определенно было отмечено некоторой степенью ассимиляции, хотя, было это результатом сознательного выбора или органичным процессом, остается неясным. Несомненно, социальное окружение на латинском Востоке было совершенно уникальным. Это не было результатом беспрецедентной степени соединения с исламом — на самом деле такой тип контактов был обычным в средневековой Иберии и на Сицилии. Не было это и следствием продолжающейся на Ближнем Востоке священной войны. Наоборот, отличительная черта «крестоносного» Утремера родилась из необычной совокупности разных левантских влияний — от греков и армян до сирийцев, евреев и, конечно, мусульман. Нельзя сбрасывать со счетов и смешение многих западноевропейских влияний — Франции, Германии, Италии, Нидерландов и т. д.⁴

Западная Европа

Историки давно признали, что взаимодействие между западным христианством и мусульманским миром, даже, если говорить в более широком смысле, со Средиземноморским миром в Средние века сыграло важную, пожалуй, даже критическую роль в продвижении европейской цивилизации. Эти контакты привели к впитыванию художественных воздействий и передаче научных, медицинских и философских учений — все это помогло стимулировать далеко идущие перемены на Западе и в конечном счете внесло свой вклад в эпоху Возрождения. Оценить относительную важность раз-

ных сфер контактов в этом процессе почти невозможно. Так, если искусство и архитектура «крестоносного» Леванта выказывают бесспорные признаки межкультурного слияния, «крестоносные» стили иллюстраций манускриптов или планировки замков невозможно с уверенностью проследить к западным корням и категорически изолировать, как единственную вдохновляющую идею для любого данного европейского экземпляра. Текстовую передачу знаний проследить легче благодаря ее природе. В этой области обмена Утремер сыграл заметную роль — свидетельства тому — переводы, сделанные в Антиохии, — но ее важность второстепенна в сравнении с изобилием скопированных и переведенных текстов из средневековой Иберии. В лучшем случае мы можем сделать вывод, что Крестовые походы открыли двери на Восток, но они никоим образом не были единственным порталом для общения. Другие перемены, начало которым положили Крестовые походы в латинской Европе, определить легче. На практическом уровне крупномасштабные экспедиции имели огромное политическое, социальное и экономическое влияние на такие регионы, как Франция и Германия. Они приводили к периодическому исчезновению целых родственных групп и частей знати. Отсутствие правящих классов, в особенности монархов, могло вызвать повсеместную нестабильность и даже смену режима. Появление военных орденов и распространение их влияния во всех уголках Запада имело явный и глубокий эффект на средневековую Европу. Как новые и грозные игроки на латинской сцене, эти ордены обладали достаточным могуществом, чтобы противостоять традиционной церковной и светской власти. Популярность движения крестоносцев служила увеличению авторитета папства и реконфигурировала королевскую власть. Она также повлияла на появляющееся понятие рыцарства. Создав новую форму покаяния, священные войны изменили религиозную практику — этот процесс заметно ускорил в XIII веке с расширением проповедей Крестовых походов замещение клятв и появление новой системы индульгенций.

В этот период больше латинских христиан оставалось на Западе, чем воевало на Святой земле. Но в период между

1095 и 1291 годами лишь очень немногие латинские христиане остались не затронутыми крестоносным движением — посредством участия в походах, налогообложения или других видов деятельности⁵.

ДЛИННАЯ ТЕНЬ

В феврале 1998 года радикальная террористическая сеть, назвавшая себя «Мировой исламский фронт», объявила о своем намерении вести «священную войну против евреев и крестоносцев». Эта организация, которую возглавлял Усама бен Ладен, стала известна как «Аль-Каида» (буквально — «база» или «основа»). Через пять дней после атаки «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 года на Нью-Йорк и Вашингтон президент США Джордж Буш перед собравшимися журналистами заверил мировую общественность в готовности Америки защищать свою землю, предупредив, что «этот Крестовый поход, эта война с терроризмом займет некоторое время». В октябре того же года бен Ладен ответил на приближающееся вторжение союзников в Афганистан. Он назвал эту операцию «христианским Крестовым походом», сказал, что это «повторяющаяся война. Изначально Крестовый поход привел Ричарда из Британии, Людовика из Франции и Барбароссу из Германии. Сегодня крестоносные страны бросятся вперед, как только Буш поднимет крест. Они приняли правление креста»⁶.

Как такое стало возможным? Почему язык средневековой священной войны нашел место в современных конфликтах? Этот риторический вопрос предполагает, что крестовые походы каким-то образом остались неизменными со времен Средневековья, и Запад и Восток, как и прежде, противостоят друг другу в неумирающей и ожесточенной религиозной войне. На самом деле нет непрерывной линии ненависти и разногласий, связывающей средневековые столкновения за господство на Святой земле и сегодняшнюю борьбу на Ближнем и Среднем Востоке. Крестовые походы в действительности являются мощным, тревожным и, в начале XXI века,

явно опасным примером потенциальной возможности присваивать, искажать и манипулировать историей. Они также доказывают, что придуманное прошлое может создавать собственную реальность, и Крестовые походы стали иметь глубокое влияние на современный мир, но практически полностью при посредстве иллюзии.

Среди основных причин этого явления можно назвать разобщенность между интересом и восприятием средневековой эры Крестовых походов в мусульманском мире и на Западе. На базовом уровне эта разница видна в терминологии. Примерно с середины XIX века и далее Крестовые походы арабы называют *al-hurub al-Salabiyya* (Крестовые войны). Этот термин подчеркивает элементы христианской веры и военного конфликта. В английском языке, однако, слово *crusade* не имеет связи с его средневековыми и религиозными корнями — сейчас оно означает борьбу в интересах дела, которое часто представляется справедливым. Его истинный смысл потерялся из-за частого употребления. Теперь слово *crusade* вполне применимо к походу против религиозного фанатизма или, к примеру, насилия. Западный перевод арабского слова *jihad* также не вполне соответствует его истинному содержанию. Многие мусульмане считают, что идея джихада относится прежде всего и главным образом к внутренней духовной борьбе. Но на Западе в него обычно вкладывают иной смысл. Мы считаем, что оно означает ведение физической священной войны. Учитывая разное отношение современных авторов к эре Крестовых походов, эта проблема с терминологией возникла и существует на протяжении последних двух веков. Однако в какой-то степени разница между западной и исламской памятью и восприятием возникла как более непосредственный результат уничтожения Утремера.

Позднее Средневековье и раннее Новое время

В период между XIV и XVI веками, когда Европа все еще вела борьбу против других мусульманских противников (в основном против Османской империи), средневековые Кре-

стовые походы приобрели полумифический статус. К определенным, якобы центральным «героям» было привлечено всеобщее внимание. Годфруа Буйонский был включен в число самых почитаемых исторических личностей в истории, наряду с Александром Великим и Августом Цезарем. Ричард Львиное Сердце стал знаменит как легендарный король-воин, а Саладина превозносили за рыцарство и благородный характер. В знаменитой «Божественной комедии» Данте Саладин появляется в первом круге ада — месте, «зарезервированном» для добродетельных язычников.

Но с приходом после 1517 года Реформации и позднее с зарождением просветительской мысли европейские теологи и ученые предприняли широкую переоценку христианской истории. К XVIII веку Крестовые походы были оставлены в темном и явно нежелательном средневековом прошлом. Британский ученый Эдуард Гиббон, например, утверждал, что священные войны были выражением «фанатизма дикарей», порожденным религиозным рвением. Французский мыслитель Вольтер осудил движение в целом, но оставил некоторую долю восхищения для отдельных исторических личностей. Короля Людовика IX он превозносил за благочестие, а Саладина назвал «хорошим человеком, героем и философом»⁷.

На протяжении всего позднего Средневековья и в начале мамлюкского и османского правления ислам на Ближнем и Среднем Востоке почти не проявлял интереса к Крестовым походам. Большинство мусульман, вероятнее всего, рассматривали войну за Святую землю как по большей части неуместный конфликт, имевший место очень давно. Да, варвары-франки вторглись в Левант и совершали там акты насилия, но они понесли наказание, поскольку потерпели поражение. Ислам, и это естественно, одержал победу, и эре франкского господства пришел конец. Если говорилось об исторических личностях, «героях» этого времени, их выбор отличался от сделанного латинянами. Значительно меньше внимания уделялось Саладину. Вместо этого всячески восхвалялось благочестие Нур ад-Дина, а Бейбарс стал заметной фигурой в фольклоре только после XV века. На протяжении всех этих веков, похоже, ни у кого не возникало

чувства, что агрессия крестоносцев породила постоянную священную войну или что жестокость франков все еще требует отмщения⁸.

Чтобы понять, как Крестовые походы возникли из пыльных уголков истории, по-видимому чтобы стать значимыми для современного мира, академическое изучение, а также социальная, политическая и культурная память об этих войнах после 1800 года должны быть прослежены на Западе и Востоке.

Крестовые походы в западной истории и памяти

К началу XIX века на Западе воцарилось общее согласие, вдохновленное мышлением эпохи Просвещения. Средневековые Крестовые походы были отвергнуты из-за их грубого варварства и заблуждений, хотя периодически прославлялась храбрость их участников. Вскоре отношение к ним смягчилось мощной струей романтизма, идеализировавшей представление о Средних веках. Эта тенденция была вызвана имевшими бешеную популярность и очень большое влияние литературными произведениями английского автора сэра Вальтера Скотта. Его роман «Талисман» (1825), действие которого происходило во время Третьего крестового похода, изображал Саладина как «благородного дикаря», галантного и мудрого, а короля Ричарда I — как буйного головореза. Книги Скотта, к примеру «Айвенго» (1819), а также произведения других авторов изображали Крестовые походы как большие отважные приключения⁹.

Примерно в это же время некоторые европейские ученые увлеклись историческим параллелизмом — желанием увидеть современный мир отраженным в прошлом. Они изображали Крестовые походы и создание государств крестоносцев достойными всяческих похвал упражнениями в протоколониализме. Эта тенденция начала процесс выделения крестоносного движения (и самого выражения «Крестовый поход» — *crusade*) из религиозного контекста, что также

позволяло считать войну за Святую землю, по сути, светским предприятием. В начале XIX века французский историк Франсуа Мишо опубликовал трехтомный труд о священных войнах (и еще четыре тома первоисточников), широко приправленный вводящими в заблуждение утверждениями и искажениями истории. Мишо аплодировал «славе», заслуженной крестоносцами, отмечая, что их целью было «завоевание и цивилизация Азии». Он также назвал Францию духовным и концептуальным эпицентром движения, сообщив, что «Франция когда-нибудь станет образцом и центром европейской цивилизации. Священные войны внесли большой вклад в этот процесс, что видно начиная с Первого крестового похода и далее». Публикации Мишо являлись одновременно продуктом и стимулом к развитию мощного чувства французского национализма, стремлением сформулировать национальные особенности, и в результате война за Святую землю была втянута в сфабрикованную реконструкцию «французской» истории¹⁰.

Романтизированный националистический энтузиазм, связанный с Крестовыми походами, никоим образом не был свойственен одной только Франции. Недавно созданное государство Бельгия назвало Годфруа Буйонского своим национальным героем, а в Англии Ричард Львиное Сердце стал иконой поборника веры. В середине XIX века оба были увековечены в грандиозных конных статуях. Статуя Ричарда располагается напротив зданий парламента в Лондоне, Годфруа — в Брюсселе. В XIX веке интерес к Крестовым походам и крестоносцам распространился по всей Европе. Бенджамин Дизраэли, будущий британский премьер, в 1831 году совершил путешествие на Ближний Восток и был заворожен историей Крестовых походов — это было еще до его избрания в парламент. Позднее он опубликовал роман «Танкред, или Новый крестовый поход» о юном аристократе, наследнике крестоносцев. Американский писатель Марк Твен также побывал на Святой земле, посетил поле сражения в Хаттине и был впечатлен видом меча, якобы раньше принадлежавшего Годфруа Буйонскому, который пробудил романтические чувства и память о священных войнах.

В 1898 году кайзер Вильгельм II решил не останавливаться ни перед чем, чтобы только воплотить в жизнь свои фантазии. Облачившись в подобие средневековых регалий, он совершил путешествие в Левант, верхом въехал в Иерусалим и после этого направился в Дамаск, чтобы отдать дань уважения Саладину, которого считал «одним из самых рыцарственных правителей в истории». 8 ноября он возложил венок к весьма обветшалой гробнице султана Айюбидов и позднее оплатил реставрацию мавзолея¹¹.

Конечно, далеко не все западные исследования Крестовых походов в этот период были окрашены фантазийными романтическими идеями и националистическим империализмом. В эти же годы появилась устойчивая тенденция к более точному беспристрастному эмпирическому подходу. Но даже в 1930-х годах французский историк Крестовых походов Рене Груссе провел сравнение между французским участием в Крестовых походах и возвращением французского правления в Сирии в начале XX века. Это было страстное и несдержанное повествование, оказавшее влияние на общее восприятие. Сила и потенциальная опасность такого поверхностного современного параллелизма стала очевидной в контексте Первой мировой войны. В ходе этого конфликта Франции был дан мандат на управление «Большой Сирией», и французские дипломаты пожелали утвердить свои права с помощью привлечения истории Крестовых походов.

А британцы получили право управлять Палестиной. Прибыв в Иерусалим в декабре 1917 года, генерал Эдмунд Алленби, очевидно, знал об обиде, которую мог нанести исламу любой оттенок крестоносной риторики и триумфализма (тем более что в британской армии существовали части, сформированные из мусульман). В противоположность кайзеру Вильгельму Алленби вошел в Иерусалим пешком и, как утверждают, строго запретил своим войскам упоминать о Крестовых походах. К сожалению, его осторожность не помешала некоторым представителям британской прессы найти в событии якобы эхо Средневековья. А сатирическое периодическое издание «Панч» опубликовало карикатуру «Последний Крестовый поход». На ней был изображен Ричард Львиное Сердце,

глядящий с вершины холма на Иерусалим. Надпись под изображением гласила: «Наконец моя мечта стала реальностью». Позднее распространился сомнительный, но живучий слух о том, что Алленби лично заявил: «Сегодня крестовые войны закончились».

На самом деле именно тогда слово *crusade* («Крестовый поход»), уже разобщенное с религией, начало отделяться в английском языке и от средневековых корней. В 1915 году британский премьер Дэвид Ллойд Джордж назвал Первую мировую войну «великим Крестовым походом». Во время Второй мировой войны в приказах генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра, касавшихся дня 6 июня 1944 года, содержалось такое обращение к войскам союзников: «Вы начинаете великий Крестовый поход». Повествование Эйзенхауэра о войне, увидевшее свет в 1948 году, называлось «Крестовый поход в Европу»¹².

Современный ислам и Крестовые походы

После продолжительного периода полного безразличия мусульманский мир начал проявлять первые признаки возобновления интереса к Крестовым походам лишь в середине XIX века. Около 1865 года перевод французских историй говорящими по-арабски сирийскими христианами привел к первому использованию термина *al-hurub al-Salabiyya* (Крестовые войны) для того, что раньше называлось войнами *If-ranj* (франков). В 1872 году оттоманский турок Намик Кемаль опубликовал первую «современную» мусульманскую биографию Саладина — труд, по-видимому, написанный, чтобы опровергнуть хвастливую историю Мишо, которая незадолго до этого была переведена на турецкий язык. Визит кайзера Вильгельма в 1898 году на Ближний Восток или совпал с другой вспышкой интереса, или разжег ее, поскольку уже в следующем году египетский ученый аль-Харири опубликовал первую арабскую историю Крестовых походов, названную «Отличные рассказы о крестовых войнах» (*Splendid Accounts of the Crusading Wars*). В этой книге аль-Харири написал, что

оттоманский султан Абдул-Хамид II (1876—1908) недавно охарактеризовал западную оккупацию мусульманской территории новым «Крестовым походом». По утверждению аль-Харири, султан «правильно отметил, что Европа сейчас ведет против нас Крестовый поход в форме политической кампании». В это же время мусульманский поэт Шакви написал стихотворение, в котором вопрошал, почему Саладин был забыт исламом до напоминания, которое дал кайзер Вильгельм¹³.

В последующие годы мусульмане от Индии до Турции и Леванта начали высказываться относительно сходства между средневековой оккупацией крестоносцев и современной западной агрессией — сравнение, которое, разумеется, было с энтузиазмом подхвачено на Западе и звучало еще довольно долго. Набирающее силу восхищение Саладином — героической для мусульман личностью — видно и в том, что открытый в Иерусалиме в 1915 году университет назвали именем султана. После Первой мировой войны произошло установление британского и французского мандатов в Леванте, а в европейской литературе и прессе началась широкая популяризация исторического параллелизма. К 1934 году один известный арабский автор выдвинул предположение, что «Запад до сих пор ведет крестовые войны против ислама под видом политического и экономического империализма».

Критическая перемена произошла после Второй мировой войны с созданием в 1948 году Государства Израиль — осуществлением того, к чему призывал сионизм. В октябре обозреватель Абд аль-Латиф Хамза написал, что «борьба против сионизма воскресила в наших сердцах память о Крестовых походах». С 1948 года мусульманский мир начал все более активно переосмысливать средневековые войны за Святую землю. Арабско-исламская культура имела давнюю традицию, уходящую корнями в Средневековье, — стремление учиться на уроках прошлого. Поэтому неудивительно, что по всему Ближнему и Среднему Востоку ученые, теологи и радикальные активисты теперь начали усовершенствовать и утверждать собственные исторические параллели, использовать историю крестовых войн в собственных целях¹⁴.

Принципы «крестоносного параллелизма»

Процесс продолжается по сей день. Эпоха крестовых войн очень хорошо подходит для использования исламскими пропагандистами. Она закончилась почти 800 лет назад, и ее события уже стали достаточно туманными, чтобы ими можно было легко манипулировать, придав новую форму: полезные «факты» можно выбрать, а любые неудобные детали, которые не соответствуют конкретной идеологии, — убрать. Крестовые походы также можно использовать для создания ценного нравоучительного рассказа, поскольку в них есть и нападение Запада, и окончательная победа ислама. Роль Иерусалима является критической. В действительности политическая и даже религиозная важность, приписываемая мусульманами Святому городу, на протяжении всего Средневековья и даже после него существенно менялась. Но средневековая борьба за господство на этой территории помогает современным идеологам культивировать идею Иерусалима — главным образом Храмовой горы — как священного и нерушимого оплота мусульманской веры.

За последние шестьдесят лет целый ряд исламских групп и отдельных личностей, от политиков до террористов, старательно проводили сравнения современного мира и средневековой эпохи Крестовых походов. Что касается деталей и акцентов, существуют важные различия в идеях, которые они хотят передать, но существует относительно неизменный фундамент, подкрепляющий все разнообразные аргументы. В нем доминируют две основополагающие идеи. Первая заключается в том, что Запад, агрессивная колониальная сила, сейчас совершает преступления против мусульманского мира, так же как и 900 лет назад, воссоздав древние Крестовые походы в современном мире. Но появление, при поддержке Запада, Израиля добавило новую сюжетную линию в рассказ. В современном воплощении этой борьбы оккупировать Святую землю стремятся не только империалисты-крестоносцы, но еще и евреи. Вместе они объединились в некий «крестоносно-сионистский» союз против ислама. Пропагандисты всячески стараются придать ауру убедительности этому более чем странному сосед-

ству, указывая на то, что Израиль занимает примерно ту же территорию, что и франкское Иерусалимское королевство. Однако в последние десятилетия географический фокус этой идеологии быстро расширился. Новые западные и особенно руководимые американцами вторжения на Ближний и Средний Восток и в Центральную Азию были поставлены в один ряд с арабо-израильским конфликтом и положением палестинцев, добавив преступлений «крестоносно-сионистскому» союзу. Среди них две войны в Персидском заливе, борьба против талибана и «Аль-Каиды» в Афганистане и размещение на священной для мусульман территории Аравии американских войск. Как сказал Усама бен Ладен, «орды крестоносцев распространились по ней как саранча»¹⁵.

Второй столп «крестоносного параллелизма» относится к предполагаемой способности ислама извлекать ценные уроки из Средневековья. В 1963 году мусульманский автор Саид Ашур опубликовал на арабском языке двухтомную «Историю Крестовых походов», в которой заявил, что ситуация, в которой живут сегодняшние мусульмане, во многом похожа на эпоху Средневековья, и поэтому «на нас лежит долг изучать Крестовые походы тщательно и научно». Многочисленные исламские идеологи черпали вдохновение из средневековых войн за Святую землю. Некоторые настаивали на объединении ислама, если потребуется, силой, и решительном и бескомпромиссном ведении джихада, якобы имитируя поведение мусульман в Средние века. Некоторые пропагандисты предполагают, что ислам должен подготовиться к долгому сражению — в конце концов, ведь для того, чтобы отобрать Иерусалим у франков, потребовалось восемьдесят восемь лет, а почти два века ушло на уничтожение Утремера. В качестве примера для подражания приводятся «герои» эры Крестовых походов, чаще всего — Саладин. В XX веке имя султана Айюбидов обросло мифами. Он стал центральной фигурой средневековой войны за Святую землю. Теперь Саладин, а вовсе не султан Бейбарс стал кумиром всего арабоязычающего мира. Его победа над христианами в битве при Хаттине почитается как одна из величайших побед в мусульманской истории, а последующий захват Иерусалима — предмет панисламской гордости и торжества¹⁶.

Арабский национализм и исламизм

На базе этих двух столпов были созданы разные идеалы. Много говорится о возобновлении наступления крестоносцев и необходимости учиться на примере Средневековья. На деле истинная сила такого манипуляторского подхода к прошлому доказала свою удивительную гибкость, поскольку мусульманские приверженцы двух диаметрально противоположных идеологий — арабского национализма и исламизма — с одинаковым энтузиазмом и успехом используют историю Крестовых походов.

Принципы арабского национализма по сути своей являются светскими: постулируя разделение духовной и светской власти в исламе и выступая за управление арабскими мусульманскими государствами политическими, а не религиозными лидерами. Поэтому арабские националистические лидеры проявляют мало интереса к Крестовым походам как религиозным войнам, концентрируя внимание на идее угрозы иностранного империализма и пропаганде значения сравнений между их собственными жизнями и достижениями Саладина. Гамаль Абель Насер, египетский премьер (а позднее и президент) с 1954 по 1970 год, был одним из первых поборников арабской националистической идеологии. Он утверждал, что создание Государства Израиль — «замена Крестовых походов», произведенная, когда «империализм заключил союз с сионизмом». Насер также неоднократно уподоблял себя Саладину. Не является совпадением то, что вышедший на экраны в 1963 году «исторический» эпос «Саладин» — на тот момент самый высокобюджетный арабский фильм в истории — был снят в Египте, а исполнитель главной роли обладал удивительным внешним сходством с Насером.

Говоря об арабо-израильском конфликте 1981 года, президент Сирии Хафез Асад призывал мусульман «вспомнить вторжения крестоносцев. Хотя они воевали с нами 200 лет, мы не сдались и не капитулировали». Асад также назвал себя «Саладином XX века» и в 1992 году воздвиг статую своего героя — размером больше чем в человеческий рост — в сердце Дамаска. Лидер арабских националистов Ирака Саддам Ху-

сейн был еще больше одержим Саладином. Для удобства позабыв о курдском происхождении Саладина, он всемерно подчеркивал, что они родились в одном и том же месте — в Тикрите, и всегда находил параллели между их карьерами. На иракских марках и банкнотах Саладина изображали рядом с Саддамом, а дворец иракского лидера был украшен статуями президента, одетого как Саладин. Саддам даже велел издать детскую книжку с картинками «Герой Саладин», в которой он сам был назван вторым Саладином¹⁷.

Исламизм — полярная противоположность арабского национализма в плане идеологии, поддерживающая теорию о том, что исламский мир должен управляться как теократия. Тем не менее исламисты даже еще активнее старались установить иллюзорные связи между средневековыми Крестовыми походами и современным миром. Ставя во главу угла духовный аспект, исламистская пропаганда представляла Крестовые походы агрессивными войнами, ведущимися на *Dar al-Islam* (исламской территории), и единственным ответом на них может быть жестокий физический джихад. Один из самых влиятельных исламистских идеологов Сейид Кутб (который был казнен в Египте в 1966 году за измену) описывал западный империализм как «маску для крестоносного духа», утверждая, что «дух крестоносца есть в крови всех жителей Запада». Он также заявлял, что существовал заговор «международного крестоносного движения», который и привел к западным интервенциям в Левант, и в качестве доказательства цитировал ссылки Алленби на средневековые крестовые войны.

Идеи Кутба повлияли на многие радикальные исламистские организации от «Хамаса» до «Хезболлы». Но в XXI веке самыми опасными сторонниками этой ветви экстремизма стали Усама бен Ладен и его союзник Айман аль-Завахири — лидеры террористической сети, известной под названием «Аль-Каида». Их речи полны ссылок на Крестовые походы. Когда после теракта 11 сентября Джордж Буш опрометчиво назвал предложенную им «войну с терроризмом» Крестовым походом (с тех пор он тщательно избегал употребления этого термина), он сыграл на руку бен Ладену. В 2002 году бен Ладен издал заявление, в котором было сказано, что «одним из

самых важных позитивных результатов атак на Нью-Йорк и Вашингтон стало раскрытие правды о конфликте между крестоносцами и мусульманами и силе ненависти, которую крестоносцы испытывают к нам». Затем в марте 2003 года после вторжения американцев в Ирак бен Ладен добавил: «Сионистско-крестоносная кампания против ислама сегодня самая опасная и фанатичная... [чтобы узнать] как противостоять внешнему противнику, мы должны вспомнить предыдущие крестовые войны против наших стран». Подстрекательская и обманчивая пропаганда, основанная на манипулировании историей, и сегодня не утихает¹⁸.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ИСТОРИИ

«Крестоносный параллелизм» сыграл особую роль в формировании современного мира — причем ее в последнее время понимали неправильно. Манипулирование историей и памятью о войне за Святую землю началось с романтизации XIX века и западного колониального триумфализма. Оно было закреплено политической пропагандой и идеологическими выпадами в мусульманском мире. Цель идентификации и исследования этого процесса не в попустительстве или обличении идеологий империализма, арабского национализма или исламизма, а в выявлении исходной простоты и яркой неточности «исторических» параллелей, пробужденных во имя этих идеологий. Политический, культурный и духовный резонанс далеких Крестовых походов был сфабрикован воображаемым представлением о прошлом, которое оперирует карикатурами, искажением и выдумками, а не средневековыми реалиями обоюдного насилия, дипломатии и торговли, вражды и союзов, которые были в сердце Крестовых походов.

Конечно, человечество всегда проявляло склонность к намеренному искажению истории. Но опасности, сопутствующие «крестоносному параллелизму», уже доказали свою серьезность. За последние два столетия широко распространилось совершенно неверное представление о той далекой эпохе. Якобы Крестовые походы были основой отношений между

исламом и Западом, поскольку породили глубоко укоренившееся и неистребимое чувство взаимной антипатии, и в результате эти две культуры оказались вовлеченными в постоянную и разрушительную войну. Эта идея — о прямом и непрерывном следе конфликта, соединяющем Средние века и современную действительность, — помогла создать широко распространенное и почти фаталистическое восприятие того факта, что титанического столкновения цивилизаций не избежать. И все же, хотя Крестовые походы были грубыми, мрачными и жестокими экспедициями, они не оставили постоянных отметин ни на западном христианстве, ни на мусульманском обществе. На деле война за Святую землю к концу Средневековья уже почти забылась и была воскрешена лишь много столетий спустя.

Возможно, Крестовые походы могут что-то рассказать нам о современном мире. Большинство, а быть может, даже все их уроки являются общими и для других эпох человеческой истории. Эти войны раскрыли силу веры и идеологии, способную вдохновить широкие движения масс и вызвать серьезные беспорядки. Они подтвердили способность коммерческих интересов перешагнуть барьеры конфликта и показали, с какой готовностью подозрительность и ненависть «других» может быть направлена в нужную сторону. Но идея о том, что борьба за господство на Святой земле, которую вели латинские христиане и левантийские мусульмане много веков назад, имеет непосредственное влияние на современный мир, ошибочна. Реалии средневековых войн должны быть тщательно исследованы и поняты, чтобы укротить силы пропаганды и противостоять подстрекательству к враждебности. Но сами Крестовые походы лучше оставить в прошлом, которому они принадлежат.

ХРОНОЛОГИЯ

27 ноября 1095 года — Клермонская проповедь Первого крестового поход папы Урбана II

18 июня 1097 года — Никея сдается Первому крестовому походу

1 июля 1097 года — битва при Дорилее (Дирахиуме)

3 июня 1098 года — Первый крестовый поход разграбляет Антиохию

28 июня 1098 года — битва при Антиохии против Кербогги Мосульского

15 июля 1099 года — участники Первого крестового похода захватывают Иерусалим

Май 1104 года — битва при Харране

28 июня 1119 года — Роджер Антиохийский убит на Кровавом поле

Июнь 1128 года — Занги берет контроль над Алеппо

Декабрь 1144 года — Занги захватывает Эдессу

1 декабря 1145 года — папа Евгений III провозглашает Второй крестовый поход

Сентябрь 1146 года — Занги убит, Нур ад-Дин берет контроль над Алеппо

Июль 1148 года — неудача осады Дамаска участниками Второго крестового похода

29 июня 1149 года — битва при Инабе

19 августа 1153 года — латиняне покоряют Аскалон

Апрель 1154 года — Нур ад-Дин оккупирует Дамаск

11 августа 1164 года — Нур ад-Дин побеждает франков у Харима

Март 1169 года — Саладин принимает титул визиря Египта

Сентябрь 1171 года — ликвидация халифата Фатимидов в Египте

15 мая 1174 года — смерть Нур ад-Дина; в октябре Саладин устанавливает контроль над Дамаском

25 ноября 1177 года — битва при Монжизаре

12 июня 1183 года — Саладин оккупирует Алеппо

Май 1185 года — смерть иерусалимского короля Балдуина IV

4 июля 1187 года — битва при Хаттине

2 октября 1187 года — Саладин берет Иерусалим

29 октября 1187 года — папа Григорий VIII призывает к Третьему крестовому походу

Ноябрь 1187 года — Ричард Львиное Сердце принимает крест

28 августа 1189 года — Ги де Лузиньян осаждает Акру

10 июня 1190 года — смерть Фридриха Барбароссы в Азии

8 июня 1191 года — Ричард Львиное Сердце прибывает в Акру

12 июля 1191 года — участники Третьего крестового похода занимают Акру

20 августа 1191 года — Ричард I казнит мусульманских пленников у стен Акры

7 сентября 1191 года — битва при Арсуфе

13 января 1192 года — Ричард I отдает приказ на первое отступление из Бейт-Нубы

4 июля 1192 года — участники Третьего крестового похода второй раз отступают из Бейт-Нубы

2 сентября 1192 года — придана окончательная форма соглашения в Яффе

4 марта 1193 года — смерть Саладина

15 августа 1198 года — папа Иннокентий III призывает к Четвертому крестовому походу

12 апреля 1204 года — участники Четвертого крестового похода разграбляют Константинополь

Ноябрь 1215 года — папа Иннокентий III председательствует на Четвертом латеранском соборе

ХРОНОЛОГИЯ

5 ноября 1219 года — участники Пятого крестового похода захватывает Дамьетту

17 марта 1229 года — Фридрих II Гогенштауфен входит в Иерусалим

11 июля 1244 года — хорезмийцы разграбляют Иерусалим

18 октября 1244 года — битва при Ла-Форби

5 июня 1249 года — король Людовик IX Французский высаживается в Египте

8 февраля 1250 года — битва при Мансуре

Апрель 1250 года — Тураншах берет в плен Людовика IX

Февраль 1258 года — монголы разграбляют Багдад

3 сентября 1260 года — Бейбарс становится султаном мамлюков

19 мая 1268 года — Бейбарс разграбляет Антиохию

8 апреля 1271 года — госпитальеры сдают Бейбарсу Крак-де-Шевалье

27 апреля 1289 — Калаун захватывает Триполи

18 мая 1291 года — мамлюки покоряют Акру

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение МИР КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

¹ В Средние века и после них Крестовые походы велись в разных странах. Но на вершине их популярности и важности — в 1095—1291 годах — христианские походы были в основном нацелены на Ближний Восток. Поэтому настоящая книга описывает события на Святой земле. Существуют разные трактовки этого географического понятия. Одна из них помещает Святую землю в границы современного Государства Израиль, включая районы, находящиеся под контролем Палестины. Но в Средние века христиане Западной Европы имели более смутное представление о Святой земле, нередко включая в это понятие другие религиозно значимые места, такие как город Антиохия (Северо-Восточная Турция). В эпоху Крестовых походов мусульмане также упоминали *al-Quds* (Святой город) и *Bilad al-Sham* (побережье). Таким образом, войны за Святую землю, рассматриваемые в этой книге, относятся к конфликтам, происходившим на территории современного Израиля, Иордании, Ливана и Сирии, а также частей Турции и Египта. В последнее время мы привыкли называть этот район Средним Востоком, но в действительности это не совсем так. Строго говоря, прибрежные территории — это Ближний Восток, а Средний Восток — это район за Евфратом. В книге также используется термин «Левант» для описания восточной части Средиземноморья — слово произошло от французского *lever* (подниматься) и относится к ежедневному появлению солнца на востоке. Для получения общего представления о последних успехах в изучении Крестовых походов см. *Constable G. The Historiography of the Crusades. The Cru-*

sades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World. Ed. A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, DC, 2001. P. 1—22; *Balard M.* Croisades et Orient Latin, XIe—XIVe siècle. Paris, 2001; *Ellenblum R.* Crusader Castles and Modern Histories. Cambridge, 2007; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. Edinburgh, 1999; *Housley N.* Contesting the Crusades. Oxford, 2006; *Housley N.* Fighting for the Cross. New Haven, London, 2008; *Jotischky A.* Crusading and the Crusader States. Harlow, 2004; *Mayer H.E.* The Crusades. Trans. J. Gillingham, 2nd edn. Oxford, 1988; *Madden T.F.* The New Concise History of the Crusades. Lanham, 2006; *Jaspert N.* The Crusades. New York and London, 2006; *Richard J.* The Crusades, c. 1071—1291. Trans. J. Birrell. Cambridge, 1999; The Oxford Illustrated History of the Crusades. Ed. Riley-Smith J.S.C. Oxford, 1995; *Riley-Smith J.S.C.* The Crusades: A History. 2nd edn. London, New York, 2005; *Tyerman C.J.* God's War: A New History of the Crusades. London, 2006.

² *Bachrach B.S.* The pilgrimages of Fulk Nerra, count of the Angevins, 987—1040 Religion, Culture and Society in the Early Middle Ages. Ed. T.F.X. Noble, J.J. Contreni. Kalamazoo, 1987. P. 205—217.

³ *Glaber R.* Opera. Ed. J. France, N. Bulst, P. Reynolds. Oxford, 1989. P. 192. Об обращении Европы и начале христианской эры см.: *Fletcher R.* The Conversion of Europe. New York, 1998; *Brown P.* The Rise of Western Christendom. Oxford, 1996; *Herrin J., Hamilton B.* The Christian World of the Middle Ages. Stroud, 2003. О франках см.: *James E.* The Franks. Oxford, 1988. Об использовании термина «франки» в контексте Крестовых походов см.: *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusaders, 1095—1131. Cambridge, 1997. P. 64—65. Об эре Каролингов и раннем Средневековье см.: *McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians 751—987. London, 1983; *McKitterick R.* The Early Middle Ages: Europe 400—1000. 2001; *Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400—800. Oxford, 2005.

⁴ Папы утверждали, что, поскольку главный апостол Христа — святой Петр — был первым римским прелатом, его последователи должны признаваться не только как главы латинской церкви на Западе, но также как высшая духовная власть во всем христианском мире. Неудивительно, что такие взгляды не нравились таким священнослужителям, как греческий патриарх в Константинополе, и споры по этому вопросу в 1054 году вызвали настоящий раскол — «схизму» между двумя ветвями «европейского» христианства. О средневековом папстве и папских реформах см.: *Ullmann W.* A Short History of the Papacy in the Middle Ages. London, 1974; *Morris C.* The

Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250. Oxford, 1989; *Cowdrey H.E.J.* Pope Gregory VII, 1073—1085. Oxford, 1998; *Blumenthal U.-R.* The Investiture Controversy: Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century. Philadelphia, 1988.

⁵ *Glaber R.* Opera. P. 60; *Bull M.G.* Knightly Piety and the Lay Response to the First Crusade: The Limousin and Gascony, с. 970—1130. Oxford, 1993. P. 158. О средневековой религии, монастицизме и паломничестве см.: *Bull M.G.* Origins / The Oxford Illustrated History of the Crusades / Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 13—33; *Hamilton B.* Religion in the Medieval West. London, 1986; *Lawrence C.H.* Medieval Monasticism: Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages, 3rd edn. London, 2001; *Sumption J.* Pilgrimage: An Image of Mediaeval Religion. London, 1975; *Ward B.* Miracles and the Medieval Mind, 2nd edn. London, 1987; *Webb D.* Medieval European Pilgrimage, с. 700—1500. London, 2002; *Morris C.* The Sepulchre of Christ and the Medieval West: From the Beginning to 1600. Oxford, 2005.

⁶ Большие расходы, связанные с рыцарством, особенно относящиеся к экипировке и обучению, не позволяли становиться рыцарями людям небогатым. Тем не менее рыцарство не было исключительной привилегией знати. В сущности, все мужчины-аристократы должны были выполнять обязанности рыцарей, а самые богатые держали у себя рыцарей в качестве вассалов по контракту, чтобы защищать и обрабатывать земельный надел в обмен на военную службу. Это позволяло небогатым мужчинам получить статус рыцаря. О средневековом рыцарстве см.: *France J.* Western Warfare in the Age of the Crusades. London, 1999.

⁷ *Robinson I.S.* Gregory VII and the Soldiers of Christ / History. Vol. 58. 1973. P. 169—192; *Russell F.H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1975; *Asbridge T.S.* The First Crusade: A New History. London, 2004. P. 21—31.

⁸ Со временем в суннитском исламе тоже появилось четыре отдельные религиозно-правовые школы — мадхабы: Ханафи, Шафии, Ханбали и Малаки. В эпоху Крестовых походов эти школы были популярны у разных групп в разных регионах. К примеру, сирийский город Дамаск был центром Ханбали, династия Зангидов поддерживала Ханафи, а курды Айюбиды были шафиитами.

⁹ Об истории средневекового ислама, подъеме сельджуков и ситуации на Ближнем Востоке накануне Первого крестового похода см.: *Kennedy H.* The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. Lon-

don, 1986; *Berkey J.* The Formation of Islam: Religion and Society in the Near East, 600—800. Cambridge, 2003; *Cahen C.* The Turkish invasion: The Selchükids / A History of the Crusades. Ed. K.M. Setton. Vol. 1, 2nd edn. Madison, 1969. P. 135—176; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 33—50; *Cahen C.* Introduction à l'histoire du monde musulman médiéval, Initiation à l'Islam. Vol. 1. Paris, 1982; *Cahen C.* Orient et Occident aux temps des croisades. Paris, 1983; *Holt P.M.* The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517. London, 1986. P. 1—22; *el-Azhari T.* The Saljuqs of Syria during the Crusades 463—549 a.h./1070—1154 a.d. Berlin, 1997; *Zakkar S.* The Emirate of Aleppo 1004—1094. Beirut 1971; *Mouton J.-M.* Damas et sa principauté sous les Saljoukides et les Bourides 468—549/1076—1154. Cairo, 1994; *Yared-Riachi M.* La politique extérieure de la principauté de Damas, 468—549 a.h./1076—1154 a.d. Damascus, 1997; *Sayyid A.F.* Les Fatimides en Égypte. Cairo, 1992.

¹⁰ Основным «кирпичиком» мусульманских армий был «аскар» — личная военная свита лорда или эмира. В них доминировали прекрасно обученные профессиональные «рабы-солдаты» (мамлюки), первоначально из тюркских народов Центральной Азии и русских степей, но позднее с примесью армян, грузин, греков и даже восточноевропейских славян. В мире сельджуков большие армии обычно формировались следующим образом: эмир имел право на доходы с земельного надела в обмен на обязательство направить свой «аскар» для участия в военных кампаниях. Аналогичная процедура позднее была принята в Египте. О средневековой исламской армии см.: *Kennedy H.* The Armies of the Caliph. London, 2001; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 431—587.

¹¹ Об исламском джихаде в Средние века см.: *Sivan E.* L'Islam et la Croisade. Paris, 1968; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 89—103; *Kedar B.Z.* Croisade et jihad vus par l'ennemi: une étude des perceptions mutuelles des motivations / Autour de la Première Croisade. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 345—358; *The Jihad and its Times.* Eds. H. Dajani-Shakeel, R.A. Mossier. Ann Arbor, 1991; *Firestone R.* Jihad. The Origins of Holy War in Islam. Oxford, 2000; *Cook D.* Understanding Jihad. Berkeley, 2005. Согласно теологии шиитов, обязанность вести внешний джихад не будет действовать вплоть до Последних дней. Поэтому шииты исмаилиты из Египта и двенадцатники, такие как клан мункидов из Шайзара, воевали против франков, но не считали себя участниками священной войны.

¹² *Al-Azimi.* La chronique abrégée d'al-Azimi / Ed. C. Cahen Journal Asiatique. Vol. 230. 1938. P. 369; *Drory J.* Some observations during

a visit to Palestine by Ibn al-'Arabi of Seville in 1092—1095 / *Crusades*. Vol. 3. 2004. P. 101—124; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 48—50.

Часть первая

НАЧАЛО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

¹ Несмотря на историческую важность этой речи, не сохранилось точной записи слов Урбана. Многочисленные версии его обращения, в том числе три, приведенные очевидцами, были записаны уже после конца Первого крестового похода, но все были изрядно приукрашены, и ни одна не может считаться официальной. Тем не менее, сравнивая эти повествования с ссылками на Крестовый поход в письмах папы 1095—1096 годов, можно реконструировать основные черты его послания. Первичные источники с текстом проповеди см.: *Fulcher of Chartres*. *Historia Hierosolymitana (1095—1127)* / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 130—138; *Robert the Monk*. *Historia Iherosolimitana*, RHC Occ. III. P. 727—730; *Guibert of Nogent*. *Dei gesta per Francos* / Ed. R.V.C. Huynens. *Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis*. Vol. 127A. Turnhout, 1996. P. 111—117; *Baldric of Bourgueil, bishop of Dol*. *Historia Jerosolimitana*, RHC Occ. IV. P. 12—16. Письма Урбана во время Крестового похода см.: *Hagenmeyer H.* *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100*. Innsbruck, 1901. P. 136—138; *Papsturkunden in Florenz* / Ed. W. Wiederhold. *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl.* Göttingen, 1901. P. 313—314; *Papsturkunden in Spanien. I Katalonien* / Ed. P.F. Kehr. Berlin, 1926. P. 287—288. Английский перевод повествований и писем см.: *Riley-Smith L. and J.S.C.* *The Crusades: Idea and Reality, 1095—1274*. London, 1981. P. 37—53.

² О папе Урбане II и Клермонской проповеди см.: *Becker A.* *Papst Urban II (1088—1099)*, *Schriften der Monumenta Germaniae Historica*. Vols. 2,19 Stuttgart, 1964—1988; *Cowdrey H.E.J.* *Pope Urban II's preaching of the First Crusade* / *History*. Vol. 55. 1970. P. 177—188; *Cole P.* *The Preaching of the Crusades to the Holy Land, 1095—1270*. Cambridge, Mass., 1991. P. 1—36; *Riley-Smith J.S.C.* *The First Crusaders, 1095—1131*. Cambridge, 1997. P. 60—75. Больше о проповедях и ходе Первого крестового похода см.: *Riley-Smith J.S.C.* *The First Crusade and the Idea of Crusading*. London, 1986; *France J.* *Victory in the East: A Military History of the First Crusade*. Cambridge, 1994; *Flori J.* *La Première Croisade: L'Occident chrétien contre l'Islam*. Brussels, 2001; *Asbridge T.S.* *The First Crusade: A New History*. Lon-

don, 2004. Рассказ, датированный и несколько неправдоподобный, но тем не менее интересный, см.: *Runciman S.* The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem / A History of the Crusades. Vol. 1. Cambridge, 1951. Основные первоисточники для реконструкции истории Первого крестового похода: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum* / Ed. and trans. R. Hill. London, 1962; *Fulcher of Chartres.* Historia Hierosolymitana (1095—1127) / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913; *Raymond of Aguilers.* Le «Liber» de Raymond d'Aguilers / Ed. J.H. and L.L. Hill. Paris, 1969; *Tudebode P.* Historia de Hierosolymitano itinere / Ed. J.H. and L.L. Hill. Paris, 1977; *Caffaro di Caschifellone.* De liberatione civitatum orientis / Ed. L.T. Belgrano. Annali Genovesi. Vol. 1. Genoa, 1890. P. 3—75; *Ekkehard of Aura.* Hierosolimita / RHC Occ. V. P. 1—40; *Ralph of Caen.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana / RHC Occ. III. P. 587—716; Historia Belli Sacri / RHC Occ. III. P. 169—229; *Albert of Aachen.* Historia Ierosolimitana / Ed. and trans. S.B. Edgington. Oxford, 2007; *Hagenmeyer H.* Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. Innsbruck, 1901; *Comnena A.* Alexiade / Ed. and trans. B. Leib. 3 vols. Paris, 1937—1976. Vol. 2. P. 205—236. Vol. 3. P. 7—32; *Ibn al-Qalanisi.* The Damascus Chronicle of the Crusades, extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi / Trans. H.A.R. Gibb. London, 1932. P. 41—499; *Ibn al-Athir.* The Chronicle of Ibn al-Athir for the crusading period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh / Trans. D.S. Richards. Vol. 1. Aldershot, 2006. P. 13—22; *Matthew of Edessa.* Armenia and the Crusades, Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa / Trans. A.E. Dostourian. Lanham, 1993. P. 164—173. Собрание переведенных источников см.: The First Crusade: The Chronicle of Fulcher of Chartres and other source materials / Ed. E. Peters, 2nd edn. Philadelphia, 1998. Введение в эти источники см.: *Edgington S.B.* The First Crusade: Reviewing the Evidence / The First Crusade: Origins and Impact. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 55—77. См. также: *Goitein S.D.* Geniza Sources for the Crusader period: A survey / Outremer. Ed. B.Z. Kedar, H.E. Mayer, R.C. Smail. Jerusalem, 1982. P. 308—312.

³ *Fulcher of Chartres.* P. 132—133; *Robert the Monk.* P. 729; *Guibert of Nogent.* P. 113; *Baldric of Bourgueil.* P. 13.

⁴ *Fulcher of Chartres.* P. 134; *Guibert of Nogent.* P. 116; *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 136; *Robert the Monk.* P. 727—728; *Hamilton B.* Knowing the enemy: Western understanding of Islam at the time of the crusades / Journal of the Royal Asiatic Society, 3rd series. Vol. 7. 1997. P. 373—387.

⁵ *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 136; *Fulcher of Chartres.* P. 134—135; *Baldric of Bourgueil.* P. 15; *Brundage J.A.* Adhémar of Le

Puy: The bishop and his critics / *Speculum*. Vol. 34. 1959. P. 201—212; Hill J.H. and L.L. Contemporary accounts and the later reputation of Adhémar, bishop of Le Puy / *Mediaevalia et humanistica*. Vol. 9. 1955. P. 30—38; Mayer H.E. Zur Beurteilung Adhemars von Le Puy / *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Vol. 16. 1960. P. 547—552. Урбан вплет ряд дополнительных тем в свое «крестоносное» послание: став «солдатом Христа», человек выполняет квазифеодальные обязательства перед Богом, повелителем «небесного королевства»; присоединение к экспедиции позволит человеку пройти по следу Христа и Его страданий на кресте; что Последние дни приближаются и только завоевание Иерусалима может возвестить приход Апокалипсиса.

⁶ Об Урбане, прародителе Крестового похода, отношении к мученичеству и развитию крестоносного идеала см.: Erdmann C. The Origin of the Idea of Crusade. Princeton, 1977; Gilchrist J.T. The Erdmann thesis and canon law, 1083—1141 / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 37—45; Blake E.O. The formation of the «crusade idea» / *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 21. 1970. P. 11—31; Cowdrey H.E.J. The genesis of the crusades: The springs of western ideas of holy war / *The Holy War*. Ed. T.P. Murphy. Columbus, 1976. P. 9—32; Flori J. La formation de l'idée des croisades dans l'Occident Chrétien. Paris, 2001; Riley-Smith J.S.C. Death on the First Crusade / *The End of Strife*. Ed. D. Loades. Edinburgh, 1984. P. 14—31; Cowdrey H.E.J. Martyrdom and the First Crusade / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 46—56; Flori J. Mort et martyre des guerriers vers 1100. L'exemple de la Première Croisade / *Cahiers de civilisation médiévale*. Vol. 34. 1991. P. 121—139; Morris C. Martyrs of the Field of Battle before and during the First Crusade / *Studies in Church History*. Vol. 30. 1993. P. 93—104; Riley-Smith J.S.C. What Were the Crusades? 3rd edn. Basingstoke, 2002; Tyerman C.J. Were there any crusades in the twelfth century? / *English Historical Review*. Vol. 110. 1995. P. 553—577; Tyerman C.J. The Invention of the Crusades. London, 1998.

⁷ Guibert of Nogent. P. 121; Comnena A. Vol. 2. P. 207; Blake E.O., Morris C. A hermit goes to war: Peter and the origins of the First Crusade / *Studies in Church History*. Vol. 22. 1985. P. 79—107; Morris C. Peter the Hermit and the Chroniclers / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 21—34; Flori J. Pierre l'Ermitte et la Première Croisade. Paris, 1999; Riley-Smith J.S.C. The First Crusade and the Idea of Crusading. P. 49—57; Riley-Smith J.S.C. The First Crusade and the persecution of the Jews / *Studies in Church History*. Vol. 21. 1984. P. 51—72; Chazan R. European Jewry and the

First Crusade. Berkeley, 1987; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 78—89, 100—103.

⁸ Эта оценка близка к расчетам, сделанным J. France в кн. *Victory in the East*. P. 122—142. О других недавних вкладах в этот спорный вопрос см.: *Vachrach B.* The siege of Antioch: A study in military demography / *War in History*. Vol. 6. 1999. P. 127—146; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusaders. P. 109; *Riley-Smith J.S.C.* Casualties and the number of knights on the First Crusade / *Crusades*. Vol. 1. 2002. P. 13—28.

⁹ *Guibert of Nogent*. P. 87; *Hill J.H.* and *L.L.* Raymond IV, Count of Toulouse. Syracuse, 1962.

¹⁰ *William of Malmesbury*. *Gesta Regum Anglorum* / Ed. and trans. R.A.B. Mynors, R.M. Thomson, M. Winterbottom. Vol. 1. Oxford, 1998. P. 693; *Comnena A.* Vol. 3. P. 122—123; *Yewdale R.B.* Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917; *Nicholson R.L.* Tancred: A Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade and the Establishment of the Latin States in Syria and Palestine. Chicago, 1940.

¹¹ *Andressohn J.C.* The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon. Bloomington, 1947; *Gindler P.* Graf Balduin I von Edessa. Halle, 1901; *David C.W.* Robert Curthose, Duke of Normandy. Cambridge, Mass., 1920; *Aird W.M.* Robert Curthose, Duke of Normandy. Woodbridge, 2008; *Brundage J.A.* An errant crusader: Stephen of Blois / *Traditio*. Vol. 16. 1960. P. 380—395; *Gesta Francorum*. P. 7; *Brundage J.A.* Medieval Canon Law and the Crusader. Madison, 1969. P. 17—18, 30—39, 115—121; *Brundage J.A.* The army of the First Crusade and the crusade vow: Some reflections on a recent book / *Medieval Studies*. Vol. 33. 1971. P. 334—343; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusaders. P. 22—23, 81—82, 114; *Mayer H.E.* The Crusades. P. 21—23; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the Idea of Crusading. P. 47; *France J.* Victory in the East. P. 11—16; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 66—76; *Housley N.* Contesting the Crusades. P. 24—47.

¹² *Comnena A.* Vol. 2. P. 206—207, 233. Об истории Византии см.: *Angold M.* The Byzantine Empire, 1025—1204: A Political History. 2nd edn. London, 1997. Об отношениях между крестоносцами и Византией во время Первого крестового похода см.: *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States 1096—1204 / Trans. J.C. Morris and J.E. Ridings. Oxford, 1993. P. 1—60; *Pryor J.H.* The oaths of the leaders of the First Crusade to emperor Alexius I Comnenus: fealty, homage, pistis, douleia / *Parergon*. Vol. 2. 1984. P. 111—141; *Shepard J.* Cross purposes: Alexius Comnenus and the First Crusade / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997.

P. 107—129; *Harris J.* Byzantium and the Crusades. London, 2006. P. 53—71.

¹³ *Albert of Aachen*. P. 84; *Comnena A.* Vol. 2. P. 220—234; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 103—113.

¹⁴ *Raymond of Aguilers*. P. 42—43; *Gesta Francorum*. P. 15; *Fulcher of Chartres*. P. 187; *Albert of Aachen*. P. 118—120.

¹⁵ *Gesta Francorum*. P. 15; *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 138—140; *Comnena A.* Vol. 2. P. 230, 234.

¹⁶ *Fulcher of Chartres*. P. 202—203; *Zajac W.G.* Captured property on the First Crusade / The First Crusade: Origins and Impact. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 153—186.

¹⁷ *Gesta Francorum*. P. 18—21; *Fulcher of Chartres*. P. 192—199; *France J.* Victory in the East. P. 170—185; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 133—137.

¹⁸ *Albert of Aachen*. P. 138—140. Цитата была сокращена; *Gesta Francorum*. P. 23.

¹⁹ *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch 1098—1130. Woodbridge, 2000. P. 16—19; *France J.* Victory in the East. P. 190—196; *Albert of Aachen*. P. 170.

²⁰ Я лично поддержал это предположение в 2004 году. *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 153—157.

²¹ *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 150; *Raymond of Aguilers*. P. 47—48.

²² *Gesta Francorum*. P. 42; *Fulcher of Chartres*. P. 221; *Albert of Aachen*. P. 208—210, 236—238; *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 150; *Matthew of Edessa*. P. 167—168.

²³ *Fulcher of Chartres*. P. 224—226; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 169—196. О дебатах относительно отбытия Татикия см.: *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 33—37; *France J.* The departure of Tatikios from the army of the First Crusade / Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 44. 1971. P. 131—147; *France J.* Victory in the East. P. 243. О первой осаде Антиохии см. также: *Rogers R.* Latin Siege Warfare in the Twelfth Century. Oxford, 1992. P. 25—38.

²⁴ *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 151; *Raymond of Aguilers*. P. 58. Об отношениях первых крестоносцев с мусульманами Ближнего Востока см.: *Köhler M.A.* Allianzen und Verträge zwischen frankischen und islamischen Herrschern in Vorderren Orient. Berlin, 1991. P. 1—72; *Asbridge T.S.* Knowing the enemy: Latin relations with Islam at the time of the First Crusade / *Knighthoods of Christ*. Ed. N. Housley. Aldershot, 2007. P. 17—25; *Albert of Aachen*. P. 268.

²⁵ *Fulcher of Chartres*. P. 233; *Albert of Aachen*. P. 282—284; *Gesta Francorum*. P. 48.

²⁶ *Gesta Francorum*. P. 48; *Tudebode P.* P. 97; *Albert of Aachen*. P. 298—300. Цитата была сокращена.

²⁷ *Raymond of Aguilers*. P. 75; *Gesta Francorum*. P. 65—66.

²⁸ *Asbridge T.S.* The Holy Lance of Antioch: Power, devotion and memory on the First Crusade / *Reading Medieval Studies*. Vol. 33. 2007. P. 3—36.

²⁹ *Matthew of Edessa*. P. 171; *Ibn al-Athir*. Vol. 1. P. 16; *Albert of Aachen*. P. 320.

³⁰ *Ibn al-Qalanisi*. P. 46. О битве при Антиохии см.: *France J.* Victory in the East. P. 280—296; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 232—240.

³¹ *Raymond of Aguilers*. P. 75; *Morris C.* Policy and vision: The case of the Holy Lance found at Antioch / *War and Government in the Middle Ages: Essays in honour of J.O. Prestwich*. Ed. J. Gillingham and J.C. Holt. Woodbridge, 1984. P. 33—45.

³² *Fulcher of Chartres*. P. 266—267; *Raymond of Aguilers*. P. 101; *Asbridge T.S.* The principality of Antioch and the Jabal as-Summaq / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 142—152. Для альтернативного чтения об этих событиях см.: *Hill J.H.* and *L.L.* Raymond IV, Count of Toulouse. P. 85—109; *France J.* The crisis of the First Crusade from the defeat of Kerbogha to the departure from Arqa / *Byzantion*. Vol. 40. 1970. P. 276—308.

³³ *Raymond of Aguilers*. P. 120—124, 128—129; *Fulcher of Chartres*. P. 238—241.

³⁴ *Albert of Aachen*. P. 402.

³⁵ *Fulcher of Chartres*. P. 281—292. О средневековом Иерусалиме см.: *Boas A.J.* Jerusalem in the Time of the Crusades. London, 2001; *Prawer J.* The Jerusalem the crusaders captured: A contribution to the medieval topography of the city / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 1—16; *France J.* Victory in the East. P. 333—335, 337—343.

³⁶ *Raymond of Aguilers*. P. 139—41; *Albert of Aachen*. P. 410—412. Об осаде Иерусалима см.: *France J.* Victory in the East. P. 332—355; *Rogers R.* Latin Siege Warfare. P. 47—63; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 298—316.

³⁷ *Raymond of Aguilers*. P. 141—142; *Albert of Aachen*. P. 422.

³⁸ *Raymond of Aguilers*. P. 146—148; *Albert of Aachen*. P. 416.

³⁹ *Raymond of Aguilers*. P. 148—149; *Fulcher of Chartres*. P. 296—299.

⁴⁰ *Raymond of Aguilers*. P. 150; *Gesta Francorum*. P. 91; *Robert the Monk*. P. 868.

⁴¹ *Ibn al-Athir*. P. 21—22; *Fulcher of Chartres*. P. 304—305; *Kedar B.Z.* The Jerusalem massacre of 1099 in the western historiography of the crusades / *Crusades*. Vol. 3. 2004. P. 15—75.

⁴² Историки продолжают спорить относительно точной природы титула Годфруа. Он мог использовать термин «князь», но представляется определенным, что он не называл себя королем Иерусалима. Об этом см.: *Riley-Smith J.S.C.* The title of Godfrey of Bouillon / *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Vol. 52. 1979. P. 83—86; *France J.* The election and title of Godfrey de Bouillon / *Canadian Journal of History*. Vol. 18. 1983. P. 321—329; *Murray A.V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem: A Dynastic History 1099—1125. Oxford, 2000. P. 63—77.

⁴³ *Tudebode P.* P. 146—147; *France J.* Victory in the East. P. 360—365; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 323—327.

⁴⁴ О Крестовом походе 1101 года см.: *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the Idea of Crusading. P. 120—134; *Cate J.L.* The crusade of 1101 / *A History of the Crusades*. Ed. K.M. Setton. Vol. 1, 2nd edn. Madison, 1969. P. 343—367; *Mullinder A.* The Crusading Expeditions of 1101—1102 (Неопубликованная докторская диссертация, университет Уэльса). Swansea, 1996.

⁴⁵ О дебатах относительно центрального места *Gesta Francorum* как источника сведений о Первом крестовом походе и личности автора см.: *Krey A.C.* A neglected passage in the *Gesta* and its bearing on the literature of the First Crusade / *The Crusades and Other Historical Essays presented to Dana C. Munro by his former students*. Ed. L.J. Paetow. New York, 1928. P. 57—78; *Wolf K.B.* Crusade and narrative: Bohemond and the «*Gesta Francorum*» / *Journal of Medieval History*. Vol. 17. 1991. P. 207—216; *Morris C.* The «*Gesta Francorum*» as narrative history / *Reading Medieval Studies*. Vol. 19. 1993. P. 55—71; *France J.* The Anonymous «*Gesta Francorum*» and the «*Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*» of Raymond of Aguilers and the «*Historia de Hierosolymitano Itinere*» of Peter Tudebode / *The Crusades and Their Sources: Essays Presented to Bernard Hamilton*. Ed. J. France and W.G. Zajac. Aldershot, 1998. P. 39—69; *France J.* The use of the anonymous «*Gesta Francorum*» in the early twelfth-century sources for the First Crusade / *From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies, 1095—1500*. Ed. A.V. Murray. Turnhout, 1998. P. 29—42; *Rubenstein J.* What is the «*Gesta Francorum*» and who was Peter Tudebode? / *Revue Mabillon*. Vol. 16. 2005. P. 179—204.

⁴⁶ *Kedar B.Z.* The Jerusalem massacre of 1099. P. 16—30; *La Chanson d'Antioche* / Ed. S. Duparc-Quioc, 2 vols. Paris, 1982; *The Can-*

so d'Antiocha: An Occitan Epic Chronicle of the First Crusade / Trans. C. Sweetenham and L. Paterson. Aldershot, 2003. Обсуждение рассказа Роберта Монаха см.: *Sweetenham C. Robert the Monk's History of the First Crusade*. Aldershot, 2005. P. 1—71. О роли памяти см.: *Asbridge T.S. The Holy Lance of Antioch*. P. 20—26; *Edgington S.B. Holy Land, Holy Lance: religious ideas in the Chanson d'Antioche / The Holy Land, Holy Lands and Christian History, Studies in Church History*. Ed. R.N. Swanson. Vol. 36. Woodbridge, 2000. P. 142—153; *Edgington S.B. Romance and reality in the sources for the sieges of Antioch, 1097—1098 / Porphyrogenita*. Ed. C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. Aldershot, 2003. P. 33—46; *Katzir Y. The conquests of Jerusalem, 1099 and 1187: Historical memory and religious typology / The Meeting of Two Worlds: Cultural Exchange between East and West in the Period of the Crusades*. Ed. V.P. Goss. Kalamazoo, 1986. P. 103—113; *Powell J.M. Myth, legend, propaganda, history: The First Crusade, 1140—1300 / Autour de la Première Croisade*. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 127—141.

⁴⁷ *Ibn al-Qalanisi*. P. 44, 48; *Ibn al-Athir*. P. 21—22; *al-Azimi*. P. 372—373; *Hillenbrand C. The First Crusade: The Muslim perspective / The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 130—141; *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 50—68.

⁴⁸ *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 68—74; *Drory J. Early Muslim reflections on the Crusaders / Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. Vol. 25. 2001. P. 92—101; *Ephrat D., Kahba M.D. Muslim reaction to the Frankish presence in Bilad al-Sham: intensifying religious fidelity within the masses / Al-Masaq*. Vol. 15. 2003. P. 47—58; *Hamblin W.J. To wage jihad or not: Fatimid Egypt during the early crusades / The Jihad and its Times*. Ed. H. Dajani-Shakeel, R.A. Mossier. Ann Arbor, 1991. P. 31—40. Аль-Сулами был особенно необычным, потому что точно установил, что франки ведут священную войну, имея целью Иерусалим. Он также считал Крестовый поход частью более широкого наступления христиан против ислама, которое включало конфликты в Иберии и на Сицилии. *Sivan E. La genèse de la contre-croisade: un traité Damasquin du début du XIIe siècle / Journal Asiatique*. Vol. 254. 1966. P. 197—224; *Christie N. Jerusalem in the «Kitab al-Jihad» of Ali ibn Tahir al-Sulami / Medieval Encounters*. Vol. 13.2. 2007. P. 209—221; *Christie N., Gerish D. Parallel preaching: Urban II and al-Sulami / Al-Masaq*. Vol. 15. 2003. P. 139—148.

⁴⁹ Термин «государства крестоносцев» или «крестоносные государства» несколько некорректен, поскольку создает впечатление,

что эти государства были населены исключительно крестоносцами и их историю можно рассматривать как пример продолжающейся крестоносной деятельности. Подавляющее большинство людей, выживших в Первом крестовом походе, вернулись на Запад, оставив Утремер без людской силы. Латинским государствам Востока пришлось полагаться по большей части на приток новых поселенцев, большинство из которых формально не принимали крест. Вопрос продолжительного влияния крестоносной идеологии на историю латинского Востока более сложен. *Riley-Smith J.S.C. Peace never established: the Case of the Kingdom of Jerusalem. Transactions of the Royal Historical Society, 5th series. Vol. 28. 1978. P. 87—102.*

⁵⁰ Обзор истории государств крестоносцев в первой половине XII века см.: *Mayer J. The Crusades. P. 58—92; Richard J. The Crusades. P. 77—169; Jotischky A. Crusading and the Crusader States. P. 62—102.* Детальный и красочный (хотя и не вполне достоверный) рассказ об этом периоде см.: *Runciman S. The kingdom of Jerusalem and the Frankish East 1100—1187 / A History of the Crusades. Vol. 2. Cambridge, 1952.* Более подробные исследования см.: *Prawer J. Histoire du Royaume Latin de Jérusalem, 2nd edn, 2 vols. Paris, 1975; Richard J. The Latin Kingdom of Jerusalem / Trans. J. Shirley, 2 vols. Oxford, 1979; Murray A.V. The Crusader Kingdom of Jerusalem: A Dynastic History 1099—1125. Oxford, 2000; Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des Croisades et la principauté Franque d'Antioche. Paris, 1940; Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch. Woodbridge, 2000; Richard J. La comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine (1102—1187). Paris, 1945; Amouroux-Mourad M. Le comté d'Édesse, 1098—1150. Paris, 1988; MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Philadelphia, 2008.*

Основные первоисточники, описывающие раннюю историю Утремера: *Fulcher of Chartres. Historia Hierosolymitana (1095—1127) / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913; Albert of Aachen. Historia Iherosolimitana / Ed. and trans. S.B. Edgington. Oxford, 2007; Walter the Chancellor. Bella Antiochena / Ed. H. Hagenmeyer. Innsbruck, 1896; Vitalis O. The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. and trans. M. Chibnall. Vols 5, 6. Oxford, 1975; William of Tyre. Chronicon / Ed. R.B.C. Huygens. Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, 63—63A, 2 vols. Turnhout, 1986; Ibn al-Qalanisi. The Damascus Chronicle of the Crusades, extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi / Trans. H.A.R. Gibb. London, 1932; Ibn al-Athir. The Chronicle of Ibn al-Athir. Part I / Trans. D.S. Richards. Aldershot, 2006; Kemal ad-Din. La Chronique d'Alep / RHC Or. III. P. 577—732; Com-*

nen A. Alexiade / Ed. and trans. B. Leib. Vol. 3. Paris, 1976; *Kin-namos J.* The Deeds of John and Manuel Comnenus / Trans. C.M. Brand. New York, 1976; *Matthew of Edessa.* Armenia and the Crusades, Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa / Trans. A.E. Dostourian. Lanham, 1993; *Michael the Syrian.* Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199) / Ed. and trans. J.B. Chabot, 4 vols. Paris, 1899—1910; anonymous Syriac Chronicle. The First and Second Crusades from an anonymous Syriac Chronicle / Ed. and trans. A.S. Tritton and H.A.R. Gibb. Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 92. 1933. P. 69—102, 273—306.

⁵¹ *Albert of Aachen.* P. 514. *Murray A.V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem. P. 81—93; *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. 1980. P. 52—55.

⁵² *William of Tyre.* P. 454; *Fulcher of Chartres.* P. 353.

⁵³ Об основании латинской церкви в Палестине и отношениях между патриархом и королем Иерусалима см.: *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States. P. 52—85; *Kirstein K.-P.* Die lateinischen Patriarchen von Jerusalem. Berlin, 2002. Об Иерусалимском Истинном кресте см.: *Murray A.V.* «Mighty against the enemies of Christ»: The relic of the True Cross in the armies of the kingdom of Jerusalem / The Crusades and Their Sources: Essays Presented to Bernard Hamilton. Ed. J. France and W.G. Zajac. Aldershot, 1998. P. 217—237.

⁵⁴ *Fulcher of Chartres.* P. 387—388, 460—461; Jerusalem Pilgrimage 1099—1185 / Trans. J. Wilkinson. London, 1988. P. 100—101; *Albert of Aachen.* P. 664. Церковник из Северной Франции Фульхерий Шартрский начал Первый крестовый поход с графом Этьеном де Блуа, но позднее его привлек контингент Бодуэна Булонского, капелланом которого он стал. Фульхерий сопровождал Бодуэна в Эдессу, а потом вместе с ним в 1100 году перебрался в Иерусалим, где и жил в течение трех десятилетий. В начале XII века Фульхерий составил историю Первого крестового похода (частично основанную на *Gesta Francorum*). Позднее он продолжил свой труд, описав события в Утремере в 1100—1127 годах, после чего его хроники завершились. Как труд хорошо информированного очевидца «История» Фульхерия — бесценный источник. *Epp V.* Fulcher von Chartres: Studien zur Geschichtsschreibung des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf, 1990.

⁵⁵ *Fulcher of Chartres.* P. 397, 403. Об отношениях Утремера с итальянскими торговыми общинами см.: *Favreau-Lilie M.L.* Die Italiener im Heiligen Land vom ersten Kreuzzug bis zum Tode Heinrichs von Champagne (1098—1197). Amsterdam, 1989.

⁵⁶ В 1103 году мусульманская Акра была спасена от ранней франкской осады своевременным прибытием флота Фатимидов. Возможно, генуэзцы занимались грабежами после падения Акры в 1104 году.

⁵⁷ Этот эпизод записан и в латинских, и в мусульманских источниках: *Albert of Aachen*. P. 808—810; *Ibn al-Qalanisi*. P. 108—110.

⁵⁸ Об отношениях между иерусалимской короной и франкской аристократией см.: *Murray A.V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem. P. 97—114; *Tibble S.* Monarchy and Lordships in the Latin Kingdom of Jerusalem 1099—1291. Oxford, 1989.

⁵⁹ *Fulcher of Chartres*. P. 407—424; *Albert of Aachen*. P. 580—582. О первом сражении при Рамле и двух кампаниях, последовавших в 1102 и 1105 годах, см.: *Smail R.C.* Crusading Warfare 1097—1193. Cambridge, 1956. P. 175—177; *Brett M.* The battles of Ramla (1099—1105) / Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Ed. U. Vermeulen and D. De Smet. Leuven, 1995. P. 17—39. О военной машине Фатимидов см.: *Beshir B.J.* Fatimid military organization / Der Islam. Vol. 55. 1978. P. 37—56; *Hamblin W.J.* The Fatimid navy during the early crusades: 1099—1124 / American Neptune. Vol. 46. 1986. P. 77—83.

⁶⁰ William of Malmesbury. P. 467; *Fulcher of Chartres*. P. 446; *Albert of Aachen*. P. 644.

⁶¹ Мусульманский паломник из Иберии Ибн Джубайр путешествовал по Терре-де-Суэт семьюдесятью годами позже и оставил свидетельство совместной сельскохозяйственной эксплуатации этого плодородного региона, которая продолжалась вроде бы независимо от войны между Саладином и Иерусалимским королевством. Ибн Джубайр описывал, что «пахота разделена между христианами и мусульманами... Они распределяют урожай поровну, их животные пасутся вместе, и ничего плохого между ними нет». *Ibn Jubayr.* The Travels of Ibn Jubayr / Trans. R.J.C. Broadhurst. London, 1952. P. 315.

⁶² *Matthew of Edessa*. P. 192. О ранней истории франкской Антиохии см.: *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch. P. 47—58.

⁶³ *Ibn al-Qalanisi*. P. 61; *Ralph of Caen*. P. 712; *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 177—178. № 6.

⁶⁴ *Ralph of Caen*. P. 713—714. Норманнский священник, присоединившийся к Крестовому походу Боэмунда 1107—1108 годов и потом обосновавшийся в княжестве Антиохия, Рауль Канский написал историю Первого крестового похода и крестоносных государств около 1106 года. Его рассказ сконцентрирован на карье-

рах Бозмунда и Танкреда. Введение к повествованию Рауля см.: *The Gesta Tancredi of Ralph of Caen* / Trans. B.S. and D.S. Bachrach. Aldershot, 2005. P. 1—17.

⁶⁵ *Albert of Aachen*. P. 702; *Ralph of Caen*. P. 714—715; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 57—65.

⁶⁶ *Comnena A.* Vol. 3. P. 51. На сегодняшний день авторитетным трудом о предприятии Бозмунда является: *Rowe J.G. Paschal II, Bohemund of Antioch and the Byzantine empire* / *Bulletin of the John Rylands Library*. Vol. 49. 1966. P. 165—202. Аргументы Роу пора пересматривать. См. также: *Yewdale. Bohemond I*. P. 106—131.

⁶⁷ Возможно, Танкред сражался рядом с Ридваном из Алеппо во втором конфликте против Чавли Мосульского и Бодуэна Эдесского в 1109 году. *Ibn al-Athir*. Vol. 1. P. 141; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 112—114.

⁶⁸ *Albert of Aachen*. P. 782, 786, 794—796; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 114—121. О ранней истории латинской церкви в Северной Сирии и церковных диспутах между Антиохией и Иерусалимом см.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States*. P. 18—51; *Rowe J.G. The Papacy and the Ecclesiastical Province of Tyre 1110—1187* / *Bulletin of John Rylands Library*. Vol. 43. 1962. P. 160—189; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 195—213.

⁶⁹ Современники знали о препятствии, которым являются горы Белус. Один латинский очевидец, *Walter the Chancellor*, говорил о защите, которую дают Антиохии «горы и скалы», однако современные ученые по большей части игнорируют их значение. Они настолько невысоки, что даже редко изображаются на картах региона. Я споткнулся об этот хребет (почти буквально), когда путешествовал по этому красивому, но труднопроходимому району пешком, что позволило мне по-новому оценить влияние этой топографической черты на антиохийскую историю. *Deschamps P. Le défense du comté de Tripoli et de la principauté d'Antioche* / *Les Châteaux des Croisés en Terre Sainte*. Vol. 3. Paris, 1973. P. 59—60; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 50; *Asbridge T.S. The significance and causes of the battle of the Field of Blood* / *Journal of Medieval History*. Vol. 23.4. 1997. P. 301—316.

⁷⁰ *Matthew of Edessa*. P. 212; *Asbridge T.S. The «crusader» community at Antioch: The impact of interaction with Byzantium and Islam* / *Transactions of the Royal Historical Society, 6th series*. Vol. 9. 1999. P. 305—325; *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 65—67, 134—139.

⁷¹ *Fulcher of Chartres*. P. 426; *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. 2. P. 126; *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 125; *Richard J.* The Crusades. P. 135; *Ibn al-Qalanisi*. P. 137.

⁷² Об ассасинах см.: *Hodgson M.G.S.* The Secret Order of the Assassins. The Hague, 1955; *Lewis B.* The Assassins. London, 1967; *Lewis B.* The Isma'ilites and the Assassins / A History of the Crusades. Ed. K.M. Setton. Vol. 1, 2nd edn. Madison, 1969. P. 99—132; *Daftary F.* The Isma'ilis: Their History and Doctrines. Cambridge, 1990.

⁷³ *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 143—148, 178—179; *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch. P. 70—73.

⁷⁴ *Albert of Aachen*. P. 866—868. В разгар приступа болезни в начале 1117 года возможности короля Бодуэна господствовать над палестинской франкской аристократией были ограничены. Так и не произведя на свет наследника, Бодуэн был принужден латинской знатью отказаться от своей третьей жены Аделаиды (овдовевшая мать юного графа Сицилийского Роджера II), чтобы сицилийский правитель не взошел на иерусалимский престол. *Murray A.V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem. P. 115—117.

⁷⁵ *Kemal al-Din*. P. 617; *Hillenbrand C.* The career of Najm al-Din II-Ghazi / *Der Islam*. Vol. 58. 1981. P. 250—292. Король Бодуэн II пришел к власти в Иерусалиме только после ожесточенного спора, в котором альтернативным претендентом на трон был брат Бодуэна I Эташ Булонский. *Mayer H.E.* The Succession of Baldwin II of Jerusalem: English Impact on the East / *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 39. 1985. P. 139—147; *Murray A.V.* Dynastic Continuity or Dynastic Change? The Accession of Baldwin II and the Nobility of the Kingdom of Jerusalem / *Medieval Prosopography*. Vol. 13. 1992. P. 1—27; *Murray A.V.* Baldwin II and his Nobles: Baronial Faction and Dissent in the Kingdom of Jerusalem, 1118—1134 / *Nottingham Medieval Studies*. Vol. 38. 1994. P. 60—85.

⁷⁶ *Walter the Chancellor*. P. 88, 108; *Ibn al-Qalanisi*. P. 160—161; *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 179—181.

⁷⁷ *Walter the Chancellor*. P. 78; *Asbridge T.S.* The significance and causes of the battle of the Field of Blood. P. 301—316. Возможно, есть доля истины в обвинениях в сексуальной распущенности — на это намекал даже его сторонник *Walter the Chancellor*, — но в других отношениях к Роджеру вроде бы претензий не было, он был законным князем. Идея, что он незаконно лишил наследства Боэмунда II, вероятно, распространилась посмертно, чтобы дать объяснение смерти обидчика и укрепить положение юного князя. К несчастью для Роджера, клеветническое обвинение прижилось, и с тех пор его обычно изображают злополучным алчным реген-

том. Об отношениях к статусу Роджера и его моральной чистоте см.: *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch. P. 139—143; *Walter the Chancellor's The Antiochene Wars* / Trans. T.S. Asbridge, S.E. Edgington. Aldershot, 1999. P. 12—26.

⁷⁸ *Murray A.V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem. P. 135—146; *Mayer H.E.* Jérusalem et Antioche au temps de Baudoin II / Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Nov.-Déc. 1980. Paris, 1980; *Asbridge T.S.* Alice of Antioch: a case study of female power in the twelfth century / The Experience of Crusading 2: Defining the Crusader Kingdom / Ed. P.W. Edbury, J.P. Phillips. Cambridge, 2003. P. 29—47.

⁷⁹ *Liber ad milites Templi de laude novae militiae* / Sancti Bernardi Opera. Vol. 3. Ed. J. Leclercq and H.M. Rochais. Rome, 1963. P. 205—239. Переведенное на английский язык собрание первоисточников, относящихся к тамплиерам, см.: *The Templars: Selected Sources Translated and Annotated* / Trans. M. Barber, K. Bate. Manchester, 2002. Об истории тамплиеров и госпитальеров см.: *Barber M.* The New Knighthood. A History of the Order of the Templars. Cambridge, 1994; *Nicholson H.* The Knights Templar. London, 2001; *Riley-Smith J.S.C.* The Knights of St John in Jerusalem and Cyprus, 1050—1310. London, 1967; *Nicholson H.* The Knights Hospitaller. Woodbridge, 2001; *Forey A.* The Military Orders. From the Twelfth to the Early Fourteenth Centuries. London, 1992. О замках в государствах крестоносцев в XII веке см.: *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 204—250; *Kennedy H.* Crusader Castles. Cambridge, 1994; *Ellenblum R.* Three generations of Frankish castle-building in the Latin kingdom of Jerusalem / *Autour de la Première Croisade*. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 517—551.

⁸⁰ *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 109—141; *Harris J.* Byzantium and the Crusades. P. 74—92.

⁸¹ *William of Tyre*. P. 656; *Mayer H.E.* The Concordat of Nablus / *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 33. 1982. P. 531—543. Об отношениях Утремера с Западной Европой в этот период см.: *Phillips J.P.* Defenders of the Holy Land. Relations between the Latin West and East, 1119—1187. Oxford, 1996. О ходе и последствиях диспута между королем Фульком и королевой Мелисендой см.: *Mayer H.E.* Studies in the History of Queen Melisende of Jerusalem / *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 26. 1972. P. 93—183; *Mayer H.E.* Angevins versus Normans: The New Men of King Fulk of Jerusalem / *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 133. 1989. P. 1—25; *Mayer H.E.* The Wheel of Fortune: Seignorial Vicissitudes under Kings Fulk and Baldwin III of Jerusalem / *Speculum*. Vol. 65. 1990. P. 860—877;

Hamilton B. Women in the Crusader States. The Queens of Jerusalem (1100—1190) / *Medieval Women*. Ed. D. Baker (Studies in Church History, Subsidia, 1). 1978. P. 143—174; *Riley-Smith J.S.C.* King Fulk of Jerusalem and «the Sultan of Babylon» / *Montjoie: Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer*. Ed. B.Z. Kedar, J.S.C. Riley-Smith, R. Hiestand. Aldershot, 1997. P. 55—66.

⁸² *Melisende Psalter*, Egerton 1139, MS London, British Library; *Folda J.* The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098—1187. Cambridge, 1995. P. 137—163; *Hunt L.-A.* Melisende Psalter / *The Crusades: An Encyclopaedia*. Ed. A.V. Murray. Vol. 3. Santa Barbara, 2006. P. 815—817. Об искусстве крестоносцев в целом см.: *Folda J.* Crusader Art in the Twelfth Century. Oxford, 1982; *Folda J.* The Nazareth Capitals and the Crusader Shrine of the Annunciation. University Park, PA, 1986; *Folda J.* The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098—1187. Cambridge, 1995; *Folda J.* Art in the Latin East, 1098—1291 / *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995; P. 141—159; *Folda J.* Crusader Art. A multicultural phenomenon: Historiographical reflections / *Autour de la Première Croisade*. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 609—615; *Folda J.* Crusader Art in the Holy Land, 1187—1291. Cambridge, 2005; *Folda J.* Crusader Art: The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1099—1291. Aldershot, 2008; *Art and Architecture of the Crusader States / History of the Crusades*. Vol. 4. Ed. H.W. Hazard. Madison, Wis., 1977; *Hunt L.-A.* Art and Colonialism: The Mosaics of the Church of the Nativity at Bethlehem and the Problem of Crusader Art / *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 45. 1991. P. 65—89; *Kanaan-Kedar N.* Local Christian Art in Twelfth-century Jerusalem / *Israel Exploration Journal*. Vol. 23. 1973. P. 167—175, 221—229; *Kühnel B.* Crusader Art of the Twelfth Century. Berlin, 1994; *Kühnel G.* Wall Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. Berlin, 1988.

⁸³ В XIX и начале XX века государства крестоносцев обычно изображались в позитивном свете, как первичная форма колониализма. Особенно у французских ученых было принято подчеркивать силы интеграции, адаптации и слияния культур, а Утремер назывался славной франко-сирийской нацией. А уже в середине XX века возобладали противоположная точка зрения, которую отстаивали такие ученые, как израильский академик Joshua Prawer: государства крестоносцев изображались как деспотические нетерпимые колониальные режимы, при которых латинские завоеватели эксплуатировали Левант ради получения материальной выгоды для себя и западных метрополий. Одновременно тщательно охраняли свою франкскую культуру, навязывая отделение от

местного населения (наподобие апартеида). *Rey E.G.* Les Colonies Franques de Syrie au XIIe et XIIIe siècles. Paris, 1883; *Prawer J.* Colonisation activities in the Latin Kingdom of Jerusalem / *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*. Vol. 29. 1951. P. 1063—1118; *Prawer J.* The Latin Kingdom of Jerusalem: European Colonialism in the Middle Ages. London, 1972; *Prawer J.* The Roots of Medieval Colonialism / The Meeting of Two Worlds: Cultural Exchange between East and West during the Period of the Crusades. Ed. V.P. Goss. Kalamazoo, 1986. P. 23—38. Отчет о плохо освещенном симпозиуме на эту тему, проведенном в 1987 году, см.: The Crusading kingdom of Jerusalem — The first European colonial society? / The Horns of Hattin. Ed. B.Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 341—366. Более современные обзоры см.: *Jotischky A.* Crusading and the Crusader States. P. 123—154; *Ellenblum R.* Crusader Castles and Modern Histories. P. 3—31.

⁸⁴ *Fulcher of Chartres*. P. 748. В исключительных обстоятельствах мусульманская знать даже получала земельные надель в государствах крестоносцев. Одна такая фигура — Абд аль-Рахим, завоевавший дружбу Алена, сеньора аль-Асариба. После 1111 года он получил в собственность соседнюю деревню и служил управляющим на восточной границе княжества Антиохия. *Ellenblum R.* Frankish Rural Settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 1998; *Mayer H.E.* Latins, Muslims and Greeks in the Latin Kingdom of Jerusalem / *History*. Vol. 63. 1978. P. 175—192; *Kedar B.Z.* The Subjected Muslims of the Frankish Levant / *Muslims under Latin Rule*. Ed. J.M. Powell. Princeton, 1990. P. 135—174; *Asbridge T.S.* The «crusader» community at Antioch. P. 313—316; *Riley-Smith J.S.C.* The Survival in Latin Palestine of Muslim Administration / *The Eastern Mediterranean Lands in the Period of the Crusades*. Ed. P. Holt. Warminster, 1977. P. 9—22.

⁸⁵ *ibn Munqidh U.* The Book of Contemplation / Trans. P.M. Cobb. London, 2008. P. 144, 147, 153. О жизни и работе Усамы см.: *Irwin R.* Usamah ibn-Munqidh, an Arab-Syrian gentleman at the time of the crusades / *The Crusades and Their Sources: Essays Presented to Bernard Hamilton*. Ed. J. France and W.G. Zajac. 1998. P. 71—87; *Cobb P.M.* Usama ibn Munqidh: Warrior-Poet of the Age of the Crusades. Oxford, 2005; *Cobb P.M.* Usama ibn Munqidh's «Book of the Staff»: Autobiographical and historical excerpts / *Al-Masaq*. Vol. 17. 2005. P. 109—123; *Cobb P.M.* Usama ibn Munqidh's *Kernels of Refinement (Lubab al-Adab): Autobiographical and historical excerpts / Al-Masaq*. Vol. 18. 2006; *Christie N.* Just a bunch of dirty stories? Women in the memoirs of Usamah ibn Munqidh / *Eastward Bound: Travel and Travellers, 1050—1550*. Ed. R. Allen. Manchester, 2004. P. 71—87. Кроме усвоения обычаев

была еще адаптация одежды, которая должна была лучше подходить климату Леванта. Аристократия и священнослужители стали больше использовать шелковые ткани. Но эта тенденция не была универсальной. Франкские послы из Утремера, посетившие Саладина в феврале 1193 года, как утверждают, испугали его маленького сына до слез своими «выбритыми подбородками, остриженными головами и необычной одеждой». *Al-Din Ibn Shaddad B. The Rare and Excellent History of Saladin / Trans. D.S. Richards. Aldershot, 2001. P. 239.*

⁸⁶ *Ibn Jubayr. P. 316—317, 321—322.* Однако следует отметить, что Ибн Джубайр путешествовал только по небольшой части Утремера, и это путешествие продлилось всего несколько недель, так что его свидетельство вряд ли может считаться показательным. Также ясно, что он написал свое повествование отчасти для того, чтобы выступить в поддержку более справедливого отношения к мусульманским крестьянам, живущим под правлением мавров в Испании. Поэтому он вполне мог облагородить описание латинского господства.

⁸⁷ В 1978 году Ганс Майер сделал вывод, что мусульмане в Иерусалимском королевстве определенно не имели свободы вероисповедания (*Mayer H.E. Latins, Muslims and Greeks in the Latin Kingdom of Jerusalem. P. 186*), но его анализ впоследствии был весьма убедительно опровергнут (*Kedar B.Z. The Subjected Muslims of the Frankish Levant. P. 138—139*). Не все мусульмане, жившие в Утремере, были фермерами или крестьянами. В Наблусе, к примеру, Усама ибн Мункыз останавливался в гостинице, которую содержал мусульманин. Однако некоторые ханбалиты из деревни, расположенной недалеко от Наблуса (под властью Бодуэна Ибелина), решили покинуть франкскую территорию и в 1150-х годах переселились в Дамаск. Мусульманский хронист Дия Аль-Дин записал, что Бодуэн увеличил подушный налог, выплачиваемый жителями деревни, в четыре раза (с одного до четырех динаров) и что он также имел обыкновение «калечить их ноги». Стоит заметить, что ханбалиты придерживались бескомпромиссных взглядов на отношения с франками, и Дия Аль-Дин признал, что лидер группы эмигрировал первым из страха за свою жизнь и потому что он не мог отправлять свои религиозные обряды. *Drory J. Hanbalis of the Nablus region in the eleventh and twelfth centuries / Asian and African Studies. Vol. 22. 1988. P. 93—112; Talmon-Heller D. Arabic sources on Muslim villagers under Frankish rule / From Clermont to Jerusalem. The Crusades and Crusader Society, 1095—1500. Ed. A. Murray. Turnhout, 1998. P. 103—117; Talmon-Heller D. The Shaykh*

and the Community: Popular Hanbalite Islam in 12th-13th Century Jabal Nablus and Jabal Qasyun / *Studia Islamica*. Vol. 79. 1994. P. 103—120; *Talmon-Heller D.* «The Cited Tales of the Wondrous Doings of the Shaykhs of the Holy Land» by Diya al-Din Abu 'Abd Allah Muhammad b. 'Abd al-Wahid al-Maqdisi (569/1173—643/1245): Text, Translation and Commentary / *Crusades*. Vol. 1. 2002. P. 111—154.

⁸⁸ *Fulcher of Chartres*. P. 636—637; *Ibn al-Qalanisi*. P. 162—163, 246. Занги тоже согласовал «перемирие» с франкской Антиохией, что, очевидно, позволило сотням «мусульманских купцов и людей из Алеппо и торговцев» работать во франкском княжестве. Этот торговый пакт продержался до 1138 года, когда он был нарушен князем Раймундом (возможно, из-за прибытия в Северную Сирию византийской императорской армии). Об экономике и торговле в государствах крестоносцев см.: *Ashtor E.* A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. London, 1976; *Pryor J.H.* Commerce, Shipping and Naval Warfare in the Medieval Mediterranean. London, 1987; *Jacoby D.* The Venetian privileges in the Latin kingdom of Jerusalem: Twelfth- and thirteenth-century interpretations and implementation / *Montjoie: Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer*. Ed. B.Z. Kedar, J.S.C. Riley-Smith, R. Hiestand. Aldershot, 1997. P. 155—175. Собрание статей того же автора см.: *Jacoby D.* Studies on the Crusader States and on Venetian Expansion. London, 1989; *Jacoby D.* Commercial Exchange across the Mediterranean. Aldershot, 2005.

⁸⁹ *Burnett C.* Antioch as a link between Arabic and Latin culture in the twelfth and thirteenth centuries / *Occident et Proche-Orient: contacts scientifiques au temps des croisades*. Ed. I. Draelants, A. Tihon and B. van den Abeele. Louvain-la-Neuve, 2000. P. 1—78. Вильгельм Тирский, латинский историк Утремера, определенно был заинтригован исламом. Около 1170 года он провел исследование и написал подробную историю мусульманского мира, но, вероятно, сам он не мог читать по-персидски и по-арабски и потому полагался на переводчиков. К сожалению, до наших дней текст не сохранился, и это может свидетельствовать о том, что он имел ограниченную аудиторию на Западе. *Edbury P.W., Rowe J.G.* William of Tyre: Historian of the Latin East. Cambridge, 1988. P. 23—24.

⁹⁰ *Burnett C.* Stephen, the disciple of philosophy, and the exchange of medical learning in Antioch / *Crusades*. Vol. 5. 2006. P. 113—129. В Королевской книге аль-Маджуси приводится широкий перечень методов лечения, причем некоторые из них применимы даже по современным стандартам, другие кажутся очень странными. Раздел «Об украшении тела» включает советы, как удалять нежелательные

волосы и залечивать трещины на губах и руках, увеличить груди и тестикулы и устранить неприятный запах тела. Раздел, предназначенный для путешественников по суше и морю, — настоящий кладезь информации для паломников: тепловых ударов можно избежать, поливая голову охлажденной розовой водой, обмороженные части тела следует растереть маслами и мехом серой белки, а лекарство от морской болезни — сироп из кислого винограда, граната, яблока, мяты и тамаринда. А вот предложение бороться с вшами ртутными припарками вряд ли можно считать благоразумным.

⁹¹ Стоит подумать, что это свидетельство раскрывает нам об Утремере XII века. Быть может, те люди, которые руководили работами, требовали, чтобы отдельные части отражали разнообразную культуру Востока? Нанимали ли они латинских умельцев, которые намеренно изучали восточные стили и технику исполнения? Если да, можно предположить, что во франкском Леванте развивалась процветающая многонаправленная художественная культура. Возможно также, все дело было в чисто практических соображениях. Руководители работ просто нанимали лучших мастеров, которых могли найти. *Ibn Munqidh U.* P. 145—146; *Edgington S.* Administrative regulations for the Hospital of St John in Jerusalem dating from the 1180s / *Crusades.* Vol. 4. 2005. P. 21—37. О церкви Гроба Господня, архитектуре крестоносцев и материальной культуре Утремера см.: *Folda J.* The Art of the Crusaders. P. 175—245; *Boas A.* Crusader Archaeology: The Material Culture of the Latin East. London, 1999; *Kanaan-Kedar N.* The Figurative Western Lintel of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem / The Meeting of Two Worlds, Cultural Exchange between East and West during the Period of the Crusades. Ed. V.P. Goss. Kalamazoo, 1986. P. 123—132; *Kanaan-Kedar N.* A Neglected Series of Crusader Sculpture: the ninety-six corbels of the Church of the Holy Sepulchre / *Israel Exploration Journal.* Vol. 42. 1992. P. 103—114; *Pringle D.* Architecture in the Latin East / The Oxford Illustrated History of the Crusades. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 160—184; *Pringle D.* The Churches of the Latin Kingdom of Jerusalem, 3 vols. Cambridge, 1993—2007.

⁹² *Hamilton B.* Rebuilding Zion: the Holy Places of Jerusalem in the Twelfth Century / *Studies in Church History.* Vol. 14. 1977. P. 105—116; *Hamilton B.* The Cistercians in the Crusader States / *Monastic Reform, Catharism and the Crusade.* 1979. P. 405—422; *Hamilton B.* Ideals of Holiness: Crusaders, Contemplatives, and Mendicants / *International History Review.* Vol. 17. 1995. P. 693—712; *Jotischky A.* The Perfection of Solitude: Hermits and Monks in the Crusader States. University Park, PA, 1995; *Jotischky A.* Gerard of Nazareth, Mary Magdalene

and Latin Relations with the Greek Orthodox Church in the Crusader East in the Twelfth Century / *Levant*. Vol. 29. 1997. P. 217—226; *Kedar B.Z.* Gerard of Nazareth, a neglected twelfth-century writer of the Latin East / *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 37. 1983. P. 55—77; *Kedar B.Z.* Multidirectional conversion in the Frankish Levant / *Varieties of Religious Conversion in the Middle Ages*. Ed. J. Muldoon. 1997. P. 190—197; *Kedar B.Z.* Latin and Oriental Christians in the Frankish Levant / *Sharing the Sacred: Contacts and Conflicts in the Religious History of the Holy Land*. Ed. A. Kofsky and G. Stroumsa. 1998. P. 209—222; *Kedar B.Z.* Convergences of Oriental Christian, Muslim and Frankish worshippers: the case of Saydnaya and the knights Templar / *The Crusades and the Military Orders*. Ed. Z. Hunyadi, J. Laszlovszky. Budapest, 2001. P. 89—100.

⁹³ Даже Ибн Джубайр, много внимания уделявший межкультурному общению, не избежал предвзятости и ненависти, описывая Бодуэна IV Иерусалимского как «проклятого короля» и «свинью», а Акру — как смердящий рассадник «неверия и нечестивости», который, он надеялся, будет уничтожен Богом. *Hillenbrand C.* *The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 257—429.

⁹⁴ *Hillenbrand C.* Abominable acts: the career of Zengi / *The Second Crusade: Scope and Consequences*. Ed. J.P. Phillips, M. Hoch. Manchester, 2001. P. 111—132; *Holt*. *The Age of the Crusades*. P. 38—42; *Gibb H.* Zengi and the fall of Edessa / *A History of the Crusades*. Vol. 1. Ed. K.M. Setton, M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958. P. 449—462.

⁹⁵ В 1140 году Занги упомянул его имя в пятничной молитве как повелителя Дамаска, но это на самом деле было лишь пустое выражение почтения. *William of Tyre*. P. 684.

⁹⁶ *Matthew of Edessa*, Continuation. P. 243; *William of Tyre*. P. 739; *Bernard of Clairvaux*. *Epistolae / Sancti Bernardi Opera*. Vol. 8. Ed. J. Leclercq and H.M. Rochais. Rome, 1977. P. 314—315.

⁹⁷ Об истории и важности присвоения номеров экспедиции крестоносцев см.: *Constable*. *The Historiography of the Crusades*. P. 16—17.

⁹⁸ *Calixtus II*. *Bullaire* / Ed. U. Roberts. Paris, 1891. Vol. 2. P. 266—267; *Girgensohn D.* Das Pisaner Konzil von 1153 in der Überlieferung des Pisaner Konzils von 1409 / *Festschrift für Hermann Heimpel*. Vol. 2. Göttingen, 1971. P. 1099—1100; *Bernard of Clairvaux*. *Epistolae*. P. 435.

⁹⁹ Текст *Quantum praedecessores* см.: *Grosse R.* Überlegungen zum kreuzzugaufreuf Eugens III. Von 1145/1146. Mit einer Neue edition von JL 8876 / *Francia*. Vol. 18. 1991. P. 85—92. Об истории Второго крестового похода см.: *Berry V.* *The Second Crusade / A History of the*

Crusades. Vol. 1. Ed. K.M. Setton, M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958. P. 463—511; *Constable G.* The Second Crusade as Seen by Contemporaries / *Traditio*. Vol. 9. 1953. P. 213—279. The Second Crusade and the Cistercians / Ed. M. Gervers. New York, 1992; *Grabois A.* Crusade of Louis VII: a Reconsideration / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 94—104; The Second Crusade: Scope and Consequences / Eds J.P. Phillips, M. Hoch. Manchester, 2001; *Phillips J.P.* The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom. London, 2007. Основные первоисточники, касающиеся ближневосточного элемента Второго крестового похода: *Odo of Deuil.* De profectioe Ludovici VII in Orientem / Ed. and trans. V.G. Berry. New York, 1948; *Otto of Freising.* Gesta Frederici seu rectius Chronica / Ed. G. Weitz, B. Simon, F.-J. Schmale. Trans. A. Schmidt. Darmstadt, 1965; *William of Tyre.* P. 718—770; *John of Salisbury.* Historia Pontificalis / Ed. and trans. M. Chibnall. London, 1956. P. 52—59; *Kinnamos J.* The Deeds of John and Manuel Comnenus / Trans. C.M. Brand. New York, 1976. P. 58—72; *Choniates N.* O' City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984. P. 35—42; *Ibn al-Qalanisi.* P. 270—289; *Ibn al-Athir.* The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh / Trans. D.S. Richards. Vol. 2. Aldershot, 2007. P. 7—22; *Ibn al-Jauzi S.* The Mirror of the Times / Arab Historians of the Crusades. Trans. F. Gabrieli. P. 62—63; *Michael the Syrian.* Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199) / Ed. and trans. J.B. Chabot. Vol. 3. Paris, 1905; anonymous Syriac Chronicle. The First and Second Crusades from an anonymous Syriac Chronicle / Ed. and trans. A.S. Tritton, H.A.R. Gibb. Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 92. 1933. P. 273—306.

¹⁰⁰ О святом Бернаре и цистерцианцах см.: *Evans G.R.* Bernard of Clairvaux. New York, 2000; *Berman C.H.* The Cistercian Evolution. Philadelphia, 2000.

¹⁰¹ *Odo of Deuil.* P. 8—9; *Bernard of Clairvaux.* Epistolae. P. 314—315, 435; *Phillips J.P.* The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom. P. 61—79.

¹⁰² *Vita Prima Sancti Bernardi* / Migne J.P. Patrologia Latina. Vol. 185. Paris, 1855. Col. 381; *Tyerman C.J.* God's War. P. 280; *Phillips J.P.* Papacy, empire and the Second Crusade / The Second Crusade: Scope and Consequences. Ed. J.P. Phillips, M. Hoch. Manchester, 2001. P. 15—31; *Loud G.A.* Some reflections on the failure of the Second Crusade / *Crusades*. Vol. 4. 2005. P. 1—14. Несмотря на убедительное опровержение аргументов Джонатана Филлипса, данное в 2001 году Грэхемом Лаудом, Филлипс в 2007 году предпринял неудачную попытку защитить свое предположение о том, что

папа Евгений был вовлечен в вербовку Конрада. А вот наблюдения Филлипса относительно влияния памяти и родственных связей на вербовку представляются весьма убедительными (*Phillips J.P. The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom. P. 25, 87—98, 99—103, 129—130*).

¹⁰³ Chevalier, Mult es Guariz / *The Crusades: A Reader*. Ed. S.J. Allen, E. Amt. Peterborough, Ontario, 2003. P. 213—214. Введение в песни крестоносцев см.: *Routledge M. Songs / The Oxford Illustrated History of the Crusades*. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 91—111.

¹⁰⁴ *Helmold of Bosau. Chronica Slavorum* / Ed. and trans. H. Stoob. Darmstadt, 1963. P. 216—217; *Eugenius III. Epistolae et privilegia* / Migne J.P. *Patrologia Latina*. Vol. 180. Paris, 1902. Col. 1203—1204; *Constable. The Second Crusade as Seen by Contemporaries*. P. 213—279; *Forey A. The Second Crusade: Scope and Objectives* / *Durham University Journal*. Vol. 86. 1994. P. 165—175; *Forey A. The siege of Lisbon and the Second Crusade* / *Portuguese Studies*. Vol. 20. 2004. P. 1—13; *Phillips J.P. The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom*. P. 136—167, 228—268.

¹⁰⁵ *Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States*. P. 142—169; *Phillips J.P. Defenders of the Holy Land*. P. 73—99; *Magdalino P. The Empire of Manuel Komnenos, 1143—1180*. Cambridge, 1994.

¹⁰⁶ *Odo of Deuil*. P. 16—17.

¹⁰⁷ *Suger. Epistolae / Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Ed. M. Bouquet et al. Vol. 15. Paris, 1878. P. 496; *William of Tyre*. P. 751—752.

Часть вторая ОТВЕТ ИСЛАМА

¹ *Ibn al-Qalanisi*. P. 266; *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 112—116; *Hillenbrand C. Abominable acts: the career of Zengi*. P. 111—132; *Hillenbrand C. Jihad propaganda in Syria from the time of the First Crusade until the death of Zengi: the evidence of monumental inscriptions / The Frankish Wars and Their Influence on Palestine*. Ed. K. Athamina, R. Heacock. Birzeit, 1994. P. 60—69; *Dajani-Shakeel H. Jihad in twelfth-century Arabic poetry / Muslim World*. Vol. 66. 1976. P. 96—113; *Dajani-Shakeel H. Al-Quds: Jerusalem in the consciousness of the counter-crusade / The Meeting of Two Worlds*. Ed. V.P. Goss. Kalamazoo, 1986. P. 201—221.

² *Ibn al-Athir*. Vol. 1. P. 382; *Hillenbrand C. Abominable acts: the career of Zengi*. P. 120.

³ *Ibn al-Qalanisi*. P. 271—272; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 222; *William of Tyre*. P. 956. О карьере Нур ад-Дина см.: *Gibb H. The career of Nur ad-Din / A History of the Crusades*. Vol. 1. Ed. K.M. Setton, M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958. P. 513—527; *Elisséeff N. Nur al-Din: un grand prince musulman de Syrie au temps des Croisades*. 3 vols. Damascus, 1967; *Holt P.M. The Age of the Crusades*. P. 42—52; *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 117—141.

⁴ *Ibn al-Qalanisi*. P. 272; *Ibn Jubayr*. P. 260. В столетия, предшествовавшие эре Крестовых походов, в Алеппо правили сначала Селевкиды — во время эллинистического периода (который последовал за эпохой завоеваний Александра Великого), потом римляне, и в 637 году он попал к арабам, заняв второстепенное положение после Дамаска. Город возродился при иракской династии Хамданидов (944—1003), в 1070-х годах был завоеван сельджуками и стал бастионом на границе с Византией.

⁵ *Ibn al-Qalanisi*. P. 274—275; *Michael the Syrian*. Vol. 3. P. 270; *Matthew of Edessa, Continuation*. P. 244—245; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 8.

⁶ *Ibn al-Athir*. Vol. 1. P. 350; *Ibn al-Qalanisi*. P. 280—281.

⁷ *Ibn al-Qalanisi*. P. 281—282. Уважаемый немецкий историк Ганс Майер дошел до того, что назвал атаку на Дамаск «невероятно глупой» и даже «нелепой» (*Mayer H.E. The Crusades*. P. 103). Об этих спорах см.: *Hoch M. Jerusalem, Damaskus und der Zweite Kreuzzug: Konstitutionelle Krise und ässere Sicherheit des Kreuzfahrerkönigreiches Jerusalem, AD 1126—1154*. Frankfurt, 1993; *Hoch M. The choice of Damascus as the objective of the Second Crusade: A reevaluation / Autour de la Première Croisade*. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 359—369; *Phillips J.P. The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom*. P. 207—218.

⁸ *Ibn al-Jauzi S.* P. 62; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 22; *Ibn al-Qalanisi*. P. 286; *Die Urkunden Konrads III und seines Sohnes Heinrich / Ed. F. Hausmann. Monumenta Germaniae Historica, Diplomata*. Vol. 9. Vienna, 1969. N. 197. P. 357; *William of Tyre*. P. 760—770; *Forey A. The Failure of the Siege of Damascus in 1148 / Journal of Medieval History*. Vol. 10. 1984. P. 13—24; *Hoch M. The price of failure: The Second Crusade as a turning point in the history of the Latin East / The Second Crusade: Scope and Consequences*. Manchester, 2001. P. 180—200; *Phillips J.P. The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom*. P. 218—227.

⁹ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 39—40; *Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States*. P. 163—164.

¹⁰ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 1—4, 222—223. Чуть более сдержанным был другой автор — Ибн аль-Каланиси (ум. 1160), который на-

писал хронику Дамаска, живя в этом городе в середине XII века. Ибн аль-Каланиси дважды занимал должность раиса — лидера городского населения и главы ополчения (*Ibn al-Qalanisi*. P. 7—14). Арабские источники, описывающие этот период: *Gabrieli F.* The Arabic historiography of the crusades / *Historians of the Middle East*. Ed. B. Lewis, P.M. Holt. London, 1962. P. 98—107; *Richards D.S.* Ibn al-Athir and the later parts of the Kamil / *Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds*. Ed. D.O. Morgan. London, 1982. P. 76—108; *Eddé A.M.* Claude Cahen et les sources arabes des Croisades / *Arabica*. Vol. 43. 1996. P. 89—97.

¹¹ По сэру Гамильтону Гиббу, известному британскому исследователю арабской истории, перемена наступила в 1149 году. Гибб заявил, что это был поворотный момент в понимании Нур ад-Дином своей миссии и в истории мусульманской Сирии. В глазах ислама он стал истинным борцом за веру, и теперь он сам намеревался выполнять обязанности, связанные с этой ролью (*Gibb H.A.R.* The career of Nur ad-Din. P. 515). Десятью годами позже, в 1967 году, Никита Елисеев опубликовал трехтомную биографию великого мусульманского правителя Сирии, где уточнил этот взгляд. По утверждению этого автора, только после 1154 года Нур ад-Дин проникся преданностью джихаду и стал одержим желанием покорить Иерусалим. Но только после 1157 года использовал пропаганду джихада для продвижения своих политических целей (*Köhler*. *Allianzen und Verträge*. P. 239, 277). По этому вопросу см.: *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 132—141.

¹² О сражении при Инабе см.: *Ibn al-Qalanisi*. P. 288—294; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 31—32; *William of Tyre*. P. 770—774; *Kinnamos J.* P. 97; *Matthew of Edessa, Continuation*. P. 257; *Michael the Syrian*. Vol. 3. P. 288—289; *Shama A.* Le Livre des Deux Jardins / RHC Or. IV—V. P. 61—64.

¹³ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 31—32, 36; *Ibn al-Qalanisi*. P. 295; *Gibb H.A.R.* The career of Nur ad-Din. P. 515—516; *Holt P.M.* The Age of the Crusades. P. 44; *Mayer H.E.* The Crusades. P. 107—108; *Richard J.* The Crusades. P. 171; *Jotischky A.* Crusading and the Crusader States. P. 111.

¹⁴ Поддерживавший Зангидов Ибн аль-Асир позднее утверждал, что в начале 1150-х годов «Нур ад-Дин не имел средств помешать франкам, потому что Дамаск был препятствием между ними». По утверждению летописца, существовало опасение, что франки скоро оккупируют древнюю метрополию, потому что они выкачивали ее богатство ежегодной данью, которую «собирали у населения приходящие в город агенты» (*Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 71).

Нур ад-Дин понимал силу этих аргументов и принял активное участие в пропаганде войны против Дамаска, спонсировав создание поэтических произведений, которые осуждали городскую политику союза с франками. Об Иерусалимском королевстве того периода см.: *Mayer H.E.* Studies in Queen Melisende. P. 95—183; *Baldwin M.W.* The Latin states under Baldwin III and Amalric I 1143—1174 / History of the Crusades. Vol. 1. Ed. K.M. Setton, M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958. P. 528—552.

¹⁵ *Ibn al-Qalanisi*. P. 296—327. Елисеев тоже считал, что Нур ад-Дин сделал своим приоритетом священную войну после оккупации Дамаска. По его мнению, после 1154 года эмир действовал только «во имя джихада против крестоносцев и ради возрождения суннитского ислама» (*Elisséeff N.* Nur al-Din, II. P. 426). *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 134.

¹⁶ *Ibn Jubayr*. P. 271—272, 279; *Burns R.* Damascus. London, 2004. P. 169. Дамаск развился вокруг оазиса, образованного в дельте реки Барада, текущей с ливанских гор. Мусульмане завоевали город в VII веке н. э. во время быстрой арабо-исламской экспансии, и он оставался столицей империи Омейядов и резиденцией халифа вплоть до 750 года.

¹⁷ *Ibn al-Qalanisi*. P. 340; *Hamilton B.* The Elephant of Christ: Reynald of Châtillon / Studies in Church History. Vol. 15. 1978. P. 97—108.

¹⁸ *William of Tyre*. P. 860—861; *Phillips J.P.* Defenders of the Holy Land. P. 100—139; *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 163—187.

¹⁹ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 141—142; *William of Tyre*. P. 873—874.

²⁰ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 146—150; *William of Tyre*. P. 874—877; *Cahen C.* La Syrie du Nord. P. 408—409.

²¹ В других частях своего королевства Нур ад-Дин продвигал аналогичную строительную программу: в 1159 году он спонсировал сооружение в Алеппо медресе al-Shu'aybiyya, одной из сорока двух исламских школ, построенных в городе за время его правления, причем за постройкой половины из них он надзирал лично. Кафедра Нур ад-Дина простояла невредимой восемь столетий. Но в 1969 году ее сжег австралийский фанатик. *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 118—167; *Richards D.S.* A text of Imad al-Din on twelfth-century Frankish-Muslim relations / Arabica. Vol. 25. 1978. P. 202—204; *Richards D.S.* Imad al-Din al-Isfahani: Administrator, litterateur and historian / Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria. Ed. M. Shatzmiller. Leiden, 1993. P. 133—146; *Sivan E.* The beginnings of the Fada'il al-Quds literature / Isra-

el Oriental Studies. Vol. 1. 1971. P. 263—272; *Sivan E.* Le caractère sacré de Jérusalem dans l'Islam aux XIIe—XIIIe siècles / *Studia Islamica*. Vol. 27. 1967. P. 149—182; *Elisséeff N.* Les monuments de Nur al-Din / *Bulletin des Études Orientales*. Vol. 12. 1949—1951. P. 5—43; *Elisséeff N.* La titulaire de Nur al-Din d'après ses inscriptions / *Bulletin des Études Orientales*. Vol. 14. 1952—1954. P. 155—196; *Hasson I.* Muslim literature in praise of Jerusalem: Fada'il Bayt al-Maqdis / *The Jerusalem Cathedra*. Jerusalem, 1981. P. 168—184; *Tabbaa Y.* Monuments with a message: propagation of jihad under Nur al-Din / *The Meeting of Two Worlds*. Ed. V.P. Goss. Kalamazoo, 1986. P. 223—240.

²² *Ibn al-Qalanisi*. P. 303.

²³ *William of Tyre*. P. 903; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 62; *Cambridge History of Egypt: Islamic Egypt, 640—1517* / Ed. C.F. Petry. Cambridge, 1998; *Lev Y.* State and Society in Fatimid Egypt. Leiden, 1991; *Lev Y.* Regime, army and society in medieval Egypt, 9th-12th centuries / *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th—15th Centuries*. Ed. Y. Lev. Leiden, 1997. P. 115—152.

²⁴ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 138; *William of Tyre*. P. 864—868. О латинской точке зрения на египетскую кампанию 1160-х гг. см.: *Mayer H.E.* The Crusades. P. 117—122; *Phillips J.P.* Defenders of the Holy Land. P. 140—167.

²⁵ *William of Tyre*. P. 871; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 144; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. The Politics of the Holy War. Cambridge, 1979. P. 6—9.

²⁶ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 144, 163; *William of Tyre*. P. 922; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 9—25; *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 183—185.

²⁷ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 175, 177; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 25—29.

²⁸ *Holt P.M.* The Age of the Crusades. P. 48—52; *Mayer H.E.* The Crusades. P. 122; *Jotischky A.* Crusading and the Crusader States. P. 115—116; *Madden.* The New Concise History of the Crusades. P. 68. О правлении Саладина в Египте см.: *Lev Y.* Saladin in Egypt. Leiden, 1999; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 31—69.

²⁹ Эта история забавна и, хотя вполне может быть правдивой, записана только в источниках Айюбидов и потому остается неподтвержденной. Может статься, что некоторые ее детали были сфабрикованы, чтобы оправдать притеснение двора Фатимидов. *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 33—34.

³⁰ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 180. О взаимоотношениях Утремера, Византии и Запада в этот период см.: *La Monte J.L.* To What Extent

was the Byzantine Emperor the Suzerain of the Latin Crusading States? / Byzantion. Vol. 7. 1932. P. 253—264; *Smail R.C.* Relations between Latin Syria and the West, 1149—1187 / Transactions of the Royal Historical Society. 5th series. Vol. 19. 1969. P. 1—20; *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 198—209; *Phillips J.P.* Defenders of the Holy Land. P. 168—224.

³¹ Один арабский хронист выдвинул предположение, что аль-Аидид был отравлен. Но даже если Саладин был причастен к весьма своевременной смерти халифа, все же он выбрал более утонченную форму убийства, чем традиционные египетские кровавые бани. *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 44—48.

³² *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 46—49, 61—65; *Ibn al-Athir.* Vol. 2. P. 197—200, 213—214.

³³ *Al-Din Ibn Shaddad B.* The Rare and Excellent History of Saladin / Trans. D.S. Richards. Aldershot, 2001. P. 49.

³⁴ *Ibn al-Athir.* Vol. 2. P. 221—222; *William of Tyre.* P. 956.

³⁵ *Al-Din B.* P. 28; *Al-Din al-Isfahani I.* Conquête de la Syrie et de la Palestine par Saladin / Trans. H. Massé. Paris, 1972; *Ibn al-Athir.* Vol. 2. P. 223—409; *Shama A.* Le Livre des Deux Jardins, IV. P. 159—V. P. 109; *Gabrieli.* Arab Historians of the Crusades. P. 87—252; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 435—436. Другие источники, повествующие о жизни Саладина: *Gibb H.A.R.* The Arabic sources for the life of Saladin / Speculum. Vol. 25.1. 1950. P. 58—74; *Richards D.S.* A consideration of two sources for the life of Saladin / Journal of Semitic Studies. Vol. 25. 1980. P. 46—65. О карьере Саладина с 1174 года и далее см.: *Lane-Poole S.* Saladin and the Fall of the Kingdom of Jerusalem. London, 1898; *Gibb H.* Saladin / A History of the Crusades. Vol. 1. Ed. K.M. Setton, M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958. P. 563—589; *Gibb H.A.R.* The armies of Saladin / Studies in the Civilization of Islam. Ed. S.J. Shaw, W.R. Polk. London, 1962. P. 74—90; *Gibb H.A.R.* The Achievement of Saladin / Studies in the Civilization of Islam. Ed. S.J. Shaw, W.R. Polk. P. 91—107; *Gibb H.A.R.* The Life of Saladin. Oxford, 2006; *Ehrenkreutz A.* Saladin. Albany, 1972; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 71—374; *Möhring H.* Saladins Politik des Heiligen Krieges / Der Islam. Vol. 61. 1984. P. 322—326; *Möhring H.* Saladin: The Sultan and His Times 1138—1193 / Trans. D.S. Bachrach. Baltimore, 2008; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 171—195. О принятии титула султана см.: *Holt P.M.* The sultan as idealised ruler: Ayyubid and Mamluk prototypes / Suleyman the Magnificent and His Age. Ed. M. Kunt, C. Woodhead. Harrow, 1995. P. 122—137.

³⁶ *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 73—74.

³⁷ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 79—84; Al-Din B. P. 51; William of Tyre. P. 968.*

³⁸ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 85—86.*

³⁹ Первое перемирие, очевидно, было заключено тайно с графом Триполийским весной 1175 года (как раз перед первым сражением против коалиции Алеппо и Мосула), чтобы не надо было открывать второй фронт против христиан. В июле того же года султан вступил в диалог с высокопоставленным дипломатом из Иерусалима. Мусульманские и христианские источники подтверждают, что Саладин обещал освободить франкских пленных из Хомса, если получит заверения о невмешательстве в его кампании против Алеппо. *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 86—110.*

⁴⁰ *William of Tyre. P. 953—954.*

⁴¹ *Lewis. The Assassins. P. 116—117.*

⁴² *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 130; Edgington S.B. The doves of war: the part played by carrier pigeons in the crusades / Autour de la Première Croisade. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 167—176; Jacoby D. The supply of war materials in Egypt in the crusader period / Jerusalem Studies in Arabic and Islam. Vol. 25. 2001. P. 102—132.*

⁴³ *William of Tyre. P. 961—962.*

⁴⁴ *Hamilton B. Baldwin the leper as war leader / From Clermont to Jerusalem. Ed. A.V. Murray. Turnhout, 1998. P. 119—130; Hamilton B. The Leper King and His Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. 2000.*

⁴⁵ *William of Tyre. P. 961.* Piers Mitchell опубликовал полезное исследование о проказе Бодуэна IV в качестве приложения к биографии короля, написанной Гамильтоном (*Hamilton B. The Leper King. P. 245—258*).

⁴⁶ *Anonymi auctoris Chronicon ad 1234 ac pertinens / Ed. I.B. Chabot. Trans. A. Abouna. 2 vols. Louvain, 1952—1974. P. 141.*

⁴⁷ *William of Tyre. P. 991; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 253; Al-Din B. P. 54; Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 121—126; Hamilton B. The Leper King. P. 132—136.*

⁴⁸ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 130—133.*

⁴⁹ Раскопки замка Брод Иакова, начатые профессором Ронни Элленблумом из Иерусалимского университета, стали прорывом в области изучения истории Крестовых походов. Они позволили нам получить удивительно подробное представление о жизни крестоносцев XII века, поскольку Брод Иакова — первый обнаруженный замок той эпохи, найденный, можно сказать, в своем первозданном виде: даже убитый гарнизон все еще находился в его стенах. Многие материальные свидетельства из замка могут

быть датированы с потрясающей точностью — утром 29 апреля 1179 года, потому что они находились под обломками строений, которые, как известно, были сожжены и обрушились, когда пала крепость. Ирония судьбы: то, что крепость была недостроена, лишь увеличивает ее ценность, поскольку дает нам представление о строительной технике и технологиях того времени. *William of Tyre*. P. 998; *Barber M.* Frontier warfare in the Latin kingdom of Jerusalem: the campaign of Jacob's Ford, 1178—1179 / *The Crusades and Their Sources: Essay Presented to Bernard Hamilton*. Ed. J. France, W.G. Zajac. Aldershot, 1998. P. 9—22; *Ellenblum R.* Frontier activities: the transformation of a Muslim sacred site into the Frankish castle of Vadum Jacob / *Crusades*. Vol. 2. 2003. P. 83—97; *Hamilton B.* The Leper King. P. 142—147; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 133—143.

⁵⁰ *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 211—230. Неудивительно, учитывая явные преимущества, которые давала Саладину смерть аль-Салиха, что появились слухи об отравлении наследника Зангидов агентами Айюбидов. Однако первоначально замедленная и сравнительно инертная реакция Саладина на кончину аль-Салиха (которая, собственно, и позволила Имад аль-Дину захватить власть в Алеппо), возможно, означает, что султан здесь ни при чем. *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 143—160.

⁵¹ *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 165—170; *Hamilton B.* The Leper King. P. 172—175.

⁵² *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 170—175; *Hamilton B.* The Leper King. P. 175—177.

⁵³ *William of Tyre*. P. 1037.

⁵⁴ Территориальная экспансия заставила Саладина перераспределить власть и ответственность в своих владениях. Его брат аль-Адиль, который с 1174 года правил в Египте, был вызван в Сирию, чтобы обосноваться в Алеппо, возможно предполагая, что он сможет добиться полунезависимой экспансии в Джазире. Племянник султана Таки аль-Дин стал управлять Нильским регионом. Другой доверенный племянник — Фаррух-шах умер в конце 1182 года. Его сменил в Дамаске Ибн аль-Мукаддам. *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 202.

⁵⁵ Раньше предполагалось, что латинская знать Иерусалимского королевства была в то время разделена на две противоборствующие группировки, которые боролись за власть и влияние, и эта борьба обострялась по мере ослабления здоровья Бодуэна IV. Одной из них были местные бароны, среди которых называли графа Раймунда Триполийского и Ибелинов, которые

хорошо знали политические и военные реалии жизни в Леванте и ратовали за осторожность в отношении с Саладином и исламом, другой — плохо информированные недавно прибывшие в Левант агрессивные придворные выскочки, в том числе Ги де Лузиньян и Сибилла, Аньес и Жослен де Куртене и Рено де Шатийон. Проблема заключалась в том, что эта картина, которую с энтузиазмом изображали такие авторы, как Стивен Рунсиман и т. п. в 1950-х годах, не имела почти никакой связи с реальностью. Структура и политика этих фракций никогда не была явно выраженной, да и члены второй группировки вовсе не были неинформированными вновь прибывшими индивидами — к примеру, Рено де Шатийон и Куртене были хорошо известными и зарекомендовавшими себя фигурами в Утремере. Такое традиционное изображение эндемической политической фракционности также является подозрительным потому, что имеет тенденцию слепо и некритично включать взгляды и предрассудки Вильгельма Тирского, который сам был активным участником событий и ярым сторонником Раймунда Триполийского. *Edbury P.W. Propaganda and Faction in the Kingdom of Jerusalem: The Background to Hattin / Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria. Ed. M. Shatzmiller. 1993. P. 173—789; Hamilton B. The Leper King. P. 139—141, 144—145, 149—158.*

⁵⁶ *Ernoul. La Chronique d'Ernoul / Ed. L. de Mas Latrie. Paris, 1871. P. 69—70; Shama A. P. 231; Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 185—188; Hamilton B. The Elephant of Christ. P. 103—104; Hamilton B. The Leper King. P. 179—185.*

⁵⁷ В том числе и Раймунд Триполийский, который после попытки переворота 1180 года провел два года в графстве Триполи (по сути, в ссылке из Палестины), прежде чем помирился с Бодуэном IV весной 1182 года. *William of Tyre. P. 1048—1049; Smail R.C. The predicaments of Guy of Lusignan, 1183—1187 / Outremer. Ed. V.Z. Kedar, H.E. Mayer, R.C. Smail. Jerusalem, 1982. P. 159—176.*

⁵⁸ *William of Tyre. P. 1058.*

⁵⁹ Ибн Джубайр также дает подробное описание торговых налогов, которыми и мусульмане, и латиняне облагали «иноземных» торговцев. При нормальных обстоятельствах мусульманские купцы, проходящие через Трансиорданию или Галилею, платили франкам дань. Таким образом, Саладин мог нацелиться на эти два региона частично для того, чтобы открыть их для торговли, свободной от дани христианам. *Ibn Jubayr. P. 300—301.*

⁶⁰ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 234—239.* Как писал Ибн аль-Асир (т. 2, с. 309), Назир ад-Дин «пил вино, предавался

излишества и к утру был уже мертв. Некоторые рассказывали — и только они отвечают за эти слова, что Саладин нанял человека по имени аль-Назих, который был из Дамаска, чтобы тот пошел к нему, пьянствовал с ним и дал ему отравленное питье. Утром аль-Назиха нигде не было».

⁶¹ *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 239—241; *Ehrenkreutz.* Saladin. P. 237; *Ellenblum R.* Crusader Castles and Modern Histories. P. 275ff.

⁶² *William of Tyre.* P. 968. Примерно в это же время Ибн Джу-байр (с. 311) аплодировал «запоминающимся подвигам Саладина в делах мирских и религиозных, его рвению в ведении священной войны против врагов Бога». Он утверждал, что «его успехи в правосудии и выступления в защиту исламских земель слишком многочисленны, чтобы их можно было пересчитать». Это свидетельство важно, потому что не окрашено последующими событиями»

⁶³ *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 243—246.

⁶⁴ *Balog P.* The Coinage of the Ayyubids. London, 1980. P. 77; *Jaspert N.* The Crusades. P. 73.

⁶⁵ *Ibn al-Athir.* Vol. 2. P. 320; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 175—185.

⁶⁶ *Al-Din I.* P. 22; *Melville C.P., Lyons M.C.* Saladin's Hattin Letter / The Horns of Hattin. Ed. B.Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 208—212.

⁶⁷ *Al-Din I.* P. 23. О победе Саладина над франками см.: *Libellus de expugnatione Terrae Sanctae per Saladinum, Radulphi de Coggeshall Chronicon Anglicanum* / Ed. J. Stevenson. Rolls Series 66. London, 1875. P. 209—262. Перевод текста можно найти в: *Brundage J.A.* The Crusades: A Documentary Survey. Milwaukee, 1962. P. 153—163. О сражении при Хаттине см.: *Smail R.C.* Crusading Warfare. P. 189—197; *Herde P.* Die Kämpfe bei den Hörnen von Hittin und der Untergang des Kreuzritterheeres / *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte* / Vol. 61. 1966. P. 1—50; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 255—266; *Kedar B.Z.* The Battle of Hattin revisited / The Horns of Hattin. Ed. B.Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 190—207.

⁶⁸ *Al-Din I.* P. 25. Мой собственный опыт пешего перехода по Израилю от ливанской границы до Иерусалима в июле 1999 года заставил меня осознать, насколько важна вода в летней кампании. Мое потребление воды возросло до невероятных 17 литров в день! К счастью, у меня было сколько угодно возможностей пополнить запасы воды. Латинянам в 1187 году повезло меньше.

⁶⁹ *Eracles*. L'Estoire de Eracles empereur et la conqueste de la Terre d'Outremer / RHC Occ. II. Paris, 1859. P. 62—65; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 321; *Al-Din I*. P. 26.

⁷⁰ *Al-Din I*. P. 26; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 322.

⁷¹ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 323; *Al-Din I*. P. 26.

⁷² *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 323—324. Этот известный эпизод приводится во многих мусульманских и христианских хрониках, с небольшими вариациями относительно реакции Рено (отдельные западные источники утверждают, что он оставался непокорным до конца) и относительно того, убил ли Саладин Рено собственными руками. Для примера см.: *Melville C.P., Lyons M.C. Saladin's Hattin Letter*. P. 212; *Al-Din I*. P. 27—28; *Al-Din B*. P. 74—75; *La Continuation de Guillaume de Tyr (1184—1197)* / Ed. M.R. Morgan. Paris, 1982. P. 55—56.

⁷³ *Al-Din I*. P. 28—29; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 324.

⁷⁴ *Al-Din I*. P. 31. Аналогичный ужасный спектакль неуклюжей бойни был разыгран для развлечения публики в 1178 году. В тот раз Саладин попросил самого Имад аль-Дина участвовать в массовой казни христианских пленных, но тот уклонился, когда обнаружил, что предназначенная для него жертва — всего лишь мальчик. *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin*. P. 131—132. *Melville C.P., Lyons M.C. Saladin's Hattin Letter*. P. 210, 212; *Gal Z. Saladin's Dome of Victory at the Horns of Hattin / The Horns of Hattin*. Ed. B.Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 213—215.

⁷⁵ *Historia de expeditione Friderici Imperatoris / Quellen zur Geschichte der Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I*. Ed. A. Chroust. Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Berlin, 1928. P. 2—4; *La Continuation de Guillaume de Tyr*. P. 56—58. Богатства Акры и ценные земельные наделы были распределены между тремя самыми выдающимися помощниками Саладина — аль-Афдалем, Таки аль-Дином и Исой, хотя даже Имад аль-Дин позже признал, что султан лучше бы оставил хотя бы часть добычи в своей казне. О стратегии Саладина после Хаттина см.: *Hamblin W.J. Saladin and Muslim military theory / The Horns of Hattin*. Ed. B.Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 228—238.

⁷⁶ *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 328; *Runciman S. A History of the Crusades*. Vol. 2. P. 471.

⁷⁷ Эти в высшей степени влиятельные идеи прослеживаются в современной гуманитарной науке. В 1950-х годах Гамильтон Гибб написал, что Иерусалим сдался «на условиях, которые подтвердили — если подтверждение было нужно — репутацию безграничной учтивости и благородства [Саладина]» (*Saladin*. P. 586).

Примерно в то же время Стивен Рунсиман, чье трехтомное повествование о Крестовых походах часто грешит историческими неточностями, но остается широко популярным, утверждал, что султан специально упомянул о событиях 1099 года в своих переговорах с Балианом. Далее Рунсиман добавил, что «Саладин, если только его власть признавалась, был готов быть благородным и хотел, чтобы Иерусалим пострадал как можно меньше». Историк также противопоставляет «гуманных» мусульман франкам, которые «тонули в крови своих жертв» (*A History of the Crusades*. Vol. 2. P. 465—466). В 1988 году нечто подобное написал Ганс Майер, утверждавший, что жители Иерусалима «имели основания испытывать благодарность за то, что они были отданы на милость милосердному противнику» (*The Crusades*. P. 135—136). А Кэрл Хилленбранд в своем сравнительном анализе Крестовых походов с точки зрения ислама (1999) подчеркнула великодушие Саладина. По ее мнению, для мусульманских хронистов «пропаганда важности бескровного покорения Иерусалима Саладином значила намного больше, чем искушение, которое вскоре было преодолено, настаивать на мести» (*The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 316).

⁷⁸ *Al-Din I. Arab Historians of the Crusades*. P. 156—158. В тексте Массе сказано (р. 46, п. 2), что повествование Имад аль-Дина повторено Абу Шамои (хотя это не так) и поэтому Массе не представил эту часть текста. По этой причине здесь приводится перевод Габриэли. *Al-Din B.* P. 77—78; *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin*. P. 273—276; *Richard J. The Crusades*. P. 210. Ссылки на прецедент, созданный Первым крестовым походом, появляются только в более поздних источниках: *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 332; *La Continuation de Guillaume de Tug*. P. 66—67.

⁷⁹ Саладин, вероятно, хотел устроить переговоры о сдаче Иерусалима в начале сентября, когда была занят осадой Аскалона, но франки отказались. *La Continuation de Guillaume de Tug*. P. 61—63; *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin*. P. 271—272.

⁸⁰ *Al-Din I. Arab Historians of the Crusades*. P. 158; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 333—334. Иерусалимский госпиталь тоже оставался открытым в течение года, чтобы не причинить ненужного вреда его пациентам. Потом он был переоборудован в исламский колледж. В ответ на инициативу Исы Саладин согласился позволить «восточным» христианам остаться в Святом городе, если они признают свое подчиненное положение и заплатят выкуп плюс обычный подушный налог, который выплачивали немусульмане, живущие под исламским правлением.

⁸¹ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 275—276.*

⁸² *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives. P. 188—192, 286—291, 298—301, 317—319.*

⁸³ *Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 335; Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives. P. 316.*

Часть третья

ИСПЫТАНИЕ ВОИНОВ

¹ Третий крестовый поход является первой экспедицией, о которой остались полные и подробные рассказы очевидцев — и латинских христиан, и мусульман, — к которым у современных историков есть свободный доступ. Среди западных авторов можно назвать Амбруаза, нормандского церковника, который отправился в Крестовый поход с Ричардом Львиное Сердце и в период между 1194 и 1199 годами написал старофранцузскую эпическую поэму об экспедиции, состоящую из более чем 12 тысяч строк. Рассказ Амбруаза, вероятнее всего, был использован другим крестоносцем, Ричардом де Темпло, изложившим Крестовый поход в *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi* (*Itinerary of the Pilgrims and Deeds of King Richard*). Рассказы, биографии и письма, написанные тремя высокопоставленными придворными Саладина — Имад аль-Дином, Баха ад-Дином и Кади аль-Фадилем, — излагают отношение мусульман к Крестовому походу. Их также можно сравнить со свидетельствами историка из Мосула Ибн аль-Асира, который не был сторонником Айюбидов. Несмотря на такое обилие первоисточников, можно назвать очень мало авторитетных современных трудов, посвященных именно Третьему крестовому походу. Поэтому я посвятил ему третью часть своей книги. Основные первоисточники: *Al-Din B. P. 78—245; Al-Din I. P. 63—434; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 335—409; Shama A. Le Livre des Deux Jardins / RHC Or. IV. P. 341—522, V. P. 3—101; Ambroise. The History of the Holy War: Ambroise's Estoire de la Guerre Sainte / Ed. and trans. M. Ailes, M. Barber. 2 vols. Woodbridge, 2003* (все следующие ссылки на Амбруаза относятся к старофранцузскому изданию в томе I). *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi, Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I. Vol. 1 / Ed. W. Stubbs. Rolls Series 38. London, 1864.* Перевод и полезное введение в сложные моменты, связанные с этим текстом, см.: *Chronicle of the Third Crusade: A Translation of the Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi / Trans. H. Nicholson. Aldershot, 1997. La Continuation de Guillaume de Tyr. P. 76—158.* Перевод этого

текста и ряда других связанных с ним источников см.: *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade: Sources in Translation* / Trans. P.W. Edbury. Aldershot, 1996. Другая информация об этих источниках — см.: *Hanley C.* Reading the past through the present: Ambroise, the minstrel of Reims and Jordan Fantosme / *Mediaevalia*. Vol. 20. 2001. P. 263—281; *Ailes M.J.* Heroes of war: Ambroise's heroes of the Third Crusade / *Writing War: Medieval Literary Responses*. Ed. F. Le Saux and C. Saunders. Woodbridge, 2004; *Edbury P.W.* The Lyon Eracles and the Old French Continuations of William of Tyre / *Montjoie: Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer*. Ed. B.Z. Kedar, J.S.C. Riley-Smith, R. Hiestand. Aldershot, 1997. P. 139—153. Второстепенные работы, дающие полезную информацию о Третьем крестовом походе: *Painter S.* The Third Crusade: Richard the Lionhearted and Philip Augustus / *A History of the Crusades*. Vol. 2. Ed. K.M. Setton. Madison, 1969. P. 45—85; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 279—363; *Möhring H.* Saladin und der dritte Kreuzzug. Wiesbaden, 1980; *Gillingham J.* Richard I. New Haven, London, 1999; *Tyerman C.J.* God's War. P. 375—474.

² *Annales Herbipolenses* / *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*. Ed. G.H. Pertz et al. Vol. 16. Hanover, 1859. P. 3.

³ *Haverkamp E.* Medieval Germany, 1056—1273. Oxford, 1988; *Hallam E.* Capetian France, 987—1328. 2nd edn. Harlow, 2001; *Warren W.L.* Henry II. London, 1973; *Gillingham J.* The Angevin Empire. 2nd edn. London 2001.

⁴ *Historia de expeditione Friderici Imperatoris*. P. 6—10. Текст *Audita Tremendi* переведен также в: *Riley-Smith J.S.C.* The Crusades: Idea and Reality. P. 63—67.

⁵ *Gerald of Wales.* Journey through Wales / Trans. L. Thorpe. London, 1978. P. 204. О пропаганде Третьего крестового похода см.: *Tyerman C.J.* England and the Crusades. Chicago, 1988. P. 59—75; *Tyerman C.J.* God's War. P. 376—399. Согласно мусульманским свидетельствам, латинские проповедники в Европе также использовали картины, изображавшие зверства мусульман, в том числе осквернение Гроба Господня, чтобы увеличить приток новобранцев. *Al-Din B.* P. 125; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 363. Западные источники этого не подтверждают.

⁶ *Routledge.* Songs. P. 99. Другие поэты тоже не брезговали такими идеями. Того, кто не хотел принимать крест, обвиняли в трусости и нежелании воевать. В некоторых кругах вошло в привычку унижать некрестоносцев, давая им «шерсть и ручную прялку» — этакie предшественники белого пера (в хвосте бойцовского петуха, считавшегося знаком плохой породы. — *Ред.*), тем

самым указывая на то, что они пригодны только для женской работы.

⁷ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 33; *Routledge*. Songs. P. 108.

⁸ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 143—144.

⁹ *Gillingham J. Richard I*. P. 1—23. В 1786 году английский историк Дэвид Хьюм высмеял Ричарда за то, что он бросил Англию. Но действительно полноводный поток критики обрушился на легендарного короля после Уильяма Стаббса, который в 1867 году назвал Ричарда Львиное Сердце «плохим сыном, плохим мужем, эгоистичным правителем и дурным человеком», а также «кровавым человеком, слишком хорошо знакомым с убийствами». Во Франции написанная в 1936 году работа Рене Груссе подтвердила этот взгляд. В ней Ричард был назван «грубым и неразумным рыцарем». А в труде по истории средневековой Англии, написанной в 1955 году А.Л. Пулом, сказано, что «он использовал Англию как банк, в который можно снова и снова обращаться, чтобы финансировать его амбициозные подвиги в других частях света». В 1974 году американец Джеймс Брандедж заявил, что Ричард был «несравненно эффективной машиной для убийств... но в зале совета был совершенно бесполезен». Далее он сделал вывод, что Ричард Львиное Сердце «определенно был самым худшим правителем в истории Англии». По крайней мере, в Викторианскую эпоху это неодобрительное суждение не совпадало с общественным мнением. Его правление романтизировалось в художественной литературе Вальтером Скоттом и другими писателями. В середине XIX века монументальная статуя Ричарда Львиное Сердце верхом на коне была воздвигнута у зданий парламента в Лондоне — дань «великому английскому герою». Средства на нее собирались по подписке. Другие недавние академические труды о Ричарде: *Richard Coeur de Lion in History and Myth* / Ed. J.L. Nelson. London, 1992; *Gillingham J. Richard I and the Science of War / War and Government: Essays in Honour of J.O. Prestwich*. Ed. J. Gillingham, J.C. Holt. Woodbridge, 1984. P. 78—79; *Turner R.A., Heiser R. The Reign of Richard the Lionheart: Ruler of the Angevin Empire*. London, 2000; *Flori J. Richard the Lionheart: Knight and King*. London, 2007. Кроме свидетельств, представленных Ambroise и *Itinerarium Peregrinorum*, основные первоисточники, посвященные карьере Ричарда I и Крестовому походу: *Roger of Howden. Gesta Regis Henrici II et Ricardi I*. 2 vols / Ed. W. Stubbs. Rolls Series 49. London, 1867; *Roger of Howden. Chronica*. Vols 3, 4 / Ed. W. Stubbs. Rolls Series 51. London, 1870. О Howden см.: *Gillingham J. Roger of Howden on Crusade / Medieval Historical Writing in the Christian*

and Islamic Worlds. Ed. D.O. Morgan. London, 1982; *Richard of Devizes*. The Chronicle of Richard of Devizes of the Time of Richard the First / Ed. and trans. J.T. Appleby. London, 1963; *William of Newburgh*. *Historia Rerum Anglicarum*, Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II and Richard I. Vol. 1 / Ed. R. Howlett. Rolls Series 82. London, 1884; *Ralph of Coggeshall*. *Chronicon Anglicanum* / Ed. J. Stevenson. Rolls Series 66. London, 1875; *Ralph of Diceto*. *Ymagines Historiarum*, The Historical Works of Master Ralph of Diceto. Vol. 2 / Ed. W. Stubbs. Rolls Series 68. London, 1876.

¹⁰ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 143.

¹¹ *Roger of Howden*. *Gesta*. Vol. 2. P. 29—30. О Филиппе-Августе см.: *Richard J.* Philippe Auguste, la croisade et le royaume / *La France de Philippe Auguste: Le temps des mutations*. Ed. R.-H. Bautier. Paris, 1982. P. 411—424; *Baldwin J.W.* The Government of Philip Augustus: Foundations of French Royal Power in the Middle Ages. Berkeley, London, 1986; *Bradbury J.* Philip Augustus, King of France 1180—1223. London, 1998; *Flori J.* Philippe Auguste, roi de France. Paris, 2002.

¹² О Фридрихе Барбароссе и его Крестовом походе см.: *Munz P.* Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969; *Opll F.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1990; *Eickhoff E.* Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977; *Chazan R.* Emperor Frederick I, the Third Crusade and the Jews / *Viator*. Vol. 8. 1977. P. 83—93; *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 230—242; *Mayer H.E.* Der Brief Kaiser Friedrichs I an Saladin von Jahre 1188 / *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Vol. 14. 1958. P. 488—494; *Brand C.M.* The Byzantines and Saladin, 1185—1192: Opponents of the Third Crusade / *Speculum*. Vol. 37. 1962. P. 167—181. Раньше считалось, что Фридрих сам вступил в контакт с Саладином на этой стадии. Но два латинских письма — якобы копии их переписки — теперь названы подделками. Однако представляется вероятным, что Барбаросса в 1170-х годах установил какую-то форму дипломатического контакта с Саладином.

¹³ *Gerald of Wales*. *Liber de Principis Instructione* / *Giraldi Cambriensis Opera*. Vol. 8. Ed. G.F. Warner. Roll Series 21. London, 1867. P. 296.

¹⁴ Десятина имела дополнительное влияние на процесс набора новобранцев, поскольку крестоносцы от нее освобождались. В результате Роджер Хоуден заметил, что «все богатые люди [Анжуйской империи], и церковники и миряне, толпами спешили принять крест». *Roger of Howden*. *Gesta*. Vol. 2. P. 32, 90.

¹⁵ *Roger of Howden. Gesta. Vol. 2. P. 110—111.* О морской перевозке см.: *Pryor J.H. Geography, Technology and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean 649—1571.* Cambridge, 1987; *Pryor J.H. Transportation of horses by sea during the era of the crusades: eighth century to 1285 a.d., Part I: To c. 1225 / The Mariner's Mirror. Vol. 68. 1982. P. 9—27, 103—125.*

¹⁶ *Roger of Howden. Gesta. Vol. 2. P. 151—155; Gillingham J. Richard I. P. 123—139.*

¹⁷ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 277, 280—281.*

¹⁸ *Ibn Jubayr. P. 319; Jacoby D. Conrad, Marquis of Montferrat and the kingdom of Jerusalem (1187—1192) / Dai feudi monferrini e dal Piemonte ai nuovi mondi oltre gli Oceani. Alessandria, 1993. P. 187—238.*

¹⁹ *Roger of Howden. Gesta. Vol. 2. P. 40—41; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 337.*

²⁰ *Al-Din I. P. 108.* Подробнее о карьере Баха ад-Дина см. введение Дональда Ричардса к его переводу «Истории Саладина» Баха ад-Дина. (*Al-Din B. P. 1—9*). См. также: *Richards D.S. A consideration of two sources for the life of Saladin. P. 46—65.*

²¹ *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 296, 307.*

²² *Ambroise (с. 44—45)* утверждает, что Ги сопровождали 400 рыцарей и 7 тысяч пехотинцев. В *Itinerarium Peregrinorum. P. 61* сказано, что рыцарей было около 700, а всего — 9 тысяч человек.

²³ *Ibn Jubayr. P. 318; Itinerarium Peregrinorum. P. 75—76.* Об осаде Акры и использованных в ней осадных машинах см.: *Rogers R. Latin Siege Warfare. P. 212—236, 251—273.* О географии Акры см.: *Jacoby D. Crusader Acre in the thirteenth century: Urban layout and topography / Studia Medievali. 3rd series. Vol. 10. 1979. P. 1—45; Jacoby D. Montmusard, suburb of crusader Acre: The first stage of its development / Montjoie: Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer. Ed. B.Z. Kedar, J.S.C. Riley-Smith, Hiestand. Aldershot, 2000. P. 205—217.*

²⁴ *La Continuation de Guillaume de Tyr. P. 89; Ambroise. P. 45.* Гора Торон также называлась Телль-Мусаллабин или Телль-аль-Фукхар.

²⁵ *Shama A. P. 412—415; Itinerarium Peregrinorum. P. 67.*

²⁶ *Ambroise. P. 46; Itinerarium Peregrinorum. P. 67.*

²⁷ *Al-Din I. P. 172; Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 301—302.*

²⁸ *Al-Din B. P. 102—103; Itinerarium Peregrinorum. P. 70, 72.*

²⁹ *Al-Din B. P. 104; Tyerman C.J. God's War. P. 353—354.*

³⁰ *Itinerarium Peregrinorum. P. 73; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 369.*

³¹ *Al-Din B. P. 107—108; Ambroise. P. 52.*

³² *Al-Din I. Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. P. 204—206; Al-Din B. P. 27, 100—101; Ambroise. P. 55, 58; Kedar B.Z. A Western survey of Saladin's forces at the siege of Acre / Montjoie: Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer. Ed. B.Z. Kedar, J.S.C. Riley-Smith, R. Hiestand. Aldershot, 2000. P. 113—122.*

³³ *Ambroise. P. 52, 55; Itinerarium Peregrinorum. P. 80, 82; Al-Din B. P. 124, 127.*

³⁴ Сын Саладина аль-Захир из Алеппо и Кеукбури из Харрана присоединились к нему 4 мая, Имад аль-Дин Занки из Синджара — 29 мая, Санджар-шах из Джазиры — 13 июня. Мусульманские войска под командованием Ала ад-Дина — 15 июня, а Заян ад-Дин из Ирбиля — в конце июня или начале июля. *Al-Din B. P. 109—112.*

³⁵ *Al-Din B. P. 106. Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 312—313, 316.* Саладин отправил войска в Манбидж, Кафартаб, Баальбек, Шайзар, Алеппо и Хаму. Среди тех, кто покинул окрестности Акры, был аль-Захир.

³⁶ *Al-Din B. P. 124.*

³⁷ *Al-Din B. P. 110—111; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 373; Ambroise. P. 55.*

³⁸ *Al-Din B. P. 123; Ambroise. P. 59.*

³⁹ *La Continuation de Guillaume de Tyr. P. 105; Itinerarium Peregrinorum. P. 74; Ambroise. P. 56.*

⁴⁰ *La Continuation de Guillaume de Tyr. P. 98; Ibn al-Athir. Vol. 2. P. 375.*

⁴¹ *Ambroise. P. 52, 61—63.* Присутствие Фридриха Швабского, лишённого людской силы, подняло неудобные вопросы относительно лидерства и статуса короля Ги. Баха ад-Дин (с. 128—131) утверждал, что вскоре после своего прибытия Фридрих возглавил новое наступление на Акру, используя экспериментальные военные технологии. Имелся в виду средневековый эквивалент танка — массивная конструкция на колесах, с металлическими листами, вмещающая огромный таран с железным концом. Но латинский очевидец приписал эту инициативу французам. В любом случае «танк», едва достигнув городских стен, был разбит и сожжен.

⁴² *Al-Din B. P. 130, 132; Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin. P. 318—320.* Примерно в то же время в Египте шла работа по усилению оборонительных сооружений Александрии и Дамьетты. По Сирии был разослан приказ о необходимости хранить последний урожай на случай вторжения.

⁴³ *Al-Din B.* P. 140, 143; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 323—324; *Itinerarium Peregrinorum.* P. 127, 129—130; *Ambroise.* P. 68—71, 73.

⁴⁴ *Al-Din B.* P. 141—2; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 323—325.

⁴⁵ *Ambroise.* P. 38; *Al-Din B.* P. 150.

⁴⁶ *Itinerarium Peregrinorum.* P. 204—205; *Edbury P.W.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191—1374. Cambridge, 1991. P. 1—12.

⁴⁷ *Al-Din B.* P. 145, 149—150; *La Continuation de Guillaume de Tyr.* P. 109, 111.

⁴⁸ *Al-Din B.* P. 146; Heiser R. The Royal Familiares of King Richard I / Medieval Prosopography. Vol. 10. 1989. P. 25—50.

⁴⁹ *Itinerarium Peregrinorum.* P. 206, 211; *Al-Din B.* P. 155.

⁵⁰ *Al-Din B.* P. 153, 156, 159.

⁵¹ *Itinerarium Peregrinorum.* P. 211; *Ambroise.* P. 74.

⁵² *Codice Diplomatico della repubblica di Genova / Ed. C. Imperiale di Sant' Angelo.* 3 vols. Genoa, 1936—1942. II, n. 198. P. 378—380; *Riley-Smith J.S.C.* The Feudal Nobility and the Kingdom of Jerusalem 1174—1277. London, 1973. P. 112—117.

⁵³ *Itinerarium Peregrinorum.* P. 218—219. Точные подробности, касающиеся этих осадных машин, — их происхождение и конструкция — неясны, поскольку источники того времени разочаровывающе неточны. Возможно, в них использовалась технология противовеса. Также возможно, что технология и материалы для постройки машин были привезены из Европы или что вклад в их создание внесли взятые в плен инженеры. Дата независимой атаки Филиппа точно неизвестна. Это могло произойти в любой день между 17 июня и 1 июля. Гуго Бургундский, тамплиеры и госпитальеры, судя по всему, имели собственные катапульты. Ричард построил в Акре осадную башню, защищенную «кожей, канатами и деревом», но она, похоже, не сыграла большой роли в штурме.

⁵⁴ *Al-Din B.* P. 155—157.

⁵⁵ *Al-Din B.* P. 156—157; *Itinerarium Peregrinorum.* P. 223—224.

⁵⁶ *Ambroise.* P. 80; *Itinerarium Peregrinorum.* P. 225.

⁵⁷ *Ambroise.* P. 82, 84; *Al-Din B.* P. 161; *La Continuation de Guillaume de Tyr.* P. 125.

⁵⁸ *Al-Din B.* P. 161; *Al-Din I.* P. 318; *Itinerarium Peregrinorum.* P. 233; *Ambroise.* P. 84.

⁵⁹ *Itinerarium Peregrinorum.* P. 233—234.

⁶⁰ *Al-Din B.* P. 162; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 331; *Gillingham J.* Richard I. P. 162; *Pryor J.H.* Geography, Technology and War. P. 125—130.

⁶¹ *Ambroise*. P. 85; *Rigord*. Gesta Philippi Augusti / Oeuvres de Rigord et de Guillaume le Breton. Ed. H.F. Delaborde. Vol. 1. Paris, 1882. P. 116—117; *Howden*. Gesta. Vol. 2. P. 181—183; *Gillingham J. Richard I*. P. 166.

⁶² *Epistolae Cantuarienses / Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I*. Ed. W. Stubbs. Vol. 2. Rolls Series 88. London, 1865. P. 347.

⁶³ *Al-Din B*. P. 164—165; *Al-Din I*. P. 330; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 390; *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin*. P. 331—333.

⁶⁴ *Howden*. Chronica. Vol. 3. P. 127, 130—131; *Howden*. Gesta. Vol. 2. P. 187, 189; *Ambroise*. P. 87—89; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 240—243; *La Continuation de Guillaume de Tyr*. P. 127—129; *Historia de expeditione Friderici Imperatoris*. P. 99; *Grousset R. Histoire des Croisades*. 3 vols. Paris, 1936. Vol. 3. P. 61—62; *Gillingham J. Richard I*. P. 166—171.

⁶⁵ У Ричарда было важное преимущество — близкие отношения с главами двух главных военных орденов. Робер де Сабле, назначенный на вакантный пост магистра ордена тамплиеров в 1191 году, был вассалом короля из долины Сарты и являлся одним из пяти флотских командиров во время морского путешествия в Левант. Гарнье де Наплуз, избранный магистром госпитальеров в конце 1189 или в конце 1190 года, путешествовал на Ближний Восток с контингентом Ричарда.

⁶⁶ *Smail R.C. Crusading Warfare*. P. 163; *Gillingham J. Richard I*. P. 174; *Verbruggen J.F. The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages*. Woodbridge, 1997. P. 232—239; *Ambroise*. P. 91—92.

⁶⁷ *Ambroise*. P. 92.

⁶⁸ *Al-Din B*. P. 170; *Ambroise*. P. 93.

⁶⁹ *Ambroise*. P. 94; *Al-Din B*. P. 170.

⁷⁰ *Ambroise*. P. 96; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 253, 258—259; *Al-Din B*. P. 171.

⁷¹ *Ambroise*. P. 97; *Al-Din B*. P. 171—172.

⁷² *Al-Din B*. P. 172—173; *Ambroise*. P. 98; *Lyons M.C., Jackson D.E.P. Saladin*. P. 336.

⁷³ *Ambroise*. P. 99—107; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 260—280; *Howden*. Chronica. Vol. 3. P. 130—133; *Al-Din B*. P. 174—176; *Al-Din I*. P. 344.

⁷⁴ *Ambroise*. P. 100—101, 103.

⁷⁵ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 264; *Howden*. Chronica. Vol. 3. P. 131; *Al-Din B*. P. 175.

⁷⁶ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 268—269; *Ambroise*. P. 104.

⁷⁷ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 270; *Howden. Chronica*. Vol. 3. P. 129—131. В тот же день Ричард написал еще одно письмо (адресованное людям его королевства), в котором о сражении сказано еще меньше. Там содержится лишь упоминание: «Когда мы приблизились к Арсуфу, на нас напал Саладин».

⁷⁸ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 274—277; *Ambroise*. P. 107—109. Ричард I говорил о д'Авене как о «лучшем из людей, чьи достоинства делают его невосполнимой потерей для всей армии». Он называл этого рыцаря «столпом Крестового похода» (*Howden. Chronica*. Vol. 3. P. 129—131). Амбруаз вспоминал обстоятельства смерти Авена, говоря, что «были те, кто не пришел ему на помощь, что вызвало много разговоров. Это был один из французских баронов, говорят, граф Дрё, он и его люди. Я слышал так много об этом от разных людей, что история не может этого отрицать». К сожалению, никакого другого объяснения неоказания помощи Авену Робертом Дрё не дается.

⁷⁹ *Flori J. Richard the Lionheart*. P. 137—138. Многие историки выражают аналогичные взгляды, утверждая, что Ричард активно стремился к сражению при Арсуфе. Среди них: *Gillingham (Richard I)*. P. 173—178), который признает, что его рассказ об Арсуфе основан на свидетельстве Амбруаза, описывает этот бой как вершину военного мастерства Ричарда и называет его командование мастерским; *Verbruggen (The Art of Warfare)*. P. 232), который описывает Арсуф «последним великим триумфом христианства на Ближнем Востоке», и *S. Runciman (The kingdom of Acre and the later crusades / A History of the Crusades)*. Vol. 3. Cambridge, 1954. P. 57), который рукоплещет полководческим талантам короля Ричарда. *Tuerman (God's War)*. P. 458—459) умаляет важность сражения, но все же утверждает, что Ричард хотел втянуть Саладина в сражение и устроить атаку тяжелой кавалерии. Другие — например, *J.P. Phillips (The Crusades 1095—1197)*. London, 2002. P. 146, 151) — превозносят блестящее командование Ричарда в Арсуфе, одновременно игнорируя вопрос, искал ли король сражения или нет. *Smail (Crusading Warfare)*. P. 163) называет Арсуф естественным событием, которое было частью марша, но считает, что Ричард планировал нападение (с. 128—129).

⁸⁰ *Al-Din B.* P. 175—177; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* *Saladin*. P. 338—339.

⁸¹ *Al-Din B.* P. 178; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* *Saladin*. P. 338—342.

⁸² *Itinerarium Peregrinorum*. P. 284; *Ambroise*. P. 114. Вряд ли могут быть сомнения в том, что Ричард обдумывал египетскую

кампанию, поскольку в письмах в Геную, датированных октябрём 1191 года, говорится о планах «поспешить со всеми нашими силами в Египет» следующим летом «ради Святой земли» (Codice Diplomatico della repubblica di Genova. Vol. 3. P. 19—21). Ричард продемонстрировал хитрый дипломатический подход, поддерживав геновцев и одновременно своих давних союзников пизанцев. *Favreau-Lilie*. Die Italiener im Heiligen Land. P. 288—293.

⁸³ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 293; *Ambroise*. P. 118—119; *Gillingham J.* Richard I and the Science of War. P. 89—90; *Pringle D.* Templar castles between Jaffa and Jerusalem / The Military Orders. Vol. 2. Ed. H. Nicholson. Aldershot, 1998. P. 89—109.

⁸⁴ *Al-Din B.* P. 179.

⁸⁵ *Al-Din B.* P. 185—188; *Al-Din I.* P. 349—351. *Gillingham J.* Richard I. P. 183—185; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 342—343. Старофранцузское продолжение трудов Вильгельма Тирского (La Continuation de Guillaume de Tyr. P. 151) упоминало о предполагаемом браке между аль-Адилем и Джоанной, но этот текст (также известный как Lyon Eracles) появился в середине XIII века. Причина отказа Джоанны неясна. Баха ад-Дин отметил, что она пришла в ярость, когда он изложил ей свой план. Имад аль-Дин, однако, верил, что она хотела этого брака, но была вынуждена отказаться под давлением латинских церковников.

⁸⁶ *Al-Din B.* P. 193—195; *Al-Din I.* P. 353—354; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 392; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 296; *Ambroise*. P. 120. Имад аль-Дин рассматривает походы Ричарда как двуличие. Тем временем Баха ад-Дин утверждал, что реальной целью Саладина было сорвать мирные переговоры. Он воспроизводит личную беседу, в которой султан подчеркивал, что мир не устранил угрозу для ислама. Предсказывая падение мусульманского единства после его смерти и возрождение во Франкской власти, Саладин, очевидно, заявил: «Сейчас нам лучше всего держаться вместе с джихадом до тех пор, пока мы не изгоним их с наших берегов или не погибнем сами». Баха ад-Дин заключил, что «это было его собственное видение и оно шло вразрез с его волей о том, что заключение мира необходимо». Однако это, скорее всего, была пропаганда, направленная на поддержание имиджа Саладина как непобедимого моджахеда.

⁸⁷ *Al-Din B.* P. 194—196.

⁸⁸ *Ambroise*. P. 123—124; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 304.

⁸⁹ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 305; *Ambroise*. P. 126; *Mayer H.E.* The Crusades. P. 148; *Gillingham J.* Richard I. P. 191; *Phillips J.P.* The Crusades. P. 151.

⁹⁰ *Ambroise*. P. 126; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 394.

⁹¹ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 323; *Pringle D.* King Richard I and the walls of Ascalon / *Palestine Exploration Quarterly*. Vol. 116. 1984. P. 133—147.

⁹² *Al-Din B.* P. 200.

⁹³ *La Continuation de Guillaume de Tyr*. P. 141. Ричард определенно старался очиститься от подозрений и обвинений, о его вине говорили во многих дворах Европы. В конце концов его сторонники нашли решение, которое оправдало английского короля. В 1195 году появилось письмо, якобы написанное самим Старцем Горы Синаном (но почти наверняка являвшееся подделкой), в котором было сказано, что ассасины действовали по собственной инициативе, потому что давно испытывали недовольство маркизом. *Gillingham J.* Richard I. P. 199—201.

⁹⁴ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 359; *Ambroise*. P. 153.

⁹⁵ *Al-Din B.* P. 199—202; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 346—348.

⁹⁶ *Ambroise*. P. 153.

⁹⁷ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 390; *Al-Din B.* P. 208—209.

⁹⁸ *Al-Din B.* P. 209—212.

⁹⁹ *Ambroise*. P. 163—165; *Itinerarium Peregrinorum*. P. 379—382.

¹⁰⁰ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 393; *Ambroise*. P. 172. Многие латинские христианские современники были взволнованы этим вторым отступлением. Очевидцы, такие как Амбруаз, ясно дали понять, что именно король Ричард помешал попытке осадить Иерусалим. На Западе, однако, другие хронисты изложили другие версии событий, реабилитировав Ричарда. *Roger of Howden (Chronica*. Vol. 3. P. 183) написал, что Ричард был решительно настроен осадить Святой город, но ему помешали французы, которые не желали в этом участвовать, потому что французский король приказал им возвращаться в Европу. *Ralph of Coggeshall* (с. 38—40) тем временем утверждал, что Ричард уже совсем было собрался вести армию на Иерусалим, когда Гуго Бургундский, тамплиеры и французы отказались сражаться. Они якобы опасались, что Филипп-Август будет гневаться, если они помогут анжуйскому королю захватить Святой город. Ральф даже добавил, что позднее стало известно о позорном тайном альянсе Гуго с Саладином. Забавно, но факт: именно идея о том, что французы помешали Ричарду Львиное Сердце захватить Иерусалим, осталась в памяти народа. *Gillingham J.* Richard I. P. 208—210; *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* Saladin. P. 353—354. *M. Markowski (Richard the Lionheart: Bad king, bad crusader / Journal of Medieval History*. Vol. 23. 1997. P. 351—

365) критиковал поведение Ричарда во время Третьего крестового похода, утверждая, что он потерпел неудачу как лидер крестоносцев, но по другой причине. Он считал, что «любой хороший лидер крестоносцев сделал бы то, чего от него ждала армия», и организовал бы атаку на Иерусалим, независимо от того, была она разумной с военной точки зрения или нет.

¹⁰¹ *Itinerarium Peregrinorum*. P. 422; *Al-Din B.* P. 223, 225—226. Самым влиятельным из новых союзников Львиного Сердца был аль-Маштуб — курдский эмир, служивший Саладину с 1169 года. В 1191 году он командовал гарнизоном Акры и недавно (возможно, намеренно) был освобожден Ричардом. Еще можно вести речь о другом командире армии Саладина по имени Бадр ад-Дин Дилдирим аль-Яруки. Летом 1192 года оба служили посредниками и переговорщиками.

¹⁰² *Al-Din B.* P. 231; *Al-Din I.* P. 388—391. О последствиях этого соглашения см.: *Niermann J.H.* *Levantine peace following the Third Crusade: a new dimension in Frankish-Muslim relations / Muslim World*. Vol. 65. 1975. P. 107—718.

¹⁰³ *Al-Din B.* P. 235, 239, 243.

¹⁰⁴ *Hillenbrand C.* *The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 195; *Ibn al-Athir*. Vol. 2. P. 408—409. См. также: *Lyons M.C., Jackson D.E.P.* *Saladin*. P. 361—374; *Möhrling.* *Saladin: The Sultan and his Times*. P. 88—104.

¹⁰⁵ О последующей жизни Ричарда I см.: *Gillingham J.* *Richard I*. P. 222—348. О легендах, связанных с Ричардом I, см.: *Broughton B.V.* *The Legends of King Richard I*. The Hague, 1966.

Часть четвертая

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

¹ *Morris.* *Papal Monarchy*. P. 358—386, 452—462, 478—489; *Kedar B.Z.* *Crusade and Mission. European Approaches towards the Muslims*. Princeton, 1984; *Moore R.I.* *The Formation of a Persecuting Society. Power and Deviance in Western Europe, 950—1250*. 2nd edn. Oxford, 2007; *Lambert M.D.* *Medieval Heresy: Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation*. 3rd edn. Oxford, 2002; *Lawrence C.H.* *The Friars: The Impact of the Early Mendicant Movement on Western Society*. London, 1994.

² *Roscher H.* *Innocenz III und die Kreuzzüge*. Göttingen, 1969; *Tillman H.* *Pope Innocent III*. Amsterdam, 1980; *Sayers J.* *Innocent III: Leader of Europe*. London, 1994; *Bolton B.* *Innocent III: Studies on Papal Authority and Pastoral Care*. Aldershot, 1995; *Moore J.C.*

Pope Innocent III: To Root Up and to Plant. Leiden, 2003; Pope Innocent III: Vicar of Christ or Lord of the World? / Ed. J.M. Powell. Washington, DC, 1994; *Morris*. Papal Monarchy. P. 417—451. Генрих VI умер раньше, чем смог участвовать в запланированном Крестовом походе на Святую землю. Тем не менее некоторое количество немецких крестоносцев воевали в 1197—1198 годах на Ближнем Востоке. *Naumann C.* Die Kreuzzug Kaiser Heinrichs VI. Frankfurt, 1994.

³ *Innocent III.* Die Register Innocenz III / Ed. O. Hageneder and A. Haidaicher. Vol. 1. Graz, 1964. P. 503.

⁴ *Angold M.* The road to 1204: the Byzantine background to the Fourth Crusade / *Journal of Medieval History*. Vol. 25. 1999. P. 257—268; *Angold M.* The Fourth Crusade: Event and Context. Harlow, 2003; *Brand C.M.* The Fourth Crusade: Some recent interpretations / *Mediaevalia et Humanistica*. Vol. 12. 1984. P. 33—45. *Harris J.* Byzantium and the Crusades. P. 145—162; *Pryor J.* The Venetian fleet for the Fourth Crusade and the diversion of the crusade to Constantinople / *The Experience of Crusading: Western Approaches*. Ed. M. Bull, N. Housley. Cambridge, 2003. P. 103—123; *Queller D., Madden T.F.* The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople, 1201—1204. 2nd edn. Philadelphia, 1997.

⁵ *Strayer J.R.* The Albigensian Crusades. Ann Arbor, 1992; *Costen M.D.* The Cathars and the Albigensian Crusade. Manchester, 1997; *Barber M.* The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages. London, 2000; *Dickson G.* The Children's Crusade: Medieval History, Modern Mythistory. Basingstoke, 2008.

⁶ *Powell J.M.* Anatomy of a Crusade 1213—1221. Philadelphia, 1986. P. 1—50.

⁷ *James of Vitry.* Lettres / Ed. R.B.C. Huygens. Leiden 1960. P. 73—74, 82; *James of Vitry.* Historia Orientalis / *Libri duo quorum prior Orientalis... inscribitur*. Ed. F. Moschus. Farnborough, 1971. P. 1—258; *James of Vitry.* Historia Occidentalis / Ed. J. Hinnebusch. Freiburg, 1972; *Maier C.* Crusade Propaganda and Ideology: Model Sermons for the Preaching of the Cross. Cambridge, 2000.

⁸ О государствах крестоносцев первой половины XIII века см.: *Mayer H.E.* The Crusades. P. 239—259; *Riley-Smith J.S.C.* The Feudal Nobility and the Kingdom of Jerusalem, 1174—1277. London, 1973; *Edbury P.W.* John of Ibelin and the Kingdom of Jerusalem. Woodbridge, 1997; *Cahen C.* La Syrie du Nord. P. 579—652.

⁹ О мире Айюбидов после Саладина см.: *Holt P.M.* The Age of the Crusades. P. 60—66; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 195—225; *Humphreys R.S.* From Saladin to the Mongols:

The Ayyubids of Damascus 1193—1260. Albany, 1977; *Humphreys R.S.* Ayyubids, Mamluks and the Latin East in the thirteenth century / *Mamluk Studies Review*. Vol. 2. 1998. P. 1—18; *Sivan E.* Notes sur la situation des Chrétiens à l'époque Ayyubide / *Revue de l'Histoire des Religions*. Vol. 172. 1967. P. 117—130; *Eddé A.-M.* La principauté ayyubide d'Alep (579/1183—658/1260). Stuttgart, 1999.

¹⁰ В общих чертах, во всех трех орденах существовало разделение на рыцарей, которые должны были иметь трех или даже четырех коней, сержантов, починенных рыцарям и имеющим не столь хорошую экипировку, и священнослужителей, которые заботились о духовном благосостоянии рыцарей и в боевых действиях не участвовали. В орден также можно было вступить на определенный срок, например на год. *Forey A.* The Military Orders, 1120—1312 / *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 184—216; *The Rule of the Templars* / Trans J. Upton-Ward. Woodbridge, 1992.

¹¹ *Deschamps P.* Le Crac des Chevaliers / *Les Châteaux des Croisés en Terre Sainte*. Vol. 1. Paris, 1934; *Kennedy H.* Crusader Castles. P. 98—179; *Marshall C.* Warfare in the Latin East, 1192—1291. Cambridge, 1992.

¹² *James of Vitry.* Lettres. P. 87—88; *Jacoby D.* Aspects of everyday life in Frankish Acre / *Crusades*. Vol. 4. 2005. P. 73—105; *Abulafia D.* The role of trade in Muslim-Christian contact during the Middle Ages / *Arab Influence in Medieval Europe*. Ed. D.A. Agius, R. Hitchcock. Reading, 1994. P. 1—24; *Abulafia D.* Trade and crusade, 1050—1250 / *Cross-cultural Convergences in the Crusader Period*. Ed. M. Goodich, S. Menache, S. Schein. New York, 1995. P. 1—20.

¹³ *Abulafia D.* Frederick II: A Medieval Emperor. London, 1988; *Stürmer W.* Friedrich II. 2 vols. Darmstadt, 1994—2000.

¹⁴ *James of Vitry.* Lettres. P. 102. О Пятом крестовом походе см.: *Powell J.M.* Anatomy of a Crusade. P. 51—204; *Donavan J.* Pelagius and the Fifth Crusade. Philadelphia, 1950; *Cleve T.C. Van.* The Fifth Crusade / *A History of the Crusades*. Vol. 2. Ed. K.M. Setton. Madison, 1969. P. 377—428.

¹⁵ *Oliver of Paderborn.* The Capture of Damietta / *Christian Society and the Crusades 1198—1229*. Ed. E. Peters. Trans. J.J. Gavigan. Philadelphia, 1971. P. 65, 70, 88.

¹⁶ *Mayer H.E.* The Crusades. P. 223; *Oliver of Paderborn.* P. 72; *James of Vitry.* Lettres. P. 116.

¹⁷ *James of Vitry.* Lettres. P. 118.

¹⁸ *Oliver of Paderborn.* P. 88.

¹⁹ *Powell J.M.* San Francesco d'Assisi e la Quinta Crociata: Una Missione di Pace / Schede Medievali. Vol. 4. 1983. P. 69—77; *Powell J.M.* Anatomy of a Crusade. P. 178—179.

²⁰ *Powell J.M.* Anatomy of a Crusade. P. 195—204.

²¹ *Abulafia.* Frederick II. P. 251—289; *Gabrieli F.* Frederick II and Muslim culture / East and West. 1958. P. 53—61; *Powell J.M.* Frederick II and the Muslims: The Makings of a Historiographical Tradition / Iberia and the Mediterranean World of the Middle Ages. Ed. L.J. Simon. Leiden, 1995. P. 261—269.

²² *Abulafia.* Frederick II. P. 148—201; *Cleve T.C. Van.* The Crusade of Frederick II / A History of the Crusades. Vol. 2. Ed. K.M. Setton. Madison, 1969. P. 429—462; *Hiestand R.* Friedrich II und der Kreuzzug / Friedrich II: Tagung des Deutschen Historischen Instituts in Rom im Gedenkjahr 1994. Ed. A. Esch and N. Kamp. Tübingen, 1996. P. 128—149; *Ross L.* Frederick II: Tyrant or benefactor of the Latin East? / Al-Masaq. Vol. 15. 2003. P. 149—159.

²³ *Kluger H.* Hochmeister Hermann von Salza und Kaiser Friedrich II. Marburg, 1987.

²⁴ *Ibn Wasil.* Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. London, 1969. P. 270. Sibt ibn al-Jauzi (с. 273—275) описал взрыв горя так: «Новость о потере Иерусалима дошла до Дамаска — катастрофа постигла земли ислама. Это была такая великая трагедия, что были устроены публичные траурные церемонии». *Roger of Wendover.* Flores Historiarum / Ed. H.G. Hewlett. 3 vols. Rolls Series 84. London, 1887. Vol. 2. P. 368.

²⁵ *Matthew Paris.* Chronica Majora / Ed. H.R. Luard. 7 vols. Rolls Series 57. London, 1872—1883. Vol. 3. P. 179—180. Об аутентичности этого письма см.: *Powell J.M.* Patriarch Gerold and Frederick Barbarossa: The Matthew Paris letter / Journal of Medieval History. Vol. 25. 1999. P. 19—26. *Philip of Novara.* Mémoires / Ed. C. Kohler. Paris, 1913. P. 25; *Weiler B.* Frederick II, Gregory IX and the liberation of the Holy Land, 1230—1239 / Studies in Church History. Vol. 36. 2000. P. 192—206.

²⁶ Короли династии Гогенштауфенов признавались номинально отсутствующими до 1268 года. *Lower M.* The Barons' Crusade: A Call to Arms and its Consequences. Philadelphia, 2005; *Jackson P.* The crusades of 1239—1241 and their aftermath / Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 50. 1987. P. 32—60.

²⁷ *Rothelin Continuation.* Continuation de Guillaume de Tyr de 1229 à 1261, dite du manuscrit de Rothelin / RHC Occ. II. P. 563—564.

²⁸ *Rothelin Continuation.* P. 565.

²⁹ *Matthew Paris*. *Chronica Majora*. Vol. 4. P. 397. О судьбе Людовика IX и Крестовом походе см.: *Richard J.* Saint Louis: Crusader King of France / Trans. J. Birrell. Cambridge, 1992; *Jordan W.C.* Louis IX and the Challenge of the Crusade: A Study in Rulership. Princeton, 1979; *Strayer J.* The Crusades of Louis IX / A History of the Crusades. Vol. 2. Ed. K.M. Setton. Madison, 1969. P. 487—518; *Cahen C.* St Louis et l'islam / *Journal Asiatique*. Vol. 258. 1970. P. 3—12. О набожности Людовика см.: *Labande E.R.* Saint Louis pelerine / *Revue d'Histoire de l'Église de France*. Vol. 57. 1971. P. 5—18.

³⁰ *John of Joinville*. *Vie de Saint Louis* / Ed. J. Monfrin. Paris, 1995. Этот текст доступен в английском переводе: *Chronicles of the Crusades: Joinville and Villehardouin* / Trans. C. Smith. London, 2008. См. также: *Smith C.* *Crusading in the Age of Joinville*. Aldershot, 2006. Замечательная и очень богатая коллекция дополнительных западных и арабских первоисточников приводится в переводе: *The Seventh Crusade, 1244—1254: Sources and Documents* / Trans. P. Jackson. Aldershot, 2007. См. также: *Eddé A.-M.* Saint Louis et la Septième Croisade vue par les auteurs arabes / *Croisades et idée de croisade à la fin du Moyen Âge, Cahiers de Recherches Médiévales (XIIIe—XVe s)*. Vol. 1. 1996. P. 65—92.

³¹ *Jordan*. Louis IX and the Challenge of the Crusade. P. 65—104.

³² *John of Joinville*. P. 62; *Pryor J.H.* The transportation of horses by sea during the era of the Crusades / *Commerce, Shipping and Naval Warfare in the Medieval Mediterranean*. Ed. J.H. Pryor. London, 1987. P. 9—27, 103—125.

³³ *John of Joinville*. P. 72.

³⁴ *Ibid.* P. 72—76.

³⁵ *Matthew Paris*. *Chronica Majora*. Vol. 6: *Addimenta*. P. 158; *Continuation R.* P. 590; *John of Joinville*. P. 78; *Six lettres aux croisades* / *Archives de l'Orient Latin*. Vol. 1. Ed. P. Riant. 1881. P. 389.

³⁶ *Humphreys*. *From Saladin to the Mongols*. P. 239—307.

³⁷ *Al-Mulk N.* *The Book of Government or Rules for Kings* / Trans. H. Darke. London, 1960. P. 121; *Ibn Wasil*. *The Seventh Crusade* / Trans. P. Jackson. P. 134; *Ayala D.* Le régiment Bahriyya dans l'armée mamelouke / *Revue des Études Islamiques*. Vol. 19. 1951. P. 133—141; *Humphreys R.S.* The emergence of the Mamluk army / *Studia Islamica*. Vol. 45. 1977. P. 67—99.

³⁸ *John of Joinville*. P. 90; *Ibn Wasil*. *The Seventh Crusade* / Trans. P. Jackson. Aldershot, 2007. P. 141.

³⁹ *Rothelin Continuation*. P. 596; *Ibn Wasil*. *The Seventh Crusade*. P. 133—140; *Historiae Francorum Scriptorum ad Ipsius Gentis Origine* / Ed. A. du Chesne. Vol. 5. Paris, 1649. P. 428.

⁴⁰ *Rothelin Continuation*. P. 600; *Matthew Paris*. *Chronica Majora*. Vol. 6: *Additamenta*. P. 195; *John of Joinville*. P. 100—102.

⁴¹ *Rothelin Continuation*. P. 602.

⁴² *Ibid.* P. 603—604.

⁴³ *Rothelin Continuation*. P. 604—605; *Ibn Wasil*. *The Seventh Crusade*. P. 144.

⁴⁴ *Rothelin Continuation*. P. 606; *John of Joinville*. P. 110, 116.

⁴⁵ *Rothelin Continuation*. P. 608; *John of Joinville*. P. 142—144.

⁴⁶ *John of Joinville*. P. 144, 150; *Rothelin Continuation*. P. 609.

⁴⁷ *Rothelin Continuation*. P. 610. Представляется возможным, что в эти мрачные дни король Людовик IX отошел от рационального принятия решений и вместо этого обратился к Богу, моля о чуде. Такое обстоятельство вовсе не является немыслимым в контексте Крестовых походов. Но, учитывая позицию Людовика относительно необходимости соблюдения равновесия между помощью свыше и практической человеческой ответственностью, маловероятно, что он мог просто положиться на сверхъестественное вмешательство.

⁴⁸ *Ibn al-Jauzi S*. *The Seventh Crusade* / Trans. P. Jackson. Aldershot, 2007. P. 159; *John of Joinville*. P. 150.

⁴⁹ *Matthew Paris*. *Chronica Majora*. Vol. 6: *Additamenta*. P. 195; *John of Joinville*. P. 156—158.

⁵⁰ *Ibn al-Jauzi S*. *The Seventh Crusade*. P. 160; *John of Joinville*. P. 166.

⁵¹ *Historiae Francorum Scriptores ad Ipsius Gentis Origine*. P. 429.

Часть пятая

ПОБЕДА НА ВОСТОКЕ

¹ *Ayalon D*. *Le phénomène mamelouk dans l'orient Islamique*. Paris, 1996; *Amitai-Preiss R*. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-IIkanid War, 1260—1281*. Cambridge, 1995. Классическое исследование карьеры Бейбарса представлено в: *Thorau P*. *The Lion of Egypt: Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century* / Trans. P.M. Holt. London, 1992. См. также: *Khowaiter A.A*. *Baybars the First*. London, 1978. Перевод отрывков из биографии Бейбарса *Ibn 'Abd al-Zahir* см.: *Sadaque S.F*. *The Slave King: Baybars I of Egypt*. Дacca, 1956. *Little D.P*. *An Introduction to Mamluk Historiography*. Montreal, 1970; *Holt P.M*. *Three biographies of al-Zahir Baybars* / *Medieval Historical Writing in the Christian Worlds*. Ed. D. Morgan. London, 1982. P. 19—29; *Holt P.M*. *Some observations on Shafi b. ibn Ali's biography of Baybars* / *Journal of Semitic Studies*. Vol. 29. 1984. P. 123—130; *Koch Y*. *Izz al-Din ibn Shaddad and his biography of*

Baybars / *Annali dell'Istituto Universitario Orientale*. Vol. 43. 1983. P. 249—287.

² *Morgan D.* The Mongols. 2nd edn. Oxford, 2007; *Roux J.-P.* Genghis Khan and the Mongol Empire. London, 2003; *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221—1410. Harlow, 2005; *Richard J.* La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge. Rome, 1977; *Ryan J.D.* Christian wives of Mongol khans: Tartar queens and missionary expectations in Asia, *Journal of the Royal Asiatic Society*. 3rd series. Vol. 8.3. 1998. P. 411—421; *Jackson P.* Medieval Christendom's encounter with the alien / *Historical Research*. Vol. 74. 2001. P. 347—369.

³ *Morgan D.* The Mongols in Syria, 1260—1300 / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 231—235.

⁴ *Jackson P.* The crisis in the Holy Land in 1260 / *English Historical Review*. Vol. 95. 1980. P. 481—513; *Amitai-Preiss.* Mongols and Mamluks. P. 26—48; *Smith J.M.* Ayn Jalut: Mamluk success or Mongol failure / *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 44. 1984. P. 307—347; *Thorau P.* The battle of Ayn Jalut: A re-examination / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 236—241.

⁵ *Thorau P.* The Lion of Egypt. P. 75—88.

⁶ *Ibid.* P. 91—119.

⁷ *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 225—246; *Little D.P.* Jerusalem under the Ayyubids and Mamluks 1197—1516 ad / *Jerusalem in History*. Ed. K.J. Asali. London, 1989. P. 177—200.

⁸ *Thorau P.* The Lion of Egypt. P. 103—105.

⁹ *Holt P.M.* The treaties of the early Mamluk sultans with the Frankish states / *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 43. 1980. P. 67—76; *Holt P.M.* Mamluk-Frankish diplomatic relations in the reign of Baybars / *Nottingham Medieval Studies*. Vol. 32. 1988. P. 180—195; *Holt P.M.* Early Mamluk Diplomacy. Leiden, 1995.

¹⁰ *Ayalon D.* Aspects of the Mamluk phenomenon: Ayyubids, Kurds and Turks / *Der Islam*. Vol. 54. 1977. P. 1—32; *Ayalon D.* Notes on Furusiyya exercises and games in the Mamluk sultanate / *Scripta Hierosolymitana*. Vol. 9. 1961. P. 31—62; *Rabie H.* The training of the Mamluk Faris / *War, Technology and Society in the Middle East*. Ed. V.J. Parry, M.E. Yapp. London, 1975. P. 153—163.

¹¹ Султан также пытался, но не преуспел создать кавалерию на слонах. Была сделана попытка построить флот — присутствие ислама на Средиземном море после Третьего крестового похода было сведено к минимуму. Но вероятнее всего, его корабли были плохо спроектированы, поскольку почти все затонули во время атаки на Кипр.

¹² *Thorau P.* The Lion of Egypt. P. 168.

¹³ *Les Gestes des Chiprois / Recueil des historiens des croisades, Documents arméniens. Vol. 2. Ed. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1906. P. 766. Этот текст переведен в: The «Templar of Tyre». Part III of the «Deeds of the Cypriots» / Trans. P. Crawford. Aldershot, 2003.*

¹⁴ *Ibn 'Abd al-Zahir. Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. London, 1969. P. 310—312.*

¹⁵ *William of Saint-Parthus. Vie de St Louis / Ed. H.-F. Delaborde. Paris, 1899. P. 153—155.*

¹⁶ *Ibn al-Furat, Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. London, 1969. P. 319.*

¹⁷ *Lloyd S. The Lord Edward's Crusade, 1270—1272 / War and Government: Essays in Honour of J.O. Prestwich. Ed. J. Gillingham, J.C. Holt. Woodbridge, 1984. P. 120—133; Tyerman C.J. England and the Crusades. P. 124—132.*

¹⁸ *Thorau P. The Lion of Egypt. P. 225—229, 235—243.*

¹⁹ *Northrup L. From Slave to Sultan: The Career of al-Mansur Qalawun and the Consolidation of Mamluk Rule in Egypt and Syria (678—689 a.h./1279—1290 a.d.). Stuttgart, 1998; Holt P.M. The presentation of Qalawun by Shafi' b. ibn 'Ali / The Islamic World from Classical to Modern Times. Ed. C.E. Bosworth, C. Issawi, R. Savory, A.L. Udovitch. Princeton, 1989. P. 141—150.*

²⁰ *Amitai-Preiss. Mongols and Mamluks. P. 179—201.*

²¹ *Richard J. The Crusades. P. 434—441; Holt P.M. Qalawun's treaty with the Latin kingdom (682/1283): negotiation and abrogation / Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Ed. U. Vermeulen, D. de Smet. Leiden, 1995. P. 325—334.*

²² *Fida A. Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. London, 1969. P. 342; Irwin R. The Mamluk conquest of the county of Tripoli / Crusade and Settlement. Ed. Edbury P.W. Cardiff, 1985. P. 246—250.*

²³ *Richard J. The Crusades. P. 463—464.*

²⁴ *Fida A. Arab Historians of the Crusades. P. 344—345; Les Gestes des Chiprois. P. 811; Little D.P. The fall of 'Akka in 690/1291: the Muslim version / Studies in Islamic History and Civilisation in Honour of Professor David Ayalon. Ed. M. Sharon. Jerusalem, 1986. P. 159—182.*

²⁵ *I-Mahasin A. Arab Historians of the Crusades / Trans. F. Gabrieli. London, 1969. P. 347; Les Gestes des Chiprois. P. 812, 814; Fida A. Arab Historians of the Crusades. P. 346.*

²⁶ *I-Mahasin A. Arab Historians of the Crusades. P. 349; Les Gestes des Chiprois. P. 816; Cartulaire général de l'ordre des Hospitaliers 1100—1310. Vol. 3 / Ed. J. Delaville le Roulx. Paris, 1899. P. 593; Fida A. Arab Historians of the Crusades. P. 346.*

З а к л ю ч е н и е

НАСЛЕДИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

¹ *Barber M.* The Trial of the Templars. Cambridge, 1978; *Housley N.* The Crusading Movement, 1274—1700 / The Oxford Illustrated History of the Crusades. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 260—293; *Housley N.* The Later Crusades. Oxford, 1992.

² *Siberry E.* Criticism of Crusading, 1095—1274. Oxford, 1985. Историкам еще предстоит решить, были или нет крестовые войны более жестокими по сравнению с другими конфликтами того времени. В этом вопросе необходимы дополнительные исследования.

³ Более или менее читаемую попытку поместить крестовые войны в рамки более широкого контекста христианских и мусульманских отношений можно найти в книге: *Fletcher R.* The Cross and the Crescent. London, 2003.

⁴ *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 257—429; *Housley N.* Contesting the Crusades. P. 144—166; *Tyerman C.J.* Fighting for Christendom: Holy War and the Crusades. Oxford, 2004. P. 79—92, 155—170.

⁵ *Tyerman C.J.* What the crusades meant to Europe / The Medieval World. Ed. P. Linehan, J.L. Nelson. London, 2001. P. 131—145; *Tyerman C.J.* Fighting for Christendom. P. 145—154.

⁶ *Riley-Smith J.S.C.* Islam and the crusades in history and imagination, 8 November 1898 — 11 September 2001 / Crusades. Vol. 2. 2003. P. 166.

⁷ *Constable.* The Historiography of the Crusades. P. 6—8; *Tyerman C.J.* The Invention of the Crusades. P. 99—118.

⁸ *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 589—600; *Irwin R.* Islam and the Crusades, 1096—1699 / The Oxford Illustrated History of the Crusades. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 217—259.

⁹ *Siberry E.* Images of the crusades in the nineteenth and twentieth centuries / The Oxford Illustrated History of the Crusades. Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 365—385; *Siberry E.* The New Crusaders: Images of the Crusades in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Aldershot, 2000; *Siberry E.* Nineteenth-century perspectives on the First Crusade / The Experience of Crusading, 1. Western Approaches. Ed. M.G. Bull, N. Housley. Cambridge, 2003. P. 281—293; *Irwin R.* Saladin and the Third Crusade: A case study in historiography and the historical novel / Companion to historiography. Ed. M. Bentley. London, 1997. P. 139—152; *Jubb M.* The Legend of Saladin in Western Literature and Historiography. Lewiston, 2000.

¹⁰ *Riley-Smith J.S.C.* Islam and the crusades in history and imagination. P. 155—156. Желание установить связь со средневековым прошлым нашло оригинальное выражение в Версале — за пределами Парижа. Король Франции Луи-Филипп выделил пять комнат — залов Крестовых походов — Версальского дворца для монументальных картин, изображающих памятные сцены этой эпохи. Французской знати, потомкам крестоносцам, было разрешено вывесить в этих залах свои гербы, и к моменту их открытия в 1840 году там находилось 316 разных символических изображений. Немедленно поднялась волна протестов других наследников, и залы были почти сразу закрыты. В течение следующих трех лет туда помещались экспонаты других аристократических родов. В результате началась активная торговля поддельными документами, подтверждающими крестовосную родословную, которые поставлял некто Эжен-Генри Куртуа (Eugène-Henri Courtois). Подделки не были обнаружены до 1956 года.

¹¹ *Siberry E.* Images of the crusades in the nineteenth and twentieth centuries. P. 366—368, 379—381; *Riley-Smith J.S.C.* Islam and the crusades in history and imagination. P. 151—152; *Richard J.* National feeling and the legacy of the crusades / *Palgrave Advances in the Crusades*. Ed. H. Nicholson. Basingstoke, 2005. P. 204—222.

¹² *Siberry E.* Images of the crusades in the nineteenth and twentieth centuries. P. 382—385.

¹³ *Sivan E.* Modern Arab Historiography of the Crusades / *Asian and African Studies*. Vol. 8. 1972. P. 112; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 590—592; *Riley-Smith J.S.C.* Islam and the crusades in history and imagination. P. 155.

¹⁴ *Sivan E.* Modern Arab Historiography of the Crusades. P. 112—113.

¹⁵ *Lewis B.* License to Kill: Usama bin Ladin's Declaration of Jihad / *Foreign Affairs*. November/December 1998. P. 14.

¹⁶ *Sivan E.* Modern Arab Historiography of the Crusades. P. 114; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 592—600.

¹⁷ *Karsh E.* Islamic Imperialism. London, 2006. P. 134—135; *Bhatia U.* Forgetting Osama bin Munqidh, Remembering Osama bin Laden: The Crusades in Modern Muslim Memory. Singapore, 2008. P. 39—40, 53.

¹⁸ *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 600—602; *Bhatia U.* Forgetting Osama bin Munqidh, Remembering Osama bin Laden. P. 23, 52—53.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я очень благодарен всем тем, кто помогал мне в течение шести лет исследований и написания этой книги. Мои коллеги-историки в Университете королевы Марии оказывали мне всемерную поддержку, и я особо отмечу Вирджинию Дэвис, Джулиана Джексона, Питера Хеннесси, Мири Рубин, Питера Денли, Йосси Рапопорт, Дэна Тодмена и Элис Остин. Мои студенты также служили для меня источником вдохновения.

Питер Эдбери был настолько любезен, что прочитал первый вариант этой книги (когда она была значительно длиннее, чем сейчас). Большую пользу мне принесло дружеское отношение и помощь Сью Эджингтон и Уильяма Перкиса. Эндрю Гордон и Джон Сэддлер помогли мне сформировать первую концепцию этой книги, а терпение и одобрение Майка Джонса из Simon & Shuster и Дэна Харперна и Мэтта Уэйланда из Ессо позволили мне завершить этот проект. Острый глаз Сью Филпотс позволил существенно улучшить текст, и я особенно признателен Кэтрин Стэнтон за ее разумные редакторские замечания и тщательность, с которой она готовила эту книгу к изданию. Мои агенты Питер Робинсон и Джордж Лукас неизменно были источниками поддержки и советов. Многочисленные беседы о мире Крестовых походов с Тони То, Доном Макферсоном и Кэрио Салерн, которыми я искренне наслаждался, помогли мне понять необходимость излагать события то с точки зрения мусульман, то с точки зрения христиан.

Благодарности

Я от всего сердца благодарю всех, кто был рядом со мной все эти годы, — Джеймса Эллисона, лучшего из друзей и коллег, Джона Харди, друга на все времена, Стива Джонса и Стюарта Уэббера, которые никогда не спрашивали, как продвигается работа над книгой, Роберта и Марию Орам, Симона Брэдли, Энтони Скотта, Дэниела Ричардса, Джули Джонс и Лиззи Уэббер за их безотказную помощь. И я глубоко признателен моей семье и благодарю Пер Эсбридж, Камиллу Смит, Джейн Кэмпбелл, Маргарет Уильямс и Крейга Кэмпбелла. Мои родители, как всегда, были бесконечно добры, и без них написать эту книгу было бы почти невозможно. Главные люди в моей жизни, Кристин и Элла, моя жена и дочь, всегда были рядом и поддерживали меня. Их терпение и любовь помогали мне, как ничто другое. Они заслужили мою самую глубокую и искреннюю признательность.

Томас Эсбридж

*Сентябрь 2009 года,
Западный Суссекс*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение.</i> Мир Крестовых походов	7
Средневековая Европа	10
Мусульманский мир.....	24

Часть первая

НАЧАЛО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

<i>Глава 1.</i> Священная война, Святая земля	37
Папа Урбан и идея крестоносного движения.....	37
Византия	52
Через Малую Азию	60
<i>Глава 2.</i> Сирийские испытания	65
Война на истощение	70
Предательство.....	74
Осажденные.....	77
Задержка и раздробление сил.....	85
<i>Глава 3.</i> Святой город.....	91
В небесах и на земле.....	92
Штурм Иерусалима.....	98
Последствия	104
В памяти и воображении	109
<i>Глава 4.</i> Создание государств крестоносцев.....	115
Защитник Святого города.....	116
Королевство Господа	118
Латинская Сирия в кризисе 1101—1108 годов.....	137
Править на Святой земле	145
Правитель Утремера (1113—1118)	153
<i>Глава 5.</i> Утремер	162
Кровавое поле	163
Противостоять несчастьям	166

Общество крестоносцев?	174
Занги — тиран Востока.....	190
<i>Глава 6. Возрождение крестоносного движения.....</i>	<i>196</i>
Крестоносное движение начала XII века.....	196
Начало Второго крестового похода.....	200
Проповедник святой Бернар Клервоский и Второй крестовый поход	205
Развитие идеала.....	210
Работа королей.....	213
На пути к Святой земле.....	216

Часть вторая
ОТВЕТ ИСЛАМА

<i>Глава 7. Мусульманское возрождение.....</i>	<i>221</i>
Занги — воинствующий защитник ислама.....	221
Противостояние мусульман Крестовому походу.....	228
<i>Глава 8. Светоч веры.....</i>	<i>233</i>
Битва при Инабе.....	235
Путь в Дамаск.....	240
Сложные задачи.....	246
Испытание и триумф.....	252
Мечта об Иерусалиме.....	256
<i>Глава 9. Богатства Египта.....</i>	<i>259</i>
Средневековый Египет.....	260
Новый театр военных действий.....	262
Саладин, властелин Египта (1169—1174).....	269
Помощник или командир.....	273
<i>Глава 10. Наследник узурпатора.....</i>	<i>279</i>
Герой для ислама.....	280
По следу Нур ад-Дина.....	282
Государство Саладина.....	290
Прокаженный король.....	293
Столкновение.....	300
<i>Глава 11. Султан ислама.....</i>	<i>309</i>
Стремление к господству.....	310
Война против франков.....	316
Трансформация.....	326
<i>Глава 12. Солдат священной войны.....</i>	<i>330</i>
Ислам объединен?.....	331
Королевство гибнет.....	334
Рога Хаттина.....	336
Падение креста.....	345

Часть третья
ИСПЫТАНИЕ ВОИНОВ

<i>Глава 13.</i> Призыв к Крестовому походу.....	357
Проповедь Третьего крестового похода.....	358
Львиное Сердце.....	364
Принятие креста.....	370
Задержки в Англии и Франции.....	372
Подготовка. Финансы и логистика.....	375
На Святую землю.....	378
<i>Глава 14.</i> Вызов завоевателю.....	380
После победы.....	381
Великая осада Акры.....	387
Военные действия.....	402
Тупик.....	412
<i>Глава 15.</i> Прибытие королей.....	417
Путешествие на Святую землю.....	418
Влияние королей.....	419
Судьба Акры.....	428
Единственный король.....	435
Хладнокровие.....	439
<i>Глава 16.</i> Львиное Сердце.....	444
Звездный час.....	446
Битва при Арсуфе.....	454
<i>Глава 17.</i> Иерусалим.....	463
Решения и хитрости.....	464
Взять Святой город.....	474
Перегруппировка сил.....	478
Кризис и преобразование.....	480
<i>Глава 18.</i> Решение.....	483
Стратегия Айюбидов в начале 1192 года.....	484
Второе наступление крестоносцев на Иерусалим.....	487
Конец игры.....	495
Итоги Третьего крестового похода.....	499

Часть четвертая
БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

<i>Глава 19.</i> Восстановление сил.....	503
Изменения на латинском Западе.....	503
Папа Иннокентий III.....	505
Четвертый крестовый поход.....	511
Контролировать огонь.....	517
Утремер в XIII веке.....	520

Содержание

<i>Глава 20. Новые пути</i>	535
Пятый крестовый поход	536
Крестовый поход Фридриха II	547
Новый горизонт	557
<i>Глава 21. Святой на войне</i>	562
Король Франции Людовик IX	563
Подготовка к войне	565
Штурм Нила	570
Упадок Айюбидов	574
Покорить Египет	577
Между победой и поражением	584
Кающийся король	590

Часть пятая

ПОБЕДА НА ВОСТОКЕ

<i>Глава 22. Лев Египта</i>	595
Новые силы на Ближнем Востоке	596
Бейбарс и мамлюкский султанат	605
Война против франков	615
<i>Глава 23. Вернуть Святую землю</i>	622
Второй Крестовый поход короля Людовика	623
Петля затягивается	625
Испытания и победы	632
1291 год — осада Акры	635
<i>Заключение. Наследие Крестовых походов</i>	641
Причины и следствия	642
Последствия в средневековом мире	648
Длинная тень	653
Крестовые походы в истории	665
Хронология	667
Примечания	670
Благодарности	728

Научно-популярное издание

Эсбридж Томас

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Войны Средневековья за Святую землю

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *В.М. Романова*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 18.04.2013.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 41,95.
Тираж 2 500 экз. Заказ № 8487.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

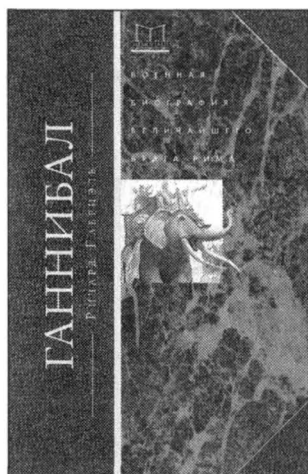
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

РИЧАРД А. ГАБРИЭЛЬ

ГАННИБАЛ

ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ
ВЕЛИЧАЙШЕГО ВРАГА РИМА

Ричард А. Габриэль — известный военный историк — посвятил свое исследование Ганнибалу (247—183 гг. до н. э.) — великому полководцу Античности.

На основе сведений, почерпнутых из римских источников, автор воссоздает историю становления характера великого полководца, превосходного стратега, тактика и самого сильного врага Рима. Автор дает подробное описание структуры и особенностей армии Ганнибала, анализирует ход его сражений, победы и поражения.

Книга снабжена картами, хронологической таблицей и подробными примечаниями.

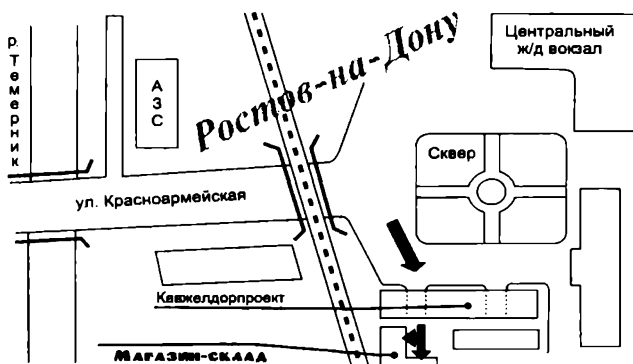
Переплет, формат 130×206 мм, объем 320 с.

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф»

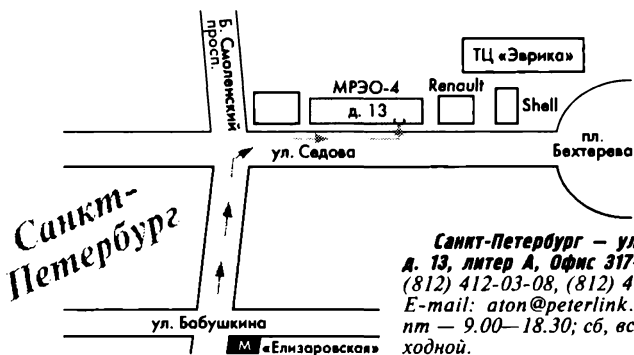

Москва — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел — тел. (495) 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН»

Санкт-Петербург — ул. Седова, д. 13, литер А, Офис 317-А, тел.: (812) 412-03-08, (812) 412-79-13. E-mail: aton@peterlink.ru. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной.

ISBN 978-5-227-04474-7

9 785227 044747

ЦЕНТРОЛИГРАФ®